

У(с)87
Б 912

Э. Н. БУРДЖАЛОВ

**ВТОРАЯ РУССКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ**

8 МАССОВОЙ РАБОЧЕЙ ДЕЛ

607971

НА ЭТОМ
НЕ РАБОТАЕТСЯ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

**НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОБЛЕМЕ «ИСТОРИЯ
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»**

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА**

Э. Н. БУРДЖАЛОВ

ВТОРАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ВОССТАНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1967

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1913 г. царствовавшая в России династия Романовых праздновала 300-летие своего существования. Устраивались торжественные собрания и молебствия, произносились речи и проповеди, писались книги и статьи... А через четыре года могучий вихрь революции смел с лица земли и романовскую династию, и весь самодержавный строй. Уничтожив царизм, революция устремилась вперед, к новому, социалистическому этапу.

В первое время, когда дальнейшее развитие русской революции не вполне обозначилось, буржуазные газеты называли ее сказочным сном, «христовым воскресением», светлым праздником. Они отмечали, что сотворение русской свободы произошло «как сотворение мира». Чудо! — писала русская печать. Чудо! — доносилось эхо из-за границы. Но в русской революции не было ничего сверхъестественного; ее победа была следствием совершенно реальных причин.

Можно ли было устранить эти причины, иными словами, можно ли было предотвратить гибель царизма? Этот вопрос стоял, да и сейчас стоит в центре внимания буржуазной мемуарной и исторической литературы, посвященной революции.

Размышляя на досуге над своими судьбами, деятели буржуазно-помещичьего лагеря России обвиняли друг друга в содействии революции. Открытые реакционеры утверждали, что устом самодержавия подрывала Государственная дума: будь она сговорчивее, победы революции можно было избежать. Буржуазные либералы, наоборот, считали, что во всем было виновато само царское правительство, — повело бы оно более гибкую политику, пошло бы на уступки Думе, все обошлось бы мирно, без потрясений. Одни заявляли, что виноваты Милюков и Родзянко, другие винили во всем Распутина и царицу, третьи возлагали ответственность за крах самодержавия на Протопопова. «Этот переворот, — говорил А. Гучков на собрании военно-промышленных организаций 8 марта 1917 г., — был подготовлен не теми, кто его сделал,

а теми, против которых он был направлен. Заговорщиками были не мы, русское общество и русский народ, заговорщиками были представители самой власти... Почетным членом нашей революции мы могли бы избрать Протопопова»¹.

Утверждение, что царская династия погубила себя сама, что причиной революции явилась близорукая политика самодержавия или преступные действия ее отдельных представителей, перекочевало со страниц эмигрантской литературы в труды и мемуары зарубежных буржуазных историков, политиков, публицистов. «Заговорщиками, свергнувшими царизм, — писал Д. Ллойд Джордж, — были, в сущности говоря, царица и Распутин; помощь в свержении царизма им оказали неспособные министры, которых сами выдвигали и которым оказывали поддержку царица и Распутин. Царь, сам того не сознавая, был главою заговора... Существовала корона, но без головы»².

Е. Уолш утверждает, что если бы не болезнь наследника, не мистицизм императрицы, не пагубное влияние Распутина, «Россия могла бы избежать бедствий, которые обрушились на нее». История крушения русской монархии, — пишет он, — это «рассказ о триумфе глупости и наказания, которым она заплатила за это историческое сумасшествие». Дж. Мейвор указывает, что если бы деспот не был слабым, царизм, может быть, не пал бы. В. Пейрс заявляет, что если бы не плохие министры, не слабый характер Николая II и т. п., то «все могло бы и обойтись»³.

Конечно, политика отдельных лиц, а тем более действия общественных групп и целых классов оказывают большое влияние на исторический процесс, тормозя или ускоряя его. В условиях самодержавного строя для судеб монархии не могла не иметь значения и личность самого монарха. Николая II постигла участь английского короля Карла I и французского короля Людовика XVI. Как и они, последний русский царь был человеком жестоким и равнодушным, упрямым и недалеким, пассивным и слабовольным. Он был окружен тупыми реакционерами, а в последние годы существования империи вверял ее судьбы своей истеричной супруге, проходивцу Распутину и не вполне нормальному Протопопову. Действия царского правительства и политика придворной клики способствовали изоляции самодержавия, ускоряли его гибель, но и всякие иные действия, всякая иная политика не могли спасти царизм. Оставаясь диктатурой крепостников-помещиков, царизм не мог удержаться у власти. Ни отдельные личности и группы, ни даже целые классы не могли

¹ «Речь», 9 марта 1917 г.

² Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. III. М., 1935, стр. 373—374.

³ Цит. по ст.: Г. Иоффе. Англо-американская буржуазная историография о Февральской революции в России. — «Исторические записки», т. 78, стр. 10.

предотвратить его свержения, — весь ход исторических событий вел к тому.

Это не значит, что самодержавие было фатально обречено и рухнуло само по себе. Буржуазные историки и публицисты обычно пишут о падении царской монархии, о крушении, о самоубийстве царизма. П. Миллюков в своих воспоминаниях писал «о самоликвидации старой власти». Р. Броудер и А. Керенский в предисловии к сборнику документов «Русское Временное правительство» указывают, что русская революция наступила скорее как результат полного банкротства царизма, чем вследствие радикальной идеологии или народного восстания⁴. Полное банкротство царизма было действительно налицо, но царизм не сам пал, не тихо и мирно скончался от старческого маразма и дряхлости, он был свергнут восставшим народом; его сбросили в пропасть русские рабочие, активно поддержанные крестьянами, одетыми в солдатские шинели.

Русскому царизму и раньше наносились сильные удары: в России разрывались мощные крестьянские восстания, против самодержавия выступали декабристы и разночинцы-народники. Здание русского царизма шаталось, давало трещины, но держалось. Смертельная угроза нависла над царизмом лишь тогда, когда на сцену выступил самый передовой класс современного общества — пролетариат. Боевая марксистская партия рабочего класса — партия большевиков, руководимая Лениным, повела пролетариат и всех трудящихся России на штурм самодержавия, чтобы, решив эту ближайшую насущную задачу, взяться за осуществление своей конечной цели — построение социализма.

В начале XX в. Россия пережила эпоху бурь и потрясений, эпоху трех революций. В 1905 году произошло первое сражение рабочих и крестьян против царизма. Самодержавию удалось тогда удержаться на краю пропасти и получить передышку. Но передышка была недолгой. За первым натиском последовал второй: в феврале 1917 года в России произошла новая революция. Рабочие и солдаты свергли царизм, проложив путь к социалистической революции.

К сожалению, это большое историческое событие нашло слабое отражение в нашей литературе. Правда, в 20-х годах советские историки создали ряд серьезных исследований по истории второй русской революции. Но в последующие годы научная разработка этой истории почти совершенно прекратилась. В общих работах по истории СССР Февральской революции 1917 года отводилось незначительное место. Борьба рабочего класса и большевистской партии против царизма в февральско-мартовские дни 1917 года, действия других классов и партий в революции, сложный и про-

⁴ R. Browder and A. Kerensky ed. The Russian Provisional Government, 1917. Documents, vol. 1, Stanford, 1961, p. 21.

тиворечивый характер развернувшихся тогда событий, — эти, как и многие другие, вопросы истории второй русской революции не получали широкого и глубокого освещения. Интерес к разработке истории этой революции возрос лишь в последнее время⁵.

В историко-партийной литературе, со времени выхода Краткого курса истории ВКП(б), значение Февральской революции недооценивалось, а сами события этих дней рассматривались как придаток к империалистической войне в одной теме «Партия большевиков в годы империалистической войны. Вторая революция в России»⁶.

В учебниках по истории СССР для вузов Февральская революция выделена в отдельную главу, но вслед за ней следует глава «Русская культура и культура народов России в эпоху империализма», и только в следующем томе освещаются события, следовавшие за победой Февральской революции. При таком наложении событий едва ли можно правильно раскрыть процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Именно февраль 1917 г. явился начальным этапом этого процесса.

Прошлое Февральской революции — 1905 год, будущее — Октябрь 1917 г. Вторая русская революция продолжила дело первой и, развернувшись на гораздо более широкой основе, подготовила самый крупный переворот в истории России и всего человечества. В. И. Ленин назвал этот переворот третьей русской революцией и в день ее победы — 25 октября 1917 года — выразил уверенность в том, что в конечном итоге эта революция приведет к победе социализма.

Так устанавливается связь трех русских революций, дающая возможность ярче и всестороннее показать славный путь трудящихся России к социализму, глубже осветить их исторический опыт и раскрыть международное значение их победы. Работа автора посвящена второй русской революции, когда на политической арене выступали те же силы, что и в 1905 г., но в расстановке этих сил произошли существенные изменения. С победой над царизмом открылись перспективы перехода к социалистической революции в России и по существу начался такой переход.

⁵ Е. Д. Черменский. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года в России. М., 1959; И. П. Лейберов. Петроградский пролетариат в борьбе за победу Февральской революции. — «История СССР», 1957, № 1; он же. О революционных выступлениях петроградского пролетариата в годы первой мировой войны и Февральской революции. — «Вопросы истории», 1964, № 2.

⁶ Только авторы недавно вышедшего второго тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (М., 1966) посвятили Февральской революции специальную главу, дав в ней более полное и правильное освещение ее истории, чем это делалось в прежних историко-партийных работах.

Данная работа охватывает события, происшедшие примерно до середины марта 1917 г., когда во всей стране был свергнут самодержавный строй и установилось двоевластие. Это и был первый этап единого революционного процесса, приведшего к победе Великого Октября.

В работе освещаются предпосылки революции и февральско-мартовские события 1917 года в Петрограде. События того же времени в Москве, на периферии и на фронте освещаются в другой книге автора, подготавливаемой к печати. В ней же рассматривается вопрос о роли второй русской революции в истории нашей страны и всего мира и дан историографический обзор всей темы. Автор исходит из того, что это целесообразно сделать в конце исследования, после того как будет изложен конкретный ход событий.

Всякая революция является результатом глубокого кризиса, охватывающего все стороны жизни общества и с объективной необходимостью ведущего старый строй к падению. Вот почему прежде, чем приступить к изложению хода революционных событий, необходимо хотя бы в общих чертах ответить на вопрос:

Как назревал и развивался революционный кризис, приведший к свержению царской монархии?

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС

«Революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса».

В. И. Ленин.

ОТ ПЕРВОЙ КО ВТОРОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Подавив первую русскую революцию, царизм стремился предотвратить вторую. Жестоким полицейским террором при поддержке русской и международной буржуазии самодержавие хотело разгромить революционные силы. Оно намеревалось с помощью столыпинской аграрной реформы открыть новый клапан буржуазным отношениям и разрядить революционную обстановку в деревне.

В годы, последовавшие за первой революцией, капитализм получил дальнейшее развитие. Расслоение крестьянства, увеличение товарности сельского хозяйства, рост городов, оживление железнодорожного строительства и, наконец, гонка вооружений способствовали росту русской промышленности. В 1909—1913 гг. она пережила полосу нового подъема — увеличилась добыча каменного угля, выплавка чугуна, производство железа и стали. На этом основании многие буржуазные авторы утверждают, будто в эти годы Россия совершила огромный скачок в своем экономическом развитии, произошел стремительный рост русской промышленности и «трансформация» крестьян в мелких собственников. Они пишут о том, что в предвоенный период началось возрождение России, что прогресс, достигнутый ею тогда, устранил необходимость новой русской революции.

Подобные утверждения не соответствуют действительности. Помещичье землевладение и другие остатки крепостничества, не устраненные столыпинской реформой, по-прежнему сковывали экономiku России. Рост промышленности не привел к ликвидации технико-экономической отсталости России. Прогресс был незначителен. Россия и теперь была оборудована современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Герма-

нии, вдесятеро хуже Америки¹. Страна продолжала зависеть в технико-экономическом отношении от более передовых капиталистических государств. В России была слабо развита тяжелая индустрия; Россия оставалась преимущественно сельскохозяйственной страной.

Социально-экономические противоречия, вызвавшие первую русскую революцию, в условиях дальнейшего развития капитализма не только продолжали существовать, но проявлялись с еще большей силой. Передовая промышленность и отсталое землевладение, капиталистический базис и полуфеодалная надстройка, господство кучки эксплуататоров и угнетение народа — эти, как и многие другие, противоречия могли быть разрешены не сверху, не при помощи частичных реформ и половинчатых уступок, а посредством народной революции. Царизм, охранявший полукрепостнические порядки, продолжал оставаться главным препятствием на пути прогрессивного развития страны. Он сделал новый (после реформ 60-х годов XIX в.) шаг по пути превращения в буржуазную монархию, но так и не стал ею. Оставаясь диктатурой помещиков, самодержавие еще больше усилило полицейский режим в стране, жестоко подавляя всякое стремление к свободе и прогрессу.

Свергнуть царизм, ликвидировать остатки крепостничества, демократизировать политический строй — такова была первоочередная задача русской революции. Эта революция носила буржуазно-демократический характер, но, в отличие от буржуазно-демократических революций в странах Западной Европы, она произошла на поздней ступени развития капитализма, когда капитализм вступил в империалистическую стадию. Как и в других странах Европы, в России развивался монополистический капитализм. В годы, последовавшие за первой русской революцией, процесс концентрации производства и капитала усилился. Число акционерных обществ и их капиталы увеличились в несколько раз. Синдикаты заняли ведущее место в черной и цветной металлургии, в топливной, машиностроительной и других отраслях тяжелой индустрии и некоторых отраслях легкой промышленности. Банки все глубже проникали в производство, ставя в зависимость от себя все больше промышленных предприятий.

На технико-экономической базе отсталой России империализм не мог достигнуть такого развития, какого он достиг в странах Западной Европы. Основные черты современного империализма проявились и в России, но проявились не в полной мере. Рабочие России сосредотачивались на крупных предприятиях больше, чем в других капиталистических странах, но технический уровень этих предприятий был ниже, чем в передовых странах. Трестирование промышленности не получило в России широкого развития,

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 360.

вывоз русского капитала в колонии не принял больших размеров. Россия сама являлась объектом вывоза капитала английского, французского, немецкого, бельгийского и др. Иностраный капитал занимал важные позиции в ее тяжелой индустрии и банках. Российский империализм отставал от империализма классического типа, существовавшего в США, Англии, Германии, и зависел от него.

Несмотря на все это, противоречия капитализма и в России достигли предельной остроты. Буржуазно-демократическая революция в России еще не совершилась, а в стране уже создались предпосылки для ликвидации капитализма и перехода к социалистическому строю. Россия не была передовой капиталистической державой и экономически созрела для социализма меньше, чем она. В. И. Ленин относил Россию к странам с средне-слабой народнохозяйственной системой. Но именно в России произошла революция, которая не только свергла царизм, но пошла дальше — к ликвидации буржуазного строя. Это было обусловлено благоприятным сочетанием многих объективных и субъективных обстоятельств. «В силу ряда исторических причин, — писал В. И. Ленин, — большей отсталости России, особых трудностей войны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 года — в России раньше других стран вспыхнула революция»².

Решающей движущей силой и гегемоном русской революции явился пролетариат. Число фабрично-заводских, горных и железнодорожных рабочих России в начале XX в. составляло 3 млн. Это была незначительная величина по сравнению с общей численностью населения. Но удельный вес пролетариата в политической жизни страны был неизмеримо больше его численности. Концентрация пролетариата на крупных предприятиях помогала ему действовать сплоченно и организованно, что оказало большое влияние на политическую жизнь страны. К фабрично-заводскому и железнодорожному пролетариату примыкали лица наемного труда, занятые работой на дому и в кустарной промышленности, в сельском хозяйстве, горнорабочие, строительные рабочие, работники учреждений связи и торговых учреждений, домашняя прислуга и т. д.

Русский пролетариат формировался как класс позднее пролетариата Западной Европы, в годы, когда уже получило широкое распространение учение Маркса и Энгельса. Влияние мелкобуржуазных теорий на рабочий класс России было непродолжительным, русское рабочее движение на заре своего существования стало под знамя марксизма. Раньше, чем какой-либо другой класс в России, пролетариат создал свою партию. Под ее руководством

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 198.

русские рабочие развернули борьбу за свержение царизма, чтобы продолжить путь своему социальному освобождению.

Другой движущей силой русской революции явилось крестьянство. Не отдельные его слои, а все оно, как класс-сословие феодального общества, было заинтересовано в том, чтобы свергнуть господство помещиков. Стихийные крестьянские восстания, неоднократно происходившие в прошлом и неизменно кончавшиеся поражениями, приобрели иной характер и вели к иным результатам, когда на арену политической жизни выступил пролетариат, под руководством которого только и можно было свергнуть царизм и уничтожить остатки крепостничества. Крестьянство сделалось союзником пролетариата. Союз пролетариата и крестьянства становился решающим условием победы русской революции.

В отличие от буржуазии Франции, Англии и некоторых других стран, русская буржуазия не была движущей силой буржуазно-демократической революции. Она зависела от иностранного капитала, с одной стороны, от царизма — с другой. Слабость экономических позиций делала русскую буржуазию политически дряблой и незрелой. Заинтересованная в ликвидации остатков крепостничества и установлении своего политического господства, она была слишком связана с самодержавием, нуждалась в его поддержке и потому не могла решительно порвать с ним. Русская буржуазия выступила на арену активной политической борьбы, когда уже в самостоятельную политическую силу превратился пролетариат. Боязн рабочего класса сковывала ее действия. Буржуазия опасалась, что народное восстание, направленное против царизма, повернется против нее самой; буржуазия добивалась реформ, дабы избежать революции. Она боролась за конституционную монархию, чтобы с ее помощью, не допустив к власти народ, самой прийти к власти.

И царизм и буржуазия рассчитывали, что после поражения первой русской революции наступит длительный период мирного развития. Столыпинская реакция ослабила революционное движение. Массовые аресты обескровили его ряды. Кривая стачечной борьбы пошла вниз, резко сократилось число крестьянских выступлений. Большие слои интеллигенции и мелкой буржуазии отошли от активной политической деятельности. Но искры революции не потухли и в это тяжелое время. Период столыпинской реакции явился паузой между двумя революциями. Революционные силы не прекратили своей борьбы против царизма. Уйдя снова в подполье, они перешли к обороне, чтобы наилучшим образом подготовиться к новым наступательным битвам.

Новые битвы с царизмом были не за горами. Они назревали на базе тех же социально-экономических противоречий и в основном при той же расстановке классовых сил, что и битвы первой русской революции. Но была и существенная разница. Развитие капитализма после революции 1905—1907 гг. обострило и углу-

было прежнее противоречия и создало условия, приблизившие социалистическую революцию в России. Революционный пролетариат, руководимый большевиками, был теперь значительно более сплочен, чем в годы первой русской революции. Он опирался на богатейший политический опыт, накопленный за это время, и учитывал уроки прошедших революционных боев.

Медленно, но неуклонно рабочие России поднимались после ударов реакции. Оцененные и усталые, вызванные поражением революции, постепенно проходили. Нужен был толчок, который бы ускорил развитие и дал выход накопившейся энергии. В апреле—мае 1912 г. с движения протеста против Ленского расстрела начался новый революционный подъем. За рабочим классом поднималось крестьянство, революционное брожение проникало в армию и флот.

Политика царизма потерпела крах. Основная цель, ради которой была создана Третьейконовская столыпинская система, достигнута не была, предотвратить новый революционный подъем не удалось. Огромная Россия снова приходила в движение.

Летом 1914 г. революционная волна достигла наибольшей высоты. В поддержку бастовавших рабочих Баку поднялись пролетарии других городов страны. Забастовка петербургских рабочих охватила 300 тыс. человек. Борьба в Петербурге приняла острые формы. Полиция и казаки совершали налеты на митинги и демонстрации рабочих, пуская в ход оружие. Большевицкая газета «Трудовая правда» была закрыта. Начались массовые аресты. В ответ на действия полиции стали строиться баррикады. Охваченные чувством классовой солидарности и ненавистью к царизму, пролетарии Петербурга рвались в бой с силами царизма. Питерских рабочих поддерживали рабочие Москвы, Варшавы, Харькова и других городов. Но в целом пролетариат страны отставал от пролетариата столицы и не был готов к решительным действиям. В начавшуюся борьбу еще не были втянуты крестьянство и армия.

Петербургские рабочие прекратили стачку, дабы лучше подготовиться к надвигавшейся революции. Большевики спланировали, укрепляли свои силы и развертывали пропаганду и агитацию в провинции среди крестьян и войска, чтобы по всей стране возможно организованнее встретить грядущие сражения с царизмом. Призрак нового 1905 года витал над страной. Революция стояла на пороге и уже стучалась в дверь. Но внешние обстоятельства прервали дальнейшее развитие революционных событий. В то время, как на улицах столицы происходили ожесточенные классовые бои, в типичных правительственных кабинетах готовились другие сражения. В Европе разгоралась пламя военного пожара. Международный пролетариат не сумел преградить путь империалистической войне. Она была развязана в те самые дни, когда в связи с окончанием стачки рабочие Петербурга возвращались на пред-

приятя. Едва была смыта рабочая кровь с мостовых столицы, как полились реки крови рабочих и крестьян на фронтах империалистической войны.

РОССИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Первая мировая война явилась результатом неравномерного развития империалистических держав, следствием обострения межимпериалистических противоречий. Империалисты боролись в этой войне за колонии, за рынки сбыта товаров, за рынки сырья и приложения капиталов. Одновременно они рассчитывали с помощью войны отравить сознание трудящихся ядом национализма, отвлечь их от классовой борьбы, ослабить их натиск на господствующий строй.

В числе главных зачинщиков войны была царская Россия. Русские помещики и капиталисты, как и капиталисты других стран, стремились посредством войны приобрести новые земли и смягчить внутренние противоречия. Они хотели захватить Галицию и турецкую Армению, проливы и Константинополь. Борьба за эти цели сталкивала русских империалистов с империалистами Германии и Австро-Венгрии. Буржуазно-помещичья Россия, составив вместе с буржуазными Англией и Францией основное ядро Антанты, вступила в ожесточенную схватку с центральными державами Европы.

Объявляя о начале войны, царь призвал «своих верноподданных» забыть внутренние распри и сплотиться для успешной борьбы с внешним врагом. На страницах газет, на собраниях и митингах, с амвонов церквей и кафедр университетов развернулась лицемерная пропаганда, призывавшая трудящихся «защитить честь и достоинство России» и помочь «единокровным братьям славянам». Разнузданная шовинистическая агитация за победу в войне затемняла сознание многих. Толпы людей, среди которых были чиновники, служащие, обыватели, шествовали по улицам городов, несли портреты царя, пели царский гимн. Они заставляли прохожих обнажать головы и становиться на колени перед царскими портретами.

Правительственный террор и шовинистическая пропаганда внесли известную растерянность в ряды пролетариата и временно снизили его революционную активность. Во всем Петербурге в знак протеста против войны бастовало лишь 21 предприятие с общим числом рабочих до 27 тыс. Были случаи, когда массы новобранцев в ряде районов страны громили казенные винные склады, нападали на призывные пункты, требовали обеспечить их семьи. Но даже у призывных пунктов Петрограда редко слышался возглас «Долой войну!».

Вступление России в войну было прежде всего поддержано помещиками и капиталистами. Депутаты третьейиюньской Госу-

дарственной думы на специальной сессии, созванной 26 июля 1914 г. в связи с началом войны, сочувственно слушали выступления царских министров, приветствовали послов союзных держав, пели «Боже, царя храни». Ораторы буржуазно-помещичьих партий с трибуны Думы заявляли о своей готовности забыть внутренние несогласия и поддерживать царя и войну. В воззвании кадетов, оглашенном в Думе, говорилось: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг — сохранить страну единой и нераздельной... отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия»³. Капиталисты ждали от войны территориальных приобретений в будущем и больших прибылей в настоящем. Кадеты и октябристы впряглись в одну колесницу с царем и черносотенцами, чтобы совместно вести войну.

Более сложным и противоречивым было отношение к войне мелкой буржуазии; в то время как кулачество и часть городской мелкой буржуазии были заинтересованы в территориальных захватах и стремились нажиться на войне, трудящемуся крестьянству и городским низам цели войны были чужды. Не удивительно, что и на декларации трудовой группы, оглашенной на заседании Государственной думы 26 июля, лежала печать двойственности, колебаний. В этой декларации отмечалось: «Неискупима ответственность правительство всех европейских государств, во имя интересов правящих классов толкнувших свои народы на братоубийственную бойню»⁴. Несмотря на это правильное положение, трудовики считали, что война носит оборонительный характер и долг крестьян и рабочих защищать страну от напавшего врага. Трудовики обвинили царизм в том, что он и во время войны не способствует сплочению всех сил страны, не объявляет политической амнистии, не облегчает положения трудящихся и возлагает на них главную тяжесть военных издержек.

Войну решительно осудила большевистская фракция Государственной думы. Еще до заседания Думы в ответ на запрос журналистов об отношении к войне член фракции А. Бадаев сказал: «Рабочий класс будет бороться всеми силами против войны. Война не в интересах рабочих. Война войне — вот наш лозунг». Депутаты-большевики выработали декларацию об отношении к империалистической войне совместно с депутатами-меньшевиками, и от имени обеих социал-демократических фракций меньшевик В. И. Хаустов огласил ее в Государственной думе 26 июля 1914 года.

В социал-демократической декларации нашел отражение протест рабочих против империалистической войны и соглашения

³ «Государственная дума, четвертый созыв. Стенографический отчет заседания 26 июля 1914 г.», стр. 25.

⁴ Там же, стр. 19.

с царизмом и буржуазией. В ней говорилось, что «настоящая война, порожденная политикой захвата и насилий, практикуемой всеми капиталистическими государствами, является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих стран». В декларации подчеркивалось, что не может быть единения с властью, которая поработила народ. В ней выражалась уверенность, что средством прекращения войны является международная солидарность пролетариата, а условия мирного договора будут продиктованы не дипломатами хищных правительств, а самими народами, которые возьмут свои судьбы в собственные руки. Совместная декларация социал-демократических фракций Думы не до конца вскрыла характер войны и не наметила революционных путей борьбы с ней. Несмотря на это, обнародование этой декларации в Думе и отказ социал-демократических фракций, как и фракция трудящихся, голосовать за военные кредиты сыграли известную положительную роль. Декларация социал-демократов прозвучала резким диссонансом в стенах Думы и показала, что призыв к единению с царем и к войне против Германии не встречает той всеобщей поддержки, о которой писала буржуазная печать⁵.

Меньшевицкая фракция Думы, руководимая Н. С. Чхеидзе, не долго удержалась на позиции, изложенной в декларации 26 июля. В ответ на призыв председателя II Интернационала, члена буржуазного правительства Бельгии Э. Вандервельде, создать «коалицию всех живых сил Европы» для борьбы с немецкой опасностью она заявила, что не будет «противодействовать войне». Линия меньшевицкой фракции Думы не отличалась последовательностью и в дальнейшем. Она отражала колебания и разногласия, имевшие место в годы войны среди меньшевиков. Л. О. Мартов, Л. Д. Троцкий и их сторонники признавали империалистический характер войны и осуждали оборончество, но не выдвигали революционной программы борьбы против войны. Они ограничивались призывами к миру и не порывали до конца с социал-шовинистами. Такая позиция сеяла иллюзии, будто в рамках капиталистического строя можно установить справедливый демократический мир.

Откровенно шовинистическую позицию занял в дни войны Г. В. Плеханов. Вместе с группой эсеров он призывал вести войну до полного разгрома Германии и, забыв прежние разногласия, дружно объединить все живые силы страны на борьбу с австро-германским империализмом. В письме к члену меньшевицкой фракции Государственной думы А. Бурьянову Г. В. Плеханов

⁵ Не удивительно, что декларация попала в стенографический отчет и в печать в сильно урезанном виде. Родзянко вычеркнул все места декларации, говорившие о недопустимости единения с царем. Декларация помещена полностью в кн.: А. Бадаев. Большевики в Государственной думе. М.—Л., 1930, стр. 346—348.

писал: «Сделайте свои оговорки, они необходимы, но голосуйте за кредиты»⁶. К плехановской позиции была близка позиция А. Потресова, С. Маслова, Н. Череванина и других меньшевиков, находившихся в России и объединившихся вокруг журнала «Наше дело». Заявляя, что главным виновником войны является германский империализм, эта группа призывала «оборонять страну от грозящего ей разгрома». Меньшевик О. А. Ерманский признает, что, выставив лозунг обороны «своей» страны, эти меньшевики «пришли в вопиющее противоречие с классовой позицией международной солидарности рабочих, так как по существу «теория» обороны каждым народом своего «отечества» была равносильна лозунгу «Пролетарии всех стран, хватайте друг друга за глотку!»⁷⁻⁸.

Линию пролетарского интернационализма проводили большевики. В то время как меньшевики и эсеры разбились в годы войны на несколько групп, большевики по-прежнему выступали как единая сила. Лишь несколько одиночек литераторов, связанных прежде с большевиками, поддались общему поветрию, переметнулись к оборонцам или отошли от активной политической деятельности. Большевики боролись за требования партийной программы, за лозунги первой русской революции; их прокламации неизменно заканчивались призывами: «Долой войну!», «Да здравствует международная пролетарская солидарность!», «Да здравствует русская революция!»

Однако выработка конкретной платформы революционного пролетариата, как и его практические действия, затруднялись ослаблением местных большевистских организаций и нарушением связей с заграничным партийным центром. Первое время из этого центра сквозь линию военных фронтов никаких вестей в Россию не проникало. Деятельность большевистских организаций приняла более четкий и целеустремленный характер, когда в конце 1914 г. в Россия были получены ленинские документы. Позиция В. И. Ленина была изложена в тезисах «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», в манифесте Центрального Комитета РСДРП «Война и российская социал-демократия», в статьях центрального органа партии — газеты «Социал-демократ». Марксистский анализ характера войны дал возможность большевикам наметить правильную тактическую линию. В отличие от всех других партий большевики исходили при этом из задач социалистической революции. Они отвергали не только призыв к «защите отечества», но и абстрактный лозунг мира, ибо он не нацеливал пролетариат на борьбу за революционное свержение существующего строя. Большевики выдвинули в дни войны лозунг — превращение войны империалистической в войну граждан-

⁶ Г. В. Плеханов. О войне. Пг., 1917, стр. 15.

⁷⁻⁸ О. А. Ерманский. Из пережитого. М.—Л., 1927, стр. 119.

скую. Из этого основного определяющего лозунга вытекали и все другие их лозунги: поражение буржуазных правительств, братание на фронте, разрыв с социал-шовинизмом, создание нового, подлинно революционного Интернационала.

С первых же дней войны большевики призывали трудящихся России обратиться оружие против самодержавия. В листовке Петербургского комитета РСДРП, выпущенной в июле 1914 г. в связи с войной, предсказывалась близкая гибель царизма. «Товарищи! — говорилось в ней. — Правительство и буржуазия посеяли ветер — они пожнут бурю!.. Правительство Николая Кровавого — последнее самодержавное правительство, и Николай Кровавый, этот романовский последний, — последний царь русский... Революция приближается. Напряжем все силы, чтобы она была победоносной»⁹.

Предвидение это сбылось, хотя и не столь скоро. Прошло почти три года войны, прежде чем совершилась победоносная революция, превратившая Николая II в Николая Последнего. Многие буржуазные историки и публицисты утверждают, что без войны не было бы революции. Они пишут, что царизм пал, так как не смог справиться с трудностями военного времени, не послушался советов «истинных патриотов», отверг протянутую ему руку помощи¹⁰. На самом деле новая революция в России назрела до войны, острый революционный кризис охватил страну еще в июле 1914 г. Война не приближала, а отдала революцию.

Как и другие воюющие государства, царская Россия подчинила войне всю внутреннюю жизнь страны. Устанавливая суровую дисциплину на фронте и жестокий режим в тылу, самодержавие обрушило град репрессий на революционные силы, выступавшие против войны. Передовых рабочих арестовывали, ссылали в Сибирь, отправляли на фронт. Ряды большевистской партии оказались обескровленными. Партийные организации или были полностью разгромлены, или ослаблены репрессиями и военными мобилизациями. Профессиональные союзы и просветительные общества рабочих были закрыты, рабочая печать задушена. Из легальных рабочих организаций на предприятиях оставались только кассы, но царские власти обрушивались и на них.

⁹ «Листовки петербургских большевиков», т. II. М., 1939, стр. 116—117. Под большевистскими листовками периода войны стоит подпись «Петербургский комитет РСДРП». В начале войны царское правительство переименовало столицу: она стала называться Петроградом. Однако Петербургский комитет РСДРП сохранил свое прежнее название, считая, что переименование было бы уступкой шовинизму.

¹⁰ Так пишет, в частности, бывший английский консул в Москве, один из организаторов антисоветской интервенции Брус-Локкарт: «Если б не война и не известная плохая организация русских военных сил, царь все еще сидел бы на троне» (Р. Брус-Локкарт. Мемуары британского агента. Лондон—Нью-Йорк, 1932, стр. 59).

Шовинистическая агитация, мобилизация в армию и репрессии в тылу тяжело сказались на революционном рабочем движении. Передовые слои пролетариата, руководимые большевиками, остались верными знамени пролетарского интернационализма и решительно выступали против войны, но некоторая часть рабочих подалась шовинистической пропаганде. С началом войны резко сократилось число стачек. Традиционные дни борьбы пролетариата — день «Кровавого воскресенья» 1905 года и 1 Мая прошли в 1915 г. неотмеченными. В ноябре 1914 г. за активную антивоенную деятельность самодержавие арестовало, а затем сослало в Сибирь членов большевистской фракции Государственной думы. Этот акт полицейского произвола вызвал возмущение в рабочих массах. Но движение протеста против ареста, а затем и против суда над рабочими депутатами не приняло широких размеров.

Казалось, что расчеты самодержавия оправдались, война задушила революцию. Но так могло казаться на первый поверхностный взгляд: война не смогла задушить революцию. В 1912—1914 гг. вокруг большевистской газеты «Правда» сплотилось четыре пятых сознательных рабочих России. «Пусть даже впятеро и вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга, — писал Ленин. — Уничтожить этого слоя *нельзя*. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом. Он *один* стоит среди народных масс и в самой глубине их, как проповедник интернационализма трудящихся, эксплуатируемых, угнетенных. Он *один* стоял в общем развале. Он один ведет полупролетарские слои от социал-шовинизма кадетов, трудовиков, Плеханова, „Нашей Зари“ к социализму»¹¹. В трудных условиях войны передовые рабочие России продолжали вести революционную борьбу, собирая и сплачивая силы для нового, еще более решительного наступления на царизм.

Первая мировая война прервала развитие революционного движения не надолго. Прошло немного времени, и это движение развернулось с новой силой. Империалистическая война потрясла основы существующего строя. Отсталая в технико-экономическом отношении Россия меньше других капиталистических стран оказалась подготовленной к ведению современной войны. Чем дальше шла война, тем это обнаруживалось все глубже и нагляднее.

Русская армия не могла противостоять натиску хорошо вооруженных и организованных германских войск. В начале войны две русских армии погибли в Восточной Пруссии. Русской армии удалось разгромить австро-венгерские войска и занять Западную Украину (Галицию). Однако эта победа оказалась непрочной, и эти земли вскоре были снова взяты противником. Уже в первые месяцы войны обнаружилась нехватка орудий, винтовок и боепри-

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 175.

пасов, вследствие чего русские войска несли большие потери. На фронте не хватало продовольствия, обуви, одежды.

Готовясь к войне, царское правительство полагало, что война будет непродолжительной и запасов мирного времени хватит для ее ведения. Но эти запасы быстро иссякли. На многих участках русским батареям нечем было ответить на огонь противника. Число убитых, раненых и больных быстро увеличивалось. Новые пополнения были сколочены наспех, плохо вооружены и одеты. В таких условиях русская армия не могла отразить наступление противника, начатое весной 1915 г. Линии ее обороны были прорваны. Русские войска отступали по всему фронту. Обливаясь кровью, они отходили все дальше в глубь страны. Моральный дух русской армии падал, военное положение России становилось все более тяжелым.

Поражение русских войск было следствием гнилости царского режима, просчетов царского правительства и неумелых действий командования. Еще в январе 1915 г. военный министр В. А. Сухомлинов заверял думских деятелей, что армия обеспечена всем необходимым и беспокойство, проявляемое в этом отношении, не имеет достаточного основания. Отступление русских войск показало, что это были пустые слова. В Сухомлинове видели главного виновника поражения, и ему пришлось уйти в отставку. Новый военный министр — А. Поливанов — на секретных заседаниях Совета министров в августе 1915 г. откровенно рассказывал своим коллегам, какое положение создалось на фронте. «На театре войны беспросветно. Отступление не прекращается. . . Вся армия постепенно продвигается в глубь страны, и линия фронта меняется чуть не каждый час. Деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры. . . По-прежнему ничего отрядного, бодрящего. Сплошная картина разгрома и растерянности. Уповаю на пространства непроходимые, на грязь невылазную и на милость угодника Николая Мирликийского, покровителя святой Руси»¹².

Отступление на фронте вызвало страшную дезорганизацию в тылу. Всюду царил неразбериха, путаница, многоначалье и безначалье. По приказу военных властей из прифронтовой полосы насильственно выселяли огромные массы мирных жителей — стариков, женщин и детей; на покидаемой территории уничтожались, сжигались запасы, имущество, жилища. Беспорядочное изгнание огромных людских масс сопровождалось страшными бедствиями. Тысячи людей умирали в дороге от голода, холода, болезней. Ужасающих размеров достигала детская смертность. По дорогам валялись непогребенные трупы.

¹² А. Яхонтов. Тяжелые дни. — «Архив русской революции», т. XVIII. Берлин, 1926, стр. 37.

Война потрясла экономику России. В ходе войны обнаружилось, что воюющие стороны не предвидели ни характера, ни размера, ни продолжительности военных действий. Крупнейшие капиталистические государства, опираясь на передовую промышленность, быстро перестроили свою экономику в соответствии с задачами современной войны, приспособив ее к удовлетворению потребностей армии. Царская Россия не располагала для этого самостоятельной технико-экономической базой. В России была недостаточно развита черная и цветная металлургия, было слабо развернуто машиностроение, химическое производство, отсутствовали автомобильная, авиационная и другие отрасли промышленности. Она зависела от ввоза многих товаров из-за границы. Война порвала прежние внешнеторговые связи России, ввоз товаров из Германии прекратился, из других стран — резко уменьшился. Все это сократило промышленный потенциал России. Из-за недостатка сырья и материалов многие предприятия закрылись или сократили производство.

На исходе первого года войны противник захватил западные районы страны. Россия потеряла в связи с этим до 20% промышленного производства. Эвакуация предприятий Прибалтики и Польши на восток производилась без плана, в спешке, неорганизованно. Немногие эвакуированные предприятия возобновили свою работу на новых местах, новые предприятия почти не строились. Казенные военные заводы (оружейные, артиллерийские, пороховые и др.) немалого увеличили свою производительность. Некоторые частные предприятия по своей инициативе перестраивали производство и переходили к выпуску военной продукции. Но это не встречало поддержки правительства.

Испытывая недостаток в самых необходимых средствах для ведения войны, царям предпочел обратиться за помощью к союзникам. Правительства Англии и Франции отпустили царскому правительству кредиты, но, удовлетворяя собственные нужды, не выделили ему из своих наличных ресурсов вооружения и боеприпасов и в незначительных размерах разместили в своих странах русские военные заказы. Царское правительство сделало больше заказы на оружие и боеприпасы в Соединенных Штатах Америки. Промышленность Соединенных Штатов Америки не сразу приспособилась к выпуску военной продукции, часто нарушала сроки выполнения заказов и поставляла продукцию не всегда должного качества.

В годы войны Россия в счет военных заказов получала из-за границы винтовки, пулеметы, пушки, снаряды, патроны, а также бронированные грузовые и пассажирские автомобили, мотоциклы и пр. Из-за границы ввозились даже кирки-мотыги, топоры, проволока, кавалерийские седла, каски, обувь и другие предметы. Доставка военных материалов в Россию была крайне затруднена. Часть военных грузов застревала в американских и русских пор-

тах. Владивосток и Архангельск представляли собой склады военных материалов; железные дороги не справлялись с их вывозом в глубь страны.

Весь первый год войны правительство ориентировалось на заграничные заказы и очень слабо использовало производственные мощности частной отечественной промышленности. «Какая беда, что мы не имеем своего Круппа» — сокрушался начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич. На самом деле Россия имела своих круппов, хотя и не столь большого масштаба, и русские круппы тянулись к военным заказам, как и их собратья в других странах. В самом начале войны Городские думы и земства создали всероссийские объединения для обслуживания нужд фронта — Городской и Земский союзы. Они образовали широко разветвленную организацию на фронте и в тылу, которая занималась врачебно-санитарной деятельностью и организовывала помощь беженцам и военнопленным. Земства и города создали несколько собственных предприятий, работавших на военные нужды. Царские власти сначала подозрительно относились к деятельности этих организаций, но затем не только смирились с их существованием, но и отпускали в их распоряжение большие средства, давали заказы на изготовление предметов военного снаряжения (обмундирование, обувь, повозки, лопаты и т. д.).

Летом 1915 г., в связи с отступлением русских войск, нехваткой оружия и боеприпасов, буржуазия забила тревогу. Она предлагала направить усилия всей страны на отпор врагу. Съезд представителей торговли и промышленности постановил мобилизовать русскую промышленность на удовлетворение потребностей сражающейся армии и в этих целях создать Военно-промышленные комитеты. Были организованы центральный и местные Военно-промышленные комитеты, в которые вошли представители торгово-промышленных организаций, Союзов земств и городов и научно-технических сил. Центральный комитет возглавил октябрист А. И. Гучков, товарищем председателя Комитета стал текстильный фабрикант А. И. Коновалов. В Военно-промышленные комитеты вошли также П. П. Рябушинский, М. И. Терещенко, С. Н. Третьяков, Н. Ф. фон-Датмар и другие крупнейшие заводчики и фабриканты. Так создавалась новая организация буржуазии, охватившая своими щупальцами все крупные центры страны.

Одновременно встал вопрос о государственном регулировании военного хозяйства страны. В наиболее развитых капиталистических странах, особенно в Германии, это регулирование приняло широкий размах. Там произошло сращивание государственных органов управления с крупнейшими монополиями. Используя государственный аппарат, монополии получали прибыльные военные заказы и оказывали большое влияние на экономическую и

политическую жизнь той или другой страны. Монополистический капитализм перерастал в государственно-монополистический капитализм. В России в годы войны шли те же процессы. И здесь усилилась концентрация производства, возросла роль банков, укрепилась монополия. Погоня за военной прибылью вызвала предпринимательскую горячку и, в частности, способствовала росту акционерных обществ в России. Российский монополистический капитал сблизился с государственным аппаратом самодержавия, но органического сращивания между ними не произошло, да и не могло произойти: российский монополистический капитал был слабее западноевропейского, а государственная власть в России находилась в руках помещиков, а не буржуазии.

Осенью 1915 г. царское правительство создало «Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства», а также Особые совещания по отдельным отраслям экономики (перевозки, топливо, продовольствие). В Особое совещание по обороне входили члены Государственной думы и Военно-промышленных комитетов, деятели земств и Городских дум. Главную роль в регулировании хозяйства играли не капиталисты, а царские чиновники. Особые совещания возглавлялись министрами, наделенными широкими полномочиями. Постановления Особого совещания по обороне утверждал военный министр, ему предоставлялось право требовать от казенных и частных предприятий выполнения тех или иных заказов, устранять директоров предприятий, закрывать частные предприятия или передавать управление ими государственным органам, устанавливать размеры заработной платы и т. д.

Буржуазия стремилась взять дело регулирования хозяйственной жизни страны в свои руки. Она оберегала от снижения высокие монопольные цены на товары, ее представители возражали против строительства казенных предприятий, введения государственных монополий по продаже угля и нефти и т. п. На этой почве между представителями буржуазии и царскими властями возникали разногласия, но обе стороны стремились не доводить разногласий до разрыва. Это была борьба на базе сотрудничества. Особые совещания часто принимали общие, никого и ни к чему не обязывающие решения, а в государственных учреждениях по-прежнему процветала рутинная, волокитная, бюрократическая, чиновничья военная ведомственность, как и раньше, брали взятки при распределении заказов, финансировании предприятий, распределении сырья и т. п.

В результате милитаризации производства выпуск вооружения и боеприпасов в 1916 г. увеличился. Это дало возможность улучшить боевое снабжение русских войск. Но по своей технической вооруженности русская армия по-прежнему отставала от армий других воюющих государств: ей не хватало минометов, взрывчатых веществ, самолетов, автомобилей. Из-за границы продолжали

ввозиться в Россию не только оружие и боеприпасы, но и такие предметы, как телефонные аппараты, проволока и многое другое. Рост военной продукции происходил в России на низкой технико-экономической основе и пагубно отражался на общем положении промышленности и всего народного хозяйства.

Война резко ухудшила финансовое положение России. Расходы на войну росли с огромной быстротой. За 1915—1916 гг. они увеличились почти в 9 раз, дойдя до 14,5 млрд. руб.¹³ Каждый день войны в 1916 г. обходился стране в 40 млн. руб. Финансовое благополучие России, достигнутое в мирное время, зиждилось на непрочном основании и рухнуло под ударами войны. Чтобы покрыть образовавшийся дефицит, царское правительство обратилось к печатному станку; начался выпуск бумажных денег, необеспеченных золотом. При сокращении количества товаров это вело к обесценению рубля и росту дороговизны. Царизм выпускал внутренние займы, но их реализация проходила неудовлетворительно, народные массы не хотели отдавать свои скудные средства самодержавию для ведения чуждой им войны. Царизм прибегал к помощи внешних займов. Главный кредитор России — Англия — давал займы на тяжелых условиях и в счет займа выкачивал из России золото. Курс русского рубля падал, государственный долг России увеличивался. Ухудшился и баланс внешней торговли России. Вывоз товаров составлял немногим больше одной пятой ввоза. Позиция России в системе мирового хозяйства значительно ослабела, ее зависимость от крупнейших капиталистических стран возросла.

Война привела в расстройство транспорт. К решению сложных задач военного времени он оказался неподготовленным. Железные дороги не имели достаточной сети и необходимого подвижного состава. Они не справлялись с эвакуацией предприятий и населения из западных районов страны, с доставкой топлива и металла для предприятий, продовольствия для городов и другими важными перевозками, без которых военная экономика не могла нормально функционировать; тыл не был в состоянии оказывать нужную помощь фронту.

Железнодорожному транспорту не хватало паровозов, вагонов, рельс, его подвижной состав изнашивался и приходил в негодность, а производство новых паровозов и вагонов сокращалось. Нарушение деятельности железнодорожного транспорта тяжело отражалось на всем хозяйственном организме России.

Стране не хватало металла. Особенно большие требования на металл предъявляло военное производство. Промышленность не могла удовлетворить их. На юге страны резко уменьшилась добыча железной руды, кокса; в результате расстройства транспорта

¹³ «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)». М., 1925, стр. 5.

сократился их подвоз к заводам. Производство чугуна уменьшилось. Вместо 151 доменной печи, действовавшей до войны, в 1916 г. работало 115; они выплавливали теперь 231,9 млн. пудов чугуна вместо 257,4 млн. пудов в 1913 г.¹⁴ В связи с войной возрос спрос на медь, олово, никель и другие цветные металлы, а производство их внутри страны сократилось. Для снабжения военного производства цветными металлами и специальными сталями приходилось прибегать к помощи заграницы.

Стране не хватало топлива. Россия лишилась Домбровского бассейна, перестал ввозиться английский уголь, и, хотя добыча угля в Донецком бассейне несколько повысилась, это не могло возместить понесенных потерь. Вследствие расстройств транспорта в Донецком бассейне скапливались большие запасы угля, невывезенного железными дорогами. Перебой в снабжении углем вызывали остановки в работе предприятий и срывали выполнение военных заказов. Промышленность и транспорт переходили на другие виды топлива — нефть, торф, дрова. Хотя добыча нефти в годы войны несколько увеличилась, снабжение нефтью и нефтепродуктами отставало от потребностей.

Промышленность нуждалась в рабочей силе. Мобилизации в армию оторвали от производства до одной четверти всех промышленных рабочих, в числе которых было немало квалифицированных. Правительство вынуждено было предоставить отсрочки от призыва значительному числу рабочих, занятых на военных предприятиях, и вернуть часть специалистов из армии. В годы войны на производство пришло много крестьян, ремесленников и городских жителей. Шире стал применяться женский и детский труд. На предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, с 1914 по 1917 г. число женщин увеличилось на 38,3%, а подростков и малолетних обоого пола — на 41,4%¹⁵. Численность всех лиц наемного труда в России к 1917 г. составила 15 млн. Рабочих крупной промышленности (в том числе рабочих железнодорожных мастерских) насчитывалось 3,4 млн.¹⁶ Остальную массу лиц наемного труда составляли рабочие мелкой кустарно-ремесленной промышленности, строительные и сельскохозяйственные рабочие, рабочие и служащие железнодорожного и водного транспорта, торговли, средств связи, прислуга и т. д.

Изменения в составе рабочего класса, снижение квалификации рабочих, ухудшение их материального положения и ряд других фактов, порожденных войной, вели к падению производительности труда. Проникновение на предприятия торговцев и кулаков, же-

¹⁴ П. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1950, стр. 635.

¹⁵ А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 233.

¹⁶ П. Волобуев. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964, стр. 16.

лавших таким путем избавиться от военной службы, засоряло ряды рабочего класса и заражало его мелкобуржуазной идеологией.

В годы войны обострилось продовольственное положение страны. Некоторые экономисты предсказывали, что в случае войны Россия, прекратив экспорт хлеба, с лихвой сумеет обеспечить продовольствием армию и население, тогда как индустриальные государства из-за нарушения мировых торговых связей будут испытывать в этом отношении огромные трудности. Но эти предсказания не оправдались. Отсталое полукрепостническое сельское хозяйство России не выдержало испытаний военного времени. В годы войны огромная масса трудоспособного мужского населения была призвана в армию, труд военнопленных не мог восполнить этой убыли. Ослабла техническая база сельского хозяйства: ввоз сельскохозяйственных машин и орудий почти вовсе прекратился, а их внутреннее производство резко сократилось. Для нужд армии было реквизировано около 2 млн. лошадей и большое количество крупного рогатого скота. Все это подрывало экономику сельского хозяйства.

Хозяйства капиталистического типа, основанные на более высокой технике, использовав конъюнктуру, нажили в годы войны большие прибыли, кулачество укрепилось, но бедняцкие и середняцкие хозяйства оказались в очень трудном положении. Все большее число крестьян, лишаясь инвентаря и рабочего скота, нищало и разорялось. Посевные площади и валовые сборы хлебов уменьшались. А между тем возросшее городское население и особенно армия предъявляли большой спрос на продукты питания. В стране стал ощущаться недостаток продовольствия, цены на продукты питания стали повышаться.

Продовольственное положение осложнилось начавшимся развалом транспорта. Большие массы продуктов, скопившиеся в сельскохозяйственных районах страны, не доставлялись в промышленные центры, перевозки хлебных грузов сократились. Недостаток и дороговизна промышленных товаров, обесценение рубля способствовали росту спекуляции. Помещики и кулаки прятали хлеб и взвинчивали цены, наживаясь на народной нужде. Правительственные органы запрещали вывоз продуктов из определенных районов, устанавливали обязательные цены, а в отдельных случаях проводили даже реквизиции продуктов. Заготовкой продуктов занялись городские управы, земства, кооперация. Но спекуляция продолжалась. Торговцы обходили все запреты и ограничения, продукты исчезали из магазинов, чтобы появиться из-под полы по повышенным ценам. Под давлением помещиков и кулаков царские власти повышали твердые цены на хлеб, а это вело к росту всеобщей дороговизны. Царское правительство не решалось обуздать спекулянтов и приступать к регулированию торговли, ибо это затрагивало интересы помещиков и капиталистов.

От нехватки продуктов и дороговизны особенно страдал городской трудовой люд и прежде всего рабочий класс. Рост номинальной заработной платы отставал от роста цен на продукты питания. Рабочие и их семьи недоедали. На многих предприятиях были введены обязательные сверхурочные работы, удлинявшие и без того продолжительный рабочий день. Ухудшились санитарно-гигиенические условия труда, возросло число несчастных случаев и заболеваний рабочих. Особенно жестоко эксплуатировались на предприятиях женщины, подростки, дети, — их заработная плата была намного ниже заработной платы рабочих-мужчин.

На предприятиях господствовал режим военного времени; над мужчинами призывного возраста висела постоянная угроза отправки на фронт; царские власти и капиталисты пользовались мобилизациями в армию для расправы с революционными элементами.

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ. ПОЛИТИКА БУРЖУАЗИИ

Снижение активности рабочих и упадок революционного движения в первые месяцы войны были вызваны прежде всего репрессиями царизма, изменением в составе рабочего класса и шовинистической агитацией.

По мере дальнейшего развертывания войны действие этих факторов становилось все менее опутательным. Репрессии царизма только подливали масло в огонь, толкая рабочих на более активную борьбу. Новые кадры рабочих «переваривались» в рабочем котле; попадая на предприятия, они оказывались в сфере непосредственного воздействия промышленного пролетариата. Под влиянием поражений русских войск на фронте, развала в тылу, под воздействием антивоенной пропаганды большевиков шовинистический угар начал рассеиваться. Усилив бедствия и нужду трудящихся масс, империалистическая война способствовала повышению их революционной активности. Из тормоза революционного движения война превращалась в его ускорителя. В России назревал новый революционный кризис.

Первые признаки революционного кризиса ясно обозначились в середине 1915 г. и выразились прежде всего в оживлении стачечной борьбы рабочих. Сначала рабочие стачки носили преимущественно экономический характер. В связи с ростом цен на предметы первой необходимости рабочие требовали повышения заработной платы. Они добивались также сокращения рабочего дня и улучшения условий труда. Эти требования были близки и понятны самым широким массам рабочих и втягивали их в активную борьбу. Но экономические стачки неизбежно принимали политический характер, поворачиваясь своим острием против войны и царизма.

Летом 1915 г. забастовочное движение охватило текстильное царство — Владимирскую и Костромскую губернии, где положение рабочих было особенно тяжелым и где большим влиянием пользовались большевики. Департамент полиции сообщал, что причинами «беспорядков» в Иваново-Вознесенске являются: «1) Наличие социал-демократической организации и интенсивная деятельность последней и 2) непомерно растущая дороговизна на предметы первой необходимости»¹⁷. В мае 1915 г. состоялась всеобщая стачка в Иваново-Вознесенске и в Шуе. В начале июня началась забастовка на Большой льняной мануфактуре в Костроме. Демонстрация костромских рабочих была расстреляна полицией. 10 августа вновь бросили работу ткачи Иваново-Вознесенска. Они провели митинг и вышли на политическую демонстрацию. Царские власти расстреляли и демонстрацию иваново-вознесенских рабочих.

Тверская группа РСДРП (так называла себя одна из групп московских большевиков) писала в листовке по поводу расстрела костромских и иваново-вознесенских рабочих: «Пролитая кровь наших товарищей вызывает к мщению... Да замолчат фабричные свистки, да высыпет весь рабочий народ на улицу, да увидит Москва грандиозную демонстрацию наших сил, да затрепещут царские палачи!»¹⁸ Движение протеста против злодеяний царизма в Иваново-Вознесенске и Костроме не вылилось в грандиозную демонстрацию, к которой призывали московские большевики; в некоторых предприятиях Москвы и многих других городов страны все же состоялись забастовки и митинги протеста. В забастовке протеста, состоявшейся в Петрограде, участвовало свыше 30 тыс. человек. Выступления рабочих в связи с костромскими и иваново-вознесенскими событиями знаменовали собой начало перелома в рабочем движении от упадка к подъему. Ярким свидетельством этого являлась стачка в Петрограде в начале сентября 1915 г. Она возникла на Путиловском заводе в связи с арестом нескольких рабочих и совпала с роспуском Государственной думы. Петербургский комитет РСДРП призвал рабочих поддержать путиловцев общегородской политической стачкой. Петроградская стачка продолжалась три дня. 3—5 сентября бастовало 150 тыс. рабочих Питера; стачку поддерживали рабочие Москвы, Нижнего-Новгорода, Харькова и других городов.

Во время сентябрьской стачки был создан Общегородской стачечный комитет для руководства забастовочным движением и согласования революционных действий в Петрограде с действиями в других центрах страны. Встал вопрос об организации по примеру 1905 года Совета рабочих депутатов, и уже развернулась

¹⁷ «Иваново-вознесенские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской революции». Иваново, 1947, стр. 36.

¹⁸ «Большевики в годы империалистической войны». М., 1939, стр. 65.

подготовительная работа в целях его организации. Как раз в это время меньшевики-оборонцы сделали новую попытку направить рабочее движение на путь поддержки империалистической войны и сотрудничества с буржуазией. Они поддержали призыв буржуазии к рабочим принять участие в военно-промышленных комитетах, чтобы совместными силами содействовать войне. Большевики решительно выступали против войны и вхождения рабочих в военно-промышленные комитеты и готовили всеобщую политическую стачку в столице и стране с тем, чтобы в подходящий момент перевести ее в вооруженное восстание против царизма¹⁹.

План революционных действий, разработанный большевиками, был изложен в «Наказе петербургского пролетариата выборному коллективу». В нем говорилось, что перед русским пролетариатом стоит историческая задача — «во главе демократии смести старый строй России и на его развалинах организовать демократическую республику», что лозунгом пролетариата является «превращение настоящей войны в войну гражданскую». «Для осуществления указанных выше задач пролетариату Петербурга, Москвы и всей России необходимо предпринять первые практические шаги: 1) Одновременное прекращение работ во всех предприятиях, 2) Организация вооруженной народной милиции по районам, 3) Вооруженное занятие участков, фабрик, заводов, правительственных учреждений, железных дорог, торговых складов и крупных магазинов и т. п., 4) Конфискация продовольственных и других предметов первой необходимости, 5) Организация снабжения населения предметами первой необходимости, 6) Организация муниципальных, городских и земских выборов на демократической основе и введение демократических городских и земских самоуправлений, 7) Подготовка всеобщих выборов в Временное правительство и Учредительное собрание, 8) Призыв к запасным, ратникам, солдатам и офицерам присоединиться к восставшему народу с оружием в руках»²⁰. Большевики предлагали провести на предприятиях выборы уполномоченных, а собрания уполномоченных провозгласить себя Советом рабочих депутатов и дать им «наказ» — «на основании указанных выше лозунгов и программы РСДРП, под руководством центральных и местных организаций Рос. Соц. Дем. Партии предпринять указанные выше шаги для решительного массового выступления пролетариата и демократии против существующего самодержавного строя»²¹.

¹⁹ Деятельность большевиков в этом направлении рассмотрена в ст.: И. П. Лейберов. О возникновении революционной ситуации в России в годы первой мировой войны (июль—сентябрь 1915 г.). — «История СССР», 1964, № 6.

²⁰ «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 87.

²¹ Там же, стр. 88.

Наряду с данным документом на рабочих собраниях обсуждался большевистский наказ выборщикам (уполномоченным) в Военно-промышленный комитет, который определял основные задачи и лозунги движения. В нем раскрывался истинный характер войны и лозунга «защиты отечества» и отмечалось, что «главный враг каждого народа в его собственной стране». «На завоевание власти путем гражданской войны должны быть направлены усилия пролетариата. Лозунг „Долой войну!“ пролетариат должен осмыслить и углубить ключем „Да здравствует социальная революция!“». В Наказе говорилось: «В передовых капиталистических странах уже созрели объективные предпосылки социалистической революции. В России пролетариат должен еще добиться демократизации государственного строя, т. е. добиться демократической республики»²². Наказ предлагал рабочим уполномоченным «громогласно заявить об отказе участвовать в каких бы то ни было учреждениях, способствующих войне».

По вопросу об участии в Военно-промышленном комитете разгорелась упорная борьба на рабочих собраниях и на собрании выборщиков. 27 сентября 1915 г. А. И. Ульянова-Елизарова сообщила В. И. Ленину: «Наши потерпели фиаско на многих заводах. Меньшевики, среди которых больше людей тертых, красноречивых, праздновали уже победу. Их был председатель на собрании рабочих выборщиков 27-го числа, был принят их порядок дня... Они уже потирали руки. И вдруг большинством, правда большинством всего голосов в 10... проходит большевистское решение не участвовать в Военно-промышленном комитете и уполномоченных туда не посылать»²³. Отказавшись от выборов представителей в Военно-промышленный комитет, уполномоченные выборщики заявили, что если в составе этого Комитета окажутся каким-нибудь образом рабочие, против них, как изменников и противников воли петроградского пролетариата, будет вестись решительная борьба.

На собрании рабочих уполномоченных (выборщиков) большевики одержали победу, но руководители Военно-промышленного комитета и меньшевики-оборонцы добились пересмотра решения, принятого на этом собрании. Через два месяца на новом собрании уполномоченных меньшевикам-оборонцам удалось провести свое решение и создать рабочую группу Военно-промышленного комитета во главе с К. А. Гвоздевым. Несмотря на протест передовых рабочих, в местных военно-промышленных комитетах были также созданы рабочие группы, возглавлявшиеся меньшевиками-оборонцами.

Петроградские большевики правильно определили общие задачи рабочего движения, исходя из того, что в России созрел ре-

²² «Большевики в годы империалистической войны», стр. 67—68.

²³ «Пролетарская революция», 1930, № 7-8, стр. 185.

волюционный кризис, но они переоценили степень зрелости этого кризиса: курс на вооруженное восстание и предложение об организации Совета рабочих депутатов в сентябре 1915 г. были преждевременны. Революционный кризис в России тогда был налицо, но он еще не означал начало революции. В «Нескольких тезисах», определивших тактику большевиков в условиях начавшегося революционного кризиса, В. И. Ленин писал: «Важнейшей задачей революционной социал-демократии является — развивать начавшееся стачечное движение, проводя его под лозунгом «трех китов»... Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти. Лишь в связи с развитием массовой политической стачки и в связи с восстанием, по мере его подготовки, развития, успеха, могут принести прочную пользу эти учреждения»²⁴.

Массовая политическая стачка петроградских рабочих, происходившая в сентябре 1915 г., не приняла всероссийского характера. Рабочие других промышленных центров страны не поднялись тогда на крупные политические выступления. Да и в самом Петрограде еще не было условий для решающего сражения против царизма. Среди части рабочих столицы не были изжиты апатия, пассивность, влияние оборонцев. Приказы царских властей грозили рабочим-забастовщикам каторгой, массовыми увольнениями, отправкой на фронт. Значительное число военнообязанных рабочих было уже направлено в действующую армию. Это вносило дезорганизацию в ряды рабочих, но сломить их волю не могло. Борьба продолжалась.

Чтобы организовать наступление на царизм, большевики укрепляли собственные ряды. Петербургская организация большевиков оправилась от ударов царизма. После арестов весны 1915 г. большевики собрали новые силы. Выдвинулись местные рабочие кадры, из ссылки и других городов приехали В. Залежский, В. Шмидт, С. Богдатыев, К. Орлов, Ю. Лутовинов. Вместе с Л. Старком, М. Калининным, Н. Комаровым, Копыловым и другими товарищами они составили руководящее ядро петроградской большевистской организации. На петроградской конференции РСДРП, состоявшейся в июле 1915 г., было представлено 500 членов партии. К осени 1915 г., в связи с ростом самой организации и приходом большевиков из прифронтовой полосы, ее ряды увеличились до 1200 человек. Посвятив 47-й номер газеты «Социал-демократ» (от 13 октября 1915 г.) работе петроградской организации РСДРП, редакция отмечала: «Приведенный в этом номере материал показывает, какую громадную работу развернул Петербургский комитет нашей партии. Для России и для всего Интернационала это — повстине образец социал-демократической работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях. Ра-

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 49.

бочие Питера и России всеми силами поддержат эту работу и поведут ее дальше, энергичнее, сильнее, шире по тому же пути»²⁵.

Как и до войны, петроградские большевики оказывали большое влияние на деятельность местных партийных организаций. Летом и осенью 1915 г. партийная работа оживилась не только в Петрограде, но и в некоторых других центрах страны. В Москве активно действовала тогда упомянутая выше Тверская группа РСДРП и организовался общегородской комитет, объединивший пять районных партийных организаций. Летом 1915 г. состоялась партийная конференция Иваново-Вознесенского района, поставившая целью развернуть агитацию за вооруженное восстание против самодержавия. Конференция уральских социал-демократических организаций, состоявшаяся в сентябре 1915 г., выдвинула в качестве важнейшей задачи установление диктатуры пролетариата и крестьянства. Состоявшаяся в то же время Южная областная конференция РСДРП призвала рабочих края «присоединиться к протестам петербургских и московских товарищей, сплотившись вокруг единой и сильной организации, дабы стойко и смело встретить грядущий день второй российской революции»²⁶.

На работе партийных организаций отрицательно сказывалась их слабая связь между собой и большевистским центром за границей. Восстановление этих связей имело большое значение для выработки правильной линии и для практической деятельности партии. В сентябре 1915 г. в состав Центрального Комитета РСДРП был кооптирован А. Г. Шляпников. Это был старый питерский рабочий, с 1901 г. состоявший в партии большевиков, выполнявший за границей ответственные поручения В. И. Ленина, на нем лежала работа по налаживанию связей с Россией. А. Шляпников был направлен в Россию с заданием объехать 2—3 центра, установить сношения с подпольем и вернуться за границу для передачи связей. В трудных условиях подполья А. Г. Шляпникову удалось развернуть значительную работу в этом направлении. По поручению В. И. Ленина он создал Русское бюро ЦК РСДРП, в состав которого вошли: работник большевистской «Правды» К. Еремеев, член рабочей группы Страхового совета Г. Осипов, один из руководителей иваново-вознесенских рабочих в 1905 г. Е. Дунаев и К. Шведчиков. В работе Бюро принимала активное участие А. И. Елгаарова (Ульянова). Вместе с Шведчиковым она вела переписку, налаживала транспорт, устанавливала связи с местными организациями. Однако вскоре после отъезда А. Шляпникова за границу произошла новая аресты, и Бюро ЦК распалось.

Революционное движение в России развивалось не по непрерывно восходящей прямой; приливы революционной волны сменя-

²⁵ Там же, стр. 48.

²⁶ «Большевики в годы империалистической войны», стр. 62, 74.

лись отливами, но с каждым новым подъемом это движение обрело все большую силу и все более широкий размах. После бурных событий лета и начала осени 1915 г. в стачечном движении рабочих наступил спад: число забастовавших рабочих сократилось. Но это затишье было временным.

С начала 1916 г. стачечное движение вновь оживилось. Как и в первый год войны, наиболее активное участие принимали в нем два отряда рабочего класса — металлисты и текстильщики. Рабочие других отраслей промышленности, а также мелких предприятий и мастерских были слабо вовлечены в стачечную борьбу. Общее число забастовщиков в годы войны было меньше, а территориальные рамки движения уже, чем в 1905 г. Если в период первой русской революции половина всех стачек падала на промышленно развитые окраины (Прибалтика, Польша, Баку), то теперь забастовочное движение сосредоточилось преимущественно в промышленном центре. В авангарде революционной борьбы шли петроградские рабочие. Состав петроградского пролетариата за годы войны значительно обновился. Но сохранились кадры старых питерских пролетариев, прошедшие огонь и бури первой русской революции и вовлекавшие теперь в борьбу новых рабочих.

В тяжелых условиях военного времени пролетариат России возродил славную традицию отмечать важнейшие даты революционного прошлого для мобилизации своих сил. В 1916 г. годовщина 9 января была ознаменована массовыми выступлениями рабочих. В политической стачке, происходившей в этот день в Петрограде, участвовало около 100 тыс. рабочих. В 1916 г. рабочие отмечали день Ленского расстрела, годовщину суда над большевистской фракцией Государственной думы, Международный женский день, 1 Мая. В листовке Петербургского комитета РСДРП по поводу Международного женского дня в том же году отмечалось, что от бедствий войны больше, чем кто-либо, страдает женщина-работница. Зная, что современная война есть неизбежное следствие существующего капиталистического строя и что положить ей конец могут лишь сами народные массы организованным выступлением против всего современного строя насилия и рабства, работницы всех стран дополняют требование мира другим лозунгом революционного пролетариата: «Да здравствует гражданская война!»²⁷

Большое политическое значение приобрела забастовка рабочих Путиловского завода в феврале 1916 г. Вступая в экономическую борьбу с капиталистами за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, рабочие Путиловского завода заявили, что они встают на защиту всего рабочего класса. Выдвинув основные политические требования — демократическую республику, 8-часовой рабочий день, конфискацию помещичьих земель, — рабочие

²⁷ «Листовки петербургских большевиков», т. II, стр. 200.

путиловцы в резолюции, принятой на общезаводском митинге, отмечали: «только усиление революционной борьбы демократии всех стран против своих правительств спасет человечество от кровавого кошмара. Поэтому мы присоединяемся к решению Петербургского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии противопоставить мобилизации реакционных сил — мобилизацию пролетарских сил для второй российской революции»²⁸. Петроградские большевики призывали пролетариев столицы поддержать путиловцев в их справедливой борьбе. «Дело путиловских рабочих, — отмечалось в воззвании Петербургского комитета РСДРП, — есть дело всего петербургского пролетариата... Правительство считает Путиловский завод наиболее опасным для себя, зная, что он всегда являлся застрельщиком революционных выступлений петербургского пролетариата. И оно не ошибается: так было всегда, так будет и теперь»²⁹.

Путиловский завод бастовал две недели. Более 100 тыс. рабочих столицы приняло участие в стачке солидарности с рабочими Путиловского завода. В пользу путиловцев и их семей устраивались денежные сборы. Правительство прибегло к чрезвычайным мерам, чтобы сломить стачку. Десятки рабочих оказались за тюремной решеткой, 2 тыс. путиловцев были направлены в армию. Правительство объявило секвестр завода, взяв его под свою опеку; управление заводом передавалось военному ведомству, которое обязывалось в течение месяца рассмотреть требования рабочих. Путиловцы вынуждены были возвратиться к станкам. В воззвании по поводу окончания стачки Нарвский районный комитет большевиков указывал: «И вот, товарищи путиловцы, приступив теперь к работе, мы должны, снова мобилизовав свои силы, поддерживать солидарность друг с другом, организовываясь вокруг нашей Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и всячески поддерживая ее, созывать митинги и собрания, в которых выяснять свое отношение к текущему моменту и затянувшейся человеческой бойне, грозящей демократии гибелью»³⁰.

В том же воззвании указывалось, что близится день решительной схватки с царизмом и для этой схватки рабочие не только Питера, но и всей России испытывают свои силы. Забастовочное движение охватило тогда многие районы страны. Около двух месяцев длилась стачка на судостроительном заводе «Наваль» в Николаеве. Власти арестовывали бастующих, предавали суду зачинщиков стачки, отправляли военнообязанных на фронт, но борьба продолжалась. Не сумев сломить упорство рабочих, мор-

²⁸ «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны». Л., 1939, стр. 146.

²⁹ «Листовки петербургских большевиков», т. II, стр. 197.

³⁰ Там же, стр. 209.

ское ведомство закрыло завод. В стачке, происходившей в Донецком бассейне, участвовало 50 тыс. шахтеров. Выбранный рабочими стачечный комитет проводил ежедневные собрания, организовал охрану шахт и сбор денежных средств в пользу бастующих. Той же весной 1916 г. бастовали рабочие Брянского, Сормовского и других крупнейших заводов страны.

Стачки обычно начинались с экономических требований. Их исходным пунктом явилась борьба против голода и дороговизны. Но продовольственный кризис был вызван не теми или иными конъюнктурными причинами, а империалистической войной и связанной с ней экономической разрухой. Ликвидация этого кризиса упиралась в вопрос о войне и власти. Начинаясь с экономических требований, с требования повышения заработной платы, с требования хлеба, стачки вплотную подвели рабочих к борьбе против войны и царизма. «Чего мы требуем?» — спрашивал рабочий Брянского завода на митинге стачечников, и отвечал: «Мы требуем самого малого, мы требуем хлеба. . . Нам говорят: бастовать нельзя, — война, надо снаряды делать. Нам угрожают отправкой на фронт. Но мы ведь и так послали на войну отцов, братьев и сыновей. Мы всё отдали на войну, а они, капиталисты, что? — Ничего. Войны нам не надо»³¹.

Продовольственный вопрос был наиболее понятным и жизненным поводом выступлений народных масс. Большевики стремились ввести движение, развернувшееся на этой почве, в русло организованной, сознательной борьбы против войны и царизма. ЦК РСДРП издал брошюру «Война и дороговизна в России», в которой говорилось, что главным виновником народных бедствий является вся система, весь строй российского государства, свергнувший страну в разбойничью войну. Ответом на войну и дороговизну должна быть революция — свержение царизма, созыв Учредительного собрания и установление Демократической республики как первый шаг к освобождению от ига капитала и построению социализма. «Поднимите красное знамя восстания против наших палачей, убийц и грабителей. На улицу! Лучше умереть свободными, чем жить рабами». В листовке Петербургского комитета РСДРП «Стачечное движение и задачи момента» (июнь 1916 г.) говорилось: «Надо лишь сильнее и сильнее раскатать маятник революции и довести дело борьбы народных масс до той высоты, когда бы пробил час свержения власти воров и убийц романовского отродья»³². При каждой стачке, на каждой демонстрации большевики провозглашали лозунги: «Долой войну!», «Долой царскую власть!».

То были частичные сражения, подготовлявшие решающие битвы против самодержавия. Пролетариат рос и закалялся в этих

³¹ «Пролетарская революция», 1926, № 9 (56), стр. 218.

³² «Листовки петербургских большевиков», т. II, стр. 249.

сражениях, поднимая на борьбу против царизма и войны и другие слои трудящегося населения России.

Отвергая сотрудничество с буржуазией, пролетариат стремился вовлечь в революционное движение крестьянство. Война извела из деревни наиболее активный элемент, почти половина взрослого мужского населения была мобилизована в армию. На селе остались преимущественно люди пожилого возраста, женщины, старики, подростки. Деревня была обескровлена и придавлена страшными бедствиями войны. В таких условиях выступления крестьян не могли носить такой же массовый и острый характер, как в мирное время. Но и в годы войны деревня продолжала бороться.

Крестьяне теперь более резко и непосредственно столкнулись с царскими властями. Крестьяне уклонялись от несения государственных повинностей — выполнения заданий по военным перевозкам и окопным работам, выплаты налогов и податей; они сопротивлялись реквизициям зерна, фуража, лошадей, скота. Вооруженные вилами и косами крестьяне нередко препятствовали властям описывать имущество за долги, проводить обыски, освобождали арестованных и т. п. Активной силой в деревне стали теперь жены мобилизованных в армию крестьян — солдатки.

В обстановке войны крестьянство еще острее чувствовало полукрепостнический гнет и кабальную эксплуатацию, порожденные крупным помещичьим землевладением. Основной целью крестьянских выступлений продолжал оставаться захват помещичьей земли. Одновременно шла борьба среднего крестьянства и крестьянской бедноты против кулачества. Середняки и бедняки выступали против выделов из общины, избивали хуторян и отрубников, изгоняли землемеров, уничтожали межевые знаки. Для усмирения крестьян вызывались стражники и войсковые части. Безоружных крестьян избивали, арестовывали, подвергали наказаниям, расстреливали. Победителями из этих столкновений выходили полицейские и стражники, но бывали случаи, когда толпа крестьян с вилами и косами в руках обращала их в бегство. Правительство вынуждено было приостановить во время войны проведение землеустроительных работ по столыпинскому аграрному закону.

Нехватка предметов первой необходимости и общая дороговизна тяжело сказывались на положении сельского населения. В 1916 г. в деревне развернулись массовые выступления крестьян против дороговизны и спекуляции. Женщины, в первую очередь солдатки, громили лавки.

В ноябре 1916 г. из Иркутска писали: «Деревня беднеет и разоряется. Ведь главное богатство деревни уничтожается: лошади взяты, скот взят, пахать некому и нечем... Помещики, быть может, богатеют, богатеют кушцы, разные проходимцы, но

народ, народная гуща несомненно беднеет. Он несет все жертвы, все тяготы этой войны»³³.

О таком же положении сельского населения писали из другого конца страны. В письме из Полтавы говорилось: «В деревне условия жизни ужасные»; из Екатеринослава сообщали: «Настроение в деревне тревожное, да много и не может быть, людей берут и берут, жить становится трудно... Пристав и другие власть имущие прислушиваются и стараются усмотреть крамолу, но ее так много везде, что им не угодиться. Все стали революционерами, да иначе и нельзя»³⁴. По словам уполномоченного Земского союза, вернувшегося из Поволжья, «в деревнях наблюдается революционное брожение вроде того, которое имело место в 1906—1907 гг., повсюду обсуждаются политические вопросы, делаются постановления, направленные против помещиков и купцов, устраиваются ячейки разных организаций... Конечно, объединяющего центра пока нет, но надо думать, что крестьяне объединятся через кооперативы, которые ежечасно растут по всей России. Таким образом крестьянство несомненно окажется весьма действительным участником нового и неизбежного движения»³⁵.

На борьбу крестьян оказывала большое влияние солдатская масса. Одетый в солдатскую шинель крестьянин продолжал жить интересами своего села, его по-прежнему волновали вопросы о земле, о помещике, выделах на хутора и т. п. В письмах с фронта солдаты интересовались деревенскими нуждами и советовали родным как им поступить в тех или иных случаях. Они писали, что крестьяне обижены, что нет у них на душу и полоски земли, а «у помещика глазом не окинешь», что нужно прятать подальше все, что реквизируют власти. Солдаты, прибывавшие на побывку в деревню, говорили односельчанам, что после войны вся земля перейдет народу и потому нельзя допускать ее растаскивания и закрепления в личную собственность. Власть жаловались, что солдаты подстрекают крестьян не платить подати, не слушаться приставов и исправников, пасти скотину на помещичьей земле и т. п.

Еще более сильным было влияние тыла на фронт. Самодержавие пыталось преградить путь этому влиянию. Командование проверяло политическую благонадежность новобранцев, запретило распространение политической литературы в армии, установило строгое наблюдение за настроением и поведением солдат.

Армия была по-прежнему крестьянской по своему составу. Но в связи с массовыми мобилизациями и отправками на фронт рабочих за участие в забастовках значительно усилились пролетарские элементы армии. Рабочие-большевики, мобилизованные

³³ ЦГАОР СССР, ф. перлюстраций, д. 1062, л. 12.

³⁴ Там же, л. 65; д. 1067, л. 38.

³⁵ «Буржуазия накануне Февральской революции». М., 1927, стр. 134.

в армию, вели революционную пропаганду среди солдат. На фронт прибывали революционно настроенные пополнения и приходили письма из тыла. Сюда доходили вести о нехватке продовольствия и расстройстве транспорта, о забастовках и волнениях среди рабочих. Все это способствовало повышению политической сознательности солдатской массы.

Тяжелый режим, господствовавший в русской армии, принял в годы войны еще более жестокий характер. Командование сурово карало солдат за малейшее ослушание и по всей строгости законов военного времени обрушивалось на тех, кто выступал против войны. В армии были восстановлены телесные наказания, солдат хотели превратить в бессловесную «серую скотину», в пушечное мясо. Зажатые в тиски суровой армейской дисциплины, лишённые всяких прав, солдаты выражали глухое недовольство. В письмах с фронта солдаты писали, что они чувствуют себя узниками, что за малейшее ослушание следует мордобой и стойка под ружьем, бьют розгами, как били помещики крестьян, «содержат и обращаются как со скотиной, а пожалуй и хуже. Услышать человеческую речь, встретить человеческое общество совершенно невозможно... Всего больше угнетает мысль о рабощени»³⁶.

По мере того, как армия терпела поражения, недовольство солдат росло и ширилось. В письмах с фронта солдаты жаловались на нехватку оружия, плохое обмундирование, скудность пайка и т. д. В тяжелых боевых условиях рождалась мысль о беспечности жертв чуждой народу войны. Под огнем противника возникала стихийная тяга к миру.

Недовольство проникало и в среду офицерства. Кадровый состав офицерства в годы войны пополнялся выходцами из мелкобуржуазных слоев населения, студентов, разночинцев, служащих. Офицеры готовились не только в военных училищах, но и на краткосрочных курсах и в школах, они выдвигались также во время боевых операций из младших командиров. Произизошла демократизация офицерского состава, что отразилось на его настроениях. Многие офицеры задумывались о причинах поражения русской армии. До них доходили слухи об изменах в высших сферах, о разрухе в тылу и пагубной политике царского правительства. Оппозиционные настроения буржуазии передавались командному составу армии. Многие офицеры возлагали надежды на Государственную думу и сочувствовали выдвигаемым ею требованиям. Другие, наоборот, держались в стороне от политики и считали недопустимым критиковать действия правительства. В командном составе возникли разлад и трения, а это ослабляло царскую армию.

³⁶ «Царская армия в период мировой войны и Февральской революции». Сборник документов. Казань, 1932, стр. 39—40.

Пролетариат столицы оказывал большое влияние на моряков Балтийского флота. В годы войны среди матросов-балтийцев неуклонно росло революционное движение. Осенью 1915 г. вспыхнули стихийные волнения на линкоре «Гангут» и крейсере «Рюрик». Большевики стремились направить стихийное движение в организованное русло. На судах и в береговых частях Кронштадта, Гельсингфорса, Або и других городов существовали большевистские организации. Образовался руководящий центр кронштадтской военной организации, установивший связь с Петербургским комитетом РСДРП. Эта связь осуществлялась через члена РСДРП с 1903 г. — рабочего Кирилла Орлова (Иван Егоров). За его плечами было несколько лет подпольной работы, участие в восстании на броненосце «Потемкин», аресты, пребывание за границей. Приехав в 1915 г. из Риги в Петроград, К. Орлов поступил на завод «Айваз» и по поручению большевистского комитета установил связь с матросами. Вместе с ним революционную работу во флоте вели И. Сладков, Т. Ульянцев, Н. Ховрин и другие товарищи.

Репрессии царизма ослабляли большевистскую организацию флота, но не могли ее уничтожить. В 1916 г. действовал «Главный коллектив» Кронштадтской военной организации РСДРП. В прокламации «Когда же конец?» (август 1916 г.) он призывал солдат и матросов поддержать борьбу рабочего класса против войны. «Мы плоть от плоти и кость от кости народной. Наше место с ним, в его рядах. Вместе с рабочими должны мы готовиться к решительному натиску против шайки насильников, грабящих страну и толкающих все человечество в пропасть... Долой преступную войну! Долой монархию! Да здравствует вторая российская революция!»³⁷

В условиях военных действий особенно трудно было охватить систематической революционной пропагандой солдат действующей армии. В резервных и запасных частях создавались более благоприятные условия для революционной работы. Располагаясь в городах, солдаты этих частей общались с рабочими, воспринимая их настроения, приобщаясь к их борьбе. Большевистские организации имели связи в гарнизонах обеих столиц и крупных центров, а также некоторых небольших городов страны. В отдельных частях существовали партийные группы, распространялась антивоенная литература, проводились коллективные и индивидуальные беседы с солдатами.

Значительную работу в частях проводили латышские социал-демократы. Создав свое ядро в запасном полку, они использовали посылку пополнений на фронт для распространения революционного влияния на латышских стрелков, сражавшихся на фронте. На территории Латвии шла революционная пропаганда и среди

³⁷ «Большевики в годы империалистической войны», стр. 129.

русских солдат. На совещании главнокомандующих фронтами в декабре 1916 г. генерал Н. Д. Рузский заявлял, что несчастьем Северного фронта являются Рига и Двинск: «Это два распропагандированных гнезда». Генерал А. А. Брусиллов добавил, что именно из Рижского района прибыл на Юго-Западный фронт «совершенно распропагандированный» 7-й Сибирский корпус, солдаты которого отказывались идти в атаку³⁸.

Революционизированию солдатских масс способствовал призыв в армию политических ссыльных, произведенный в 1916 г. В январе 1917 г. начальник Томского губернского жандармского управления докладывал Департаменту полиции, что в 18-м Сибирском стрелковом полку находится много ссыльных Нерчинского края, бывших работников петроградской, московской и других организаций РСДРП. Они собирают около себя небольшие группы солдат и стараются внушить им, что война нужна только правительству и привилегированным классам, а рабочим и крестьянам она приносит только бедствия и потому необходимо всеми силами стремиться к скорейшему заключению мира. Далее в донесении говорилось, что В. Косарев, солдат из ссыльных, разъяснял своим товарищам: «Важно, чтобы возможно больше членов организации попало в действующую армию, где уже в широких размерах ведется пропаганда под руководством находящихся там членов Петроградской, Московской и Одесской организаций, которые и будут давать инструкции прибывающим из провинции социал-демократам»³⁹.

В «Письме с фронта» П. Шатров (видимо большевик) писал, что армия в тылу и особенно на фронте полна революционными элементами, способными стать активной силой восстания, задача состоит в том, чтобы слаять их воедино, отдельные беспорядки, бунты и мятежи превратить в одно общее восстание армии, указав восстанию определенную конечную цель, вполне продуманную стратегию и тактику и надлежащие организационные формы⁴⁰.

В качестве лозунгов восстания П. Шатров выдвигал: всенародное учредительное собрание, земля и воля, 8-часовой рабочий день, равноправие национальностей, демократическая республика. Важнейшей силой восстания должна была явиться революционная армия, командный состав которой предлагалось избирать из среды солдат и которая должна поступить в распоряжение Временного революционного правительства. Выступая против тех, кто занимается общими рассуждениями о «восстании-процессе», не видя реальной действительности (вероятно, имелось в виду меньшевики), автор «Письма с фронта» пишет: «Ува-

³⁸ «Разложение армии в 1917 году». М.—Л., 1925, стр. 7.

³⁹ ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1917 г., д. 293, ч. 82, лт. Б, л. 1.

⁴⁰ «Красный архив», 1926, № 4 (17), стр. 39.

жаемые товарищи, „восстание-процесс“ идет по всему лицу российской армии и выражается в том глухом недовольстве, которое вырастает везде и отовсюду. Но именно у наиболее активных из „восставших“ убивается революционная энергия и подавляется революционное творчество от сознания, что нет единства, организованности, плана, конечной цели восстания». П. Шатров выражал уверенность, что «с помощью восставшей армии восставшему народу нетрудно будет смести дотла всю эту мерзость, которая теперь царствует и хозяйничает в России».

Прочитав «Письмо с фронта», военный министр М. Беляев отметил, что содержание письма и некоторые другие сведения свидетельствуют о том, что «революционные силы приступают к использованию настоящего положения государства для плаво-вой организации в армии всех тех ненадежных ее элементов, кои не могли, конечно, не проникнуть в ряды ее при массовых призывах всего военнообязанного мужского населения страны»⁴¹. Военный министр предписывал всеми средствами подавить работу революционных элементов, а революционная работа в армии, вопреки этому, продолжалась.

Масса солдат и часть офицеров все решительнее тянулась к миру. В сводках с фронта сообщалось, что многие офицеры не убеждены в положительном исходе войны, что отношение к правительству самое отрицательное, что никогда раньше в обществе офицеров и тем более в присутствии лиц высшего командования не происходили такие откровенные разговоры о возможности падения династии. По словам уполномоченного Земского союза, ездившего осенью 1916 г. в район Прибалтики, солдаты обвиняют военные власти во взяточничестве, трусости, пьянстве и даже предательстве. Все виденное «определенно рисует картину разложения армии, а это предвещает и скорый конец войны»⁴². Вернувшиеся с фронта врачи сообщали Земскому союзу о росте недовольства и всеобщей усталости от войны и тяге к миру. Солдаты-фронтовики писали своим родным: «До чего надоела эта война, до чего опротивела, что даже свет божий не мил стал»; «Война надоела решительно всем»; «Стали ходить настойчивые слухи между солдат, что скоро будет мир. Скорее бы, а то страшно надоело»; «У нас усиленно говорят о мире... какое это было бы блаженство»; «Проклята будь эта война».

Участилось бегство солдат с фронта, маршевые роты прибывали в действующую армию далеко не в полном составе, часть солдат убегала в пути. К началу революции число дезертиров из русской армии дошло до 2 млн. человек. Солдаты массами сдавались в плен. «А почему наши так начали сдаваться? — спрашивал солдат и отвечал: — Потому что бьют нас, дураков, кру-

⁴¹ «Красный архив», 1926, № 4 (17), стр. 45.

⁴² «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 133.

гом: на позициях немцы, в тылу за все маловажные проступки наказывают телесным наказанием — бьют розгами»⁴³.

Стремление солдат к миру выражалось и в более активных формах. Имелись случаи отказа отдельных частей выступить на передовые позиции. Солдаты заявляли, что оборону держать будут, но в наступление не пойдут, так как не желают проливать кровь. Из арсенала борьбы рабочего класса фронт позаимствовал такую форму, как забастовка. В донесениях начальства и в письмах солдат сообщалось: солдаты «забастовали». Отказ от выполнения приказов командования сопровождался серьезными волнениями и вызывал репрессии царских властей. Такие части отводили в тыл, зачинщиков расстреливали, офицеров отстраняли от должностей.

В октябре 1916 г. серьезные волнения вспыхнули на распределительных пунктах в Гомеле и в Кременчуге. В Гомеле солдаты избивали караульных, освободили арестованных и, захватив оружие, вступили в перестрелку с полицией. Раздавались возгласы: «Долой войну!». Выступление было жестоко подавлено, 9 его участников расстреляно, но положение в районе Гомеля долгое время оставалось напряженным. Губернатор писал, что необходимо немедленно перевести распределительный пункт в другое место или полностью изолировать его от общения с гражданским населением.

На фронте начало распространяться братание. Несмотря на запрещение офицеров, русские и австро-германские солдаты выбрасывали белые флаги, шли в окопы неприятеля или встречались у проволочных заграждений, обменивались подарками, угощали друг друга хлебом, табаком, папиросами. Братание на фронте еще не приняло массового характера, но и в том виде, в каком оно в то время развернулось, имело огромное значение в борьбе против империалистической войны. Братание ломало дисциплину буржуазно-помещичьих армий и способствовало интернациональному сплочению трудящихся воюющих стран.

Большое влияние на солдатскую массу оказывало революционное движение рабочего класса. Несмотря на цензурные рогадки, вести о стачечном движении пролетариата доходили до фронта. В солдатских письмах говорилось: «Только может быть мир тогда, ежели солдаты сделают и в России будут в заводах забастовки»; «Пишите, какие разговоры идут дома относительно бунтов; если есть, то нужно их усиливать, тогда только война кончится»; «Я не могу представить себе той радости, когда узнал, что наши товарищи-братья торжественно ознаменовали день 9 января»; «Все готовы к революции. А что революция будет, так это пожалуй более чем вероятно»; «Теперь солдат не тот, что был

⁴³ «Царская армия в период мировой войны и Февральской революции», стр. 26.

в японскую войну, под маской покорности рабской кроется страшная злоба... Только зажечь маленькую спичку и вся эта масса загорится»⁴⁴.

В русской и зарубежной буржуазной литературе широко распространено утверждение, что царская армия к моменту революции представляла собой прочную вооруженную силу, готовую вести успешную борьбу с противником в предстоящей весенней кампании 1917 г. Но многие буржуазные лидеры вынуждены были признать иное. П. Милюков писал: «Справедливость требует отметить, что развал в армии не был исключительным явлением послереволюционного времени. И нежелание воевать, и падение дисциплины, и подозрительное отношение к офицерству, и дезертирство в тыл — все эти явления замечались еще до революции»⁴⁵. М. Родзянко также указывает, что симптомы разложения армии были заметны и чувствовались уже на второй год войны. Поражения на фронте и развал в тылу, жестокий режим в частях и тяга к миру создавали благоприятную почву для перехода солдат на сторону народа. Революционное движение отнимало у царизма его вооруженную силу. Это было одним из наиболее ярких выражений нараставшего революционного кризиса.

Империалистические державы вели мировую войну под лозунгами «свободы и независимости народов». На деле обе группы империалистов стремились к усилению угнетения народов. Вот почему в годы войны вопрос об освобождении народов от национального гнета встал с еще большей остротой, чем в довоенное время.

Национальный вопрос занимал особое место в общественной жизни России. Русский царизм угнетал многие народы Европы и Азии. Больше половины населения Российской империи составляли нерусские народности. Они стояли на разных ступенях экономического и культурного развития, но все в той или иной форме подвергались притеснениям русских чиновников, помещиков и капиталистов. Призывая народы России к защите отечества, царизм не только не ослабил, но еще больше усилил их угнетение. На всем пространстве империи самодержавие продолжало осуществлять жестокий террор, раздувать великодержавный шовинизм и разжигать межнациональную рознь.

Царизм угнетал Финляндию. В годы войны это угнетение усилилось. Самодержавие ограничивало конституцию Финляндии, стесняло свободу печати и собраний, арестовывало и ссылало в Сибирь депутатов финского сейма, членов городских магистратов и других финских деятелей. Царские власти рассчитывали

⁴⁴ О. Чаадаева. Армия накануне Февральской революции. М.—Л., 1935, стр. 68—69.

⁴⁵ П. Милюков. История второй русской революции, т. I, вып. 1. София, 1921, стр. 85.

этими мерами подавить сепаратистское движение в Финляндии. Но результаты получились обратные. Даже царский министр А. Ф. Трепов вынужден был признать, что «население Финляндии по своему племенному происхождению, языку, вероисповеданию, нравам, понятиям совершенно чуждо всему русскому», что финское население отрицательно относится к русской правительственной власти и стремится к полной самостоятельности⁴⁶.

Царизм угнетал Польшу. В первые дни войны царское командование объявило, что русские войска несут польскому народу благую весть «примирения и объединения». Оно писало: «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя! Под скипетром этим возродится Польша свободной в своей вере, в языке, в самоуправлении». Но это были пустые слова. Война не несла никакого примирения и объединения Польше, самоуправление, язык и религия по-прежнему притеснялись самодержавием. В июле 1915 г., в разгар немецкого наступления на польские земли, царское правительство объявило, что Польше будет предоставлена автономия. Но дальше разработки многочисленных проектов польской автономии дело не продвигалось. Царь отложил провозглашение польской автономии на послевоенное время. Ничего не сделали для разрешения польского вопроса и кадеты. Московское отделение Центрального комитета кадетской партии в ноябре 1916 г. пришло к заключению, что «выступление партии с признанием независимости или вообще с какими-либо проектами устройства Польши несвоевременно... Независимость Польши означает известное ослабление военного могущества России»⁴⁷.

В годы войны самодержавие обрушилось новыми репрессиями на украинский народ. Оно закрывало периодические издания, выходившие на украинском языке, производило изъятия украинских книг из библиотек, преследовало местные просветительные общества, по-прежнему запрещало преподавание на украинском языке. Когда русские войска заняли Галицию и Буковину, царские власти отняли у украинского населения этих районов и те права, которыми оно пользовалось в Австро-Венгрии. Украинские школы, газеты и культурные учреждения, существовавшие в Галиции и Буковине, были закрыты, многие украинские деятели были арестованы и высланы внутрь России, униатская церковь подвергалась преследованию.

В годы войны остро встал вопрос о судьбах армянского народа. Население Западной Армении подвергалось истреблению турецкими властями. Это была национальная трагедия, превзошедшая все прежние страдания армянского народа. Армяне

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 627, оп. 1, д. 115, л. 3.

⁴⁷ Там же, ф. 579, оп. 1, д. 1108, л. 1.

искали спасения у России. Организовались добровольческие отряды армян, сражавшиеся на стороне России, армянское население оказывало помощь русской армии, надеясь получить автономию для своих земель. Но надежды армянского народа не осуществились. В армянских областях, отвоеванных у Турции, русское командование вводило свой порядок. Намереваясь превратить Западную Армению в обычную провинцию Российской империи, царские власти наметили план ее заселения русскими казаками. После занятия русскими войсками турецкой Армении царские власти не пускали армян-беженцев обратно на родину. Царизму нужны были армянские земли без армян.

В тяжелом положении находилось еврейское население, особенно западных районов страны, которым угрожало вторжение немецких войск. Царские власти обвиняли все это население в сочувствии противнику и даже в шпионаже. Они брали в качестве заложников раввинов и богатых евреев, предупреждая, что за каждый случай замены заложники будут повешены. Евреи подлежали поголовному выселению из прифронтовой полосы. Это выселение сопровождалось страшными издевательствами, мучениями, а нередко и погромами. В одном из заявлений рабочей группы Военно-промышленного комитета говорилось, что царское правительство травит еврейское население, как травят зверей. «Под предлогом шпионажа и других подобных ложных наветов, оно их тысячами сгоняло с родных мест, гоняло из одного конца России в другой, запрещая селиться, разрувало на части семьи, отрывало детей от матерей, — наконец, официально, через Департамент полиции, подготовляло погромы... Целый народ ежедневно распинается на кресте, а далеко уходящий в глубь страны тыл русской армии усеян тысячами безвестных еврейских могил»⁴⁶. Для еврейского населения сохранились все прежние ограничения (проживание только в черте оседлости, закрытие доступа на государственную службу, ограничение при приеме в учебные заведения, запрет продвижения по службе нижним чинам и т. п.).

Некоторые ограничения распространялись и на другие нерусские народности. Мусульмане Туркестанского края были лишены представительства в Государственной думе, им запрещалось приобретение новых земель, число их гласных в Городских думах не могло превышать более одной пятой общего числа гласных, ограничивался доступ нехристиан в присяжные заседатели, в члены училищных советов и т. д.

Царизм тормозил экономическое и культурное развитие окраин страны. Вел. кн. Николай Николаевич в записке царю (октябрь 1916 г.) вынужден был признать, что «за истекшие со времени присоединения Кавказа к Русской империи десятилетия

⁴⁶ «Канун революции». Пг., 1918, стр. 76.

было уделено чрезвычайно мало внимания этой богатейшей окраине и проявлялась забота не столько об экономическом и культурном ее преуспевании, сколько о поддержании в пределах края полицейского порядка и спокойствия»⁴⁹.

Разгул великодержавного шовинизма и угнетательская политика правительства вызывали ответную волну местного национализма. Эксплуататорская верхушка угнетенных народов стремилась отвлечь трудящихся от социальной борьбы и, объединив их под общенациональным флагом, подчинить своему влиянию. Борьба этой верхушки за национальные права не выходила за рамки существующего политического строя. Она сводилась к требованиям создания национальных школ и других культурно-просветительных учреждений, распространения земства и суда присяжных на окраины государства, отмены национальных и религиозных ограничений и т. п. Национальная буржуазия не вступала на путь революционной борьбы против самодержавия. Поддерживая военные усилия царизма, ратуя за войну до победного конца, она рассчитывала получить национальные права сверху, из рук самого царя. Дашнаки ждали освобождения турецких армян от победы русского оружия и возглавляли добровольческое движение в помощь царской армии. Латышская буржуазия, стремясь уничтожить господство немецких баронов и выступая против захвата Прибалтики кайзеровскими войсками, создавала добровольческие стрелковые батальоны, входившие в русские войска. Даже лидеры азербайджанской партии «Мусават», в которой была очень сильна протурецкая ориентация, заявляли о своей готовности способствовать победе царизма.

Путь к освобождению народов России от национального гнета лежал через свержение монархии. По этому пути трудящихся России вел русский пролетариат. Большевики рассматривали ликвидацию национального гнета, как одну из важнейших задач русской революции. Они выступали за широкую областную автономию, демократическое местное самоуправление и требовали предоставления всем нациям права на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств.

Условия для развертывания освободительной борьбы народов России сложились в годы войны неблагоприятно. Территории Прибалтики, Украины, Белоруссии, Закавказья или входили непосредственно в зону военных действий, или составляли прифронтовую полосу. Здесь было сосредоточено огромное количество войск и введено военное положение, действовали законы военного времени и свирепо подавлялось малейшее проявление недовольства и протеста.

Восточные районы России были расположены далеко от театра военных действий, военный режим коснулся их в меньшей

⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 997, л. 2.

мере, чем западные районы. Но война и здесь легла тяжелым бременем на трудящихся и способствовала упадку хозяйства и обнищанию народа. Из Средней Азии и Казахстана выкачивались огромные сырьевые ресурсы, а промышленных товаров здесь не хватало. Цены на предметы первой необходимости росли, налоги увеличивались, массы трудящихся нищали и разорялись. В первые два года войны царское правительство не решалось вручить оружие или привлечь в тыловые части местное население. Царские чиновники писали о «неблагонадежности» этого населения, о его склонности к «бродячему образу жизни», непригодности к климатическим и бытовым условиям театра войны и т. п. Но война затягивалась, людские ресурсы иссякали; занятых на тыловых работах направляли на фронт, а на смену им решено было мобилизовать коренное население Средней Азии и Казахстана.

В июне 1916 г. царское правительство объявило о привлечении «мужского инородческого населения» Туркестанского и Степного краев и некоторых других районов страны, в возрасте от 19 до 43 лет, к устройству оборонительных сооружений в районе действующей армии. Этим указом самая работоспособная часть крестьян в разгар полевых работ отрывалась от мирного труда и «реквизировалась» для тяжелой работы в непривычных условиях ради чуждой их интересам войны. Царский указ о мобилизации мужского населения вызвал в Средней Азии и Казахстане восстание против самодержавия. Массы трудящихся, вооруженные палками, камнями, кетменями, ягодами и ружьями, нападали на представителей царской администрации, на полицейских, казаков и чиновников и чинили расправу над ними. Восставшие уничтожали списки мобилизуемых и заявляли, что не дадут людей на войну.

Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане приняло длительный и упорный характер. Оно объединило различные социальные силы. В нем участвовали и феодально-клерикальные элементы, пытавшиеся придать движению религиозный характер и направить его на восстановление средневековых порядков, и буржуазно-националистические группы, стремившиеся использовать борьбу народных масс для установления своего господства. Реакционные силы толкали восставших на расправу с мирным русским населением и вызвали ряд кровавых межнациональных столкновений. Но не эти силы и не эти столкновения определяли характер восстания 1916 г. Его движущей силой были трудящиеся массы, боровшиеся против национально-колониального гнета русского царизма. Эти массы были не организованы и недостаточно сознательны. Их движение носило стихийный характер и было жестоко подавлено царизмом. Карательные экспедиции царских войск расстреливали тысячи крестьян, сжигали кишлаки и аулы, уничтожали посевы, отбирали скот. Военно-полевые суды

приговаривали участников восстания к смертной казни, к каторжным работам, к тюремному заключению. У местного населения отнимались земли.

Восстание 1916 г. не было непосредственно связано с революционным движением русского рабочего класса; будучи изолированным, оно не в силах было свергнуть колониальное иго и добиться освобождения. И все же колониальный режим самодержавия вышел из борьбы с восстанием ослабленным. Царизму пришлось сократить количество призываемых в армию, отсрочить сроки призыва, а в некоторых местах заменить принудительный набор добровольным.

Национально-освободительное движение расшатывало устой царской тюрьмы народов и тем способствовало решению общей задачи трудящихся России — свержению самодержавия.

Революционный кризис нашел отражение в политике буржуазии. Начало войны прошло под знаком единения буржуазии с царизмом во имя борьбы с внешним врагом. Но сотрудничество с царизмом не приводило к желательным для буржуазии результатам, — чем дальше шла война, тем это становилось все более очевидным. Поражения на фронте и развал в тылу ставили под сомнение победу в войне, которую буржуазия так жаждала, и способствовала росту революционных сил, которого буржуазия так опасалась. От единения с царизмом буржуазия переходила к оппозиции. С помощью Государственной думы и новых опорных пунктов, созданных в годы войны в лице Земгора и военно-промышленных комитетов, буржуазия хотела изменить политику правительства, заставить его потесниться и дать ей место под солнцем. Она добивалась уступок от самодержавия, чтобы более активно участвовать в управлении страной. В то время как царское правительство стремилось прервать работу Думы на возможно более длительный срок, а то и вовсе распустить ее, буржуазия требовала, чтобы Дума созывалась чаще и функционировала дольше. Она настаивала на смене правительства и образования такого Совета министров, который бы смог обеспечить правильную организацию тыла войны, сохранить внутренний мир в стране и «сотрудничество с обществом».

На новой сессии Государственной думы, открывшейся в июле 1915 г., ровно через год после начала войны, снова раздались призывы к сплочению всех сил страны вокруг царя в целях победоносного ведения войны. Глава правительства И. Л. Горемыкин и царские министры предлагали во имя этого наладить сотрудничество между правительством и Думой. На сей раз призывы царских министров не встретили, однако, такой восторженной поддержки, как на предыдущих думских сессиях. Многие депутаты обвиняли правительство в том, что «оно не идет навстречу обществу», нарушает законность, разжигает внутренние распри, сеет национальную рознь.

В обстановке растущего революционного движения большая часть членов Государственной думы по инициативе кадетов в августе 1915 г. объединилась в так называемый Прогрессивный блок. В этот блок вошли все буржуазно-помещичьи фракции Думы (кроме крайне правых) — кадеты, прогрессисты, октябристы, центр, прогрессивные националисты. К блоку присоединилась часть членов Государственного совета (группа центра и академическая группа). Блок наметил программу умеренных либеральных реформ, чтобы с их помощью предотвратить надвигающуюся революцию.

В программе блока отмечалось, что только сильная, твердая и деятельная власть, опирающаяся на доверие страны, может довести войну до победы. В ней указывалось на необходимость осуществлять начала законности, сохранить внутренний мир, обновить местную администрацию, амнистировать лиц, осужденных по политическим и религиозным делам, разработать вопрос об автономии Польши, повести примирительную политику в Финляндии, вступить на путь отмены ограничений в правах для евреев, восстановить «малороссийскую печать». В программе блока говорилось о необходимости разрешить деятельность профессиональных рабочих союзов, утвердить законопроекты об уравнении прав крестьян с правами других сословий, ввести волостное земство, создать земские учреждения на окраинах страны и т. д.⁶⁰

Боясь отпугнуть от блока правые группы, кадеты не решились выдвинуть требование министерства, ответственного перед Думой, и введения буржуазно-демократических свобод (свободы слова, печати, собраний и т. п.). Лидер «прогрессивных националистов» В. В. Шульгин писал, что, вступив в Прогрессивный блок, они приковали кадет к «минимальной программе», но кадеты, с другой стороны, вовлекли их в борьбу за власть. «Конечно, нас толкают в спину и заставляют двигаться вперед. Но мы упираемся. Держим друг друга за руки и не позволяем толпе прорваться»⁶¹. В. Шульгин называл Прогрессивный блок «бело-сине-красным», т. е. национальным блоком, а участников его — пожарными, ставившими целью тушить революцию и раздувать огонь войны.

Буржуазия пыталась оказать давление на самодержавие также с помощью земского и городского самоуправления и военно-промышленных комитетов. Совещание представителей военно-промышленных комитетов Московского района, состоявшееся в августе 1915 г., требовало перестройки правительственной власти, немедленного включения в ее состав лиц, «облеченных доверием страны». На съездах Земского союза и Союза городов, состоявшихся в сентябре 1915 г., указывалось, что единственный выход из создавшегося положения — создание «министерства доверия»

⁶⁰ «Речь», 26 августа 1915 г.

⁶¹ В. Шульгин. Дни. Белград, 1925, стр. 134.

и осуществление программы Прогрессивного блока. Буржуазия не намеревалась свергать царизм. Она хотела вместе с царизмом бороться против революции за победное ведение империалистической войны. А. И. Гучков заявил: «Не для революции мы призываем власть пойти на соглашение с требованием общества, а именно для укрепления власти, и в целях защиты родины от революции и анархии нам необходимо сделать последнюю попытку через наших представителей открыть верховной власти глаза на то, что происходит в России, и на возможные ужасные последствия»⁵².

Земский и городской съезды выделили депутацию к царю, поручив ей сообщить Николаю II свое мнение о положении страны и необходимости призвать к власти лиц, пользующихся ее доверием. Но царь не пожелал разговаривать с депутацией по вопросам, не входящим в прямые задачи Земского и Городского союзов. Царское правительство не пошло навстречу буржуазии и созданному ею Прогрессивному блоку. Протянутая рука повисла в воздухе. Буржуазия колебалась, стоя на распутье. Понимая, что царизм не способен предотвратить революцию и выиграть войну, буржуазия не вела, однако, против него решительную борьбу.

«Трагическое положение» — так назвал свою статью кадет В. А. Маклаков, помещенную в 1915 г. в газете «Русские ведомости». Он приводил такое сравнение: шофер автомобиля, несущегося по крутой и узкой дороге, не умеет править машиной и ведет и вас и себя к гибели, но он цепко ухватился за руль и не хочет отдать его в руки тех, кто умеет править. Что делать? Насильно заставить шофера уступить свое место? Но можно ли это сделать на бешеном спуске по горной дороге? Шофер смеется над вашей тревогой и вашим бессилием: «не посмеете тронуть». Он прав: вы не посмеете тронуть; «вы себя сдержите, вы отложите счеты с шофером до того вожделенного времени, когда микует опасность, когда вы будете опять на равнине, вы оставите руль у шофера».

Прибегнув к аналогии, В. Маклаков хотел сказать, что в грозное военное время власть должна остаться в руках царского правительства. Но кадетского деятеля обуревали сомнения, его статья заканчивалась вопросом: «Но что будете вы испытывать при мысли, что ваша сдержанность может все-таки не привести ни к чему, что даже и с вашей помощью шофер не управится! Что будете вы переживать, если ваша мать при виде опасности будет просить вас о помощи и, не понимая вашего поведения, обвинит вас за бездействие и равнодушие?»⁵³ Ответа на этот вопрос не было. Статья В. Маклакова наглядно отразила двойствен-

⁵² «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 50.

⁵³ «Русские ведомости», 27 сентября 1915 г.

ную позицию русской буржуазии, ее шатания и колебания. Не решаясь и после поражений на фронте порвать с царской монархией, она хотела воспользоваться этими поражениями и революционной угрозой, чтобы добиться у нее уступок. Так или иначе, прежнее единство буржуазии и царизма было нарушено.

Трещина образовалась и в самом царском правительстве. В обстановке поражений русских войск на фронте и роста революционного движения в тылу царизму пришлось произвести некоторые изменения в составе министров. Вслед за Сухомлиновым из правительства были удалены крайние реакционеры — Н. А. Маклаков, В. К. Саблер, И. Г. Щегловитов. Вновь назначенные министры принадлежали к более умеренному крылу правящих верхов и хотели наладить сотрудничество с Государственной думой. Царица была недовольна новыми министрами, об этом она писала царю. Александра Федоровна просила Николая II не собирать как можно дольше Государственную думу. «Надо их отстранить... Россия, слава богу, не конституционная страна... Не позволяй им наседать на тебя. Это ужасно, если им сделать уступку, то они подымут голову»⁵⁴.

В результате изменений в составе правительства, сторонники прежней политики, возглавляемые И. Л. Горемыкиным, оказались в Совете министров в меньшинстве. Между двумя группами министров вскрылись разногласия. На секретных заседаниях Совета министров в августе 1915 г. В. Н. Шаховской, А. А. Поливанов, С. Д. Саонов и другие указывали своим коллегам, что положение страны непрерывно ухудшается, все кипит, волнуется, доходит до отчаяния, и взрыв беспорядков возможен каждую минуту. Министр внутренних дел Н. Б. Щербатов заявлял, что войска ненадежны и нет уверенности в том, что их можно заставить стрелять в толпу, а одними городскими не усмирить Россию. Горемыкин невозмутимо возражал министрам, утверждая, что разговоры о росте революционного движения являются явным преувеличением и монархии не угрожает серьезная опасность⁵⁵. Горемыкин не являлся безобидным, безвольным старцем, как его иногда изображали. Он и его сторонники упорно выполняли волю «темных безответственных лиц», группировавшихся вокруг Распутина. Одни министры искали новых путей для успокоения страны, другие предлагали продолжать действовать прежними методами голого насилия.

В августе 1915 г. распутинская клика добилась отстранения от верховного главнокомандования Николая Николаевича. Царица внушала царю, что великий князь отесняет его от власти и хочет забрать в свои руки управление страной. Она убеждала Нико-

⁵⁴ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. III. М.—Пг., 1923, стр. 244.

⁵⁵ «Архив русской революции», т. XVIII, стр. 39.

лая II самому взять пост Верховного главнокомандующего; царь и сам давно хотел сделать это. Решение царя об отстранении Николая Николаевича привело министров в сильное волнение. Министры указывали царю на пагубность такого шага, заявляли, что отстранение великого князя может явиться искрой, брошенной в пороховой погреб, и убедительно просили царя пересмотреть принятое решение. В письме к царю М. Родзянко писал: «Коленопреклоненно молю вас горячо не медлить решешнем, сохраняя от грядущей беды священную для нас особу русского царя и царствующую династию»⁵⁶.

Мольбы Родзянко и министров не возымели действия. Собрав заседание Совета министров, царь терпеливо слушал их речи, бросая реплики: «Я увижу», «Я подумаю», а в заключение сказал: «Я выслушал ваши мнения и остался при своем решении». Он взял верховное главнокомандование на себя, направив Николая Николаевича на пост наместника Кавказа и командующего Кавказским фронтом. Начальником штаба Верховного главнокомандующего был назначен теперь М. В. Алексеев, сосредоточивший в своих руках все управление армией; роль царя как верховного главнокомандующего сводилась к тому, что он заслушивал доклады Алексеева и скреплял своей подписью подготовленные им приказы.

В обстановке роста недовольства масс и усиления оппозиционности буржуазии царям все больше поворачивал вправо. Бразды правления страной переходили в руки Александры Федоровны, Распутина и их окружения. Николай II проводил теперь большую часть времени в Ставке, а царица, находясь в Царском Селе, давала указания и инструкции министрам и другим государственным деятелям. Между царем и царицей шла оживленная переписка, центральное место в которой занимали советы «божественного старца». Распутин именовался в письмах «нашим другом» и упоминание о нем в третьем лице неизменно писалось с большой буквы. «Он сказал», «Его совет» и т. д. Александра Федоровна внушала мужу, что выполнение советов старца является единственным средством спасения монархии. Следуя этим советам, царь удалил «бунтовавших» министров, правда не сразу, не всех вместе, а постепенно и в одиночку. Но в начале 1916 г. царю пришлось расстаться и с Горемыкиным.

Председателем Совета министров был назначен Б. Штюрмер. Это был такой же ярый реакционер и бюрократ, как и Горемыкин, но человек более твердый и хитрый. Штюрмера считали сторонником сепаратного мира с Германией, он являлся ставленником царицы и Распутина, и его назначение вызвало возмущение в среде буржуазно-помещичьей оппозиции. Это возмущение сна-

⁵⁶ В. П. Семеняков. Политика Романовых накануне революции. М.—Л., 1926, стр. 85.

чала не приняло открытой формы. Больше того, назначение Штюрмера, совпавшее с временным спадом рабочего движения, стабилизацией линии фронта и получением буржуазией больших военных заказов, породило среди некоторых думских лидеров надежду на возможность стовора с царским правительством. После беседы с Штюрмером Родзянко заявил, что царское правительство готово достигнуть соглашения с Прогрессивным блоком на основе взаимных уступок, и потому предлагал депутатам Думы отказаться от выдвижения перед правительством «несвоевременных и чрезмерных» требований.

9 февраля 1916 г. возобновились заседания Государственной думы. Штюрмер хотел установить контакт с думским большинством. По его предложению Николай II посетил Таврический дворец и обратился к депутатам Думы с речью. Заявив, что счастлив находиться в среде депутатов, царь призвал «благословение божие» на труды Думы. Дума была растрогана столь высокой царской «милостью». «Какая радость нам, какое счастье — наш русский царь здесь, среди нас!» — воскликнул Родзянко. Председатель Думы призывал правительство осуществить тесное и близкое общение с Думой и доверчиво призвать к себе в помощь общественные силы. Новый председатель Совета министров в свою очередь заверял депутатов, что правительство будет бороться с немецким засильем и добиваться победы над Германией и предлагал ради этой цели отбросить внутренние разногласия⁵⁷.

Не все депутаты Думы верили Штюрмеру, и критика царского правительства продолжалась. Но острые углы все же были сглажены. Заслушав декларацию правительства, Дума не приняла никакого решения, ограничившись простым переходом к очередным делам. Буржуазные лидеры хотели осуществить программу Прогрессивного блока, но не знали, как добиться на этой основе соглашения с правительством Штюрмера. П. Милуков закончил свою речь в Думе следующими словами: «Я знаю, где этот выход, но как в него пройти я не знаю. У нас нет средств решить этот вопрос собственными силами, и мы не решаемся больше обращаться к мудрости государственной власти. Я схожу с этой кафедры без ответа и без надежды получить его от теперешнего кабинета»⁵⁸.

На съезде кадетской партии в феврале 1916 г. делегаты Москвы и других городов заявляли, что умеренная линия Милукова не ведет к цели, и настаивали на более непримиримом отношении к царскому правительству и сближении с левыми элементами. А. Шингарев предлагал не идти навстречу лисьей тактике Штюрмера, не вступать с ним ни в какие переговоры, а требовать

⁵⁷ «Стенографический отчет. Государственная дума, четвертый созыв. Сессия IV», стр. 1225.

⁵⁸ Там же, стр. 1323.

его немедленного ухода. «Власть сама себя завлекла в пучину, пусть она тонет: этой власти, такой власти мы не можем бросить и обрывка веревки»⁶⁹. Но гора родила мышь. Выслушав левые речи, съезд кадетской партии остался на правых позициях. Высказавшись за необходимость сближения с левыми элементами в лице меньшевиков и трудовиков, он не хотел ликвидировать блок с октябристами. Отвергнув требование «ответственного министерства», съезд высказался за «министерство доверия».

Резкие антиправительственные речи произносились и на съездах Городского и Земского союзов, состоявшихся вскоре после кадетского съезда. Один из деятелей Городского союза Н. Астров сказал, что «правительство попало в руки шутов, проходимцев и предателей и ему надо сказать только одно — уйдите». Большинство делегатов съездов не решилось поддержать такое категорическое требование, и все-таки доверия между Союзом и царизмом не установилось. Правительство было недовольно речами буржуазных лидеров и всячески ограничивало деятельность земских, городских и других общественных организаций. Совет министров запретил созыв земских, городских и тому подобных съездов и совещаний без предварительного разрешения властей. Земскому и Городскому союзам и Военно-промышленному комитету было предложено не выходить за пределы обсуждения деловой программы, определенной царскими властями. Царизм разрушал и материальную основу сотрудничества с буржуазией. Он нуждался в буржуазии, когда снабжение русской армии находилось в катастрофическом положении, но как только оно стало улучшаться, правительственные заказы стали сокращаться. Капиталисты забеспокоились. Они протестовали против действий правительства, обвиняя его в срыве снабжения армии. Им хотелось полностью использовать благоприятную военную конъюнктуру для собственного обогащения.

Русская буржуазия проявляла большое беспокойство и по поводу направления внешней политики царского правительства. В правительственных кругах имелись германофильские тенденции, ходили слухи, что Александра Федоровна, Распутин и их окружение стремятся к заключению сепаратного мира с Германией. Видимо в расчете на это германское правительство напугивало возможность откола царской России от ее союзников. Фрейлина императрицы М. А. Васильчикова в письмах из Австрии Николаю II, ссылаясь на беседы с «высокопоставленными людьми», в частности с министром иностранных дел Германии фон Яговым, убеждала царя в том, что Германия искренне желает заключить прочный мир, который обеспечит России обладание Дарданеллами и спасет ее от революции. Александра Федоровна получила письмо от своего брата — герцога Гессенского, который предлагал

⁶⁹ «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 74.

направить доверенных лиц в Стокгольм, чтобы проложить мост для переговоров с Германией. Впоследствии попытки найти путь к сепаратному миру с Россией делались через директора Немецкого банка, участника германского синдиката промышленников, и ту же М. Васильчикову, сумевшую приехать в Петроград.

Царское правительство отклонило эти попытки, выслало Васильчикову из столицы, объявило о своей решимости продолжать войну до полной победы над врагом. Министр иностранных дел С. Сазонов опровергал слухи о мирных переговорах с Германией и подтверждал обязательство России не заключать сепаратного мира. Но недоверие к внешней политике России со стороны русской буржуазии и союзников оставалось. Чтобы сорвать маневры германской дипломатии и крепче привязать Россию к Антанте, правительства Англии и Франции согласились на осуществление вековой мечты русского царизма — присоединение к России Константинополя и проливов. Французское правительство направило в Россию министра юстиции Вивиани и товарища министра артиллерии и военных снабжений социалиста Альбера Тома, чтобы укрепить военное сотрудничество обеих стран. Министры республиканской Франции и царской России обсуждали вопросы дальнейшего ведения войны и усиления военного снабжения и договаривались о посылке русских солдат во Францию для укрепления Западного фронта. Звуки «Боже, царя храни» и «Марсельезы» сливались воедино. Коалиция держав Антанты, казалось, еще более упрочилась.

Но вот на ясном небе появились тучи. В июле 1916 г. министр иностранных дел англофил Сазонов был уволен в отставку. Этот пост занял сам председатель Совета министров — Б. Штюрмер. Английская печать высказала по этому поводу недовольство. Заместитель министра иностранных дел Великобритании Гардинг выражал сожаление по поводу такой «серьезной перемены». Но была ли серьезная перемена? Министерством иностранных дел продолжали руководить прежние чиновники, Штюрмер только «при сем присутствовал». Штюрмер заверял союзников, что внешняя политика России останется прежней. Каковы бы ни были личные симпатии Штюрмера, он не мог изменить эту политику. Было странно, что во главе правительства и министерства иностранных дел России во время войны с Германией поставлен немец, хотя и обрусевший. Вот почему, несмотря на заверения Штюрмера, у Антанты и русской буржуазии оставались опасения — не собирается ли Россия повернуть к союзу с Германией. Но прямых доказательств не было. Д. Бьюкенен и М. Палеолог считали, что, хотя Штюрмер является в душе германофилом и действует заодно с императрицей, бросить ему обвинение в стремлении заключить мир с Германией нет оснований. 5 октября 1917 г. М. Палеолог записал в своем дневнике: «Официально нам не в чем его упрекнуть; его слова и поступки совершенно кор-

ректны. Он даже поминутно заявляет нам: „Война до конца... Нет пощады Германии...“⁶⁰.

В августе 1916 г. английский король Георг V предупреждал Николая II, что германские агенты стремятся посеять рознь между Россией и Англией и распространяют слух, будто английское правительство, нарушая достигнутое соглашение, стремится воспрепятствовать овладению Россией Константинополем. «Мы решили, — писал английский король, — не отступать от обещаний, которые мы сделали, как твои союзники»⁶¹. Николай II в свою очередь заверял Георга V, что чувства глубокой дружбы к Англии и Франции все больше укрепляются в России и он постарается справиться с отдельными лицами, не разделяющими этого взгляда.

Война продолжалась. Она приняла затяжной изнурительный характер; обе стороны окопались друг против друга на фронте протяженностью свыше 1200 километров и вели позиционную войну, войну на истощение. В 1916 г. активные боевые действия оживились. Перейдя в наступление на Кавказском фронте, русские войска взяли у турок Эрзерум и Трапезунд. В конце мая 1916 г. на австро-венгерскую армию обрушились войска Юго-Западного фронта. Они нанесли сокрушительный удар противнику, захватив большие трофеи. Это был знаменитый Брусиловский прорыв, сорвавший осуществление важных планов германского командования, но не получивший дальнейшего развития и не сумевший изменить хода войны. Летние сражения 1916 г. снова выявили слабость и пороки русского командования, недостаточную маневренность русских войск, расстройство транспорта и всего тыла. Перспектива победы над Германией отодвигалась в туманную даль, становясь все более сомнительной. В стране росло революционное движение, направленное против войны и царизма. Это вызвало беспокойство буржуазии и усиливало оппозитционные настроения в ее среде.

Буржуазия искала выхода из создавшегося положения. В письме, написанном в августе 1916 г., А. Гучков обращался за помощью к генералу Алексееву, рассчитывая через него воздействовать на царя. Резко критикуя действия правительства, он жаловался Алексееву: «Нас не осведомляют, нас обманывают, с нами не считаются, не спрашивают... Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоостры и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны — надвигается

⁶⁰ М. Палеолог. Царская Россия накануне революции. М.—Пг., 1923, стр. 207.

⁶¹ «Монархия перед крушением». М.—Л., 1927, стр. 12.

потоп, — а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя: надевают галоши и раскрывают зонтик»⁶².

Но более решительных мер не принимала и сама буржуазия. Боясь, как бы не зажечь «первую искру пожара», она ограничивалась давлением на правительство и увещанием царя, обращением к отдельным военным и государственным деятелям и тревожными сигналами с трибуны Думы.

ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА

Революционный кризис в России неуклонно развивался и углублялся, потому что развивалась и углублялась его основа — непримиримые социально-экономические противоречия, обостренные империалистической войной. На первый взгляд история как бы повторялась. Снова, как и в 1904—1905 гг., — война, поражение русских на фронте, рост рабочего движения, брожение в деревне и в армии, оппозиция среди буржуазии. И снова, как тогда, надвигалась революция, призванная свергнуть самодержавие и уничтожить остатки крепостничества.

Но была и существенная разница. Перед русской революцией открывалась теперь более радужные перспективы, чем в 1905 г. Дальнейшее развитие капитализма и империалистическая война создали возможность более быстрой и решительной победы в России буржуазно-демократической революции и перерастания ее в революцию социалистическую. Русское революционное движение развивалось теперь и в более благоприятной международной обстановке, чем в 1905—1907 гг. Революционная буря охватила тогда одну Россию, теперь все передовые капиталистические страны шли навстречу революции. «Империалистическая война, — писал В. И. Ленин, — *связала* революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе. Эта связь настолько непосредственна, что никакое отдельное решение революционных задач в той или иной стране невозможно: буржуазно-демократическая революция в России теперь уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе.

Довести до конца буржуазную революцию в России, чтобы разжечь пролетарскую революцию на Западе, — так ставилась задача пролетариата в 1905 году. В 1915 году вторая половина этой задачи стала настолько насущной, что она на очередь становится одновременно с первой»⁶³.

⁶² «Монархия перед крушением», стр. 282.

⁶³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 27.

Революционный кризис в России являлся решающим звеном мирового революционного кризиса, связанного с войной. Хотя в России капитализм был развит значительно слабее, чем в Соединенных Штатах Америки, Англии или Германии, и российский пролетариат был малочисленнее американского, английского и германского пролетариата, революционный кризис в России нарастал более быстрыми темпами и принял более глубокий характер. В России завязался узел особенно острых противоречий. Война до основания распатала царскую монархию; дезорганизация тыла приняла в России колоссальные размеры, а бедствия и нужда трудящихся достигли крайней степени. Расстройство промышленности и разруха транспорта неуклонно нарастали, цены на предметы первой необходимости продолжали повышаться. Непомерные тяготы войны, рост налогов, дороговизна, общее расстройство тыла вызывали глухое брожение среди трудящихся. На этой почве продолжало развиваться стачечное движение рабочего класса. Оно не ограничивалось узко экономическими рамками. В связи с хозяйственным и продовольственным кризисом развернулось широкое политическое движение против войны и царизма.

Большевики разъясняли, что борьба против голода тесно связана с борьбой за свержение самодержавия, за демократическую республику и скорейшее прекращение войны. В воззвании Петербургского комитета РСДРП, выпущенном 12 октября 1916 г., говорилось: «Только объявив решительную войну войне, только остановив бушующий мировой пожар, человечество спасет себя от надвигающегося голода, нищеты и вырождения. . . Пора народным массам взять инициативу в свои руки, довольно терпеть и молчать. И пролетариат России должен немедленно поднять свой голос и вести за собой все живые и демократические элементы страны»⁶⁴.

Призыв большевиков нашел сочувственный отклик и активную поддержку рабочих. 13—15 октября на предприятиях Выборгского района состоялись митинги, посвященные борьбе с дороговизной и войной. «Не дадим наших товарищей на бойню», — говорили ораторы. Рабочие бросали работу и с пением революционных песен выходили на улицу. Митинги перерастали в стачки, стачки — в демонстрации. С Выборгской стороны забастовка перекинулась в другие районы столицы. 19 октября, по данным полиции, в ней участвовало 60 тыс. рабочих. Рабочие не предъявляли экономических требований, стачка носила политический характер; это был протест против войны и дороговизны. На улицах Петрограда произошли столкновения рабочих с полицией.

В эти дни впервые открыто проявилось сочувствие солдат рабочему движению. Солдаты 181-го пехотного запасного полка встали

⁶⁴ «Листовки петербургских большевиков», т. II, стр. 224.

на защиту рабочих-выборщиков, когда на них напали городовые. Выступление солдат против полиции встревожило воинское начальство. Солдат заперли в казармы, многих арестовали. 181-й полк вывели из революционного Петрограда. Выступление солдат 181-го полка было единичным и не нашло отклика в других частях. Но начало совместных выступлений рабочих и солдат было положено.

Стачкой 17—20 октября петроградский пролетариат продемонстрировал свое отношение к войне и царизму. Но он еще не имел возможности начинать тогда решающее сражение с врагом: брожение на фронте и в провинции еще не приняло широких размеров, петроградский гарнизон еще не был готов поддержать рабочих. Большевики призвали рабочих прекратить забастовку, укреплять и сплачивать свои ряды и в подходящий момент снова покинуть станки, чтобы всеобщей стачкой в союзе с армией повести последний штурм самодержавия.

Забастовка питерского пролетариата была организованно прекращена, но возбуждение в его среде не улеглось. Рабочих волновала судьба солдат 181-го пехотного запасного полка и руководителей большевистской организации Балтийского флота. 26 октября над Орловым, Сладковым, Ульяновцевым и их товарищами начался военный суд. Им грозила смертная казнь. В связи с этим через пять дней после окончания первой октябрьской забастовки развернулась вторая. Она возникла по призыву и под руководством большевиков по прямому политическому поводу. «Товарищи матросы и солдаты! — говорилось в воззвании Петербургского комитета РСДРП. — Мы заявляем свой голос возмущения против расправы с вами. В знак союза революционного народа с революционной армией мы останавливаем заводы и фабрики. Над вами занесена рука палача, но она должна дрогнуть под мощным протестом восставшего из рабства народа»⁶⁵.

Стачка питерских рабочих длилась три дня (26—28 октября), охватив в последний день около 50 предприятий с 120 тыс. рабочих (вдвое больше, чем в первой октябрьской стачке). К стачке примкнули рабочие мелких предприятий, типографий и учащиеся ряда высших учебных заведений. Царские власти и капиталисты ответили на стачку локаутом. Десятки тысяч рабочих были брошены на улицу. Это вызвало новую волну протеста. Возможность новой всеобщей стачки заставила царские власти и капиталистов отменить локаут. Угроза смертной казни над революционерами-моряками была устранена; суд приговорил четырех подсудимых к каторге, а остальных оправдал. Борьба рабочих против войны и царизма продолжалась.

⁶⁵ «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны», стр. 173.

Революционное движение рабочих вовлекало в эту борьбу и мелкобуржуазные слои населения. В обстановке нарастающего революционного кризиса и усиления революционных настроений масс произошло полевение мелкобуржуазных партий и групп.

Меньшевики-оборонцы, пытаясь приспособиться к новой обстановке, заговорили о необходимости заключения мира. Рабочая делегация на совещании областных военно-промышленных комитетов, состоявшемся в декабре 1916 г., заявила, что перед рабочим классом стоит задача скорейшей ликвидации войны и «заключение мира без насильственных аннексий и контрибуций, явных или скрытых»⁶⁶. Представители рабочих в военно-промышленных комитетах призывали рабочих бороться за устранение существующего режима и полную демократизацию страны. Но они не отводили рабочему классу самостоятельной политической роли. Гвоздевич исходил из того, что на путь борьбы с царским режимом вступила буржуазия и вся задача пролетариата состоит в том, чтобы оказывать давление на нее, требуя отказа от нерешительной и половинчатой политики по отношению к власти. Они считали, что земская третьиюнская Государственная дума может быть превращена в опорный пункт демократизации страны.

Заграничный секретариат «Организационного комитета РСДРП», петроградская «Инициативная группа» и другие организации меньшевиков-центристов осуждали позицию рабочей группы Военно-промышленного комитета и требовали ее отзыва, поскольку она не отражала интересов рабочего класса. П. Аксельрод, Л. Мартов, Ф. Дан, И. Церетели и другие отмежевались от оборонческого сборника «Самозащита», в котором были помещены статьи А. Н. Потресова и его сторонников. В связи с выходом этого сборника меньшевик О. А. Ерманский выпустил книгу под заглавием «Марксисты на распутье». Но на распутье были не марксисты, а уклонившиеся от марксизма меньшевики.

Особую позицию занимали межрайонцы (Межрайонная организация объединенных социал-демократов), возглавленные И. Юреневым. В эту группу входили большевики и меньшевики, стоявшие за объединение обеих организаций в одну партию. В годы войны межрайонцы по основным вопросам тактики партии занимали позиции, близкие к позиции большевиков, выступая за лозунг «война войне». Но в партийно-организационном вопросе они по-прежнему занимали позицию, отличную от позиции большевиков. Межрайонцы высказывались за созыв объединительной партийной конференции и неизменно заканчивали все свои листовки призывом: «Да здравствует единая РСДРП!»

Большевики высказывались против слияния с другими социал-демократическими группами, но там, где было возможно, действо-

⁶⁶ «Канун революции». Пг., 1918, стр. 80.

вали совместно с ними против общего врага. Так было, в частности, во время октябрьских стачек 1916 г. В письме, посланном из Петрограда в Иркутск межрайонцу Л. Карахану, указывалось, что в борьбе против войны и дороговизны, развернувшейся в октябре 1916 г., участвовали большевики, межрайонцы и «Инициативная группа» меньшевиков, что Петербургский комитет большевиков выработал резолюцию, которая принималась на митингах и в которой устанавливалась неразрывная связь продовольственного кризиса с общим вопросом о войне, что стачка протеста против суда над кронштадтскими матросами «приняла весьма широкий характер и достигла размеров, с начала войны у нас невиданных, хотя происходила она не всюду одновременно, а немного вразброд». Автор письма отмечает полное единодушие всех марксистских групп в этих выступлениях: «На заводах все выступления обсуждаются и проводятся совместно»⁶⁷. В том же письме указывалось, что большевики, межрайонцы и «Инициативная группа» бойкотируют рабочую группу Военно-промышленного комитета. «Темное пятно на светлом фоне — гвоздевцы — все больше теряют почву под ногами».

Однако фон не являлся таким светлым, гвоздевцы не были так изолированы, а единство между другими группами не было столь тесным, как это можно заключить из письма к Л. Карахану. Большевикский листок «Пролетарский голос» (№ 4, декабрь 1916 г.) отмечал, что меньшевики, объединившиеся вокруг «Инициативной группы», в идейном отношении все еще питаются политической путаницей и состоят в родстве с элементами, находящимися за пределами российской социал-демократии, что «мешает тем товарищам меньшевикам, которые силой революционных событий приходят к правильным тактическим прозрениям — вернуться в лоно революционной социал-демократии». В листке указывалось, что «„Инициативная группа“ не стоит на высоте интернационалистических задач современного момента, а межрайонцы упорствуют в призыве к объединению фракционных фикций». В «Пролетарском голосе» отмечались также малоощутимые результаты деятельности петроградской группы социалистов-революционеров. В отношении всех этих групп у большевиков была одна задача: «к моменту выступления, на которое готовы пойти указанные социалистические группы, войти с ними в информационную связь для координации действий в данном определенном случае»⁶⁸.

Большевики укрепляли и сплачивали свои организации. Эти организации подвергались непрерывным гонениям царизма и травле буржуазии, но, преодолевая огромные трудности, продол-

⁶⁷ ПГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1917 г., д. 45, л. 50.

⁶⁸ «Петроградский пролетариат и большевикская организация», стр. 181—182.

жали развертывать свою революционную деятельность. В марте 1916 г. большевистская организация Петрограда насчитывала свыше 2 тыс. членов. Петербургский комитет большевиков имел типографию, в которой печатались листовки, поддерживал регулярную связь с Центральным Комитетом РСДРП, получал от него литературу. В августе 1916 г. начальник Петроградской охранки сообщал Департаменту полиции, что благодаря энергии членов Петербургского комитета РСДРП «деятельность большевиков все ширилась, принимала более определенные формы, средства и способы преступной пропаганды росли, и вообще она начала становиться весьма серьезной и опасной для общественного спокойствия и государственного порядка»⁶⁹. Начальник охранки доносил начальству, что арестованы «все наиболее активные и видные большевистские деятели столицы». Но прошло два месяца, и две всеобщих октябрьских стачки показали, что царским властям не удалось пресечь деятельность большевиков столицы.

Осенью 1916 г. руководящее ядро петроградской организации большевиков пополнилось новыми работниками. Сюда вернулся Кирилл Шутко. Член партии с 1902 г., он в начале войны работал в Петрограде и Москве, затем был сослан в Иркутскую губернию и, бежав из ссылки в Петроград, снова окунулся в активную революционную деятельность.

Горячее участие в партийной работе принял Н. Толмачев. Девятнадцати лет, в 1914 г., будучи студентом Политехнического института, он вступил в партию и вскоре вырос в крупного партийного организатора и пропагандиста. Вернувшись осенью 1916 г. с Урала, Н. Толмачев повел большую революционную работу в столице.

В Петроград с Урала возвратился тогда и рабочий-большевик Г. Федоров: ему было всего 26 лет, но он уже девять лет состоял в партии и имел большой опыт легальной и нелегальной работы в Петрограде, Москве и на Урале.

Несмотря на молодость партийных кадров, немногочисленность интеллигентных сил и частые аресты, большевистская организация столицы вела большую пропагандистскую и организационную работу среди питерских рабочих. Вот что писал об этой работе Н. Толмачев: 24 октября 1916 г. — «Вообще предприятие ставится хорошо. Главное — есть люди. И, ей-богу, жить и служить в Питере теперь здорово хорошо»; 5 ноября — «И как-то все глубже входит мысль, что все ближе к нам большие события. Скоро будет твориться история, „живая“ история, которую будешь переживать сам, а не читать в учебнике Кареева»; 15 ноября — «Теперь на улицах тихо, но не в умах. Мы быстро растем качественно и количественно. Околодумье расшевелило многих теперь из тех, что и с нами, и тех, с кем мы будем бороться теперь же.

⁶⁹ «Большевики в годы империалистической войны», стр. 203.

В общем сейчас идет процесс оформления движения, верней отдельных течений его и выяснения ими их позиций»⁷⁰.

Окрепили большевистские организации и в других центрах страны. Партийная конференция, состоявшаяся в ноябре 1916 г. в Екатеринославе, выявила, что в ячейках местных заводов состоят более 100 рабочих. На конференции отмечалось, что настроение рабочей массы очень напряженное, недовольство и раздражение достигло крайних пределов и необходимо активное вмешательство партийных организаций для придания организованного характера стихийному и распыленному движению.

Осенью 1916 г. было вновь создано Русское бюро ЦК РСДРП, почти все прежние члены Бюро находились в тюрьмах и ссылке. Вернувшись снова из-за границы, А. Шляпников восстановил партийные связи. Бюро ЦК оформилось в составе А. Шляпникова и возвратившихся из ссылки В. Молотова и П. Залудского. А. Шляпников взял на себя организационную работу и связи с заграницей и провинцией; В. Молотов ведал литературными делами; П. Залудский входил в состав Петербургского комитета РСДРП. В работе Бюро ЦК по-прежнему принимали участие А. И. Ульянова (Елизарова) и К. Шведчиков. Группа, руководимая В. Тихомировым, ездил в Финляндию за литературой, прибывавшей из-за границы, и занималась ее распространением.

В обстановке резкого обострения экономического и политического кризиса царизм продолжал вести свою реакционную политику. В сентябре 1916 г. царь поручил управление внутренними делами А. Д. Протопопову — помещику и фабриканту, тесно связанному с банками. Он был членом партии октябристов, товарищем председателя Государственной думы. Проезжая в качестве члена русской парламентской делегации Стокгольм, Протопопов встречался с представителем германского посольства банкиром Варбургом и говорил с ним о возможности заключения сепаратного мира с Германией. По приезде из-за границы он был благоклонно принят царем и царей и вскоре к удивлению всех поднят к вершинам власти. Это было сделано с одобрения Распутина и царя. Один из лидеров Думы стал отныне помощником Штюрмера, другом Распутина и царя. Буржуазные деятели порвали отношения с Протопоповым как с перебежчиком в лагерь крайней реакции и повели большую кампанию против него.

Выступая против Штюрмера и Протопопова, они считали, что политика правительства может привести к революции и способствует заключению сепаратного мира с Германией. Буржуазные деятели стремились не допускать ни революции, ни заключения мира.

Оппозиционность буржуазии достигла высшей точки на сессии Государственной думы, открывшейся 1 ноября 1916 г. Едва Род-

⁷⁰ Ленинградский партийный архив, ф. 4000, оп. 7, лл. 13—15.

Зянько во вступительной речи сказал, что «сильное доверием страны правительство должно возглавить общественные силы», как раздались голоса: «Пусть уйдет правительство!» Вскоре на трибуну поднялся П. Миллюков. Не жалея красок, он обличал действия правительства, подрывавшие успешное ведение войны. Буржуазию особенно беспокоили слухи, что в правительственных кругах признают необходимым закончить войну и заключить сепаратный мир. П. Миллюков цитировал выдержки из германских, австрийских и русских газет и записок правых групп, рассказывал о своих беседах с иностранными деятелями, заявляя, что правительство подрывает союзные отношения России с другими странами.

П. Миллюков бросил обвинение правительству в предательстве национальных интересов России и довольно прозрачно намекнул, что нити этого предательства тянутся к императрице Александре Федоровне и ее окружению. Сообщая не столько о фактах, сколько о слухах, он после каждого обвинения патетически спрашивал: «Что это — глупость или измена?» Сам П. Миллюков впоследствии писал об этой речи: «Я говорил о слухах об „измене“, неудержимо распространявшихся в стране, о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, причем в каждом случае представлял слушателям решить, „глупость“ это или „измена“. Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование — даже там, где сам я не был в нем вполне уверен»⁷¹.

Эту речь в буржуазных кругах называли сигналом к революции. Но дальше требования смены правительства ни Миллюков, ни другие представители буржуазии не шли. После их выступлений в Думе царское правительство удержалось у власти, но положение его главы пошатнулось. Штюрмеру пришлось уйти в отставку. Председателем Совета министров был назначен А. Ф. Трепов. Это была смена лица, но не правительственного курса; курс оставался прежним. Одни деятели Прогрессивного блока доказывали, что в отношении Трепова надо занять позицию дружественного нейтралитета, что Трепов не предатель и не распутинец. Другие — доказывали обратное: Трепов это тот же Штюрмер, только «более ласковый», что правительство Трепова состоит на $\frac{1}{3}$ из приличных, на $\frac{1}{3}$ из глухих, на $\frac{1}{3}$ из нигуда не годных людей. П. Миллюков впоследствии писал, что отставка Штюрмера сначала представлялась как серьезная победа. «Но... это только казалось. Самый выбор нового главы правительства показывал, что власть не хочет выходить из своих окопов и продолжает искать своих слуг все в той же старой среде старых сановников»⁷².

⁷¹ П. Миллюков. Воспоминания, т. II. Нью-Йорк, 1955, стр. 277.

⁷² Там же, стр. 278.

Руководители Прогрессивного блока продолжали кампанию против правительства, но вели ее в «законных», легальных рамках, чтобы не давать правительству повода для роспуска Думы. «Думу надо беречь», — повторяли они лозунг, знакомый со времени первых Дум. Через две недели после назначения на пост председателя Совета министров, 19 ноября 1916 г. Трепов предстал перед Думой. Но едва председатель объявил, что новый председатель Совета министров просит слова, со скамей меньшевистской и трудовой фракций раздался стук по пюпитрам и крики: «Долой его!», «В отставку!», «Вон!» Обструкция приняла такие размеры, что Трепов вынужден был покинуть трибуну, так и не начав речи. Дума решила отмежеваться от этой обструкции, исключив ее участников на восемь заседаний, и когда «провинившиеся» депутаты были удалены из зала, Трепов получил возможность начать речь. Новый председатель Совета министров заверял Государственную думу, что война будет доведена до победы, обещал действовать в контакте с Думой и общественными организациями и призывал депутатов, забыв споры и распри, заняться положительной работой. Государственная дума отнеслась к декларации А. Трепова сдержанно. Депутаты говорили, что туманные обещания набили оскомину, что новая правительственная декларация удивительно похожа на предыдущие и также бесцветна и бессодержательна. Даже крайне правый депутат Пуришкевич заявлял, что признанные носители власти лопаются, как мыльные пузыри, не оставив никакого следа, а на политическую жизнь страны оказывают решающее влияние безответственные силы, возглавляемые Распутиным.

Речи, произнесенные с трибуны Государственной думы в ноябре 1916 г., вызвали большой шум и оживленные толки далеко за пределами Таврического дворца. Царские власти пытались скрыть думские речи; читатели не могли прочесть их на страницах газет, из речей выбрасывались целые куски, газеты выходили с белыми пятнами, с маленькими «плешинами» или с большими «лысынами». Тогда думские речи стали перепечатывать на машинке или переписывать от руки. Критикуя действия царских властей и обличая стоящие за ними безответственные темные силы, думские ораторы способствовали разоблачению самодержавного строя, хотя сами они и не ставили этой задачи.

За резкими думскими речами следовали умеренные думские решения. В формуле перехода, принятой Думой по декларации Трепова, отмечалось, что изменения, происшедшие в составе Совета министров, представляют смену лиц, а не изменение системы и потому недостаточны для того, чтобы изменить отношение Государственной думы к правительству. Дума заявила, что влияние темных безответственных сил должно быть устранено, что она будет стремиться всеми доступными ей законными способами к тому, чтобы был образован кабинет, готовый опереться на Государ-

ственную думу и провести в жизнь программу его большинства.

Думские речи и решения не подкреплялись, однако, делами. Прогрессист М. А. Караулов отмечал, что правительство сильно слабостью Думы, «оно знает, вполне уверенно, что вы дальше горьких слов по его адресу не пойдете, что на деле вы ему ни в чем не откажете, что все ваше негодование — истерические вопли, а не грозный окрик разгневанного хозяина. Вы сами не чувствуете себя господами положения... Вы сами слепо доверились правительству, в серьезнейшие моменты государственной истории предоставляя в полное его распоряжение управление государственной колесницей, и слезли с облучка в кузов, где и забылись тяжелым сном, просыпаясь только от толчков на ухабах»⁷³. Караулов утверждал, что страна возлагает надежды на Думу и ждет от нее не деклараций, а дела.

В частной переписке депутаты Думы откровенно признавали свое бессилие и беспомощность. Вот что писал депутат Думы кадет Г. В. Гутоп 21 ноября 1916 г.: «Мы здесь жаримся в собственном соку, лишь изливаясь в бесплодных речах, чувствуя, что стоим перед глухой стеной, пробить которую не могут никакие слова, а тяжелой артиллерии в нашем распоряжении нет». 22 ноября 1916 г.: «Я один из малых сих, что толкут воду в ступе, давая тем материал для газетных писаний и только дразня чаяния населения, воображающего, что Дума что-то может. Ничего она не может, и мы напрасно сотрясаем воздух своими воплями». 17 декабря 1916 г.: «Растет опасность преувеличенных надежд на Государственную думу, чрезмерной переоценки ее сил и ее значения. Ведь и до сих пор Дума не была ни инициатором, ни руководительницей движения, достигшего сейчас такого высокого напряжения... что могла Дума сделать, не выходя из рамок закона — то она и сделала»⁷⁴.

Дума исчерпала все возможности мирного воздействия на царя и правительство, а переступить рамки, определенные ей Столыпинским третьиюнкским законом, не решалась. Все слова были уже сказаны, все пожелания и просьбы высказаны, а дело не сдвинулось с мертвой точки. 28 ноября 1916 г. прогрессист А. И. Ковалов писал: «Будущее совершенно неясно. Какой ужас, что в такой грозный исторический момент такое гнусное и жалкое правительство и народное представительство, собранное на основе избирательного закона 3 июня». Октябрист Блажков делился своими впечатлениями: «Настроение здесь отвратительное, парит сознание бессилия вывести из тушика, в котором благодаря тем-

⁷³ «Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V», стр. 81.

⁷⁴ ЦГАОР СССР, ф. перлюстраций, д. 1063, лл. 6, 9; д. 1066, л. 118; д. 1070, л. 64.

ным силам находится Россия. Все пожелания и Государственной думы, и Государственного совета, и съезда всероссийского дворянства, все это глас вопиющего в пустыне»⁷⁵. То же отмечалось и в других корреспонденциях из Петрограда. «Речи, как бы ни были они прекрасны, остаются все же речами». «Слова все сказаны, кругом ничего уже не остается от прежнего оплота, и мы продолжаем катиться по рельсам, пока, очевидно, не свалимся»⁷⁶.

У буржуазии оставалась еще одна позиция для борьбы против правительства — ее общественные организации. В декабре 1916 г. в Москве должны были начать работу Земский и Городской съезды и Совецание представителей общественных организаций по продовольственному вопросу. Но царские власти не допустили открытия этих съездов. Делегаты все же собрались и приняли резолюцию о политическом положении страны. В резолюции, принятой уполномоченными земств, говорилось о том, что бессильное и бездарное правительство, окруженное всеобщим и полным недоверием, превратилось в преграду на пути победы над врагом и своей политикой колеблет царский трон. Взамен такого правительства предлагалось возможно скорее создать правительство, «сильное ответственностью перед народом и народным представительством». Судьбы страны должна взять на себя Государственная дума. «Время не терпит, истекают все сроки и отсрочки, данные нам историей»⁷⁷. Дятель Городского союза Н. И. Астров отмечает, что декабрьские резолюции, принятые делегацией земств и городов, «свидетельствовали о глубоком сознании безнадежности положения. Это уже были возгласы, близкие к отчаянию. Старый корабль шел ко дну. Нужно было спастись»⁷⁸.

Не только буржуазные общественные организации, но и учреждения, составлявшие неразрывную часть самодержавного строя, выражали протесты против политики правительства. Заговорил Государственный совет, для которого совсем недавно самые умеренные проекты, принятые Государственной думой, казались опасными. Государственный совет вынес решение, в котором предлагал устранить влияние темных безответственных сил (т. е. Распутина и его окружения) на государственные дела и составить работоспособное правительство, опирающееся на доверие и сочувствие страны, способное работать совместно с действующими законодательными учреждениями⁷⁹. Заговорило «объединенное дворянство», на которое совсем недавно опиралась столыпинская реакция. Съезд Объединенного дворянства отметил, что монархическое начало претерпевает колебания в своих собственных устоях, что необходимо решительно устранить влияние темных

⁷⁵ ЦГАОР СССР, ф. перлюстраций, д. 1063, л. 58; д. 1064, л. 60.

⁷⁶ Там же, д. 1062, л. 9.

⁷⁷ «Буржуазия перед Февральской революцией», стр. 156.

⁷⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5913, оп. 1, д. 16, л. 31.

⁷⁹ «Русские ведомости», 27 ноября 1916 г.

сил на дела государства и создать правительство, ответственное перед монархом, но пользующееся народным доверием и способное к совместной деятельности с законодательными учреждениями. «Камни заговорили», — замечали по поводу этих двух решений современники.

Буржуазно-помещичья оппозиция выступала не против царизма и даже не столько против правительства, сколько против «темных безответственных сил», стоящих за его спиной. Главной мишенью атак был Распутин. Против него выступали и буржуазные оппозиционеры, и некоторые крайне правые деятели, и члены царской семьи. Даже в среде реакционеров многие считали, что Распутин дискредитирует царя и царицу и губит всю монархию, что от него идут все беды и напасти и его устранение может спасти царизм от гибели. Однако влияние Распутина преувеличивалось, роль Распутина раздувалась, чтобы отвести удар от царизма. Распутина называли «канцлером Российской империи», «некоронованным монархом» и т. д.⁸⁰ С трибуны Государственной думы и Государственного совета раздавались гневные речи, требовавшие убрать Распутина, чтобы спасти самодержавие. Яркий черносотенец, один из основателей «Союза русского народа», В. Пуришкевич взывал к депутатам Думы: «Ступайте туда, в Царскую Ставку, киньтесь в ноги государю и просите царя позволить раскрыть глаза на ужасную действительность, просите избавить Россию от Распутина и распутищцев больших и малых»⁸¹.

В такой обстановке состоялся заговор против Распутина. Двоюродный брат царя — великий князь Дмитрий Павлович, князь Ф. Юсупов и В. Пуришкевич, убедившись, что царь не хочет избавить страну от Распутина, взяли решение этой задачи на себя. В ночь на 17 декабря 1916 г. во дворце князя Ф. Юсупова Распутин был убит. Газетам запретили печатать что-либо об убийстве Распутина, но весть о смерти знаменитого Гришки быстро разнеслась по городу и стране. Это была сенсация. Из Петрограда сообщали, что в течение нескольких дней говорили только об убийстве Распутина, радуясь этому факту.

Но царь и царица были глубоко огорчены случившимся. Узнав об убийстве Распутина, Николай II прервал совещание о плане предстоящих военных действий, проходившее в Ставке, и немедленно уехал в Петроград, чтобы разделить горе своей семьи. Запись дневника Николая II от 21 декабря 1916 г. гласит: «В 9 час. поехали всей семьей мимо здания фотографии и направо

⁸⁰ Бывший товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко впоследствии признал, что появление Распутина столько ускорило процесс распада государственности, но само по себе породить его не могло (В. Гурко. Царь и царица. Париж, 1927, стр. 123).

⁸¹ «Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V», стр. 287.

к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 дек[абря] извергами в доме Ф. Юсузова, кот[орый] стоял уже опущенным в могилу. О[тец] Ал[ександр] Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой. Погода была серая при 12° мороза»⁸².

Многие деятели буржуазно-помещичьего лагеря рассчитывали, что с убийством Распутина мрачный период в истории России останется позади и наступят новые, более светлые времена. В письме из Москвы В. И. Ленину некто Сидоров сообщал: «События последних дней, в которых отчетливо проявилась беспомощность так называемого прогрессивного общества, сводит великую борьбу народа к пошлой охоте на личности... Пьяное дело, кружковую борьбу внутри, газета («Утро России» — Э. Б.) возносит до степени исторических событий. В этом обществе опять возникают вздохи о героях и единоборцах, нужных им, чтобы сдвинуть российскую телегу с исторических ухабов»⁸³.

Сомнение в благих последствиях убийства Распутина проникло и в среду буржуазных деятелей. А. Гучков писал в Москву своему брату Николаю: «Допрыгались. Никакие предостерегающие голоса не помогли. Помогут ли кровавые события? И где эти события остановятся?... На благополучное разрешение кризиса мало надежды»⁸⁴. Кадет В. Маклаков, имевший прямое отношение к убийству Г. Распутина, впоследствии признал, что убийство не принесло того, чего ждали: «оно внесло в душу Александры Федоровны новое озлобление против всех, кто ее осуждал, т. е. против всего общества. Ее чувства передались государю; политический поворот направо стал резок и агрессивен. Мертвый Распутин оказывался еще сильнее живого».

Убийство Распутина углубило трещину в самом царском доме. Члены царской фамилии просили царя смягчить участь великого князя Дмитрия Павловича, отправленного за участие в убийстве Распутина в воинские части, стоявшие в Персии. Они видели, как над всей романовской династией нависает грозная опасность. Чувство самосохранения побуждало их искать пути спасения. Великие князья Александр и Николай Михайловичи и некоторые другие члены царской династии писали Николаю II, просили приема, чтобы раскрыть ему глаза и добиться устранения царицы от государственных дел. Они убеждали Николая II создать «разумную власть», утверждали, что нынешнее правительство своей политикой запрещений, стеснений и подозрений толкает людей в лагерь левых и этим подготавливает революцию. Но записки великих князей не возымели действия. Царское правительство продолжало вести прежнюю политику. Распутин был

⁸² «Красный архив», 1927, № 1 (20), стр. 125.

⁸³ ЦГАОР СССР, ф. перлюстраций, д. 1068, л. 98.

⁸⁴ Там же, д. 1067, л. 51.

лишь наиболее отвратительным олицетворением прогнившего царского режима. Его убийство не вынудило царизм на уступки, не уничтожило влияния темных сил. Наоборот, они стали действовать с еще большей злобой и непримиримостью.

Распутин сменил Протопопов. Место грязного сибирского старца занял выхожденный на европейский манер симбирский дворянин, но суть дела от этого не изменилась. Возмущение против нового любимца царя и царицы росло. Октябрьсты исключили его из своей думской фракции. Дворяне Симбирской губернии признавали себя виновными в том, что избрали его своим предводителем, и требовали у Протопопова ответа за его действия. Протестов против поведения Протопопова было так много, что 24 января 1917 г. Департамент полиции предписал начальнику Симбирского жандармского управления «принять все меры к задержанию всех телеграмм, а также писем, касающихся политической агитации против министра внутренних дел со стороны дворянства»⁸⁵.

Протопопов удержался у власти. В отставку пришлось уйти А. Трепову. Трепов не пользовался доверием царицы, и как только «грязная работа» по роспуску Думы была закончена, его удалили. В январе 1917 г. председателем Совета министров был назначен князь Н. Д. Голицын. Это был ничтожный, далекий от политики, к тому же больной человек, едва волочивший ноги. Но он работал помощником Александры Федоровны по благотворительным комитетам и был предан императрице. Этого было достаточно, чтобы в критический для царизма момент стать главой его правительства. Царская клика не только не собиралась сдавать свои позиции, наоборот, она сама переходила в наступление. Сессия Государственной думы была отложена на месяц. Чтобы покончить с оппозицией в Государственном совете, был изменен его состав: в число членов Совета было введено много правых деятелей, а его председателем назначен И. Г. Щегловитов.

Крайне правому лагерю эти меры казались недостаточными. Черносотенцы пребывали в состоянии тревоги и смятения. Они чувствовали, что почва колеблется, монархия глбнет, увлекая за собой и ее сторонников. Революция мерещилась черносотенцам со всех сторон. Они видели ее не только в среде рабочих и солдат, но и в Земгоре, Военно-промышленных комитетах, в Государственной думе и даже в Объединенном дворянстве. Крайние охранители толкали правительство на дальнейшее усиление реакционного курса и, в частности, требовали немедленного роспуска Государственной думы. Они создали Совет объединенных монархических организаций, поставивший целью не допустить в стране никаких преобразований и подавлять всякую оппозицию. Главарь астраханских черносотенцев — Тиханович-Савицкий предлагал «окружить государя только правыми деятелями и быть ближе

⁸⁵ Там же, ф. ДП 00, д. 20, ч. 70, л. 1.

к царице». Тот же Тиханович-Савицкий писал Н. Маклакову: «Скажите, Николай Александрович, откровенно, если бы у нас произошел мятеж посильнее 1905 года с участием войск, не взялись бы усмирить его, если бы вас назначили в это время опять министром внутренних дел? Есть ли у вас план на этот случай? Не можете ли вы ухватить и указать мне несколько военачальников, популярных в войсках, сильно правых, на которых можно было бы вполне положиться?»⁸⁶

Неизвестно, как реагировал Н. Маклаков на это обращение, но в декабре 1916 г. он послал письмо царю, в котором писал, что наступили дни, когда решаются судьбы царской династии, в столице уже начался штурм царской власти и Россия «может остаться без монархии, как купол без креста». Остановить надвигающуюся беду, по мнению Н. Маклакова, еще возможно, для этого нужно действовать единодушно, отложить созыв Государственной думы на возможно более отдаленный срок, ограничить деятельность общественных организаций. В начале февраля 1917 г. царь поручил Н. Маклакову составить проект манифеста о роспуске Государственной думы. Принимая это поручение, Н. Маклаков советовал царю теперь же, не теряя ни минуты, тщательно подготовиться, чтобы должным образом встретить осложнения, которые могут возникнуть в связи с роспуском Государственной думы, и сосредоточить силы на борьбе с внутренним врагом, «который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего»⁸⁷.

Обширная программа борьбы с «внутренним врагом» и возможным народным восстанием была изложена в двух документах — записке и письме к царю, составленных крайне правым кружком во главе с членом Государственного совета А. А. Римским-Корсаковым. Авторы письма и записки предлагали назначить на высшие государственные посты людей способных решительно подавить «мятежи и анархии», тотчас ввести военное (а если нужно, и осадное) положение в столицах и больших городах, снабдить воинские части пулеметами и артиллерией, закрыть все органы левой печати и укрепить правые газеты, милитаризовать все предприятия, работающие на военные нужды, назначить во все общественные организации правительственных комиссаров, распустить нынешнюю Государственную думу и назначить выборы в новую Думу, устранив из нее нежелательные и вредные элементы, во что бы то ни стало обеспечив в ней правительственное большинство⁸⁸.

⁸⁶ ЦГАОР СССР, ф. перлюстраций, д. 1070, л. 11.

⁸⁷ «Падение царского режима», т. V. М.—Л., 1926, стр. 209.

⁸⁸ А. Блок. Последние дни императорской власти. Приложение. Пг., 1921, стр. 139.

Другой известный черносотенец, депутат Государственной думы Н. Марков-второй предлагал, прежде чем приступить к новым выборам

Длинные записки, направленные крайне правыми кружками царю, подкреплялись краткими, но вполне определенными советами царицы. В письмах к Николаю II Александра Федоровна в декабре 1916 г. призывала царя отбросить колебания и проявить твердость: «Будь властелином»; «Как давно, уже много лет люди говорили мне все то же: „Россия любит кнут“»; «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом — сокруши их всех»⁸⁹.

Вставал вопрос и о дальнейшем ведении войны. Истощение экономических и людских ресурсов вызвало в правящих кругах воюющих стран стремление перейти от империалистической войны к империалистическому миру. В России, на которой война сказалась особенно пагубно и в правящих кругах которой издавна существовала прогерманская партия, тенденция к сепаратному миру была особенно сильна. В высших правительственных сферах, в среде дворянства было распространено мнение, что союз царизма с государствами буржуазной демократии — Англией и Францией — противоестествен, что разгром германской империи приведет к падению русского царизма. Прогерманские настроения были и у части русской буржуазии. Наряду с противоречиями между империалистами России и Германии существовали не менее острые противоречия между империалистами России и Англии. В ходе войны была вполне возможна перегруппировка сил и переход той или иной империалистической державы из одного лагеря в другой. В. И. Ленин отмечал, что и царизм и русская буржуазия хотят одного — ограбить Германию, Австрию и Турцию в Европе и побить Англию в Азии. «Спор идет между этими „милыми друзьями“ только из-за того, когда и как повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии»⁹⁰.

Но едва ли пришло время для решения этого спора, вряд ли могла произойти тогда внешнеполитическая переориентация России. Лидеры буржуазной оппозиции обвиняли царских министров в том, что они хотят порвать с Антантой и заключить сепаратный мир с Германией. В тылу и на фронте распространилась шпиономания, все неудачи и поражения русской армии объясняли происками немецких шпионов; говорили о том, что измена свила себе гнездо в высших правительственных сферах и генералитете, что царица и ее окружение готовят сепаратный мир с Германией. Но это были предположения и догадки. Буржуазные лидеры подхватывали и распространяли их, чтобы разжечь воинственный национализм и дискредитировать царских министров.

л Думу, заменить избирательный закон, установив выборы по сословиям. «Сословная дума, — писал он, — либеральной не будет» («Красный архив», 1927, № 1 (20), стр. 242).

⁸⁹ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. V. М.—Л., 1927, стр. 172, 185, 189.

⁹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 188.

Осенью 1916 г. в заграничной печати появились сообщения о том, что между Россией и Германией ведутся переговоры о сепаратном мире и что в главном и основном обе державы уже договорились. Велись ли тогда переговоры или Германия распускала слухи о них, чтобы поссорить Россию с Англией? Об этом нельзя сказать ничего определенного. Во всяком случае, если переговоры и велись, они не дали никаких результатов, поворота правящих верхов России от союза с Англией и Францией к сепаратному миру с Германией не произошло. Царская Россия была слишком зависима от английских и французских империалистов и увязла в своих обязательствах перед ними, слишком далеко зашла в борьбе против Германии и Австрии, чтобы в ходе войны менять фронт. Этим шагом самодержавие разорвало бы с большей частью русской империалистической буржуазии, ориентировавшейся на союз с державами Антанты, и пошло бы навстречу неизвестному будущему. На повороте к сепаратному миру царизм мог свернуть себе шею, и чувство самосохранения удерживало его от такого поворота⁹¹.

Царизм сохранял союз с державами Антанты. В декларации 19 ноября 1916 г. Трепов заверял Думу, что правительство будет бороться против Германии до победного конца. Он обнародовал в Думе секретное соглашение с союзниками об овладении Россией Константинополем и проливами, заключенное ими, видимо, для того, чтобы подстегнуть военные усилия России и еще крепче привязать ее к своей колеснице. Через десять дней с трибуны той же Думы новый министр иностранных дел Н. Н. Покровский говорил о непоколебимой воле держав Антанты добиться разгрома Германии. Как раз в это время германское правительство обратилось к Антанте с предложением заключить мир. Немецкие империалисты заговорили о мире под влиянием выступлений народных масс, уставших от войны, чтобы этим успокоить трудящихся и оказать воздействие на общественное мнение воюющих и нейтральных государств. На самом деле ни они, ни империалисты

⁹¹ В. П. Семенников в интересной работе, посвященной этому вопросу («Политика Романовых накануне революции. От Антанты — к Германии». М.—Л., 1926), правильно отмечает, что распутиинско-романовская власть сознательно, хотя и весьма осторожно, стремилась к сепаратному миру с Германией, но не сделала решительного шага к нему по трем причинам: 1) боялась пойти на разрыв с англо-французским капиталом; 2) опасалась, что заключение сепаратного мира встретит сопротивление русской либерально-империалистической буржуазии; 3) не получила согласия на такие условия мира, которые могли бы удовлетворить царизм (стр. 186). Однако, признав, что решительного шага к сепаратному миру сделано не было, Семенников все же утверждает, что поворот царизма от Антанты к Германии произошел. В «Истории Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1962) утверждается, что «царское правительство решило заключить сепаратный мир с Германией» (стр. 12). Но никаких доказательств авторы не приводят.

Антанты не стремились покончить с кровавой войной. Царизм отвергал мирные предложения: «Час мира еще не наступил», — говорилось в приказе царя к войскам в связи с заявлением германского правительства.

Н. Покровский в январе 1917 г. предлагал русским послам заверить правительства Франции и Италии в том, что внешняя политика России «остается непоколебимой как в общих своих основах, так и, в частности, в деле тесного единения с нашими союзниками»⁹². Союзные державы продолжали относиться с некоторым недоверием к этим заявлениям, а главное не были убеждены в том, что воинственными настроениями были преисполнены широкие слои населения России. Наоборот, факты говорили о том, что русский народ устал от войны и склоняется в пользу мира, что волнения в России происходят именно на этой почве. Поверенный в делах царского правительства во Франции Севастопуло в письме к Н. Покровскому сообщал, что там распространились слухи о каких-то беспорядках в Петрограде и появились опасения, что эти беспорядки могут создать неблагоприятные условия для ведения войны. Поверенный в делах Набоков сообщал из Лондона, что «в здешних парламентских и финансовых сферах царит и ежедневно растет сильная тревога по поводу внутреннего положения в России». В январе 1917 г. русский посол Гирс писал: в Риме вполне убеждены, что «внешняя политика России не может измениться», но «опасаются нашего ослабления, как последствия событий, принимающих в отзвуках заграничной печати характер внутреннего потрясения»⁹³.

Державы Антанты были обеспокоены разногласиями между царским правительством и большинством Государственной думы и в целях успешного ведения империалистической войны стремились добиться единства между ними. В конце 1916 г. Д. Бьюкенен решил выступить посредником между царем и Думой. Сначала он поговорил с М. Родзянко. Тот заявил английскому послу, что Государственная дума удовлетворится тем, что на пост председателя Совета министров будет назначен человек, опирающийся на доверие народа и обладающий правом выбрать других членов правительства. После разговора с Родзянко Бьюкенен направился к царю. В своих мемуарах Д. Бьюкенен рассказывает, что он сказал Николаю II, что между ним (царем) и народом образовалась непреодолимая преграда, которую надо уничтожить, что в случае

⁹² В. Сторожев. Дипломатия и революция. — «Вестник Народного комиссариата иностранных дел», 1920, № 4-5, стр. 70, 74. Накануне революции была предпринята еще одна попытка германского правительства нащупать возможность заключения сепаратного мира с Россией. Это было сделано через болгарского дипломата Ризова, пытавшегося установить связь с русскими послами в Швеции и Норвегии («Современные записки», 1928, № 35).

⁹³ В. Сторожев. Указ. соч., стр. 74.

революции для защиты династии можно рассчитывать только на незначительную прослойку солдат. Д. Бьюкенен пишет, что в заключение беседы он будто бы воскликнул: «„Государь, вы находитесь на перепутье и должны выбрать одну из дорог. Одна поведет вас к победе и славному миру, другая — к революции и гибели. Позвольте мне с мольбой обратиться к вашему величеству выбрать первую. . .“ Государь был, видимо, тронут теплотой, которую я вложил в свои слова, и, пожав мне руку на прощанье, сказал: „Благодарю вас, сэр Джордж“»⁹⁴. Но кроме разговоров и рукопожатия, других результатов от этой встречи не было.

Империялисты Автанта хотели содействовать урегулированию отношений царского правительства с Государственной думой в целях более успешного ведения войны. Но хотели ли они ликвидации русского самодержавного строя или хотя бы смены царя, способствовали ли они этому? Английского посла Д. Бьюкенена обвиняли в том, будто он подготовил русскую революцию, что под его влиянием думские лидеры порвали с царизмом. Французский посол М. Палеолог 28 декабря 1916 г. записал в своем дневнике: «Вот уже несколько раз меня расспрашивают о сношениях Бьюкенена с либеральными партиями и даже серьезнейшим тоном спрашивают меня, не работает ли он тайно в пользу революции. Я каждый раз всеми силами протестую». Д. Бьюкенену бросали такие же обвинения по его возвращении в Англию. Ему приходилось оправдываться⁹⁵. Не подлежит сомнению, что Бьюкенен и Палеолог, были тесно связаны с русскими оппозиционными политическими деятелями и вместе с ними возмущались поведением Распутина и Протопопова, осуждали Александру Федоровну, критиковали царское правительство и т. п. Но мало вероятно, что они участвовали в подготовке хотя бы дворцового переворота в России. В своих воспоминаниях Д. Бьюкенен писал: «Я был заодно с лидерами Думы в том отношении, что считал недопустимым мешать течению военных операций обострением внутреннего кризиса. . . Я лично был от души ему (Николаю II. — Э. Б.) предан, и только боязнь последствий дворцового переворота заставила меня предостеречь его от опасности, грозившей ему смертью»⁹⁶.

⁹⁴ Д. Бьюкенен. Моя миссия в России, т. II. Берлин, 1929, стр. 38.

⁹⁵ М. Палеолог. Указ. соч., стр. 261.

В защиту Д. Бьюкенена выступила его дочь Мирраль, жившая вместе с ним в России. В книге «Крушение великой империи» (ч. 2. Париж, 1932) она пишет: «Английское посольство являлось тем единственным домом в русской столице, в котором планы дворцовой революции не подвергались обсуждению. . . Верность его (Д. Бьюкенен — Э. Б.) государю стояла выше всяких подозрений» (стр. 31—32). В «Истории гражданской войны в СССР» (т. I. М., 1935, стр. 57—58) участие Бьюкенена в заговоре против Николая II доказывается его воспоминаниями. Но из них такого вывода сделать нельзя.

⁹⁶ Д. Бьюкенен. Указ. соч., т. II, стр. 72, 74.

Английскую буржуазию особенно волновал вопрос о дальнейшем участии России в войне. Отмечая слабость царя, Д. Бьюкенен не сомневался в его верности союзникам и желании продолжать войну. 5 февраля 1917 г. английский посол телеграфировал в Лондон: «Хотя в реакционной печати мы иногда и подвергаемся нападкам, но в общем антибританская кампания окончательного ослабела и англо-русские отношения никогда не были так хороши, как теперь. Государь, большинство его министров и большая часть народа готовы всемерно поддерживать Англо-Русский союз... Государь невероятно слаб; но единственный пункт, на который мы можем рассчитывать, он остается твердым, это вопрос о войне, тем более что государыня, фактически управляющая Россией, сама непоколебима в решении продолжать борьбу во что бы то ни стало»⁹⁷. При такой убежденности в антигерманской позиции царя и даже царицы, едва ли можно было идти на риск, связанный с дворцовым переворотом. Д. Бьюкенен надеялся, что царская Россия выдержит войну, если союзники будут оказывать ей необходимую помощь.

Вопрос об усилении военно-экономической помощи России особенно остро встал в начале 1917 г., в связи с разработкой плана предстоящих военных операций. В условиях роста мирных настроений союзные державы решили возможно быстрее предпринять широкое наступление на фронте, чтобы уже в 1917 г. добиться разгрома Германии. В этих целях в январе-феврале 1917 г. в Петрограде была проведена конференция союзных держав — Англии, Франции, Италии и России. Петроградская конференция должна была согласовать их политические и военные усилия и найти пути для обеспечения русской армии военными материалами, в которых она продолжала испытывать недостаток. Ллойд Джордж впоследствии признал, что эта задача была поставлена слишком поздно. Почему, — спрашивал он, — лица, руководившие военной политикой, до февраля 1917 года ни разу не собрались для совместного обсуждения стратегических вопросов? Ллойд Джордж писал о губительных последствиях «российской неспособности и западного эгоизма», проявившихся в том, что военное руководство Франции и Англии настаивало на сосредоточении всех усилий на Западном фронте и пренебрегало трудностями своего восточного союзника⁹⁸.

Петроградская конференция решила вести предстоящую кампанию с наивысшим напряжением и применением всех наличных средств, чтобы обеспечить решающий успех союзников в 1917 г. Наступление намечалось между 1 апреля и 1 мая. Союзники обе-

⁹⁷ Там же, стр. 42.

⁹⁸ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. III, стр. 350. Ллойд Джордж утверждает, что он побуждал британское правительство установить более непосредственный контакт с Россией.

щали предоставить России кредиты для оплаты заграничных заказов и производства заграничных платежей. Они признали необходимым объединить имеющиеся у них военные ресурсы и наиболее целесообразно распределить их между собой, обеспечив каждый фронт минимумом военных средств в соответствии с числом находящихся там боевых единиц и его протяженностью и с размером предстоящих операций. Однако тогда же выяснилось, что сделать это невозможно. Доставка грузов в Россию затруднялась недостатком тоннажа, активностью германских подводных лодок, загруженностью русских портов, слабой пропускной способностью и недостаточностью подвижного состава русских железных дорог и т. д. Вместе с тем «агонией западных держав», о котором писал Ллойд Джордж, сказался и на Петроградской конференции. Заявки русских военных ведомств были сокращены наполовину.

Конференция союзных держав не могла оказать серьезного влияния на ход войны. Палеолог в своих мемуарах отмечает, что результаты этой конференции, вокруг которой было «одновременно столько таинственности и столько шума — скудный». Глава английской делегации — лорд Мильнер — сообщал английскому военному министру, что заседания конференции носила крайне бессодержательный и поверхностный характер, а вся конференция была исключительно плохо организована. Делегаты союзных держав понимали, что военные усилия царизма зависят от внутреннего положения страны. Они выяснили это положение в беседах с различными русскими деятелями, слышали разговоры, осуждавшие действия царя и царицы, знали о конфликте между буржуазией и царем. Но делегаты союзных держав не видели народа и потому пришли к заключению, что до конца войны революции в России не будет. Только один делегат — Вальтер Лейтон — на вопрос о том, охотно ли русские воюют, ответил: «Нет, они думают лишь о предстоящей революции».

Останавливаясь на этом факте, Ллойд Джордж пишет: «Учитывая, что со всех сторон делегация получала указания на грядущие события, кажется непонятным, что делегаты могли оставаться в такой степени глухими и слепыми. Вот еще одно доказательство того, что разумные люди могут быть введены в заблуждение внешностью, установившимся порядком и не обращают достаточного внимания на внутреннее строение здания, которое украшено столь пышным фасадом»⁹⁹. Д. Бьюкенен иначе объясняет, почему английские делегаты, возвратившись в Лондон, сделали успокоительное заявление о внутреннем положении России. Он пишет, что «заседания конференции совпали с временным улучшением внутреннего положения и внешние, видимые признаки политического волнения некоторое время не были заметны. Вследствие этого нечего удивляться, что союзные делегаты, вер-

⁹⁹ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. III, стр. 361.

нувшись к себе домой, отзывались слишком оптимистически о положении в России»¹⁰⁰. Сам Д. Бьюкенен после этой конференции, не ожидая никаких серьезных событий, уехал из Петрограда в Финляндию на отдых.

Русские буржуазные деятели, в частности Г. Львов и М. Челноков, хотели с помощью представителей союзных держав оказать давление на царя, заставить его вступить на путь сотрудничества с Государственной думой и Земгором и осуществить необходимые реформы. Мильнер обещал сообщить царю, что деятельность Союза земств и городов произвела на него благоприятное впечатление, но заметил, что союзная делегация прибыла не для того, чтобы обсуждать внутреннее положение России. В письме от 4 февраля 1917 г. Мильнер заверял царя, что Англия готова сделать все, что может, для поддержки России, «она желает оказать ей помощь как союзнику, пользующемуся нашим абсолютным доверием»¹⁰¹.

Д. Бьюкенену и М. Палеологу было известно, что в высших слоях русского общества зреет мысль о дворцовом перевороте¹⁰². Нити этого заговора тянулись к деятелям Государственной думы. М. Родзянко писал: «Мысль о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и начале 1917 года. Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию»¹⁰³. Но председатель Государственной думы этой ответственности на себя не взял. Не хотели взять ее на себя ни великокняжеская оппозиция, ни лидеры буржуазии. Каждый ждал, что сделают это другие... В. Маклаков отмечал, что ни один из великих князей «не осмеливается взять на себя малейшую инициативу и каждый хочет работать исключительно для себя. Они хотели бы, чтобы Дума зажгла порох... В общем итоге они ждут от вас того, что мы ждем от них»¹⁰⁴.

Существовало несколько групп, обсуждавших вопрос о подготовке дворцового переворота. Они не были связаны между собой, хотя и намечали осуществить очень схожие планы. В октябре 1916 г. состоялась беседа, в которой принимали участие П. Н. Миллюков, А. И. Шингарев, Н. В. Некрасов, А. И. Козовалов, кн. Г. Е. Львов, М. И. Терещенко, С. И. Шидловский и др., всего человек 15. На совещании говорилось о том, что попытки образумить царя ни к чему не привели, что нынешняя власть не в состоянии предотвратить победу улицы, что личность Николая II является источником недовольства в стране и сохранить его на

¹⁰⁰ Д. Бьюкенен. Указ. соч., т. II, стр. 42.

¹⁰¹ «Монархия перед крушением», стр. 85.

¹⁰² М. Палеолог. Указ. соч., стр. 274.

¹⁰³ М. Родзянко. Крушение империи. Л., 1927, стр. 207.

¹⁰⁴ М. Палеолог. Указ. соч., стр. 302.

троне невозможно. Достали Свод законов и стали искать статьи, которые предусматривают замену одного монарха другим, хотели установить регентство и намечали Совет регентства, говорили о составе правительства. Затем образовалась руководящая тройка заговорщиков, в которую вошли Гучков, Некрасов и Терещенко.

Намечая план дворцового переворота, его организаторы предполагали вынудить Николая II к отречению, после чего провозгласить царем Алексея, а регентом Михаила Александровича. Чтобы избежать кровавого столкновения с охраной царя, они хотели добиться его отречения, захватив царский поезд на пути в Ставку. А. Гучков утверждал, что план заговора был разработан во всех подробностях и уверенность в его осуществлении была такая, что даже не подумали, что предпринять, если государь откажется отречься¹⁰⁵. Молодой князь Д. Л. Вяземский, присоединившись к заговорщикам, стал завязывать связи с офицерами гвардии (не выше командиров полка). Вовлекать в заговор верхи армии заговорщики не решались, опасаясь, что это может вызвать гражданскую войну. Правда, называют имена нескольких генералов, связанных с заговором. Но это — область слухов и догадок. С достоверностью можно говорить об участии в заговоре одного генерала, командира конного корпуса А. Крымова. В начале января 1917 г. Крымов беседовал с некоторыми деятелями Думы, собравшимися на квартире Родзянко. Генерал доказывал, что при данном правительстве нельзя рассчитывать на победу, что все средства испробованы и остается только путь переворота. «Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим, — заявил он. — Очевидно, других средств нет». Многие соглашались с Крымовым, но к действиям никто не приступал¹⁰⁶.

Терещенко отмечал: «Вещие думские сирены убеждали нас, что час еще не настал и что им, близко стоящим к государственным делам, виднее, чем нам, слишком, по их мнению, горячим головам, что надо еще ждать. Прошел январь, половина февраля. Наконец мудрые слова искушенных политиков перестали нас убеждать и тем условным языком, которым мы между собой сносились, ген. Крымов в первых числах марта был вызван в Петроград из Румынии, но оказалось поздно»¹⁰⁷. В беседе с работниками Комиссии по опросам участников событий (Общество по

¹⁰⁵ Из воспоминаний А. И. Гучкова. — «Последние новости», 9, 13 сентября 1936 г. Примерно такие же показания давал по этому вопросу Гучков Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

¹⁰⁶ Рассказывая о беседе с генералом Крымовым, Родзянко утверждает, что он решительно высказывался против переворота и даже запретил говорить о нем в своем доме (М. Родзянко. Указ. соч., стр. 205—206). Но вопрос о дворцовом перевороте все же обсуждался в доме Родзянко, несмотря на «запрещение» хозяина.

¹⁰⁷ «День», 2 сентября 1917 г.

изучению революции 1917 г.) Терещенко, рассказывая о планах дворцового переворота, отмечал, что руководители Прогрессивного блока П. Милюков и С. Шидловский доказывали, что «серьезные политические деятели должны стоять в стороне от переворота и ждать пока все устроится и только тогда принять власть. Но эта мысль была недопустима и не встретила сочувствия. Мы доказывали, что потом уже нельзя будет подобрать того, что сделано другими; убившие медведя не позволят другим делить его шкуру, а дать господство черни нельзя. Нас было всего пять человек. Мы решили вопрос о непосредственном перевороте и обсуждали конкретные меры для осуществления поставленной себе задачи. Так как государь уехал в Ставку, немедленно принять эти меры нельзя было. Поэтому мы наметили сроком переворота первые числа марта»¹⁰⁸.

Лидеры Прогрессивного блока — П. Милюков, А. Шингарев и другие, видимо, действительно относились к дворцовому перевороту довольно сдержанно. П. Милюков отмечал, что его и его друзей больше занимала не проблема дворцового переворота, а вопрос о том, какая власть установится в результате этого переворота и какую роль должна будет играть Государственная дума. П. Милюков писал: «Не было серьезности и во всех разговорах о готовящемся перевороте сверху. Его все ожидали, но никто не сделал. Некоторые члены Думы лишь сговаривались, как действовать в случае, если переворот совершится»¹⁰⁹. Были и такие буржуазные деятели, которые являлись принципиальными противниками дворцового переворота. Кадет кн. П. Долгоруков писал, что дворцовый переворот нежелателен и даже губелен, так как среди дома Романовых нет никого, кто мог бы заменить нынешнего царя, что такой переворот «не только не внесет умножения», а, наоборот, «заставит нас, убежденных конституционных монархистов, встать на сторону республиканского строя». Долгоруков видел выход в создании ответственного министерства добровольной волей царя¹¹⁰.

В конце 1916—начале 1917 г. слухи о готовящемся дворцовом перевороте были широко распространены не только в столицах, но и в провинции. Можно полагать, что «заговорщики» больше

¹⁰⁸ «Материалы Комиссии опросов Общества изучения революции 1917 г.». Небольшая часть этих материалов имеется в личном фонде профессора М. А. Поливанова, хранящемся у его вдовы профессора Р. Н. Николадзе. Она любезно предоставила возможность автору использовать эти материалы.

¹⁰⁹ П. Милюков. Россия на переломе, т. I. Париж, 1927, стр. 27—28. Милюков впоследствии заявлял, что он ничего не знал о приготовлениях к дворцовому перевороту и на «действительный ход событий все эти приготовления не имели ни малейшего влияния» («Последние новости», 4 марта 1924 г.).

¹¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1917 г., д. 27, лл. 17—18.

грозили переворотом, чем готовились к нему, желая запугать царя, вырвав у него уступки. Кадет М. В. Челноков, бывший тогда московским городским головой, говорил, что о дворцовом перевороте никто серьезно не думал, а шла болтовня о том, что хорошо если бы кто-нибудь его устроил. Кадет Илюмов впоследствии с досадой писал С. Мельгунову: «Было скорее настроение делать переворот, были разговоры, но решимости ни у кого не было. Заговорщический центр — скорее салонная болтовня, людям казалось, что они стоят в центре, а революцию просмотрели»¹¹¹. Как раз накануне революции обстановка для такого переворота была мало подходящей, и едва ли русская буржуазия и ее англо-французские союзники в этот момент строили свои расчеты на смене царя.

В начале 1917 г., после категорических заявлений царского правительства и самого царя об их намерении вести войну до полного разгрома Германии, после Петроградской конференции, на которой союзные державы договорились о дальнейших совместных действиях, опасность победы прогерманских тенденций в русских правительственных сферах уменьшилась. Между тем дворцовый переворот мог привести в движение силы, враждебные русским и иноземным империалистам. Потрясение царского трона в тогдашней обстановке могло привести к результатам прямо противоположным тем, к которым стремились заговорщики. Оно могло способствовать не дальнейшему ведению войны и предупреждению революции, а заключению мира и ускорению революции. Эти опасения, видимо, и сдерживали заговорщиков из буржуазных и военных кругов и обуславливали их колебания и нерешительность.

Правда, Терещенко и Гучков называли время, когда переворот должен был совершиться (середина марта). Но об этом писалось и говорилось уже после революции, видимо, с целью доказать, что и они были против царя и что проектируемый ими дворцовый переворот запоздал на какие-нибудь две недели.

А. Ф. Керенский впоследствии утверждал, что революцию можно было предотвратить в зиму 1916/17 г. своевременным дворцовым переворотом, и сожалел, что этого не случилось. Кадет В. Маклаков, наоборот, считал, что спасти династию было трудно даже посредством дворцового переворота. Он писал, что не было подходящего преемника царя. Те, кто стремился к престолу, не пользовались ничьими симпатиями¹¹². Однако, дело было не в том, что отсутствовал подходящий преемник царя: прогнал весь самодержавный строй, и никакие дворцовые перевороты не могли спасти его от гибели.

¹¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 5962, оп. 1, д. 4, л. 13.

¹¹² В. Маклаков. Убийство Распутина. — «Современные записки», 1928, № 34, стр. 80.

КАНУН РЕВОЛЮЦИИ

Пока шли разговоры о необходимости смены правительства или даже самого царя, развал все глубже охватывал экономику России. Не хватало хлеба, топлива, железа, угля, вагонов, паровозов. В феврале 1917 г. в записке, представленной М. Родзянко царю, говорилось: «Положение России сейчас катастрофическое и вместе с тем глубоко трагическое... Со всех концов России приходят вести одна другой безотраднее, одна другой горше»¹¹³. Из-за недостатка топлива, металла, электроэнергии останавливались многие промышленные предприятия. Выплавка металла на Юге и Урале неуклонно сокращалась. Из-за расстройств транспорта десятки миллионов пудов угля оставались невывезенными из Донецкого бассейна. Железной дороге не хватало по крайней мере 80 тыс. вагонов и 2 тыс. товарных паровозов. Планы и графики перевозок нарушались, подвижной состав изнашивался, ремонт большого состава производился крайне беспорядочно, производительность вагоностроительных и паровозостроительных заводов падала в огромной прогрессии, заказы не выполнялись. В записке Родзянко говорилось о «неустройстве рабочего рынка», о малой продуктивности труда, о полном расстройстве торговли, о «безумной» финансовой политике правительства, об отсутствии общего экономического плана и т. д.

В стране продолжал обостряться продовольственный кризис. Снабжение продуктами армии шло с перебоями и по ограниченными нормам. С фронтов сообщали, что не хватает хлеба, мяса, жиров, круп. Солдаты писали: «у нас все болеют от голода», «кушать не имеем чего, хлеб такой, что об дорогу бей», «кормят плохо, лишь бы не умер», «пищу дают постную с гнилой рыбой», «кушать нечего, наварят каши, то собаки не будут кушать», «пища очень плохая и один раз в сутки». Еще хуже обстояло дело с обеспечением продуктами гражданского населения. Правительственные органы не справлялись с этой задачей; за продовольственное дело пытались взяться общественные организации. Существовал Центральный комитет общественных организаций по продовольственному делу, в который входили представители земств, городов, военно-промышленных комитетов и других общественных организаций. Но царские власти не хотели передавать продовольственное дело целиком этим организациям. Было отклонено и предложение о передаче продовольственного дела в ведение военных властей или министерства внутренних дел. Оно осталось в министерстве земледелия.

¹¹³ «Красный архив», 1925, № 3 (10), стр. 69.

Царские власти пытались осуществить чрезвычайные меры для выполнения государственного плана заготовок продуктов. Они установили обязательные поставки хлеба в казну по твердым ценам и разверстали обязательный план заготовок по губерниям. Разверстка оказалась непосильной, ее размеры были сокращены, но и в сокращенном виде она не была выполнена. Царские власти вынуждены были в ряде городов страны ввести карточки на сахар, хлеб и другие продукты. Но и эти меры не улучшили положения. Транспорт не справлялся с хлебными перевозками. Привоз продуктов в январе 1917 г. в Петроград лишь наполовину покрывал установленные нормы. Недостаток продуктов способствовал росту спекуляции. Помещики, купцы, торговцы взвинчивали цены на продукты питания, наживая огромные барыши, а массы трудового люда голодали. У хлебных лавок и булочных устанавливались длинные очереди, и на дверях многих из них появлялись грозные надписи: «Сегодня хлеба нет и не будет». Продовольственное положение в Петрограде и во всей стране непрерывно ухудшалось. Из Москвы писали о грядущем голоде: «Это будет, вероятно, последней каплей, которая переполнит чашу русского долготерпения». Продовольственный кризис докатился и до далеких окраин. Из Хабаровска, Читы, Приуралья и других мест сообщали о нехватке муки, сахара, мяса, керосина, «словом голод, холод и тьма»¹¹⁴.

Ухудшение экономического положения страны и прежде всего обострение продовольственного кризиса усиливали антиправительственные настроения. Возмущение политикой царизма охватывало все слои населения, принимая общенародный характер. Почти в каждом полицейском донесении встречались теперь напоминания о первой русской революции и сравнение с ней современного момента. В одном из них подчеркивалось, что создавшееся положение напоминает собой «обстановку, предшествующую революционным эксцессам 1905 года», в других утверждалось, что настроение населения носит теперь еще более резкий и революционный характер, чем тогда. Начальник Московской охраны в октябре 1916 г. докладывал: «Такие определения, как острое раздражение, крайняя озлобленность, возмущение и т. д., являются довольно слабыми отражениями действительности. Можно с уверенностью сказать, что подобного раздражения и озлобления массы еще не знали. В сравнении с настроением данного момента настроение 1905—6 гг., несомненно, являлось для правительства более благоприятным. Тогда острая ненависть к правительству охватывала сравнительно узкий круг — рабочий класс, часть крестьянства и часть интеллигенции — теперь же в непримиримом чувстве осуждения правительства объединяется едва ли не все общество... Раздражение и озлобление масс настолько велико,

¹¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. перлюстраций, д. 1066, лл. 4, 115.

что они перестали стесняться в выражении своих чувств по адресу как правительства, так и верховной власти... Вся тяжесть ответственности возлагается ныне уже не только на правительство в лице Совета министров, но и на верховную власть, и делаются даже дерзкие выводы»¹¹⁵.

В сводке Департамента полиции за тот же месяц было отмечено, что наибольшая степень раздражения и озлобления масс наблюдается в столицах. Сравнение настроения населения Петрограда и Москвы в данное время и в период 1905—1906 гг. показывает, что «теперь оппозиционность настроений достигла таких исключительных размеров, до которых она далеко не доходила в широких массах в упомянутый смутный период»¹¹⁶. Полицейские власти сообщали, что среди населения столицы растет озлобление против правительства, царя и царской семьи, что все ждут каких-то исключительных событий, все перестали бояться и открыто — на улицах, в трамваях, театрах, магазинах — критикуют царские власти.

Подобные настроения охватывали население не только столиц, в той или иной степени они были характерны и для жителей других районов России. Начальник Казанского жандармского управления 8 января 1917 г. писал: «Настроение казанского общества повышенное, огромное большинство его настроено против правительства, чего никто и не скрывает, говорят об этом совершенно открыто. Осуждают новый, принятый правительством курс, говорят, что это поворот назад, но что было возможно раньше, теперь неприемлемо»¹¹⁷. Саратовский губернатор С. Тверской в частном письме писал: «Что делается? Точно после 1905 года не прошло 11 лет. Те же персонажи, те же слова с одной стороны и тот же паралич власти. На местах опять земцы-дворяне ударились в политику. Опять звонкие резолюции о ненавистном правительстве и т. д. Ну, а дальше что? Дальше опять скажет слово мужичок или вернее сделает дело мужичок. Настроение прескверное». Тульский губернатор А. Троицкий сообщал: «Наступили такие тяжелые времена, что не знаю, как и справиться. С продовольствием очень плохо, ничего не подвозят, всюду хвосты... сжужу, как на вулкане»¹¹⁸.

Призывы к борьбе против войны и царизма раздавались не только в центре страны. В поселке Шостка Черниговской губер-

¹¹⁵ «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 204—205. Несмотря на такую резкую характеристику настроений населения, чиновник Министерства внутренних дел Г. Крутяцкий нашел, что доклад не вполне точно освещает действительность. Он написал резолюцию: «Больно осторожно составлен доклад, видимо, наиболее острые моменты в нем не отражены. Дайте указание начальнику Моск. отд. по охр., чтобы особо в этих вопросах не стеснялся, ближе к истине».

¹¹⁶ «Буржуазная революция Февральской революции», стр. 136.

¹¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, д. 20, лит. Б, л. 1.

¹¹⁸ Там же, ф. перлюстраций, д. 1066, л. 19; д. 1070, л. 33.

нии распространялись литографированные листовки, текст которых гласил: «Товарищи, пора уже кончать войну с немцами и начинать воевать со своим настоящим врагом — царем и правительством... Полиции мы докажем, что мы не забыли 1905 год. На фронт полицию, там ее место. Готовьтесь, братцы, стоваривайтесь, советуйтесь один с другим, а когда будет нужно, постоям за себя... Так вставай, подымайся, рабочий народ! Вставай на борьбу голодный люд, вперед, вперед!»¹¹⁹

По городу Мурому Владимирской губернии были расклеены листки, в которых говорилось: «Свободные граждане города Мурома! Долго ли будете смотреть на несправедливость правительства? По прихоти государя как народ, так и само отечество терпит бедствия. Восстанем, братья, против государя и правительства и выкинем красный флаг свободы народа. Да приступим же к делу немедленно»¹²⁰.

Созданию обстановки всеобщего недовольства способствовала и буржуазно-помещичья оппозиция. Хотя она не выходила за рамки существующего строя, ее выступления развенчивали царизм и содействовали его изоляции. Выступления буржуазии происходили на легальной почве и сопровождались большим шумом. Создавалось впечатление, будто столкновения между царизмом и буржуазией составляют главный фронт развернувшейся борьбы. Само царское правительство не очень ясно видело откуда надвигается для него главная опасность. Царизм преувеличивал степень оппозиционности русской буржуазии и угрозу с ее стороны: «Сильнее кошки зверя нет». Это сказалось, в частности, на полицейских донесениях предреволюционного времени. Можно согласиться с кадетом Н. Астровым, что вовлечение буржуазных общественных организаций в политическую жизнь страны было явлением непривычным для царских властей и потому полиция и ее Охранные отделения глаз не спускали с Союзов и доносили о них правду и вымысел. Полиция обвиняла, например, Союз городов в том, что он хотел использовать затруднения царского правительства, чтобы свалить самодержавие. На самом деле Союз городов хотел спасти царизм, предотвратить возможную катастрофу и «удержать возможное влияние в поднимающемся стихийном протесте, предупредить его, если возможно, и не дать ему развиться в анархию, в бунт бессмысленный и беспощадный»¹²¹.

Придворная клика видела в деятелях думской оппозиции своих смертельных врагов. Александра Федоровна в письме к царю писала, что «мерзкий Родзянко и другие твари» просят созвать Думу, тогда как их надо отстранить, они слишком много болтают. Она требовала, чтобы царь пригрозил буржуазным лидерам и по-

¹¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1917 г., д. 341, ч. 91, л. 2.

¹²⁰ Там же, д. 20, ч. 13, л. 3.

¹²¹ Там же, ф. 5913, оп. 1, д. 16, л. 31.

ставил их на место. Но и этого ей было мало. «Ах, если бы только можно было повесить Гучкова!» — мечтала императрица в сентябре 1915 г. Более определенными становятся предложения Александры Федоровны в конце 1916 г. «Распусти Думу сейчас же... — пишет она Николаю II 14 декабря этого года. — Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь (так делалось и за гораздо менее важные проступки), отняла бы чин у Самарина... Милюкова, Гучкова и Поливанова — тоже в Сибирь»¹²². Такие же требования раздавались и из лагеря крайне правых.

Однако царское правительство не вступало на этот путь. Оно не применяло по отношению к буржуазным лидерам полицейских репрессий, подобно тому как делало это в отношении рабочих-революционеров. Царские власти ограничивались роспуском Государственной думы, городских и земских съездов и других организаций. Обе стороны — царизм и буржуазно-помещичья оппозиция — стояли друг против друга, не решаясь порвать связывающие их нити и встать на путь непримиримой борьбы между собой.

Главная линия борьбы проходила не здесь. Революционную войну против царизма вел рабочий класс и идущие за ним массы трудящихся. Крот революции рыл под землей, и его работа не всегда была доступна широкому наблюдению. Революционное движение, загнанное в подполье, прорывалось на поверхность в виде массовых рабочих стачек. Буржуазные лидеры нередко приписывали рабочие выступления провокационным действиям прогерманских элементов, стремившихся разложить тыл и вызвать внутренние беспорядки в России. В буржуазных кругах было широко распространено мнение, будто А. Протопопов хочет спровоцировать рабочих на выступление, чтобы, потопив это выступление в крови, упрочить свою власть и, ссылаясь на тяжелое внутреннее положение в стране, пойти на мировую с Германией. На самом деле А. Протопопов, как и все царское правительство, всеми силами стремился не допустить рабочих выступлений.

Нарастания революционного рабочего движения не замечали и многие мелкобуржуазные деятели, считавшие себя связанными с пролетариатом. Эсер С. Постников, работавший в это время в Союзе городов, писал: «Можно было наблюдать сравнительную слабость политического рабочего движения, которое чаще выдвигало профессиональные требования во время своих стачек, и настойчивую и систематическую борьбу против царского правительства со стороны других классов и слоев русского общества — крупной буржуазии, земских и городских деятелей, высшего военного командования и даже людей из придворных сфер. Все эти круги как наиболее организованные и политически осведом-

¹²² «Переписка Николай и Александры Романовых», т. V. М.—Л., 1925, стр. 190.

ленные видели и сознавали, что царский режим не выдерживает испытания войной и ведет страну к гибели»¹²³.

В действительности, настойчивую и систематическую борьбу против царского правительства вел пролетариат, а не буржуазия. Местные органы царизма видели откуда надвигается главная опасность для самодержавия. Начальник Пермского губернского жандармского управления писал: «Наиболее серьезные пункты в губернии, где можно ожидать выступления рабочих: Лысьвенский завод, Мотовилаха и Верхне-Исетские заводы»¹²⁴. 29 января владимирский губернатор Крейтон сообщал Совету министров: «Озлобление в некоторых, особенно фабричных, районах едва сдерживается. Забастовочное движение на фабриках приняло упорный характер и влечет за собой более чем тревожные настроения среди фабрикантов. Ореховские и ивановские фабриканты испытывают едва ли не панический страх за судьбу свою и своих предприятий»¹²⁵.

Царское правительство готовило силы, чтобы подавить возможные народные волнения. Оно намеревалось для этого использовать прежде всего полицейские силы, укрепляло их. Осенью 1916 г. были приняты законы об увеличении числа охранников, о замене всех пеших стражников конными, об увеличении численности полиции и повышении полицейским чином окладов содержания. Губернаторам предписывалось довести численность стражи до утвержденных контингентов и правильно дислоцировать ее. Рекомендовалось сводить стражников в отряды, размещать их в наиболее важных пунктах губернии, в первую очередь в местах сосредоточения рабочих масс. Но для подавления крупных народных волнений полицейских сил было недостаточно. Царские власти рассчитывали использовать для этой цели армию.

Между тем армия становилась все менее надежной опорой самодержавия. В запасные части, состоявшие из недавно мобилизованных, слабо обученных и плохо вооруженных людей, проникало такое же острое недовольство войной и царизмом, как и в массу гражданского населения. В феврале 1917 г. начальник Пермского губернского жандармского управления сообщал Департаменту полиции, что в важнейших центрах Урала дислоцированы довольно многочисленные запасные пехотные полки. Но при этом он добавил: «Численность запасных полков не есть показатель, каким числом штыков можно располагать при усмирении. В каждом из этих полков много сырого, необученного материала, негодного для подавления беспорядков, да и ружей и патронов к ним не так много»¹²⁶.

¹²³ ЦГАОР СССР, ф. 6065, оп. 1, д. 1, л. 31.

¹²⁴ Там же, ф. ДПОО, 1917 г., д. 75, ч. 57, л. 3.

¹²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 12, д. 1816, л. 12.

¹²⁶ ЦГАОР СССР, ф. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК), оп. 1, д. 448, л. 72.

Революционный пролетариат собирал и организовывал свои силы во всех крупных центрах страны. В трудных условиях военного времени разворачивали свою революционную деятельность большевики Урала, Донецкого бассейна, Нижнего Новгорода, Тулы, Харькова, Киева, Екатеринослава, Баку и других районов России. Восстанавливая всероссийскую партийную организацию, Русское бюро ЦК РСДРП завязывало связи с местами. С января 1917 г. оно приступило к изданию «Осведомительных листков», в которых помещалась информация о работе местных большевистских организаций.

Большую революционную работу разворачивали большевики Москвы. Здесь особенно большие размеры приняли провокации, провал следовал за провалом, едва Московский комитет РСДРП успевал организоваться, как весь его состав оказывался за тюремной решеткой. И все же партийная работа в Москве шла почти непрерывно. Занимались подпольные заводские кружки, выпускались печатные и литографированные листовки и прокламации к рабочим и солдатам, распространялась литература. В революционную борьбу вовлекалось студенчество. В столовой Коммерческого института устраивались вечера, беседы, доклады, дискуссии на политические темы, в которых принимали участие рабочие и студенты. Это было место конспиративных явок и распространения нелегальной литературы. Осенью 1916 г. в Москве образовалось Областное бюро ЦК РСДРП, в которое вошли видные деятели большевистской партии — М. С. Ольминский, И. И. Скворцов (Степанов), В. П. Ногин, М. Савельев, В. Милютин и др. С ноября того же года под руководством М. Ольминского стал выходить легальный журнал «Голос печатного труда». Между большевиками Петрограда и Москвы устанавливалась тесная связь. Сотрудник Петроградской охранки докладывал, что из Москвы в Петроград приезжали представители большевистской организации для установления контакта. «Они сообщили, что в Москве настроение приподнятое, допускающее возможность вооруженного восстания, и установились прочные связи со всеми фабрично-заводскими предприятиями, что возможна массовая стачка, рабочие только ждут сигнала для общего выступления»¹²⁷.

Революционный кризис, охвативший всю страну, принял наиболее острые формы в Петрограде. Именно здесь были сосредоточены главные силы обоих воюющих лагерей и назревала решающая битва между ними. Взоры всего народа были устремлены к петроградскому пролетариату. На его выступление возлагали надежды рабочие других городов, от него ждали сигнала к общему штурму царизма. Царская охранка сообщала, что пролетариат Петрограда готов вступить в новое сражение с самодержавием и применить в этом сражении свое испытанное средство — забастовку.

¹²⁷ Там же, ф. ПОО, 1917 г., д. 630, л. 70.

ставку. «Идея всеобщей забастовки со дня на день приобретает все новых сторонников и становится популярной как в 1905 году... Рабочие массы пришли к сознанию необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и последующей революции»¹²⁸.

Революционную борьбу петроградского пролетариата возглавили большевики. Несмотря на трудность военной обстановки, частые аресты, провокации, провал техники и т. п., Петербургский и почти все районные комитеты РСДРП продолжали свою деятельность.

К организации большевиков тянулись тогда и представители других социал-демократических групп. 11 февраля А. Шляпников писал заграничным членам ЦК РСДРП: «Кое-где в Питере и в провинции меньшевики, „объединенцы“ и прочие отколовшиеся вновь вступают в ряды партии. Мы приветствуем такую мобилизацию пролетарских сил. „Центры“ (Инициативная группа) и «Объединенные Междурайонцы») ведут речи о создании общей организации. Мы предлагаем им вступать в наши ряды»¹²⁹.

В условиях обострения революционного кризиса стремились активизировать свою деятельность и социалисты-революционеры. В годы войны их организации в России фактически перестали существовать. В листовке Инициативной группы с.р., «написанной в феврале 1917 г., говорилось: „Партия нет... Она развалилась, выродилась в мелкие разрозненные и слабые группы, ячейки, беспомощные практически, бессильные, неавторитетные теоретически и морально“. Обращение призывало старых и молодых деятелей взяться за воссоединение партии, помогать нелегальной печати и готовиться к Всероссийскому партийному съезду. «Разве вы не чувствуете, как насторожилась вся огромная Россия, чуя бурю? Разве вы не слышите, что уже началась перекличка?». «Инициативная группа социалистов-революционеров» призывала выступить против империалистической войны и повести борьбу с царским самодержавием за коренную демократизацию России, за социализацию земли и 8-часовой рабочий день. Она приветствовала «звергичную и неутомимую деятельность, которую проявляют наши друго-враги из марксистского лагеря», предлагала, возродив партию эсеров, согласовать ее действия с действиями социал-демократов¹³⁰. Московская организационная группа социалистов-революционеров в обращении, выпущенном тоже в феврале, призывала объявить войну угнетателям народа. «Только через Всенародное Учредительное собрание, — писала она, — выйдет Россия из тупика, в который завело ее правительство при молчаливом согласии Государственной думы... Создавайте революцион-

¹²⁸ ЦГАОР СССР, ф. ПОО, д. 507, л. 50.

¹²⁹ «Вопросы истории КПСС», 1965, № 9, стр. 81.

¹³⁰ ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1917 г., д. 9, ч. 46, лит. Б, л. 11.

ные организации, ведите революционную пропаганду в пролетариате, крестьянстве и войсках»¹³¹.

Важным этапом на пути к революции явилась забастовка, состоявшаяся в традиционный день 9 января 1917 г. Петербургский комитет большевиков призвал рабочих отметить этот день политической стачкой и митингами, на которых должна быть «выяснена цель этой политической стачки и указана необходимость усилить революционную борьбу теперь». Он предлагал провести 9 января под лозунгами: «Долой царскую монархию!», «Долой войну!» Подготовка к 9 января 1917 г. развернулась во всех районах Петрограда. На заседании Выборгского районного комитета РСДРП 18 декабря 1916 г. выяснилось, что на заводах возникают конфликты на экономической почве, идет сбор средств в пользу арестованных товарищей, многие коллективы собираются выступить в день 9 января. «Общее настроение такое, что негодование растет»¹³².

Царские власти решили во что бы то ни стало сорвать рабочую стачку в день 9 января. Они пустили в ход обычные «меры пресечения», арестовав большое количество активных большевиков, в том числе весь состав тогдашнего Петербургского комитета РСДРП. Полиция захватила подпольную большевистскую типографию, а попытка большевиков использовать легальную типографию кончилась неудачно. Из большевистских организаций Петрограда прокламации к 9 января смогли выпустить только Выборгский районный и Латышский комитеты. Несмотря на это, подготовка к выступлению 9 января продолжалась. 5—7 января 1917 г. состоялись собрания и митинги на предприятиях Выборгской стороны, на Путиловском и Обуховском заводах, в Московском и Петроградском районах. На этих собраниях раздавались призывы к стачкам в день «кровавого воскресенья».

В подготовке к 9 января 1917 г. приняли участие и другие социал-демократические организации. К 9 января выпустил обращение Межрайонный комитет РСДРП. В нем разоблачалась политика царизма и буржуазии и ее пособников из рабочих групп военно-промышленных комитетов, говорилось, что, призывая к поддержке империалистической войны и соглашению с буржуазией, гвоздевцы предадут дело рабочего класса. Межрайонцы призывали рабочих: «Будем помнить, что не решены еще наши пролетарские задачи, что живы еще те требования, которые были начертаны на наших знаменах 9 января 1905 года»¹³³. В день смотра сид организованного пролетариата «межрайонцы» провозгласили лозунги борьбы с самодержавием и войной, за победу революции, создание Временного революционного правительства и установление демократической республики.

¹³¹ Там же, л. 10.

¹³² Там же, ф. ПОО, д. 644, л. 295.

¹³³ «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 261.

Листовка «Инициативной группы» социал-демократов—меньшевиков, выпущенная к 9 января, тоже призывала отметить этот день забастовкой и митингами; она отмечала, что на пути к желательному для народа миру стоит царская монархия. Но как свергнуть монархию, как относиться к буржуазии — ответа не было. Острые проблемы развернувшейся борьбы народа в меньшевистской листовке были обойдены.

Движение среди рабочих приняло такие размеры, что даже рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета не могла остаться в стороне. Если прежде Рабочая группа противодействовала стачкам, считая, что они подрывают военные усилия страны, то теперь, под давлением рабочих масс, она высказывалась за стачку. Рабочая группа хотела использовать день 9 января не для усиления революционной борьбы пролетариата, а для вовлечения его в русло буржуазного либерализма: она указывала, что выступления в этот день должны способствовать активизации буржуазии и объединению всех прогрессивных сил вокруг Государственной думы¹³⁴.

Но выступления питерских рабочих были направлены совсем не к этой цели. День 9 января 1917 г. прошел как крупное революционное событие. Стачка, состоявшаяся тогда, охватила большинство питерских рабочих и превзошла по своим размерам все стачечные выступления в годы войны, в том числе мощную забастовку октября 1916 г. «Осведомительный листок» Бюро ЦК РСДРП сообщал: «Все партийные ячейки повели агитацию за стачку, и стачка в этом году отличалась большим количеством участников. Бастовали Путиловский, Обуховский и даже С.-Петербургский Арсенал, не знавший стачки уже с 1905 года. По районам стачка шла следующим образом: Выборгский — всеобщая, Невский — всеобщая, Городские — большинство и слабо на Васильевском острове, Петербургская сторона — большинство. Число стачечников определяют в 300 000 рабочих»¹³⁵.

Выступления 9 января 1917 г. не ограничивались стачками. На заводах Выборгской стороны состоялись митинги, где выступали ораторы, призывавшие к свержению царизма и прекращению войны. С митингов рабочие выходили с пением революцион-

¹³⁴ ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1917 г., д. 347, ч. 28, л. 2 об.

¹³⁵ «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 266. В письме Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП говорилось: «В общем на основании этих неполных сведений число бастовавших можно определить в 160—170 тысяч участников, иные определяют в 200 тысяч и более» (там же, стр. 265). Расхождение между данными ИК Петербургского комитета и Бюро ЦК значительное. В примечании к публикации этих документов в журнале «Пролетарская революция» А. Шляпников подтверждает цифру, данную «Осведомительным листком». Он пишет: «По данным, проверенным тогда нашим Бюро Центрального Комитета, количество стачечников доходило до 300 000 рабочих» (там же, стр. 266).

ных песен, а кое-где и с красными флагами. Рабочие отдельных мастерских Путиловского завода с утра, не приступая к работам, организовали демонстрацию с красными флагами, на улице выступил оратор; демонстрация была разогнана ковной полицией. В письме Исполнительной комиссии Петербургского комитета в Бюро ЦК РСДРП отмечалось, что день 9 января 1917 г. — «показатель громадного роста революционной сознательности и активности петроградского пролетариата за истекший год»¹³⁶.

Петроградская охранка успокаивала себя тем, что забастовка 9 января не оправдала надежд руководителей петроградского пролетариата, что большевики намеревались сопроводить выступления 9 января активными действиями и боевыми демонстрациями, а забастовка протекала мирно, без нарушений порядка. Охранка указывала, что сигнал к стачечному движению был дан революционными организациями, но арест Петербургского комитета РСДРП и многих других партийных работников лишил стачку «объединяющего и руководящего центра» и привел к тому, что стачка протекала «спокойно». Конечно, при наличии объединяющего и руководящего центра события приобрели бы более активный, боевой и целеустремленный характер, но все же стачка не протекала так спокойно, как изображала охранка, столкновения происходили, «порядок нарушался»: рабочие не только бастовали, но и выходили на улицу с красными знаменами и большевистскими лозунгами.

Охранке пришлось признать, что число бастовавших по сравнению со стачкой 9 января 1916 г. увеличилось и что это увеличение произошло не только в связи с ростом общего числа рабочих, но и вследствие полевения масс, «причиной чему был целый ряд условий: вздорожание продуктов первой необходимости и недостаток их, утомление войной, масса разнородных слухов, волнующих население, и т. д., привычка рабочего люда к широким стачкам в пролетарские „табельные дни“»¹³⁷.

Рабочая группа Военно-промышленного комитета истолковала события 9 января 1917 г. по-своему. Признавая, что воспоминания, связанные с днем 9 января, приобрели особую остроту, она писала, что организованные рабочие круги стремились использовать забастовки и собрания, происходившие в этот день, чтобы поддержать буржуазную оппозицию и потребовать немедленного созыва Государственной думы. В действительности, подобных требований рабочие не выдвигали. Мало кто из них вспомнил 9 января о Государственной думе: стачка прошла под революционными лозунгами и дала большой толчок дальнейшей борьбе против войны и царизма. В письме Исполнительной комиссии

¹³⁶ «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 264.

¹³⁷ «Петроградский пролетариат и большевистские организации», стр. 191.

Петербургского комитета РСДРП говорилось, что январская стачка 1917 г. превзошла все стачечные выступления за годы войны и очень подняла дух масс: «Настроение на заводах очень бодрое, политически сознательное и открывает широкие революционные возможности»¹³⁸.

Внушительные выступления рабочих в день 9 января 1917 г. произошли и в Москве. После многочисленных провалов большевистская организация Москвы частично восстановила свои ряды и развернула подготовку ко дню 9 января. На собрании представителей районов, состоявшемся за неделю до этого дня, выяснилось, что рабочая масса готова по первому зову большевиков выйти на улицу. Это было время, когда, по свидетельству участников событий, все кругом кипело и бурлило, «недовольства хоть отбавляй, гнев охватил самые глубины народных масс, всюду слышится уверенность, что мы в полосе зарождения и нарастания революции»¹³⁹.

Прокламация Московского комитета РСДРП, посвященная этой дате, начиналась следующими словами: «Жива и не умерла среди рабочих память о царском преступлении 9—10 января 1905 года... И теперь в дни бесконечной войны еще важнее, чем раньше, данное выступление пролетариата в день 9 января». В прокламации говорилось, что конец войне и всем насилиям положит только революционное выступление рабочего класса. «Нужно вырвать власть из рук царского правительства и передать ее в руки правительства, созданного революцией — для заключения такого мира, который нужен рабочему классу, для создания такого политического строя, который нужен рабочему. Необходима борьба за демократическую республику и за окончание войны силами рабочих всех стран. Мы призываем московских рабочих ко всеобщей забастовке в день 9 января. Бросьте, товарищи, дружно работу и выходите на улицу! Подымите головы! Защитите гибнущих на фронте! Защитите себя! Покажите, что революционная сила пролетариата жива и не разорвано красное знамя рабочего класса»¹⁴⁰.

Рабочие Москвы откликнулись на этот призыв. По данным охраны, 9 января 1917 г. стачка охватила здесь 41 предприятие с числом рабочих свыше 28 тыс.¹⁴¹ По сравнению с общим числом московских рабочих эта цифра была невелика. Зато бастовавшие вели себя активно, многие из них вышли на улицы города и демонстрировали с красными флагами, с пением революционных песен. Демонстрация в центре Москвы произошла по заранее намеченному плану.

¹³⁸ «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 266.

¹³⁹ «Накануне великой революции», М., 1922, стр. 39.

¹⁴⁰ «Большевики в годы империалистической войны», стр. 161.

¹⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1917 г., д. 158, л. 6.

В «Осведомительном листке» Бюро ЦК РСДРП сообщалось: «К часу дня на Тверской бульвар по приглашению Московского комитета собралось две-три тысячи рабочих, среди которых можно было насчитать десятка три студентов. Собранный заранее полиция сделала демонстрацию невозможной. Начались аресты при попытке зайти. Появилась конная полиция. Товарищи направились небольшими группами на Театральную площадь. В начале третьего часа на Театральную площадь собралась толпа рабочих с небольшим количеством студентов. Запели „Отречемся от старого мира“ и с красным знаменем, на котором было написано „Долой войну“, „Да здравствует Российская социал-демократическая партия“, прошли от Неглинной улицы до половины Охотного ряда и обратно»¹⁴². У Неглинного проезда произошло столкновение с полицией и конными жандармами. Участников демонстрации избивали и арестовывали, казаки и жандармы оценили Театральную площадь. Так, впервые за время войны на улицах Москвы взвилось красное знамя. В тот же день демонстрации состоялись на Елоховской и Немецкой улицах, за Пресней, на Лубянской площади, у Красных ворот и в других местах города.

В день 9 января 1917 г. большевистские организации многих городов России призывали трудящихся к борьбе против царизма. Прокламация и листовки, выпущенные этими организациями к дню 9 января, были проникнуты твердой уверенностью в близости второй русской революции. В листовке Тверской организации РСДРП говорилось: «Только революция может окончить войну, только на баррикадах завоюем мы свои права, свергнем самодержавие, спасем себя от голодной смерти. Организуйтесь, товарищи! Готовьтесь к гражданской войне!» Екатеринбургский комитет РСДРП писал в своей прокламации: «Не пора ли вспомнить как следует 1905 год? Кто еще, кроме рабочих, может прекратить изготовление пушек, снарядов и прекратить бойню? Кто еще может высоко поднять славное знамя Российской революции? Близок час великой развязки, великого суда над виновниками величайшего в истории преступления против человечества... Довольно жертв во славу Капитала. Наш общий враг — за спиной» — указывали в своей листовке большевики Донецкого бассейна¹⁴³.

В конце 1916—начале 1917 г. революционный пролетариат России вел авангардные бои с самодержавием. Но уже близился час решающего сражения. Революционный кризис, охвативший всю страну и все слои населения, дошел до крайней черты.

Как же этот кризис перерос в восстание, в революцию?

¹⁴² «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 267.

¹⁴³ «Большевики в годы империалистической войны», стр. 163—166.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

«И подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах».

Из речи ткача Петра Алексеева на чорском суде в 1877 г.

ОТ СТАЧЕК К ВОССТАНИЮ

Пролетариат шел ко второй русской революции, опираясь на опыт славного 1905 года. Исходя из этого опыта, необходимо было прежде всего укрепить боевую революционную рабочую партию и под ее руководством организовать и направить к намеченной цели поднимающееся революционное движение. В трудных условиях военного времени большевики добились в этом отношении определенных успехов.

11 февраля 1917 г. А. Шляпников сообщал заграничным членам ЦК РСДРП: «Организационные дела у нас неплохи, но могли бы быть куда лучше, если бы были люди. Теперь успешно организуем Юг, Поволжье, Урал. Основано Московское Областное Бюро. Ждем известий с Кавказа. Требуют людей и литературы. Постановка производства последней внутри России — очередная задача Бюро ЦК. Публику удалось подобрать хорошую, твердую и способную. По сравнению с тем, как обстоят дела у других — у нас блестяще. Можно сказать, что Всероссийская организация в данное время есть только у нас»¹.

И все же организация революционного движения отставала от его стихийного размаха. Из докладов с мест, сделанных на заседании Петербургского комитета РСДРП 15 января 1917 г., выяснилось, что вследствие жестоких репрессий большевистская организация столицы находится в трудном положении. Объясняя причины слабой работы, представитель Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП заявил, что ее деятельность «особенно тяжела и все ее работы сопровождаются арестами». Петербургский комитет РСДРП постановил обратиться к завод-

¹ «Вопросы истории КПСС», 1965, № 9, стр. 81.

ским и районным организациям большевиков с просьбой усилить местную работу, в частности заводить свою технику².

В Исполнительную комиссию Петербургского комитета РСДРП были введены новые члены — А. Скороходов и И. Чугурина. Это были рабочие — активисты, неразрывно связавшие свою судьбу с делом партии. А. Скороходов стал большевиком в 1912 г. Он прошел Вологодскую ссылку, работал на Николаевском заводе «Наваль» и, устроившись на небольшом заводе «Дека», что на Петроградской стороне, вел партийные кружки, руководил нелегальными сходками, завязывал связи с солдатами. Иван Чугурина вышел из среды сормовских рабочих. Большевистская организация направила его за границу в местечко Лонджомо (Франция), где он учился в партийной школе, руководимой В. И. Лениным. Царские власти арестовали И. Чугурина на границе и отправили его в Нарымскую ссылку. Но Чугурина бежал и в 1916 г. появился в Петрограде. Он работал на заводах Выборгской стороны («Промет», «Айваз»), активно участвовал в деятельности партийной организации этого района и представлял его в Петербургском комитете РСДРП.

В условиях стихийно развивавшегося движения создавалась опасность распыления революционных сил и разгрома их в преждевременных схватках. Выборгский районный комитет РСДРП в листовке, выпущенной в январе 1917 г., отмечал, что с каждым днем нарастает сила и мощь народного гнева, готовая ежeminутно прорваться наружу. «Но, скрепя сердце, мы не должны вызывать себя на единичные выступления, ради экономии сил. Будем укреплять свои старые и создавать новые ячейки. Товарищи рабочие, заводите у себя на фабриках и заводах кружки, входите в тесную связь с коллегами пропагандистов, заводскими и районными комитетами вплоть до центра, готовьтесь к общему наступлению. Время не ждет, события нарождаются с невероятной быстротой и властно требуют от нас общности действий, соединения силы и общности тактики»³. Листовка призывала рабочих к борьбе за мир, хлеб и свободу.

Большевики готовили массовую политическую стачку. На собрании рабочих слесарной мастерской Харьковского завода Гельферих-Саде 25 января 1917 г. рабочий Вакуленко зачитал письмо из Петрограда, в котором говорилось, что «теперь не время для экономических забастовок, что эти забастовки не дадут рабочему классу ничего, что следует устроить всеобщую политическую забастовку, чтобы добиться лучшей жизни. Указывалось на возможность такой забастовки в конце февраля этого года». 9 февраля около сквера у того же завода собрался митинг рабочих разных заводов. Ораторы, выступавшие на митинге, при-

² ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1917 г., д. 5, ч. 57, лит. Б, лл. 3—4.

³ «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 97.

звали к всеобщей забастовке, требовали прекращения войны и заявляли, что Государственная дума обманывает народ. Эти речи прерывались одобрительными возгласами собравшихся⁴.

Первая русская революция обогатила рабочих замечательным опытом использования разнообразных тактических средств. Готовясь к новой революции, пролетариат опирался на этот опыт, но его надо было применять, учитывая новые условия. Пролетариат не мог организовать всероссийскую железнодорожную забастовку подобно такой, какая была в 1905 г. Остановка железнодорожного сообщения в условиях острого продовольственного кризиса обрекла бы на голод городское население и армию и дезорганизовала бы силы самих рабочих. Массовая же политическая стачка на заводах и фабриках городов по-прежнему была одним из важнейших тактических средств борьбы пролетариата. Вовлекая в борьбу прежде всего массы рабочего класса, политическая стачка пробуждала и другие слои трудящихся и вплотную подводила их к решающей фазе революции — вооруженному восстанию. Как и раньше, без перехода к этой фазе победа народа над царизмом была невозможна. Но в обстановке мировой империалистической войны пролетариат шел к этой фазе другими путями, чем в 1905 г. Переход от стачки к восстанию во второй русской революции происходил иначе, чем в первой. После событий 9 января 1905 г. партия большевиков организовывала рабочих в боевые дружины, добывала для них оружие, готовила их к боевым действиям. Эти рабочие дружины и подняли вооруженные восстания против царизма в декабре 1905 г. Пролетариат и тогда стремился привлечь на свою сторону царские войска, чтобы обеспечить победу революции, но главной ударной силой революционной армии были вооруженные отряды самих рабочих.

По-иному сложились дела в канун второй русской революции. Вооруженные силы царизма представляли в то время неизмеримо большую величину, чем в 1905 г. К концу русско-японской войны на Дальнем Востоке сосредоточилась миллионная русская армия. В годы же первой мировой войны в ее ряды было мобилизовано 15 млн. человек. Тогда война шла на отдаленной окраине; теперь боевые действия развертывались вблизи жизненных центров страны. Во всех крупных городах и прежде всего в Петрограде стояли многочисленные гарнизоны. По данным Военной комиссии Государственной думы, в дни революции в Петрограде размещалось свыше 170 тыс. солдат, в окрестностях (до Луги и Новгорода включительно) 152 тыс.; всего в столице и окрестностях — 322 тыс. (почти в 2,5 раза больше, чем в мирное время)⁵. Здесь

⁴ ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1917 г., д. 341, ч. 88, лит. Б, лл. 10, 14.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 10, д. 10, л. 41. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии, численность Петроградского гарнизона

находились запасные батальоны четырнадцати гвардейских полков (сами полки сражались на фронте) и другие пехотные кавалерийские и специальные части (в последних служило немало рабочих самого Петрограда). Большевицские организации имели связи с воинскими частями и оказывали значительное влияние на солдат.

В обстановке империалистической войны пролетариат не мог создать собственные вооруженные силы — боевые дружины и отряды, способные противостоять царскому войску. Вопрос о привлечении на сторону народа солдатской массы приобретал теперь еще большую остроту, чем в годы первой русской революции. Царизм мобилизовал миллионы рабочих и крестьян в армию. Задача революционного пролетариата состояла в том, чтобы повернуть врученное им оружие против самого царизма. Нужно было найти средства перехода войска на сторону рабочих и формы совместных действий рабочих и солдат для обеспечения победы революции. Некоторые партийные работники предлагали добыть оружие и организовать боевые дружины из рабочих. А. Шляпников пишет, что Бюро ЦК РСДРП отклоняло эти предложения. «И все просьбы о добыче, приобретении оружия я сознательно отклонял, предлагая желающим, жаждущим оружия, получить его «по знакомству» в казармах. Мы не питали обманчивых надежд, что можем соперничать своим вооружением с воинскими частями, а понявную нам жажду вооружения тактически сочетали с необходимостью связи рабочих с казармами, предлагали поощрять массовое знакомство в войсках, братания с солдатами в моменты уличных встреч и т. д.»⁶

Из всех форм борьбы рабочего класса особенно важное значение приобрели теперь уличные демонстрации. В то время, как забастовки в подавляющем большинстве случаев не сталкивали рабочих с вооруженными силами царизма, уличные демонстрации рабочих, для подавления которых царизм использовал солдат, давали возможность рабочим повести активную борьбу за войско и втянуть его в революцию.

Массовое вооружение рабочих, организация боевых дружин могли произойти лишь после выступления на улицу, в ходе самой уличной борьбы, в связи с переходом на сторону революции солдат. Путь к вооруженному восстанию лежал через всеобщую стачку и уличные демонстрации.

на 1 февраля 1917 г. составляла 180 тыс. человек (ЦГАОР СССР, ф. ЦСК, д. 471, стр. 19). Основываясь на данных Итвендантского управления, Б. Кочаков приводит другие цифры: 271 тыс. солдат в Петрограде и 195 тыс. — в ближайших пригородах («Очерки истории Ленинграда», т. 3. М.—Л., 1956, стр. 64). Кочаков включает в свои подсчеты солдат обслуживающих частей (складов, мастерских и пр.) и находившихся на лечении в госпиталях.

⁶ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1. М., 1923, стр. 69—70.

Заграничный партийный центр, руководимый В. И. Лениным, видел, что ход событий ведет к этому решающему этапу борьбы. Правда, в далекой Швейцарии получались скудные вести из России. Прочной связи наладить не удавалось, сообщения о рабочем движении и работе местных организаций получались нерегулярно. Из буржуазной печати трудно было составить скольконбудь полное представление о событиях, происходящих в России. Несмотря на это, В. И. Ленин, правильно оценивая положение в стране, был убежден в близости русской революции. В январе 1917 г. В. И. Ленин сделал доклад о 12-й годовщине первой русской революции на собрании швейцарской рабочей молодежи. Он говорил, что новая революция в России будет прологом грядущей европейской революции. «Что таковы перспективы, — отмечала Н. К. Крупская, — Ильич ни на минуту не сомневался. Но как скоро придет эта грядущая революция, звать этого он, конечно, не мог. „Мы, старики, может быть не доживем до решающих битв этой грядущей революции“, — с затаенной грустью сказал он в заключительной фразе. И все же только об этой грядущей революции и думал Ильич, для нее работал»⁷. Как раз в эти дни — 31 января 1917 г. вышел № 58 «Социал-демократа», в котором В. И. Ленин писал, что нельзя наперед сказать, когда именно революция вспыхнет, насколько велики шансы ее победы. «Революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс. На усиление этого потока должны направить все свои силы революционные социал-демократы»⁸.

Сознательный пролетариат России устремлял все свои помыслы и действия на использование создавшейся революционной ситуации для свержения существующего строя. До Ленина доходили вести о том, что революционная борьба трудящихся России принимает все большие размеры. 6 (19) февраля 1917 г. он писал Инесе Арманд: «Получили мы на днях отрадное письмо из Москвы... Пишут, что настроение масс хорошее, что шовинизм явно идет на убыль и что на верное будет на нашей улице праздник. Организация-де страдает от того, что взрослые на фронте, а на фабриках молодежь и женщины. Но боевое настроение-де от этого не понижается»⁹.

⁷ Н. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 271. Многие зарубежные буржуазные историки, цитируя эти слова, утверждают, что Ленин не предвидел близкую победу революции. На самом деле Ленин считал, что революционный кризис России созрел уже к осени 1915 г. Весь доклад о 12-й годовщине революции 1905 г. проникнут уверенностью в том, что новая революция произойдет в ближайшем будущем. Ленин говорил швейцарским товарищам, что Европа чревата революцией. Но, конечно, он не мог намечать конкретные сроки ее прихода.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 347—348.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 390.

В тот же день Н. Крупская писала С. Каспарову: «Ехать в Россию надо поскорее, а то опоздаете к „началу“. Нет, серьезно, письма из России весьма радостные. Вчера еще пришло от одного старого приятеля, человека многоопытного, который пишет: «Трудное время по-видимому проходит, наблюдается поворот в хорошую сторону в настроении не только рабочих, но и интеллигентной молодежи. Организованность плоха, п. ч. вся зрелая публика или на фронте или является временнообязанной. В пролетариате наплыв женщин и подростков понижает способность к организации, но не настроение. И все же организации растут. Несмотря на аресты, они недурно работают в Поволжье, в южной России. Про Питер, конечно, знаете, влияние шовинистов быстро слабеет. Желаю бодрости, наше время близится... Прислали также листок Бюро ЦК, очень хороший»¹⁰.

Направляя рабочее движение к революционной цели, большевики решительно боролись против попыток меньшевиков-оборонцев повернуть пролетариат на путь соглашения с буржуазией. В конце февраля 1917 г. в обстановке нараставшего революционного кризиса Рабочая группа Военно-промышленного комитета развернула кампанию «за демократизацию страны». Рабочие нескольких предприятий столицы приняли резолюцию, выработанную этой группой. Она состояла из двух пунктов: 1) Немедленное и решительное преобразование существующего строя и организация «правительства спасения страны», опирающегося на народ, на Думу, на все существующие рабочие и демократические организации; 2) немедленное объявление всеобщей и полной амнистии и, в первую голову, освобождение и восстановление в правах сосланных с.-д. депутатов второй и четвертой Государственных дум. Меньшевики-оборонцы исходили из того, что борьбу за демократизацию политического строя страны призвана возглавить буржуазия. Они по-прежнему видели задачу рабочего класса в том, чтобы оказывать давление на буржуазию и толкать ее к активным действиям.

Даже после рабочих стачек в октябре 1916 г. и январе 1917 г. меньшевики-оборонцы продолжали утверждать, что решающим фактором в политической жизни страны является «конфликт между имущими классами и правительством». Рабочая группа Военно-промышленного комитета призвала пролетариат вмешаться в этот конфликт, чтобы понудить буржуазных деятелей бороться против царской власти. Она заявляла, что цензовые элементы не могут сами, собственными силами, вывести страну из рокового тупика; нужно, чтобы пролетариат бросил на чашу весов свое организованное давление. В этих целях гвоздевы предлагали рабочим посылать делегации с требованиями к председателю Думы и председателям думских фракций.

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 7, д. 27024, л. 1—2.

Меньшевики-гвоздевцы решили оказать давление на предстоящую сессию Государственной думы посредством массовой рабочей демонстрации. В момент наибольшего подъема революционного движения, ведущей силой которого являлся пролетариат, гвоздевцы призывали его выступить на политическую арену, чтобы подтолкнуть к активной борьбе буржуазию. В письме к рабочим Петрограда, подписанном «организованными рабочими — с.-д.», гвоздевцы предлагали выдвинуть перед Думой требование устранения самодержавия и создания Временного правительства, опирающегося на народ, и в этих целях в день открытия Думы двинуться всем к Таврическому дворцу «в полном порядке, не нарушая спокойствия жителей, никого не задевая и не обижая, не вызывая полицию на насилие»¹¹.

Большевики решительно боролись против соглашательской политики гвоздевцев. На ряде рабочих собраний была принята резолюция, предложенная большевиками. В ней говорилось, что, находясь под влиянием буржуазии, шовинистические группы рабочих (гвоздевцы), призывающие создать «правительство спасения страны», стремятся ослабить революционное движение пролетариата. «Господствующие классы готовы спасти страну от внешней опасности с тем, чтобы беспощадно давить восстающие к свободе народные массы внутри страны. . . Только переход власти от низверженного царского правительства в руки рабочих и крестьянской бедноты в лице Временного Революционного правительства обеспечит — через созыв Учредительного собрания — осуществить политическую свободу и положить конец этой войне»¹².

Призывы гвоздевцев не нашли сочувствия у рабочих. Пролетариат вел революционную борьбу вовсе не для того, чтобы поддерживать буржуазию, а чтобы свержением царизма подготовить и ее свержение. Один из идеологов Рабочей группы, меньшевик Е. Маевский, признавал, что предложение о посылке рабочих делегаций к председателю Государственной думы или председателю фракций имело мало успеха, «встретив в широких рабочих кругах застарелые большевистско-бойкотистские предрассудки»¹³. Но царские власти, в связи с призывами гвоздевцев, забеспокоились. Они считали, что Рабочая группа отклонилась от своих прямых задач, что она встала на революционный путь, желая создать благоприятную обстановку для государственного переворота путем захвата власти и создания Временного правительства. В ночь на 27 января большинство ее членов было арестовано.

Руководители Военно-промышленного комитета — А. Гучков, А. Коновалов и другие взяли Рабочую группу под защиту. Бюро этого комитета приняло постановление, в котором заявляло цар-

¹¹ «Кавуч революции». Пг., 1918, стр. 99—100.

¹² А. Ш л я п н и к о в. Семнадцатый год, кн. 1, стр. 32—33.

¹³ «Кавуч революции», стр. 7.

ским властям, что деятельность Рабочей группы была далека от методов борьбы, применяемых революционными партиями, что ее члены примыкали к одному из наиболее умеренных течений среди русских рабочих. Выдавая Рабочей группе аттестат в благонадежности, Бюро Центрального Военно-промышленного комитета отмечало ее участие в военных усилиях страны, ее «самое деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих, занятых в предприятиях, работающих на оборону. При этом группа решительно высказывалась против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы»¹⁴.

Бюро Военно-промышленного комитета считало, что арест членов Рабочей группы усилит брожение в рабочей среде, приведет к изоляции рабочих «от общения с так называемыми буржуазными элементами», что представляет «серьезную опасность для нормального политического развития страны, для поддержания в ней внутреннего спокойствия». Оно стояло за более гибкую политику в отношении рабочих, за приобщение их к буржуазным организациям. Одобрив деятельность Рабочей группы, они осуждали ее арест.

Но не все буржуазные лидеры стояли на таких позициях. На собрании представителей общественных организаций, состоявшемся 29 января, П. Милюков обвинил Рабочую группу в превышении своих полномочий. Он заявил, что только Государственная дума может устанавливать сроки политических выступлений и определять их цели, что «помимо Государственной думы никто, ни один класс населения, ни одна общественная группа, не вправе выставлять своих лозунгов и самостоятельно начинать или вести означенную борьбу». Однако большинство участников этого совещания одобрило позицию Рабочей группы и высказалось за совместные действия с рабочими организациями. «Мы все уже сказали и сделали и уперлись в стену», — заявил кадет М. Аджемов. Проф. Д. Зернов отметил, что время бумажных, никого не устраивающих резолюций прошло, приходит время совместных действий всех общественных классов. Н. Чхеидзе предупреждал, что, выступая против рабочих, П. Милюков может оказаться в хвосте событий: «Если все будет продолжаться таким же порядком, легко и неожиданно во главе политических выступлений и событий окажутся лишь одни рабочие»¹⁵.

Несмотря на арест большинства членов Рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета, демонстрация рабочих у Государственной думы не была отменена; сторонники Рабочей группы продолжали ее готовить. Дума должна была начать свою сессию 14 февраля. К этому дню и приурочивалась ра-

¹⁴ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1. Приложение, стр. 281.

¹⁵ «Буржуазия накануне Февральской революции». М., 1927, стр. 183.

бочая демонстрация. Большевики решительно осуждали эту затею. Они готовились к революции, которая должна была вместе с царизмом ликвидировать и третьеиюньскую Государственную думу.

Бюро ЦК РСДРП вынесло постановление по поводу призыва Рабочей группы, в котором говорилось: «Бюро ЦК предлагает выступить против призыва гвоздевцев устроить 14 февраля шествие к Государственной думе по следующим причинам: 1) Движение, организуемое гвоздевцами, направлено к поддержке Думы и контрреволюционных лидеров. 2) Участие в организуемом гвоздевцами движении способствует затемнению политической позиции революционного рабочего класса в настоящий момент. 3) Необходимо разъяснение предательской антирабочей политики гвоздевцев и противопоставление ей своей революционной с.-д. политики».

В противовес демонстрации, намеченной гвоздевцами, Бюро Центрального Комитета РСДРП высказалось за политическое выступление рабочих не в связи с открытием Думы, а по другому поводу. Оно предложило провести однодневную забастовку в связи с годовщиной суда над рабочими депутатами Государственной думы 13 февраля (суд происходил с 10 по 13 февраля 1915 г.). «Если организация найдет момент подходящим для более широкого выступления, — говорилось в постановлении Бюро ЦК, — то призвать к демонстрации под нашими лозунгами. В случае продолжения движения и 14 февраля, способствовать расширению и углублению его, всюду противопоставляя свою политическую позицию гвоздевской политике поддержки реакционной Думы и либералов. Таким образом, инициатива движения и будет вырвана из рук гвоздевцев»¹⁶.

Петербургский комитет большевиков обсуждал предложение Бюро ЦК РСДРП 2 февраля при участии представителей 11 организаций, объединявших до 800 членов партии. Комитет решительно высказался против хождения к Государственной думе и поддержал предложение о проведении стачки и демонстрации в знак солидарности с ссыльными рабочими депутатами Думы; но Петербургский комитет РСДРП назначил их не на 13 февраля, как предлагало Бюро ЦК, а на 10 февраля, чтобы этим еще резче отмежеваться от демонстрации, организуемой Рабочей группой¹⁷.

Петербургский комитет РСДРП разоблачал лицемерие либеральной буржуазии и идущих на поводу у нее гвоздевцев, вскрывал реакционность лозунгов «продолжение войны до победного конца», «создание Временного правительства», «усиление общественного значения Думы» и т. п.

¹⁶ «Большевики в годы империалистической войны». М., 1939, стр. 172.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. ПОО, 1917 г., д. 630, л. 135.

В листовке Петербургского комитета РСДРП говорилось о том, что хождение народа к дворцам царей и правящих классов дорого обходится легковерным. Петербургский комитет большевиков предлагал решительно бороться против войны и царизма, за демократическую республику, за Временное революционное правительство рабочих и крестьянской бедноты, за международную солидарность рабочих. «В день 10 февраля, когда царский суд занес свою руку над нашими депутатами, отдавшими свои силы на борьбу за наши лозунги, мы посылаем им свой братский привет, мы требуем немедленного их возвращения и ознаменовываем этот день однодневной стачкой в знак готовности отдать нашу жизнь в борьбе за лозунги, которые открыто звучали в устах наших сосланных депутатов. Долой царскую монархию! Война войне! Да здравствует Временное Революционное Правительство! Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание! Да здравствует Демократическая Республика! Да здравствует Международный Социализм!»¹⁸

Хождение к Государственной думе осудили также Межрайонный комитет РСДРП и «Инициативная группа» меньшевиков. Но каждая из этих групп подходила к этому вопросу со своих позиций. В резолюции Межрайонного комитета отмечалось, что выступление широких рабочих масс, приуроченное к открытию Государственной думы, сыграет на руку буржуазии, предавшей рабочих депутатов и провозгласившей своим лозунгом войну до победного конца. Призывая рабочих не поддаваться на удочку слуг буржуазии, межрайонцы указывали, что решительное выступление пролетариата должно одним ударом смести и царское самодержавие и Государственную думу и воздвигнуть «из недр восставшего народа Временное Революционное правительство, которое созовет Учредительное Собрание, а последнее заменит самодержавный строй Демократической Республикой». Но межрайонцы считали, что момент для этого еще не наступил. Предостерегая от преждевременных выступлений, межрайонцы ссылались на то, что рабочий класс не вполне организован, РСДРП переживает тяжелый организационный кризис, «армия не связана тесно с рабочими организациями и что в данный момент нет оснований рассчитывать на ее активную поддержку»¹⁹.

Листовка «Инициативной группы» отмечала, что третьиюньскую Думу нельзя признать действительным борцом за народные интересы, в решительную минуту Дума скорее пойдет с правительством против народа, чем с народом против правительства. Отмечая, что борьба рабочего класса сметет и Думу и правительство, «Инициативная группа» высказывалась за созыв Учредительного собрания и установление Демократической республики, скорейшее прекращение войны, конфискацию помещичьих земель

¹⁸ «Листовки петербургских большевиков», т. II, стр. 245.

¹⁹ А. Ш л я н и к о в. Семнадцатый год, кн. 1, стр. 43.

и 8-мичасовой рабочий день. Но в отличие от большевиков и межрайонцев, «Инициативная группа» не выдвигала лозунга создания Временного революционного правительства, а исходила из того, что на смену царизму должна прийти буржуазная власть. Она заявляла, что за Учредительное собрание и Демократическую республику надо бороться «именно для того, чтобы у нас упрочился парламентский режим и буржуазия могла приобщиться к государственной власти»²⁰. Заняв отрицательную позицию к призывам Рабочей группы, и межрайонцы, и «Инициативная группа» предлагали рабочим собирать силы, организовываться, готовиться, тогда как надо было переходить к непосредственным действиям.

Напуганное ростом революционного движения, самодержавие мобилизовывало все свои силы, чтобы подавить возможные «беспорядки» в самом зародыше. 5 февраля царские власти изъяли Петроградский военный округ из ведения Северного фронта. Чтобы лучше использовать части округа для борьбы против «внутреннего врага», округ выделили в самостоятельную единицу. Командующим войсками округа был назначен генерал С. Хабалов.

К подавлению революции готовились и гражданские власти. В случае возникновения волнений, А. Протопопов грозил потопить Петроград в крови. Для этого царизм рассчитывал использовать прежде всего конную и пешую полицию и жандармский дивизион. Петроградская полиция насчитывала 3,5 тыс. городских. Часть из них находилась в полицейских участках, часть составляла резерв. Для подавления крупных революционных выступлений этих сил было недостаточно. Царские власти предусматривали привлечь в помощь полиции воинские части. Однако эти части не могли быть надежной опорой царизма.

Многочисленный гарнизон столицы состоял главным образом из запасных частей. Они пополнялись новобранцами, призываемыми прежде всего в самом Петрограде и ближайших к столице губерниях. В составе запасных частей был значителен удельный вес рабочих. Так, рабочие, ремесленники и чернорабочие составляли больше половины личного состава 1-й и 2-й рот 180-го пехотного запасного полка. В частях гарнизона были «роты эвакуированных», состоявшие из солдат, побывавших на фронте и после ранения возвратившихся в строй; познав ужасы боевой обстановки, они еще больше были настроены против войны и царизма. Более надежной опорой самодержавия были учебные команды запасных батальонов; их относили к послушной и дисциплинированной части гарнизона.

Войска Петроградского гарнизона были плохо вооружены. Больше половины солдат запасных батальонов Измайловского, Егерского, Московского и других полков не имело винтовок.

²⁰ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1. Приложение, стр. 290.

В запасном батальоне Павловского полка на 6573 солдата приходилось только 2626 винтовок, Литовского полка на 6553 солдата — 2743 винтовки, Петроградского полка на 6775 — 2206 винтовок, Финляндского на 7011—2313 винтовок²¹.

В штабе Петроградского военного округа и в Петроградском градоначальстве был разработан подробный план действий, установлена дислокация полиции и войск «на случай беспорядков». Этот план был разработан еще в 1905 г. и пересмотрен в соответствии с изменившейся обстановкой. Предполагалось, что в начале будет действовать полиция (участковые городовые, полицейский резерв, конный жандармский дивизион). Затем по мере необходимости полиции должны были придаваться кавалерийские части и в качестве последнего средства предусматривался вызов пехоты. В таком случае командование всеми частями и полицией передавалось в руки военных властей. Петроград был разделен на районы войсковой охраны, по которым распределены воинские части. Во главе каждого района стоял полицмейстер. По его вызову войска должны были занять предусмотренные планом здания и сооружения и выслать разъезды и патрули.

План действий против возможных волнений был доложен царю. По словам петроградского градоначальника Балка, Протопопов сообщил Николаю II, что надежных войск, на которых можно рассчитывать для борьбы с революционным движением в Петрограде, насчитывается лишь 12 тыс. человек. Но и при этом числе можно «справиться с беспорядками». Он считал, что остальные войска «не забунтуют». Несмотря на успокоительные заверения Протопопова, было решено усилить Петроградский гарнизон надежными войсками с фронта. Было приказано выслать в Петроград гвардейскую кавалерию, но вместо нее в столицу были направлены менее надежные части, в том числе гвардейский морской экипаж. Его сосредоточили в Царском Селе, в котором жила царская семья. Матросов экипажа стремились изолировать от внешнего мира, им были запрещены поездки в Петроград, чтение газет и т. п. Столичные власти рассчитывали, что вместе с сводно-гвардейским полком, царским конвоем, железнодорожным батальоном и другими частями они отразят возможный натиск на Царское Село со стороны революционного Петрограда.

В борьбе с возможными «беспорядками» военные возлагали большие надежды на казачьи полки. Принимались усиленные меры для охраны военных заводов «от покушений со стороны рабочих» и военных складов, могущих «служить источником вооружения толпы». Полиция готовилась к уличным боям, ее вооружили пулеметами и обучали стрельбе из них. Так было не только

²¹ ЦГВИА, ф. 10/л, д. 614. Ведомости о состоянии личного состава, вооружения и боевого комплекта.

в Петрограде, но и в некоторых других городах²². М. Родзянко рассказывает, что члены Особого совещания запросили военного министра, по какому праву он, без санкции Особого совещания, передал «огромное количество оружия, которое нужно на фронте, в ведение министерства внутренних дел»²³. Но ответа на это не было.

8 февраля 1917 г. градоначальник Балк совещался с высшими властями и гражданскими чинами по вопросу о том, какие меры следует принять для охраны порядка и спокойствия в столице. Начальник петроградской охраны сообщил собравшимся, что «целый ряд дней, с 10 по 14 февраля, может быть использован социалистическими и рабочими организациями для устройства уличных беспорядков». Генерал Балк предложил полиции решительно предупреждать и прекращать сборища и уличные «беспорядки», «дабы нигде не было допущено сосредоточения толп. Мале́йшие подозрительные группировки на улицах и тротуарах должны быть тотчас же рассеиваемы. При появлении более значительных групп следует немедленно вызывать кавалерийские части»²⁴.

Согласно предписаниям градоначальника полицейские власти установили усиленное наблюдение за мостами, переездами и переходами через Неву, «дабы не пропустить перехода бастующих рабочих в центральные части города». Особые задания получили в связи с этим управляющий речной полицией и другие должностные лица. Было усилено наблюдение за ночной службой дворников и сторожей, которым было приказано не допускать расклейки и разбрасывания революционных прокламаций. Лишь одна листовка широко распространялась по городу. Это был приказ командующего Петроградским военным округом, в котором генерал Хабалов увещевал рабочих не бросать работу, объявляя стачечников изменниками отечества и угрожая им расправой. «Тем же, кто остается глух к моему обращению, — писал Хабалов, — я напоминаю, что Петроград находится на военном положении и что всякая попытка насилия и сопротивления законной власти будет немедленно прекращена силой оружия»²⁵.

²² Впоследствии царские власти отрицали, что они заранее вооружили пулеметами полицию для борьбы с революционным движением. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства произвела расследование, проверяла номера пулеметов, захваченных во время уличных боев в Петрограде, и пришла к выводу, будто все они принадлежали воинским частям. Однако сомнительно, чтобы полицейские вооружились пулеметами воинских частей во время самой революции и без всякой предварительной подготовки могли использовать их. Расстрел народа полицейскими из пулеметов, видимо, предусматривался планами царских властей заранее.

²³ М. Родзянко. Крушение империи. Л., 1927, стр. 216.

²⁴ «Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг.». Документы и материалы. Л., 1958, стр. 535.

²⁵ «Речь», 10 февраля 1917 г.

Предстоящими демонстрациями были обеспокоены и некоторые буржуазные деятели. П. Милюков поместил в газете «Речь» письмо, в котором призывал рабочих «не принимать участия в демонстрации 14 февраля и оставаться в этот день спокойными»²⁶. П. Милюков называл призывы к выступлению против войны и царизма опасными советами, которые исходят «из самого темного источника» — он имел в виду действия немецких агентов. Милюков и его сторонники стремились опорочить растущее революционное движение утверждениями, будто оно носит провокационный характер и вызывается Протопоповым. От подобных утверждений Милюков не отказался и впоследствии. В своих воспоминаниях он писал: «Слухи о шествии к Думе 14 февраля приняли конкретную форму, и за ними нетрудно было угадать полицейскую провокацию. Протопопов, по-видимому, готовился вызвать «революцию» искусственно и расстрелять ее — по образу Москвы 1905 года»²⁷.

Большевики разоблачили клеветнические измышления, будто рабочие поддаются протопоповской провокации. Бюро ЦК РСДРП в «Осведомительном листке» № 2 отмечало, что эта чисто полицейская точка зрения «совершенно не считается с тем, что причины для растущего недовольства народных масс в поработанной царским правительством России слишком много. Либералы демагогически выступают в качестве заботливых опекунов рабочих, встречая в этом поддержку царского правительства»²⁸.

Царские власти тщательно готовились к тому, чтобы потопить в крови выступления рабочих 10—14 февраля. Но решающего сражения с царизмом в эти дни не произошло. Организовать массовую стачку и демонстрацию 10 февраля в знак протеста против расправы над рабочими депутатами не удалось. День был избран для этой цели неудачно: накануне началась масленица, часть предприятий совсем не работала, некоторые заводы работали только до обеда, вместе с тем многие рабочие были сбиты с толку разноречивыми призывами партийных организаций; отрицательно сказались несогласованность между Бюро ЦК и Петербургским комитетом РСДРП по вопросу о дате ее проведения. 10 февраля на некоторых заводах и фабриках прошли митинги, принимались резолюции, распространялась литература, но массовое движение не развернулось.

Значительно более широкий размах приняли выступления в день 14 февраля. По сведениям полиции, в Петрограде в этот день бастовало до 90 тыс. рабочих. Уйдя с предприятий, большинство рабочих разошлось по домам, но часть рабочих приняла участие в уличных демонстрациях. Движение 14 февраля не привяло

²⁶ Там же.

²⁷ П. Милюков. Воспоминания, т. II. Нью-Йорк, 1955, стр. 286.

²⁸ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1, стр. 309.

того характера, который пытались придать ему меньшевники-оборонцы. Призыв Рабочей группы Военно-промышленного комитета идти к Государственной думе повис в воздухе. 14 февраля вблизи Таврического дворца собралась небольшая толпа, основная же масса демонстрантов шла в центр города. Забастовавшие путеводцы вышли на Петергофский проспект со знаменами, на которых были начертаны слова: «Долой войну!», «Да здравствует демократическая республика!», «Долой правительство!», «Да здравствует вторая русская революция!» Рабочие завода «Новый Лесснер», бросив работу, двинулись по городу с пением революционных песен. Они шли через Большой Сампсониевский проспект к Литейному мосту с возгласами: «Хлеба!», «Долой войну!». В 3 часа дня толпы народа вышли на Невский, объединяясь в демонстрации; полиция рассеяла собравшихся и произвела аресты²⁹.

В эти же дни движение протеста охватило и пролетариев Москвы. Московские большевики призвали рабочих провести 13 февраля забастовку протеста по поводу годовщины суда над рабочими депутатами Думы. Большой подготовки к этой забастовке развернуть не удалось. Многих руководителей большевистской организации царские власти накануне стачки арестовали. Они привели свои вооруженные силы в боевую готовность, чтобы немедленно подавить возможные революционные выступления. В 10 часов утра 13 февраля забастовали рабочие завода «Динамо»; на территории завода прошел летучий митинг. 200 рабочих, направившись на фабрику Циндель, выбросили красный флаг и шли с возгласами: «Долой войну!», «Хлеба!» Полиция рассеяла эту рабочую демонстрацию и арестовала несколько ее участников. 13—14 февраля в Москве бастовали рабочие завода Бромлей, Сокольнических трамвайных мастерских, механического завода Михельсона, завода Доброва и некоторых других предприятий.

Забастовка 13—14 февраля в Москве не приняла широких размеров. Однако трудящееся население было настроено революционно. Свое сообщение о забастовке 13—14 февраля начальник Московской охраны закончил следующими словами: «Возбужденное состояние рабочих масс и общественных кругов, обостренное недостатком в Москве хлеба и использованное революционной средой при первом возникновении забастовок и демонстративных выступлений, может вызвать более серьезную угрозу для государственного порядка и общественного спокойствия»³⁰.

В обстановке нарастания революционного кризиса оживилось студенческое движение. Студенты Петрограда приняли участие в демонстрации 14 февраля. В Университете, в Психоневрологическом институте, на Высших женских курсах и в других учебных заведениях состоялись студенческие сходки, принявшие решение

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1917 г., д. 525, л. 91.

³⁰ Там же, д. 307, лит. А, л. 40.

прекратить занятия и присоединиться к демонстрантам. Сходка студентов Политехнического института приняла большинство резолюцию, выражавшую протест против суда над рабочими депутатами Думы и призывавшую студентов к забастовке. Среди демонстрантов 14 февраля встречались и офицеры. Полицейские агенты доносили, что на Невском проспекте вместе со студентами усердно распевали «Марсельезу» прапорщики. Они кричали полицейским: «Не здесь вам надо воевать. Вас толстобрюхих надо отправить на позиции». 13 и 14 февраля 1917 г. по призыву социал-демократической фракции происходила забастовка в высших учебных заведениях Харькова. Студенты выражали протест против расправы с рабочими депутатами Государственной думы и требовали образования Временного революционного правительства и прекращения войны. Студенческая организация Казанского университета выпустила журнал «Клич», в котором гонорилось: «Революция, Революция, Революция. Вот наш главный девиз: „Долой войну! Долой правительство! Да здравствует революция!“»³¹.

Роспуск Думы и отсрочка ее новой сессии, запрет декабрьских съездов общественных организаций вызвали многочисленные протесты. Либеральные капиталисты, помещики считали, что, препятствуя деятельности Государственной думы и общественных организаций, царям способствует приближению революции и поражению России в войне. Городские думы и земства высказывались за смену правительства, упорядочение продовольственного дела, привлечение к решению экономических вопросов общественных сил. Царское правительство одобряло постановления городских дум и земств, когда эти постановления были направлены в его поддержку. Теперь же правительство «вспомнило», что политические вопросы не входят в компетенцию органов самоуправления. Министерство внутренних дел предлагало местным властям отменить постановления земских собраний и Городских дум по этим вопросам и по возможности пресекать их обсуждение. Но отрешить земских и городских деятелей от политики было невозможно. Обстановка была накалена, революционный кризис обострялся, земские и городские учреждения продолжали критиковать действия правительства и, настаивая на его смене, поддерживали Государственную думу. Даже сословные дворянские организации высказывались за созыв Государственной думы и Государственного совета. В постановлении новгородского дворянства указывалось, что если эти учреждения не будут созваны и одержат верх люди, поднапывающиеся под их устои, «настанет мрак разнузданных страстей и неудержимой злобы. И тогда престол, Россия и ее упования будут ввергнуты в пропасть»³².

³¹ Там же, д. 59, ч. 28, л. 1—2.

³² Там же, д. 20, ч. 50, л. 3.

Центром буржуазной оппозиции явилась Москва. Здесь сосредоточивались главные силы русского капитала, сюда тяготела буржуазия всего центрально-промышленного района и съезжались на всероссийские съезды представители общественных организаций со всех концов страны. В Москве размещались Городской и Земский союзы, Областной военно-промышленный комитет и Биржевой комитет, возглавлявшиеся такими капиталистическими тузами, как П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов, С. Н. Третьяков и др. Наконец, здесь существовала наиболее сильная организация кадетской партии и нередко происходили заседания ее Центрального комитета.

В начале 1917 г. Московский биржевой комитет решил создать еще одну буржуазную организацию — Торгово-промышленный союз. Это предложение поддержали биржевые комитеты других городов, Общество фабрикантов и заводчиков, Совет съездов промышленности и торговли и другие предпринимательские организации. Правительство отнеслось к затее московских капиталистов недоверчиво. Опасаясь, что новая организация примет антиправительственный характер, оно запретило созыв торгово-промышленного съезда. Но подготовка к созыву съезда продолжалась.

В эти дни в Москве на частных квартирах собирались руководители земства, городские деятели, представители дворянства, торгово-промышленных кругов, интеллигенция. Бывали здесь и гости из Петрограда. В полицейских документах сохранилось много донесений об этих совещаниях и заседаниях, но они противоречивы и по ним трудно составить четкое представление о том, что говорили их участники. Во всяком случае, выступления буржуазных деятелей в начале 1917 г. содержали не только повторение пройденного; в них были и новые моменты. Прежде о революции говорили как об отдаленном будущем, теперь не только не исключалось, что революция может произойти во время войны, но и высказывались предположения, что это может случиться в самое ближайшее время. Буржуазные деятели по-прежнему принимали все возможное, чтобы предотвратить революцию, но они видели, что их усилия не приводят к желаемым результатам, надежды на возможность мирного исхода все больше исчезают, революция приближается.

Вставал новый вопрос: что делать кадетам, если революция все же произойдет? На совещаниях буржуазных деятелей в январе 1917 г. левый кадет Некрасов утверждал, что политика правительства толкает страну к революции, которая не за горами, что единственной надежной опорой правительства могут быть кадеты, но они не вступят в соглашение с царизмом, а воспользуются результатами революции. «В предстоящих России испытаниях, — говорил Некрасов, — мы не выступим в роли революционеров-разрушителей. Правительство само разрушило себя. Наша задача будет чисто созидательная; в бурю и хаос мы

должны будем создать новое правительство, которое немедленно могло бы успокоить страну и приступить к громадной творческой работе»³³. Если Некрасов ратовал за создание нового правительства, то Миллюков исходил из необходимости сохранения старого. «Революция, — заявлял Миллюков, — не должна заставить нас врасплох, так как мы явемся в ней единственной сдерживающей и организующей силой, единственной силой, которая могла бы спасти правительство, примирить его с бурно вскипевшим народным морем»³⁴.

Кадетский историк А. А. Кизеветтер взывал к урокам прошлого. На московском совещании ЦК кадетской партии в начале февраля 1917 г. он отметил, что российские события развиваются с такой же закономерностью, с какой развивались европейские события XVIII—XIX вв., что «правительство шаг за шагом подрубилло все свои устои и теперь висит на тонкой ниточке. И оно из всех сил тянет за эту ниточку. Чем такая игра кончается, история уже видела однажды; в один прекрасный день величественное сидение оказалось простым, поломанным стулом»³⁵. Кизеветтер предлагал отбросить эзоповский язык и поставить вопрос ребром — «раз нельзя спасти самоубийцу, то нужно спастись себя». Но кадеты продолжали иметь дело с царем — «самоубийцей». Больше того, буржуазная оппозиционность, достигшая наибольшего накала в ноябре-декабре 1916 г., теперь переживала полосу улады. Несмотря на приближение революции, буржуазия не переходила к активным действиям против самодержавия.

Лидеры буржуазии призывали не поддаваться на провокации и до конца использовать возможность парламентской борьбы. Они предлагали на предстоящей сессии Думы обрушить гнев не на царизм, а на наиболее ненавистных царских министров. На заседании Центрального комитета кадетской партии П. Миллюков говорил: «Как 1 ноября было днем Штюрмера, так в первые же дни новой сессии мы устроим день Протопопова»³⁶.

За три дня до открытия сессии Думы была сделана новая попытка добиться уступок от царя, изменить состав и политику правительства. На встречу с царем, состоявшуюся 10 февраля 1917 г. и оказавшуюся последней, М. Родзянко пришел с письменным докладом. В докладе председатель Государственной думы

³³ Там же, ф. ЧСК, д. 782, лл. 19—20.

³⁴ Там же, л. 22 об. Впоследствии, касаясь вопроса об ответственном министерстве, П. Миллюков писал: «Против идеи достигнуть этой цели революционным путем парламентское большинство боролось до самого конца. Но видя, что насильственный путь будет все равно избран и помимо Государственной думы, оно стало готовиться к тому, чтобы ввести в спокойное русло переворот, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху» (П. Миллюков. История второй русской революции, т. I. 1921, София, стр. 22).

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, д. 27, ч. 46, лат. Б, л. 4 об.

³⁶ Там же, л. 5.

жаловался, что правительство не доверяет Думе и общественным силам и чинит всяческие препятствия в их работе, действуя старыми бюрократическими методами, что оно разваливает тыл и своей политикой подрывает окончательно свой же авторитет, утрачивая с каждым днем сторонников. Родзянко предлагал сместить правительство и изменить всю систему управления страной. Рассматривая Думу как главный оплот против революции, Родзянко считал, что ее нельзя заставлять действовать по указке нынешнего правительства, это подорвет доверие к ней страны и «тогда страна сама может стать на защиту своих законных прав. Этого, — писал Родзянко, — допустить никак нельзя. Это надо всячески предотвратить, и это составляет нашу основную задачу».

Родзянко отмечал, что царь беседовал с ним необычайно холодно, был рассеян и, наконец, прервав его, резко заметил: «Нельзя ли поторопиться? Меня ждет великий князь Михаил Александрович пить чай!» В ответ на заявление М. Родзянко об угрожающем настроении в стране и возможности революции, царь сказал: «Мои сведения совершенно противоположны, а что касается настроения Думы, то если Дума позволит себе такие же резкие выступления, как прошлый раз, то она будет распущена»³⁷.

Родзянко передал руководителям думской оппозиции предупреждение царя, и те учли его в своей деятельности. Думская сессия, открывшаяся 14 февраля 1917 г., шла на значительно более низкой оппозиционной ноте, чем ноябрьская сессия прошлого года, и являлась как бы бледной копией ее. Председатель Совета министров Голицын, нарушив традицию, не выступил перед Думой с правительственной декларацией, подобно тому, как это делали его предшественники. Голицын молчал. Многоречивым оказался министр земледелия А. Риттих. В длинной речи он доказывал целесообразность установленной им хлебной разверстки и призывал думцев, отбросив политику, объединиться с правительством для разрешения продовольственной программы.

Риттих отстаивал взятый им курс на отмену твердых цен и возврат к свободной хлебной торговле и встретил в этом вопросе поддержку в самом Прогрессивном блоке. Представляя интересы крупных землевладельцев, октябристы одобряли его политику. Наоборот, кадеты стояли за сохранение твердых хлебных цен. Так наметился раскол в самом Прогрессивном блоке. Правда, октябристы и кадеты заявляли, что по всем основным политическим вопросам у них полное единство, но разногласие об отношении к экономической политике правительства едва ли могло укреплять это единство.

В области политической Прогрессивный блок продолжал защищать прежнюю программу. Его лидеры заявляли, что правиль-

³⁷ М. Родзянко. Указ. соч., стр. 218.

ное снабжение армии и населения всем необходимым невозможно без реорганизации исполнительной власти, и по-прежнему видела все зло в том, что во главе министерств появляются люди не пользующиеся доверием страны, не стоящие на уровне задач переживаемого времени и не способные работать в согласии с законодательными учреждениями. Прогрессивный блок снова ограничивался требованием создания «министерства доверия» и, ссылаясь на рескрипт царя, настаивал на том, чтобы правительство изменило свое отношение к Государственной думе и встало на путь сотрудничества с ней.

Буржуазия имела несколько легальных организаций. Ее оппозиция встречала сочувствие в верхах армии, в среде Объединенного дворянства и даже в великокняжеской среде. И все же она продолжала топтаться на месте. Выступая в Думе, П. Миллюков отмечал, что от Думы ждут дела, действия. Думе говорят: все слова уже сказаны, все речи произнесены, действуйте смело. «Эти призывы, эти надежды, — говорил Миллюков, — нас глубоко трогают, но, я должен сказать, и несколько смущают. Наше слово есть уже наше дело. Слово и вотум суть пока наше единственное оружие»³⁸. Многие депутаты признавали, что Дума занимается пустыми разговорами и не выполняет своего долга, не оправдывает возлагаемых на нее надежд. Депутаты отмечали, что первый день сессии прошел неинтересно и скучно и не открыл никаких перспектив. Речи в Думе теряли остроту, депутаты их плохо слушали, кворума в Думе не было. «Возвращаясь из Думы, — писал депутат Эря, — я чувствовал стыд... Вся страна чего-то ждала, на что-то надеялась... день не стал „большим“, а вышел совсем сереньким»³⁹. Время слов прошло, а Дума была не способна на действия.

Пока буржуазные лидеры занимались словопрениями в Таврическом дворце, а в великосветских гостиных шли разговоры о необходимости дворцового переворота, рабочий класс продолжал идти своей революционной дорогой. В листовке Петербургского комитета РСДРП, выпущенной после событий 14 февраля 1917 г., говорилось о том, что, обивая пороги дворцов, нельзя добыть свободу. «Господская» по своей природе Государственная дума не может быть надеждой рабочего, если она требует продолжения войны, а следовательно, и продолжения того горя, бедствий, которые выпали на долю народных масс. Только сам народ поможет себе. «Ждать и молчать больше нельзя. Рабочий класс и крестьяне, одетые в солдатскую шинель и синюю блузу, подав друг другу руки, должны повести борьбу со всей царской кликой, чтобы навсегда покончить с давящим Россию позором»⁴⁰. Петербургский

³⁸ «Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V», стр. 1343—1344.

³⁹ ЦГАОР СССР, ф. перлюстраций, д. 1071, л. 45.

⁴⁰ «Листовки петербургских большевиков», т. II, стр. 248.

комитет РСДРП писал в листовке: «Настало время открытой борьбы!» Он призывал рабочих к свержению самодержавия, к образованию Временного революционного правительства для установления Демократической республики, введения 8-часового рабочего дня, передачи всех помещичьих земель крестьянству.

Выдвигая перед рабочим классом задачу перехода к открытой борьбе, большевики не связывали начало решающего сражения с определенной датой. Впоследствии — в 1918 г. — В. И. Ленин говорил: «Припомните, как могли мы в декабре 1916 года ругаться, что через два месяца в несколько дней будет свалена царская монархия. Мы в своей стране, где пережили две революции, знаем и видим, что нельзя предсказать хода революции, что нельзя ее вызвать. Можно только работать на пользу революции. Если работаешь последовательно, если работаешь беззаветно, если эта работа связана с интересами угнетенных масс, составляющих большинство, то революция приходит, а где, как, в какой момент, по какому поводу, сказать нельзя»⁴¹.

В цитированной выше листовке Петербургский комитет РСДРП писал: «Пусть каждый исторический рабочий день будет знаменем выступлений. Суд над депутатами, Ленские дни, Первое мая, Июльские расстрелы, Октябрьские дни, 9 января и т. д. служат началом массовых выступлений».

Русское бюро ЦК РСДРП, выдвинув вопрос об уличной борьбе, не намечало день решающего сражения. «Когда это произойдет, — писал А. Шляпников, — от какого события и дня, мы не гадали, даже не ставили перед собой такого вопроса, а вели упорно и последовательно вашу работу. Победа наших лозунгов оказалась не за горами»⁴²⁻⁴³.

Обстановка в стране и прежде всего в Петрограде становилась все более напряженной. На многих питерских предприятиях происходили экономические стачки. Некоторые из них возникли еще до 14 февраля и продолжались после этого дня. 9 февраля в пригороде Петрограда — Колпине — забастовали рабочие казенного Ижорского завода, работавшего на военные нужды. Ижорцы поднялись на борьбу, протестуя против снижения расценок. На заводских сходках обсуждалось экономическое положение рабочих, но поднимались и политические вопросы — говорилось о необходимости вернуть из ссылки депутатов-большевиков, прекратить войну, установить демократическую республику. На заводе распространялись листовки Петербургского комитета РСДРП, выступали рабочие-большевики — Панов, Мареев, Зимин и др., — призывавшие рабочих не надеяться на Государственную думу, а самим добиваться созыва Учредительного собрания и создания Демократической республики. На собрания ижорцев предлагалось

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 458.

⁴²⁻⁴³ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1, стр. 73.

согласовать действия в Колпине с действиями в Петрограде. На завод прибыл представитель Петербургского комитета РСДРП.

О том, что происходило на заводе 15 февраля, сообщил начальник губернского жандармского управления: «Около 9 часов утра во дворе завода в часовни начал собираться митинг, сняли с работ снарядную мастерскую и первым выступил Панов... Пристав хотел арестовать Панова, но толпа отбила его и не дала арестовать. Затем полиция и офицеры удалились и вернулись через некоторое время с казаками, а в этот промежуток времени выступил Мареев, который произнес речь на экономические темы, с призывом продолжать стачку, но речь он не закончил, так как появились казаки и стали теснить рабочих лошадыми. Казачий офицер оказался около Мареева и, обратившись к нему, сказал: „Россия в опасности, а вы призываете к забастовке, что вы делаете, ведь этого же нельзя делать“. В этот момент оратор от ПК встал на решетку и, обратившись к офицеру, крикнул: „Стыдно, господин офицер, вы сами губите Россию, народ требует хлеба“. Дальше поднялся шум, оратор от ПК скрылся, кто-то крикнул: „В прокатную“, и вся масса разными путями хлынула в прокатную мастерскую, куда казаки не могли последовать. Благодаря этому последнему обстоятельству, в прокатной мастерской состоялся весьма обширный митинг, на котором выступил оратор от ПК, произнесший зажигательную речь в духе листовки Петербургского комитета... Оратор от ПК перешел в бронезакалочную мастерскую, где тоже состоялся аналогичный митинг»⁴⁴.

Истерпав все средства нажима на рабочих, администрация Ижорского завода прибегла к локауту. Начальник завода докладывал: «С 6 час. утра 16 февраля я распорядился завод закрыть и всех мастеровых, не приступивших к работам, предъявил к расчету. В завод были введены две роты пехоты и беспорядок был прекращен»⁴⁵. На самом деле, «беспорядок» продолжался: локаут не сломил воли рабочих Ижорского завода к дальнейшей борьбе.

В самом Петрограде почти непрерывное брожение шло на крупнейшем Путиловском заводе. 9 января 1917 г. бастовало 20 тыс. путиловцев. В январе—начале февраля того же года прекратили работу рабочие котельной, пушечной и других мастерских. 18 февраля забастовали рабочие лафетно-штамповочной мастерской. Они требовали повысить существующие расценки и возратить на завод товарищей, несправедливо уволенных администрацией. Требования рабочих были отклонены. Директор завода заявил, что он закроет мастерскую, если рабочие немедленно не встанут к станкам. Но угроза не подействовала.

В лафетно-штамповочной мастерской работало всего 486 человек (из общего числа 26 700 рабочих завода), но их поддержали

⁴⁴ «Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг.», стр. 544—545.

⁴⁵ «Красная летопись», 1931, № 1 (40), стр. 175.

другие группы рабочих. Забастовали рабочие механической, прapпнельной, сборочной мастерских; на заводе состоялись массовые митинги, на которых говорилось о расценках, дороговизне и нехватке хлеба, о войне, измучившей народ, о самодержавии, без свержения которого нельзя избавиться от нищеты и бедствий. Стачка, охватывая отдельные мастерские, грозила превратиться в общезаводскую⁴⁶.

Дирекция завода объявила, что виновные «в самовольном нарушении работ» будут привлекаться к ответственности и, не дожидаясь объявления общезаводской стачки, объявила локаут.

22 февраля 1917 г. ворота завода были закрыты. Висело объявление: «Объявляю, что вследствие систематического нарушения за последнее время рабочими завода правильного хода работ и порядка на заводе, дальнейшее нормальное производство оказалось невозможным, а потому с утра 22 февраля завод закрывается впредь до особого распоряжения. Директор завода генерал-майор Дублицкий»⁴⁷. Рабочий А. Григелевич вспоминает: «На завод не пускали. Проходные закрыты. Митинг. Одни за то, чтобы сломать двери, идти на завод. Другие предлагали двинуться в город. Пошли по Петергофскому шоссе в сторону Нарвских ворот, присоединяя рабочих Тентелевского химического завода и бумажной фабрики»⁴⁸. Путиловцы избрали стачечный комитет и решили обратиться за поддержкой к другим рабочим Петрограда.

Стачка охватила и Путиловскую верфь, на которой работало 4 тыс. человек. Она началась здесь 20 февраля. На рабочем митинге раздавались требования об увеличении заработной платы, говорилось о войне и царизме. 21 февраля остановилась вся верфь. Рабочие явились в мастерские, но, стоя у станков, не работали. Администрация жаловалась, что рабочие ведут себя вызывающе, требуют удовлетворения всех своих требований и собираются вывезти ненавистных начальников на тачке.

Борьба путиловцев оказала большое влияние на последующие события. Петербургский комитет РСДРП призвал питерский пролетариат оказать всемерную поддержку рабочим Путиловского завода. 30 тыс. путиловцев были тесно связаны с рабочими Петрограда и всей страны и всегда шли в первых рядах борцов революции. Понятно, что их борьба находила горячее сочувствие среди пролетариев столицы. Эсер В. Зензинов рассказывает, что 22 фев-

⁴⁶ «Путиловец в трех революциях», Сборник материалов по истории Путиловского завода. М.—Л., 1933, стр. 310—312. М. Мительман, Б. Глебов и А. Ульяновский в книге «История путиловского завода» (М.—Л., 1939), подробно и красочно описывая эти события, допускают неточность, сообщая, что «21 февраля забастовали все мастерские завода» (стр. 576). Эта неточность повторяется и в других работах. На самом деле в этот день забастовкой были охвачены рабочие лишь нескольких мастерских.

⁴⁷ Ленинградский областной исторический архив, ф. 569, оп. 10, д. 530, л. 64.

⁴⁸ Ленинградский партийный архив, ф. 4000, оп. 5, д. 1063, л. 12.

раля группа рабочих Путиловского завода явилась к А. Керенскому, сообщила ему о положении, создавшемся на заводе в связи с локаутом, и заявила, что последние события могут иметь серьезные последствия и явиться началом большого политического движения. В. Зензинов пишет: «Предупреждение это оказалось в полном смысле слова историческим, и позднее я часто вспоминал о нем и удивлялся пониманию момента, проявленному тогда путиловскими рабочими. . . то были настоящие вестники грядущей революции. Их прозорливость, вероятно, объяснялась тем, что они были у самых истоков начавшегося движения и чувствовали насколько уже тогда была накалена атмосфера в рабочих кругах Петрограда»⁴⁹.

Путиловская стачка была зарницей революционной грозы, но это еще не была сама гроза. Кампания в защиту путиловских рабочих не успела по-настоящему развернуться, как в Петрограде произошли новые события, охватившие самые широкие слои населения. Кампания солидарности с путиловцами влилась в это могучее движение как его составная часть⁵⁰.

Революционная борьба рабочих Петрограда происходила в обстановке обострявшегося продовольственного кризиса. В течение всего февраля 1917 г. жителям Петрограда, особенно рабочих районов, недоставало хлеба. У лавок и булочных выстраивались длинные очереди. Стояла небывало суровая зима. Она скакала льдом улицы и завалила сугробами снега крыши домов, тротуары и мостовые города. Ежась от холода, плохо одетые подростки, женщины и старики часами ждали хлеба и нередко с пустыми руками расходились по домам. Недостаток продовольствия вызывал все более сильное брожение в массах. В очередях рассуждали о том, почему нет хлеба и растут цены, кто виноват в народных

⁴⁹ В. Зензинов. Февральские дни. — «Новый журнал», кн. XXXIV. Нью-Йорк, 1953, стр. 189.

⁵⁰ В ст. М. Соловьева «Февральская революция 1917 года в России» («Ученые записки кафедр истории СССР и новой истории Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина», вып. 1, т. СХII. М., 1958) указывается: «С этого дня (с 18 февраля. — Э. Б.) по существу начала нарастать Февральская революция, приведшая к падению царизма» (стр. 13). Во вступительной статье к сборнику «Рабочее движение в Петрограде за 1912—1917 гг.» говорится: «Начавшаяся 18 февраля 1917 г. на Путиловском заводе забастовка была под руководством большевиков превращена в общегородскую, а последняя в вооруженное восстание, закончившееся победой революционного народа над прогнившим и преступным царским самодержавием» (стр. 24). Видимо, на этом основании в сборнике не помещены материалы рабочего движения после 18 февраля. Однако стачка в лафетно-штамповочной мастерской Путиловского завода, происходившая в этот день, как и другие стачки путиловцев в январе—феврале 1917 г., не явилась началом второй русской революции. И. Газа в предисловии к упомянутому сборнику «Путиловец в трех революциях» правильно определяет их место: «январско-февральские стачки путиловцев были прелюдией Февральской революции» (стр. XII).

бедствиях, кому нужна война. Петроградская охранка замечала, что «хвосты» в дни острых продовольственных кризисов равноценны по своему влиянию революционным митингам и десяткам тысяч революционных листовок. Улица превращалась в политический клуб.

Возмущение охватывало все слои населения, прежде всего трудовой люд, широкой волной разливаясь по городу, его окраинам. Толпы голодных людей — женщин и подростков, не получая хлеба, громили булочные и хлебные лавки. В двери и окна магазинов летели камни и поленья, звенело разбитое стекло, гремели сломанные вывески. На улицах Петрограда все громче звучало народное требование: «Хлеба!» В газетах появились сообщения, что в городе в ближайшие дни будут введены карточки на хлеб и другие продукты. Обсуждался вопрос о передаче продовольственного дела в ведение городского самоуправления. А хлеба по-прежнему не хватало; волнения среди населения росли.

22 февраля они приняли особенно острый характер. В этот день пристав второго участка Выборгской части доносил: «Среди населения вверенный мне участок рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба... приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по 2—3 дня и более и поэтому легко можно ожидать беспорядков»⁵¹. 22 февраля на ряде предприятий произошли забастовки и волнения. 900 рабочих прядильной фабрики акционерного общества «Воронин, Лютш и Чешер» требовали хлеба и, бросив работу, оставались у станков до окончания рабочего дня. Такие же требования предъявили рабочие джутовой фабрики Лебедева, завода № 2 Общества соединенных механических заводов, трубного завода Барановского и других предприятий. В связи с недостатком хлеба на многих заводах и фабриках состоялись летучие митинги⁵².

Волнения на почве недостатка хлеба наполняли воздух электричеством. Достаточно было искры, чтобы вспыхнуло пламя революционного пожара. Затрагивая жизненные интересы самых широких масс трудящихся, продовольственные затруднения вовлекали их в борьбу. Пролетариат, руководимый большевиками, направлял борьбу трудящихся к восстанию против царизма.

С чего началось это восстание?

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Вторая русская революция началась с забастовок, митингов и демонстраций, происходивших в Петрограде в Международный женский день 23 февраля (8 марта по новому стилю) 1917 г.

⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, л. 114.

⁵² Ленинградский областной исторический архив, ф. 569, оп. 24, д. 3, лл. 69—70.

Война и дороговизна тяжело отражались на положении трудящихся женщин. У многих мужья были на фронте, приходилось работать на производстве, содержать детей, а тут еще отсутствие хлеба и других продуктов питания.

Большевики вели работу среди трудящихся женщин. Петербургский комитет РСДРП создал общегородской женский кружок, задачей которого была «организация и пропаганда среди женского заводского пролетариата». Как пишет большевичка Е. Шалагинова (Федорова), члены этого кружка совместно с женским кружком межрайонцев (от которого представляла А. Иткина) решили отметить «международный день работниц выступлением против войны»⁵³. Поддержав это предложение, Бюро ЦК и Петербургский комитет большевиков назначили на этот день собрания и митинги на предприятиях, чтобы разъяснить причины тяжелого положения трудящихся женщин и призвать рабочих и работниц к решительной борьбе против империалистической войны и царизма. «Война, дороговизна и положение женщин» — такова была тема выступлений в этот день.

Большевицкая организация направляла на рабочие собрания и митинги своих ораторов. Участница событий А. Костина рассказывает, что требования на агитаторов посылались через специальных лиц на квартиру слушательницы Бестужевских курсов Толмачевой, оттуда уже новое лицо шло на другую квартиру, где сидело много товарищей, могущих выступить на митинге. Большевики намеревались издать к женскому дню листовку, но из-за провала типографии сделать это не смогли.

Обращение по поводу женского дня выпустил Межрайонный комитет РСДРП. В обращении говорилось о тяжелой эксплуатации трудящихся, репрессиях царяма, о страшных бедствиях, которые принесла война. «Дорогие товарищи-женщины, долго ли мы будем еще терпеть молча, да иногда срывать накопившую злобу на мелких торговцах? Ведь не они виноваты в народных бедствиях, они и сами разоряются. Виновато правительство, оно начало войну эту и не может ее кончить. Оно разоряет страну, по его вине вы голодаете. Виноваты капиталисты — для их наживы она ведется и давно пора крикнуть им: „Довольно! Долой преступное правительство и всю его шайку грабителей и убийц! Да здравствует мир!“»⁵⁴

Движение в день 23 февраля приняло особенно широкий размах в Выборгском районе Петрограда. Это был один из крупнейших промышленных районов столицы. Правда, здесь не высились корпуса предприятий-гигантов, подобно Путиловскому заводу, зато тут находилось много крупных и средних металлообрабатывающих предприятий — заводы «Старый Лесснер» и «Новый

⁵³ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 2122, лл. 28—29.

⁵⁴ «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 283.

Лесснер», «Айваз», «Эриксов», «Розенкранц», «Рено», «Феникс», «Промет» и др. На Выборгской стороне были расположены текстильные предприятия, на которых работало много женщин. Выборгский район имел славные революционные традиции и крепкую большевистскую организацию, пользовавшуюся большим авторитетом в рабочих массах.

Поднимая на борьбу массы рабочих и работниц, большевики считали, что момент для решающего сражения против царизма еще не наступил. Они намеревались ограничиться проведением в женский день 1917 г. собраний и митингов. И. Чугурин рассказывает, что большевики, готовясь вступить в решающий бой против войны и царизма, предполагали провести всеобщую забастовку в традиционный день 1 Мая. «Исходя из предыдущих директив, — говорил И. Чугурин, — мы должны были настроение рабочих прокипятить до 1 Мая»⁵⁵. Один из руководителей Выборгского районного комитета РСДРП В. Каюров писал: «Чувствовалась гроза, — но во что она выльется — никто не мог определить. Сильно повышенное настроение масс заставило районный комитет принять решение о прекращении агитации за прямой вызов на забастовки и пр., а сосредоточить внимание главным образом на поддержании дисциплины и выдержке в грядущих выступлениях. Накануне „женского дня“, в ночь на 23 февраля, я был командирован в Лесной на собрание женщин; охарактеризовал значение „женского дня“, женского движения вообще, тут же пришлось указать на текущий момент и главным образом призывать воздержаться от частичных выступлений и действовать исключительно по указаниям партийного комитета»⁵⁶.

Собрания и митинги на предприятиях Выборгского района в день 23 февраля протекали бурно. Работницы говорили, что нет больше возможности терпеть: мужья на фронте, малыши стоят в очереди за хлебом и уходят ни с чем. На многих заводах и фабриках собрания и митинги заканчивались объявлением стачки; бросив работу, некоторые рабочие и работницы расходились по домам. Так было, например, согласно полицейским донесениям, на заводе «Айваз». Пристав Лесного участка доносил, что свыше 3 тыс. рабочих этого завода, возвратясь с обеда, собрались в автоматном отделе на митинг по случаю женского дня. «Решив сегодня не работать, рабочие стали говорить о хлебном кризисе». Женщины просили мужчин присоединиться к забастовке и в 4 часа вместе с ними «мирно разошлись». Но такой «мирный» исход собрания был, видимо, исключением. Обычно собрания и стачки в этот день перерастали в демонстрации.

⁵⁵ Ленинградский партийный архив, ф. 4000, оп. 5, д. 74, л. 27; оп. 6, д. 45.

⁵⁶ В. Каюров. Шесть дней Февральской революции. — «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 158.

Шумной толпой рабочие и работницы покидали цехи и мастерские и с требованием: «Хлеба!» выходили на улицу. А там у лавок и булочных стояли длинные очереди и волновался народ. На первый взгляд волнения на почве недостатка хлеба, происшедшие 23 февраля, ничем не отличались от волнений в предыдущие дни. Но на самом деле между ними было глубокое различие. Прежние вспышки народного гнева из-за отсутствия хлеба не были связаны с организованной борьбой рабочего класса и к исходу дня гасли так же быстро, как вспыхивали вначале. Теперь уличные выступления городского трудового люда с требованием хлеба слились с выступлением забастовавших рабочих. Под руководством рабочих движение направилось против главного виновника всех бедствий — царизма.

Инициаторами активных действий в большинстве случаев являлись женщины, в первую очередь работницы текстильных фабрик. В «Осведомительном листке» № 2, изданном Бюро Центрального Комитета РСДРП, о событиях 23 февраля говорилось: «В связи с женским днем, по требованию организованных женщин, был организован ряд митингов на Выборгской стороне, закончившихся стачкой и съёмкой с работ рабочих других районов. Обращение путиловцев за поддержкой, отсутствие хлеба создали в массах боевое настроение, вылившееся в демонстрации, митинги и схватки с полицией»⁵⁷.

Рабочие и работницы, прекращая работу, покидали заводы и фабрики, направлялись к соседним предприятиям, чтобы присоединить их к забастовке и демонстрации. Работницы Невской ниточной мануфактуры услышали гул с улицы, сначала неясный, потом вылившийся в бурные крики и требования прекращения работы. «„На улицу! Кончай! Довольно!“ И весь первый этаж ниточной фабрики вмиг открыл свои окна. Вернее сказать, окна были выбиты кольями, камнями, поленьями. С шумом повалили ниточницы в проходную... Раскрыли все двери. Толпы ниточников повалили на волю»⁵⁸. Текстильщицы шли к металлургам. Рабочий-большевик машиностроительного завода «Людвиг

⁵⁷ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1. Приложение, стр. 314. И. Лейберов в статье «О революционных выступлениях петроградского пролетариата в годы мировой войны и Февральской революции» («Вопросы истории», 1964, № 2), правильно подчеркивая ведущую роль в революции металлистов, неверно противопоставляет их остальным рабочим. «Не стихийные экономические выступления голодных рабочих и работниц, — пишет он, — определяли основной и острый характер революционной борьбы в ходе общегородской стачки, а массовые политические стачечные выступления металлистов» (стр. 75). Выходит, что только металлисты воли политическую борьбу, остальные же рабочие и работницы, голодая, выступали только с экономическими требованиями. На самом деле экономическая и политическая борьба переплеталась у всех рабочих.

⁵⁸ «Ленинградская правда», 12 марта 1926 г.

Нобель» И. Гордиенко рассказывает: «Утром 23 февраля в переулке, куда выходили окна нашего цеха, раздавались женские голоса: „Долой войну! Долой дороговизну! Долой голод! Хлеб рабочим!“ Я и еще несколько товарищей мигом оказались у окон... Ворота 1-й Большой Сампсониевской мануфактуры были широко распахнуты. Массы по-боевому настроенных работниц залили переулок. Те, что заметили нас, стали махать руками, кричать: „Выходите! Бросайте работу!“ В окна полетели снежки. Мы решили примкнуть к демонстрации... У главной конторы, у ворот, состоялся короткий митинг, и мы вышли на улицу... Вперед идущих товарищей подхватили под руки и с криками „Ура!“ отправлялись с ними к Большому Сампсониевскому проспекту»⁵⁹.

В свете развернувшихся событий соображения о преждевременности всеобщей стачки и уличных демонстраций утратили свое значение. Возник вопрос: как оценить новую обстановку и отнестись к новым событиям? Рабочим-большевикам каждого предприятия приходилось решать этот вопрос немедленно и притом самим; директив партийных центров утром 23 февраля еще не было. Пять большевиков завода «Эриксон» собрались на экстренное совещание в заводском коридоре. В. Каюров рассказывает, что Никифор Ильин сообщил на этом совещании о забастовке на некоторых текстильных фабриках и приходе делегатов-работниц с просьбой о поддержке. Совещание продолжили с эсерами и меньшевиками. Приняли решение «поддержать забастовавших работниц, причем мое предложение, что раз решаем выступать с протестом, то своевременно повести на улицу всех рабочих без исключения и самим стать во главе забастовки и демонстрации, было принято. Тотчас через товарища Ивана Жукова наше постановление довели до сведения р. к-та (районного комитета. — Э. Б.). И удивительная вещь, ни р. к., ни представители рабочих по цехам не были удивлены подобным постановлением: ясно — мысль о выступлении давно уже зрела среди рабочих, только в тот момент никто не предполагал, во что это выльется... Никто не думал о такой близкой возможности революции»⁶⁰.

Не имея связи друг с другом, рабочие-большевики на разных предприятиях приходили, однако, к одному и тому же выводу: нужно возглавить стачку и демонстрации рабочих, направив их на борьбу против войны и царизма. Такое единодушие объясняется тем, что рабочие-большевики, опираясь на опыт первой русской революции, давно готовились к решающей схватке с самодержавием. Зная настроения рабочих, они видели, что момент этой схватки наступает. Пора! Обстановка для решающего вы-

⁵⁹ И. Гордиенко. Из боевого прошлого. М., 1957, стр. 56—57.

⁶⁰ В. Каюров. Указ. статья, стр. 158.

ступления была подготовлена, рабочие ждали лишь сигнала к активным действиям.

Среди рабочих были не только большевики, но и эсеры и меньшевики. В решающие дни борьбы против царизма могучий революционный порыв охватил всю рабочую массу и сплотил ее воедино. Рабочий-эсер И. Мильчик с того же завода «Эрксон» пишет, что 23 февраля настроение рабочих было по особенному приподнятое, рабочие поминутно бросали станки и обращались к активистам с вопросом, что делать; выходя из пассивного состояния, масса толкала передовиков к руководству. «Быстро собираемся у больничной кассы — 10—12 человек, руководящая головка завода. Ставим вопрос: бастовать ли? Если бастовать, то выходить ли на улицу для демонстрации и снятия других заводов? Осведомляемся друг у друга, каковы настроения на других заводах, есть ли где решение сегодня бастовать и выходить на улицу... Несмотря на отсутствие уверенности, выйдут ли другие заводы — быстрое и единодушное, против обыкновения, решение бастовать, выходить на улицу, лозунги: „Долой самодержавие, долой войну, давай хлеба!“ Мальчишки первые узнают о решении выходить на улицу. С радостным гиком разбегаются по мастерским. „Бросай работу, на собрание!“ Взгромодившись на металлический лом, на старые станки, рабочие ораторы обратились к массе с речами. Ораторы — свои, известные, как облупленные, и вместе с тем как-то преобразены моментом, насыщены революционностью. Настроение поднимать не надо, агитировать не приходится. Речи инструктивные: как вести себя на улице... Назавтра в обычный час приходите на заводы, но к работе не приступать. Масса ощущает серьезность момента, настрожена и дисциплинирована. Даже шумливые и озорные мальчишки притихли, слушают своих знающих и привычных руководителей, как некогда»⁶¹.

Рабочий-эсер И. Марков с завода «Арсенал» рассказывает, что 23 февраля после обеденного перерыва в ворота и окна «Арсенала» раздался громкий стук. «Бросай работу, выходи!» — кричали рабочие других заводов, подошедшие к «Арсеналу». Рабочие «Арсенала» бросают работу, быстро одеваются, идут к выходу и, несмотря на угрозы и увещевания администрации, присоединяются к толпе. Многочисленной колонной они идут к предприятиям, расположенным на Полустровской набережной Невы, а затем выходят на Безбородкинский проспект на Симбирскую улицу. Казаки и конная полиция теснят демонстрантов к Финляндскому вокзалу, здесь — затор, вагоны трамвая стали; на вагонах, на лестницах вокзала, на тумбах — ораторы-рабочие. «Настал момент, — говорят они, — пришло время. Мы должны

⁶¹ «Ленинградская правда», 12 марта 1927 г.; И. Мильчик. Рабочий февраль. М.—Л., 1931, стр. 61—62.

сделать свое дело». Ораторы призывают идти на Невский и призвать к выступлению рабочих других районов⁶².

Большевик А. Тайми описывает митинг, состоявшийся 23 февраля на заводе точных механических изделий. Сначала на митинге говорили о женском дне. Затем А. Тайми, взяв слово, остановился на вопросах о хлебе, войне, о задачах революционной борьбы. «И, конечно, как только я заговорил об этих вопросах, кровно близких сознанию каждого, — толпа переродилась, она оживла, задвигалась, загудела... Когда я предложил присоединиться к другим бастующим заводам и выйти на улицу, поднялись сотни рук. Через несколько минут мы вышли из ворот завода и направились к Невскому проспекту»⁶³.

С присоединением к стачке и демонстрации металлистов действия рабочих стали более целеустремленными и организованными. В то время как одна часть забастовавших рабочих расходилась по домам, другая часть шла от завода к заводу останавливать еще работавшие предприятия. Тщетно заводская администрация и полиция пытались не допустить расширения стачки. Когда масса рабочих подошла к Металлическому заводу, оказалось, что его ворота накрепко заперты. Но вот рабочие запели «Дубинушку», налегли на ворота, сорвали их с петель и вошли в заводской двор; завод был остановлен. Затем рабочие направились к механическому заводу Российского товарищества воздухоплавания, полиция не смогла преградить им путь. Полицейский надзиратель, вынув револьвер, стал угрожать толпе. Рабочие выбили у ретивого полицейского револьвер и, избив его, проникли на завод⁶⁴. Еще один крупный отряд рабочих влился в ряды бастующих.

Забастовка перебралась и на другие районы столицы. Большевик Н. Игнатов рассказывает, как поднялись на борьбу рабочие завода «Лоренц», что на Петроградской стороне. В цех убежал рабочий Зябликов и сообщил, что женщины-работницы бастуют, вышли на улицу. Кто-то крикнул: «Кончай работу!». За несколько минут рабочие завода «Лоренц» вышли на Каменноостровский проспект, опрокинули трамвай, направились к заводу «Лангензимен», ворвались в цеха и сняли рабочих с работы. Многочисленная демонстрация двинулась на Троицкую площадь⁶⁵.

Из общего правила бывали исключения. Некоторые рабочие, обремененные большой семьей, опасались лишиться заработка, или, будучи военнообязанными, боялись отправки на фронт. Вначале они не решались встать в ряды бастующих, выжидая

⁶² И. Марков. Как произошла революция. — «Воля России», 1927, № 3, стр. 87.

⁶³ А. Тайми. Страницы пережитого. Петрозаводск, 1955, стр. 171.

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. ДПОО, 1917 г., д. 341, ч. 57, л. 9в.

⁶⁵ Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции (Ленинград), ф. 6. Воспоминания Н. Игнатова.

развития событий. Так, 3 тыс. рабочих Франко-русского завода собрались 23 февраля в механической мастерской на митинг. «Выступавшие ораторы говорили главным образом о недостатке хлеба, были речи за войну и против; часть высказывалась за поддержку выборгских товарищей; большинство высказывалось против всех беспорядков... Решено завтра утром снова собраться, чтобы решить вопрос о дальнейших действиях»⁶⁶.

В разных частях города происходили в этот день стихийные демонстрации с требованием: «Хлеба!». В сводках и донесениях полицейских властей за 23 февраля сообщалось, что толпы женщин и подростков с требованием «хлеба!» и пением революционных песен проходили по Среднему проспекту, Садовой, Михайловской и другим улицам⁶⁷. Но главную роль в событиях играло движение забастовавших рабочих. Оно выходило за стены заводских корпусов и все более могучей волной разливалось по широкому простору улиц. Из рабочей забастовки выросла революционная демонстрация. Народные массы заполнили тротуары и мостовые столбцы. Народ становился хозяином города. Во многих районах движение транспорта было нарушено. Рабочие преграждали путь быстро мчавшимся трамваям, заставляли вожатых останавливать вагоны, отнимали у них ключи, высаживали пассажиров, опрокидывали трамваи и с криками «ура» двигались дальше. Одни трамваи вернулись в парки, другие лежали опрокинутыми на путях или стояли без движения. Перерыв в трамвайном движении парализовывал городскую жизнь и вносил дезорганизацию в лагерь царизма.

Рабочие шли по улицам города в боевом радостном настроении, с пением «Марсельезы», «Варшавянки», «Смело, товарищи, в ногу» и других революционных песен. По пути демонстрации образовывались живые трибуны; на плечи демонстрантов поднимались ораторы, призывавшие к борьбе против войны и самодержавия. Над идущими толпами кое-где взвились красные флаги. Начиналась революция.

Рабочие Выборгской стороны направлялись на Большой Сампсониевский и Безбородкинский проспекты, на Симбирскую и Нижегородскую улицы. Большой Сампсониевский проспект связывал между собой отдельные части Выборгского района и вел к Литейному мосту, через который пролегал путь к самому центру города. Безбородкинский проспект с другого конца района также вел к Литейному мосту. Завоевав эту важнейшую магистраль, рабочие Выборгской стороны обеспечили связь с другими районами столицы и пробивали себе дорогу в центр города.

«На Невский!» — этот клич раздался в рабочих районах Петрограда в первый же день революции. Почему именно туда?

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, л. 118.

⁶⁷ Там же, лл. 134, 143 и др.

Это был традиционный пункт политических демонстраций в Петрограде, начиная с первой демонстрации у Казанского собора в 1876 г. Здесь размещались высшие правительственные учреждения, резиденции царских министров, Главный штаб, Адмиралтейство и другие опорные пункты царизма. Выход на Невский проспект означал, что движение принимает общепитерский характер. Пролетариат выступал против самодержавия как самостоятельная политическая сила. Он не пошел в эти решающие дни к Таврическому дворцу, на поклон к либеральной буржуазии, не вступил в соглашение с либеральной буржуазией и ее оплотом — Государственной думой.

Клич «На Невский!» встретил горячее сочувствие среди рабочих-демонстрантов и вызвал тревогу в лагере защитников самодержавия. Царские власти, исходя из опыта первой русской революции, стремились прежде всего разобщить отдельные отряды петроградского пролетариата, изолировать друг от друга рабочие районы и прервать их связь с центром. Войска и полиция получили приказ во что бы то ни стало удерживать в своих руках мосты и не пропускать по ним демонстрантов.

Жандармы и полицейские угрожали расправой и пытались преградить путь рабочим. Но угрозы не действовали. Заслоны полиции на подступах к Литейному мосту были опрокинуты рабочими. На самом мосту демонстранты натолкнулись на новые полицейские силы. С помощью эскадрона кавалерии поток демонстрантов был остановлен, и только отдельные группы рабочих просочились на Литейный проспект. В другое время года захват полицией и войсками мостов, разобщая районы, пагубно сказался бы на общем выступлении рабочих столицы. Но зима была суровой, Неву сковал прочный лед, и тогда рабочие стали переходить по льду на другой берег. Там они соединялись со своими товарищами и вместе двигались по Литейному проспекту на Невский. Другая часть рабочих Выборгской стороны прошла через Сампсониевский мост на Петроградскую сторону и прорвалась сквозь полицейские заслоны на Троицкую площадь. Группа рабочих-выборгцев прошла в центр и через Верхне-Лебяжий мост.

Днем 23 февраля у Нарвской заставы собрались путиловцы, рабочие и работницы Екатеринбургской мануфактуры, лесопильного и химического заводов и других предприятий. Начался митинг. В отличие от прошлых лет ораторы не прятали лиц, не нахлобучивали на глаза шапок, не боялись налетов полиции. Впервые за долгие годы открыто провозглашались революционные лозунги. «Внезапно в толпе раздался возглас: На Невский! Стройся! Толпа загудела. — На Невский! Хлеба требовать! Мир!... Долой войну! Снова зазвучали большевистские лозунги против войны и самодержавия. В разных местах запели революционные песни; откуда-то появились красные знамена. Их подхватили женщины: — Наш праздник! Нам и знаменщиками

быть! — Путиловцы пошли! — разнеслось на Нарвской заставе»⁶⁸. Полицейские отряды остановили путиловцев на Калинкином мосту. Но путиловцы разбились на небольшие группы и разными обходными путями, по Фонтанке, по Обводному каналу, через промежуточные мосты продолжали пробиваться к центру.

Рабочие двигались к Невскому проспекту с разных сторон. Из полицейских участков приходили донесения: «В 4 часа 40 минут дня к Казанскому мосту на Невском проспекте со стороны Михайловской улицы подошла толпа с пением песен и криками: «Давайте хлеба!» «В пятом часу дня толпа рабочих до 150 человек, преимущественно молодежи, вышла с Садовой улицы на Невский проспект с пением рабочей «Марсельезы». «Рабочие образовали на Литейном проспекте толпу около 1000 человек, которые и направились к Невскому проспекту». «Около семи часов вечера на Невском проспекте со стороны Знаменской площади появилась толпа рабочих». «Около шести часов вечера толпа направилась по Суворовскому проспекту на Невский...». «Около семи часов, во время беспорядков на Невском проспекте, появилась со стороны Знаменской площади толпа демонстрантов...»⁶⁹

Выйдя на Невский проспект во второй половине дня 23 февраля, рабочие не расходились до позднего вечера. Рабочие завода «Лоренц», придя на Невский, застали там многочисленные толпы. «Полиция была бессильна их разогнать. То скоплялись кучками, то расходились. Стали появляться красные полотнища, привязанные узлами к деревьям. Полиция пыталась прорваться к ним, но рабочие оттесняли полицию к панелям, а местами прогоняли»⁷⁰.

23 февраля рабочие демонстранты шли по Невскому проспекту отдельными группами, еще не слившись в единую массу. Они выступали прежде всего с требованием: «Хлеба!» На этом основании царские власти и поверхностные буржуазные наблюдатели характеризовали начавшееся движение как «продовольственные беспорядки» и «голодный бунт». Лозунг «Хлеба!» действительно был наиболее популярным лозунгом первого дня революции. Захватывая насущные жизненные интересы народа, он подводил народные массы к пониманию истинной причины своих бедствий и тем самым способствовал вовлечению всех слоев трудящихся, в том числе наиболее отсталых, в революционное движение. Выступление «на почве нехватки хлеба» переросло в политическую борьбу и революционные действия против войны и царизма.

Уже 23 февраля требование «Хлеба!» стало дополняться другими, более грозными требованиями. Капитан Чяколини расска-

⁶⁸ М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский. История Путиловского завода. М.—Л., 1932, стр. 579.

⁶⁹ ЦГАОР СССР, ф. 628, оп. 1, д. 19, лл. 75—79.

⁷⁰ Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции (Ленинград), ф. 6. Воспоминания М. Байкова.

звал, что 23 февраля, объезжая в качестве дежурного по гарнизону забастовавшие заводы Выборгской стороны, он встретил миролюбивое шествие рабочих, требовавших хлеба. «В это же время к ним стала приближаться толпа с криками: „Долой войну!“, настроенная довольно враждебно»⁷¹. Те и другие лозунги сливались воедино. Пролетариат Петрограда поднялся на революцию, требуя хлеба, мира, свободы.

Мы уже отмечали, что еще до революции большевики указывали на связь этих трех лозунгов, что борьбе против голода, войны и царизма была, в частности, посвящена брошюра «Война и дороговизна в России», изданная за границей в 1915 г. ЦК РСДРП. Товарищ прокурора Петроградского окружного суда И. Громов впоследствии свидетельствовал, что его поразило то обстоятельство, что вышедшие 23 февраля на улицу рабочие шли довольно организованно, с одинаковыми лозунгами, что эти лозунги совпадали со словами упомянутой нами большевистской брошюры, в которой указывалось: «Наших сынов, братьев и мужей угнали на войну, а нас лишили хлеба», а в конце содержался призыв к выходу на улицу с красным знаменем восставия»⁷².

Поодно вечером демонстрации рабочих на Невском проспекте прекратились. Царские власти стали подводить итоги событиям дня.

Начальник Петроградской охранки докладывал: «Утром означенного числа явившиеся на заводы мастерские Выборгского района постепенно стали прекращать работы и толпами выходить на улицу, открыто выражая протест и недовольство по поводу недостатка хлеба. Движение масс в большинстве носило настолько демонстративный характер, что повсеместно пришлось усилить полицейские наряды. Весть о возникшей забастовке разнеслась по предприятиям всего Петрограда, мастерские которых также стали присоединяться к бастующим»⁷³.

Царская охранка отмечала большую активность и стойкость рабочих. «Большинство оставивших заводы рабочих почти все время находились на улицах и при первом удобном случае устраивали демонстрации и беспорядки... Забастовщики, рассеиваемые в одном месте, вскоре собирались в другом, проявляя в этом особое упорство»⁷⁴. В докладе охранки приводится цифра бастовавших предприятий — 43 (78 444 рабочих). В полицейской записке о происшествии приводится другая цифра — 50 предприятий (87 534 рабочих). По подсчетам И. Лейберова, сделанным им на основе данных полиции и охранки, сведений фабричной инспекции

⁷¹ Личный фонд М. Полкевкова. Материалы Комиссии опросов. Беседа с Чиколни.

⁷² «Война и дороговизна в России». Изд. ЦК РСДРП, 1915.

⁷³ ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1917 г., д. 341, ч. 57, л. 96.

⁷⁴ Там же, ПОО, оп. 5, д. 699, л. 2.

и администрации предприятий, в забастовке 23 февраля участвовало свыше 128 тыс. рабочих⁷⁵.

Царские власти стремились прежде всего не допустить уличных демонстраций. 23 февраля они еще не применяли огнестрельного оружия, но широко использовали для разгона демонстраций конную и пешую полицию, жандармерию и кавалерийские части. Отряды городских, казаков и кавалерии врзались в толпу безоружных демонстрантов. Участники демонстраций попадали под копыта лошадей городских и испытывали на своих спинах удары полицейских нагаек. Градоначальник Балк изображал действия полиции как самые невинные. «В течение дня, — говорил он, — полиция лишь рассеивала толпы, никто не был задержан, оружие в дело не употреблялось, пострадавших не было»⁷⁶. Но даже по официальным сведениям, 23 февраля был задержан 21 рабочий. В протоколе об аресте 23 февраля рабочего Путиловского завода говорилось, что он арестован «за подстрекательство к уличным беспорядкам, клонящимся к нарушению государственного порядка». Вся вина рабочего состояла в том, что он «ослушался приказа вернуться, завлекая других за собой». «Оружие в ход не употреблялось», — заверял Балк. Смотря какое оружие — шашки, пики, нагайки широко использовались уже 23 февраля. «Пострадавших не было». А избитые нагайками и шашками, получившие увечья под копытами полицейских лошадей — не пострадавшие?

Все дело только в том, что нападения полиции и казаков не достигали цели, вызывая у рабочих еще большую ненависть и решимость к борьбе. «Будьте прокляты, кровопийцы!» — кричали рабочие полицейским и жандармам. Полиция действовала против рабочих со всем рвением, но ей удавалось рассеивать демонстрантов не надолго. Рабочие собирались вновь, не боясь вступить в новое столкновение с царскими прислужниками, а при удобном случае и напасть на них. На углу Финского переулка и Нижегородской улицы в ответ на попытку задержать рабочего, остановившего трамвай, демонстранты нанесли ранения помощнику пристава. В районе Финляндского вокзала рабочие демонстранты избили другого пристава.

Рабочий А. Кузнецов с Металлического завода рассказывал о столкновении между рабочими Московской заставы и конной полицией. Рабочие шли к центру, заняв мостовую и тротуары. «Серые угрюмые лица выглядели сурово и решительно... Вдруг шум затих. На мосту над людьми появился небольшой кусок красного полотна... Громкий голос Ковалева: «Товарищи! Третий год морями льется кровь трудящихся всех стран. Богачи стравили

⁷⁵ И. Лейберов. О революционных выступлениях Петроградского пролетариата в годы первой мировой войны и Февральской революции. — «Вопросы истории», 1964, № 2, стр. 65.

⁷⁶ ЦГАОР СССР, ф. ЧСК, д. 19, л. 49.

пролетариев защищать их капиталы...» — «Фараоны едут!» — вдруг закричала толпа. Все вздрогнули. Речь оборвалась... Отряд конных городских устремился навстречу рабочим. Демонстранты тесно жались друг к другу, но продолжали двигаться вперед, угроза расправы пробудила волю к борьбе, в подъезжавших городских полетели камни. Раздались крики, стоны, песни, ругательства. Лязг шашек, свист нагаек. Сильным гулом стоида площадь. Фараоны остервенело работали нагайками и шашками... Жестоко избиваемые люди вынуждены были отступить... только небольшая группа смельчаков яростно отбивалась камнями, теснимая со всех сторон». И все же движение рабочих не остановилось; собравшись в небольшие группы, демонстранты прорывались в центр⁷⁷.

23 февраля поднялся на борьбу пролетариат — главная движущая сила и гегемон революции. Но чтобы победить, он должен был привлечь на свою сторону солдатские массы. Уже 23 февраля среди части войск обнаружилось колебания и нерешительность в борьбе с революционным движением. В то время как полицейские яростно обрушивались на безоружных рабочих, многие солдаты и казаки выполняли приказы начальства далеко не столь ревностно, сколь полагалось по уставу; действовали пассивно, вяло, а иногда и прямо уклонялись от выполнения распоряжений офицеров.

Работница-большевичка А. И. Круглова с завода «Промет» рассказывает о встрече рабочих этого завода с солдатами Новочеркасского полка и казаками. «Отряд казаков быстро повесся на нас. Но мы не дрогнули, стояли плотной стеной, как будто окаменели. Офицер отряда казаков крикнул: „За кем вы идете, ведь ведет вас баба!“ Я говорю: „Не баба, а сестра и жена солдат, которые на фронте“. Тут случилось то, что нельзя было ожидать. Солдаты Новочеркасского полка приложили к поге свои винтовки... Кто-то сзади крикнул: „Казаки, вы наши братья, вы нас не можете расстрелять...“ Казаки повернули своих лошадей обратно»⁷⁸. Такие случаи были еще единичны. Но они заронили в среде рабочих надежду, что в момент решающей схватки солдаты и казаки не будут стрелять в народ. Казаки — верное орудие царизма в дни первой русской революции — переставали играть палаческую роль.

Подобно царским властям, буржуазия увидела в выступлении петроградских рабочих 23 февраля только голодный бунт неорганизованной толпы. Считая, что волнения в Петрограде происходят «на почве недостатка хлеба», она опасалась, что если продовольственный вопрос не будет урегулирован, а политика цар-

⁷⁷ А. Кузнецов. Штурмовые этапы. — «Ленинград», 1931, № 10, стр. 21.

⁷⁸ Ленинградский партийный архив, ф. 4000, оп. 6, д. 91, лл. 13—14.

ского правительства не будет изменена, то для царизма и для нее последствия могут быть самые плачевные. Некоторые буржуазные деятели продолжали утверждать, будто само правительство провоцирует рабочих на выступления, чтобы найти повод для разгрома движения и заключения сепаратного мира с Германией. Писательница З. Гишпиус, близкая к этим деятелям, 23 февраля записала в своем дневнике: «Сегодня беспорядки... Опять кадетская версия о провокации, что все вызвано „провокационно“, что нарочно, мол, спрятали хлеб, чтобы голодные бунты оправдали желанный правительству сепаратный мир. Вот глупые и слепые выверты»⁷⁹.

23 февраля после небольшого перерыва возобновила свои заседания 5-я сессия четвертой Государственной думы, где сосредоточивалась основная деятельность буржуазных партий. Дума стояла в стороне от бурных событий, развернувшихся в этот день на улицах Петрограда; ни один демонстрант не обратил свои взоры к ней, да и она не пыталась установить какой-либо контакт с демонстрантами. Но грозный гул революционных событий проник и сквозь толстые стены Таврического дворца. Под этот гул Государственная дума обсуждала продовольственный вопрос. На заседании 23 февраля депутаты Думы говорили о твердых ценах, о хлебной разверстке, о снабжении продуктами армии и городов и критиковали действия правительства. Министр земледелия Риттих и правые депутаты призывали Государственную думу не увлекаться политикой и сосредоточить все свое внимание на практической работе по улучшению продовольственного дела. Но деятели Прогрессивного блока не следовали этому призыву. Они утверждали, что уличные волнения вызваны политикой правительства, которую нужно решительно изменить. Заявляя, что без политики не обойтись, А. Шингарев предлагал отличать политику недалековидную и опасную, ведущую к разрушению государства, и политику разумную и созидательную, способствующую его укреплению. Заверяя, что кадеты помогли и будут помогать царскому правительству в решении продовольственного и других вопросов, А. Шингарев призывал царскую власть вступить на разумный и созидательный путь и «не ссориться с законодательными учреждениями». Он предлагал потребовать от власти, чтобы она «или сумела справиться с делом, или убиралась вон из государства»⁸⁰.

На заседании Думы 23 февраля с особенно резкими речами выступили представители мелкобуржуазных партий. Меньшевик М. Скобелев говорил, что страна мчится навстречу грозным событиям. Царские власти своими мероприятиями подли-

⁷⁹ «Возрождение», 8 сентября 1928 г.

⁸⁰ «Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V», стр. 1657.

вают масло в огонь, военная администрация закрывает заводы и этим затягивает рабочую забастовку. Правительство, обрекая население на голод, способствует разрушению существующего строя. Доведенные до отчаяния женщины и подростки вышли на улицы столицы, вывая о хлебе. М. Скобелев предупреждал о возможных последствиях этого. «Мы знаем в истории случаи, когда власть, разложивши страну окончательно, заставляла голодать население, и возмущенное население жестоко покарало тех, кто морит голодом население»⁸¹.

Меньшевики и трудовики сетовали на то, что своевременно не было принято предложение об организации продовольственного дела и смене власти, что создалось положение, которое трудно теперь исправить. Керенский с презрением говорил о народе: «Ведь масса — стихия, у которой единственным царем делается голод, у которых разум затемняется желанием погрызть корку черного хлеба, у которых вместо рассуждения является острая ненависть ко всему, что препятствует им быть сытыми. Ведь с этой массой, с этой стихией рассуждать уже нельзя, она уже не поддается убеждению и словам»⁸². Керенский призывал депутатов Думы «бороться за то, чтобы власть безумная не губила государства, нам всем одинаково дорогого». Он предлагал потребовать отставки правительства и реорганизации продовольственного дела, поручив его общественным комитетам с включением в них представителей от рабочих.

Но Государственная дума не решилась потребовать отставки правительства. Она ограничилась еще одним заявлением, обращенным к царской власти по продовольственному вопросу. Дума признала необходимым, чтобы правительство немедленно приняло меры к обеспечению продовольствием населения столицы и других городов, и в частности рабочих заводов, работавших на военные нужды, чтобы к делу распределения продовольствия были привлечены городские самоуправления и другие общественные силы. Дума обратилась с запросом к правительству по поводу закрытия Ижорского и Путиловского заводов. Она запрашивала председателя Совета министров, военного и морского министров, что они намерены предпринять «для восстановления нормальных условий производства на заводах и обеспечения нескольких десятков тысяч рабочих, выброшенных на улицу». Дума высказалась за то, чтобы все уволенные рабочие Путиловского и Ижорского заводов были приняты обратно и деятельность этих заводов немедленно восстановлена. Осуществление этих мер не могло уже устранить причин, породивших события 23 февраля. Движение, поднявшееся в этот день, было неизмеримо шире и глубже, чем это казалось буржуазно-помещичьей Думе.

⁸¹ «Стенографический отчет...», стр. 1649.

⁸² Там же, стр. 1650.

Характера происходивших событий не поняли и мелкобуржуазные деятели. Эсер В. Зензинов писал, что забастовочное движение петроградских рабочих «рассматривалось как обычное. Никто не предчувствовал в этом движении веяния грядущей революции»⁸³. Меншевик О. Ерманский рассказывает, что его поразили демонстрации и уличные столкновения 23 февраля, но истолковать их «в смысле увертюры грандиозных событий — это мне вряд ли приходило тогда в голову»⁸⁴. Меншевик Н. Суханов вспоминал, что 22 и 23 февраля «город наполнялся слухами и ощущением „беспорядков“. По размерам своим, такие беспорядки происходили перед глазами современников уже многие десятки раз... были „беспорядки“ — революции еще не было»⁸⁵. Эсер С. Постников писал, что все, с кем ему приходилось сталкиваться, расценивали события 23 февраля как мелкие демонстрации из-за отсутствия хлеба, и только его знакомая — Е. Евреиннова, имевшая связи в больничных кассах и рабочих кооперативах, сообщала, что «в мирных рабочих кругах без всякой специальной агитации и пропаганды совершенно необычайное настроение и стремление к открытому выступлению»⁸⁶. Расценивая происходящие события как голодные бунты и беспорядки, лидеры меньшевиков и эсеров в день 23 февраля стояли в стороне, не вмешиваясь в происходящее.

Власти заявляли, что выступление рабочих было для них неожиданно: «События 23 февраля наступили внезапно. Я не ожидал движения в войсках, не ожидал сильного движения среди рабочих», — говорил Протопопов. То же утверждал и генерал Балк: «До 23 февраля никаких распоряжений по части усиления нарядов на улицах и в других местах не делалось. 23 февраля с раннего утра началась совершенно неожиданная для меня забастовка половины фабрик и заводов. Это движение застало нас врасплох — нарядов полиции не было на улицах, и я вызвал части, всегда имевшиеся в моем распоряжении — конную полицию, жандармский дивизион и кавалерийские отряды»⁸⁷.

Царские власти видели, что революционное брожение нарастает, знали, что революцию можно ждать в ближайшее время, и потому мобилизовали все силы для ее разгрома. Выступления рабочих 9 января и 10—14 февраля 1917 г. были назначены, власти были осведомлены о них и заранее готовились подавить их. Иначе обстояло дело с событиями 23 февраля. В распоряжении царских властей по-прежнему находились полиция, жандармерия и многочисленные воинские части и требовалась лишь команда, чтобы, согласно утвержденному плану, привести их в действие, подобно

⁸³ «Дело народа», 15 марта 1917 г.

⁸⁴ О. Ерманский. Из пережитого. М., 1924, стр. 140.

⁸⁵ Н. Суханов. Записки о революции, кн. 1. Пг., 1919, стр. 16.

⁸⁶ ЦГАОР СССР, ф. 6065, оп. 1, д. 1, л. 34.

⁸⁷ Там же, ф. ЧСК, оп. 1, д. 446, л. 49.

тому, как это было сделано накануне 10—14 февраля. Однако слабый размах революционного движения в эти дни усыпил бдительность царских властей. Они не знали, что новое выступление рабочих начнется именно 23 февраля, а когда это выступление началось, не поняли всей его опасности для царяма. Революция застала царское правительство врасплох и вызвала в его среде растерянность. Фактор внезапности способствовал успешному началу революции.

Вечером 23 февраля на совещании в градоначальстве Балк упрекал полицейских чинов в том, что они несвоевременно осведомляют его о происходящем. Он приказал в случае возобновления волнений всем чинам полиции находиться на улицах, продолжать использовать прежние средства — рассеивать толпы, не давать собираться группам более 5—6 человек, но к стрельбе не прибегать.

Одновременно царские власти уверяли население, что продовольственного кризиса нет. Почему же тогда очереди у лавок и десятки тысяч людей остаются без хлеба? Ответ был дан в обращении командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова к населению. В нем говорилось: «В последние дни отпуск муки в пекарни и выпечка хлеба в Петрограде производится в том же количестве, как и прежде. Недостатка хлеба в продаже не должно быть. Если же в некоторых лавках хлеба иным не хватило, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас на сухари. Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве. Подвоз этой муки идет непрерывно»⁸⁸. Но объявлением сыт не будешь, хлеба по-прежнему не хватало.

Подводя итоги дня, А. Протопопов в своем дневнике отмечал, что «день 23-го прошел не очень страшно, пострадали несколько полицейских чинов, стрельбы не было». Департамент полиции успокаивал себя и свое начальство, что движение не может иметь серьезных последствий и есть надежда, что некоторые заводы 24-го возобновят работу. Высказывалось предположение, что поднявшееся движение не носит политического характера и, возможно, ограничится стачками и демонстрациями, состоявшимися 23 февраля. Менее оптимистично оценивали создавшееся положение сотрудники Петроградской охраны. В записке ее агента от 23 февраля говорилось, что «недостаток хлеба гонит массы рабочих на выступления, и мысль о восстании как единственном средстве найти выход из создавшегося продовольственного тупика проникает в массы все глубже. Теперь о восстании и его близости и неизбежности говорят все на улице, в хвостах за хлебом и другими продуктами первой необходимости, говорят солдаты, мат-

⁸⁸ «Речь», 24 февраля 1917 г.

росы и интеллигентные круги»⁸⁹. Петроградская охранка отмечала, что некоторые солдаты Семеновского полка открыто говорят, что при возникновении восстания солдаты будут «стрелять в воздух».

Царские власти считали, что вследствие стихийности движения, вспыхнувшего 23 февраля, его можно будет подавить без особого труда. Но как раз то, что революция началась с неудержимой стихийной силой, свидетельствовало о ее почвенности и жизнечности.

В. И. Ленин отмечал, что «стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости...»⁹⁰. Таких революций, когда бы массы поднялись сразу и организованно, не бывает. «Стихийные взрывы, — говорил В. И. Ленин, — при нарастании революции неизбежны. Ни одной революции без этого не было и быть не может»⁹¹.

В буржуазно-демократических революциях, вовлекающих в свои действия самые широкие неорганизованные массы народа, стихийность проявляется с еще большей силой, чем в революциях социалистических. Организованность буржуазно-демократических революций тем выше, чем активнее участие в них рабочего класса. Об этом свидетельствует опыт многих стран, в частности России. Выступления рабочих 23 февраля 1917 г. не были заранее предусмотрены, не проходили по определенному плану, не руководились из единого центра. Они разбивались на множество схваток и столкновений, слабо связанных между собой.

И все же русская буржуазно-демократическая революция, руководимая пролетариатом, была неизмеримо более организованной, чем буржуазно-демократические революции, происходившие на западе Европы, на заре капиталистического развития, под гегемонией буржуазии. Рабочие, выступившие 23 февраля на улицы Петрограда, имели четкую цель и большой опыт предшествующих революционных боев. Рабочие действовали с определенной последовательностью. Бросая работу, они собирались на митинги, выходили на улицу, «снямали» рабочих других предприятий и, слившись с ними в общую демонстрацию, шли в центр города. Выступив сами, рабочие вовлекали в борьбу другие слои трудящихся и прежде всего солдат.

Движение рабочих шло под идейным влиянием большевизма, оно было подготовлено всей предшествующей деятельностью партии, но сразу же приняло такие грандиозные размеры и подняло на борьбу такие большие массы, что ввести его в строго организованное русло было невозможно. Небольшие в количественном отношении подпольные партийные организации не могли охватить

⁸⁹ ЦГАОР СССР, ф. ПОО, 1917 г., д. 630, л. 186.

⁹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 217.

⁹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 393.

начавшиеся выступления своим непосредственным руководством, но стремились оказать на них возможно большее влияние, усилить элементы организованности поднявшегося движения и повести его наиболее верным путем к намеченной цели⁹².

Вечером 23 февраля большевики обсуждали итоги первого дня революции и намечали задачи дальнейшей борьбы. Бюро Центрального Комитета РСДРП имело явку в самом центре Выборгской стороны, на квартире Павловых в доме № 35 по Сердобольской улице. Сюда стекались многочисленные сведения о событиях на предприятиях и улицах столицы. Сюда приходили члены Петербургского и Выборгского районного комитетов партии поделиться впечатлениями о событиях и согласовать свои действия. Сообщения с мест говорили о том, что на следующий день все предприятия Выборгской стороны и ряд предприятий других районов Петрограда будут охвачены забастовкой. В то время как царские власти и буржуазные деятели в выступлениях 23 февраля увидели лишь «происшествия на продовольственной почве», большевики расценили их как события большого политического значения, имеющие совершенно определенный революционный характер. Но превратятся ли эти события в решающее сражение с царизмом? А. Шляпников писал: «Начавшееся 23 февраля движение в тот день мы не считали еще началом решительного наступления на царский трон. Но, учитывая объективные условия, как резкое ухудшение экономического положения рабочих, недовольство войной, недовольство буржуазии неудачами войны, а также все растущую хозяйственную разруху и разгул реакции, мы допускали возможность революционного урагана даже от незначительного толчка. Поэтому движение 23 февраля было встречено нами со всей осторожностью, внимательностью и всем организациям была дана директива развивать движение, не ограничивать его каким-либо сроком, как это было в ходу в те времена»⁹³.

Намечать сроки окончания начавшегося движения, объявлять однодневную или трехдневную стачку протеста — значило ставить движение в заранее установленные рамки, тормозить его. Вот почему Бюро Центрального Комитета и Петербургский комитет РСДРП, как сообщает А. Шляпников, предложили развивать движение «до крайних пределов». Такими пределами представлялись схватки вооруженных рабочих и солдат с полицейскими и верными царю войсками.

Поздно вечером 23 февраля в Выборгском районе состоялось совещание большевиков, на котором обсуждалось положение, создавшееся в результате выступлений рабочих. Совещание со-

⁹² По сообщению А. Шляпникова, Петроградская организация большевиков к началу революции насчитывала примерно 3 тыс. членов («Петроградская правда», 12 марта 1920 г.).

⁹³ А. Шляпников. Февральские дни в Петербурге. — «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 82.

стоялось в комнате рабочего И. Александра в Головинском переулке. Здесь были представитель Бюро ЦК П. Залуцкий, члены Петербургского и Выборгского комитетов, работники других районов столицы — А. Скороходов, И. Чугурин, К. Шутко, Н. Свешников, И. Иванов, П. Алексеев, С. Лобов, В. Нарчук, А. Ефимов, Н. Агаджанова и другие.

Это совещание, рассказывал Н. Свешников, «затягивается до поздней ночи и принимает ряд важных решений, как усиление агитации и связи среди солдат, приобретение оружия, продолжение забастовки, устройство 24-го февраля демонстрации на Невском. Рекомендуются всем товарищам с утра приходиться на предприятия и, не приступая к работе, после летучего собрания вывести возможно больше рабочих на демонстрацию против войны к Казанскому собору»⁹⁴. Все участники совещания выступали за то, чтобы выдвинуть лозунг свержения самодержавия, считая, что к этому лозунгу массы были подведены всем предыдущим историческим опытом. «Наша агитация, — писал Н. Свешников в тех же воспоминаниях, — облегчена объективным ходом вещей великолепно, мысли о свержении самодержавия разделяются поголовно всеми, как само собой разумеющееся обстоятельство. К лозунгу „долой войну“ отношение сложнее, но на демонстрацию все же идет многие».

23 февраля мало кто предполагал, что события этого дня означают начало второй русской революции, но через несколько дней это выяснилось с достаточной ясностью. Подобно тому, как 9 января 1905 г. явилось началом первой русской революции, а 24 октября 1917 г. началась Великая Октябрьская социалистическая революция, первым днем второй русской революции было 23 февраля⁹⁵.

В первой большевистской хронике революционных событий, в составлении которой принимали участие М. И. Ульянова и А. И. Ульянова-Елизарова, говорилось: «23 февраля в Женский день была объявлена стачка на большинстве фабрик и заводов. Женщины были настроены очень воинственно. Не только работницы, но и массы женщин, стоящих в хвостах за хлебом, за керосином. Они устраивали митинги, они преобладали на улицах, двигались к Городской Думе с требованием хлеба, они останавливали трамваи: «Товарищи, выходите!» — раздавались энергичные возгласы. Они являлись на фабрики и заводы и снимали с работы.

⁹⁴ «Петроградская правда», 14 марта 1923 г.

⁹⁵ Между тем в некоторых работах начало второй русской революции не связывается с этой датой. Так в «Истории Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1962) ничего не говорится ни о волнениях на почве недостатка хлеба, ни о женском дне. Там утверждается, что рабочие большинства крупных предприятий бастовали еще 22 февраля (стр. 13), что не соответствует действительности.

Вообще Женский день прошел ярко и революционная температура начала с этого дня подниматься»⁹⁶.

В листовке «Великий день», выпущенной Бюро ЦК РСДРП 2 марта 1917 г., отмечалось, что женщины первыми вышли на улицы Петрограда и их день стал первым днем революции. «В безотрадные годы войны женщина приняла на свои плечи небывалые тяготы: сердечная боль за близких, взятых на войну, чередовалась с болью за голодных детей. И женщина не пришла в отчаяние. Она подняла знамя революции... 23 февраля — женский день — день русской революции, первый день Третьего Интернационала... Слава женщине! Слава Интернационалу! Слава Великой русской революции!»⁹⁷

Начало второй русской революции в корне отличалось от начала первой. 9 января 1905 г. массы петербургских рабочих шли к Зимнему дворцу с петицией, веря в то, что «царь-батюшка» пойдет на уступки народу. Царизм расстрелял эту веру и преподал пролетариату наглядный урок гражданской войны. Шествие рабочих к царю стало началом народной революции против царизма. Но прошел почти год ожесточенных схваток, потребовалась буря октябрьской и ноябрьской стачек, прежде чем эта революция достигла высшей ступени на баррикадах Москвы и других городов России в декабре 1905 г. Вторая русская революция уже не проходила этих этапов. Она началась с того, на чем остановилась первая. Пролетариат России был теперь не тот, что в канун 1905 г. Он давно изжил царистские иллюзии, приобрел опыт революционной борьбы, получил боевое крещение в сражениях с самодержавием.

Стачки и демонстрации петроградских рабочих 23 февраля 1917 г. означали начало восстания. Рабочие вышли в этот день на улицы столицы не для того, чтобы выразить протест против отдельных мероприятий царских властей или добиться от них частичных уступок. Они поднялись на борьбу, чтобы свергнуть царский строй, принесший народу войну и голод. Не все демонстранты четко осознавали тогда эту цель, и лозунг «долой царизм» еще заглушался требованием «Хлеба!» Но объективный смысл выступлений 23 февраля был именно такой.

Стачечники и демонстранты в первый же день революции превратились в повстанцев. Правда, они вступили в революционный бой с царизмом, не имея оружия и не организовав таких боевых отрядов, какие, например, организовали московские рабочие в дни декабрьских боев 1905 г. Это было безоружное восстание; оставаясь таковым, оно не могло одержать победу, но в ходе начинавшейся борьбы такое восстание могло обрести вооруженную силу.

⁹⁶ «Правда», 5 марта 1917 г.

⁹⁷ «Революционное движение в России после свержения самодержавия». Документы и материалы. М., 1957, стр. 9.

Привлекая на сторону народа царские войска, вооружаясь в процессе самого восстания, рабочие создавали тем самым необходимое условие свержения царизма. Уже первый день революции вселил надежды именно на такое развитие событий.

Как же развернулась борьба в последующие дни?

РЕВОЛЮЦИЯ ШИРИТСЯ И УГЛУБЛЯЕТСЯ

На второй день революции — в пятницу 24 февраля в обычный утренний час петроградские рабочие собирались на предприятия, но многие из них шли не к станкам, а на митинги. Там раздавались призывы: к работе не приступать, продолжать забастовку и по вчерашнему примеру выйти на демонстрацию. Рабочие дружно следовали этому призыву. Стачка приняла новый мощный размах: она охватила значительно большее число предприятий и рабочих, чем накануне. Бастовало примерно 200 тыс. человек. От участия в стачках рабочие переходили к революционным действиям. Рабочие становились участниками уличной борьбы и в ходе этой борьбы превращались в солдат революционной армии, свергнувшей царское самодержавие.

Как и накануне, в Петрограде происходили многочисленные демонстрации, завязывались схватки с полицией, толпы людей останавливали трамвай, дезорганизуя уличное движение; женщины и подростки, стоявшие в очередях за хлебом, громили лавки и булочные. Но это не было повторением пройденного. Демонстрации становились все многолюднее, а стычки с полицией все острее. Армия революции была еще безоружна, но смело вступала в решающую битву с врагом. Переход от стачек и демонстраций к восстанию, начавшийся 23 февраля, теперь происходил в гораздо больших размерах и принял более отчетливые формы. За плечами рабочих был опыт первого дня борьбы. Путь на улицу, на площади и проспекты Петрограда был проложен. Рабочие уже завоевали первые позиции для решающего штурма царизма. Теперь встала задача закрепить и расширить их.

В авангарде движения по-прежнему шел Выборгский район. 24 февраля подавляющее большинство рабочих района продолжало забастовку и вышло на улицу. Уже с 8 часов утра этого дня на Выборгской стороне началась демонстрация. Рабочие двинулись по уже разведанному маршруту — через Сампсониевский проспект к Литейному мосту, чтобы проникнуть в центр города. Отряды полиции, казаков и солдат пытались остановить шествие. Масса рабочих, числом до 40 тыс., шла во всю ширину Литейного моста, напирая на конно-полицейскую стражу. В конце моста она прорвала цепь конницы: одна часть демонстрантов вышла на Литейный проспект, другая была оттеснена обратно на Выборгскую сторону. Как и в первый день революции, многие рабочие стали переправляться на другой берег реки по льду замершей Невы.

К рабочим-выборжцам присоединялись рабочие других районов столицы. 24 февраля из Васильевской полицейской части сообщали, что забастовали рабочие табачной фабрики «Лаферм», завода «Сименс и Гальске» и других предприятий, что толпы рабочих с пением «Марсельезы» демонстрируют на Большом и Среднем проспектах, на Николаевской набережной, на 5-й, 8-й и других линиях Васильевского острова. На Петроградской стороне забастовали и вышли на улицу рабочие Механического завода, на Каменноостровском проспекте и в других местах произошли демонстрации и стычки рабочих с городскими и казаками. На Гаванском участке прекратили работу рабочие Военно-подковного завода. На заводе Щетинина состоялось собрание, выступавшие ораторы призывали поддержать рабочих Выборгской стороны и по их примеру объявить забастовку; провозглашались лозунги: «Долой царское правительство!», «Долой монархию!», «Долой войну!» «После этих речей, — сообщал полицейский агент, — все мастеровые вышли из завода и направились к заводу Слесаренко»⁹⁸. В районе Московской заставы 24 февраля забастовали рабочие завода «Вестингауз», к ним присоединились рабочие «Новой бумагопрядильни»; объединившись, они направились к Николаевскому вокзалу.

В событиях второго дня революции, как и накануне, активную роль играла молодежь. До революции передовые молодые рабочие вели подпольную работу, занимались в кружках, распространяли листовки, участвовали в стачках. Теперь не только они, но и вся масса рабочей молодежи включилась в уличную борьбу. Она шла в первых рядах демонстрантов, присутствовала на митингах, участвовала в стычках с полицией. Рабочие подростки были разведчиками революции; они первыми оповещали рабочих о приближении войск и полиции, сообщали о пунктах сбора демонстрантов, о митингах и т. п. Молодые рабочие организовывали пикеты, чтобы не допускать возобновления работ. В сводках и донесениях полиции за 24 февраля сообщалось, что толпы, состоявшие главным образом из молодежи, подростков, останавливают трамвайное движение, поют революционные песни, бросают куски льда, болты и другие предметы в городских. В списках арестованных в этот день числились рабочие в возрасте 16—20 лет.

Отряды полицейских, казаков и солдат пытались разогнать рабочие демонстрации и восстановить «порядок» на улицах столицы. Подавляющему большинству демонстрантов пришлось впервые выдерживать натиск полиции и войск, но участие в демонстрации сплачивало единицы в целое. По рядам рабочих передавались советы более опытных товарищей: «Возьмите друг друга за руки. Конным труднее будет разорвать цепь». И действительно, рассеивать рабочие толпы становилось все труднее. Рабочие и ра-

⁹⁸ «Былое», 1918, № 1 (29), стр. 167.

ботницы стремились привлечь царские войска на свою сторону или хотя бы нейтрализовать их. Как и в первый день революции, в среде защитников самодержавия наблюдались колебания. 24 февраля на Большом Сампсониевском проспекте казаков было гораздо больше, чем накануне. Рабочий-большевик И. Гордиенко рассказывает, что положение создавалось напряженное, столкновение казалось неизбежным. «Инициативу проявляют работницы. Они густой стеной окружают казаков. „У нас мужья, отцы, братья на фронте!“ — кричат они. — „Здесь голод, непомерный труд, обиды, оскробления, издевательства. У вас тоже есть матери, жены, сестры, дети: мы требуем хлеба и прекращения войны!“ Офицеры, опасаясь влияния этой агитации на казаков, дают команду. Казаки с места несутся вскачь. Все бросаются в стороны, у каждого наготове камень, гайка, но казаки проносятся мимо, не трогают нас, повернули и несутся обратно. Их встречают криками: „Ура!“»⁹⁹.

Об аналогичном случае установления миролюбивых отношений между казаками и рабочими демонстрантами в районе Большого Сампсониевского проспекта упоминает в своих воспоминаниях и В. Каюров: «Вперед демонстрации сажень примерно в восьми—десяти выстроились казаки. . . раздалась команда офицера, казаки с обнаженными пашками бросились на нашу ничем не защищенную безоружную колонну. . . грудью коней пробивая себе дорогу, с глазами налитыми кровью, первыми врзались в толпу офицеры; за ними скачут во всю ширину проспекта казаки. . . Но, о радость! Казаки бросились гуськом в только что пробитую офицерами «дыру». Некоторые из них улыбались, а один хорошо подмигнул рабочим. Радости не было конца. Крики «ура» казакам неслись из тысячи грудей»¹⁰⁰.

24 февраля таких фактов было еще немного. Вооруженные силы царизма стояли тогда на страже господствующего порядка. Они оцепили мосты и заняли главные перекрестки улиц, чтобы не допустить рабочих к центру города. Рабочим приходилось вступать в столкновения с отрядами казаков и солдат и в ходе этих столкновений прокладывать себе путь к центру города. Если 23 февраля отдельные группы рабочих стали проникать туда лишь в середине дня, то 24-го такое стремление стало настойчиво проявляться с самого утра и притом всей массой бастующих рабочих. В какой же район центра шли рабочие? Еще недавно рабочая группа Военно-промышленного комитета звала рабочих идти к Государственной думе. Но в районе Таврического дворца царили тишина и безлюдье. Государственная дума была в стороне от событий; рабочие и не думали о ней. Как и накануне, они шли на Невский проспект. Из всех районов стекались туда рабочие толпы.

⁹⁹ И. Гордиенко. Из боевого прошлого, стр. 57.

¹⁰⁰ В. Каюров. Указ. статья, стр. 159.

Власти доносили, что около часу дня в районе между Казанским и Полицейским мостами сгруппировалась большая толпа рабочих. «В толпе этой пели «Марсельезу», «Вставай, поднимайся, рабочий народ!» и помимо криков «Давайте хлеба!» произносили революционные возгласы «Долой царя!», «Долой правительство!», а также выбрасывали красные флаги». В 4 часа 20 минут к Казанскому мосту снова подошла толпа рабочих с пением революционных песен. «Толпа эта в течение полутора часов была разгоняема, причем участники толпы, удаленные с одного места, сейчас же группировались в другом месте»¹⁰¹.

Большие массы рабочих направлялись к Казанскому собору. Здесь у площади перед собором шли митинги. Ораторы призывали демонстрантов к решительной борьбе против войны и царизма. Еще более многочисленные митинги происходили на Знаменской площади. Первые группы рабочих демонстрантов пробивались туда около 3 часов дня 24 февраля. Тщетно конные городовые пытались рассеять пришедших на площадь рабочих. Они были встречены градом камней и поленьев, а лошади, испугавшись, понесли всадников назад. Были тут и казаки, но они не наступали на демонстрантов; толпа приветствовала казаков криками «ура», а казаки отвечали толпе поклонами. С разных сторон рабочие демонстранты подходили к гранитному постаменту, на котором возвышалась чугунная туша Александра III, восседавшего на огромном коне. Здесь у памятника шел почти непрерывный митинг, на котором ораторы провозглашали: «Долой войну!», «Долой царизм!», «Да здравствует Демократическая республика!». «Какой-то смельчак, в расстегнутом пальто и без шапки, вскарабкивается по плечам других на царский пьедестал. Смельчак встает во весь рост и поднимает правую руку: «Товарищи!... Вот под этой безмозглой чугунной пятою до сих пор истекает кровью Россия. Затеянная камарильей безумная военная бойня уже довела весь народ до полной разрухи»¹⁰².

Вооруженные силы царизма стремились разобщить массы рабочих и не допустить слияния отдельных групп в единую революционную демонстрацию. На демонстрантов, прорвавшихся на Невский проспект, обрушивались отряды полицейских, казаков и войск. В. Каюров сообщает, что 24 февраля на Невском проспекте рабочих демонстрантов непрерывно атаковали казаки, затем появились драгуны; революционная масса держалась стойко; рабочие продолжали собираться то в одной, то в другой части Невского проспекта, возобновляя демонстрацию. «До самого вечера драгуны и казаки снова атаковывали демонстрирующих, тем самым мешая правильному движению демонстрации и разъединяя ее на части»¹⁰³.

¹⁰¹ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1, стр. 92.

¹⁰² А. Тарасов-Родионов. Февраль. М., 1931, стр. 84—85.

¹⁰³ В. Каюров. Указ. статья, стр. 161.

К вечеру 24 февраля борьба на улицах и площадях Петрограда стихла, рабочие демонстранты разошлись по районам. Что будет завтра? В донесении полицейских властей за 24 февраля сообщалось: «Двигавшаяся по Невскому проспекту толпа рабочих в числе около 3000 человек остановилась у дома № 80 и выслушала речь оратора, призывавшего к испровержению существующего строя и предлагавшего собраться завтра, 25 сего февраля, в 12 ч. дня у Казанского собора»¹⁰⁴.

Тишина на Невском проспекте продолжалась только в течение ночи. С утра 25 февраля революционное движение в столице возобновилось с новой силой. В свой третий день революция поднялась на новую ступень. Число забастовщиков в этот день увеличилось еще на 100 тыс., составило свыше 300 тыс.¹⁰⁵ Стачка стала всеобщей. Прекратили работу не только крупные и средние заводы и фабрики, но и типографии, мелкие предприятия, мастерские, торговые заведения... Трамвайное движение окончательно остановилось, газеты перестали выходить.

Как и накануне, рабочие Выборгской стороны начали день 25 февраля с митингов на предприятиях. О митинге на заводе «Новый Парвайнен» рассказал большевик А. Кондратьев. Рабочие сидели на полуготовых изделиях, на стропилах, чуть ли не под крышей, каждое слово выступавших товарищей вызывало бурю одобрения. «Ораторы — большевики, меньшевики, социаллисты-революционеры. Призыв — идти на Невский... Один оратор заканчивает революционным стихом: «Прочь с дороги, миротживший, сверху до низу прогнивший. Молодая Русь идет». Атмосфера накалена... Дружный порыв. Жить или умереть в борьбе»^{105а}. Масса рабочих завода вышла на улицу и, объединившись с рабочими других предприятий Выборгской стороны, общей демонстрацией двинулись по Большому Сампсониевскому проспекту.

25 февраля активно выступили рабочие и других районов столицы.

25 февраля забастовали рабочие самого крупного предприятия Васильевского острова — Трубочного завода. Завод принадлежал казне, и начальник завода решил прибегнуть к помощи вооруженной силы, чтобы добиться возобновления работы; были вызваны солдаты запасного батальона Финляндского полка. Рабочие при-

¹⁰⁴ «Былое», 1918, № 1 (29), стр. 166.

¹⁰⁵ По данным петроградской охраны, 24 февраля бастовало 158 583 рабочих, а 25 февраля — 201 248, по данным градоначальства — соответственно 197 000 и 240 000 (ЦГАОР СССР, ф. ЧСК, д. 471, л. 27). И. Лейберов на основе данных охраны, фабричной инспекции, донесений полицейских надзирателей, заводской администрации и других источников приводит более точную цифру забастовщиков: 24 февраля — 214 111, а 25 февраля — свыше 300 тыс. («Вопросы истории», 1964, № 2, стр. 75).

^{105а} А. Кондратьев. Воспоминания. — «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 64.

шли к солдатам, убеждая их не стрелять; солдаты колебались. Тогда офицер выстрелил в одного из подошедших — молодого рабочего Дмитриева и наповал убил его. Убийство рабочего вызвало взрыв возмущения рабочей массы. Рабочие Васильевского острова, бросая работу, выходили на улицу. Главной магистралью, по которой шли демонстранты, был Средний проспект.

На Большом проспекте Петроградской стороны в общую демонстрацию влились рабочие заводов Гейслера, «Вулкан» и других предприятий. Они двинулись снимать остальные заводы своего района. Шли с песнями, организуя по дороге митинги, останавливая трамвайное движение. Преодолевая заслоны полиции, демонстрация росла, пополняя свои ряды новыми отрядами. Рабочие направлялись к Троицкому мосту, чтобы оттуда прорваться на Невский.

К движению присоединились рабочие Обуховского завода. В 9 час. утра 25 февраля 14 тыс. бастовавших обуховцев с пением революционных песен направились к центру города. На их красных знаменах было четко начертано: «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!» Революционное движение охватило теперь уже все районы Петрограда. Поднялись на борьбу и рабочие петроградских окраин — Охты, Новой деревни, Колпина. Уличные выступления произошли на Галерном острове и на Гаванском участке. Всеобщая стачка породила всеобщую демонстрацию. Бастовавшие рабочие шли, как и раньше, к центру города, на Невский проспект. Никакие силы не могли преградить им путь. Конные городовые и казаки утром 25 февраля пытались остановить рабочих демонстрантов Выборгской стороны, шедших к Литейному мосту. Полицимейстер Шалфеев подъехал к толпе и предложил рабочим разойтись. Но рабочие стащили с лошади и избили высокое полицейское начальство; в полицейских полетели тяжелые предметы. Преодолевая сопротивление полиции, рабочие прошли мост и вышли на Литейный и Невский проспекты. К центру города шли демонстранты и других районов Петрограда.

«Рабочие идут!» — разнеслась весть по Невскому, и вскоре главная магистраль столицы и прилегающие к ней улицы были заняты рабочей массой. Весь облик этой части города быстро преобразился. Закрылись магазины, рестораны, кафе, не ходили трамваи, скрылись извозчики. Гуляющей публики почти не осталось. Стопившись на тротуарах, обыватели смотрели на необычное зрелище. А по мостовой шествовал рабочий люд, шествовал пестрыми нестройными рядами, но и в таком виде вселяя страх в среду хозяев города. С Невского проспекта исчезли унитанные, выложенные физиономии аристократов и буржуа, на смену им с рабочих окраин пришли люди с худыми изможденными лицами. На Невском проспекте не видно было теперь бобровых шапок и меховых шуб, здесь появились картузы, косынки, платки, поношенные пальто и тужурки... Невский был завоеван рабочей мас-

сой. Такой массы рабочих Невский не видел со времен первой русской революции.

Конные городовые, казаки и солдаты пытались разогнать митинги и демонстрации на Невском. Под их натиском толпа отступала, но не покидала поле битвы. Рабочие переходили с одного места на другое, рассеивались и собирались вновь. Полиция и воинские части теснили рабочих в боковые улицы, а рабочие неизменно рвались на проспект, вступая в новые столкновения с защитниками царизма. Громадная масса демонстрантов сосредоточилась на углу Литейного и Невского проспектов. Рассеянная конными частями, она вскоре собралась вновь и двинулась к Казанскому собору. Другая колонна демонстрантов вышла на Невский проспект со стороны Спасской части. Все время слышались возгласы: «Долой царя!», «Долой правительство!», «Дайте хлеб!»

Демонстранты несли по Невскому проспекту красные флаги и пели боевые революционные песни — «Марсельезу», «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу». Впервые за много лет в столице России зазвучало свободное слово. Безвестные ораторы бросали в толпу пламенные слова: «Товарищи! Пришло время положить конец кровавой войне и царскому самодержавию. Да здравствует революция!» И в ответ неслось могучее «ура» и уверенные слова боевой песни:

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда.

На главном проспекте столицы вблизи царских дворцов и министерских хором восставший пролетариат громко провозгласил свои требования: «Хлеб!», «Мир!», «Свобода!». Эти три лозунга сливались теперь воедино. К ним прибавлялись грозные призывы: «Долой царизм!», «Да здравствует Демократическая республика!» Эти призывы и лозунги выражали интересы не только рабочего класса; они отражали общенародные чаяния и объединили вокруг рабочих все другие слои трудящегося населения. Пролетариат первый поднялся на борьбу против царизма и сначала сражался с ним один на один. Но по мере развертывания этого сражения социальная база революции стала расширяться, движение приобрело самый широкий демократический характер.

Своей самоотверженностью и упорством пролетариат пробудил к борьбе с царизмом широкие народные массы. К рабочим стали присоединяться городские мелкобуржуазные слои — ремесленники, служащие, интеллигенция, студенчество, учащиеся старших классов средних учебных заведений и т. д. Выступления этих слоев населения были более пассивными, чем выступления рабочих. Толпы жителей столицы одобряли рабочие демонстрации и возмущались действиями полиции. Часть из них вливалась в ряды демонстрантов и из наблюдателей превращалась в участников движения. Непролетарские городские слои, растворяясь в общей

массе восставших, не могли оказать определяющего влияния на революцию. Ход событий по-прежнему определялся действиями рабочего класса. Но участие этих слоев населения придало революции новый размах и способствовало ее успеху. Создавалась обстановка общего сочувствия, поднимавшая моральный дух восставших и укреплявшая их решимость продолжать начатую борьбу.

Большую активность проявляли в эти дни студенты. Они собирались на многочисленные сходки, обсуждали текущие события и вопрос о присоединении к рабочим. 25 февраля объявили забастовку студенты Петроградского университета. Такие же решения были приняты студентами других высших учебных заведений Петрограда. В записке Департамента полиции отмечалось: «В среде учащихся высших учебных заведений наблюдается полное сочувствие движению; в стенах заведений происходят сходки, руководимые ораторами. Учащиеся принимают участие в беспорядках на улицах»¹⁰⁶.

Занятия в учебных заведениях прекратились. Конечно, не все учащиеся вливались в ряды борцов революции; часть расходилась по домам. Состоялись демонстрации студентов на Васильевском острове; толпы учащихся, главным образом студентов Психоневрологического института, демонстрировали вблизи Знаменской площади. Но обычно учащиеся шли не отдельными группами, а в общих рядах. Среди огромной массы рабочих, шествовавших по улицам Петрограда, там и сям мелькали студенческие фуражки. Это учащаяся молодежь, уйдя из аудиторий, вышла на улицы, чтобы поддержать рабочих.

Главными центрами демонстраций и митингов были по-прежнему площадь Казанского собора и Знаменская площадь. Группы демонстрантов стали собираться у Казанского собора в 12 час. дня 25 февраля. Член межрайонной организации РСДРП, студентка Р. Ковнатор рассказывает, что, когда над толпой у собора завились два красных знамени с надписями «Долой самодержавие», «Да здравствует революция», раздались радостные крики, «точно этого знамени надежды и борьбы не доставало, чтобы придать единство настроения огромной многотысячной толпе». У Казанского собора происходил митинг. И. Юрнев «переходил от одной группы к другой. Помню, он говорил о борьбе рабочего класса, звал к традициям великих революционеров прошлого и призывал рабочую толпу поклясться, что на этот раз она не разойдется, пока не добьется своего... Вдруг фараоны наскочили на толпу и несколько человек было арестовано. Толпа бросилась их освобождать. Арестованные были отбиты от фараонов»¹⁰⁷. Тогда демонстранты двинулись на Знаменскую площадь, где у памятника

¹⁰⁶ ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1917 г., д. 5, ч. 57, л. 31.

¹⁰⁷ Р. Ковнатор. Накануне Февраля. — «Революционное юлешество». Л., 1924, стр. 139.

Александрю III состоялся новый митинг и бурное столкновение с казаками и полицией. Полицейские и казаки бросились с нагайками на демонстрантов. Упавших топтали лошади, раздавался свист нагаек, крики боли сливались с криками возмущения.

Митинги на Знаменской площади приняли особенно обширные размеры. В середине дня 25 февраля пристав Крылов пытался разогнать митинг у памятника Александрю III и вырвать у рабочих красный флаг, но Крылов был зарублен на площади шашкой. Кто сделал это? Охранка сообщала, что пристава убил казак. Из ряда сообщений следует, что казаки оттеснили конных городских и сорвали их попытки разогнать толпу. Демонстранты устроили казакам овацию; митинг на площади продолжался.

Царские памятники и в других местах использовались для революционных митингов. Рабочий-большевик Гаврилов писал: «Памятники русских императоров превратились в трибуны революции. На Сампсониевском проспекте, ухватившись за пшугу Петра Великого, молодой рабочий призывал собравшихся к вооруженной борьбе»¹⁰⁸. У памятников царей раздавался громкий клич, направленный против царизма. Требование хлеба отодвинулось на второй план. Борьба рабочих развертывалась под лозунгами свержения царского самодержавия и прекращения империалистической войны. Рабочие-большевики с завода Эриксон и других предприятий изготовили красные знамена с лозунгами «Долой войну», «Долой самодержавие» и 25 февраля под этими знаменами шли демонстрации на Невском проспекте и на Знаменской площади.

Столкновения между двумя лагерями — лагерем революции и лагерем царизма становились все более ожесточенными. Рабочие не только защищались от натиска полиции и войск, но и сами переходили в наступление. Они принесли с заводов болты, гайки, куски железа и использовали их против врагов. Рабочие пускали в ход такие «подручные средства», как комья мерзлого снега, куски льда, камни, поленья и т. п. — у рабочих не было ни винтовок, ни револьверов. Избегая столкновений с солдатами, рабочие нападали на отдельных городских и жандармов, отнимая у них оружие. В эти дни особенно наглядно проявилась общенародная ненависть к жандармерии и полиции.

Народ долгие годы терпел их произвол, бесчинства, притеснения и издевательства. В годы войны, когда миллионы солдат гибли на фронтах империалистической войны, полицейские отсиживались в тылу, измываясь над населением и подавляя всякие попытки завоевать свободу. И в начавшейся революции жандармы и полицейские выступали как самые ревностные защитники царизма. «Расходись! Осади назад!» — кричали конные городовые и, врезываясь на лошадях в толпу, наносили демонстрантам удары

¹⁰⁸ И. Гаврилов. На Выборгской стороне в 1914—1917 гг. — «Красная летопись», 1927, № 2 (23), стр. 51.

пиками, шапками и нагайками. Народ называл городских «продажными шкурами», «фараонами» и прежде всего на них обрушил свой гнев. Демонстранты сначала оборонялись от нападений полицейских, а затем сами стали переходить к активным действиям и при каждом удобном случае расправлялись с ними.

На Большом Сампсониевском проспекте рабочие стащили несколько полицейских с лошадей и избили их. Случаи избития и обезоружения городских были зарегистрированы на Аничковом мосту, на Суворовском проспекте и многих других пунктах столицы; полиция понесла потери. На набережной Екатерининского канала в конных городских и казаков полетели пустые бутылки и произведено было несколько выстрелов. На углу Невского и Владимирского проспектов толпа окружила и обезоружила трех полицейских надзирателей. К концу дня 25 февраля разоружение и избитие полицейских приняло такие размеры, что городские опасались ходить в одиночку, а некоторые из них для безопасности надевали солдатские шинели или даже передевались в штатское платье.

К солдатам и казакам рабочие относились по-иному, они стремились привлечь солдат и казаков на свою сторону. Рабочие шли к казармам, чтобы там организовать братание с солдатами, около часовых и патрулей останавливались группы рабочих и работниц, вели беседы с солдатами. Один из участников революции вспоминает: «Солдаты, казаки встречаются приветствиями, прежней злобы к ним не осталось и следа... к казарме подходит рабочий и говорит солдату: ты скажи там своим, чтобы поддержали, чтобы не шли против своих. Это уж мы всерьез вышли, не зря, — солдат кивает головой»¹⁰⁹.

25 февраля продолжали широко использоваться против демонстрантов-рабочих кавалерийские части и казаки. Они помогали полиции, разгоняли толпы рабочих, избивали демонстрантов. Раздались первые выстрелы в народ. В результате столкновений с полицией и войсками 25 февраля на улицах Питера пролилась рабочая кровь, среди восставшего народа появились первые жертвы. У здания Городской думы на Невском проспекте солдаты 9 запасного кавалерийского полка открыли огонь по толпе — девять человек было убито, девять — ранено.

Но во многих случаях солдаты и казаки вели себя пассивно, предоставляя полиции одной действовать против народа. Активность народа нейтрализовала действия царского войска. Рабочие и работницы хватали направленные на них выстрелки и обращались к солдатам с призывом поддержать народ. Действия рабочих вносили замешательство в среду солдат и казаков и расстраивали их ряды. Ружья, направленные в народ, переставали стрелять. Случалось и так, что солдаты и казаки оказывали косвен-

¹⁰⁹ «Правда», 12 марта 1919 г.

ную поддержку рабочим демонстрантам, а отдельные солдаты даже присоединялись к ним. Задержать таких солдат было трудно, так как толпа помогала им скрываться.

Рабочий Ершов рассказывает о столкновении с казаками на Невском проспекте: «Раздается команда. Демонстранты замедляют ход. „Марсельеза“ смолкает... Казалось, демонстранты остановятся и казаки бросятся избивать их нагайками. Но сперва отдельные голоса, а затем общий крик раздается из толпы: — „Хлеба!“, „Мира!“ Лошади раздвигаются, в появившиеся проходы текут ручейки демонстрантов, которые превращаются в живой поток рабочих. Казаков приветствуют. „Да здравствует армия!“, „Долой войну!“, „Хлеба и мира!“ Снова звучит „Марсельеза“. Казаки выстроившись в колонну, отъезжают»¹¹⁰.

Рабочий Тайми сообщал о демонстрации на Невском проспекте: «Впереди несли флаг, на котором было написано: «Требуем хлеба! Долой царя!» Приблизившись к Аничковому мосту, мы увидели перед собой, по ту сторону моста, сотню казаков. Строем по четыре, они медленно, шагом двигались навстречу. Впереди ехал офицер. С каждой минутой расстояние между ними сокращалось. Вот наша колонна вступила на мост. Мы пели «Марсельезу»... И вдруг — голос из толпы: «Да здравствуют товарищи казаки!»... Толпа подхватила этот возглас. Казаки не отвечали. Кое-кто из них улыбался. Так мы прошли Аничков мост»¹¹¹.

Бездействие некоторых воинских частей в борьбе против народа отмечено в донесениях полицейских надзирателей и агентов от 25 февраля. Вот выдержки из них: «Произносятся речи, но воинские части бездействуют», «прибывший взвод казаков 1-го Донского казачьего полка к восстановлению порядка никаких мер не принял», «среди воинских частей, вызванных для усмирения беспорядков, наблюдается заигрывание с демонстрантами, а некоторые части, относясь даже покровительственно, подбадривают толпу обещаниями: «напирай сильнее»»¹¹².

На поведение казаков горько сетовал начальник учебной команды запасного Финляндского полка Ходнев: «Донцы, — писал он, — действовали в столице крайне вяло, нерешительно, а потом и вовсе отказались выступать против бунтовщиков, обращая даже свое оружие против защитников законной власти и порядка. Бездейственность казаков особенно проявлялась, когда они оставались одни, без офицеров (дозор, разъезд, взвод), находясь под командой урядников, молодых подхорунжих. Неоднократно я сам слышал от них такие угрозы: „Сейчас же 1905 год, нагаек у нас нет... против своих, против народа мы не пойдем“». Ходнев командовал отрядом, состоявшим из солдат, казаков 4-го Донского

¹¹⁰ Ленинградский партийный архив, ф. 4000, оп. 5, д. 1319, л. 3—4.

¹¹¹ А. Т а й м и. Страницы пережитого. Петрозаводск, 1955, стр. 171—172.

¹¹² «Былое», 1918, № 1 (29), стр. 169.

казацкого полка и полицейских. Он отдал распоряжение казакам преградить путь к Николаевскому мосту толпе рабочих, шедшей с 6-й линии Васильевского острова. «Подхорунжий, — пишет Ходнев, — не спеша вывел со двора свой взвод, посадил на коней и, подгоняемый мною, двинулся вперед. Толпа уже подошла к набережной и уже слышались крики, шум и какой-то глухой рокот. Каково же было мое изумление и негодование, когда казаки спокойно пропустили толпу, которая махала им флагами, платками, шапками, выкрикивала слова приветствия. Демонстранты, пропустив казаков, снова быстро сомкнулись и бегом кинулись на мост»¹¹³.

Поведение солдат и казаков показывало, что на этот раз армия будет с народом. Из уст в уста передавались радостные, иногда преувеличенные, вести, что солдаты обещают не стрелять, что казаки прогнали полицию и т. д. Это умножало силы революции, укрепляло решимость масс бороться до полного разгрома царизма. Значение этого факта было отмечено и врагами революции. В записке полицейского агента говорилось: «Так как воинские части не препятствовали толпе, а в отдельных случаях даже принимали меры к парализованию начинаний чинов полиции, то массы получили уверенность в своей безнаказанности и ныне после двух дней беспрепятственного хождения по улицам, когда революционные круги выдвинули лозунг: „Долой войну!“ и „Долой правительству!“, народ укрепился в мысли, что началась революция, что успех за массами, что власть бессильна подавить движение в силу того, что воинские части не на ее стороне, что решительная победа близка, так как воинские части не сегодня-завтра выступят открыто на стороне революционных сил, что начавшееся движение уже не стихнет, а будет без перерыва расти до конечной победы и государственного переворота»¹¹⁴.

Подводя итоги событий, происшедших 25 февраля, Департамент полиции отмечал, что этот день следует отметить как чрезвычайно тяжелый в действиях столичной полиции по прекращению уличных беспорядков. Департамент подчеркивал бессилие полиции и сочувствие части солдат и казаков народному движению¹¹⁵.

К вечеру 25 февраля, как и накануне, в Петрограде все стихло. Тускло горели фонари, раздавались одинокие выстрелы, слышались приглушенные возгласы поредевшей толпы. Город как будто замер. Зато в этот вечер ярко горели огни в Александрийском театре: шла премьера лермонтовского «Маскарада». Роскошные декорации, пышные костюмы, богатая постановка, баснословные высокие цены билетов. А недалеко от театра толпы людей требо-

¹¹³ ЦГАОР СССР, ф. 5881, оп. 1, д. 528.

¹¹⁴ «Былое», 1918, № 1 (29), стр. 174.

¹¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. ЧСК, д. 471, л. 35.

вали хлеба. В последней картине «Маскарада» цели панихиду по отравленной Арбениным Нине. Прохождением белой фигуры смерти под панихидные пение фактически закончились и императорский театр и царская Россия! «„Ходынка в начале“ и гримаса великолепного маскарада — в конце. Кровавые крестины и пыльные театральные похороны»¹¹⁶.

25 февраля похороны самодержавия носили еще символический характер; царские власти стояли тогда на страже царского режима и принимали меры к подавлению революции. Полиция проводила аресты демонстрантов. Из сохранившихся протоколов следует, что арестованные обвинялись в том, что они нарушили приказы полиции и установленный порядок. Рабочие Арсенала А. Зайцев и А. Шевчук были арестованы за то, что не выполнили приказ жандармского офицера, а студент Волков за то, что «не выполнил предписания самого градоначальника». Рабочие Ерохин, Станиславенков, вагоновожатый А. Трубач и другие подверглись аресту «за подстрекательство к забастовкам и уличным беспорядкам». Всех их полицейские приставы оштрафовали на крупную сумму¹¹⁷.

Полиция еще имела возможность производить аресты, но охранять арестованных и доводить их до полицейских участков становилось все труднее: толпа нередко отбивала арестованных. Полиция загоняла задержанных демонстрантов во дворы домов, в ожидании пока на главных уличных магистральных будет водворен «порядок», но порядок не водворялся, а арестованные освобождались народной массой. Так, узнав, что во дворе дома № 46 по Невскому проспекту собрано до 60 арестованных рабочих, демонстранты потребовали их немедленного освобождения. Полицейский пристав отказался сделать это, тогда рабочие ворвались во двор этого дома и сами выпустили арестованных¹¹⁸. Группа рабочих подошла к дому № 3 по Казанской улице, во дворе которого находилось 25 арестованных демонстрантов. Рабочие требовали освобождения своих товарищей. Рабочий В. Шепелев рассказывает: «Тут же разъезжали казаки с пагайками и убеждали рабочих разойтись. Как видно, революционный дух рабочих как-то повлиял на казаков. Они становились все нерепительнее. Почувствовав изменение в настроении, кто-то из рабочих крикнул: „Товарищи казаки, присоединяйтесь! Помогите нам освободить наших товарищей!“ Момент был тревожный. Все глаза устремились на казаков. Те съехались в круг и стали шепотом переговариваться. Потом ничего не говоря, с гиканьем и свистом они ворвались во двор, где находились арестованные рабочие...

¹¹⁶ А. Кугель. Последний маскарад. — «Огонек», 1927, 24 апреля.

¹¹⁷ Ленинградский областной исторический архив, ф. 569, оп. 10, д. 443, лл. 54, 59, 61, 64.

¹¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. ЧСК, д. 471, лл. 13—14.

Не ожидая такого яростного натиска, охрана растерялась и через несколько минут сдалась и выдала арестованных, которым мы устроили самую теплую встречу»¹¹⁹.

Освобождение арестованных демонстрантов было характерно для третьего дня революции. Действия рабочих приобретали все более решительный характер. Под вечер 25 февраля демонстранты вернулись в рабочие районы с тем, чтобы на другой день продолжать начатое революционное дело. «До завтра», — говорили они друг другу, покидая Невский. Три дня забастовки и уличной борьбы спаяли и закаляли питерских рабочих и открыли перед ними новые перспективы. На улицах Петрограда завязался последний и решительный бой с царским самодержавием.

Со стороны революционных сил он еще не принял вооруженного характера, но дело шло к этому¹²⁰.

В такой момент с особенной остротой встал вопрос о руководстве революционным движением, развернувшимся с силой стремительного, неудержимого вихря. Вечером 24 февраля собрался наиболее организованный большевистский райком — райком Выборгской стороны. П. Свешников пишет: «Присутствуют все члены райкома, но появляются и новые — гг. Моисеев, Н. И. Медведев, которого вводят в исполнительную комиссию райкома. Настроение приподнятое, но чувствуется отсутствие общего руководства, плохая информация из других районов, настоятельно требуется точная революционная директива ЦК»¹²¹. Такое же настроение царило на совещании партийных работников, собравшихся 24 февраля на квартире Павловых. «Для всех было ясно, — писал А. Шляпников, — что революция началась, Россия „грозилась“. Революционное движение охватило столь широкие круги, что никто не сомневался в том, что наступает решительный бой»¹²². В связи с этим на первый план выдвинулся вопрос о необходимости развернуть братание с солдатами, отвоевать у царизма его

¹¹⁹ В. Шепелев. Февральские дни. — «Огонек», 1927, № 7.

¹²⁰ И. Лейберов в статье «Петроградский пролетариат во всеобщей политической стачке 25 февраля 1917 г.» («Октябрь и гражданская война в СССР», М., 1966) на основании полицейских данных утверждает, что 25 февраля произошло не менее 17 ожесточенных схваток с конной и пешей полицией и жандармерией, причем в 11 схватках рабочие использовали оружие (револьверы в семи случаях, бомбы — в трех, гранаты — в одном) и в шести схватках — камни, бутылки, куски металла и льда, лопаты, поленья. «Эти факты, — заключает Лейберов, — со всей убедительностью свидетельствуют о переходе пролетарских масс Петрограда от мирной обороны к наступлению, к вооруженной борьбе» (стр. 42—43). Однако такой вывод едва ли обоснован. Схваток с полицией было значительно больше, чем можно установить по случайно сохранившимся полицейским донесениям. Вместе с тем на основании 11 случаев «использования оружия» вряд ли можно констатировать переход 25 февраля к вооруженной борьбе.

¹²¹ «Петроградская правда», 14 марта 1923 г.

¹²² А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1, стр. 90.

вооруженную силу или хотя бы нейтрализовать ее. В этих целях было решено усилить работу среди солдат, проникать в казармы, устанавливать там боевые связи и добывать оружие.

П. Залуцкий рассказывает, что некоторые члены Петербургского комитета сначала опасались дальнейшего развертывания борьбы, так как царизм вводил в дело войска и казаков. Но вскоре все согласилось, что начавшееся движение необходимо усилить и углубить, вовлекая в него солдат. Против втягивания в активное движение солдат продолжал возражать лишь один Озол (Черномор), впоследствии разоблаченный как провокатор. «Но Исполнительная комиссия Петербургского комитета была вся против него на нашей стороне»¹²³.

25 февраля Петербургский комитет большевиков наметил широкий план действий, направленных на развитие и углубление революции. К сожалению, он сохранился только в подпольском изложении. В записке, хранящейся в архиве Департамента полиции и, судя по содержанию, относящейся к 25 февраля, говорится: «Петроградская организация РСДРП по истечении двух дней происходящих в Петрограде волнений решила использовать в партийных целях возникшее движение и, взяв руководство участвующих в нем масс в свои руки, дать ему явно революционное направление, для чего названной организацией предложено 1) издать сегодня 25 февраля листовку (проект ее прилагается), 2) завтра 26 февраля утром созвать комитет для разрешения вопроса о наилучшем и целесообразном порядке управления уже возбужденными, но недостаточно еще организованными массами бастующих рабочих. При этом предполагено, в случае принятия правительством энергичных мер к подавлению происходящих беспорядков, в понедельник 27 февраля приступить к устройству баррикад, прекращению электрической энергии, порче водопровода и телефонов». В этом же документе говорилось, что петроградская организация большевиков решила немедленно образовать на предприятиях заводские комитеты (видимо, партийные), которые должны были выделить из своего состава представителей в «Информационное бюро для руководства заводскими комитетами» и передачи им директив Петербургского комитета РСДРП. В дальнейшем предполагалось преобразовать «Информационное бюро» в Совет рабочих депутатов «по типу функционировавшего в 1905 году»¹²⁴. В записке Департамента полиции говорилось также, что Бюро Центрального Комитета

¹²³ П. Залуцкий. В последние дни подпольного Петербургского комитета большевиков в начале 1917 г. — «Красная летопись», 1930, № 2 (35), стр. 37.

¹²⁴ ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1917 г., д. 5, ч. 97, лл. 30—32. В черновике документа намеченные мероприятия ошибочно датируются днем раньше.

РСДРП командировало делегатов в Москву и Нижний-Новгород с партийными поручениями.

Имеющиеся материалы не дают возможности выяснить, как осуществлялся изложенный план. Назначенное на утро 26 февраля заседание Петербургского комитета РСДРП вследствие ареста членов Комитета не состоялось. Но, судя по воспоминаниям А. Шляпникова, приведенный нами полицейский документ правильно передает намерения петербургских большевиков.

25 февраля Петербургский комитет РСДРП выпустил листовку, текст которой, как пишет Шляпников, был написан членами Бюро ЦК. Листовка начиналась следующими словами: «Жить стало невозможно. Нечего есть. Не во что одеться. Нечем топиться. На фронте — кровь, увечье, смерть. Страна разорена. Нет хлеба. Надвинулся голод». Кто виноват? — спрашивала листовка и давала четкий ответ. Виновата царская власть и буржуазия. Это они грабят народ и ради барышей и захватов новых земель тянут без конца войну и гонят народ на бойню. «Либералы и черносотенцы, министры и Государственная дума, дворянство и земство — все слилось во время войны в одну озверелую шайку». Бросая грозное обвинение царизму и буржуазии, большевики призывали рабочих на улицу, на борьбу за себя, за детей, за братьев.

Листовка Петербургского комитета РСДРП призывала рабочих и солдат организоваться для борьбы против угнетателей и для этого прежде всего создавать «Комитеты Российской социал-демократической рабочей партии» по мастерским, по заводам, районам, городам и областям, по казармам, по всей России. «Это будут комитеты борьбы, комитеты свободы. Объясняйте крестьянам, горожанам, солдатам, что их спасение только в победе социал-демократов. Надвинулось время открытой борьбы. Забастовки, митинги, демонстрации не ослабят организацию, а усилят ее. Пользуйтесь всяким случаем, всяким удобным днем. Всегда и везде с массой и со своими революционными лозунгами. Пусть припешняки капитала назовут наши действия стачечным азартом и вспышкопускательством — спасение в немедленной и повседневной борьбе, а не в откладывании ее на дальний срок. . . Отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок к революции и в других странах. Вперед! Борьба, но нас ждет верная победа. Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует Демократическая республика! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует Социалистический Интернационал!»¹²⁵

На заседании Бюро ЦК РСДРП, состоявшемся вечером 25 февраля, П. Залуцкий сделал сообщение о положении дел в районах

¹²⁵ «Листовки петербургских большевиков», т. II, стр. 249—250.

Петрограда. Выяснилось, что обстановка в районах сложилась очень благоприятная, подпольные большевистские организации стремятся схватить начавшееся движение, направив его на путь революционных демонстраций и братания с солдатами. Стачка приняла всеобщий характер и протекает при повышенном и боевом настроении рабочих. Рабочие решили продолжать стачку до полной победы над царизмом. И в целях достижения этой победы добиться присоединения к революции солдат. «Связи с казармами у Петербургского комитета и по районам налаживались. Особенно энергично действовал в этом направлении Выборгский район. Там стояло несколько запасных полков и команды самокатчиков, среди которых наши товарищи начали вести усиленную агитацию... За жизнью и деятельностью солдат в казарме следили тысячи рабочих. От них не укрылось царившее в казармах беспокойство, малейшие признаки неподчинения солдат бодрили и вселяли надежды на победу»¹²⁶.

«В казармы! К солдатам!» — такова была важнейшая задача дня. Петербургский комитет РСДРП обратился к солдатам с призывом перейти на сторону народа. «Братья солдаты! — говорилось в листовке П. К. — Третий день мы, рабочие Петрограда, открыто требуем уничтожения самодержавного строя, виновника льющейся крови народа, виновника голода в стране, обрекающего на гибель ваших жен и детей, матерей и братьев. Помните, товарищи солдаты, что только братский союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение поработанному народу и конец братоубийственной бессмысленной бойне. Долой царскую монархию! Да здравствует братский союз революционной армии с народом!»¹²⁷.

С призывом к дальнейшей борьбе выступали в эти дни и межрайонцы. 24 февраля Межрайонный комитет РСДРП выпустил листовки к рабочим и солдатам. В листовке к рабочим говорилось: «Не разгромом лавок, не хождением в Думу уничтожен будет голод. Только революция выведет нас из тупика войны и разорения. Готовьтесь, товарищи! Не дремлет наш враг. Уже два дня, как выброшены на улицу 30 тысяч путиловцев, требовавших обратного принятия уволенных товарищей. Организуйтесь, товарищи! Ближайте час расплаты с вековым врагом»¹²⁸. Межрайонцы предложили объявить трехдневную стачку протеста против увольнения 30 тысяч путиловцев, «против бойни народов, против самодержавного произвола, против царящего голода», устроить сборы в пользу путиловцев и нелегальной рабочей печати. Они призывали рабочих связаться с армией, поднимать на борьбу солдат, всем вместе бороться за демократическую республику, за

¹²⁶ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1, стр. 109.

¹²⁷ «Листовки петербургских большевиков», т. II, стр. 250—251.

¹²⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 151, л. 1.

социализм, за создание Временного революционного правительства и созыв Учредительного собрания.

Листовки межрайонцев отражали вчерашний день революционного движения. Революция уже началась, и боевым лозунгом дня не могла быть трехдневная стачка протеста; борьба должна была продолжаться теперь до полной победы над царизмом, а победу можно было завоевать в уличных боях. И. Юренев признал, что в листовках межрайонцев «нашла свое выражение неуверенность в том, что настоящий бой есть решающий, а призыв к солдатам был по-своему половинчат. В нем мы не звали солдат к непосредственному восстанию»¹²⁹. Несмотря на это, решительный протест против империалистической войны и политики царизма, выраженный в листовке межрайонцев, имел положительное значение.

На улицах Петрограда вместе с рабочими-большевиками боролась рабоче — меньшевьяки, эсеры, беспартийные. В ходе этой борьбы проявилось единство их цели и сложилось единство их действий. Программа-минимум социал-демократии: знаменитые «три кита» — демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель — вошли в плоть и кровь передовых слоев рабочего класса и активно поддерживались широкими массами трудящихся. С лозунгом: «Долой царизм!» по улицам столицы шествовали мужчины и женщины, рабочие и служащие, студенты и учащиеся.

Несмотря на разрозненность движения, на отсутствие единого руководящего центра, восставшие придерживались общей тактики. Они выходили с фабрик и заводов на улицу, объединялись в мощные демонстрации, стремясь привлечь на свою сторону вооруженную силу самодержавия. По мере развития революции борьба за войско становилась главной задачей восставших, от решения которой зависел исход завязавшегося сражения. К этому призывали рабочую массу большевики; эта задача была подсказана рабочим уроками всей предшествующей борьбы; это был наиболее верный путь к намеченной цели.

Общие действия рабочих не направлялись, однако, совместными выступлениями партийных центров. В отличие от большевистских организаций организации других партий проявляли в эти дни слабую активность. Эсеры вообще не имели тогда единого центра. В. Зензинов отмечал, что к моменту революции в Петрограде «партийная эсеровская организация была разбита — кое-где на окраинах работали лишь одиночки, распространяли в разной степени модельные прокламации»¹³⁰. В дни революции существовала лишь небольшая группа эсеров левого направления (П. Александрович, С. Масловский и др.), действовавшая вместе с межрайонцами. Два руководящих органа меньшевиков — Орга-

¹²⁹ «Пролетарская революция», 1924, № 2 (25), стр. 141.

¹³⁰ В. Зензинов. Указ. соч., стр. 190.

низационный комитет и «Инициативная группа» стояли в первые дни революции в стороне от событий. Член «Инициативной группы» О. Ерманский писал: «События разрастались очень быстро. Забастовка сделалась всеобщей... Если бы меня в это время спросили, что из этого движения получится, я бы ничего определенного ответить не мог... Руководства движением и выступлением масс не видно было. Что делали в то время другие партийные организации, я не знаю. Что касается нашей, правда, слабой Инициативной рабочей группы, то она за эти дни не собиралась; она существовала как сумма единиц, но не как целое»¹³¹.

Лидеры эсеров и меньшевиков выступали против самодержавно-помещичьего строя и считали, что этот строй должен быть заменен буржуазной властью. Они видели задачу пролетариата в том, чтобы содействовать установлению этой власти.

Вот почему в эти решающие дни революции меньшевистские и эсеровские деятели тянулись на совещания с руководителями Думы, чтобы совместно обсудить вопрос о создании буржуазной власти. Эсеры и меньшевики имели в составе своих организаций рабочих, но выражали интересы мелкобуржуазных слоев населения, страдавших от бесправия, полицейских репрессий, стеснений цензуры и желавших, чтобы на смену царизму пришла парламентские порядки, существовавшие в Западной Европе. Они опасались, что революционная борьба, развернувшаяся на улицах Петрограда, может выйти за данные рамки и отпугнет буржуазию. Депутаты социал-демократической и трудовой фракций Государственной думы, публицисты, литераторы, кооператоры собирались в эти дни на частных квартирах, обменивались мнениями, дискутировали... Разговор обычно начинался с обсуждения производственного вопроса, а заканчивался обсуждением текущих политических событий. Призывы к боевым уличным действиям звучали на этих совещаниях одиноко. Большинство доказывало необходимость действовать умеренно, не забегая вперед и держа равнение на Государственную думу.

Совещания мелкобуржуазных деятелей часто происходили на квартире адвоката Н. Соколова. Хозяин квартиры, в недавнем прошлом большевик, в годы войны занимал оборонческие позиции и имел широкие связи в разнообразных политических кругах. К нему приходили деятели различных направлений, в том числе представители народнических групп — А. Керенский, Н. Рusanов, В. Зензинов, В. Чернолуцкий и др. Участник этих бесед Н. Суханов рассказывает, что собравшиеся обсуждали проблемы войны и власти; они считали, что начавшееся движение победит только в том случае, если к нему присоединится буржуазия, и опасались, что атявоенные лозунги, выдвинутые большевиками, отпугнут ее. Но мелкобуржуазные деятели не могли оказать тогда суще-

¹³¹ О. Ерманский. Указ. соч., стр. 141—142.

ственного влияния на движение. Н. Суханов признает: «Я чувствовал себя совершенно оторванным от центров революции и вполне бессильным что-либо сделать. Ни малейшего влияния на руководящие центры движения я за собой не числил. . . И кроме сознания бессилия как-либо повлиять на события, в моем мозгу ничего не было во время беседы с Соколовым»¹³².

Н. Суханов был активным сотрудником журнала «Летопись», выходившего под редакцией Максима Горького. Вокруг этого журнала группировались представители демократической интеллигенции. В дни революции к Горькому заходило немало людей поделиться впечатлениями, расспросить, разузнать, посоветоваться. Бывали здесь и большевики, связанные с Горьким давними традициями. Возникали споры, в ходе которых четко обозначился водораздел между двумя лагерями — мелкобуржуазным и пролетарским. Большевики и эсеры доказывали необходимость установления буржуазной власти и призывали, как говорил Суханов, «работать на Милюкова». Большевики отстаивали необходимость установления диктатуры пролетариата и крестьянства. Суханов отмечал, что, в отличие от литераторов-интеллигентов, большевики представляли другую среду. Они приходили «прямо от рабочих котлов и партийных комитетов. Эти люди в эти дни варились совершенно в иной работе, обслуживая технику движения, форсируя решительную схватку с царизмом, организуя агитацию и нелегальную печать»¹³³.

Политические вопросы стали теперь обсуждаться не только в узком кругу на частных квартирах, но и на более широких открытых собраниях. 25 февраля Петроградский Союз рабочих потребительских обществ по соглашению с социал-демократической фракцией Государственной думы созвал собрание представителей рабочих районов столицы. Присутствовало человек 30—35. Кроме рабочих, здесь были Чхеидзе, Череванин, Копелинский и другие меньшевистские деятели, связанные с легальным рабочим движением. Собрание заслушало доклады с мест и постановило в целях лучшей организации рабочего движения создать по примеру 1905 г. Совет рабочих депутатов.

Вечером того же дня избежавшие ареста члены Рабочей группы Военно-промышленного комитета — Я. Анасовский и Я. Остапенко созвали представителей рабочих и работников кооперативов, чтобы обсудить продовольственный вопрос. Собрание собиралось открыто, по заранее разосланным повесткам. Но в здание Военно-промышленного комитета явилась полиция, закрыла собрание и задержала его участников. Вызванный в связи с этим М. Терещенко застал в помещении Комитета полицию и отряд солдат запасного батальона Вольнского полка. Попытка Тере-

¹³² Н. Суханов. Указ. соч., стр. 35—36.

¹³³ Там же, стр. 39.

щенко убедить пристава в законности созванного собрания была безуспешна; пристав и офицер полка были неумолимы. 28 рабочих были доставлены под конвоем в полицейский участок. Там рабочих допросили, часть из них оставили под арестом, часть отпустили домой. М. Терещенко вспоминает, что один из задержанных рабочих весело сказал, обращаясь к остальным: «„Еще одно усилие — и дело будет наше! Только не сдавайтесь!“ Мне было странно, что при такой обстановке может быть такое настроение, что при таких условиях можно говорить об успехах»¹³⁴. Арестовывая рабочих, царские власти не решались применить такую же меру к буржуазным деятелям.

В тот же день 25 февраля продовольственный вопрос обсуждала Петроградская дума. Это было необычное заседание купеческо-домовладельческой Думы. В большой белый зал Думы на Невском проспекте явились не только гласные, но и представители общественных организаций и рабочих. Такой состав присутствующих и мощная демонстрация, происходившая тут же около Думы на Невском, оказали решающее влияние на ход собрания. Выступавшие заявляли, что в тяжелом продовольственном кризисе виновато правительство, игнорировавшее помощь общественности. Собранию было сообщено, что царские власти и теперь тормозят ликвидацию этого кризиса, запретив избирать в продовольственные комитеты рабочих. В ответ на это многие предлагали «не считаясь с тем, что думают в высших сферах», произвести выборы от рабочих в явочном порядке...

В ходе собрания продовольственный вопрос был отодвинут на второй план; обсуждалось положение, создавшееся в столице в связи с выступлениями рабочих и действиями царского правительства. Возмущение этими действиями особенно возросло, когда стало известно о расстреле демонстрантов на Невском, и во время собрания в здание Думы были внесены раненые. «Надо что-то сделать и не позже завтрашнего утра», — заявил по поводу расстрела рабочих один из выступавших. Кто-то крикнул из зала: «Надо, чтобы не стреляли в народ». Кадет Коган указывал, что «надо обсуждать не продовольственный вопрос, а считаться с фактом начавшейся революции и сделать все для того, чтобы руководство ею не было захвачено „безответственными элементами“». Он настаивал на том, чтобы кадеты и другие «прогрессивные» силы, т. е. буржуазные партии, немедленно взяли на себя руководство революцией¹³⁵.

Вскоре поступило сообщение, что рабочие, направлявшиеся в Городскую думу, чтобы изложить свое мнение по продовольственному вопросу, арестованы полицией. Собрание поручило

¹³⁴ Личный фонд М. Полневикова. Материалы Комиссии опросов. Беседа с М. Терещенко.

¹³⁵ А. П. Александров. За Нарвской заставой. Л., 1963, стр. 126.

городскому голове П. Лелянову и гласному А. Шингареву вступить в переговоры с правительством о немедленном освобождении арестованных. Оба представителя Думы вскоре возвратились, поведав присутствующим, что председатель Совета министров Голицын ничего не знает о случившемся и обещает выяснить причину ареста рабочих. В такой обстановке вопрос о продовольствии перенос в вопрос о власти. Представитель рабочих кооперативов Волков указал, что успешно бороться с продовольственными затруднениями можно только при демократизации политического строя, что «никакой гарантии от правительства рабочим не надо, ибо они в посулы правительства совершенно не верят». То же утверждал и рабочий Савельев: «Мы не верим „верховой власти“, ибо она ведет братоубийственную войну и загнала нас в голод». Гласный Шитиков заявил, что нынешнее правительство, как совершенно неспособное, должно уйти и дать место коалиционному кабинету. М. Скобелев предлагал использовать растерянность властей и заставить уйти правительство, проливающее кровь невинных людей и «борющееся с продовольственным кризисом путем расстрела едоков»¹³⁶.

Собрание в Городской думе 25 февраля не приняло решения о власти. Оно вынесло постановление только по продовольственному вопросу, заявив, что городское самоуправление возьмет на себя организацию продовольственного дела, при условии обеспечения правительством достаточного подвоза продуктов и привлечения к участию в продовольственном деле представителей всех слоев населения. Несмотря на то, что Дума ограничилась принятием решения только по вопросу о продовольствии, собрание в Городской думе отразило глубокие сдвиги, происходившие в среде мелкой буржуазии под влиянием рабочего движения. Мелкобуржуазные элементы, качнувшись влево, заговорили о смене власти. Царская охранка окрестила это собрание «революционным митингом», вспомнив при этом митинги 1905 г. и возмущаясь тем, что председатель собрания не прерывал ораторов.

От бурных событий, развернувшихся на улицах столицы, не могли укрыться и депутаты Государственной думы. До Таврического дворца все явственнее доносилось дыхание революционной улицы. На второй день революции — 24 февраля Государственная дума продолжала рассматривать продовольственный вопрос. С трибуны Думы снова приводились цифры, делались расчеты и выкладки, говорилось о работе правительственных органов и городских самоуправлений, о расстройстве железнодорожного транспорта, о твердых ценах и разверстке в отдельных губерниях и во всей империи. Вскоре рассмотрение продовольственного вопроса пришлось ограничить рамками столицы. Дума обратилась

¹³⁶ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1. Приложения, стр. 332—334.

с запросом к председателю Совета министров — какие меры принимает правительство для урегулирования продовольственного вопроса в Петрограде.

Депутаты Государственной думы были крайне встревожены бурными событиями в Петрограде. Они говорили, что наступил опасный момент, выступила улица и надо тушить пожар. Депутат Думы священник С. Крылов начал свою речь словами: «Я вышел на эту кафедру под свежим впечатлением того, что я только сейчас видел на улицах Петрограда. . . Я видел сейчас, что громадная масса народа залила, буквально залила всю Знаменскую площадь, весь Невский проспект и все прилегающие улицы». Крылов призывал дать хлеб населению, навести порядок, «а не заставлять голодных людей с самого утра и до ночи стоять на морозе, ища и добывая себе какой-нибудь несчастный кусок хлеба»¹³⁷. Думцы видели единственный выход из создавшегося положения в передаче продовольственного дела в руки городского самоуправления, которое привлечет к участию в этом деле жителей городов и их общественные («обывательские») комитеты. Многие депутаты выражали надежду, что правительство, наконец, услышит их голос и передаст решение продовольственного вопроса самому населению.

Но, как и накануне, некоторые ораторы выражали сомнение: способна ли нынешняя власть справиться с положением. Кадет Ф. Родичев сказал, что власть ведет государство к гибели, что страна стоит перед пропастью, но еще есть время остановиться и не рухнуть в нее. Для этого нужно сменить власть. «Мы требуем призыва к ней людей, которым вся Россия может верить, мы требуем прежде всего изгнания отсюда людей, которых вся Россия презирает»¹³⁸. Разговоры кадетов о призыве одних и изгнании других министров означали, что и перед лицом начавшейся революции либеральная буржуазия стремилась к смене лиц, а не к смене режима. Кадеты намеревались не разрушить, а подремонтировать и обновить обветшалое здание царской монархии.

Меньшевицкая и трудовая фракции Думы пытались толкнуть буржуазных лидеров влево. Они призывали депутатов Думы отказаться от соглашения с царизмом. Н. Чхеидзе говорил о противоположности интересов народа и царизма, о том, что с царским правительством компромиссов не должно быть. Он предлагал Думе возглавить поднявшееся движение и использовать его для устранения царской власти. «Улица заговорила, — указывал Чхеидзе, — единственное, что остается теперь в наших силах, единственное средство — дать этой улице русло, идя по которому и организуясь,

¹³⁷ «Государственная дума. Стенографический отчет. Четвертый созыв. Сессия V», стр. 1730—1731.

¹³⁸ Там же, стр. 1714.

ей дана была бы возможность иметь то самое правительство, которое ей нужно»¹³⁹.

Меньшевики и эсеры стремились направить энергию и активность рабочих на участие в кооперативах, общепатриотических комитетах и других общественных организациях. Они добивались, чтобы этим организациям была предоставлена свобода деятельности, а рабочим и всему городскому населению дали бы возможность таким образом участвовать в урегулировании продовольственного вопроса. А. Керенский на заседании Думы 24 февраля говорил, что начавшееся движение ведет страну к анархии, когда «разум страны гаснет, когда захватывают ее стихии голода и ненависти». Он призывал немедленно создавать самочинные общественные, рабочие, демократические организации, которые создадут оплот против «разнузданных страстей», оплот против стихии, сформируют организованное общественное демократическое мнение и подготовят массы к действиям¹⁴⁰.

Почти весь день 24 февраля Государственная дума обсуждала продовольственный вопрос. Но решений принято не было. Между тем события в Петрограде принимали все более широкие размеры. Родзянко заявил депутатам, что обострившееся положение требует быстрых и неотложных мер для успокоения населения. Он снесся с правительством, и вечером того же 24 февраля в Мариинском дворце под председательством князя Голицына состоялось экстренное совещание по продовольственному вопросу. В нем участвовали царские министры, руководящие деятели Государственной думы и Государственного Совета, городской голова и председатель губернской земской управы. Царское правительство в течение длительного времени упорно отказывалось передать продовольственное дело в ведение городского самоуправления, но теперь, когда на улицах столицы развернулось могучее движение, связанное с нехваткой продовольствия, царские министры стали сговорчивее. На совещании в Мариинском дворце они, наконец, согласились сосредоточить продовольственное дело в руках Городской думы.

На другой день — 25 февраля А. Риттих сообщил Государственной думе, что правительство готово немедленно, сегодня или завтра, передать продовольственное дело городскому самоуправлению. Риттих уверял думцев, что в Петрограде имеется достаточный запас муки, а громадные хвосты у хлебных лавок объясняются каким-то недоразумением или паникой. Дума одобрила передачу продовольственного дела городским самоуправлением и поручила своим комиссиям разработать соответствующий законопроект. Лучше поздно, чем никогда, — говорили депутаты. Но многие сомневались: не слишком ли поздно? Во всяком случае

¹³⁹ «Государственная дума. Стенографический отчет. Четвертый созыв. Сессия V», стр. 1723.

¹⁴⁰ Там же, стр. 1728.

Дума заявила, что городское самоуправление может взять на себя продовольственное дело при условии, если правительство не будет препятствовать работе общественных комитетов и обеспечит подвоз хлеба.

Дума не собиралась переступить «рамки закона». Она не приняла предложения о необходимости отстранения нынешнего правительства, о создании нового правительства, подчиненного контролю народа, о гарантировании населению свободы слова, собраний, организаций и личности. И все же дни ее были сочтены. Заседание 25 февраля оказалось последним. Вопрос о новом роспуске Думы был предрешен. Следующее заседание, назначенное на 28 февраля, уже не состоялось.

В этот решающий для страны момент буржуазия пребывала в состоянии растерянности. Она не знала, как отнестись к движению, развернувшемуся на улицах столицы. Буржуазия боялась народа и потому не могла поддержать его борьбу против царизма, но и не решалась поддержать царские власти. Как рассказывает кадет С. Гессен, празднество, состоявшееся 24 февраля по случаю очередной годовщины газеты «Речь», скорее походило на панихиду: «шампанское не могло разогнать угрюмого настроения, развязать языки, не о чем было спорить и говорить и неловко было смотреть в глаза друг другу, поставить вопрос, что значат дописавшиеся с улицы выстрелы, пытавшиеся рассеять народное скопление»^{140а}. Думские лидеры видели, что над царской мовархией нависают грозные тучи и хотели спасти ее. Некоторые из них считали, что если продовольственное дело перейдет в руки городского самоуправления, а правительство Голицына подаст в отставку, царизм сможет удержаться у власти. «Я убежден, — говорил Родзянко впоследствии, — что если бы это исполнилось и если бы еще 25-го нам дали бы вместо них ответственное министерство и Александра Федоровна выехала бы на постоянное жительство в Ливадию, удалось бы сдержать движение, революцию удалось бы победить. Это был спасительный якорь»¹⁴¹. Но М. Родзянко заблуждался, спасительного якоря для царизма уже не было.

Само царское правительство сначала не придавало серьезного значения происходящим событиям. А. Протопопов заявлял министрам, что ничего тревожного не происходит. На заседании Совета министров, состоявшемся 24 февраля, он утверждал, что «взбунтовалось хулиганье», с которым полиция легко справится. Но уже на другой день — 25 февраля — на заседании Совета министров Голицын сообщил, что, вопреки уверениям Протопопова, народные волнения принимают угрожающий характер и надо об-

^{140а} С. Гессен. В двух веках. Берлин, 1937, стр. 355.

¹⁴¹ Личный фонд М. Ползевикова. Материалы Комиссии опросов. Беседа с М. Родзянко.

судить, что делать. Тщетно Протопопов снова заверял министров, что опасения неосновательны: полиция на чеку и вооружена с ног до головы, а Хабалов обещал выставить 30 тыс. солдат с артиллерией и бронемашинами для подавления мятежа. Им уже никто не верил. Н. Покровский и некоторые другие министры заявили, что подавление волнений силой оружия ни к чему не приведет, что необходимо пойти на серьезные уступки и сформировать новый кабинет из лиц, популярных в думской среде. В качестве возможных кандидатов в новые министры называли графа П. Н. Игнатьева, А. А. Поливанова, генерала М. В. Алексеева и других.

Совет министров искал мирного выхода из создавшегося положения. Он постановил войти в сношения с руководителями Государственной думы и лидерами думских фракций для выяснения возможности достижения соглашения с ними¹⁴². Правительство поручило вести переговоры с думскими деятелями Покровскому и Ряттиху.

Эти министры беседовали с депутатами Думы — Н. Савичем, В. Маклаковым, П. Балашовым и И. Дмитриюковым. Савич заявил, что единственным выходом было бы образование министерства, ответственного перед Думой. Он предлагал тотчас же начать формирование нового кабинета, а пока будет идти такое формирование, прервать работу Думы. Дмитриюков тоже высказался за немедленное образование ответственного министерства, но считал нецелесообразным распускать Думу, хотя бы и на короткий срок. Царские министры отвергли предложение об образовании ответственного министерства. Из их переговоров с думскими деятелями ничего не получилось.

Примерно в это же время состоялась встреча председателя Государственной думы с председателем Совета министров. Родзянко пытался убедить Голицына добровольно уйти в отставку. Но Голицын не хотел следовать этому совету. «Оказалось, — сообщал Родзянко, — что красноречие не жгло его сердце, он не внял моим увещаниям, а наоборот. „Вы хотите, чтобы я ушел, а вы знаете, что у меня в папке?“» И Голицын передал Родзянке папку с царским указом о роспуске Государственной думы. Указ о роспуске Думы был подписан царем 13 февраля накануне открытия думской сессии, на всякий случай. Голицыну, как и его предшественникам, не было необходимости обращаться к царю за санкцией о сроке роспуска Думы. Это было предоставлено его собственному усмотрению: премьер-министр сам мог проставить срок роспуска и решить, в какой день обнародовать уже подписанный царский указ.

Голицын угрожал Родзянко роспуском Думы, зная, что думские лидеры очень боялись этого. Одновременно в том же разговоре Голицын предлагал Родзянко мировую. «Это я про запас», —

¹⁴² «Падение царского режима», т. VII. М.—Л., 1927, стр. 158.

кинул он в сторону папки с указом. А пока что премьер-министр попросил председателя Государственной думы созвать видных думцев для дружеской беседы с ним: «Соберемся, поговорим. Нельзя постоянно жить на ножах», — убеждал Голицын. В свою очередь и Родзянко взывал к миролюбию, предлагая Голицыну «вложить нож в ножны». Голицын обещал позвонить Родзянко, чтобы условиться о месте и времени предстоящей встречи с думцами. Но эта встреча так и не состоялась.

Совет министров решил распустить Думу и отложить вопрос об изменениях в составе правительства. Стараясь достигнуть соглашения с думскими лидерами, царские министры не хотели делать им никаких уступок. Упорство царского правительства вело его к изоляции и ослабляло его власть. В донесении полицейского агента от 26 февраля 1917 г. говорилось: «Усугубляет положение то, что буржуазные круги тоже требуют смены правительства, т. е. правительство остается без поддержки от кого-либо, но в данном случае есть и отрадное явление: буржуазные круги требуют только смены правительства и стоят на точке зрения продолжения войны до победного конца, а рабочие выдвигают лозунги: „Хлеба, долой правительство и долой войну!“ Этот последний пункт вносит разлад между пролетариатом и буржуазией, и только в силу этого они друг друга не желают поддерживать. Эта рознь взглядов является тем хорошим для правительства обстоятельством, которое дробит силы и распыляет начинания отдельных кругов»¹⁴³. Однако события разворачивались столь быстро и решительно и революция зашла так далеко, что возможность использования правительством розни между буржуазией и пролетариатом делалась все более ограниченной.

Из всех лиц, имевших отношение к самодержавию, сам царь узнал о революционных событиях в Петрограде едва ли не последним. Более двух месяцев Николай II находился в Царском Селе и уехал оттуда в Ставку главнокомандующего 22 февраля, накануне начала революционных событий. Казалось, что ничто не предвещало бурю. Мы уже отмечали, что царские власти не предполагали, что в ближайшие дни в стране могут произойти серьезные события, иначе царь едва ли уехал бы в Ставку. В вагоне Николай II прочел письмо от жены. Она писала об ужасном времени, о том, что ей хочется в такое время услышать «утешающий и одобряющий» голос Распутина, о том, что царю необходимо проявить твердую власть. «Кажется, дела поправляются. Только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку... с тех пор как они стали „чувствовать“ тебя и Калинина (так именовала царица Протопопова. — Э. В.), они начали успокаиваться... где бы ты ни был, их должен охватывать все тот же трепет»^{143а}. Александра

¹⁴³ «Былое», 1918, № 1 (29), стр. 174—175.

^{143а} «Переписка Николая и Александры Романовых», т. V. М.—Л., 1927, стр. 209.

Федоровна считала, что Николай гораздо нужнее в столице, чем в Ставке, и просила его дней через десять вернуться домой. Николай, действительно, вернулся дней через десять, но уже перестав быть царем.

Жизнь царя и его окружения в Ставке текла по заранее установленному порядку. Как всегда, в половине десятого утра Николай II приходил в штаб, где выслушивал доклад генерала Алексева, затем следовали завтрак, прогулка, чай, чтение почты, обед... Ничего особенного не предвиделось, никакие перемены не намечались. Генерал Дубенский, превратившийся из специалиста по коневодству и черносотенного издателя в царского историографа (Ставка поручила ему описывать поездки царя), 24 февраля записал в своем дневнике: «Тихая бесталавная жизнь, все будет по-старому. От „Него“ (так Дубенский называл царя. — Э. Б.) ничего не будет, может быть, только случайные внешние причины, кои заставят что-либо изменить».

Николай II тоже вел дневник, вел давно, регулярно, изо дня в день. Но напрасно было бы искать на страницах дневника правителя Российской империи упоминаний о крупных политических событиях того времени. Дневник состоял из перечисления мелких фактов обыденной жизни. В нем наглядно проявились пустота интересов, ограниченность и ничтожность последнего русского самодержца. 23—26 февраля 1917 г. Николай II отмечал в своем дневнике: «Читал все свободное время франц[узскую] книгу о завоевании Галии Цезарем... пообедал со всеми иностранцами и нашими... заехал в монастырь и приложился к иконе божьей матери. Сделал прогулку по шоссе на Оршу. В 6 ч. пошел ко всенощной... Написал Аликс и поехал по Бобр[уйскому] шоссе к часовне, где погулял. Погода была ясная и морозная. После чая читал и принял сен. Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино»¹⁴⁴. В то время, как царь ходил к всенощной и играл в домино, на улицах Петрограда развертывалась борьба за свержение царизма.

Ближе к событиям находилась царица. Но и к ней в Царское Село доходили очень смутные сведения о происходящем. А. Протопопов по телефону сообщал в Царское Село успокоительные сведения о положении в столице и заверял царицу, что все скоро успокоится и войдет в обычное русло. Получая такие сведения, Александра Федоровна в письмах к царю упоминала о петроградских событиях, как о незначительных беспорядках, происходящих на продовольственной почве. 24 февраля она писала: «Вчера были беспорядки на В. [Васильевском] острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные»¹⁴⁵. 25 февраля царица сообщала царю: «Это — хулиганское движение, мальчишки и дев-

¹⁴⁴ «Красный архив», 1927, № 1 (20), стр. 135—136.

¹⁴⁵ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. V, стр. 214.

чонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, — и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя».

Вместе с тем, не дожидаясь, пока все «пройдет и успокоится», Александра Федоровна в том же письме предлагала принять немедленные меры к водворению порядка, ввести карточную систему и милитаризировать предприятия. «Забастовщикам прямо надо сказать, чтоб они не устраивали стачек, иначе будут посылать их на фронт или строго наказывать. Не надо стрельбы, нужно только поддерживать порядок и не пускать переходить мосты, как они это делают»¹⁴⁶. 26 февраля в день, когда на улицах Петрограда расстреливались рабочие демонстранты, Александра Федоровна посетила могилу Распутина, чтобы найти успокоение от волнений последних дней... «Мне кажется, что все будет хорошо, — писала она мужу, — солнце светит так ярко, и я ощутила такое спокойствие и мир на Его дорогой могиле! Он умер, чтобы спасти нас».

Слухи о волнениях в Петрограде дошли до Ставки от случайно приезжавших лиц, — правительство и военные власти Петрограда долго не решались «тревожить» царя, надеясь, что все обойдется благополучно. Только на третий день революции весть о ней дошла до царя. В 5 час. вечера 25 февраля Хабалов направил первую телеграмму в Ставку Верховного главнокомандования, в которой сообщал: «Доншу, что 23 и 24 февраля вследствие недостатка хлеба на многих заводах возникла забастовка; 24 февраля бастовало около 200 тысяч рабочих, которые насильственно снимали работавших. Движение трамвая рабочими было прекращено. В середине дня 23 и 24 февраля часть рабочих прорвалась к Невскому, откуда была разогнана... Сегодня, 25 февраля, попытки рабочих проникнуть на Невский успешно парализуются. Прорвавшаяся часть разгоняется казаками»¹⁴⁷.

Из сообщения Хабалова можно было сделать заключение, что ничего особенного не произошло и порядок в столице сохраняется. Но конец сообщения противоречил его общему успокоительному тону. Хабалов писал: «В подавлении беспорядков кроме петроградского гарнизона принимают участие пять эскадронов 9 запасного кавалерийского полка из Красного Села, сотня лейб-гвардии сводно-казацкого полка из Павловска и вызвано в Петроград пять эскадронов гвардейского запасного кавалерийского полка»¹⁴⁸. Из этого следовало, что «беспорядки» приняли серьезный оборот, раз для их подавления силы петроградского гарнизона оказались

¹⁴⁶ Там же, стр. 218—219.

¹⁴⁷ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 4.

¹⁴⁸ Там же, стр. 4—5.

недостаточными и пришлось привлекать воинские части из окрестностей столицы.

Узнав о событиях в Петрограде, царь направил грозное предписание столичным властям. Вечером 25 февраля он подписал телеграмму Хабалову, в которой говорилось: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай». На другой день царь писал жене: «Я надеюсь, что Хабалов сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старик Голицын не потерял голову»¹⁴⁹. Но случилось все наоборот. Хабалов не сумел остановить «уличные беспорядки», Протопопов не мог дать ему никаких инструкций, старик Голицын потерял голову. По словам Хабалова, предписание царя о прекращении беспорядков хватило его обухом по голове: «Как прекратить завтра же? ... Когда говорили: „хлеба дать“, — дали хлеба и кончено. Но, когда на флагах надпись „долгой самодержавие“, какой же тут хлеб успокоит»¹⁵⁰. Военные власти столицы решили, что нет другого средства выполнить повеление царя, как пустить в ход вооруженную силу, не останавливаясь перед расстрелом демонстрантов. Хабалов говорил: «Царь велел: стрелять надо».

Каждый вечер Хабалов собирал начальников участков военной охраны, они докладывали командующему войсками округа о событиях, происшедших за день, и получали указания, как действовать на следующий день. Через час после получения телеграммы царя, вечером 25 февраля, собралось очередное совещание начальников участков военной охраны. Огласив телеграмму Николая II, Хабалов заявил: «Государь приказал завтра же прекратить беспорядки. Вот последнее средство, оно должно быть применено... Если толпа малая, если она не агрессивная, не с флагами, то вам в каждом участке дан кавалерийский отряд — пользуйтесь кавалерией и разгоняйте толпу. Раз толпа агрессивная, с флагами, то действуйте по уставу, т. е. предупреждайте троекратным сигналом, а после троекратного сигнала — открывайте огонь»¹⁵¹.

Царские власти широко оповестили об этих мерах население столицы. 25 февраля Хабалов подписал следующее объявление: «Последние дни в Петрограде произошли беспорядки, сопровождающиеся насилиями и посягательствами на жизнь воинских и полицейских чинов. Воспрещаю всякое скопление на улицах. Предваряю население Петрограда, что мною подтверждено войскам употребляют в дело оружие, не останавливаясь ни перед чем для водворения порядка в столице»¹⁵².

¹⁴⁹ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. V, стр. 224.

¹⁵⁰ «Падение царского режима», т. I. Л., 1924, стр. 190.

¹⁵¹ Там же, стр. 191.

¹⁵² ЦГАОР СССР, ф. печатных изданий, инв. № 584.

В телеграмме ген. Алексею Хабалов сообщал: «Доношу, что в течение второй половины 25 февраля толпы рабочих, собиравшиеся на Знаменской площади и у Казанского собора, были неоднократно разгоняемы полицией и войсковыми чинами. Около 17 час. у Гостиного двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги с надписями: „Долой войну!“ 25 февраля бастовало двести сорок тысяч рабочих. Мною вышущено объявление, воспрещающее скопление народа на улицах и подтверждающее населению, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силой оружия»¹⁵³.

Выполняя повеление царя, власти Петрограда готовили наступление на революцию. Они решили прежде всего обезглавить революционные силы, захватить их вожakov и, в случае возобновления уличных «беспорядков», применить против рабочих огнестрельное оружие. В ночь на 26 февраля Совет министров обсудил вопрос о мероприятиях, предпринятых военными властями и полицией для разгрома революции. Хабалов и Протопопов сообщили, что, в целях выполнения повеления царя о немедленном подавлении всех беспорядков, войскам и полиции отдано распоряжение стрелять по уличным толпам. Министры одобрили мероприятия военных властей, заявив, что «беспорядкам» должна быть противопоставлена вооруженная сила.

Приехав в градоначальство, Протопопов призвал защитников самодержавия к решительному подавлению «беспорядков». Протопопов выражал надежду, что «господь бог не даст погибнуть правому делу». «Молитесь и надейтесь на победу», — говорил царский министр в канун наступления царизма на революцию.

К чему же привело это наступление? Как повлияло оно на дальнейшую борьбу за свержение самодержавия?

¹⁵³ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 5.

РЕШАЮЩЕЕ СРАЖЕНИЕ

«Пролетариат выступил с голыми руками и открытой грудью — и он нашел братский отклик в революционной армии... Армия с вами, товарищи, и в этом залог победы второй российской революции».

Из листовки РСДРП, 27 февраля 1917 г.

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Наступление царизма началось в ночь на 26 февраля. Царские власти провели в эту ночь массовые аресты. Департамент полиции доносил, что в ночь на 26-е им арестовано около 100 членов революционных организаций. В телеграмме на имя дворцового коменданта Протопопов называл другую цифру арестованных в эту ночь — 136 человек. Это были последние репрессии последнего царского правительства России. Царские власти наснех разместили арестованных по помещениям участков, но, видимо, так и не успели допросить их¹.

Рабочий М. Ефимов-Виноградов рассказывал, что рано утром 26 февраля резкий стук в дверь поднял его на ноги. Околоточный и двое городских произвели обыск и повели арестованного в полицейский участок, где поместили в комнате дежурного. Затем его отвели к приставу². Большевик А. Судаков, арестованный ночью, весь день 26 февраля провел в полицейском участке Лесного в камере, заполненной рабочими и студентами. Поздно вечером группу арестованных на двух подводах в сопровождении сильного конвоя городских направили в другой конец города — в Спасскую часть. «Демонстрации в городе почти затихли, — вспоминает А. Судаков, — только на Марсовом поле была попытка нашего освобождения со стороны небольшой группы рабочих. Невский был совсем пуст и ярко освещен мощ-

¹ Списков арестованных и более подробных донесений о них обнаружить не удалось. По сведениям Департамента полиции, число заключенных в петроградских тюрьмах и полицейских частях за один день — с 26 по 27 февраля — увеличилось на 114 человек (ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1917 г., д. 371, ч. 57, лл. 24, 29).

² Ленинградский партийный архив, ф. 4000, оп. 5, д. 995, л. 14.

ным прожектором с Адмиралтейства ... В Спасской части нас обыскали и посадили в разные камеры»³.

Утром 26 февраля на квартире А. Куклина по Большому Сампсониевскому проспекту царские власти арестовали основное ядро Петербургского комитета РСДРП — его секретаря А. Скороходова и членов ПК — А. Куклина, П. Гавьяшина, Е. Эйзеншмидта, А. А. Винокурова. Это была большая операция, в которой участвовало до полсотни пеших и конных полицейских. Арест членов Петроградского комитета РСДРП в разгар революции нанес существенный ущерб движению. Но революционная работа большевиков не прерывалась.

День 26 февраля занял в истории второй русской революции особое место. Это было воскресенье. Предприятия и учреждения не работали. В центре Петрограда было тихо и безлюдно. Не торговали магазины, не ходили трамваи, не работали рестораны и кафе, а главное — не было видно многочисленных рабочих демонстрантов, заполнявших улицы и площади центра накануне. Но было много войск, стояли пикеты и посты, разъезжали конные патрули и отряды кавалерии, тянулись линии полевых телефонов. Согласно дислокации, воинские части заняли основные здания и узловые пункты столицы и подходы к мостам. Центр Петрограда превратился в военный лагерь. Можно было подумать, что на город наступает вооруженный до зубов неприятель и петроградский гарнизон приведен в боевую готовность, чтобы дать отпор ему.

Утром 26 февраля в центре города волнения еще не было и войска бездействовали. Казалось, что расправа с демонстрантами в предыдущие дни и угроза расстрела, возвещенная приказом Хабалова, устрасили народ и революционное движение пошло на убыль. Хабалов уже направил телеграмму в Ставку Верховного главнокомандования, в которой сообщал: «Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно». Но это было затишье перед бурей. В то время, как в центре города царил покойствие, рабочие окраины были охвачены необычайным оживлением и подъемом. Рабочий люд высыпал на улицы и площади. Народ шел на решительный бой с самодержавием и никакие угрозы царских властей уже не могли остановить его дальнейших действий. Объявления Хабалова срывались со стен зданий.

Группируясь сначала по районам, массы рабочих с середины дня снова устремились на Невский. Усиленные наряды полиции и войск пытались не пропускать рабочих в центр города, особенно упорно охраняя мосты. Но заградительные линии полиции и царских войск не могли быть сплошными, — как и раньше, демонстранты находили в них проходы. Они переправлялись по льду Невы или прорывались сквозь вражеские

³ Там же, д. 1053, л. 17—18.

заслоны. Сначала все шло так, как в прежние дни. По мере же продвижения к центру картина стала меняться. Рабочие были встречены теперь значительно большим количеством войск, и войска эти действовали другими средствами: они применяли огнестрельное оружие. Полиция и войска стреляли в народ и в первые дни борьбы. Но тогда это были отдельные случаи; многие думали, что так будет и на этот раз. Но 26 февраля стрельба по безоружным демонстрантам приняла массовый характер. У здания Городской думы, на Литейном и Суворовском проспектах, на Знаменской площади и в других местах звучал рожок — сигнал к стрельбе. Иногда солдаты после этого сигнала сначала стреляли вверх или холостыми патронами, иногда сразу раздавались боевые залпы. Пули попадали в толпу демонстрантов, ударялись в стены и стекла домов. Улицы оглашали крики ужаса. На тротуар падали убитые и раненые.

Особенно кровавый характер приняла борьба на Невском проспекте. Главная магистраль Петрограда обагрилась рабочей кровью. 26 февраля пали десятки борцов за свободу, больницы наполнились ранеными, мертвецкие — трупами. Это было кровавое воскресенье второй русской революции.

Вот отдельные эпизоды расправы с демонстрантами. По Невскому проспекту двигалась огромная масса рабочих. В передних рядах пели революционные песни. В районе Мойки отряд солдат запасного батальона Павловского полка преградил дорогу демонстрации. «Когда масса оказалась не в далеком расстоянии от солдат Павловского полка, солдаты по команде присели на колена и взяли ружья наперевес. Толпа остановилась, но задние ряды напирала. Положение было некоторое время неопределенное, но скоро оно разрешилось залпом павловцев; за ним последовал другой. Демонстрации больше не было: большинство разбежалось, некоторые полегли, из них часть — навсегда. На мостовой и на тротуарах валялись убитые и раненые. Приходилось не раз наступать на лужи крови. Убитые и раненые были тут же схвачены и отнесены в сторону, большей частью в здание Городской думы. На всех лицах было озлобление и негодование»⁴.

Такую же картину увидели рабочие-выборщики, подходя 26 февраля к Невскому проспекту: «Вдруг раздаются беспорядочная стрельба, трещание пулеметов и навстречу нам, искаженные ужасом, бегущие. Жуткая картина ожидала нас на Невском: небольшое количество публики жметя по панелям: по направлению от Садовой до Казанского собора и от Казанской к Знаменской расположена полиция и еще кто-то, вооруженный ружьями, и стреляют по всем направлениям. Казалось одно — восстание ликвидируется. Демонстрация обезоружена, ничем не может ответить правительству, принявшему решительные меры.

⁴ О. Ерманский. Из прошлого. М.—Л., 1927, стр. 145.

Кареты скорой помощи то и дело сновали по Невскому, увозя раненых и убитых. Публика не расходилась, а жалась ближе к домам, молодежь же травила городских из-за углов»⁵.

Поскольку царские власти перешли к массовому применению огнестрельного оружия, в качестве ударной силы для подавления восстания стали теперь использоваться не кавалерийские, а пехотные части и прежде всего учебные команды запасных батальонов гвардейских полков. Солдаты этих команд были наиболее дисциплинированными частями запасных батальонов, и командование округом хотело опереться на них в борьбе с восставшим народом. Основной учебной команде запасного батальона Волынского гвардейского полка было приказано не допускать скопления народа на Знаменской площади. Выполнить этот приказ было трудно. Масса публики окружала дозоры волынцев и вступала в разговоры с ними, призывая не стрелять в народ. Солдаты не проявляли большого рвения в выполнении приказов офицеров. Командир учебной команды капитан Лашкевич арестовал за бездеятельность ефрейтора Ильина и выслал новые усиленные дозоры на площадь, чтобы рассеять демонстрантов, но и они не справились с поставленной задачей. Тогда был отдан приказ играть сигнал к стрельбе, солдаты взяли винтовки на изготовку. Толпы народа продолжали стоять плотной стеной, не веря, что солдаты будут их расстреливать. Но вот раздалась залпы: некоторые солдаты стреляли в воздух, обозленные офицеры вырывали из рук таких солдат винтовки и сами стреляли в народ. После нескольких залпов толпа поредела, народ разбежался, оставив на площади убитых и раненых.

26 февраля, после царского приказа, войска вели себя не так, как в предыдущие дни. Их действия скорее напоминали 1905 год; сказывалась суровая дисциплина и слепое повиновение начальству, темнота и забитость солдатской массы. Многие солдаты не подпускали к себе рабочих, на их призывы к братанию отвечали площадной бранью и угрозами и по приказу офицеров стреляли в народ. Царские власти были довольны действиями войск 26 февраля. А. Протопопов сообщал, что в этот день значительные скопления народа образовались на Лиговской улице, Знаменской площади, а также при пересечении Невского с Владимирским проспектом и Садовой улицей, «причем во всех этих пунктах толпа вела себя вызывающе, бросая в войска камнями, комьями сколотого льда. Поэтому, когда стрельба вверх не оказала воздействия на толпу, вызвав лишь насмешки над войсками, последние вынуждены были для прекращения буйства прибегнуть к стрельбе боевыми патронами по толпе, в результате чего оказались убитые, раненые». Департамент полиции

⁵ В. Каюров. Шесть дней Февральской революции. — «Пролетарская революция», 1923, № 1 (3), стр. 165.

отмечал, что демонстранты «прятались во дворы ближайших домов и по прекращении стрельбы вновь выходили на улицу»⁶.

В день наступления царизма на революцию усиленно заработали полицейские пулеметы. Впоследствии бывшие полицейские руководители и некоторые «свидетели», желавшие снять с царских властей ответственность за расстрел безоружных жителей столицы, утверждали, что это была последняя безрассудная форма сопротивления отчаявшихся обреченных защитников самодержавия, действовавших стихийно, в одиночку, и что началась пулеметная стрельба лишь вечером 28 февраля, когда основные вооруженные силы царизма уже капитулировали. При этом оставался невыясненным вопрос: каким образом в руках этих одиноких безумцев оказались пулеметы. На самом деле использование пулеметов против народных волнений было заранее продуманной мерой царских властей и ее осуществление началось 26 февраля, когда самодержавие пыталось перейти в контрнаступление на революцию.

На крышах домов, на колокольнях церквей, на пожарных каланчах были устроены засады, откуда полицейские поливали пулеметным дождем рабочих демонстрантов. В этот день пулеметная стрельба раздавалась с каланчи Александро-Невской лавры, с вышки Николаевского вокзала, с крыш Гостиного двора и ряда других мест. Вот один из многочисленных случаев пулеметной стрельбы по рабочим и студентам в день 26 февраля. «С левой стороны по Екатеринбургскому каналу идет группа демонстрантов с красным флагом и пеннем „Марсельезы“ — это учащаяся молодежь — студенты и курсистки. Мы их приветствуем. Слились в одну группу... Вдруг оглушительная трескотня тра-та-та! Это пулеметная стрельба... И офицер кричит: „Кто хочет жить — ложись!“... На мосту два трупа и много раненых... Палачи, проклятые кровоизийцы»⁷.

События 26 февраля встревожили думских деятелей. Думцы понимали, что расстрел рабочих демонстрантов царскими войсками затруднит возможность мирного выхода из создавшегося кризиса. Они исходили из необходимости «урегулировать конфликт» другим путем. Вот почему 26 февраля группа членов Государственной думы обратилась с заявлением к Родзянко, в котором протестовала против угроз Хабалова и начавшихся расстрелов демонстрантов. Она просила председателя Государственной думы «воздействовать на военные власти для предотвращения пролития крови мирно манифестирующих, а в значительной степени идущих по делам обывателей, среди которых бывает множество женщин и детей»⁸.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. ЧСК, д. 471, л. 42.

⁷ И. Марков. Как произошла революция. — «Воля России», 1927, № 5—6, стр. 58.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 1353.

Родзянко предлагал применить иной метод разгона демонстрантов. Он советовал военным властям использовать пожарную команду для разгона демонстрантов водой. Беляев и Хабалов ответили председателю Думы, что использовать пожарные команды для борьбы с «беспорядками» запрещено, кроме того, «существует точка зрения, что окачивание водой приводит к обратному действию, именно потому, что возбуждает»⁹. На этом вмешательство думцев в действия военных властей Петрограда против народа закончилось. В тот же день 26 февраля М. Родзянко сделал попытку вмешаться в сферу «высшей политики». Понимая, что над царизмом нависла страшная угроза, убедившись в безрассудности действий царских властей и безнадежности новых обращений к ним, он отправил телеграмму в Ставку Верховного главнокомандующего генералу Алексееву, чтобы через него добиться уступок от царя, необходимых для спасения монархии. Он писал: «Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основы их — недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но главным образом полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве, несомненно, разовьются события, сдержать которые можно временно, ценой пролития крови мирных граждан, но которых при повторении сдержать будет невозможно. Движение может переброситься на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работающие на оборону, в Петрограде останавливаются за недостатком топлива и сырого материала, рабочие остаются без дела, и голодная безработная толпа вступает на путь анархии, стихийной и неудержимой».

Родзянко говорил в своей телеграмме о небывалом по ужасающим последствиям страшном часе, о правительственной власти, которая находится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок. Чтобы предупредить возможную катастрофу, Родзянко предлагал образовать «министерство доверия». «Считаю необходимым и единственным выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения... Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно. В ваших руках, ваше высокопревосходительство, судьба славы и победы России»¹⁰. Телеграмма Родзянко была доложена царю, но ответа на нее не последовало.

Царские власти считали, что из кровавых событий 26 февраля она вышли победителями и революция отброшена назад. Петро-

⁹ «Падение царского режима», т. II, Л., 1925, стр. 226.

¹⁰ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 5—6.

градский градоначальник Балк впоследствии заявил, что действия войск 26 февраля дали «блестящие результаты», что к «сумеркам улицы приняли совершенно прежний вид, что, действуя энергично, можно было совершенно прекратить беспорядки. Но энергии проявлено не было»¹¹. Балк утверждал, что военные власти, которыми руководили «слабовольные, растерявшиеся лица», не могли использовать обстановку, сложившуюся благоприятно для царизма в результате расстрела 26 февраля. На самом же деле сложилась благоприятная обстановка не для царизма, а для революции. Победа царизма 26 февраля была мнимой.

Расстрел демонстрантов, вызвав возбуждение, не сломил воли рабочих к дальнейшей борьбе. При стрельбе демонстранты рассеивались, многие бежали к подъездам и дворам домов, но, по распоряжению властей, они были заперты: тогда люди устремились в боковые улицы, переулки и, как только стрельба стихала, вновь выходили на Невский. Тут же рядом с только что стрелявшими солдатами вновь собирались громадные толпы, раздавалось пение революционных песен, выступали ораторы. Народ обстрелялся. Революционный энтузиазм, решимость довести начатую борьбу до полной победы над ненавистным царизмом побеждали страх смерти. Рискуя жизнью, рабочие безбоязненно вступали в столкновения с солдатами и казаками, оборонялись, а иногда и наступали. Выстрелы раздавались не только в толпу, но и из толпы. Они были направлены прежде всего в городских. Это были выстрелы одиночек, вооруженных револьверами. Но каждая удача такого выстрела вдохновляла массы. Весть о том, что на такой-то улице убит полицейский, быстро распространялась по городу. Раздался клич — разоружать городских и вооружаться их оружием.

В записке Петроградской охраны о происшествиях 26 февраля отмечалось: «Во время беспорядков наблюдалось как общее явление крайне вызывающее отношение буйствовавших скопищ к воинским нарядам, в которые толпа, в ответ на предложение разойтись, бросала камнями и комьями снега, сколотого с улицы льда. При предварительной стрельбе войсками вверх толпа не только не рассеивалась, но подобные залпы встречала смехом. Лишь по применении стрельбы боевыми патронами в гущу толпы оказалось возможным рассеивать скопища, участники коих, однако, в большинстве прятались во дворы ближайших домов и по прекращении стрельбы вновь выходили на улицу... После рассеивания скопищ с Знаменской площади буйствующие стали накапливаться по Невскому проспекту, в части его, называемой Старым Невским (от Знаменской площади до Александра-Невского лавры) и по Гончарной улице,

¹¹ «Последние новости», 12 марта 1921 г.

причем притаившись за угловыми зданиями, стреляли оттуда из револьверов в воинские разъезды»¹².

Расстрел безоружных демонстрантов вызвал возмущение населения столицы. Оно было на стороне восставших. Особенно активно поддерживала рабочих учащаяся молодежь. Жертвам царского расстрела нужно было оказать медицинскую помощь и эта помощь была оказана. В записке Петроградской охранки от 26 февраля говорится: «Во время происходивших сегодня беспорядков в разных пунктах столицы воспитанники средних учебных заведений, которые, имея широкие повязки Красного Креста на рукавах форменных пальто и белые передники под верхней одеждой, группами направлялись к Невскому проспекту для уборки раненых в качестве добровольцев санитаров и подачи первоначальной помощи. В тех же целях слушательницы высших женских учебных заведений проникали в места доставки раненых, где вели себя по отношению к чинам полиции, стремившимся их оттуда удалить, в высшей степени дерзко»¹³.

Используя отдельные воинские части для подавления революции, царское командование стремилось изолировать основную массу солдат петроградского гарнизона от народа. Большинство солдат было заперто в казармах и мало знало, что делается за их стенами. Но вести о событиях в городе все же проникали в солдатскую среду. Рабочие-агитаторы и просто жители столицы сообщали о событиях солдатам, столпившимся у казарменных стен, заборов и ворот. О кровавых столкновениях на улицах города рассказывали своим товарищам солдаты, вызванные для подавления «беспорядков». Весть о расстреле рабочих демонстрантов вызвала глухое брожение среди части солдат.

В тот же день, 26 февраля, брожение впервые прорвалось наружу. Это произошло в запасном батальоне Павловского гвардейского полка. Учебная команда батальона участвовала в расстреле демонстрантов на Невском проспекте. Остальные солдаты батальона узнали об этом от рабочих, подошедших к павловским казармам. Рабочие рассказывали солдатам о кровавом побоище на Невском проспекте, в котором участвовали павловцы.

«Павловцы стреляют в народ!» — эта весть молниеносно облетела казармы. Солдаты 4-й роты запасного батальона заволновались. Они требовали снять посты павловцев с улиц. «Довольно стрелять в народ!» — кричали они. Раздался клич: «На улицу!» Солдаты бросились к ротному дейггаузу, сбили тяжелые засовы его дверей и, ворвавшись вовнутрь, захватили винтовки. Их оказалось очень мало — 30 штук на роту в 1500 человек. Сол-

¹² ЦГАОР СССР, ф. ДП 00, 1917 г., д. 341, ч. 57, л. 46.

¹³ Там же.

даты вышли на улицу почти безоружными. Они пошли вдоль Екатерининского канала на Невский проспект. С другой стороны канала от Михайловской площади навстречу павловцам ехали конные городовые. Подъехав к самой решетке канала, они дали залп по павловцам. Солдаты залегли и открыли ответную стрельбу — поднялись на дыбы несколько лошадей, усаkali несколько городовых, остальные повернули лошадей и ускакали обратно. Затем навстречу павловцам вышли солдаты-преображенцы и с винтовками наперевес пересекли улицу. Два отряда солдат, одни вооруженные, другие почти безоружные, двинулись друг на друга. Раздался сигнал для стрельбы. «Не стреляйте, братцы!» — закричали павловцы. И преображенцы, вскинув винтовки на плечи, повернули обратно.

Но что делать дальше? Вечерело... Были расстреляны все патроны. Павловцы не присоединили к себе других солдат и не слились с рабочими. Именно этого слияния и боялись больше всего военные власти. Хабалов говорил впоследствии, что по его заданию командир батальона и священник уговорили павловцев вернуться в казармы. Но, судя по воспоминаниям самих солдат, дело обстояло не совсем так. Рота вернулась в казармы сама, потому что была одинока, не имела поддержки других частей и не знала, что предпринять дальше.

Сначала с вернувшимися в казармы солдатами разговаривали миролюбиво. Офицеры заявили, что отдан приказ снять со всех улиц посты павловцев и отныне павловский батальон не обгадит свои руки кровью народа. Но с наступлением ночи над 4-й ротой сгустились тучи, нависла угроза расправы. Рота была наглухо заперта в казармах, у нее отобрали последние винтовки, вооруженные солдатские цепи железным кольцом окружили ее и отрезали от остального мира. Царские власти намеревались арестовать и отдать военно-полевому суду всю роту. Но они ограничились арестом главных зачинщиков волнения. 19 солдат 4-й роты под усиленным конвоем были направлены в Петропавловскую крепость только за то, что они протестовали против расстрела народа. Их развели по камерам Трубецкого рavelина, в котором замуровывали когда-то первых борцов против царского самодержавия. Кроме того, 16 солдат 4-й роты отправили на батальонную гауптвахту.

Утром 27 февраля в казармы 4-й роты явился сам Хабалов. Он допрашивал заводных, отделенных командиров и солдат и грозил им жестокими карами за вчерашний мятеж. Но обстановка в столице изменилась. Вчера, вернувшись после неудачного выступления в казармы, павловцы могли ожидать, что их поведут на расстрел или отправят на каторгу. Но 27 февраля ареста и расстрела могли опасаться уже царские власти. Действия 4-й роты запасного батальона Павловского гвардейского полка не оказали непосредственного влияния на ход после-

дующих событий. Это было одиночным выступлением, за которым не последовало других. Вечером 26 февраля весть о выступлении павловцев до других частей петроградского гарнизона и рабочих столицы еще не дошла. Но это выступление явилось предвестником перехода солдат на сторону народа.

Уже после победы революции типография Совета рабочих и солдатских депутатов напечатала обращение к солдатам, написанное адвокатом С. Боговявленским и заверенное секретарем батальонного комитета рядовым Савельевым. В нем говорилось: «В воскресенье, 26 февраля, когда еще на Невском проспекте и других улицах Петрограда слуги царского правительства предательски расстреливали народ, когда еще сила этого правительства не только казалась, но и в действительности была грозной, сплоченной силой отлично вооруженных жандармов и полиции, вы первые из солдат в благородном порыве негодования подняли славное знамя Великой Российской Революции и с неслыханной в истории беззаветной храбростью почти безоружные, так как на всю роту у вас было около 30 винтовок и не более сотни патронов, вы вышли около 5 часов вечера на улицу из помещения вашей роты, дав клятву друг другу или победить или умереть... Товарищи солдаты! За вами великий подвиг. Вас будет восторженно приветствовать, пошлет вам братское спасибо и земной поклон весь многомиллионный русский народ, когда он узнает, кто были первыми борцами за народную свободу»¹⁴.

К вечеру 26 февраля стрельба на улицах Петрограда прекратилась. Как и накануне, демонстранты ушли из центра города на заводские окраины. Но не все было, как накануне. Центр города был прочно занят царскими войсками. На всех перекрестках Невского проспекта и некоторых других улиц стояли караулы, по мостовым разъезжали конные патрули. На здании Адмиралтейства был установлен мощный прожектор, освещавший Невский проспект. Окрыленные успехом 26 февраля, царские власти намеревались на другой день продолжить наступление на революцию. Они готовили для этой цели воинские части в самой столице и вызвали подкрепление из окрестностей. Чтобы усилить борьбу против восставших, из Ораниенбаума были затребованы две роты 1-го запасного пулеметного полка.

Борьба народа с царизмом вступала в решающий этап. Рабочие понимали, что победить на этом этапе можно только с помощью всенародного вооруженного восстания. На улицах, на заводах, в чайных рабочие говорили: «Посмотрим, что завтра будет! Сегодня разогнали? Шутите! Не разогнали. Убили, может быть, сто или двести человек, а нас тыщи! Многие тыщи! Мосты отрезали? А нам мосты не нужны! Мы по льду проберемся! И из Сестрорецка рабочие придут, слышь, уже забастовали. И со

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. печатных изданий, инв. № 2342.

всей Руси пойдут рабочие на Петроград... У них сила и у нас тоже сила! Завтра так не пойдём! С оружием пойдём, увидите, что завтра будет!» В таком же духе говорил оратор на одном из митингов. «Товарищи, — мы вышли безоружными, с песнями и знаменами. Они вышли с разрывными пулями и пулеметами. Но кто победал? Разве мы рассеяны, разъединены, уничтожены? Разве мы не окрепли, не набрались сил и злобы под их пулями? Товарищи! Завтра решительный день. Не будем больше наивными. Пойдем с оружием в руках! Будем рушить их крепости. В арсенале и в ружейных мастерских мы найдем револьверы, ружья, патроны. Мы направимся к Крестам, к Петропавловской крепости, ко всем тюрьмам, где томятся наши братья, борцы за свободу. Товарищи! Теперь или никогда»¹⁵.

Расстрел 26 февраля не мог не породить среди части рабочих тревогу за исход начавшейся борьбы. Можно было предполагать, что на другой день царские власти могут прибегнуть к оружию в еще большем масштабе, и наступление царизма развернется не только в центре столицы, но и на рабочих окраинах. В таких условиях в среде меньшевиков и эсеров начались разговоры о необходимости свернуть движение и, во избежание возможного разгрома, отступить. А. Керенский и В. Зензинов пытались впоследствии изобразить сторонниками свертывания движения... большевиков. В подтверждение этого Зензинов писал, будто на совещании, состоявшемся на квартире Керенского, И. Юренев говорил, что «никакой революции нет, движение в войсках сходит на нет и надо готовиться к долгому периоду реакции». И поэтому Юренев предлагал «выжидать и наблюдать»¹⁶. Но, во-первых, Юренев был не большевиком, а межрайонцем. Во-вторых, и межрайонцы, несмотря на колебания и сомнения, не предлагали свернуть движение, а вместе с большевиками сражались против царизма. На VI съезде РСДРП Юренев говорил: «27 февраля, когда еще не верилось в успех революции, наша организация решила, что она должна быть с массами; [мы] вместе с большевиками и анархистами захватили типографию «Русской воли» и издали листовку к рабочим и солдатам с призывом организовать Советы»¹⁷.

После кровавого побоища 26 февраля революционные силы продолжали начатую борьбу, готовясь к решительному сражению с царизмом. В сводке полицейского агента от 26 февраля говорилось о совместном заседании большевиков и межрайонцев (объединенцев) на Васильевском острове. «В Василеостровском районе эсдеками ведется широкая агитация за продолжение за-

¹⁵ Ю. Волин. Рождество свободы. — «Революция в Петрограде». Пг., 1917, стр. 39—40, 43.

¹⁶ В. Зензинов. Февральские дни. — «Новый журнал», кн. XXXIV. Нью-Йорк, 1953, стр. 210.

¹⁷ «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы». М., 1958, стр. 49.

бастовки и уличные демонстрации. . . Сегодня на квартире рабочего Грисманова, проживающего на 14-й линии Васильевского острова в д. 95, кв. 1, состоялось собрание большевиков и объединенцев, на котором присутствовало около 28 человек». На собрании были переданы присутствовавшим воззвания для распространения среди солдат и принята резолюция, в которой предлагалось продолжать забастовки и демонстрации, «доводя таковые до крайних пределов», производить сбор оружия для образования боевых дружин и разоружать городовых путем неожиданных нападений¹⁸.

В тот же день, 26 февраля, собрание активистов-рабочих состоялось в кооперативе «Единение» в Новой Деревне (Выборгский район). Как сообщал полицейский агент, на собрании присутствовало человек до 50 и решено было «завтра, т. е. 27 февраля, оповестить всех мастеровых всех заводов, чтобы завтра не работали, а собрались бы в указанное место на Невском, к 10 часам утра, а оттуда идти на панихиду к трубочному заводу, к праху товарища, павшего жертвой в битве за свободу. Оратор Давилов с завода Щетинина крикнул: «Товарищи, идемте смело и дружно, не надо нам по углам прятаться. Долой царя! Долой правительство! Да здравствует временное правительство, российская социал-демократическая рабочая партия!» Этим собрание кончилось, и все поодиночке вышли задним ходом¹⁹.

Как и в предыдущие дни, 26 февраля члены Бюро ЦК РСДРП и связанные с ними партийные работники — Чугурии, Каюров, Лебедев, Аф. Бубнов и другие — собрались на квартире Павловых, чтобы обсудить план дальнейших действий. Прежде всего вставал вопрос о том, кем заменить арестованных членов Петербургского комитета? Организовать новый Комитет в разгар боев не было возможности. Предложили Выборгскому комитету, как самому сильному и организованному, взять на себя обязанности ЦК и совместно с Бюро ЦК РСДРП руководить движением. Все присутствовавшие отмечали гравидозный размах движения и успех лозунгов, выдвинутых большевиками. Но как довести начатое движение до победоносного конца? Многие предлагали добыть оружие, организовать боевые дружины и с их помощью разгромить защитников самодержавия. Но большинство склонялось к тому, что рабочие дружины не смогут противостоять вооруженным силам царизма. Вооружение рабочих и победу революции мог обеспечить переход хотя бы части царского войска на сторону народа. Согласились на том, чтобы продолжать борьбу и стараться присоединить к революции волжские части. К этой цели и решено было направить дальнейшие действия большевистских организаций²⁰.

¹⁸ «Былое», 1918, № 1 (29), стр. 171.

¹⁹ Там же.

²⁰ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1. М., 1923, стр. 127.

Главной движущей силой революции по-прежнему являлся рабочий класс. Он перенес свои действия на улицы и площади Петрограда. Но и на новом этапе движения фабрики и заводы оставались опорными пунктами, бастионами революции. Там собирались рабочие митинги и собрания, отсюда рабочая масса выступала на уличную борьбу. Вот почему в лагере царизма раздавались голоса за то, чтобы не допускать бастующих рабочих на предприятия и вообще временно закрыть заводы и фабрики. 26 февраля полицейский агент писал: «Следует иметь в виду, что завтра рабочие выйдут на заводы, но с исключительной целью собраться, спеться и снова двинуться на улицу же организованно и планомерно для достижения полного успеха. В данный момент заводы играют роль грандиозных клубов, потому временное закрытие заводов, хотя бы на 2—3 дня, лишило бы массы информационных центров, где опытные ораторы электризуют толпу, координируют действия отдельных заводов и дают всем выступлениям согласованность и организацию»²¹.

В первые дни революции успех борьбы против царизма был обусловлен дружным выступлением пролетариата. Теперь судьба революции зависела от поведения войск. Солдаты уже не могли стоять в стороне от движения. 26 декабря они стреляли в народ. Но в кого они будут стрелять завтра? В. Бонч-Бруевич вспоминает, что после расстрела 26 февраля в рабочих районах, на квартирах отдельных членов партии, в общественных местах, в клубах шли совещания, участники которых еще не знали, каково настроение войск, «только поздно ночью стали назревать какие-то слухи, желания и надежды на то, что утром в войсках начнется движение, которое будет ответом на нападение правительства»²².

В записке полицейского агента отмечалось: «Ныне все зависит от линии поведения воинских частей: если последние не перейдут на сторону пролетариата, то движение быстро пойдет на убыль, если же войска, станут против правительства, то страну уже ничего не спасет от революционного переворота».

Вернувшись в свои районы, рабочие обсуждали вопрос о том, как действовать завтра. Общение рабочих друг с другом рассеивало возникшие сомнения и укрепляло их стремление победить или умереть в битве с самодержавием. Боевое настроение первых трех дней восстания не было уничтожено расстрелом 26 февраля. Рабочие прощались, чтобы завтра снова встретиться друг с другом и с солдатами. Восстание против царизма подошло к последней черте. Наступал час решающего сражения.

Как же протекало это сражение?

²¹ «Былое», 1918, № 1 (29), стр. 174.

²² ЦГАОР СССР, ф. 5856, оп. 1, д. 362.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ФЕВРАЛЯ

Наступило утро пятого дня революции. Требование царских властей к рабочим — встать с понедельника 27 февраля на работу — не возымело действия. Работа не возобновилась. Лишь на отдельных предприятиях прозвучали одинокие гудки, призывавшие рабочих к станкам. Рабочий Петрограда продолжал бастовать. Питерские пролетарии снова вышли на улицы, заводские окраины по-прежнему были в их руках. На этот раз рабочие не спешили в центр, на Невский проспект — к месту вчерашнего кровавого столкновения. Существовала опасность наступления царских войск на окраины. Это вызвало бы новое кровавое побоище и затянуло бы борьбу народа с самодержавием. Рабочие стремились не допустить наступления царизма на окраины и, добившись присоединения солдат к революции, общими силами свергнуть царям.

Рано утром 27 февраля на квартире В. Каюрова собрался Выборгский комитет большевиков с представителями предприятий. Присутствовало человек 40. Петербургский комитет РСДРП был представлен К. Шутко. Большинство собравшихся высказалось за продолжение борьбы. С таким решением участники собрания разошлись по предприятиям²³.

В то же утро, 27 февраля, И. Чугурия сообщил членам Бюро ЦК РСДРП, что рабочие собираются на заводах и выносят решения продолжать забастовку; нужна коротенькая листовка с призывом к дальнейшей борьбе. Тут же на квартире Павловых был составлен текст такой листовки и передан Чугурию для распространения. В ней говорилось: «Рабочий люд не хочет больше терпеть насилия, грабежей, разруху. На требования рабочих и нерабочих граждан Питера, заявленных демонстрациями по городу, ставленники самодержавия-царя отвечают свинцом. Нашлись палачи-солдаты для стрельбы по безоружной толпе. Пусть проклятие народа, сотен убитых, их жен и детей сопровождает всю жизнь их пьяную совесть. Царская власть не способна удовлетворить нужды рабочих, народа... Пусть солдаты, наши братья и дети, идут в наши ряды с оружием в руках. Тогда пробьет последний час романовской монархии! Долой царскую монархию! Да здравствует Народная Республика! Всю помещичью землю — народу! 8-часовой рабочий день — рабочему люду! Да здравствует Российская Социал-Демократическая Партия! Да здравствует Временное Революционное Правительство! Долой бойню!»²⁴

Рабочие были полны решимости продолжать борьбу до полной победы над царизмом, о возобновлении работ никто не думал. На площадях и перекрестках улиц сосредоточивались огромные

²³ В. Каюров. Указ. статья, стр. 166.

²⁴ А. Шляпников. Указ. соч., стр. 132—133.

массы рабочих, шли митинги... В ряды борцов революции вступали и те рабочие, которые до сих пор проявляли колебания; прежнего страха лишиться места не стало уже ни у военнообязанных, ни у многосемейных рабочих. Большой митинг собрался в это утро на заводе «Треугольник». Работница завода К. Зайцева вспоминает: «Огромным ликовавшим встретили появление в мастерских вооруженных путиловцев. Им навстречу неслись возгласы: «Мы с вами! Все на улицу!» Шумной радостной толпой покинули мастерскую и вышли за ворота, где уже собралось много рабочих... все двинулись к Нарвским воротам»²⁵. С этого момента 16-тысячный коллектив «Треугольника» зажил новой жизнью. Работницы-резинщицы выходили на улицу, направлялись на соседние предприятия, участвовали в демонстрациях, присутствовали на митингах, слушали ораторов, а иногда и отваживались выступать на митингах сами. Во дворах, в столовой, в цехах и мастерских самого «Треугольника» начались многочисленные собрания...

Свою главную задачу рабочие видели в том, чтобы привлечь на сторону народа солдат. Они шли к казармам, организовывали вблизи них митинги, пересылали в казармы записки, заговаривали с солдатами, стоявшими у казарменных ворот, словом, старались разрушить изоляцию войск от народа и лишить царям его вооруженной опоры. Попытки братания с солдатами нередко кончались неудачно; были случаи, когда митинги разогнались ружейным огнем, но отдельные неудачи не остановили дальнейших попыток — добиться поставленной цели. Призывы к солдатам присоединиться к народу падали на подготовленную почву. Под влиянием событий последних дней в настроениях солдат наступал перелом. Сомнения и колебания все больше проникали в их среду: правильно ли поступили солдаты, выполняя приказ о стрельбе по рабочим демонстрациям? Стало известно, что военные власти намерены продолжать кровавую расправу с народом и уже отдали приказ многим частям быть готовыми приступить 27 февраля к новым действиям против рабочих. Жизнь ставила вопрос ребром: или оставаться верными присяге и дисциплине и стрелять в народ, или, нарушив присягу и дисциплину, примкнуть к народу.

Воинская дисциплина сковывала солдатскую массу. Рабочие шли к восстанию через стачки и демонстрации. Восставшие солдат не могло иметь каких-либо промежуточных ступеней, оно сразу принимало крайние формы вооруженного выступления. Выражение всякого недовольства, любой солдатский протест расценивался начальством как нарушение присяги, как отступление от дисциплины, за что следовало самое суровое возмездие: расстрел, каторга или штрафная рота на фронте. В таких

²⁵ «Нарвская застава». Сборник воспоминаний. М., 1959, стр. 25.

условиях солдаты мучительно бились над тем, что делать. В казармы некоторых частей проникли рабочие, разъяснявшие смысл происходящих событий и призывавшие солдат присоединиться к народу. Надо было на что-то решаться.

Первой решилась выступить учебная команда запасного батальона Волынского гвардейского полка²⁶. Солдаты полка вначале участвовали в борьбе против рабочих на улицах Петрограда, но они больше не хотели выполнять палаческую роль. Вводные и отделенные командиры учебной команды волынцев, посоветовавшись в казарме в ночь на 27 февраля, решили не принимать участия в усмирении народа и присоединиться к восставшим. Предложение атаковать здание батальонной канцелярии и убить ненавистных начальников было отклонено; договорились никого не трогать, а утром на час раньше поднять основную учебную команду, склонить на свою сторону остальных солдат батальона и всем вместе перейти на сторону народа.

В 6 часов утра 27 февраля 400 солдат основной учебной команды волынского батальона были на ногах. Солдаты одобрили принятое ночью решение, обещали не слушать распоряжений офицеров и выполнять приказания только взводных и отделенных командиров; были розданы патроны, и учебная команда в полной боевой готовности выстроилась в образной. Стали приходить офицеры, солдаты встречали их, как всегда, отвечая на приветствия офицеров по уставу. Но, как было условлено, на приветствие начальника команды капитана Лашкевича солдаты дружно ответили возгласом «ура». Лашкевич спросил унтер-офицеров Киричничкова и Маркова — что это означает, но не получил ответа. Солдаты снова закричали «ура». Лашкевич командовал «смирно», вынул бумагу и, заявив, что в ней содержится приказ царя, намеревался огласить ее. Но читать ему не пришлось. Мощное «ура» снова прокатилось по рядам и со всех сторон раздались крики: «Не пойдем больше бить людей, доволью крови!» «Господа офицеры, — сказал Киричничков, — прошу вас всех уйти» — и вся команда застучала прикладами о пол. Под этот грозный гул офицеры скрылись. Кто-то крикнул: «Колд!» Несколько возбужденных солдат бросились за офице-

²⁶ Сохранились несколько разноречивых описаний выступления волынцев. С. Мстиславский насчитывал семь таких рассказов. В некоторых из них явно преувеличена роль унтер-офицера Т. Киричничкова, которого Временное правительство за усердную службу буржуазии сделало героем Февральской революции, наградив георгиевским крестом и провозведя в прапорщики. В литературе встречаются утверждения, что Киричничков был путиловским рабочим; но это не соответствует действительности. При описании выступления запасного батальона Волынского полка мы использовали главным образом рассказы самих солдат: «Революция 1917 года. Очерк, написанный солдатами учебной команды Волынского полка» («Библиотека свободы». Пг., 1917).

рами. Когда офицеры, проходя по двору, поравнялись с окном казармы, из форточки раздались выстрелы — капитан Лашкевич был убит.

Основная учебная команда Волынского батальона вышла во двор. Несколько человек направились в другие подразделения батальона, чтобы присоединить их к восставшим. Вскоре во двор вышла 4-я рота батальона, затем 1-я и 2-я роты, подготовительные учебные команды. Солдаты открыли батальонный цейхгауз, раздали невооруженным винтовки и патроны. Весь двор казарм заполнился вооруженной солдатской массой, горнисты играли тревогу, раздавались одинокие выстрелы в воздух, прокатывалось мощное «ура». Так началось восстание волынцев.

Выступление волынцев с первых же шагов преодолело локальный характер, какой носило восстание павловцев. Волынцы не пошли к далеко расположенным ротам своего батальона. Рядом с казармами Волынского полка находились огромные казармы Преображенского и Литовского полков, восставшие двинулись туда, чтобы поднять солдат этих полков на борьбу за общее дело. Строевое учение, происходившее во дворе преображенских казарм, прекратилось; появились волынцы, призывавшие соседей присоединиться к ним. Почва для революционного выступления и здесь была готова, ждали только толчка. Преображенцы присоединились к волынцам.

Солдаты запасного батальона Литовского полка некоторое время колебались. Офицеры призывали их соблюдать нейтралитет. Но могучая революционная волна сломала противодействие начальства. «Одевайся!» — пронеслось по казармам, и литовцы стали выходить во двор. Вскоре весь двор казарм преобразился: играли горнисты, звенел полковой колокол, раздавались выстрелы; охваченные радостным чувством солдаты жали друг другу руки. Старая солдатская дружба, вызванная одинаково приниженным положением «нижних чинов» царской армии, возрождалась теперь на революционной основе. Она скреплялась пониманием общности интересов солдатской массы и сознанием ее единства с народом.

Солдаты стремились скорее вырваться из опостылевших казарм на улицу, к другим воинским частям, к народу. Одна колонна двинулась по Кировской улице к серым казармам 6-го саперного запасного батальона. Солдат этого батальона О. Сиполь рассказывал, что утром 27 февраля, когда батальон, как обычно, готовился к занятиям, послышалась сильная ружейная стрельба: с улицы доносились крики «ура» и возгласы подошедших к батальону солдат: «Выходите, товарищи!» И саперы не заставили себя долго ждать, ворота казармы были открыты. «Подошедшие к нам побежали в казармы с криками: „Ура, товарищи, за винтовки!“ ... Раздались голоса: „За патронами!“ Треснули закрытые двери цейхгауза, раздался выстрел, и фигура командира

лежала на „своем месте“²⁷. Оставив в казармах дневальных, саперы присоединились к восставшим. Они вышли на улицу со своим оркестром, и солдатская лавина под музыку двинулась дальше на Литейный проспект.

Писатель Мих. Слонимский, служивший тогда в 6-ом саперном батальоне, рассказывает, как шедший рядом с ним по Литейному проспекту молодой паренек из Волынского полка воскликнул, взмахнув руками, как крыльями: „Мы идем вперед, в неизвестное!“... Выговорил он эти слова восторженно, с пафосом и с великой надеждой... Мы шли вперед в неизвестное. Вот сдалась уже школа саперных прапорщиков, в которой я должен был получить первый офицерский чин. Выстрелил жандарм у ворот управления, но тотчас же винтовка была выхвачена из его рук, и он бледный, в кругу разъяренных солдат, умолял: „Не убивайте! Я же не знал, что у вас революция“²⁸.

Солдаты отдельных частей смешались, некоторые шли в одиночку, другие группами. Командовать было никому, офицеры почти все отсутствовали. Когда появлялся какой-нибудь офицер, бравший на себя команду, солдаты подтягивались и шли вперед с большей уверенностью, — они привыкли к военной организации и дисциплине. Солдаты охотно подчинялись распоряжениям неизвестного подпрапорщика, разъезжавшего на лошади, стремившегося навести порядок. Они одобрительно отзывались на голос прапорщика Георгия Астахова: «Братья, я с вами!» Этот возглас поднял настроение солдат. «Вперед! Прапорщик с нами!» — слышалось в рядах, раздались крики «ура» и возгласы: «Да здравствует свобода!» Организованных отрядов было немного. Основная масса солдат шла в беспорядке, некоторые попурили головы, не зная, что их ждет впереди. Но многие чувствовали себя уверенно и знали, что делать.

Публицист Н. Иорданский вспоминал свою беседу на улице с солдатами-преображенцами 27 февраля. Солдаты были настроены спокойно и деловито, обнаруживая правильное понимание событий. Они говорили, что начатую борьбу нужно довести до конца, в противном случае солдат перестреляют. Н. Иорданский отмечает, что его советы солдатам оказывались лишними, солдаты знали, что делать. Основываясь на этом, Иорданский сделал предположение, что восстание 27 февраля было подготовлено военной организацией, связанной с заговором либеральных генералов и совершенно не зависевшей от революционных организаций²⁹. Однако нет никаких данных, подтверждающих такое предположение. «Либеральные» генералы не имели воен-

²⁷ О. Сиполь. Из воспоминаний. — «Петроградская правда», 12 марта 1920 г.

²⁸ Мих. Слонимский. Книга воспоминаний. М.—Л., 1966, стр. 13—14.

²⁹ Н. Иорданский. Военное восстание 27 февраля. — «Молодая гвардия», 1928, № 2, стр. 168.

ной организации, подготовлявшей восстание. Солдаты поднялись на восстание, увлеченные самоотверженной борьбой рабочих, следуя призывам их революционных организаций.

У казарм Волынского и Преображенского полков произошла первая радостная встреча восставших рабочих и солдат: произносились короткие речи и радостные приветствия. «Теперь каюк! — объяснял кухарке с корзинкой какой-то столичный житель в драмом картузе. — Вишь, солдатов сколько с ружьями! Теперь ни одному фараону не устоять!» А люди, стоявшие на панелях, с криком бросились к солдатским рядам и смешались с ними. Кричали что-то громко и возбужденно. Кто-то говорит, что царь может послать войска с фронта. Преображенец отвечает: «Они такие, как и мы... теперь против народа устоять невозможно»³⁰.

Движение солдат слилось с движением рабочих. Это был переломный пункт в развитии революции. «Свершилось, — писал по этому поводу Каюров. — Солдаты за нас. Революционные массы победили»³¹. На квартиру Павловых «пришел неугомонный товарищ Чугурин с винтовкой в руках и лентой патронов через плечо, весь перепачканный, но сияющий и победный. — „Наша взяла!“ — Он первый сообщил нам, что солдаты по частям, с оружием в руках переходят к нам. Кое-где рабочим удалось соединиться с солдатами, проникнуть в казармы, получить оружие»³².

Восставшие солдаты устремились прежде всего в главный центр революции, к рабочим Выборгского района. Как и в предыдущие дни, 27 февраля улицы Выборгской стороны были полны народа. После вчерашнего кровавого побоища в центре столицы рабочие-выборжцы ждали натиска царских войск на их район и настороженно всматривались в начало Большого Сампсониевского проспекта, в сторону Литейного моста, откуда могли появиться эти войска. Войска появились, но это не были защитники царизма. «Около часу дня, — рассказывает И. Мильчик, — какой-то потрясающий толк привел в движение и волнение черную громаду рабочего люда. По Сампсониевскому, рассекая толпу, с грохотом несется автомобиль, туго набитый солдатами с винтовками в руках. На штыках винтовок — нечто невиданное и неслыханное: развеваются красные флаги. Солдаты обращаются направо и налево к толпе, машут руками по направлению к клинике Вилье, что-то кричат. Но грохот машины и гул многотысячной толпы заглушают слова. Но слов и не надо. Красные флаги на штыках, возбужденные сияющие лица, сменившие деревянную тупость, говорят о победе... С молниеносной

³⁰ «Современный мир», 1917 г., № 2—3, стр. 282, 284.

³¹ В. Каюров. Указ. статья, стр. 167.

³² А. Шляпников. Указ. соч., стр. 134—135.

быстротой разносится весть, привезенная грузовиком: восстали войска»³³.

С угла Нижегородской и Лесной появились солдаты. Они шли без строя, густой толпой. С невиданной радостью встретили их рабочие. Многие солдаты чувствовали себя растерянно, неуверенно, но в их массу вливались рабочие, внося в солдатскую среду бодрость и решимость бороться до конца. Рабочие и солдаты объединялись в общие колонны. Серые шинели солдат перемешивались с черными пиджаками и пальто рабочих, на головах солдат появились штатские шапки, а на головах рабочих — солдатские фуражки. Многие рабочие были теперь вооружены, получив оружие у солдат; у кого была винтовка, у кого — пашка или револьвер.

Рабочие Выборгского района и солдаты восставших частей направились к расположенным в этом районе казармам запасного батальона гвардейского Московского полка, чтобы присоединить его солдат к революции. У казарм полка сосредоточилась большая толпа рабочих и солдат. «Товарищи солдаты! — кричали из толпы. — Выходите, присоединяйтесь к народу. Долой войну!» У ворот, выходящих на Лесной пр., выстроилась учебная команда москвичей, преграждая народу путь в казарму и не пропуская солдат на улицу. Офицер уговаривал рабочих разойтись, угрожая применить оружие, а рабочие призывали солдат не слушать офицеров. «Братья-солдаты, идите к нам! В городе все полки восстали, идут с народом. Не будьте предателями народа!»

Некоторое время ни та, ни другая сторона не предпринимали решительных действий, ограничиваясь уговорами или угрозами. Но вот наступил перелом. «Вдруг затрещал невысокий, непрочный забор: он был сломлен в нескольких местах, и с проспекта во двор хлынули потоки людей. Тут распахнулись и ворота. Рабочие и солдаты смешались. Учебная команда сдавала винтовки, которые выхватывали из рук рабочие. Начальник учебной команды кричал своим солдатам: „Стрелять пачками!“ — сам выстрелил из револьвера, но, очевидно, в волнении пустил выстрел поверх голов; в один миг он был снят и кем-то застрелен. Солдаты зарядили ружья и стали стрелять по зданию офицерского собрания, а также по казармам, где залегли перешителные солдаты. „Выходи из казарм! Все выходи! Стройся...“ Толпы рабочих и часть солдат осаждали оружейные склады Московского полка, сбивали замки. Скоро все винтовки и патроны оказались в руках рабочих»³⁴. Так одновременно были решены две задачи — солдаты запасного батальона Московского полка присоединились к революции, а рабочие Выборгской стороны вооружились.

³³ И. Мильчик. Рабочий Февраль. М.—Л., 1934, стр. 87.

³⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 131, оп. 1, д. 75, лл. 5—6.

Успех окрылил восставших. До того у рабочих был опыт «снятия» предприятий и присоединения их к стачке, теперь они приобретали опыт «снятия» воинских частей и присоединения их к революции. «Товарищи! Снять все полки!» — раздался мощный призыв в толпе. И масса народа, разделившись на группы, двинулись в разные стороны, чтобы претворить в жизнь этот призыв.

В том же Выборгском районе в деревянных бараках на Сампсониевском проспекте стоял батальон самокатчиков. Состав этого батальона отличался от состава большинства частей. В число самокатчиков принимали людей, имевших опыт езды на велосипеде. Обычно это были сынки зажиточных родителей, что не могло не сказаться на отношении батальона к революции. Первая попытка присоединить самокатчиков к восстанию кончилась неудачно. Новая группа рабочих и солдат, подошедшая к казармам самокатного батальона, натолкнулась на прочную, заранее подготовленную оборону: на казарменном дворе были вырыты окопы и сделаны заграждения, на окнах батальонных казарм стояли готовые к стрельбе пулеметы. Рабочие призывали самокатчиков выйти из казарм и присоединиться к народу; на казарменный забор поднимались ораторы и произносили короткие речи, в ответ на это раздавалась пулеметная очередь, завязалась перестрелка. Большинство солдат было заперто в казармах. Лишь небольшая группа самокатчиков без оружия выбежала из казарм и присоединилась к народу. Осада казарм самокатчиков продолжалась до вечера, но в этот день не дала результатов.

Одним из важнейших объектов, на который повели наступление восставшие рабочие и солдаты, были тюрьмы. К моменту революции петроградские тюрьмы и полицейские дома были переполнены. Они были рассчитаны на 4000 человек, а в них содержалось 7600 заключенных, в том числе 2400 — в Петроградской одиночной тюрьме (Кресты), 958 человек — в доме предварительного заключения. 1436 человек — в каторжной пересыльной тюрьме³⁵. Среди заключенных было немало передовых питерских рабочих, активистов петроградской большевистской организации, профсоюзов, деятелей других политических партий, осужденных за революционную деятельность. За решетками петроградских тюрем томилось несколько членов Петербургского комитета РСДРП.

Мысль о том, что надо возможно скорее освободить политических заключенных и прежде всего руководителей рабочего движения зародилась одновременно у нескольких групп восставших. М. И. Калинин вспоминает, как 27 февраля в толпе рабочих он подошел к Финляндскому вокзалу, когда там появилась какая-то воинская часть. «Вокзальная охрана была разору-

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. ДП ОО, 1917 г., д. 341, ч. 57, л. 29.

жена в одно мгновение. Но толпа еще в нерешительности. Что же дальше? И солдаты кричат: „Где вожак? Ведите нас“. Я сам в нерешительности, я еще не знаю, куда может направиться эта сила и что сейчас, вот здесь поблизости можно сделать. Для меня несомненно одно: надо сейчас же, не медля ни минуты, толкнуть на борьбу, ибо вся масса по существу переживает такое же состояние и ждет действия. Я поднялся на площадку вокзала и крикнул: „Если хотите иметь вождей, то вон, рядом, „Кресты“. Вождей надо сначала освободить“. В один миг мысль подхвачена, расширена. Кто-то кричит: сначала освободим из военной тюрьмы... Отделяются отряды, появляются руководители. Мысль осуществляется в действие: одни направляются к военной тюрьме, другие к „Крестам“³⁶.

«Кресты» были атакованы рабочими и солдатами с двух сторон: с набережной Невы и с Симбирской улицы. Толпа рабочих и солдат остановилась перед тюрьмой, приветствуя заключенных, размахивая шапками, платками и что-то крича. Заключенные начали разбивать окна, чтобы слышать голоса, раздававшиеся из толпы. Собравшиеся обсуждали вопрос, как лучше проникнуть в тюрьму: лезть через забор или ломать стену. Наконец решили взять штурмом тюремные ворота. Застучали ружейные приклады, железные тюремные ворота были сокрушены. Толпа ворвалась в тюремное здание, разоружила охрану и администрацию, открыла камеры и освободила заключенных. Во дворе запылали костер из сжигаемых тюремных книг и бумаг.

В числе других политических заключенных из «Крестов» были освобождены активные работники большевистской партии — рабочий Иван Емельянов с завода «Феникс», Николай Быстров с завода Розенкранц, Казенков с Путиловского, Сергей Гессен — секретарь больничной кассы путиловцев, Георгий Пылаев, Семен Рошаль и многие другие. В «Крестах» в одной камере сидели рабочие-большевики Н. Антипов и Федор Лемешев. «Окно нашей камеры, — рассказывает Ф. Лемешев, — выходило на Большую Неву, и мы с Антиповым каждый день смотрели в окно, идет ли дым из заводских труб. Если дым не идет, значит рабочие бастуют. 27 февраля с утра дым не шел... Вдруг около часа дня услышали выстрелы из винтовок и шум около тюрьмы. Это рабочие вместе с солдатами пришли нас освободить... Политические заключенные, взрослые люди, как дети плакали и целовались друг с другом. Около тюрьмы был устроен летучий митинг. Выпущенные из тюрьмы политические присоединились к солдатам и рабочим и пошли агитировать, чтобы к начавшейся революции присоединить и остальные полки»³⁷.

³⁶ М. И. Калинин. За эти годы, кн. 3. М., 1929, стр. 432.

³⁷ Ф. Лемешев. На Путиловском заводе в годы войны. — «Красная летопись», 1927, № 2 (23), стр. 38.

Из «Крестов» был освобожден член Петербургского комитета большевиков В. Шмидт. Он рассказал, что увидел, выйдя на волю: «То, что представилось моим глазам, повергло меня в необычайную радость. На Набережной, вдоль всей тюремной стены стояли с оружием в руках тысячи солдат и раздавали оружие рабочим Выборгской стороны. Десятки грузовиков с ружьями и патронами вмиг разгрузались. Я второпях схватил первое попавшееся ружье и вместе со всей толпой отправился к зданию Государственной думы»³⁸.

Заключенные, находившиеся в каторжной пересыльной тюрьме (за Невской заставой), вышли на волю на другой день. Узнав о событиях в городе, каторжане подняли бунт. 2 тыс. заключенных, размещенных в 52 камерах, начали разбивать окна, ломать двери ненавистой тюрьмы; надзиратели разбежались, побросав ключи. Возглавляемые большевиками-рабочими и матросами — К. Орловым, В. Наумовым, Петерсоном, И. Сладковым, Т. Ульяновым и другими, каторжане вырвались во двор, взломали ворота и вышли на улицу. Здесь состоялся митинг. Затем часть каторжан направилась к казармам недалеко стоявшего казачьего полка, вскрыла дейкгауз, вооружилась и повела за собой казаков. К. Орлов вспоминал: «Мы двинулись к городу. Лязг кандалных цепей и наручников смешивался с гулом и ревом толпы... В кузнице казачьего полка мы стали расковырять друг друга... Вооружившись до зубов, мы выгнали весь полк казаков во двор, оставив в казармах наших дежурных, снова устроили митинг и после этого повели казаков в город к Таврическому дворцу»³⁹.

27 февраля явилось решающим днем второй русской революции. В этот день соотношение сил коренным образом изменилось в пользу народа. Царизм лишился одной опоры за другой. Днем 27 февраля вынуждена была окончательно капитулировать царская полиция. Опираясь на поддержку переходивших на сторону революции войск, народ беспощадно расправлялся с ненавистными городскими. Многие полицейские посты были уничтожены населением. Тогда полицейские власти распорядились снять оставшиеся посты, а городских сосредоточить в участках. Однако и это распоряжение запоздало: начался разгром полицейских участков. Пристав 3-го участка Петроградской части запрашивал начальство — что делать? Ему ответили: «Поступайте по обстоятельствам». Пристав приказал городским переодеться в штатское платье и расходиться на все четыре стороны. Полиция как организованная вооруженная охрана царского режима перестала существовать, хотя яростное сопротивление городских-одиночек продолжалось еще несколько дней.

³⁸ В. Шмидт. В «Крестах». — «Правда», 12 марта 1927 г.

³⁹ «Красная новь», 1931, № 3, стр. 85.

В день 27 февраля начался переход на сторону восставшего народа солдатской массы. В первые дни революции войска колебались, часть солдат участвовала в подавлении революционного движения, часть вела себя пассивно или придерживалась дружественного нейтралитета. Революционный пролетариат развернул борьбу за войско и 27 февраля одержал в этой борьбе решающую победу. Число солдат, открыто перешедших на сторону народа, было еще сравнительно невелико. Вот цифры, свидетельствующие об этом:

26 февраля вечером	27 февраля утром	27 февраля днем	27 февраля вечером
600 человек	10 200 человек	25 700 человек	66 700 человек ⁴⁰

Но не присоединившийся к народу гарнизон столицы уже не представлял надежной опоры самодержавия. Революционное брожение проникло во все воинские части Петрограда. В первые дни полиция и часть войска боролись против безоружного народа. Теперь, захватив арсенал, склады и цейхгаузы воинских частей, народ вооружился. На улицах города появилось много штатских с винтовками за плечами, с шашками и револьверами за поясом. Вместе с солдатами они останавливали офицеров, отбирали у них оружие и вооружали народ. Отныне восстание против царизма приобрело вооруженный характер. И хотя силы революции не были достаточно организованы и почти не имели еще командного состава, а силы царизма еще скреплялись привычной военной организацией и имели опытный командный состав, преимущество было на стороне первых. Над царскими генералами и офицерами нависла угроза остаться без солдат.

Из Петрограда в ставку Верховного главнокомандования продолжали поступать успокоительные сообщения. В 1 час 15 мин. дня 27 февраля Беляев телеграфировал: «Начавшиеся с утра в некоторых воинских частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие» ⁴¹. На самом деле в штабе защитников царизма царили растерянность и дезорганизация. Высшие чины армии и полиции, собравшиеся в градоначальстве, не знали, что предпринять, на что решиться. Все время поступали телефонные сообщения, что восстают все новые и новые части, и мысль о бесполезности сопротивления все больше охватывала самых ревностных защитни-

⁴⁰ «Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г.». Сб. документов. Л., 1932, стр. VI. (Данные приведены составителями сборника на основании материалов Военной комиссии Временного комитета Государственной думы.)

⁴¹ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 8.

ков старого порядка. Отдавались какие-то приказы и распоряжения, но кому и зачем отдавались они — мало кто понимал. Полицейстера Галле вызвали в штаб округа, чтобы он познакомил высших начальствующих лиц с планом города. Галле рассказывал, что, когда он явился в градоначальство, он застал там сумбур, никто и не спросил его о плане. Хабалов, несколько полковников — командиров запасных батальонов — беспомощно метались по комнатам; из угла в угол ходил начальник штаба Тележников. Такую же картину застал в помещении градоначальства полковник Кутепов. «Все они (высшие военные чины. — Э. Б.) были сильно растеряны и расстроены. Я заметил, что у генерала Хабалова во время разговора дрожала нижняя челюсть»⁴².

Впоследствии многие монархисты винили в падении царизма военные власти Петрограда, проявившие, по их мнению, в дни революции бездеятельность и нерешительность. Они сокрушались по поводу того, что Хабалов не обладал энергией и волей, что эта была слабохарактерная и бесповоротная фигура. Генерал Шейфон писал, что в штабе округа ежедневно устраивались длительные совещания высших административных лиц. «Маловольные, растерявшиеся „правители столицы“ теряли драгоценное время и, не решивши ничего на утреннем совещании, назначали вечернее. На каждом таком совещании все понимали, что необходимо применять силу против бунтующей улицы. Ее и применяли, но в столь слабой мере, что улица неизменно одолевала»⁴³.

Но улица одолевала вовсе не потому, что силу применяли в «слабой мере», не потому, что Хабалов был растерян и нерешителем. Неверно, будто царские власти бездействовали: они делали судорожные усилия, чтобы спасти гибнущий режим. Но никакой самый бравый и решительный командующий не мог спасти насквозь прогнившее самодержавие.

Узнав о восстании в запасном батальоне Волынского полка. Хабалов приказал командиру принять все меры, чтобы ликвидировать восстание, вернуть солдат в казармы и обезоружить их. Командир батальона, конечно, не мог сделать этого. Хабалов приказал запасному броневому автомобильному дивизиону направить свои бронемашинны на борьбу с восставшими. Но оказалось, что экипаж дивизиона не надежен, а бронемашинны, по словам командира дивизиона, не могут эффективно действовать против толпы: на фронте они борются против врага впереди себя, здесь же не обеспечена их безопасность с тыла. Тогда Хабалов приказал привести бронемашинны в негодность и пригрозил командиру дивизиона, что тот полагается головой, если хоть одна машина окажется в руках мятежников. Случилось именно то, чего опасался Хабалов, — все бронемашинны перешли в руки восставших. Писатель В. Шкловский, служивший в бронедивизионе, рассказывает,

⁴² «Генерал Кутепов». Сборник статей. Париж, 1934, стр. 161.

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 6375, оп. 1, д. 2, лл. 11—12.

что по приказу начальства с броневых машин были сняты части и размонтированные машины были переправлены в Михайловский гараж. Но в решающий момент революции броневики были приведены в боевую готовность и двинулись на Невский, чтобы поддержать восставших⁴⁴. На серой стали одного из них были выведены буквы «РСДРП» и развевался красный флажок.

Броневики приняли участие в сражениях на стороне революции. С помощью броневиков была произведена атака на телефонную станцию. Один броневик действовал со стороны Морской улицы, другой — со стороны Кирпичного переулка. Засада полицейских, стрелявших из пулемета, была снята. Одетые в солдатские шинели городовые сложили оружие; путь к телефонной станции был открыт. Рабочие и студенты подбежали к подъезду, быстро поднялись наверх, отдали приказ телефонисткам выключить все правительственные провода, обыскали адание, расставили часовых. Телефонная связь отныне стала служить делу революции. К революции присоединилась военно-автомобильная школа, в которой служил В. Маяковский. Вместе со всей школой поэт пошел к Государственной думе, а затем, в течение нескольких дней, возглавлял школу.

С утра 27 февраля, когда пламя революции охватило столицу, в штаб округа со всех сторон стали поступать просьбы о присылке подкреплений. Но штаб не в силах был их удовлетворить. Большинство командиров частей отвечало, что прислать в распоряжение штаба никого не могут. Царские власти особенно встревожились, когда в 11 час. утра 27 февраля были получены сведения, что по Кирочной улице и Литейному проспекту движутся восставшие войска. Срочно был сформирован ударный карательный отряд, во главе которого поставили находившегося в отпуске в Петрограде полковника Преображенского полка А. Кутепова. Генерал Шейфон негодовал, что Хабалов призвал решительного Кутепова слишком поздно, когда все сроки были упущены, и «маразм власти фактически уже передал город бунтующей толпе». Но положение не могло измениться и в том случае, если бы это было сделано раньше.

Отряд Кутепова должен был действовать в двух направлениях — идти по Литейному и Суворовскому проспектам и взять таким образом восставших в клещи. Ему предстояло оцепить огромный район от Литейного моста до Николаевского вокзала. Кутепов заявил, что он не остановится перед расстрелом восставших, но что для оцепления данного района надо иметь не менее бригады. Хабалов раздраженно ответил: «Дадим, что есть под руками». Он включил в отряд Кутепова две роты преображенцев, одну роту запасного батальона Кексгольмского полка, пулеметную роту, прибывшую из Ораниенбаума, и эскадрон 9-го запас-

⁴⁴ В. Шкловский. Жили-были. — «Звезда», 1961, № 8, стр. 195.

ного кавалерийского полка. Хабалов обещал Кутепову прислать еще дополнительно егерей и все, что будет возможно. Но никакой карательный отряд не мог спасти царям, даже если бы в него была включена целая бригада. В обороне царских войск обнаруживались все новые и новые прорывы. Едва Кутепов приступил к выполнению полученного задания и вышел на угол Литейного и Невского проспектов, как ему было приказано вернуться обратно, ибо восставшие шли к Зимнему дворцу. Кутепов приступил к выполнению нового задания и собирался выйти к Марсову полю, но опасная обстановка обнаружилась в районе 1-й артиллерийской бригады и ему пришлось остаться здесь, чтобы укрепить положение в этом районе.

Карательный отряд Кутепова развернул «боевые действия». Он расстреливал толпы народа на Литейном проспекте, на Сергеевской улице, в районе Орудийного завода и других местах, открывал огонь по автомобилям (грузовикам), наполненным рабочими, убивал одиночек. Несколько часов бесчинствовали царские каратели, чтобы «навести порядок» в районе Литейного проспекта. Но тщетно! Весь этот район был запружен рабочими. Началось брожение в самом отряде Кутепова, все большее число солдат переходило на сторону народа. Кутепов пытался связаться с Хабаловым по телефону, но из штаба никто не отвечал, связь отсутствовала. К вечеру от отряда Кутепова уже почти ничего не осталось. «Когда я вышел на улицу, — рассказывал Кутепов, — было уже темно и весь Литейный проспект был заполнен толпой, которая хлынула со всех переулков... Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может. Я вошел в дом, приказав закрыть двери»⁴⁵.

Так же кончились другие попытки царских властей разгромить революционные силы. К середине дня 27 февраля положение царизма стало критическим. К этому времени в руках восставших были Выборгская сторона, часть Петроградской стороны и район Литейного проспекта. В такой обстановке штаб округа решил стянуть свои силы в один кулак, и, сколотив из них боеспособные отряды, направить на подавление главных очагов восстания. Штабу удалось собрать перед Зимним дворцом несколько частей, еще сохранивших верность царизму. Сюда явилась одна рота запасного батальона Преображенского полка, роты запасных батальонов Егерского и Петроградского полков, часть павловцев и моряки гвардейского полуэкипажа. На Дворцовой площади играл оркестр, раздавались крики «ура», но никто не трогался с места. Обнаружилось, что некоторые части явились без патронов. Склад огнестрельного оружия, находившийся на Выборгской стороне, был захвачен восставшими; патроны из других частей при их пересылке почти неизбежно попали бы в руки восставших.

⁴⁵ «Генерал Кутепов», стр. 169.

А главное, солдат, выстроившихся на площади, все более охватывало революционное брожение и направлять их на борьбу с восставшими было рискованно.

Среди части офицеров возникла тогда мысль о необходимости вступить в переговоры с Государственной думой, чтобы найти мирный выход из создавшегося положения. С таким предложением явился к Хабалову капитан Преображенского полка Скрипцын. Командующий округом отверг предложение о переговорах с думцами, предложив действовать против взбунтовавшихся солдат силой оружия. Но как и где действовать — это по-прежнему было неясно. Солдаты топтались на Дворцовой площади, ежась от холода. Хабалов докладывал о создавшемся положении в Совете министров, но никакого реального плана борьбы против революции предложить не мог. Премьер-министр Голицын заявлял впоследствии, что Хабалов произвел на него «впечатление тяжелодума, очень неэнергичного, мало даже сведущего. А тут он совершенно растерялся, и его доклад был такой, что даже нельзя было вынести впечатления, в каком положении находится дело, чего можно ожидать, какие меры он предполагает предпринять»⁴⁶. Беляев тоже отмечал, что «Хабалов произвел тяжелое впечатление на членов Совета министров — руки дрожат, равновесие, необходимое для управления в такую серьезную минуту, он по-видимому утратил»⁴⁷. Но такую же характеристику давали и самому Беляеву, Балку и другим царским генералам, находившимся тогда в Петрограде. И неудивительно. Всем им было отчего растеряться: Петроградский гарнизон выходил из повиновения царских властей.

Когда обнаружилось бессилие Хабалова, Совет министров возложил руководство подавлением восстания на Беляева. Но по повелению царя Беляев оставил Хабалова на его посту, присутствуя в штабе Хабалова, как он сам отмечал, лишь «на случай необходимости поддержать его энергию и бодрость духа или помочь ему советом»⁴⁸. В тот же день, 27 февраля, Беляев предложил принять командование войсками округа начальнику Генерального штаба полковнику Занкевичу. После этого вообще стало неясным, кто же кому подчинен, кто кем командует. Распоряжались и Занкевич, и Беляев, и Хабалов (последний считал, что военный министр не имеет права вмешиваться в дела округа, непосредственно подчиненного Верховному главнокомандованию). Занкевич облачался в мундир Павловского полка, которым он когда-то командовал, и явился на Дворцовую площадь выяснять, как можно использовать для подавления революции стоявший здесь отряд, о котором говорилось выше. Вывод Занкевича был

⁴⁶ «Падение царского режима», т. II, стр. 266.

⁴⁷ Там же, стр. 239.

⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. ЧСК, д. 480, л. 231.

неутешительным — на солдат, стоявших на площади, нельзя было рассчитывать. С наступлением темноты пассивно выжидавшие войска стали постепенно расходиться по своим казармам. Дворцовая площадь опустела. Лагерь защитников самодержавия лишился еще одного отряда.

Генерал Балк впоследствии критиковал действия царских властей в дни революции. Он писал, что Беляев и Хабалов не оказались на высоте положения и не приняли решительных мер к подавлению восстания, что восстание запасного батальона Волынского полка было для них полной неожиданностью⁴⁹. Вечером 27 февраля бывший командир гвардейского корпуса генерал Безобразов посоветовал Хабалову направить отряд войск в Таврический дворец, чтобы уничтожить образовавшееся там «главное ядро бунтовщиков». Но Хабалов не сделал этого. Балк упрекает Хабалова и в том, что он не использовал для борьбы с революцией военные училища. Однако вечером 27 февраля Хабалов и на них не мог опереться: брожение охватило личный состав пехотных, артиллерийских, инженерного и других военных училищ.

Военные власти столицы не имели внутри Петрограда сил для подавления революции. Им оставалось рассчитывать только на помощь с фронта. В ожидании этой помощи царские власти решили перейти к обороне. Сняв охрану отдельных районов города, они временно примирились с потерей большей части Петрограда. Верные царизму войска заняли определенный район обороны — от набережной Невы и Марининского дворца до Зимней Канавки. Опорным пунктом своей обороны царские власти избрали Адмиралтейство. Почему именно Адмиралтейство? От этого здания расходились радиусом улицы к трем вокзалам столицы — Николаевскому, Царскосельскому и Варшавскому, откуда ждали прибытия фронтowych частей; продвижение этих частей в город могло быть поддержано артиллерией и пулеметным огнем из Адмиралтейства. Примерно в 7 часов вечера туда перебрался штаб округа со всем своим начальством. По вызову штаба округа в Адмиралтейство прибыли запасный батальон Измайловского полка, эскадрон 9-го запасного кавалерийского полка и две батареи гвардейского артиллерийского дивизиона. В общей сложности здесь собралось пять стрелковых рот, численностью до 600 человек, 12 орудий и 40 пулеметов. Командование решило не организовывать наружную оборону Адмиралтейства, а обосноваться внутри здания; закрыли все ходы и выходы, заложили бревнами и дровами все ворота, расставили охрану. Здание Адмиралтейства было превращено в военный остров среди бушующего революционного моря. Войскам, засевшим в Адмиралтействе, была поставлена задача продержаться до вечера следующего

⁴⁹ «Новое время», 1 августа 1923 г.

дня (т. е. 28 февраля). Помощник командира измайловского батальона Б. Фомин рассказывал, что военные власти столицы уверяли измайловцев, что к этому времени в Петроград придут войска с фронта, которые «в самый короткий срок наведут в столице порядок и будут расстреливать не только взбунтовавшиеся запасные батальоны, но и просто толпы демонстрантов»⁵⁰.

Несмотря на такие заверения начальствующих лиц, участников отряда в Адмиралтействе охватывало чувство обреченности. Ни крепкие стены здания, ни чугунные ворота, ни баррикады из бревен и дров не могли воспрепятствовать сохранению этого отряда. Офицеры не ручались за своих подчиненных. В Адмиралтействе не было хлеба, чтобы накормить голодных солдат. Пассивное выжидание и пустой желудок не способствовали укреплению их морального духа. Войска, оставшиеся верными самодержавию, были призваны защищать царское правительство до подхода частей с фронта. Но существовало ли это правительство? Оно еще заседало, собираясь то на квартире Голицына, то в Маринском дворце. В 2 часа дня 27 февраля Беляев доложил министрам о волнениях, начавшихся среди солдат. Министры обрушились на Протопопова за то, что он своими успокоительными заявлениями ввел в заблуждение правительство. Протопопов оправдался тем, что волнения вспыхнули стихийно и не могли быть предусмотрены. Грозная опасность, нависшая над самодержавным строем, основательно испугала царских министров. Всегда апатичный, пассивный Совет министров вдруг стал проявлять некоторые признаки жизни, но было уже поздно.

Совет министров объявил Петроград на военном положении; власть в городе переходила в руки военного командования. Некоторые царские генералы утверждали, что они возражали против этого акта на том основании, что объявлять военное положение может только сам царь. Беляев ответил им: «Считайте, что высочайшее повеление о введении военного положения последовало». Но какое значение могла иметь эта мера, когда реальная власть в столице все больше сосредоточивалась в руках революционного народа.

Накануне гибели самодержавия царское правительство решило расширить власть председателя Совета министров. До того он имел ограниченное влияние на деятельность отдельных министров. На заседании 27 февраля Совет министров предоставил председателю Совета министров право распоряжаться правительственными делами по всем отраслям управления. Но распоряжаться по сути дела было уже нечем; 27 февраля царскому правительству мало кто подчинялся. Наконец Совет министров пожертвовал одним из своих членов. Он решил удалить с поста министра внутренних дел А. Протопопова, действия которого вы-

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 6515, оп. 1, д. 1, л. 34.

звали особенно большую ненависть народа. По царским законам смещать министров мог только сам царь. Министры нашли выход, предложив Протопопову сказать больным и уйти в отставку по болезни. И он ушел, получив за это благодарность от князя Голицына. Но какое значение имела отставка Протопопова 27 февраля, когда народ фактически уволил в отставку все царское правительство с его председателем Голицыным во главе?

Царское правительство уже не имело ни сил, ни средств осуществлять свои собственные решения. Оно даже не могло доводить их до сведения населения. Когда Беляев предложил постановление правительства о введении военного положения отпечатать в типографии Градоначальства, оказалось, что сделать это невозможно, потому что типография захвачена народом и распоряжения царских властей не имели для нее силы. Когда решения Совета министров были, наконец, напечатаны в типографии Морского министерства, обнаружилось, что нечем их расклеить. «Я доложил, — рассказывает Балк, — что не имею возможности, так как не имею ни клея, ни кистей, но ген. Хабалов приказал как-нибудь повесить и прикрепить в районе Адмиралтейства. Из тона ген. Хабалова я мог заключить, что он этому объявлению значения не придавал»⁵¹.

Приняв ничемные и тут же устаревшие постановления, правительство как бы исчерпало себя. Вечером 27 февраля состоялось последнее заседание последнего царского правительства России. Голицын вспоминает: «Мы сидели в Марининском дворце с 7 час. до 11 с половиной час. вечера... Никаких суждений тут не было. Мы ходили растерянные. Мы видели, что дело принимает скверный оборот и ожидали своего ареста»⁵². Стало известно, что народ движется к Марининскому дворцу, намереваясь арестовать царских министров. Страх перед народным возмездием охватил царских сановников. Поднялась невероятная суматоха и паника. Во дворце потушили свет, и, по словам одного из членов правительства, когда снова зажгли огонь, он, к своему удивлению, оказался под столом⁵³. Еще недавно всемогущие министры теперь с черного хода тайком выбирались из дворца. Два министра спрятались в темную комнату, предназначенную для курьеров, чтобы избежать встречи с народом и дожидаться удобного момента для ухода из дворца. Царская власть в столице перестала существовать.

Сообщения, постулавшие из Петрограда в Ставку Верховного главнокомандования 27 февраля, решительно отличались от сообщений предыдущих дней; час от часу росла тревога. Командование округом настоятельно просило Ставку немедленно при-

⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. ЧСН, д. 480, л. 11.

⁵² «Падение царского режима», т. II, стр. 267.

⁵³ М. Родзянко. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 41.

слать помощь с фронта. В 12 час. дня Хабалов телеграфировал царю: «Принимаю все меры, которые мне доступны, для подавления бунта. Полагаю необходимым прислать немедленно надежные части с фронта»⁵⁴. В вечерних телеграммах петроградских властей от успокоительного тона прежних сообщений не осталось и следа. Теперь уже и Беляев взывал о помощи с фронта. В телеграмме Алексееву, посланной 27 февраля в 7 час. вечера, он писал: «Положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удастся; напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с которыми нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города»⁵⁵.

Через час — в 8 час. вечера 27 февраля Хабалов сообщил Алексееву и царю о крахе всех попыток подавить восстание в Петрограде и о переходе большей части Петрограда в руки восставших. «Прошу доложить его императорскому величеству, — писал Хабалов, — что исполнить повеление о восстановлении порядка в столице не мог. Большинство частей одни за другими изменили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. Другие части побратались с мятежниками и обратили свое оружие против верных его величеству войск. Оставшиеся верными долгу весь день боролись против мятежников, понеся большие потери. К вечеру мятежники овладели большей частью столицы. Верными присяге остаются небольшие части разных полков, стянутые у Зимнего дворца, под начальством генерал-майора Занковича, с коими буду продолжать борьбу»⁵⁶. Еще позднее (0 час. 35 мин. 28 февраля) из Петрограда была направлена телеграмма по линии морского ведомства. Граф Капникст докладывал Начальнику морского штаба Верховного главнокомандующего, какие части города заняты мятежниками. Он сообщал об образовании Временного комитета Государственной думы для водворения порядка, но при этом замечал: «Сомнительно, однако, чтобы бушующую толпу можно было успокоить. Войска переходят легко на сторону мятежников. На улицах офицеров обезоруживают. Автомобили толпа отбирает... Командование принял Беляев, но, судя по тому, что происходит, едва ли он справится»⁵⁷.

Теперь уже ни один царский генерал не мог справиться с положением и спасти самодержавие. Рабочие Петрограда начали восстание с голыми руками и, присоединив к нему солдат, добились свержения самодержавия. «Петербургские рабочие, — писал В. И. Ленин, — победили царскую монархию. В героической

⁵⁴ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 8.

⁵⁵ Там же, стр. 9.

⁵⁶ Там же, стр. 15—16.

⁵⁷ Там же, стр. 14—15.

борьбе против полиции и царских войск, начав безоружными восстание против пулеметов, рабочие привлекли на свою сторону большую часть солдат петербургского гарнизона»⁵⁸.

В результате присоединения солдат к народу состав революционной армии количественно и качественно изменился. Рамки движения неизмеримо расширились, борьба приобрела невиданный размах — это и обеспечило победу революции. Но развитие движения вширь не могло не отразиться на уровне сознательности и организованности его участников. Против царизма поднялась огромная солдатская масса, в основном мелкобуржуазная, неустойчивая и колеблющаяся. Это наложило отпечаток на ход последующих событий. Государственная дума, стоявшая в первые дни революции в стороне от движения, неожиданно для себя выдвинулась на первый план. Предложение идти к Государственной думе, выдвинутое меньшевиками-оборонцами накануне революции, не встретило поддержки рабочих. К Таврическому дворцу не шли рабочие и в первые дни революции: петроградский пролетариат не возлагал надежд на Думу. Борьба сосредоточивалась тогда на улицах и площадях столицы. Теперь положение изменилось — началась тяга к Таврическому дворцу. Некоторые авторы объясняют это тем, что казармы воинских частей, которые первые поднялись на борьбу с царизмом (Волынского, Литовского, Преображенского и других полков), были расположены вблизи Таврического дворца — на Кирочной, Таврической, Захарьевской и Шпалерной улицах. Понятно, что эта масса направилась прежде всего в ближайший известный центр. Но этот топографический фактор имел второстепенное значение.

Тягу к Государственной думе породил новый этап движения, начавшийся 27 февраля. Новые социальные слои, впервые вступившие в революционную борьбу, видели в Государственной думе подобие народного представительства, а в думских лидерах — борцов против царского режима. Они рассматривали Думу как центр, с помощью которого можно наиболее безболезненным путем порвать с прошлым. Солдаты, нарушившие присягу царю и присоединившиеся к народу, хотели получить одобрение своим действиям у этого «законного учреждения». Офицеры, присоединившиеся к солдатам, масса городского люда, поддержавшая восстание, стремились санкционировать свои выступления авторитетом Думы. Вот почему клич: «В Таврический дворец! К Государственной думе!» — встретил широкую поддержку в народных массах.

Движению к Государственной думе способствовало и то обстоятельство, что днем 27 февраля по городу распространились слухи о том, что царь распустил Государственную Думу, но

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 67.

Дума не подчинилась царскому указу и взяла на себя организацию новой власти. В «Известиях Комитета петроградских журналистов» было черным по белому напечатано: «Совет старейших в экстренном заседании, ознакомившись с указом о роспуске, постановил: Государственной думе не расходиться, всем депутатам оставаться на своих местах». В тех же «Известиях» сообщалось, что М. Родзянко заявил делегации восставших солдат, явившейся в Таврический дворец, что Государственная дума примет живейшее участие в упразднении старой власти и замене ее новой. В то время, как буржуазия имела возможность использовать для захвата власти этот орган, у рабочих не было готового легального центра. Создать его в ходе ожесточенной уличной борьбы было трудной задачей; увлеченные непосредственными схватками с царизмом большевики не придавали должного значения ее решению. «Русское бюро ЦК, — говорится в „Истории Коммунистической партии Советского Союза“, — уделяя все внимание вооруженному восстанию, недооценило вопрос о власти»⁵⁹.

Правильно понимая значение «действий снизу», имевших решающее значение для свержения царизма, большевики недостаточно сочетали их с «действиями сверху». Попытка большевиков Выборгской стороны создать революционный центр в здании Финляндского вокзала (об этой попытке мы еще будем говорить) не увенчалась успехом. Многие рабочие-большевики вместе с восставшей массой пришли 27 февраля в Таврический дворец. Рабочий С. Скалов впоследствии объяснил это необходимостью лишить самостоятельности Государственную думу. «Я считал, что правильно поступил, когда не согласился идти на Финляндский, чтобы там группировать свои силы отдельно (а такие предложения были). Когда мы шли к Таврическому дворцу, на углу Шпалерной и Литейного проспекта мы увидели записочку, не помню, от какой организации она исходила, приглашавшую всех рабочих собраться на Финляндском вокзале. Такой самоизоляцияй мы сразу противопоставили бы свои очень слабые организационные силы силам Государственной думы и тем самым развязали бы ей руки, давая ей полную свободу действий и самостоятельность на политическое руководство, которое могло быть чревато последствиями». С. Скалов утверждает: «Идти против Думы 27 февраля 1917 года нам было нельзя, да и не с чем: мы были слишком организационно слабы, — руководи-

⁵⁹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. II. М., 1966, стр. 677. Авторы тома приводят в связи с этим характерное высказывание А. Шляпникова. «Все наши помыслы были прикованы к уличной, грандиозно развертывавшейся борьбе. ... Вопросы боевой практики отодвинули на задний план все задачи по оформлению движения, созданию «всеми признаваемого» центра по руководству борьбой и на случай победы» (А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. I, стр. 97).

щие товарищи наши были в тюрьмах, ссылке, в эмиграции. Поэтому надо было идти в Думу, втянуть ее в революционный оборот... Нужно было создать революционный хаос, терроризовать всякую инициативу Думы, направленную против революционных действий, а это можно было сделать, только находясь внутри самой Думы, заполнять, так сказать, все ее поры революционным бытием»⁶⁰.

С доводами С. Скалова едва ли можно согласиться. Пролетариат действительно должен был лишить Государственную думу самостоятельной роли, парализовать ее неустойчивость, сорвать ее попытки сговора с царизмом. Но сделать это можно было самостоятельными революционными действиями народа и созданием в противовес Думе другого подлинно революционного центра. Втянуть же Думу в революционный водоворот, заполнить ее поры революционным бытием было невозможно. Сделать буржуазно-помещичью Думу оплотом революции стремились мелкобуржуазные лидеры. Утверждая, что единственным приемником свергаемого царизма может быть буржуазная власть, они считали, что такая власть должна быть создана Государственной думой. Имена некоторых из этих лидеров, особенно А. Ф. Керенского и Н. Чхеидзе, были известны в широких слоях населения; их речи с трибуны Думы, направленные против царского правительства, имели широкое распространение. Используя свою популярность в массах, мелкобуржуазные деятели выступили в качестве посредников между буржуазией и народом. Они оказывали давление на буржуазию, чтобы заставить ее взять власть, и оказывали влияние на народ, чтобы подчинить его буржуазной власти.

Лидеры эсеров и меньшевиков призывали рабочих и солдат идти к Государственной думе, чтобы вывести ее депутатов из состояния нерешительности и толкнуть их на разрыв со старой властью. Приход рабочих и солдат к Таврическому дворцу действительно оказал влияние на поведение руководителей Государственной думы. «Когда войска появились в Думе, — рассказывал А. Керенский, — сомнения кончились... создалось уже сознание неизбежности решительно выступить: или искать опоры против ворвавшейся стихии или смириться с ней»⁶¹. Характерно, что и лидеры Рабочей группы, освобожденные из тюрьмы, направились в Государственную думу. В. Залежский рассказывает о встрече с ними на улице 27 февраля. «„Куда же вы?“ — с изумлением спрашивали мы их, видя, что они идут на

⁶⁰ С. Скалов. 27 февраля 1917 г. в Петербурге. — «Красная новь». 1931, кн. 3, стр. 118.

⁶¹ Личный фонд М. Полиевктова. Материалы Комиссии опросов. Беседа с А. Керенским.

Литейный, — „В Государственную думу“. — „Ну, а мы в рабочие кварталы“, — бросаем мы им, расходясь»^{61а}.

Устремившись в рабочие кварталы, руководители большевиков не придали значения действиям мелкобуржуазных лидеров. До революции они посылали своих представителей на информационные совещания с ними. Теперь же эта связь нарушилась. А. Шляпников писал: «Путешествие на кв. Н. Д. Соколова, свидание с Чхеидзе, Керенским и другими интеллигентами уже не имело существенного интереса... Техника уличной борьбы и демонстраций под красными знаменами революции не требовала кабинетных соглашений между различными политическими группировками того времени. Мы сознательно не выставляли лозунгов по созданию какого-либо непартийного органа для руководства полустихийным движением, выдвигая для этой цели наши испытанные в борьбе, дисциплинированные и централизованные партийные коллективы»⁶². Между тем нельзя было не учитывать, что мелкобуржуазные лидеры пользовались влиянием в массах; нужно было знать их планы и намерения, чтобы оторвать от них массы и парализовать их действия, направленные на заключение соглашения с думскими лидерами в целях создания буржуазной власти.

Первая колонна солдат и рабочих появилась у Таврического дворца 27 февраля около часа дня. Она остановилась у входа в сад и у подъезда и послала своих представителей в Думу, чтобы выяснить ее намерения. С речами к собравшимся обратился Керенский, Чхеидзе и Скобелев. Идя к толпе, Керенский спросил у Милюкова: «О какой программе говорить народу?» — «Программа ясна. Программа нашего блока», — ответил Милюков. Керенский махнул рукой: «Какая уж тут программа блока? Неужели на этом можно остановиться теперь?». На этом действительно нельзя было остановиться, хотя 27 февраля революция еще не достигла своей высшей точки.

Главный вопрос, который волновал в то время народные массы, был вопрос о власти. Из толпы спрашивали: «Где новая власть? Где новое правительство?». М. Скобелев отвечал: «Сейчас происходит заседание Государственной думы, члены Государственной думы еще колеблются, не решаются взять власть в свои руки. Мы на них оказываем давление». Указывая, что образовать новое правительство дело трудное, Скобелев призывал собравшихся к спокойствию и порядку. «Это может затянуться день-другой. Имейте терпение, раньше всего надо установить революционный порядок»⁶³. К этому же призывал

^{61а} В. Залужский. Из воспоминаний подпольщика. Харьков, 1931, стр. 159.

⁶² А. Шляпников. Указ. соч., стр. 104.

⁶³ М. Рафес. Мои воспоминания. — «Былое», 1922, № 19, стр. 186.

Чхендзе: «Соблюдайте порядок, — говорил он. — Организуйтесь. Нужна организация». В ответ раздались крики: «Дайте руководителей, нужны руководители!».

Массы солдат, пришедшие 27 февраля к Таврическому дворцу, не составляли организованной военной силы. Это были беспорядочные солдатские группы, смешанные с гражданским населением. Задача состояла в том, чтобы организовать и направить их действия, сплотить силы восставших рабочих и солдат, рассеянные по всему городу, обеспечить оборону и дальнейшее наступление побеждавшей, но еще не окончательно победившей революции. Это мог сделать военно-технический центр восстания; но такого центра не было. В этих условиях решающее значение имела инициатива самих участников революции. Бывший студент Петроградского университета, математик и философ, одиночка, не связанный с какой-либо партией, солдат Федор Линде поднялся на ограду Таврического дворца и громким голосом скомандовал: «Солдаты, в строй, вольные, отходи в сторону». И солдаты повиновались. «Решено было составить из них вооруженный отряд, который выстроился во дворе за решеткой перед Таврическим дворцом. Это все были люди, прошедшие военную службу. Тут же выделили из своей среды отдельных начальников из бывших взводных унтер-офицеров и вообще более опытных лиц. Когда солдаты и вольная дружина организовались в отряды, число солдат оказалось довольно велико. Решено было двинуть их в город, в такие места, где можно было ждать вооруженного столкновения»⁶⁴. Отряды вооруженных рабочих и солдат направлялись для захвата опорных пунктов противника и охраны важных объектов. Это делалось не сверху, не по инициативе левого крыла Думы, а снизу, по почину самих масс или отдельных лиц, действовавших независимо друг от друга. Революционные силы осуществляли свои мероприятия явочным порядком.

С вечера 27 февраля движение к Таврическому дворцу приобрело массовый характер. Царский сановник Г. Рейн выражал сожаление, что одновременно с роспуском 4-й Думы не был отдан приказ о закрытии входов в Таврический дворец, как это было сделано Столыпиным при роспуске 1-й и 2-й Дум, чтобы предупредить возможность превращения Таврического дворца в «место народного скопища». Член Думы А. А. Ознобишин указывал, что, если бы ворота Таврического дворца были закрыты и дворец охраняли бы «бравые конные городовые», «бунтовщики» были бы арестованы и события приняли бы другой оборот. Но ни закрытые ворота, ни «бравые городовые» не могли остановить народного движения. Когда стало известно, что солдаты и рабочие идут к Государственной думе, Родзянко

⁶⁴ М. Рафес. Указ. соч., стр. 187.

вынужден был отдать распоряжение начальнику охраны дворца не оказывать сопротивления и не пускать в ход оружия.

Народ снял прежнюю охрану дворца и поставил вместо нее новую. Из солдат-преображенцев, перешедших на сторону народа, организовался первый революционный караул. Он занял все входы и выходы дворца, телеграф и т. п. и ко всем телефонам общего пользования поставил часовых. Таврический дворец превращался в главный опорный пункт революционных событий. Мощная лавина рабочих и солдат уже не останавливалась у ограды или у подъезда дворца, как это было первое время, а устремлялась внутрь здания, в его многочисленные залы и комнаты. За первой людской волной последовала вторая, третья. . .

В Таврический дворец пришли теперь посетители, каких никогда не было в его стенах, пришли подлинные хозяева столицы и всей страны. С. Мстиславский вспоминает: «Помнится, в каком отчаянии были швейцары и уборщики, когда по коридорам и залам затопали толпы вооруженных рабочих и крестьян: „натопчут, в неделю не отмыть“. На этой „швейцарской“ точке зрения стояла и комендатура дворца, жалобно упрашивавшая об „упорядочении допуска“ в помещение Государственной думы». На право входа во дворец стали выдавать пропуска. Но, «как и следовало ожидать, на одного входящего с пропуском прорывалось триста — без пропусков»⁶⁵. П. Милюков отмечает, что к вечеру 27 февраля думцы почувствовали, что они не одни во дворце, что они вообще уже не хозяева его. К этому времени в Таврическом дворце был уже создан центр, вокруг которого объединялись все революционные силы.

Что представлял собой этот центр?

РОЖДЕНИЕ СОВЕТА

Чем дальше разворачивалась вторая русская революция, тем настоятельнее выдвигался вопрос о создании органа, способного довести до конца общенародное восстание и осуществить революционную власть. Первая русская революция показала, что таким органом является Совет рабочих депутатов. Советы были созданы революционными рабочими в огне и буре 1905 года и явились продуктом народного творчества, проявлением самостоятельности народа. Возникнув на почве массовых политических стачек, эти беспартийные организации широких рабочих масс уже тогда превратились в органы общенародной борьбы и вооруженного восстания, в зачатки революционной власти.

⁶⁵ С. Д. Мстиславский. Февральская революция. — «Красная панама», 11 марта 1927 г.

Советы пришли в упадок с упадком революции и возродились с ее возрождением. Учитывая опыт 1905 года, рабочие Петрограда и других городов страны при первых же раскатах революционного грома стали образовывать Советы. Как и в 1905 году, они создавались по инициативе самих рабочих масс. В. И. Ленин писал: «Самочинное, стихийное создание Советов рабочих депутатов в Февральскую революцию повторило опыт 1905 года»⁶⁶. Вопрос об организации Совета поднимался на собраниях петроградских рабочих одновременно в нескольких местах и был вынесен на улицу. Участник революции сообщает: «25 февраля на Знаменской площади у постаментов огромного памятника Александру III был впервые брошен клич: „Приступим к выборам Совета рабочих депутатов!“ Клич этот родился на улице и с ним родилась революция»⁶⁷. В дневнике подростка П. Словатинского записано, что на 30-тысячном митинге, состоявшемся 25 февраля на Знаменской площади, наряду с другими лозунгами раздались лозунги: «Да здравствует Совет рабочих депутатов!»⁶⁸. В воспоминаниях рабочего-большевика И. Гордиенко о событиях 25 февраля на Знаменской площади рассказывается: «У фонарного столба на мотающемся высоком ящике, держась одной рукой за серый столб фонаря, стоит высокий, плечистый, с возбужденным лицом человек, похожий одновременно на рабочего и на студента, и жестикულიруя одной рукой, произносит речь: „Товарищи, настал желанный час, народ поднялся против тиранов, — говорит он, — не теряйте ни одной минуты, создавайте районные Советы рабочих, вовлекайте в них представителей солдат“»⁶⁹.

Призыв к созданию Совета нашел сочувственный отклик в рабочих массах. Н. Суханов отмечает, что мысль об этом «была немедленно подхвачена партийными организациями и, как известно, с успехом проведена на заводах столицы в эти дни... В пятницу вечером (т. е. 24 февраля. — Э. Б.) в городе говорили, что на заводах происходит выборы в Совет рабочих депутатов»⁷⁰. Как мы уже отмечали, в документе Департамента полиции от 25 февраля говорилось, что Петербургский комитет большевиков предлагал преобразовать в Совет рабочих депутатов Информационное бюро представителей заводских комитетов. Меньшевистская фракция Государственной думы также стояла за организацию Совета. М. Скобелев писал: «Еще 22—25 февраля к нам в Таврический дворец приходили передовые рабочие различных кварталов за советами и директивами, что предпринять, на что ориентироваться. Конкретно мы предлагали им немедленно создавать завод-

⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 3.

⁶⁷ «Известия», 12 марта 1924 г.

⁶⁸ «Литературная газета», 6 ноября 1965 г.

⁶⁹ М. Гордиенко. Из боевого прошлого. М., 1957, стр. 58.

⁷⁰ Н. Суханов. Записки о революции, кн. 1. Пг., 1919, стр. 27—28.

ские центры, заводские комитеты и готовить по заводам выборы в Совет рабочих депутатов»⁷¹.

И большевики и меньшевики выступали за организацию Совета, но они по-разному решали вопрос о власти и потому по-разному понимали значение Совета. Исходя из того, что после свержения царизма власть должна перейти в руки буржуазии, меньшевики рассматривали Совет не как орган власти, а как организацию самостоятельности рабочих и средство давления на буржуазную власть. Иначе рассматривали роль Советов большевики. Они исходили из того, что в огне ожесточенных боев с царизмом должно образоваться Временное революционное правительство как орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, призванный довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России и проложить путь революции социалистической. Большевики считали, что такое правительство должно быть создано Советом.

Одна из первых попыток создать Совет рабочих депутатов была сделана на собрании представителей рабочих организаций, состоявшемся 25 февраля в помещении Петроградского союза рабочих потребительских обществ (в доме 144 по Невскому проспекту), о котором мы упоминали выше. Собрание постановило образовывать Совет рабочих депутатов. Сведения об избранных депутатах предлагалось направлять в рабочие кооперативы или больничные кассы. Общегородским центром, в котором должны были сосредоточиваться сведения из районов, был намечен Петроградский Совет рабочих кооперативов. Первое заседание Совета предполагалось собрать уже на следующий день⁷². Однако намеченный здесь план не осуществился: многие участники собрания вечером того же 25 февраля были арестованы.

Между тем на предприятиях продолжалась работа по организации Совета и производились выборы депутатов. О том, что создается Совет рабочих депутатов, стало известно и царским властям. В донесении, поступившем в царскую охранку 26 февраля, говорилось: «Поднят вопрос о создании Совета рабочих депутатов. . . . Избрание в Совет рабочих депутатов произойдет на заводах, вероятно, завтра утром и завтра к вечеру Совет рабочих депутатов уже может начать свои функции. Это-то обстоятельство еще раз говорит за необходимость не допустить завтра утром заводских собраний путем закрытия всех заводов»⁷³. Царские власти были не в силах осуществить предлагаемые меры и сорвать создание Совета рабочих депутатов. Однако вследствие недостатка организованности и отсутствия единого руководящего

⁷¹ М. Скобелев. Гибель царизма. — «Огонек», 1927, № 11.

⁷² «Как образовался Петроградский Совет». — «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 27 августа 1917 г.

⁷³ «Былое», 1918, № 1 (29), стр. 174—175.

центра дело с созданием Совета затягивалось. Идея Совета носилась в воздухе, но ее осуществление запаздывало.

Прошло четыре дня борьбы, а Совет рабочих депутатов все еще не был создан; революционное движение одерживало решающие победы над старой властью, а органа новой власти все еще не существовало. Дальнейшее промедление с созданием Совета было недопустимо. В таких условиях и вышло обращение Российской социал-демократической рабочей партии, в котором говорилось о необходимости довести борьбу до победы над царизмом и в этих целях организовать Совет рабочих депутатов. Судя по содержанию, это обращение было выпущено большевиками 27 февраля. В обращении указывалось, что настал час освобождения революционного народа и расправы с царским правительством, что армия поддержала рабочих, что освобождение из тюрем борцов за свободу укрепило союз революционной армии и народа. «Мы должны завершить начатое дело. Петербургские рабочие, продолжайте и распространяйте всеобщую забастовку, демонстрации, братание с солдатами и казаками, готовьтесь к вооруженной борьбе. Для победы нам нужна организованность, нам нужен руководящий центр движения. Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих депутатов, который возьмет на себя организующую роль в движении, который создаст Временное революционное правительство»⁷⁴.

Наиболее энергичная работа по организации Совета развернулась в Выборгском районе. Сохранилась листовка, напечатанная на ротаторе, под которой стоит подпись: «Организующийся Совет рабочих депутатов». Содержание листовки и воспоминания участников событий свидетельствуют о том, что она была выпущена Выборгским комитетом большевиков. Рабочий-большевик С. Иванов пишет: «27 февраля Выборгский райком партии обратился к рабочим и солдатам с призывом организовать Совет»⁷⁵. Об этом же сообщает Э. Студенцова: «Утром 27 февраля на собрании Выборгского районного комитета партии была организована инициативная группа по выборам Совета рабочих депутатов. Эта группа выпустила воззвание организующегося Совета рабочих депутатов»⁷⁶. В воззвании говорилось: «Настал желанный час.

⁷⁴ «Революционное движение после свержения самодержавия». М., 1957, стр. 5. Составитель этого сборника, публикуя данный документ, пишет, что он был выпущен Бюро ЦК РСДРП (стр. 752). Но он не указывает основания для такого утверждения. Листовка не подписана каким-либо конкретным комитетом РСДРП, но на основании содержания может быть признана большевистской.

⁷⁵ Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции (Ленинград), ф. 6. Воспоминания С. Иванова, стр. 12.

⁷⁶ «Выборгская сторона». Сборник статей и воспоминаний, Л., 1957, стр. 29.

Народ берет власть в свои руки. Революция началась. Не теряйте ни минуты времени, создайте сегодня Временное революционное правительство. Только организация может укрепить наши силы. Прежде всего выбирайте депутатов, пусть они свяжутся между собой. Пусть под защитой войска создается Совет депутатов»⁷⁷.

К выборам в Совет депутатов призывала и листовка, выпущенная в это время группой межрайонцев и эсеров. В ней отмечалось, что место царского правительства «займет Временное революционное правительство. Оно должно состояться из представителей пролетариата и армии. Товарищи! Немедленно приступайте к выборам Совета рабочих депутатов. Армия уже производит выборы своих представителей. Завтра окончательно сформируется Временное революционное правительство»⁷⁸.

Таким образом, во всех этих листовках содержался призыв к организации Совета рабочих депутатов, причем он или отождествлялся с Временным революционным правительством, или должен был создать таковое. Как же образовать сам Совет? Обращение РСДРП предлагало сначала выбрать заводские стачечные комитеты, представители которых составят затем Совет рабочих депутатов. Но события развивались так быстро, а потребность в организации Совета была так велика, что двухступенные выборы могли надолго затянуть дело его организации. На более быстрый и простой путь указывали обращение большевиков-выборщиков и листовка межрайонцев и эсеров. Они призывали рабочих выбирать депутатов в Совет непосредственно на рабочих собраниях.

Куда же собираться выбранным депутатам? Листовка группы межрайонцев и эсеров не давала определенного ответа на этот вопрос. «Выбирайте и ждите листов», — говорилось в ней. Более конкретно определила место созыва Совета «выборгская листовка», подписанная «организующимся Советом рабочих депутатов». В ней говорилось: «Пусть Финляндский вокзал будет центром, куда соберется революционный штаб». Казалось, что это был удачный выбор — Финляндский вокзал находился на Выборгской стороне, на территории главного оплота восстания. До 27 февраля он и мог стать центром революционных сил. Но 27 февраля движение направилось к другому центру — к Таврическому дворцу. Время для создания Совета рабочих депутатов в главном оплоте восстания было упущено, а 27 февраля в борьбу включились новые силы, наложившие свой отпечаток на ход событий и оказавшие свое влияние на создание Совета.

В итоге, организация Совета рабочих депутатов оказалась в руках не большевиков, не рабочих вожakov, возглавлявших различные сражения с царизмом, а мелкобуржуазных лидеров, вра-

⁷⁷ «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны». Л., 1939, стр. 217.

⁷⁸ Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. листовок, явв. № 1а.

щавшихся *около* рабочего движения. Это были члены меньшевистской и грудовой фракций Государственной думы, работники земств, городов, коопераций, адвокаты и журналисты. Они хотели создать Совет рабочих депутатов, чтобы использовать его для борьбы за ликвидацию царизма и установление буржуазно-демократического строя. В этих же целях действовали и члены рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета — К. Гвоздев, М. Брейдо и др., направившиеся после освобождения из «Крестов» в Государственную думу. Лидеры буржуазии были заинтересованы в осуществлении их намерений. Как сообщает Н. Иорданский, управляющий делами Военно-промышленного комитета барон Мандель посадил К. Гвоздева в автомобиль и вместе с ним «объезжал с благословения лидеров Военно-промышленного комитета заводы и бросал в рабочие массы лозунг немедленных выборов в Совет рабочих депутатов по примеру 1905 года»⁷⁹.

27 февраля в 2—3 часа дня в Таврическом дворце собралась группа легальных деятелей, связанных с рабочими кругами. Здесь были Н. Чхеидзе, М. Скобелев, А. Керенский, Б. Богданов, К. Гвоздев, Н. Соколов, И. Волков, Н. Капеллинский, А. Гриневич и др. Они назвали себя Временным исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов и от имени этого Комитета обратились с воззванием к населению столицы. Воззвание было срочно отпечатано, появилось в виде отдельной листовки и было помещено в единственной газете, вышедшей 27 февраля, — «Известиях петроградских журналистов». Вот его текст: «Граждане! Заседающие в Государственной думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей состоится сегодня в 7 час. вечера в помещении Государственной думы. Всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту. Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу. Заводы, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату. Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов».

С этого времени Таврический дворец стал центром организуемого Совета рабочих депутатов. В левом крыле дворца, в трех комнатах Бюджетной комиссии Думы разместился Временный исполнительный комитет Совета. В самой большой из них, в комнате № 12, где стоял огромный стол, накрытый сукном, предполагалось начать первое заседание Совета рабочих депутатов. Рядом шла регистрация прибывавших рабочих депутатов. Приходили и агитлигенты, часть которых отошла от активной революционной работы. Пришел и Хрусталев-Носарь, бывший в 1905 году председателем Петербургского Совета рабочих депутатов. Дискре-

⁷⁹ Н. И. Иорданский. Указ. соч., стр. 169.

дтировав себя открытым сотрудничеством с буржуазией и предательством рабочих интересов, он намеревался теперь «по старой памяти» возглавить Совет. Однако претензия Хрусталева-Носаря натолкнулась на противодействие собравшихся. Большевики выразили протест по поводу того, что ренегат, ставший сотрудником реакционной газеты «Новое время», клеветник и антисемит, присутствует на открытии боевого, революционного рабочего органа и даже претендует на руководство. Кандидатура Хрусталева-Носаря в руководители Совета была провалена⁸⁰.

За несколько часов, протекших со времени выпуска воззвания Временным исполнительным комитетом, извещение о созыве первого заседания Совета рабочих депутатов не могло получить широкого распространения в заводских районах столицы. К назначенному сроку — к 7 часам вечера 27 февраля — в Таврический дворец собралось немного депутатов Совета; депутаты от предприятий тонули в общей массе явившихся. По предложению большевиков было решено повременить с открытием заседания, подождать, пока соберется два-три десятка действительно рабочих депутатов. Большевики намеревались использовать эту отсрочку, чтобы оповестить рабочие районы о предстоящем заседании Совета. Но телефоны действовали плохо, заводы и фабрики не работали, рабочие-революционеры находились на улицах. В таких условиях добиться правильного представительства рабочих в Совете было невозможно. В тот день депутатов в Совет посылали большей частью не сами рабочие, а их легальные организации. Рабочий-большевик П. Александров рассказывает, что сообщение об организации Совета было передано 27 февраля из Таврического дворца рабочему кооперативу Путиловского завода «Трудовой путь», который и выделил депутатов. «Нам вручают бумагу, на которой написано, что „предъявители сего — Афанасьев С. М., Алексеев В. П., Александров П. П. и другие действительно выделены кооперативом „Трудовой путь“ в Петроградский Совет рабочих депутатов...“ Вручаем свои бумаги, нам на левый рукав повязывают широкую красную ленту, и мы входим в сравнительно небольшую комнату, где заседает Совет»⁸¹.

Было примерно 9 час. вечера 27 февраля, когда открылось первое заседание Петроградского Совета рабочих депутатов. Об этом заседании сохранились сообщения в статье «Как образовался „Петроградский Совет“» («Известия ЦИК», 27 августа 1917 г.) в мемуарах А. Шляпникова, Н. Суханова, М. Рафеса, В. Зензинова и других⁸². Сколько депутатов присутствовало на

⁸⁰ М. Рафес сообщает, что Хрусталева-Носаря и Гвоздева были сначала избраны в состав мандатной комиссии, но затем исключены из ее состава («Былое», 1922, № 19, стр. 189).

⁸¹ П. П. Александров. За Нарвской заставой. Л., 1963, стр. 128—129.

⁸² Сведения этих источников противоречивы, а протокол заседания не сохранился или его вообще не было.

первом заседании Совета? Н. Суханов отмечает: «К моменту открытия заседания депутатов было около 250 человек. Но в зал непрерывно вливались все новые группы людей»⁸³. А. Шляпников пишет о 40—50 депутатах, присутствовавших на первом заседании Совета, имея в виду представителей рабочих, которые составляли меньшинство в общей массе собравшихся. В статье «Как организовался Совет» («Известия», 27.VIII) говорится, что на первом заседании Совета присутствовало 125—150 депутатов и представителей организаций. Сопоставляя эти данные, можно полагать, что присутствующие делились на три группы — депутаты с решающим голосом, депутаты с совещательным голосом и гости, что на первом заседании Совета присутствовало вместе с гостями 250 человек, а число депутатов Совета доходило до 125—150 человек. В голосовании же участвовало человек 50. Видимо, эти последние были депутаты Совета с правом решающего голоса.

Из членов Временного исполнительного комитета наибольшую активность проявлял Н. Соколов. Он же и открыл первое заседание Совета рабочих депутатов. Председателем Совета был избран Н. Чхеидзе, товарищами председателя — А. Керенский и М. Скобелев. Выбор этих легальных деятелей в качестве руководителей Совета нельзя считать случайным. Тогда как деятели революционного подполья были известны только узкому кругу лиц, да и то не по их настоящим фамилиям, Керенского, Чхеидзе, Скобелева широко знали по их выступлениям в Государственной думе и на легальных собраниях. Рабочие, присутствовавшие на первом заседании Совета, спешили на улицу, в районы, где продолжалась революционная борьба. Фракционные партийные совещания перед открытием заседания Совета не были созданы, и все заседание проходило «по-беспартийному».

Чхеидзе произнес речь, в которой говорил о значении русской революции и необходимости борьбы за ее успешное завершение. «Да здравствует революция! Да здравствует революционная армия!» — провозгласил Н. Чхеидзе. Несклько слов сказал А. Керенский, быстро удалившись в правое крыло Таврического дворца, где в это время заседали думские деятели. Туда же вскоре ушел и Н. Чхеидзе. Н. Суханов рассказывает: «Председательствовать остался Скобелев, который среди суматохи и всеобщего возбуждения совершенно не владел ни каким-либо общим планом действий, ни собранием, протекавшим шумно и довольно беспорядочно»⁸⁴.

Заседание Совета происходило сумбурно; заранее намеченного порядка дня не было, вопросы поднимались и решались в большой спешке. Обстановка была еще не ясна, борьба продол-

⁸³ Н. Суханов. Указ. соч., кн. 1, стр. 96.

⁸⁴ Там же, стр. 97.

жалась. Скобелев отмечал, что «из докладов с мест выяснилось, что далеко не все районы города в руках восставших, а в охваченных восстанием отсутствует какая-либо организованность и руководство. Заседание Совета было кратковременным и всем членам его было предложено немедленно вернуться в свои районы, чтобы оповестить рабочих и солдат об образовании Совета и для организационной работы восстания»⁸⁵. Совет рабочих депутатов, видимо, ограничился в этот день обсуждением преимущественно организационных вопросов. Его руководители считали, что вопрос о власти ставить перед Советом преждевременно. Они вступили по этому вопросу в переговоры с думскими деятелями и хотели, видимо, сохранить в этих переговорах свободу действий. Но обойти молчанием более узкий вопрос, вопрос об отношении к Временному комитету, только что созданному Государственной думой, было невозможно. Большевики выступали против сотрудничества с думским Комитетом. М. Рафес отмечает, что большевики «с первых же шагов уже требовали борьбы против Временного комитета Гос. думы. Соглашение и совместная работа Совета рабочих депутатов с Комитетом Государственной думы или борьба с ним — этот вопрос был краеугольным камнем и красной нитью проходил через все прения»⁸⁶.

Не случайно поэтому возникли разногласия по вопросу о вхождении представителей Совета во Временный комитет Государственной думы⁸⁷. Одни депутаты заявляли, что вхождение в думский Комитет свяжет Совету руки и даст возможность буржуазии переложить на него часть ответственности за свои действия. Другие, наоборот, считали, что таким путем можно будет легче следить за мероприятиями думского комитета, не допустить, чтобы буржуазия нанесла ущерб революции. Вторая точка зрения взяла верх. Совет высказался за установление контакта с Временным комитетом Государственной думы и за оставление в этом комитете уже вошедших в его состав Чхеидзе и Керенского.

Совет рабочих депутатов на своем первом заседании образовал Исполнительный комитет. В него были избраны Н. Чхеидзе, А. Керенский, М. Скобелев, Ю. Стеклов, Н. Суханов, Н. Капелинский, А. Шляпников, П. Залуцкий, Э. Соколовский, П. Красиков (Павлович), П. Александрович и в качестве секретарей Совета К. Гвоздев, Н. Соколов, К. Гриневич и Г. Панков⁸⁸. Из всего состава Исполнительного комитета Совета только большевики — А. Шляпников и П. Залуцкий решительно и последовательно боролись за интересы революционного пролетариата. Остальные

⁸⁵ М. Скобелев. Гибель царяма. — «Огонек», 1927, № 11.

⁸⁶ М. Рафес. Указ. статья, стр. 190.

⁸⁷ Об организации этого комитета рассказывается ниже.

⁸⁸ «Как образовался Петроградский Совет». — «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 27 августа 1917 г.

члены комитета выражали настроения мелкобуржуазных слоев населения. Меншевик О. Ерманский характеризовал членов Исполкома Н. Суханова, Э. Соколовского, Н. Капелевского, К. Гриневича, Г. Панкова как мало кому известных людей, не связанных с какими-либо организациями, и удивлялся, на каком основании они были избраны в Исполнительный комитет Совета⁸⁹.

Членов Исполкома Н. Соколова, Ю. Стеклова и П. Красикова (Павловича) считали представителями левого направления и даже большевиками. В прошлом это, действительно, было так, но в годы войны они отошли от активной партийной работы и не стояли на большевистских позициях. Эти люди вошли теперь в Исполнительный комитет в качестве «внефракционных кандидатов». На первых порах они играли в Совете большую роль, особенно Ю. Стеклов, но поддерживали не линию большевиков, а политику, осуществляемую эсерами и меньшевиками⁹⁰. Избрав Исполнительный комитет, Совет рабочих депутатов решил пополнить его представителями политических партий, по три представителя от большевиков, меньшевиков, эсеров и по одному представителю от национальных организаций этих партий.

подавляющее большинство членов Исполнительного комитета видело первоочередную задачу Совета в том, чтобы содействовать окончательной ликвидации самодержавия и утверждению буржуазной власти, отстаивать перед этой властью интересы демократии. Но Совету с первого дня существования пришлось выйти за эти рамки. Царского правительства уже не существовало, а буржуазная власть еще не была создана. В этот переходный период Совет принял ряд срочных мер, чтобы окончательно ликвидировать старый порядок, закрепить и упрочить завоевания революции. Он фактически был тогда единственным органом власти.

Два неотложных вопроса встали перед Советом рабочих депутатов еще в период его формирования — вопрос военный и вопрос продовольственный. Восстание против царизма росло и ширилось. Вооружались рабочие; переходили на сторону народа солдаты, но ни рабочие, ни солдатские массы не представляли собой сплоченной вооруженной силы. Присоединяясь к революции, солдаты разрушали прежнюю систему военной организации и дисциплины, но новой организации не было. Большинство солдат не имело оружия, офицеров с ними не было, солдаты отбились от своих частей и перемешались с вольной публикой. Не решаясь возвратиться в казармы, где еще хозяйничали ненавистные командиры, солдаты кучками и в одиночку бродили по городу, не имея

⁸⁹ О. Ерманский. Указ. соч., стр. 158.

⁹⁰ Впоследствии все трое вернулись в большевистскую партию и были ее активными деятелями.

пристанища и пищи. При таком положении опасность нападения на революционные силы была велика. Революция одержала решающую победу в Петрограде. Но никто не знал, что делается в других городах, на фронте. Не ясно было положение и в отдельных районах Петрограда, на вокзалах и т. д.

В этих условиях необходимо было придать возможно большую организованность развернувшейся борьбе, наладить связь между отдельными частями, навести революционный порядок в городе и организовать военную защиту революции от возможного нападения врага. Еще до открытия первого заседания Совета Временный исполнительный комитет вызвал в Таврический дворец несколько демократически настроенных офицеров. Явился сотрудник Военной академии подполковник С. Масловский (Мстиславский), старший лейтенант флота В. Филипповский (оба эсеры) и некоторые другие. Они образовали Военную комиссию. Были тут и простые солдаты — делегаты от частей. Военная комиссия начала свою деятельность с выяснения обстановки. Сведения, полученные комиссией, были неблагоприятны. Силы революции были неорганизованы, в ее распоряжении не было ни артиллерии, ни пулеметов, ни командного состава, ни связи. С. Мстиславский писал, что, применяя «военный трафарет», положение революционных сил следовало признать катастрофическим. Но «военный трафарет» был в данном случае неприменим, революционные события развивались совсем по другим законам; силы революции имели морально-политические преимущества перед царским войском и неуклонно росли и крепились, тогда как силы царизма слабели.

Тот же Мстиславский отмечал и выгодное расположение революционных сил. Царские власти не вывели свои войска из «опасной зоны» за городскую черту, не вызвали к себе подкреплений, чтобы перейти в наступление на революцию. Царские войска были стянуты в самый центр города и охвачены со всех сторон «мятежниками». «В городе же революционная атмосфера разбивает правительственные войска вернее всяких баррикад»⁹¹. Но одного хорошего расположения революционных сил было недостаточно для их победы. Отсутствие единого военного руководства и общего плана затрудняло действия революционного лагеря.

Уже первое заседание Совета рабочих депутатов вечером 27 февраля решило принять меры к организации революционной охраны города. На это заседание пришли представители воинских частей, вставших на сторону революции; депутаты горячо приветствовали их. Совет утвердил уже созданную Военную комиссию «для дальнейших организаций революционных выступлений». Совет рабочих депутатов призывал все восставшие воинские части немедленно связаться с Военной комиссией и подчиниться

⁹¹ С. Мстиславский. Пять дней. М., 1922, стр. 20—21.

ее распоряжениям. В № 1 «Известий Совета рабочих депутатов» сообщалось: «Во главе восставших войск стоит Военный комитет из офицеров и солдат в Таврическом дворце. Все воинские части и отдельные солдаты должны обращаться за распоряжениями в этот Комитет (имелась в виду Военная комиссия. — Э. Б.)».

Военная комиссия обосновалась в правой половине Таврического дворца в комнатах № 41—42, где находился кабинет товарища председателя Государственной думы. Следуя призыву Совета, в Военную комиссию обращались солдаты восставших частей. Являлись сюда и офицеры, но их было немного; командиры частей и подразделений петроградского гарнизона, как и офицеры с высокими воинскими званиями, пока полностью отсутствовали. В Военную комиссию приходили преимущественно молодые прапорщики — фронтовики, находившиеся в столице в отпуске или в командировке.

Восставшие рабочие и солдаты шли в Военную комиссию за помощью, советом, указаниями. Озабоченные необходимостью быстрее разбить ненавистного врага, они предлагали Комиссии действовать более активно, решительно, инициативно. Отовсюду задавались вопросы и вносились предложения: отчего до сих пор не захватили воздухоплавательного парка, отчего не прикажете улицы перекопать, чтобы броневики не смогли проехать? Отчего же не взорвали военно-полицейского телеграфа? Штурмуйте Петропавловскую крепость... и т. д. и т. п.⁹²

Военная комиссия принимала меры к тому, чтобы уничтожить опорные пункты царяма в столице и организовать оборону революции от возможного наступления войск с фронта. Формировались отряды солдат и рабочих, которые направлялись на вокзалы и другие важные объекты города. Им вручались официальные письменные приказы и предписания; бланков и печати ни Совет, ни Военная комиссия не имели, приказы и предписания писались на «подручном материале» — на бланках, найденных в столах кабинета с заголовком «Товарищ Председателя Государственной Думы»⁹³. Военная комиссия не могла охватить своим руководством развернувшееся народное восстание, но сыграла все же определенную роль в организации революционных вооруженных сил Петрограда и в решении многочисленных военно-технических задач, вставших перед революцией.

Совет рабочих депутатов взялся за организацию продовольственного дела. Царские власти не смогли обеспечить снабжение населения хлебом и другими предметами первой необходимости. Над трудовым людом Петрограда нависла угроза голода, и нужны были решительные меры, чтобы устранить ее. Бюрократическим

⁹² С. Мстиславский. Пять дней. М., 1922, стр. 16.

⁹³ Приказы и предписания с таким заголовком способствовали распространению ложного представления о руководящей роли Государственной думы в революции.

методам разрешения продовольственного кризиса Совет рабочих депутатов противопоставил широкое общественное начало. Он считал необходимым привлечь к снабжению продуктами питания общественные организации и само население. Еще до открытия заседания Совета рабочих депутатов была создана продовольственная комиссия Совета, в которую вошли Н. Громан, М. Новорусский и другие общественные деятели. Совет одобрил создание этой комиссии и принял ряд решений по продовольственному вопросу. Он постановил «секвестровать имеющиеся в казенных, интендантских, общественных и иных складах запасы муки и снабдить ею хлебопечкарни»⁹⁴.

Остро встал вопрос об организации питания восставших солдат. Оторвавшиеся от своих частей солдаты не были обеспечены продовольствием. Совет рабочих депутатов не располагал необходимыми ресурсами и организацией, чтобы взять на себя питание солдат. Он обратился за помощью к населению. 27 февраля Временный исполнительный комитет Совета опубликовал в «Известиях Комитета петроградских журналистов» воззвание к жителям столицы: «Товарищи! Солдаты, ставшие на сторону народа, с утра находятся на улице голодные. Совет депутатов рабочих, солдат и населения прилагает все усилия к тому, чтобы накормить солдат. Но сразу организовать продовольствие трудно. Совет обращается к вам, граждане, с просьбой накормить солдат всем, что только у вас есть». Жители Петрограда горячо откликнулись на этот призыв. По всему городу возникли продовольственные пункты для солдат. Они существовали в самом Таврическом дворце, в столовых, ресторанах, учебных заведениях, учреждениях, в отдельных домах. Население столицы делилось всем, чем могло, со славными борцами революции.

Совет рабочих депутатов с первых шагов своей деятельности занялся организацией печатного слова. Рабочая печать была призвана сыграть большую роль в организации трудящихся масс на борьбу за победу революции. Но рабочие газеты были закрыты царскими властями, а листовки и прокламации не могли заменить их. Между тем огромное количество черносотенных и либеральных газет вносило сумятицу и систематически отравляло сознание населения. В момент решающих сражений с царизмом деятельность этих газет становилась особенно опасной. Рабочие выбили у царизма и буржуазии их идейное оружие: в результате всеобщей забастовки черносотенные и буржуазные газеты перестали выходить. Петроград остался без периодической печати.

Массы людей, разбуженные революцией, вынуждены были довольствоваться всевозможными слухами о происходивших собы-

⁹⁴ «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 28 февраля 1917 г. Прибавление № 1.

тиях. Сторонники старого порядка распускали ложные слухи, чтобы внести замешательство в революционные ряды.

В таких условиях проявили инициативу петроградские журналисты. Они решили издавать печатный орган, который освещал бы население о происходящих событиях. Чтобы выпустить такой орган в условиях всеобщей забастовки, буржуазные журналисты вынуждены были обратиться за помощью к руководителям Совета. Чхеидзе и Керенский призвали рабочих печатать «Известия петроградских журналистов». 27 февраля, в день, когда не вышла ни одна газета, эти «Известия» увидели свет. Петроградские журналисты обязались печатать в них только фактический материал о происходящих событиях, но в самом подборе и передаче фактов на страницах этого листка проявлялась определенная тенденция. «Известия петроградских журналистов» отражали линию буржуазных групп и под этим углом зрения «осведомляли» население о том, что происходит в столице и в стране.

Нужно было создать печатный орган, который давал бы правдивую информацию, разъяснял задачи трудящихся в развернувшейся борьбе, сообщал о решениях Совета рабочих депутатов и проводил его линию. С этой целью Совет рабочих депутатов решил издавать ежедневную газету «Известия». Совет избрал литературную комиссию «для издания газет, листовок и воззваний», в которую вошли Н. Соколов, А. Пешехонов, Ю. Стеклов, К. Гриневич, Н. Суханов. За организацию газеты взялись Ю. Стеклов, В. Бонч-Бруевич. Большевик Бонч-Бруевич с отрядом солдат занял для нужд Совета одну из самых больших типографий города — типографию газеты «Копейка». Здесь стали издаваться листовки, прокламации, а 28 февраля вышел № 1 газеты «Известия Совета рабочих депутатов». Тираж первого номера газеты вместе с вышедшим вечером того же дня «приложением» составил 400 тыс. экземпляров.

В ночь на 28 февраля состоялось первое заседание Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. Неизвестно, велся ли протокол этого заседания, во всяком случае обнаружить его не удалось; о том, что обсуждалось на заседании, мы можем судить по краткой заметке в «Известиях Совета рабочих депутатов» и по отдельным воспоминаниям. На первом заседании Исполнительного комитета Совета обсуждался вопрос о вооружении рабочих и создании рабочей милиции. Чтобы обеспечить победу и дальнейшее развитие революции, нужно было создать ее боевую силу, организовать и вооружить рабочие отряды, слюлить в организованные части солдат, отбывшихся от частей и бродивших по всему городу. Исполнительный комитет Совета решил сосредоточить вооруженные силы народа в определенных пунктах, главным образом у заводов, и подчинить их единому руководству. В № 1 «Известий Совета рабочих депутатов» было опубликовано постановление Исполнительного комитета Совета, устанавливав-

шие следующие сборные пункты «для вооруженных рабочих и войска»: Выборгский район — Общество потребителей и больничная касса Парвизайнен; Петроградский — Биржа труда, напротив Народного дома; Васильевский остров — Биржа труда, 13 линия, дом 46; Рождественский — Мытнинская ул., столовая попечительства; Московский — столовая завода «Динамо»; Невский — вечерние классы в с. Смоленском; Нарвский — Больничная касса Путиловского завода. Эти сборные пункты были широко известны как легальные центры рабочих организаций до революции.

На сборные пункты должны были явиться отряды рабочей милиции. Ее основой послужили отряды вооруженных рабочих, боровшиеся против полицейских засад, громившие полицейские участки, производившие обыски и аресты деятелей старого режима, и т. д. Исполнительный комитет Совета установил определенные нормы организации рабочей милиции. Она создавалась на фабриках и заводах Петрограда из расчета 100 человек на 1000 рабочих, каждый десятый рабочий должен был получить оружие.

Вопрос о рабочей милиции и ее вооружении стоял и на втором заседании Совета рабочих депутатов, состоявшемся 28 февраля. Совет постановил обратиться к офицерам-социалистам и студенческим организациям с призывом принять участие в организации милиции. На том же заседании было решено «издать обращение ко всему населению Петрограда с призывом выяснить количество оружия и доставить его в комиссарнат; обращение с призывом вооружаться и не тратить патронов даром»⁹⁵.

В соответствии с этим решением Совет рабочих депутатов выпустил обращение к рабочим. В нем говорилось: «Рабочий класс испытывает в настоящее время острую нужду в оружии. Успешность такой борьбы тесно связана со степенью организации рабочего класса. Поэтому СРД просит всех товарищей-рабочих, у которых имеется оружие, передавать его комиссарам, назначенным в различные районы столицы Советом РД. Если почему-либо это выполнить невозможно, то необходимо сдавать это оружие Совету раб. деп., помещающемуся в здания Гос. Думы (Таврический дворец). Товарищи рабочие! Помните, что для успеха народного дела необходимо вооружаться, запасаться патронами и не тратить их зря. Плохо делает тот, кто стреляет без толку в воздух, наводя панику на жителей и растрчивая без пользы столь драгоценные в настоящее время боевые припасы. Товарищи, вооружайтесь!»⁹⁶

Совет рабочих депутатов не мог охватить своим влиянием весь Петроград. Встал вопрос об организации районных Советов. Судя

⁹⁵ «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 1 марта 1917 г.

⁹⁶ Там же.

по газетной информации, уже на первом своем заседании Совет выбрал 10 временных комиссаров для организации районных отделений Совета. По всей вероятности, подробного обсуждения вопроса об организации власти в районах на данном заседании не было; этим вопросом занялся Исполнительный комитет Совета. Совет назначил районных комиссаров: в Выборгский район — А. Шляпникова, Лесной — эсера Сурина, Петроградский — народного социалиста А. Пешехонова. После заседания Исполнительного комитета Совета состоялось совещание районных комиссаров. Присутствовало человек пять-шесть. А. Шляпников писал: «На нем мы обменялись мнениями по вопросу об организации власти в районах. Опыта у нас еще не было, а потому совещание носило теоретический характер и было посвящено главным образом вопросу о том, как провести в жизнь постановление об организации вооруженных сил и „обеспечении“ революционного порядка в столице»⁹⁷.

В большинстве районов роль районных комиссаров была невелика. В первые же дни революции образовались районные Советы рабочих депутатов, которым и принадлежала вся власть. Так было, в частности, в Выборгском районе; рабочие взяли в свои руки все управление районом. Местный Совет играл на Выборгской стороне решающую роль. Комиссар Исполнительного комитета был только связующим лицом между ним и Петроградским Советом. По-иному сложились дела на Петроградской стороне. Совет рабочих депутатов был создан здесь позже. Комиссар Пешехонов, подобрав группу рабочих, солдат и интеллигентов, организовал районный комиссариат, взявший на себя охрану безопасности и порядка на Петроградской стороне. Комиссариат связался с Временным комитетом Государственной думы, но указаний для своей работы от него не получил. «Из разговора с Милюковым, — писал Пешехонов, — я вынес впечатление, что в Думском комитете вопрос об организации власти на местах даже не поднимался, — во всяком случае никаких решений и даже предположений на этот счет не имелось»⁹⁸.

Текущая работа Совета рабочих депутатов сосредоточилась в Исполнительном комитете. Он помещался в комнате № 13 (кабинет председателя бюджетной комиссии Думы). Здесь происходили заседания Комитета и дежурили его члены, беседовавшие с отдельными рабочими и солдатами и целыми делегациями, все в большем количестве прибывавшими в Совет. За портьерой помещался небольшой аппарат Исполнительного комитета.

Заседания Исполнительного комитета происходили почти непрерывно. Обсуждение вопросов, поставленных в порядок дня,

⁹⁷ А. Шляпников. Указ. соч., стр. 154.

⁹⁸ А. Пешехонов. Первые недели. — «Февральская революция». М.—Л., 1925, стр. 438.

часто нарушалось внеочередными заявлениями и экстренными сообщениями. Исполнительному комитету приходилось решать множество крупных и мелких вопросов, не терпевших отлагательства.

С 28 февраля начались организованные выборы в Совет. Судя по сохранившимся протоколам, в этот день выбрали депутатов в Совет рабочие завода «Русский Рено», завода Зеленова и Зимины, Ижорского завода, фабрики Воронина, Лютч и Чешер, Государственной типографии и других предприятий. 1 марта депутатов в Совет избрали рабочие Путиловского завода и Путиловской верфи, завода «Вулкан», завода «Треугольник», джутовой мануфактуры Лебедева, лесопильного завода Семенова и других заводов и фабрик. Выбирая депутатов в Совет, рабочие некоторых предприятий видели в нем то Временное революционное правительство, которое должно было взять в свои руки управление страной. В протоколе собрания рабочих завода Щетинина говорилось: «Общее собрание рабочих завода Щетинина избрало во Временное революционное правительство — Совет рабочих депутатов — Грачева, в чем и свидетельствует своими подписями»⁹⁹. Однако не у всех рабочих было такое понимание роли Совета рабочих депутатов. Так как Совет заседал в помещении Государственной думы, то в представлении некоторых рабочих оба эти учреждения смешивались. Так, 4 тыс. рабочих гильзового отдела Петроградского патронного завода 28 февраля избрали 4 депутатов во «Временный рабочий комитет, находящийся при Государственной думе». Рабочие материальной службы 1-го участка Николаевской железной дороги уполномочили «от себя выборного для представления в Государственную думу об изменении старого режима и создания нового»¹⁰⁰.

Рабочие ряда предприятий, избирая депутатов в Совет, давали им свои указы. Рабочие Невской бумагопрядальни уполномочили своих депутатов «поддерживать все интересы и нужды наши». Общее собрание рабочих Северной ткацкой мануфактуры дало депутатам в Совет наказ: «Войну довести до конца, если не придем к соглашению с народом германским. Форма правления — демократическая республика. Желательно согласованные действия Совета рабочих депутатов с комитетом выборных от Государственной думы»¹⁰¹.

В Совет посылали депутатов рабочие не только крупных, но и мелких предприятий, ремесленники, кустари. Некоторые группы трудящихся объединялись по профессиям и специальностям, чтобы избрать депутатов в Совет. С этой целью на собрание в цирке Чиниаелли были приглашены рабочие-деревообделочники.

⁹⁹ Архив Октябрьской революции Ленинградской области, ф. 7384, оп. 1, д. 7, л. 32.

¹⁰⁰ Там же, д. 8, л. 13.

¹⁰¹ Там же, оп. 5, д. 7, лл. 32, 32.

«Совершающиеся события, — говорилось в обращении к этим рабочим, — требуют нашего организованного участия. Первый шаг, который мы должны сделать, это выбрать представителей в Совет рабочих депутатов и обсудить ближайшие организационные задачи. Приходите, товарищи, выполнить свой долг перед Великой русской революцией». Листовка к рабочим-кожевникам гласила: «Бывшее кровавое царское правительство низложено. Настал час народовластия. В помещении Государственной думы заседает Совет рабочих депутатов. Туда и вы, товарищи кожевники, должны выбрать и послать своего представителя. Для этого надо явиться на общее собрание кожевников, имеющее быть 2 марта»¹⁰².

К Совету потянулись и служащие. 28 февраля и 1 марта депутатов в Совет избирали фармацевты, служащие городской телефонной сети, почтового ведомства, больницы имени Петра Великого и других учреждений. Некоторые авторы расценивают вхождение представителей непролетарских демократических элементов городского населения в Совет как явление отрицательное¹⁰³.

Бесспорно, что служащие, кустари, ремесленники и т. п. группы населения были носителями мелкобуржуазной идеологии, а их представители в Совете являлись питательной средой для меньшевиков и эсеров. Но едва ли было бы правильным на этом основании не допускать их представителей в Совет. «Мне сдается, — писал В. И. Ленин в ноябре 1905 г., — что в качестве профессиональной организации Совет рабочих депутатов должен стремиться к тому, чтобы включить в свой состав депутатов от *всех* рабочих, служащих, прислуги, батраков и т. д., *всех*, кто только хочет и может бороться сообща за улучшение жизни всего трудящегося народа, *всех*, кто обладает только элементарной политической честностью, *всех*, кроме черносотенцев»¹⁰⁴.

Участие городского трудового населения в Советах являлось выражением их доверия к рабочему классу как руководителю революции и вождю народа. Задача пролетариата состояла в том, чтобы использовать это доверие в интересах революции и организации подлинно народной власти.

Эсеро-меньшевицкие руководители Петроградского Совета не ставили перед собой такой задачи. Они вели трудящихся на сговор с буржуазией и поддержку ее власти. Эта линия нашла отражение в первом же документе, выпущенном Советом рабочих

¹⁰² ПГАОР СССР, ф. листовок.

¹⁰³ Так, Г. Злоказов отмечает, что «соглашательское руководство Петроградского Совета открыло буквально «зеленую улицу» самым разношерст-
ным элементам для того, чтобы укрепить свои позиции (Г. Злоказов. Создание Петроградского Совета. — «История СССР», 1964, № 5, стр. 110).

¹⁰⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 62.

депутатов, в его Обращении к населению Петрограда и России, опубликованном 28 марта в «Известиях Совета».

Обращение сообщало: «Вчера, 27 февраля в столице образовался Совет рабочих депутатов из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп». Авторы обращения — члены Литературной комиссии Совета — хотели обойти молчанием острые вопросы и придать документу неопределенный, расплывчатый характер. Н. Суханов писал: «Мы решили изъять из воззвания всякую политику и посвятить его лишь элементарному выяснению событий, оповещению о создании центра революционной демократии в лице Совета рабочих депутатов и призыву к организации и поддержанию порядка. Лишь в конце было упомянуто об Учредительном собрании как воплощении демократического строя, который объявлялся целью революции!»¹⁰⁵

Изъять из воззвания «всякую политику» было невозможно. В воззвании указывалось, что старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место народному правлению. «Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию... Совет рабочих депутатов, заседающий в Государственной думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России»¹⁰⁶. Из воззвания не ясно, в каком виде Совет рабочих депутатов мыслил установление народного правления в России. Воззвание заканчивалось словами: «Все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права». Но кто будет управлять страной до созыва Учредительного собрания и созовет его? Ответа на этот вопрос не было.

Руководители Совета рабочих депутатов не мыслили какой-либо другой власти в стране, кроме власти буржуазии, и опасались зайти слишком далеко, чтобы не отпугнуть буржуазию от революции. Вместо того, чтобы объявить себя властью, Совет призвал создать какую-то новую «властную организацию». Вместо того, чтобы взять в свои руки все дела страны, Совет предлагал «образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами». Это был курс на самоограничение пролетариата в пользу буржуазии.

Как же действовала в это время сама буржуазия?

¹⁰⁵ Н. Суханов. Указ. соч., кн. 1, стр. 105—107.

¹⁰⁶ «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 28 февраля 1917 г.

МАНЕВРЫ БУРЖУАЗИИ

Буржуазия рассчитывала добиться мирного разрешения создавшегося политического кризиса. Государственная дума не теряла надежды на возможность соглашения с самодержавием. В ночь на 27 февраля стало известно, что самодержавие распустило Думу. Это был сокрушительный удар по надеждам буржуазии. Государственная дума и теперь не подняла перчатки, которую ей бросило самодержавие, и не вступила на путь открытой борьбы с ним. Думские руководители условились не выражать протеста против роспуска и мирно разошлись по домам. Собиралась ли Дума для заслушивания царского указа? Судя по воспоминаниям Миллюкова, — собиралась. Миллюков пишет, что Дума встретила указ царя молчанием, которое было нарушено лишь возгласами одобрения правых депутатов. М. Родзянко же сообщал, что для этой цели Дума не собиралась. Он объяснял: «Открывать Думу 27-го было немислимо, так как для меня армия была вопросительным знаком. Собрать же Думу для прочтения Указа о роспуске потребовало бы своим прямым последствием — объявить себя Учредительным собранием. Я не имел права собирать Думу после Указа о роспуске... Я рисковать Думой не мог. Если бы я это сделал, Дума была бы сметена, не осталось бы резервной силы, которая в нужную минуту соберется и скажет и сделает, что нужно, как это и было»¹⁰⁷. Во всяком случае широко распространившееся утверждение, что Государственная дума постановила не подчиниться указу о роспуске и не расходиться, не соответствует действительности. М. Родзянко писал: «Дума подчинилась закону, все еще надеясь найти выход из запутанного положения, и никаких постановлений о том, чтобы не расходиться и насильно собираться в заседании, не делала»¹⁰⁸.

Узнав о роспуске, депутаты Думы растерялись и бездействовали. Деятельница кадетской партии А. Тыркова так описала в своем дневнике их поведение утром 27 февраля. «Депутаты лениво бродили, лениво толковали о роспуске. „Что же вы думаете делать? — Не знаем. — Что улица? Кто ею руководит? Есть ли Комитет? — Не знаем“. Было тяжело смотреть. „Ведь вы все-таки, господа, народные представители, у вас положение, авторитет?“ Жмутся». Пришла в Таврический дворец другая деятельница кадетской партии — Папина. Она только что видела выступление солдат и убеждала думцев, что надо взять движение в свои руки. «Ее слушали молча или говорили: „Пусть они сначала арестуют министров“»¹⁰⁹. Депутат Думы С. Мансы-

¹⁰⁷ Личный фонд М. Полиевктова. Материалы Комиссии опросов. Беседы с М. Родзянко.

¹⁰⁸ М. Родзянко. Указ. соч., стр. 40.

¹⁰⁹ ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 19, л. 10.

рев тоже отмечал растерянность думцев, добавляя, что думские социалисты недоумевали вместе с другими депутатами. «Чувствовалась у всех совершенная неподготовленность к каким-либо действиям и совершенное отсутствие плана»¹¹⁰.

Но слухи о том, что восстали воинские части, что солдаты идут к Думе и предполагают расправиться с ней, что царское правительство потеряло всякую власть и некоторые министры арестованы, стали тревожить депутатов и выводить их из состояния бездействия. Думцев стало охватывать волнение. Забеспокоились даже депутаты-священники, примыкавшие к правому крылу Думы. Д. Заславский, присутствовавший в это время в Таврическом дворце, рассказывает, что депутаты-священники требовали немедленного открытия заседания Думы: «„Где Родзянко? Почему не выходит?“ Ого, как батюшки полевели! Они боятся, как бы народ не пришел в Думу. „Надо что-то сделать, что-то предпринять... Скорее!..“ Правые батюшки дошли до белого каления. Один кричит, но стесняясь: „Если министерская сволочь разбежалась, мы должны организовать министерство“»¹¹¹. Но Родзянко не хотел ни организовывать министерство, ни созывать Думу.

Родзянко заперся в своем кабинете, отказываясь выйти к депутатам. Не видно было среди депутатов и других думских лидеров.

Из этого состояния «оцепенения» пытались вывести Думу мелкобуржуазные лидеры. Рано утром 27 февраля меньшевик Н. И. Иорданский, сообщив М. Скобелеву о восстании солдат, рекомендовал ему настаивать на немедленном созыве Государственной думы. Скобелев, как и Иорданский, исходил из того, что начавшееся движение должна возглавить буржуазия, но на Государственную думу возлагал слабые надежды. Он говорил, что Прогрессивный блок ведет себя трусливо и не пойдет на серьезную борьбу с царским правительством. Иорданский возразил, указав, что Думу заставит это сделать приход восставших солдат в Таврический дворец¹¹². Явившись в Таврический дворец, Скобелев и другие левые депутаты подняли вопрос о немедленном созыве Государственной думы для обсуждения положения, создавшегося в связи с восстанием солдат. «Мы — крайне левые в Думе, — писал впоследствии Скобелев, — настаиваем на выяснении позиции думского большинства и требуем ясно формулировать свое отношение к событиям... Милюков заявляет, что он не может сформулировать своего отношения к событиям, так как не знает, кто является руководителем. Я отвечаю Милюкову:

¹¹⁰ С. Мансырев. Мои воспоминания. — Сб. «Февральская революция». М., 1926, стр. 264.

¹¹¹ Д. Заславский. В Государственной думе. — «Красная панорама», 11 марта 1917 г.

¹¹² «Молодая гвардия», 1928, кн. 2, стр. 165—166.

„Мы вместе с вами не знаем руководителей этих событий... это движение массовое, стихийное“»¹¹³.

Вместе со Скобелевым сдвинуть Думу с мертвой точки стремился Керенский. «„Созвать заседание Думы. Дума должна быть на посту“, — говорил Керенский, предлагая дать звонок о созыве депутатов в зал. — Никто не дает звонка. — „Сам дам звонок“. Через минуту звонок трещит по всем коридорам. Депутаты жмутся и не двигаются с мест. Ведь Дума распущена царем. Открыть заседание — значит пойти против царя. „Господа, в зал!“ — кричит Керенский, пролетая мимо молчаливых групп. — Никто не идет»¹¹⁴.

Утром 27 февраля, пройдя через восставший город, пришел в Таврический дворец народный социалист В. Чернолуцкий. Он вспоминал: «После раскаленного революционной атмосферой города, Таврический дворец производил очень странное впечатление. Вокруг него, правда, уже была публика, но казалось пусто и тихо... члены Думы заседали во внутренних помещениях и к ним никого не допускали». Чернолуцкий сообщил, что он добился свидания с Родзянко и другими думцами, и заявил, что весь город находится во власти революционного народа и солдат, что необходимо немедленно низложить династию Романовых и взять власть в свои руки. Но Родзянко и другие лидеры Думы отказались идти на такой шаг¹¹⁵. Об этом рассказывал товарищ председателя Думы Н. Некрасов. «Я помню, — сообщает он, — как к Родзянко подходит один видный общественный деятель и категорически заявляет: „Объявите себя Временным правительством, низложите Романовых, выгоните всех правых до октябристов включительно“. Он совершенно забыл, что Родзянко сам октябрист. Родзянко был озадачен»¹¹⁶.

Между тем революционное движение росло и ширилось с молниеносной быстротой, угрожая существованию не только царизма, но и Государственной думы. Медлить дальше было невозможно. Часов в 10—11 утра 27 февраля группа депутатов, прорвавшись в кабинет Родзянко, стала настаивать на созыве Совета старейшин (сеньорен-конвента). Но Родзянко по-прежнему упорствовал. «Не мешайте мне, пожалуйста», — сказал он. Родзянко составлял в это время телеграмму в Ставку царю. Тогда депутаты без него отправились в комнату Финансовой комиссии, и там под председательством Н. Некрасова началось частное совещание Совета старейшин. Керенский, Скобелев и другие доказывали на этом совещании, что Думе нельзя расходиться, что

¹¹³ «Вечерняя Москва», 11 марта 1927 г.

¹¹⁴ Д. Заславский. В Государственной думе. — «Красная панорама», 1927, № 11, стр. 7.

¹¹⁵ «Известия ЦИК», 12 марта 1927 г.

¹¹⁶ Личный фонд М. Поливитова. Материалы Комиссии опросов. Беседа с Н. Некрасовым.

ей надо взять власть в свои руки. Но далеко не все собравшиеся были согласны с этим.

М. Скобелев рассказывал: «Начинается обмен мнений, но события вне Думы разворачиваются быстрее прений. Приносят сведения, что восставшими солдатами занято здание Главного Артиллерийского управления на Литейном проспекте. Раздраженный Шингарев вскакивает и кричит: „Подобные вещи могут делать лишь немцы, наши враги“. Я на это замечаю, что надо более осторожно выбирать свои выражения, ибо за них придется отвечать. Влетает Родзянко с грозным окриком: „Кто созвал без моего веденья сеньорен-конвент?“ Лидеры блока объясняют ему, что происходит не официальное заседание совета старейшин, а частное совещание членов его»¹¹⁷.

Родзянко был подавлен событиями. На телеграмму, отправленную царю накануне, ответа не было. Теперь, после роспуска Думы, он обратился с еще более отчаянной телеграммой к царю. М. Родзянко писал, что с роспуском Думы устранен последний оплот порядка, что гражданская война началась и разгорается. «Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом». Родзянко просил царя немедленно образовать новую власть и вновь созвать законодательные палаты — Государственную думу и Государственный Совет. «Час, решающий судьбу вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно»¹¹⁸.

Родзянко уже не мог больше действовать за спиной Думы. По его предложению члены сеньорен-конвента перешли в кабинет председателя Государственной думы, и заседание, теперь уже официальное, продолжалось. Как видно из «Протокола событий»¹¹⁹, Родзянко изложил собравшимся содержание посланных царю телеграмм и сведения о положении в Петрограде. Обсуждая создавшееся положение, думские лидеры указывали на полную бездействие царских властей, на страшную анархию, которая грозит стране. Они говорили о том, что нужно немедленно принять меры к восстановлению порядка и спокойствия в столице. Депутат Думы прогрессист И. Ефремов впоследствии утверждал, что он предложил на этом совещании, не считаясь с царским указом, немедленно открыть официальное заседание Думы. Но, судя по протоколу, никто из думцев дальше созыва частного

¹¹⁷ М. Скобелев. Гибель царизма. — «Огонек», 1927, № 11.

¹¹⁸ «Красный архив», 1927, № 2 (24), стр. 6—7.

¹¹⁹ «Протокол событий», по свидетельству депутата Думы Вершинина, был составлен в первые дни революции начальником канцелярии Думы Я. Глинкой. «Протокол» охватывает время с 27 февраля по 2 марта 1917 г. — от образования Временного комитета Думы до создания Временного правительства и отречения царя. Он предназначался к публикации, но, видимо, опубликован не был. Черновики находятся в фонде Вершинина (ЦГАОР СССР, ф. 5990, оп. 1, д. 2) (далее — «Протокол событий»).

совещания идти не решался. «Руководители Думы, — писал М. Скобелев, — ни в коем случае не хотели демонстративно игнорировать указ правительства о роспуске Думы, и речь шла у них не о создании руководящего органа для восставшего населения, а лишь о том, чтобы организованно выступить перед восставшим населением»¹²⁰.

27 февраля в 2 ч. 30 мин. дня частное совещание членов Государственной думы началось. Совещание было закрытым. Никто, кроме членов Думы, на нем не присутствовал, причем происходило оно не в зале заседания, а в соседнем полукруглом зале. Это обстоятельство должно было подчеркнуть частный характер совещания. Но дело не в помещении. Почти 130 лет тому назад депутаты третьего сословия Генеральных штатов Франции, собравшись в зале для игры в мяч, объявили себя Национальным собранием Франции. В феврале 1917 г. в России этого не произошло. Собрание депутатов Государственной думы 27 февраля не вышло за рамки частного совещания и не провозгласило себя Национальным собранием. Об этом совещании сохранились краткий протокол¹²¹ и воспоминания его участников. Воспоминания носят сумбурный, противоречивый характер, отражая такой же характер самого совещания.

Думцы заседали в напряженной обстановке. К Таврическому дворцу двигались толпы восставших. Думцы прерывали совещание и подходили к окнам, чтобы увидеть новую силу, подступавшую к самому порогу старого Таврического дворца. Демонстранты требовали от депутатов ответа — с кем Государственная дума: с народом или с царским правительством? Но Дума не могла дать ответа, она колебалась. В разгар совещания в полукруглый зал ворвался Керенский. Он заявил, что медлить нельзя, что войска волнуются, и он идет к ним, чтобы успокоить солдатскую массу. «Могу ли я сказать, — спрашивал Керенский, — что Государственная дума с ними?» Керенский помчался к войскам, так и не получив ответа думцев. Когда солдаты подошли к Таврическому дворцу, нескольким думцам пришлось выступать перед ними и принимать их делегатов.

О чем же говорилось на частном совещании членов Думы 27 февраля? Прежде всего о том, как восстановить порядок и спокойствие в столице. Но встал главный вопрос: царские министры фактически уже лишены власти, кому же теперь должна принадлежать власть? Большинство думцев хотело уйти от ответа на этот вопрос или хотя бы отсрочить его решение. Открывая совещание, М. Родзянко сказал: «Нам нельзя еще высказаться определенно, так как мы еще не знаем соотношения сил». Многие депутаты, ожидая прояснения обстановки, ограничива-

¹²⁰ «Огонек», 1927, № 11.

¹²¹ Протокол опубликован в газете «Воля России», 15 марта 1921 г.

лись общими рассуждениями. Но были и такие, которые считали, что решение вопроса о власти нельзя откладывать. Н. Некрасов предлагал наделить диктаторскою властью генерала Маниковского и поручить ему, опираясь на поддержку депутатов Думы, восстановить порядок. Но предложение об установлении генеральской диктатуры не встретило поддержки депутатов. Особенно резкие возражения вызвало предложение обратиться с вопросом о генеральской диктатуре к князю Голицыну. Депутат М. Караулов сказал, что все царские министры «перепугались и попрятались. Что же князя Голицына из-под кровати будем вытаскивать?» Караулов призывал думцев в организации власти рассчитывать на собственные силы. Н. Савич, подобно Некрасову, предлагал призвать на помощь генерала, только не А. Маниковского, а А. Поливанова.

Представители меньшевиков и трудовиков — Н. Чхеидзе и В. Даюбинский призывали Государственную думу взяться за создание нового правительства. Даюбинский предлагал объявить Государственную думу Учредительным собранием. Эсеры, меньшевики, трудовики и все другие мелкобуржуазные группы высказывались за осуществление Думой своих прав на власть. Но думцы не решались сделать это. Большинство участников совещания заняло выжидательную позицию. П. Миллюков заявил, что не следует вступать в новые переговоры со старым правительством — это бесполезно, так как оно само выпустило из рук власть, но объявлять себя властью Думе тоже не следует. Дума — учреждение законодательное и брать на себя исполнительные функции не может. Миллюков не исключал возможности создания новой власти, но считал, что момент для этого еще не настал. Он говорил, что размеры «беспорядков» неизвестны, не ясно, на чьей стороне стоит большинство солдат, рабочих, населения. Шульгин подчеркивал, что восставшие выдвигают такие требования, с которыми Дума согласиться не может. «Мы не можем быть солидарны во всем с восставшей частью населения. Представьте, что восставшие пожелают окончить войну. Мы на это согласиться не можем»¹²².

В другой обстановке Дума могла бы еще долго заниматься словопрениями. Но теперь ей пришлось поторапливаться. Время для выступлений было ограничено пятью минутами. В зал доносились голоса солдат и бряцание ружей; восставшие уже вошли в Таврический дворец. Вот почему Родзянко просил депутатов быстрее принять постановление. «Промедление смерти подобно», — говорил он. Нужно было как можно скорее на что-то решаться. Отклонив ряд предложений, частное совещание ограничилось решением о создании Временного комитета членов Государственной думы. Задачи этого комитета никому не были

¹²² «Воля России», 15 марта 1921 г.

ясны. Но какой-то новый орган все же должен был появиться на свет.

Частное совещание членов Государственной думы закрылось. Оно длилось немногим больше часа. Это было, видимо, самое короткое заседание за всю историю Думы.

Состав Временного комитета Государственной думы был избран Советом старейшин. В Комитет вошли представители всех фракций Думы (кроме крайне правых) — М. Родзянко, Н. Некрасов, А. Коновалов, И. Дмитрюков, В. Шульгин, П. Милюков, В. Львов, В. Ржевский, С. Шидловский, М. Караулов. К десяти представителям буржуазии присоединили А. Керенского и Н. Чхеидзе. «В сущности, — замечает В. Шульгин, — это было бюро Прогрессивного блока с прибавлением Керенского и Чхеидзе... Страх перед улицей загнал в одну „коллегию“ Шульгина и Чхеидзе»¹²³.

М. Родзянко согласился возглавить Временный комитет Государственной думы лишь после того, как образовался Временный Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов: Совет рабочих депутатов мог оттеснить Государственную думу и сбросить ее в общую могилу с царизмом. «Факт организации Бюро Совета депутатов, — пишет Скобелев, — заставил Родзянко покончить с колебаниями, и он с тяжелым вздохом и молитвенным настроением махнул рукой, как бы отказавшись от чаровавшей его до сих пор фигуры „венценосца“, и согласился стать во главе Комитета Государственной думы»¹²⁴. Новое думское учреждение называлось «Временный комитет членов Государственной думы для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями». Это длинное и на первый взгляд не совсем вразумительное название имело определенный смысл. Почему Комитет членов Думы, а не Думы? Потому что царь распустил Думу и ее члены не хотели нарушать царский указ. Почему Комитет для восстановления порядка? Потому что буржуазия не намеревалась выходить за рамки существующего строя и хотела восстановить старый порядок, а не создавать новый.

Выбирая Временный комитет, депутаты Думы стремились удержаться на почве прежней, царской «законности». Они говорили, что принятое название устраивает их с точки зрения уголовного уложения, на случай, если революция не удалась бы. Это объяснение давал впоследствии и П. Н. Милюков. «Эта неуклюжая формула, — писал он, — обладала тем преимуществом, что, удовлетворяя задаче момента, ничего не предreshала в дальнейшем. Ограничиваясь минимумом, она все же создавала орган и не подводила думцев под криминал»¹²⁵. Временный ко-

¹²³ В. Шульгин. Дни. Белград, 1925, стр. 162.

¹²⁴ «Огонек», 1927, № 11.

¹²⁵ П. Милюков. Воспоминания, т. II. Нью-Йорк, 1953, стр. 293.

митет, избранный Советом старейшин, был утвержден на новом совещании членов Думы, состоявшемся часов в пять вечера 27 февраля. Оно проходило в такой же обстановке неуверенности, как и предыдущее. Как будет решен вопрос о власти — никто не знал. Делая шаг в неизвестность, совещание хотело связать принятым решением всех членов Думы, Трудовик В. Вершинин предложил, чтобы члены Государственной думы без различия партий дали обещание «поддерживать и оказывать содействие Временному Комитету во всех тех действиях, которые ему придется предпринять в будущем»¹²⁶. Это предложение было единогласно принято, хотя не вызвало большого подъема среди думцев. Депутат М. Ичас писал: «У меня и моих товарищей было такое чувство, словно мы выбирали членов рыболовной и т. п. комиссии Государственной думы. Никакого энтузиазма ни у кого не было. У меня вырвалась фраза: „Да здравствует Комитет спасения!“ — в ответ на это несколько десятков членов Совещания стали аплодировать. Временный комитет удалился на совещание, а мы, около 300 членов Государственной думы, бродили по унылым залам Таврического дворца»¹²⁷.

Возглавив Временный комитет, Родзянко надеялся на то, что можно будет добиться отставки Голлицына, с помощью Думы восстановить порядок и спокойствие и спасти трон Николая II. С этой целью Комитет прежде всего вступил в переговоры с братом царя Михаилом Александровичем. Часов в шесть вечера несколько членов Временного комитета во главе с Родзянко и Некрасовым направились в Мариинский дворец на свидание с вел. кн. Михаилом. Им пришлось ехать по улицам, захваченным революционным народом, под звуки пулеметной и ружейной стрельбы, мимо горящего здания Окружного суда... Благополучно миновав революционную зону, думцы направились в район, охраняемый войсками, еще сохранившими верность царизму.

Думские деятели заявили Михаилу Александровичу, что положение грозное и нужны срочные и решительные меры, чтобы спасти царя. В «Протоколе событий» сказано, что они указали великому князю на необходимость передать власть Государственной думе, которая только и может образовать правительство, в достаточной мере авторитетное для успокоения страны¹²⁸. Как свидетельствует Некрасов, члены Временного комитета предлагали Михаилу «принять регентство временно, до приезда царя из Ставки, отстранить Совет министров и поставить во

¹²⁶ «Протокол событий», стр. 9.

¹²⁷ «Последние новости», 12 марта 1927 г.

¹²⁸ «Протокол событий», стр. 10.

главе управления Временное правительство из общественных деятелей во главе с популярным генералом»¹²⁹.

М. Родзянко сообщал, что члены Временного комитета предлагали Михаилу Александровичу соединиться по прямому проводу с царем, «сказать, что брат летит в пропасть, если не даст возможность завтра объявить в Государственной думе об ответственном министерстве и о высылке Александры Федоровны в Ливадию»¹³⁰. Впоследствии Родзянко писал, что лидеры Думы убеждали Михаила Романова «явочным порядком принять на себя диктатуру над городом Петроградом», понудить личный состав правительства подать в отставку и потребовать по телеграфу, по прямому проводу, манифест царя о «даровании» ответственного министерства¹³¹.

Воспоминания по-разному передают предложения думцев, но единодушны в изложении ответа Михаила. Последний заявил, что не имеет права сам принимать предлагаемые меры и должен прежде всего переговорить с Советом министров. Думцы и Михаил Александрович встретились с Голицыным и царскими министрами. Думцы убеждали Голицына, что «для успокоения Петрограда и предотвращения анархии в стране» необходим немедленный уход в отставку его министерства и передача власти их Комитету. Голицын и царские министры продолжали упорствовать. Как указывается в «протоколе событий», Голицын заявил, что «подал прошение об отставке, но до получения таковой от царя он не считает себя вправе передавать кому-либо принадлежавшую ему власть»¹³². Михаил Александрович не стал действовать без согласия правительства, хотя фактически оно уже не существовало. М. Родзянко с сожалением отмечал: «Нерешительность великого князя Михаила Александровича способствовала тому, что благоприятный момент был упущен»¹³³.

После встречи в Марининском дворце Михаил Романов направился в военное министерство, чтобы связаться по прямому проводу с царем и посоветовать ему принять меры, могущие успокоить население. Он просил генерала Алексеева сообщить Николаю II, что необходимо удалить весь состав Совета министров и поставить во главе правительства лицо, пользующееся уважением широких слоев населения, поручив ему составить кабинет по своему усмотрению. Таким лицом он называл председателя Земского союза князя Г. Львова. Ввиду чрезвычайно серьезного положения Михаил просил уполномочить его безотлагательно объявить обо всем этом населению, а царю советовал

¹²⁹ Личный фонд М. Полиевктова. Материалы Комиссии опросов. Беседа с Н. Некрасовым.

¹³⁰ Там же. Беседа с М. Родзянко.

¹³¹ М. Родзянко. Указ. соч., стр. 40.

¹³² «Протокол событий», стр. 10.

¹³³ М. Родзянко. Указ. соч., стр. 40.

отложить приезд в Царское Село. Николай II не вступил в переговоры с братом, а уполномочил Алексеева передать ему, что не считает возможным отменить свой отъезд в Царское Село и всякие перемены в составе Совета министров откладывает до своего прибытия туда. Михаил выразил в связи с этим опасение, «как бы не было упущено время до возвращения его величества, так как при настоящих условиях дорог каждый час»¹³⁴.

Поздно вечером 27 февраля думские деятели вернулись из Маринского дворца в Таврический. Н. Некрасов сообщает: «В 9—10 часов вечера мы ехали обратно через революционный город. Зон уже не существовало. Сплошная революционная волна все залила. Вооруженные автомобили много раз задерживали нас и спрашивали пропуск. Временами удовлетворялись, а временами уже имя Родзянко встречалось неодобрительно... всюду горели участки. Картина была вполне ясна»¹³⁵. Так кончилась попытка Временного Комитета Думы «восстановить порядок» при помощи соглашения с царскими властями. Комитет ставил целью «сноситься с лицами и учреждениями». Но сноситься было не с кем. Толпы народа овладели Маринским дворцом, заседавшие там министры скрылись.

Могли ли в таких условиях думские руководители ограничиться первоначально поставленной задачей? Депутаты Думы, затерявшись в толпе народа, заполнившей Таврический дворец, не имели возможности высказаться по этому поводу, а их Комитет продолжал колебаться. Поздно вечером во дворце появился член Государственной думы полковник Б. Энгельгардт. Перейдя из группы центра в партию октябристов, он принимал активное участие в работе Особого совещания по обороне, оставаясь в звании полковника Генерального штаба. Сменив в целях безопасности военную форму на штатское платье и пройдя по улицам, Б. Энгельгардт рассказывал о своих впечатлениях членам думского Комитета, указав на то, что «ни военная, ни гражданская власть ничем себя не проявляют, что грозит полная анархия и что Временному комитету необходимо безотлагательно взять власть в свои руки»¹³⁶. В. Шульгин убеждал М. Родзянко решиться на этот шаг. Он говорил председателю Государственной думы: «Берите, как верноподданный. Берите потому, что Держава Российская не может быть без власти... И, если министры сбежали, то должен же кто-то их заменить... Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство —

¹³⁴ «Красный архив», 1927, т. 2 (21), стр. 12.

¹³⁵ Личный фонд М. Полиевктова. Материалы Комиссии опросов. Беседа с Н. Некрасовым.

¹³⁶ Б. Энгельгардт. Потонувший мир (воспоминания). Рукописный фонд Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. 306, д. 2, стр. 735. Воспоминания Б. Энгельгардта частично опубликованы в газете «Общее дело» (16, 17, 18 марта 1921 г.).

мы ему и сдадим власть. А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие»¹³⁷.

Родзянко заявлял, что он не бунтовщик и не нарушит присяги, что он не хочет никакой революции, что если революция разразилась, то только потому, что царские министры не следовали советам Думы. Но царские министры сбежали, оставив Думу лицом к лицу с вооруженным народом. Что делать Думе? Уйти в сторону? Умыть руки? Оставить Россию без правительства? Большинство членов Временного комитета Государственной думы склонялось к тому, что в целях сохранения существующего строя и недопущения прихода к власти Совета надо, хотя бы временно, до переговоров с царем, взять государственную власть в свои руки. Родзянко не хотел пойти на это, хотя бы временно. Этот момент описан во многих мемуарах. П. Милюков писал: «Пора решаться, — говорю я председателю Государственной думы. — Родзянко просит четверть часа на размышление и удаляется в свой кабинет. Тяжкие четверть часа! От решения Родзянко зависит очень многое, даже, может быть, зависит весь успех начатого дела»¹³⁸.

Шидловский вспоминает, как в минуты родзянковского раздумья раздался телефонный звонок и его племянник, офицер Преображенского полка, сообщил, что офицеры-преображенцы постановили предоставить себя в распоряжение думских деятелей. Послышались возгласы «Нам нечего колебаться, в нашем распоряжении воинская часть». Полученное сообщение придало решимость председателю Думы. Родзянко вышел из кабинета и сел к столу. Б. Энгельгардт рассказывает, что, откинувшись на спинку кресла и ударив кулаком по столу, М. Родзянко сказал: «Хорошо, я решил и беру власть в свои руки, но отныне требую от всех вас беспрекословного мне подчинения. Александр Федорович, — добавил он, обращаясь к Керенскому, — это особенно вас касается». «Я охотно буду действовать в полном согласии с Временным комитетом Государственной думы, — ответил Керенский, — но примите во внимание, господа, что я принужден считаться с тем, что сейчас бурлит в бюджетной комиссии». Взоры многих с недобрим предчувствием обратились в сторону бюджетной комиссии, где в те минуты зарождалась организация, которой суждено было играть первенствующую роль»¹³⁹. Описывая эту сцену, П. Милюков замечает: «О, великий Шекспир! Как верно ты отметил, что самые драматические моменты жизни не лишены элементов юмора. Михаил Владимирович уже чувствовал себя в роли диктатора русской революции. Удивленный Керенский сдержался и осторожно напомнил, что состоит това-

¹³⁷ Б. Шульгин. Указ. соч., стр. 179.

¹³⁸ «Последние новости», 12 марта 1927 г.

¹³⁹ «Общее дело», 16 марта 1921 г.

рищем председателя еще одного учреждения, которому обязан повиноваться»¹⁴⁰.

Впоследствии крайние монархисты обвиняли Родзянко в том, что он, нарушив царские законы, захватил власть и «возглавил» революцию. Видимо, имея в виду эти обвинения, Родзянко всерьез стремился доказать законность своих действий. Он писал, будто 27 февраля Голицын уведомил его, что царское правительство подало в отставку. На самом деле в этот день правительство Голицына формально в отставку не ушло. Родзянко оправдывался тем, что создалось безвыходное положение, в столице не оказалось центральной власти. От царя из Ставки никаких распоряжений не поступало, город был предоставлен «нарождающейся безбрежной анархии». «Государственной думе ничего не оставалось другого, как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождавшуюся анархию и создать такую власть, которую бы послушались все и которая способна была прекратить нарождающуюся беду. Конечно, можно было бы Государственной думе отказаться от возглавления революции, но нельзя забывать создавшегося полного отсутствия власти и того, что при самоустранении Думы сразу наступила бы полная анархия и отечество погибло бы немедленно. Дума была бы арестована и перебита в полном составе бунтующими войсками, и власть сразу же очутилась бы у большевиков, а между тем Думу надо было беречь, хотя бы как фетиш власти, который все же сыграл бы свою роль в трудную минуту»¹⁴¹.

Постановление Временного комитета Думы о взятии власти было принято в 2 часа в ночь на 28 февраля¹⁴². Однако руководители Думы датировали этот факт прошедшим числом, т. е. 27 февраля. В таком случае получалось, что вопрос о взятии власти был решен Временным комитетом Думы до образования Совета рабочих депутатов или по крайней мере одновременно с этим.

27 февралем было помечено первое объявление Комитета, в котором говорилось: «Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознывая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться их доверием»¹⁴³.

¹⁴⁰ «Последние новости», 12 марта 1927 г.

¹⁴¹ М. В. Родзянко. Указ. соч., стр. 41.

¹⁴² «Протокол событий», стр. 12.

¹⁴³ ЦГАОР СССР, ф. початных изданий, инв. № 1391.

Лидеры Государственной думы решили возглавить народное движение для восстановления прежнего государственного и общественного порядка. В воззваниях думского Комитета не содержалось призывов к революционным действиям, в них указывалось не на то, что надо делать восставшему народу, а на то, чего не надо делать, от чего следует воздержаться. В воззвании к жителям Петрограда и солдатам гарнизона Комитет призывал щадить государственные и общественные учреждения, телеграф, водокачки, электрические станции, трамваи. Комитет объявил, что он поручает охране граждан заводы и фабрики. Он заявил, что недопустимы «посягательство на жизнь и здоровье, а также имущество частных лиц»¹⁴⁴.

В ночь на 28 февраля Временный комитет Государственной думы объявил о своем существовании верхам армии. В телеграмме командующим фронтами и начальнику штаба Верховного главнокомандующего Комитет сообщал, что ввиду устранения от управления всего бывшего состава министров правительственная власть перешла в его руки. Из телеграммы следовало, что никаких изменений во внутренней и внешней политике государства в связи с этим не произойдет. Временный комитет заверял командующих, что дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено. «Временный комитет при содействии столичных воинских частей и при сочувствии населения в ближайшее время водворит спокойствие в тылу и восстановит правильную деятельность правительственных установлений»¹⁴⁵.

В ту же ночь думский Комитет постановил отрешить от должности царских министров и, впредь до образования нового правительства, назначил для заведования отдельными частями государственного управления комиссаров из состава членов Государственной думы. Комиссары были назначены в министерство внутренних дел, на почту, телеграф и телефон, в военное и морское министерство, в министерства земледелия, юстиции, торговли и промышленности, финансов, путей сообщения, народного просвещения, в Правительственный Сенат и петроградское градоначальство. Список комиссаров был опубликован в «Известиях петроградских журналистов». Это были депутаты Думы — кадеты, прогрессисты, левые октябристы. Их было всего 24 человека. В ночь на 28 февраля думский Комитет обратился с воззванием к железнодорожникам. В нем не было призывов к поддержке революции, к борьбе против царизма. Думские деятели были озабочены тем, чтобы железнодорожный транспорт работал бесперебойно на военные нужды. Временный комитет членов Думы

¹⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. печатных изданий, инв. № 1394.

¹⁴⁵ «Протокол событий», стр. 14.

писал в своем обращении: «Движение поездов должно поддерживаться непрерывно, с удвоенной энергией». Комитет напоминал железнодорожным рабочим и служащим, какую роль играет транспорт в войне и благоустройстве тыла.

Объявив о взятии власти, думский Комитет прежде всего стремился создать себе прочную вооруженную опору. Деятельность прежних органов военного управления была парализована революционным ватиском рабочих и солдат. Восставшие воинские части вышли из повиновения. Думский комитет задался целью восстановить прежнюю военную организацию и подчинить ее себе. Поздно вечером 27 февраля думский Комитет ввел в свой состав Б. Энгельгардта и назначил его комендантом Таврического дворца. Но в это время уже работала Военная комиссия Совета рабочих депутатов, взявшая на себя установление связи с воинскими частями и организацию управления ими. Думский комитет решил превратить Военную комиссию в свой орган и для этого поставить во главе ее своих людей. В ночь на 28 февраля в 42 комнату, занятую Комиссией, вошли Родзянко и Энгельгардт. Сюда пришли также Н. Соколов и несколько работников Совета. Между деятелями двух центров — Думы и Совета — разыгрался конфликт, подробно описанный С. Мстиславским. Родзянко заявил: «Временный комитет Государственной думы постановил принять на себя восстановление порядка в городе, нарушенного последними событиями. Насколько восстановление это в кратчайший срок необходимо для фронта, вы и сами должны понимать. Комендантом Петрограда назначается член Государственной думы, полковник генерального штаба Энгельгардт».

С. Мстиславский рассказывает, что заявление Родзянко вызвало резкие возражения Н. Соколова. «Штаб уже сложился, — сказал Соколов, — штаб уже действует, люди подобрались. ... При чем тут полковник Энгельгардт!.. Надо предоставить тем, кто работает здесь с первой минуты восстания, — самим решить — кто, чем и кем будет командовать; тем более, что дело сейчас не в водворении порядка, а в том, чтобы сейчас разбить Хабалова и Протопопова. Тут нужны не „назначенцы“ от Высокого собрания, а революционеры. И потом, совершенно недопустимо, чтобы Петроградский Совет, являющийся в настоящее время единственной действительной силой, Совет революционных рабочих и восставших солдат оказался совершенно отстраненным от им же созданного и его задачи осуществляющего штаба...

В ответ на возражения Соколова Родзянко стукнул ладонью по столу и сказал: «Нет уж, господа, если вы нас заставили впутаться в это дело, так уж потрудитесь слушаться». Соколов вскипел и ответил такой фразой, что офицерство наше, почтительнейше слушавшее Родзянко, забурлило сразу. Соколова обступили. Закричали в десять голосов. Послышались угрозы.

„Советские“ что-то кричали тоже. Минуту казалось, что завяжется рукопашная. Не без труда мы разняли спорящих»¹⁴⁶.

Эта бурная стычка кончилась мирным исходом. Представители Совета уступили. С утра 28 февраля руководство Военной комиссией перешло в другие руки: работники Комиссии, назначенные Советом, были оттеснены на второй план. Полковник Энгельгардт, возглавив Комиссию, призвал в нее новых лиц — инженеров П. Пальчинского и Паршина, офицеров генерального штаба — Туманова, Якубовича, Туган-Барановского, полковника Половцева и других. Изменился аппарат Военной комиссии и ее внешний облик. «Чинно в высочайше-утвержденном порядке стояли квадратиками неведомо откуда взявшиеся канцелярские столы. Несколько франговатых писарей и две-три кокетливых, как полагается переписчицам, девицы с коками набекрень и затыканными гребеночками затылками, — уже стучали на машинах. Поблескивая погонами и аксельбантами, раскладывали на столах обертки «дел» новые, чужие, невиданные за эти ночи во дворце, на пробор расчесанные, гладенькие, бритые люди... уверенно и весело, как у себя дома, порхали от машинок к начальственным столам адъютанты»¹⁴⁷.

Военная комиссия, созданная Советом, стала называться Комиссией Временного комитета Государственной думы. Она стремилась взять военно-техническое руководство движением в свои руки, но у нее не было для этого необходимых сил и средств. Комиссия действовала авторитетом Государственной думы и опиралась на офицерство. Солдатская же масса шла за Советом рабочих и солдатских депутатов и подчинялась распоряжениям Комиссии постольку, поскольку они не расходились с указанием Совета. Работники Комиссии вынуждены были считаться с Советом. Комиссия зависела от Совета и в известной мере продолжала оставаться его органом.

Думский комитет занялся продовольственным делом. Он не создал в этих целях своего особого органа. Продовольственная комиссия Совета рабочих депутатов с самого начала своей деятельности вступила в контакт с ним. Члены Думы, А. Шингарев и С. Восторгин, вошли в состав Продовольственной комиссии Совета рабочих депутатов и с этого времени она стала действовать от имени и Совета, и думского комитета. Ее продолжал возглавлять представитель Совета В. Громан.

28 февраля в «Известиях Совета рабочих депутатов» появилось сообщение, в котором говорилось: «Продовольственная комиссия Совета рабочих депутатов и Исполнительного комитета Государственной думы объявляет, что она приняла на себя центральное руководство всем продовольственным делом». Комиссия

¹⁴⁶ С. Мстиславский. Пять дней, стр. 17—18.

¹⁴⁷ Там же, стр. 26.

призвала всех рабочих-пекарей немедленно встать на работу, предложила хлебопекарням приступить к выпечке хлеба, а городским попечительствам — организовать равномерное распределение хлеба среди населения. Продовольственная комиссия объявила, что она предполагает в ближайшее время «поручить дело распределения продовольственных продуктов обывательским комитетам, которые будут выбраны по районам всем населением, достигшим совершеннолетия».

Буржуазия теперь стремилась сосредоточить в своих руках власть. Революционные действия рабочих и солдат парализовали ее колебания, вывели ее из состояния пассивности и выжидания. Буржуазия вынуждена была примкнуть к революции и порвать с царским правительством, чтобы не погибнуть вместе с ним, а попытаться использовать революцию в своих интересах. Присоединение буржуазии ускорило победу революции. Оно внесло дальнейшее разложение в лагерь самодержавия и способствовало его дальнейшей изоляции. Но превращение буржуазии в участника событий сделало революцию еще более сложной и противоречивой. В то время как рабочие и солдаты, составлявшие главную массу народа, решительно и до конца боролись против царской монархии, буржуазия продолжала играть двойственную роль. Отрекшись от царского правительства, она рассчитывала спасти царизм, приспособив его к условиям буржуазного развития.

27 февраля произошло решающее сражение между народом и самодержавием. Присоединение армии к народу определило исход этого сражения. Но победа над царизмом, одержанная в этот день, еще не была ни полной, ни окончательной.

Какие же новые битвы и столкновения ждали революцию впереди?

ВТОРАЯ ВОЛНА РЕВОЛЮЦИИ

«...2 (15) марта ближайший единомышленник Чхеидзе, Скобелев, как передают газеты, сказал следующее: „Россия накануне второй, настоящей (wirklich, буквально: действительной) революции“. Вот это — правда, из которой за- были сделать практические выводы Скобелев и Чхеидзе».

В. И. Ленин.

ДОБИТЬ ЦАРИЗМ!

К утру 28 февраля в Петрограде еще оставались отдельные очаги царизма, сопротивлявшиеся революции. Не сдавались отряд царских войск, засевший в адмиралтействе, самокатный батальон и некоторые другие части. А главное, еще не весь петроградский гарнизон перешел в ряды восставших. Отдельные части колебались, занимая промежуточную, нейтральную позицию. Запертые в казармах, они имели смутное представление о происходящих событиях. Одни из них оставались верными царской присяге, дисциплине и подчинялись приказам своих офицеров. Другие, уже перестав быть опорой царизма, ожидали помощи извне, от рабочих, чтобы присоединиться к революции. Сообщения о таких настроениях солдат разными путями доходили до восставшего народа. Писатель Е. Зоуля рассказывает, как какой-то солдат, сидя на лошади, что-то писал на клочке грязной бумаги. «Я видел, как он бросил эту записку группе рабочих, стоявших на тротуаре. Я видел слезы у пожилого человека, который прочитал ее. „Товарищи, — говорилось в ней нервными, прыгающими буквами, — домайте ворота наших казарм, а то у нас не всех пускают на улицу, а все желают присоединиться к народу“»¹. От дальнейшего поведения колебавшихся воинских частей во многом зависел ход последующей борьбы. Восставшие рабочие и солдаты должны были привлечь к революционной борьбе остальные воинские части и сделать выступление петроградского гарнизона всеобщим.

В первые дни революции рабочие возвращались по домам и предприятиям, чтобы на другой день, собравшись с новыми силами, возобновить борьбу. Теперь сражение с царизмом вступило

¹ Е. Зоуля. Что запомнилось. — «Огонек», 1925, № 12.

в такую фазу, когда нужно было наносить врагу непрерывные удары, чтобы добить его. Солдаты, вставшие в ряды революции, не могли возвратиться в казармы под команду прежних офицеров — это могло расстроить все дело вооруженного восстания. В листовке, распространенной по городу, говорилось: «Отступление невозможно! Или свобода, или смерть! Не расходитесь по казармам! Не оставляйте города! Добивайтесь присоединения к революции всех, кто еще стоит в стороне от борьбы!» С таким же призывом обращалась к солдатам другая листовка: «Солдаты! Народ, вся Россия благодарит Вас, восставших за правое дело свободы... Солдаты, некоторые из вас еще колеблются присоединиться к восставшим вашим и нашим товарищам... Солдаты, если вы отбились от своих частей, идите в Государственную думу — там вы найдете своих товарищей и с ними будете делить радость и горе»².

Теперь у восставших был свой центр — Совет рабочих депутатов. В обращении, написанном, видимо, 28 февраля, указывалось, что враг еще не побежден, — царизм собрал отряд солдат, чтобы подавить революцию. «Необходимо везде и всюду собраться в команды и кружки, в организации, дружно и крепко держаться друг за друга и быть готовыми везде к отпору врагу, чтобы закрепить нашу победу и не выпускать из рук того, что уже имеем; надо знать, что власть восставшего народа нужно укрепить изо всех сил могучей организацией. Товарищи, к делу! Все за работу, все вооружайтесь и ждите приказа Совета рабочих депутатов, с оружием в руках защитить все то, что мы такой тяжелой ценой завоевали. Лучше умереть за свободу, чем носить постыдное рабство Романовых. Да здравствует Великая Российская революция!»³

Над революционным Петроградом нависла серьезная угроза. Узнав о событиях в Петрограде, царь отнесся к ним не пассивно. Он не покорился безропотно судьбе и решил подавить революцию силой оружия. С этой целью против революционного Петрограда была направлена карательная экспедиция из фронтовых частей. Николай II нашел, что возглавить эту экспедицию должен генерал Н. И. Иванов, подавлявший в 1906 г. восстание в Кронштадте, командовавший в начале войны Юго-Западным фронтом, а ныне находившийся при Ставке Верховного главнокомандующего. Генерал Н. И. Иванов был назначен главнокомандующим Петроградским военным округом и наделялся чрезвычайными полномочиями для разгрома восстания. В его распоряжение выделялись батальон георгиевских кавалеров и фронтовые части. Сообщая об этом Беляеву, Алексеев просил военного министра

² Центральный государственный музей революции СССР, ф. листовок, инв. № 3693/224. Подписи под этими листовками отсутствовали.

³ Там же, № 68/3.

срочно сформировать для Иванова новый штаб из чинов Главного управления Генерального штаба, главного штаба и штаба округа⁴. Растерявшиеся помощники Хабалова, да и сам Хабалов, видимо, потеряли доверие Ставки.

Впоследствии Иванов и другие царские генералы пытались изобразить эту кровавую миссию как невинную прогулку. В апреле 1917 г. Н. Иванов писал А. Гучкову, будто он считал, что «умиротворение серьезно взволнованных народных масс не может быть достигнуто применением вооруженной силы», что предполагалось лишь ввести на некоторое время фронтовые части в Петроград «с целью облегчения службы запасных батальонов Петрограда по охране имеющих значение для обороны заводов и других учреждений и поддержанию порядка вообще». Эту версию поддерживала впоследствии и Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства. Член этой Комиссии пришел к заключению, будто никакими особыми полномочиями Иванов облечен не был: просто-напросто было решение восстановить порядок в столице, и некоторые части войск были направлены туда для усиления гарнизона, а георгиевский батальон предназначен для охраны Иванова. На самом деле это была карательная экспедиция, имевшая целью залить кровью революционный Петроград. Иванов был объявлен диктатором, ему должны были подчиниться все военные и гражданские власти страны, в том числе Совет министров. 27 февраля, еще до назначения Иванова, Николай II сообщал Александру Федоровне: «После вчерашних известий из города я видел много испуганных лиц. К счастью, Алексеев спокоен, но полагает, что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов: продовольственного, железнодорожного и т. д. Это, конечно, совершенно справедливо»⁵.

После беседы с царем, состоявшейся в ночь на 28 февраля, генерал Иванов написал записку Алексееву, в которой передал следующее «повеление» царя: «Все министры должны исполнять все требования Главнокомандующего Петроградским военным округом генерал-адъютанта Иванова беспрекословно»⁶. Алексеев передал это повеление Беляеву и поручил ему изыскать способы вручения царского приказа председателю Совета министров и другим министрам. К этому времени вручение царских повелений царским министрам превратилось в нелегкое дело. Чиновники петроградского телеграфа сообщали в Ставку, что они окружены со всех сторон мятежниками, свободного проезда по городу нет и потому доставить царскую депешу Голицыну невозможно; пришлось передать ее по телефону.

⁴ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 11.

⁵ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. V. М.—Л., 1927, стр. 224.

⁶ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 19.

Штаб Верховного главнокомандования приказал командованию Северного и Западного фронтов срочно направить в распоряжение нового командующего войсками Петроградского военного округа по два кавалерийских и два пехотных полка и одной пулеметной команде. Пехотные и кавалерийские части решено было усилить артиллерией. В дополнительной телеграмме обоим фронтам Ставка приказывала направить в карательную экспедицию Иванова по одной конной и одной пешей батарее. Ставка предлагала назначить во главе формируемых частей генералов и подчинить Иванову части Петроградского гарнизона, которые оставались верными царскому правительству. Генерал Алексеев указывал начальнику штаба Северного фронта генералу Данилову: «Нужно назначить прочных генералов, так как, по-видимому, генерал Хабалов растерялся, а в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников. Войска нужно отправлять с ограниченным обозом и организовать подвоз хлеба и припасов распоряжением фронта, так как трудно сказать, что творится сейчас в Петрограде и возможно ли там обеспечить войска заботами местного гарнизона. Обстоятельства требуют скорого прибытия войск... Минута грозная и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего»⁷.

Направляя фронтовые части на подавление революции, царские генералы зывали к их долгу перед царем и отечеством и указывали на необходимость довести до победного конца борьбу с внешним врагом. Командующий Западным фронтом генерал Эверт просил начальников дивизий передать воинским частям, командируемым в распоряжение генерала Иванова, его уверенность в том, что эти части, проникнутые непоколебимой верностью царю и преданностью родине, «с честью выполнят возложенное на них в трудную для государства минуту ответственное дело, твердо памятуя, что порядок внутри России, который они призваны государем восстановить, нужен для победы над нашим упорным врагом... Напутствуя назначенные на государственное дело полки, прошу вас напомнить им, что залог успешного выполнения возложенной на них задачи лежит в строжайшем внутреннем порядке и полной дисциплине их самих»⁸.

Кроме войск Северного и Западного фронтов, царская Ставка решила к подавлению революции привлечь и части более отдаленного Юго-Западного фронта. Днем 28 февраля Алексеев передал командованию этого фронта распоряжение царя: «Назначить в распоряжение генерала Иванова гвардейские полки: Преображенский, третий и четвертый стрелковые, отправя их, как только представится возможность по условиям железнодорожных пере-

⁷ Там же, стр. 10.

⁸ Там же, стр. 27.

возок». Алексеев указывал, что «если обстоятельства потребуют дальнейшего усиления в Петрограде вооруженной силы, то придется отправить одну из гвардейских кавалерийских дивизий»⁹. Кроме того, была предусмотрена отправка в распоряжение Иванова батальона Выборгской и двух батальонов кронштадтской крепостной артиллерии.

Царская Ставка надеялась, что в Петрограде имеются силы, на которые можно опереться в борьбе с народом, и совместными действиями фронтовых и петроградских частей рассчитывала подавить революцию. Но с каждым часом число солдат, оставшихся верными царизму, становилось все меньше и меньше. Революционные силы успешно ликвидировали последние очаги сопротивления в столице.

Как и накануне, утром 28 февраля, масса вооруженных рабочих и солдат явилась на Сампсониевский проспект к казармам самокатного батальона. Солдат-самокатчиков убеждали присоединиться к народу, но, напуганные офицерами, они по-прежнему отказывались сделать это. Упорство самокатчиков озлобляло подошедшую толпу. Слышались гневные голоса: «За царя стоит. Возьмем штурмом! В казармы! Перебьем всех!» Когда средства убеждения были исчерпаны, осаждавшие прибегли к крайней мере — натащили горючий материал и подожгли деревянные казармы самокатчиков, два барака была запылали. Но другим баракам открыли огонь подошедшие сюда броневики. Самокатный батальон сдался. Солдаты приносили повинную: «Братцы, простите, это все офицеры, мы против народа не пойдём».

Наиболее крупной вооруженной силой, стоявшей на защите самодержавия, являлся отряд, окопавшийся в Адмиралтействе. Сам по себе он не представлял серьезной опасности для революционных сил — отряд был уязвим со всех сторон и находился в Адмиралтействе, словно в мышеловке, но в случае прихода войск с фронта он мог быть использован для наступления на революционные силы. Командир измайловского запасного батальона, входившего в этот отряд, Б. Фомин предлагал, пользуясь ночным временем, увести войска из Адмиралтейства в Пулковку. «К Петрограду войска движутся с фронта — во избежание раздельных с ним действий, в целях правильной информации их о положении в Петрограде и для объединения командования войсками — гораздо удобнее для командующего войсками быть не окруженным мятежниками, вне зоны восстания... Перейдя в Пулковку, мы обеспечим на завтра довольствие отряда из местных средств, установим связь с Царскосельским гарнизоном и займем ближайшие к Петрограду станции по Балтийской, Варшавской и Виадово-Рыбинской железным дорогам»¹⁰.

⁹ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 24.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 6515, оп. 1, д. 1, л. 37.

С точки зрения узковоенной этот план имел свои преимущества, но он не учитывал соотношения политических сил и настроений солдатской массы: и Царскосельский гарнизон, и фронтные части были готовы перейти на сторону революции, а не защищать гибнущий царизм. Хабалов отклонил этот план, горделиво заявив, что его место, как командующего войсками округа, не в Пудково, а в Петрограде, что он не может увести войска из столицы, оставив на произвол судьбы царских министров. Но Хабалов был уже командующим без войск, а царские министры прятались по квартирам, опасаясь народного возмездия. Военные власти хотели собрать министров в Адмиралтейство; их искали, им звонили по телефонам, но обнаружить никого не удалось.

Около 1 часа в ночь на 28 февраля Беляев отдал приказ адмиралтейскому отряду перейти в Зимний дворец. Как и все другие действия растерявшихся царских властей, это распоряжение заключало в себе мало здравого смысла. Переход в Зимний дворец не улучшил положения защитников царизма. Правда, сам отряд Хабалова увеличился, пополнившись находившимися во дворце двумя ротами запасного батальона Петроградского полка, а также запасным Гвардейским кавалерийским полком, вызванным из Кречевицких казарм Новгорода, но это увеличение не могло оказать существенного влияния на соотношение сил. Перебравшись в Зимний дворец, царские власти хотели превратить его в крепость. На многих окнах были выставлены рамы и установлены пулеметы, один из них стоял у деревянной перегородки, отделявшей залы дворца от лазарета, где лежало свыше 500 раненых солдат. Но, как ни укрепляли открытый со всех сторон Зимний дворец, он представлял собой еще более уязвимый объект, чем Адмиралтейство.

В отряде последних защитников царизма порядка не было. Отдавались и отменялись приказы и распоряжения, назначались и отстранялись начальники, а улучшения не наступало. Запасный кавалерийский полк ушел из дворца обратно в Новгород. К утру 28 февраля снова изменилось местопребывание отряда: по указанию вел. кн. Михаила Александровича войска были выведены из Зимнего дворца. Они хотели направиться в Петропавловскую крепость, чтобы использовать ее для борьбы с революцией, но дорогу в крепость преграждали революционные части, стоявшие на Троицком мосту. Защитникам царизма пришлось вернуться в Адмиралтейство. Положение царских войск в Петрограде становилось безнадежным.

Сообщения военных властей Петрограда в Ставку теперь уже мало походило на успокоительные заверения предыдущих дней. Прежде Беляев и Хабалов докладывали за несколько дней сразу, теперь они делали свои сообщения чуть ли не каждый час. Прежде в своих телеграммах военные власти столицы сглажи-

вали острые углы и успокаивали царя и его окружение, теперь они вынуждены были сообщать Ставке истинное положение вещей. В 8 час. 21 мин. 28 февраля Хабалов докладывал Алексееву: «Число оставшихся верных долгу уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 всадников при 15 пулеметах, 12 орудиях с 80 патронами всего (так в документе. — Э. Б.). Положение до чрезвычайности трудное»¹¹. В 11 час. 22 мин. Беляев докладывал: «Положение по-прежнему тревожное. Мятежники овладели во всех частях города важнейшими учреждениями. Войска, под влиянием утомления, а равно пропаганды бросают оружие и переходят на сторону мятежников или становятся нейтральными. Сейчас даже трудно указать, какое количество рот являются действительно надежными... Скорейшее прибытие войск крайне желательно, ибо до прибытия надежной вооруженной силы мятеж и беспорядки будут только увеличиваться»¹². В 12 час. 25 мин. Беляев сообщал в Ставку, что при создавшихся условиях министерство путей сообщения не может выполнять своих функций; повеление же царя о подчинении всех министров новому главнокомандующему войсками округа Иванову передано только четырем министрам, с которыми есть связь по дворцовому телефону: «Городской телефон не действует и потому с остальными министрами, в том числе и председателем, сегодня связи не имеем»¹³.

О положении, создавшемся в это время в Петрограде, можно судить по ответам, которые давал Хабалов в 11 час. 30 мин. дня 28 февраля на вопросы, заданные ему генералом Ивановым перед его выездом из Могилева в Петроград на подавление революции. Вот текст этих вопросов и ответов: «1) Какие части в порядке и какие безобразят? — В моем распоряжении в здании главного Адмиралтейства четыре гвардейских роты, пять эскадронов и сотен, две батареи, прочие войска перешли на сторону революционеров или остаются по соглашению с ними нейтральными. Отдельные солдаты и шайки бродят по городу, стреляя в прохожих, обезоруживая офицеров. 2) Какие вокзалы охраняются? — Все вокзалы во власти революционеров, строго ими охраняются. 3) В каких частях города поддерживается порядок? — Весь город во власти революционеров, телефон не действует, связи с частями города нет. 4) Какие власти правят этими частями города? — Ответить не могу. 5) Все ли министерства правильно функционируют? — Министры арестованы революционерами. 6) Какие полицейские власти находятся в данное время в вашем распоряжении? — Не находятся вовсе. 7) Какие технические и хозяйственные учреждения военного

¹¹ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 19.

¹² Там же, стр. 20.

¹³ Там же, стр. 25.

ведомства ныне в вашем распоряжении? — Не имею. 8) Какое количество продовольствия в вашем распоряжении? — Продовольствия в моем распоряжении нет. 9) Много ли оружия, артиллерии и боевых припасов попало в руки бастующих? — Все артиллерийские учреждения во власти революционеров. 10) Какие военные власти и штабы в вашем распоряжении? — В моем распоряжении лично начальник штаба округа. С прочими окружными управлениями связи не имею»¹⁴.

В вопросах Иванова и ответах Хабалова наглядно отразилась вся неосведомленность царской Ставки о положении в Петрограде. Иванов предполагал, что в Петрограде есть еще верные самодержавию части, которые охраняют вокзалы и держат в своих руках часть города, что некоторые министерства еще функционируют, что какие-то полицейские части, технические и хозяйственные учреждения, власти и штабы продолжают находиться в распоряжении главнокомандующего Петроградским военным округом. Ответы Хабалова рассеивали эти иллюзии: у столичных военных властей ничего не было, они потеряли все свои позиции, все свои опорные пункты. Характерна и разница в терминологии обоих царских генералов. Иванов говорил о бунтовщиках, которые «безобразят». Хабалов говорил о революционерах, которые держат в руках весь город и строго охраняют вокзалы. Народ успел за несколько дней восстания отучить командующего войсками петроградского военного округа от прежней терминологии.

Ответы Хабалова свидетельствовали о том, что положение защитников самодержавия в Петрограде безнадежное, что им уже не одолеть революцию рабочих и солдат. В тот самый час, когда передавались ответы Хабалова, сдался один из последних оплотов самодержавия — Петропавловская крепость. Эту крепость называли русской Бастилией. Она служила местом заключения революционеров нескольких поколений. К моменту второй русской революции мрачные казематы Петропавловской крепости почти совсем опустели; за год до нее здесь сидели 5 матросов, арестованных за участие в революционном движении, а накануне победы революции в ночь на 27 февраля в две камеры Трубецкого рavelина были заключены 19 солдат — участники восстания запасного батальона Павловского гвардейского полка. Рабочие и солдаты намеревались взять Петропавловскую крепость штурмом, но затем выяснилась возможность добровольного перехода гарнизона крепости на сторону народа. Было примерно двенадцать часов дня 28 февраля, когда революционные отряды рабочих и солдат вошли в Петропавловскую крепость. Солдаты-павловцы были вынесены из Трубецкого рavelина на руках под восторженные возгласы толпы.

¹⁴ Там же, стр. 20—21.

С падением Петропавловской крепости положение последнего отряда защитников самодержавия, окопавшегося в Адмиралтействе, еще более ухудшилось. Прилегающие к этому зданию улицы и Александровский сад были заполнены вооруженными рабочими и солдатами, готовыми к наступлению. Обещанная помощь с фронта не пришла. Дух «адмиралтейского отряда» падал; пехотинцы и артиллеристы выражали намерение покинуть отряд. В таких условиях вступать в борьбу с восставшим народом не представлялось возможным. Считая, что дальнейшее пребывание царских войск в Адмиралтействе бесполезно, командование предложило солдатам организованно вернуться в свои казармы. Солдаты не решились выйти из Адмиралтейства с оружием, ибо это могло вызвать столкновения; они вышли без винтовок, сложив их в одной из комнат здания.

В 13 час. 30 мин. 28 февраля Беляев доложил Ставке, что организованное сопротивление царских войск в столице прекратилось; их последний отряд капитулировал. «Около 12 часов дня 28 февраля остатки оставшихся еще верными частей, в числе 4 рот, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты, по требованию морского министра были выведены из Адмиралтейства, чтобы не подвергать разгрому здание. Перевод этих войск в другое место не признан соответственным, ввиду неполной их надежности. Части разведены по казармам, причем во избежание отнятия оружия по пути следования, ружья и пулеметы, а также замки орудий сданы морскому министерству»¹⁵.

Масса рабочих и солдат встретила войска, выходявшие из Адмиралтейства, настороженно, но не враждебно. Когда выяснилось, что солдаты возвращаются в казармы и этим мирно и безболезненно ликвидируется последний очаг царизма, со всех сторон раздались громкие приветствия. Бойцы «адмиралтейского отряда» не просто покидали лагерь царизма: на передках их артиллерийских орудий (замки с которых остались в Адмиралтействе), рядом с солдатами, уселись рабочие, к хомутам лошадей прикрепляли красные флажки. Солдаты последнего царского отряда переходили в лагерь революции. Напрасно царские власти утешали себя тем, что на фоне восстания всего гарнизона присоединение к революции 600—700 человек, находившихся в Адмиралтействе, не имело значения. Это присоединение завершило победоносное вооруженное восстание в Петрограде.

Ставка и после этого продолжала информировать фактически уже свергнутого военного министра, какие части и под чьим командованием направлены в Петроград и каковы перспективы дальнейшего формирования контрреволюционных сил.

В этот же день, 28 февраля, окончательно исчезли сомнения и колебания среди той части петроградского гарнизона, которая

¹⁵ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 27.

еще не решалась открыто перейти на сторону народа, для нейтральной позиции теперь уже не осталось никакой почвы. Успешные действия восставших рабочих и солдат и сам ход развернувшейся борьбы вовлекал в революционную борьбу всю солдатскую массу. К революции присоединялись все новые и новые части.

Еще накануне офицеры убеждали солдат запасного батальона Финляндского полка, охранявшего Васильевский остров, стойко стоять за веру и отечество и не нарушать присягу. Но уже тогда увещевания офицеров оказывали слабое воздействие на солдат, батальон глухо волновался. Не решаясь первыми пойти на открытое восстание, солдаты-финляндцы ждали удобного момента для выступления. Утром 28 февраля толпы народа подошли к казармам Финляндского полка. Солдаты отказались стрелять в толпу и стали присоединяться к восставшим. Солдаты, захватив находящееся в казармах оружие, начали выходить во двор, где сняли часовых у арсенала, цейхгауза и приказали выйти караулу из помещения; арестованных, содержавшихся на гауптвахте, выпустили. В арсенал открыли двери и забрали оттуда оружие и патроны.

Чувство огромной радости охватило рабочих и солдат. Все вместе они направились к зданию офицерского собрания, где засели офицеры, не желавшие сдаваться. Начался обстрел собрания. Часть засевших здесь офицеров сдалась, отдав оружие народу, другие офицеры переоделись в солдатские шинели и ступевались в массу, третьи — мелкими группами бежали на задний двор и, перелезая через забор, скрывались в закоулках домов. Финляндцы двинулись к другим частям¹⁶.

В тот же день рабочие и солдаты подошли ко 2-му балтийскому флотскому экипажу. Экипаж был расположен в самом городе и его пытались использовать в борьбе с восставшим. Но отряд матросов, высланный в этих целях в район Крюкова канала и Благовещенской площади, повернул оружие против офицеров и присоединился к народу. До другой части матросов, запертой в казармах, донеслись голоса с улицы: «Матросы, присоединяйтесь к нам!», «Долой самодержавие!», «Да здравствуют революционные матросы!» Матросы схватили винтовки и патроны и стали поспешно выходить на улицу. Здесь они слились с массой рабочих и солдат и двинулись к Васильевскому острову, участвовали в уличных стычках и демонстрациях, объединяясь все с новыми группами восставших; поздно ночью матросы вернулись в экипаж и расправились с наиболее ненавистными командирами.

В те дни на ремонте у стенки Франко-русского завода стоял крейсер «Аврора». Еще днем 27 февраля в судовой камере

¹⁶ «Правда», 10 марта 1917 г.

крейсера были заключены трое рабочих этого завода. Превращение корабля в тюрьму вызвало брожение среди матросов. Когда вечером того же дня за рабочими пришел караул и их вывели на верхнюю палубу, раздалось громкое «ура», матросы бросились к рабочим. Командир и старший офицер крейсера сделали по матросам несколько выстрелов, матрос Осипенко был смертельно ранен, остальные — рассеялись. Утром 28 февраля на берегу собрались рабочие, призывавшие команду «Авроры» присоединиться к народу. Часть рабочих проникла на корабль; между офицерами и матросами произошло столкновение, командир крейсера был убит, матросы объединились с рабочими. «Аврора» стала первым боевым кораблем, поднявшим знамя восстания в дни второй русской революции. Матросы крейсера избрали нового командира, организовали судовой комитет и послали своих депутатов в Петроградский Совет^{16а}.

Произошел перелом и в поведении казачьих частей, расположенных в столице. Казаки долгое время занимали позицию дружественного нейтралитета, не решаясь открыто перейти на сторону восставшего народа. Отдельные отряды казаков, направленные в город, без большого сопротивления сдавали оружие рабочим и солдатам. Как указывалось в акте командования запасной сотни сводно-казачьего полка, казаки этой сотни «были разъединены публикой на мелкие кучки в 3, 4 и 5 человек, вольная публика стала казаков обезоруживать, а по вооруженным конным казакам открывала стрельбу. Казаки, не имея больше возможности отстаивать права на ношение оружия и во избежание эксцессов с народом и ненужного кровопролития, вынуждены были таковое сдать»¹⁷. У казаков этой сотни народ отобрал 69 винтовок и 75 пашек.

Чтобы предотвратить присоединение казаков к восставшим рабочим и сохранить их как боевые единицы к моменту прихода царских войск с фронта, была сделана попытка вывести 4-й Донской казачий полк в Новосаратовскую колонию близ Петрограда. 28 февраля в эту колонию было направлено две сотни казаков. Но остальные сотни волновались, требуя вернуть отосланных. Наконец казаки сами вернули уведенных и на другой день 4-й Донской казачий полк в полном составе направился к Таврическому дворцу, заявив о своем присоединении к революции¹⁸.

В то время как период колебаний и сомнений в солдатской среде закончился, среди офицерского состава он только начинался. Основная масса офицерства и теперь была готова вы-

^{16а} «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник документов. М., 1957, стр. 16.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 10/л, д. 614, л. 557.

¹⁸ И. Ульянов. Казачество в первые дни революции. М., 1920, стр. 18—19.

полнять присягу верности царизму, но понимала, что без солдат сласти царям невозможно. Полная несостоятельность царских властей и безнадежность открытой борьбы с народом обнаружались со всей очевидностью. Офицеры искали выхода из создавшегося положения. Образование Временного комитета Государственной думы, его состав и первые мероприятия породили среди офицерства надежду на возможность отстоять господствующий строй другими методами. Эти новые настроения проявились, в частности, среди офицеров запасного батальона Преображенского полка. В ночь на 28 февраля собрание офицеров этого батальона со своим командиром князем Аргутинским-Долгоруковым постановило признать власть Временного комитета Государственной думы и помочь ему восстановить порядок и спокойствие в столице. Но обещанная помощь последовала не сразу. Той же ночью Военная комиссия предложила командованию батальона арестовать царских министров, находившихся, по ее сведениям, недалеко от штаба батальона в Адмиралтействе. Командование батальоном уклонилось от выполнения этого задания, отговариваясь тем, что Совет министров охраняют крупные силы пехоты и артиллерии, с которыми преобразенцы справиться не могут. Но днем 28 февраля, когда положение в столице окончательно определилось, командование и офицерский состав Преображенского батальона окончательно порвали с царскими властями.

28 февраля лишь небольшая часть офицеров заявила о своем присоединении к народу. Большинство еще отсиживалось в казармах, офицерских собраниях и на частных квартирах. Решившись взять власть в свои руки, буржуазия стремилась прежде всего привлечь на свою сторону командный состав гарнизона. В воззвании к офицерам думский Комитет призывал их «поторопиться примкнуть к общему движению, дабы не остаться за бортом, вне своих воинских частей... Если офицерский состав хочет принять участие в общенациональной борьбе за освобождение России и в доведении войны до счастливого конца, ему не следует оставлять солдатские массы без начальников. Делегации от офицерских групп будут получать необходимые сведения и указания в стенах Таврического дворца»¹⁹.

Временный комитет Государственной думы и Военная комиссия издали приказ, который предлагал офицерам столичного гарнизона, а также офицерам, находившимся в Петрограде в отпусках и командировках, не имевших поручений Военной комиссии, явиться 1 и 2 марта в помещение Собрания армии и флота «для получения удостоверений на повсеместный пропуск и точной регистрации, для получения поручений Комиссии по организации солдат, примкнувших к представителям народа,

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 3348, оп. 1, д. 169, л. 12.

для охраны столицы. Промедление явки гг. офицеров к своим частям неизбежно подорвет престиж офицерского звания... Настоятельно необходимо проявить все усилия для организации воинских частей. Только в этом сила нашей армии и залог окончательного торжества... Не теряйте ни минуты драгоценного времени»²⁰.

С 28 февраля сторонники царизма в Петрограде ждали войска с фронта, чтобы с их помощью подавить революцию. 28 февраля в столицу прибыли воинские части, но прибыли они совсем с другой целью. Они пришли из Ораниенбаума, Стрельны и других окрестностей Петрограда, чтобы помочь питерским рабочим и солдатам упрочить победу революции и добить царизм. В Ораниенбауме стоял тогда 1-й запасный пулеметный полк, в Стрельне — 2-й, в обоих полках насчитывалось до 36 тыс. солдат; часть пулеметных рот была уже готова к отправке на фронт, но отправка задержалась. В Ораниенбауме находилась также школа оружейных мастеров и ряд других технических частей, состоявших преимущественно из рабочих. Близость к рабочему Петрограду способствовала революционизированию Ораниенбаумского гарнизона. Царские власти стремились изолировать его от событий, происходивших в столице: увольнение солдат в Петроград были запрещены, солдат не выпускали за ворота казарм.

Несмотря на все рогатки, весть о революции в столице разнеслась среди солдат Ораниенбаума, и они решили поддержать своих петербургских товарищей. Вечером 27 февраля в Ораниенбауме раздался клич: «К оружию! Выходите во двор!» Солдаты технических частей, школы оружейных мастеров, 1-го пулеметного полка горячо откликнулись на призыв, сопротивление немногих унтер-офицеров было сломлено, и солдаты вышли на улицу. Солдат Скородумов рассказывает: «Определенного плана действий еще не было, так как все произошло стихийно, без организации, под влиянием петербургских событий и общей ненависти к самодержавию. Затем восставшие солдаты собрались все около казарм пулеметного полка, где было принято решение идти на помощь петербургским полкам и рабочим»²¹.

Оружия было сначала немного — несколько ружей и учебные пулеметы. Чтобы вооружиться, солдаты захватили оружейные склады, забирали винтовки, пулеметы, патроны. Офицеры пытались остановить солдат, призывая соблюдать дисциплину, угрожая расправой. Под влиянием офицеров часть солдат попряталась в казармах. Но большинство дружно выступило на улицу; пошли к вокзалу, чтобы направиться в Петроград. Офицеры пытались сорвать помощь революционной столице: солдатскую

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. печатных изданий, явл. № 2117.

²¹ «Правда», 7 марта 1917 г.

массу, шедшую к вокзалу, обстреляли из пулеметов. Завязался бой. Разгромив офицеров, солдаты захватили пригородный поезд, но распространился слух, что офицеры устроили засаду и подготовили крушение поезда. Тогда решили идти в Петроград пешком, походным порядком.

Был уже первый час ночи, когда солдатская масса двинулась в путь, офицеров с ней почти не было. Проходили через Мартышкино, Стрельну, Сергеев, Лигово. В Петергофе солдаты подошли к школе прапорщиков и юнкерскому училищу. Командование приказало запереть двери и никого не пропускать. Но под ударами тяжелых прикладов рушились двери. Солдаты ворвались в здание. Часть юнкеров оказала сопротивление, другие призывали не стрелять, заявляя о присоединении к солдатам, Раздались возгласы: «Да здравствует свобода!». Солдатская масса двинулась дальше к Петрограду.

Участник событий большевик С. Петриковский отмечает, что толпа росла, как лавина. «Наши старания организовать людей и принять команду были мало эффективными»²². Несмотря на неорганизованность, движение имело ясную цель. К солдатам присоединились расположенные по дороге части. Солдаты разбивали ружейные склады, захватывали винтовки и пулеметы, забирала хлеб и фураж. «Это была величественная картина, — вспоминает солдат И. Булат, — никакого строя здесь не было. Здесь были пулеметные части, и батареи, и конница, и пехота, и другие части. В общем двигалась вооруженная толпа солдат, движимая ненавистью к войне и царизму. Эта толпа растянулась длинной лентой на огромном протяжении»²³.

Утром 28 февраля солдаты петроградских пригородов подошли к Нарвской заставе. Не зная, на чьей стороне солдаты, рабочие-путиловцы встретили их настороженно. Но вот из толпы солдат раздались крики: «Рабочие, мы с вами! Долой царя!» Это вызвало огромный энтузиазм путиловцев: «Солдаты с нами! Да здравствует революция!» — неслось со всех сторон. Рабочие выносили солдатам хлеб, пищу, папиросы, теплую одежду. Скрытый пулемет открыл стрельбу по рабочим и солдатам. Солдаты открыли ответный огонь и, подавив пулеметную точку, направились к центру города. Приход в столицу солдат Ораниенбаума, Стрельны и других окрестных гарнизонов сыграл большую роль в победе революции. Явившись в Петроград на другой день после начала восстания питерских солдат, они приняли активное участие в борьбе с жандармами и полицейскими, в уничтожении вражеских пулеметных гнезд, охране мостов и предприятий, несении караульной службы. Эти войска поддер-

²² Личный фонд С. Петриковского. Воспоминания о Февральской революции, стр. 4.

²³ ЦПА, ф. 124, оп. 1, д. 273, л. 5.

жали революционный Питер в решающий момент борьбы, укрепили силы восставших рабочих и солдат и помогли им добить царизм.

Примеру ораниенбаумцев последовали солдаты Царского Села, где пребывала семья Николая II и другие члены императорской фамилии. Во времена Парижской Коммуны Тьер превратил королевскую резиденцию — Версаль — в оплот контрреволюции и, действуя оттуда, потопил в крови восстание французского народа. В дни второй русской революции реакция не могла превратить в свой оплот Царское Село, хотя, казалось, что там были сосредоточены наиболее верные царизму части. Как отмечает командир одной из частей, «бугтарский дух» проник и в царскосельский гарнизон: «и здесь горючего материала для революционного пожара было больше чем достаточно». 28 февраля командиры царскосельских частей обратились к дяде царя, престарелому великому князю Павлу Александровичу, с просьбой дать указания на случай возникновения беспорядков. Успокаивая встревоженных командиров, Павел Александрович заявил, что завтра в Царское Село возвратится Николай II: «Я уверен, что он даст желаемое ответственное министерство, лишь бы не было слишком поздно. В Царском Селе наследник и императрица и наш долг их охранять»²⁴.

Но солдаты не хотели ждать, пока придет царь и «дарует» ответственное министерство. Солдаты запасного батальона 1-го стрелкового полка, сводного полка, царского конвоя и других частей царскосельского гарнизона по зову питерских солдат восстали против царизма. За 10 дней до революции в район Царского Села был переброшен с фронта гвардейский флотский экипаж, чтобы усилить охрану царской семьи. Когда началась революция, подрывная команда экипажа получила приказ взорвать шоссе на дорогу, чтобы преградить путь революционным частям, в случае если они двинутся из столицы в Царское Село. Матросы отказались выполнить этот приказ и решили идти по этой дороге в Петроград, чтобы присоединиться к восставшей столице. Угрозы и увещевания офицеров не помогли. Две тысячи матросов в полном боевом снаряжении с оружием в руках выступили по направлению к Петрограду. Охваченные могучим революционным порывом, они почти без остановки прошли 20-километровый путь. Участник этого похода Ф. Сорокин писал: «С восходом солнца впереди ярко обрисовывался Петроград... Вот и Путиловский завод. Там огромные толпы народа... Все свободное пространство заполнено человеческой массой. Когда батальон стал подходить к заводу, то вдруг воздух огласился раскатистым мощным восторженным „Ура!“ И в воздухе замелькали шапки, шляпы, кени и беленькие платочки.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 2856, оп. 1, д. 84, л. 15.

Это многотысячная рабочая масса приветствовала матросов гвардейского экипажа, идущих на присоединение к ним»²⁵.

28 февраля почти весь Петроградский гарнизон перешел в лагерь революции. По данным Военной комиссии, число восстановивших солдат к вечеру этого дня достигло 127 тыс.²⁶ Начались торжественные шествия воинских частей к Таврическому дворцу. Если накануне солдаты шли ко дворцу беспорядочными толпами, смешавшись с гражданским населением, то теперь шествовали организованно, четким строем, нередко под музыку военных оркестров. Если накануне офицеров с солдатами не было, то теперь часть офицеров присоединилась к солдатам и командовала войсками. Из мятежников солдаты превратились в организованных манифестантов, бурные схватки сменились парадным шествием. С Литейного проспекта по Кировой, Фуршадской, Захарьевской и Таврической улицам, по Суворовскому проспекту густыми колоннами солдаты шли к Таврическому дворцу, с красными флагами, с красными бантами на груди. . . Громадные толпы народа заполнили тротуары и приветствовали каждую новую воинскую часть.

Войска подходили к подъезду Таврического дворца или проходили внутрь здания и выстраивались вдоль стен огромного Екатерининского зала. Перед ними выступали депутаты Государственной думы и Совета рабочих депутатов. Произносилась четкая воинская команда, раздавались приветствия, играла музыка, крики «ура» сотрясали воздух. В числе других явился к Таврическому дворцу Гвардейский флотский экипаж, во главе которого стоял двоюродный брат царя вел. кн. Кирилл Владимирович. Это был первый член царской семьи, нарушивший присягу царю и заявивший думским деятелям, что он и вверенный ему экипаж переходят на сторону Государственной думы. Весть об этом получила широкое распространение и оказала известное влияние на дальнейшее поведение офицеров²⁷.

²⁵ Ф. Сорокин. Гвардейский экипаж в февральские дни 1917 г., М., 1932, стр. 47—48.

²⁶ «Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г.», Л., 1932, стр. IV.

²⁷ Это не помешало впоследствии Кириллу Владимировичу самому претендовать на русский престол. Родзянко утверждал, что он содрогнулся, узнав о приходе в Таврический дворец с красным бантом на груди члена императорского дома, что он выразил Кириллу удивление по поводу такого нарушения присяги и просил его удалиться и увести с собой гвардейский флотский экипаж. Однако эти заявления бывший председатель Государственной думы придумал задним числом. На самом деле Родзянко выразил тогда великому князю благодарность за присоединение к революции и признание власти Временного комитета, ибо это как бы оправдывало поведение самого Родзянко, тоже нарушившего присягу царю. («Известия Комитета петроградских журналистов», 1 марта 1917 г.).

К восставшему питерскому пролетариату присоединились в этот день рабочие окрестностей. Старый рабочий-большевик, боевик 1905 года, побывавший в тюрьме и в ссылке Н. А. Емельянов принес весть о петроградских событиях в Сестрорецк. 28 февраля рабочие Сестрорецкого оружейного завода бросили работу и собрались на митинг. Большевик В. Творогов говорил, что власть должна принадлежать рабочим. Большевик В. И. Зоф предложил создать Революционный комитет для управления заводом и городом. Рабочие избрали членов Комитета и двух депутатов (В. Зофа и Н. Емельянова) в Петроградский Совет. Направившись к арсеналу, рабочие Сестрорецка захватили там 15 тыс. винтовок и другое оружие, вооружились сами и снабдили винтовками, револьверами и патронами питерских товарищей. Они создали милицию и продовольственную комиссию, сместили старого и назначили нового начальника завода, арестовали жандармского полковника и других представителей царской власти. Сестрорецкие рабочие установили рабочий контроль над железнодорожным сообщением и действиями железнодорожной администрации и заняли важные подступы к Петрограду. Все это явилось существенной помощью развернувшейся революции.

Узнав о революции в Петрограде, забастовали рабочие Шлиссельбургского порохового завода. Пять тысяч рабочих собрались на митинг, а затем, перейдя Неву, со знаменами и лозунгами двинулись в город. Присоединив к себе рабочих мануфактурной фабрики и проведя новый еще более многочисленный митинг, они направились к Шлиссельбургской крепости. Два столетия служила она тюрьмой для борцов за свободу. В ее стенах сидели декабристы, народники, рабочие-революционеры. Теперь восставший народ пришел освободить последних шлиссельбургских каторжан. Делегация рабочих вступила в переговоры с тюремной администрацией. 28 февраля 64 политических заключенных вышли на волю. На другой день были освобождены остальные каторжане²⁸. Власть в Шлиссельбурге и уезде перешла в руки Революционного комитета.

С 28 февраля Петроград полностью перешел в руки освободившегося народа. С отчаянием обреченных боролись против народа защитники самодержавия. Они широко использовали пулеметы. Переодетые в штатское платье офицеры и городовые вели огонь по мирным жителям, внося дезорганизацию и панику в население. Многие пулеметы были установлены на колокольнях церквей²⁹.

²⁸ Н. Саратов. Февраль в Шлиссельбургском пороховом заводе. — «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13).

²⁹ В делах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства сохранилось несколько списков церквей, колоколен и домов, в которых в период с 27 февраля по 2 марта были обнаружены пулеметы, пулеметные ленты и люди при них. В одном из них значится 54 пункта, в другом — 79. Только на одном Исаакиевском соборе было установ-

Это было сделано по распоряжению Протопопова. Пулеметы называли протопоповскими, а про него самого говорили

Был настолько богомолен, —
Кто порыв его поймет, —
Что на крыше колоколен
Ставили даже пулемет.

Но и пулеметы не спасли самодержавия. Сопротивление царизма на улицах Петрограда походило теперь на вспышки догорающего огня. 28 февраля массы народа залили улицы столицы, сметая еще оставшиеся царские гнезда. Продолжался начавшийся накануне разгром полицейских участков. В числе других толпа народа громила участок, расположенный на Загороднем проспекте. В разбитые окна вышвыривали на улицу бумаги. Горело два огромных костра, вместе с бумагами в костры летели царские портреты. Подъехала пожарная машина, пришел патруль — тушить надо. «Никак невозможно, — с глубоким убеждением говорил мужчина. — Фараоновы бумаги жгем. Опять же царские портреты. Никак невозможно!» — И пламя продолжало полыхать³⁰.

В тот день, 28 февраля, народ стал уничтожать внешние атрибуты царского самодержавия. Люди забирались на фасады зданий, к вывескам аптек и магазинов — поставщиков свергнутого императорского дома — и срывали с них гербы с двуглавым орлом и вензели членов царской фамилии. Под радостные крики толпы рушились наземь эти эмблемы ненавистного старого режима. У Аничкова моста в Фонтанку под восторженный гул народа было сброшено несколько двуглавых орлов.

Борьба продолжалась. На углу Сергиевской улицы Литейный проспект был перегорожен баррикадой; дула двух орудий, установленных на ней, были направлены к Невскому проспекту. Баррикада была сооружена на случай обороны от царских войск, ожидаемых со стороны вокзалов, и напоминала о том, что опасность для революции еще не устранена. Но она так и не была использована и все больше заносилась снегом.

Революция преобразила весь облик города. Петроград окрасился в красный цвет. На фасадах домов висели красные флаги, на штыках солдатских и рабочих винтовок и шашках казаков были прикреплены куски красной материи, на груди военных и штатских красовались красные банты, пуговицы шинелей и кокарды были обтянуты красными лоскутами. Тротуары были заполнены возбужденными толпами народа. По городу разъезжали грузовые и легковые автомобили с вооруженными людьми

лево 11 пулеметов. Пулеметы находились на зданиях Мариинского театра, Аничкова дворца, Путиловского завода, Троицкого собора и пр.

³⁰ Д. Добровянов. Революция. — «Современный мир», 1928, № 4.

и красными флагами, радостно встречаемые толпой. «Очевидно, — пишет свидетель этих дней, — это была первая в истории революция на автомобилях. Как ошестившиеся огромные ежи, одаренные по воле какой-то сверхъестественной силы способностью молниеносного передвижения, фыркая, визжа и сопя пролетали один за другим, обгоняя друг друга или разбегаясь при встречах, большие и малые машины с людьми, вооруженными с ног до головы»³¹.

С капитуляцией основных сил самодержавия сопротивление врага приняло иную форму; оно разбилось на множество отдельных точек, разбросанных по всему городу. В связи с этим рассредоточилась и борьба народа. Ликвидация отдельных вражеских гнезд стала отныне главной военной задачей революции, без разрешения которой победа народа не могла быть прочной и окончательной. В решении этой задачи особенно важное значение имела инициатива и самодеятельность самих масс. В распространявшейся по городу листовке давались советы восставшим рабочим и солдатам: «На крышах домов и в отдельных квартирах засели остатки полиции, черносотенцев и других негодяев. Старайтесь везде снимать их немедленно пулей или правильной атакой. Солдаты, везде поддерживайте порядок... В опасных местах не забывайте посылать разведчиков, держите между постами связь и охранение... Не позволяйте хулиганам обижать мирных граждан, не давайте разбивать магазины или грабить квартиры — это вредит делу свободы»³². Рабочие, солдаты, учащиеся по своему почину врываются на чердаки домов и колоколен, штурмовали засады полицейских и жандармов, захватывали их пулеметы и винтовки, расправлялись с врагом, стрелявшим в народ из-за угла.

Действия многочисленных наспех сколоченных и слабо связанных между собой революционных отрядов на территории огромного города нашли слабое отражение в документах. Мы можем составить лишь частичное представление о них на основе сообщений, поступивших 28 февраля—1 марта в Военную комиссию Государственной думы. В этих сообщениях указывалось, из каких домов ведется пулеметная стрельба, говорилось, что между Народным домом и Петропавловской крепостью действуют правительственные броневики, что в Коломенском районе «городовые забираются на чердаки домов, вооружены пулеметами, производят выстрелы по собраниям групп народа, наводят панику на солдат»³³; что полиция устроила засаду за Московской заставой. Военную комиссию просили выслать вооруженные отряды

³¹ В. Булгаков. Революция на автомобилях. — «На чужой стороне», 1924, № 2, стр. 10.

³² Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции (Ленинград), ф. листовок, инв. № 816.

³³ «Красный архив», 1930, № 41—42, стр. 73.

для охраны вокзалов, предприятий, учреждений. Санитары лазарета, находившегося в Зимнем дворце, просили «прислать туда отряд войск, чтобы арестовать скрывающихся там лиц, прекратить стрельбу с крыш из пулеметов и охранять дворец. Дворец сейчас ни в чьей власти. Часовые сняты, но внутри еще сторонники царского правительства». Караул запасного батальона Кегсгольмского полка, охранявший здание Сената, просил дать указание, что делать и чьим распоряжениям подчиняться, считая, «что оставить на произвол судьбы здание Сената было бы преступлением ввиду громадной важности находящихся там документов»³⁴. В Военную комиссию поступили требования о высылке солдат для охраны Петроградского патронного склада, Охтенского порохового завода, завода взрывчатых веществ и других предприятий. Начальник Главного артиллерийского управления генерал А. Маниковский просил Военную комиссию сделать распоряжение о допуске его в здание Управления и предлагал обратиться к рабочим с призывом встать на работу и организовать охрану заводов. «Я бессилен что-либо сделать сам. Помогите, пожалуйста», — писал Маниковский.

Члены Военной комиссии отдавали многочисленные распоряжения по водворению порядка в тех или иных районах города, занятию правительственных учреждений, отправке оружия, охране предприятий и т. д. Эти распоряжения подписывались обычно Энгельгардтом, Филипповским, Пальчинским, Масловским (Мстиславским), Потаповым, иногда Тумановым, Чиколини, Дмитриевым и другими членами или сотрудниками Военной комиссии. Военная комиссия предписывала встретить воинские части, прибывавшие на Балтийский вокзал, занять водопроводную станцию на Шпалерной улице, доставить с Патронного завода 20 тыс. патронов, отправить бронированные автомобили на Николаевский вокзал и т. д. Воинским частям предлагалось занять и охранять центральную телефонную станцию, Государственный банк, Царскосельский вокзал, электрическую станцию Бельгийского общества, сберегательную кассу, главное здание телеграфа, Николаевский вокзал, Эрмитаж, музей Александра III, склад огнестрельных припасов и т. п. Прапорщику Любавскому было приказано «принять командование над юнкерами Николаевского инженерного училища», штабс-капитану Мягкову — «принять командование Волынским полком», прапорщику Андрусову — «вступить в командование своими людьми Павловского полка», прапорщику С. Иванову — «отправиться на Петроградскую сторону для поддержания порядка на улицах», полковнику Цемирову — «принять меры к поддержанию порядка в своем 3-м железнодорожном рабочем батальоне» и т. п. Было подписано приказание «вольноопределяющемуся Таирову Дмит-

³⁴ Там же, стр. 67.

рию и рядовому Маяковскому Владимиру произвести выборы представителей в военно-автомобильной школе, организовать ремонт машин»³⁵.

Впоследствии, подводя итоги своей работы, Военная комиссия писала, что она выполняла в эти дни роль штаба революции. «Серьезность момента, противодействие сторонников деспотизма, отсутствие планомерности, неожиданность и техническая сложность событий, опасение за успех революции требовали власти и руководящего начала. Временный комитет дал власть Военной комиссии, которая дружной энергичной работой в согласии с Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов довела дело переворота до победного конца»³⁶. Но роль Военной комиссии не была столь велика, как сказано в этом документе; в подавляющем большинстве случаев массы действовали по собственной инициативе, не дожидаясь распоряжений сверху. Предписания Военной комиссии исполнялись далеко не всегда, причем иногда их неисполнение было вызвано недоверием к самой Военной комиссии, тогда требовали, чтобы ее предписания были подтверждены Советом рабочих депутатов или левыми депутатами Думы.

С. Мстиславский рассказывал: «Люди приходят, уходят, сменяются. Требуют нарядов, приказов. И я пишу их, листок за листком, все на тех же думских бланках. И чудится, словно в крутящейся вихрь какой-то выбрасываю я эти жалкие, ничемными знаками исчерченные, ничего не меняющие, бессильные лепестки. Те, кто получают приказы, не выполняют их; те, что действуют, действуют без приказа»³⁷. Распоряжения Военной комиссии нередко опаздывали, то или иное учреждение оказывалось занятым восставшими без всякого предписания. Многих командиров и начальников, назначенных Военной комиссией, солдаты не признавали. Важные объекты охранялись рабочими и солдатами по собственному почину. Военной комиссии приходилось задним числом оформлять то, что было уже сделано восставшим народом. И все-таки ее деятельность имела положительное значение. Она вносила известное организованное начало в действия народных масс.

В эти дни в Петрограде появилась угроза стихийных анархических выступлений и эксцессов. Грабители, уголовные преступники, выпущенные из тюрем, хулиганы и тому подобные элементы пытались грабить магазины и квартиры и захватывать винные склады. Агенты царизма нередко провоцировали такие эксцессы, чтобы в погромах и грабежах утопить революцию. Но эта вражеская провокация пресекалась самим народом. В не-

³⁵ «Красный архив», 1930, № 4—5, стр. 32. ЦГАОР СССР, ф. 3348. оп. 1, д. 168, лл. 10—14, 20, 31, 32.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 10, д. 19, л. 3.

³⁷ С. Мстиславский. Пять дней. М., 1922, стр. 20.

которых случаях сведения о грабежах и других эксцессах оказывались преувеличенными, а иногда даже ложными; они нередко сознательно распространялись сторонниками старого порядка, чтобы вызвать замешательство в лагере восставших и дискредитировать дело революции.

В борьбе против разрушителей революционного порядка решающую роль играли рабочие. Это вынуждены были признать и представители буржуазного лагеря. В письме, поступившем 2 марта в Петроградскую городскую думу, говорилось: «Строго выдержанным и организованным выступлением рабочих масс не только общественные учреждения, заводы и т. п., но и вся столица были ограждены от поплзания черни воспользоваться удобным случаем для грабежа и других эксцессов и что всякие попытки в этом направлении были немедленно и настойчиво подавлены вооруженной силой»³⁸.

Свержение царизма со всей остротой выдвинуло вопрос о власти. От решения этого вопроса зависел ход дальнейшей борьбы и результаты самой революции.

Какая же борьба развернулась вокруг вопроса о власти на другой день после решающего сражения с царизмом?

СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ И ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

К 28 февраля в Петрограде оформилось два политических центра — Совет рабочих депутатов и Временный комитет Государственной думы. Оба центра размещались в одном и том же здании Таврического дворца. Думе пришлось основательно потесниться. Все залы, коридоры и комнаты дворца были заняты вооруженными рабочими и солдатами. Около дворца раскинулся вооруженный лагерь: здесь стояли грузовые автомобили, мотоциклы, лежали мешки с песком, располагались воинские части. В залы и комнаты дворца с его ослепительно белыми стенами и колоннами, блестящим паркетом ворвалась народная революция. «Внезапный хаос пересоздания, — отмечал Мих. Кольцов, — взмыл старинный дом, распырил, увеличил, сделал его громадным, как при родах, вместил в него революцию, всю Россию. Екатерининский зал стал казармой, военным плацем, митинговой аудиторией, больницей, спальней, театром, колыбелью новой страны. Под ногами хрустит алебастр, отколотый от стен, валяются пулеметные ленты, бумажки, листики, тряпки. Тысячи ног месят этот мусор, передвигаясь в путаной, радостной, никому не ясной суете»³⁹. Е. Зозуля писал, что Таврический дворец напоминал в эти дни зал третьего класса провинциаль-

³⁸ Ленинградский областной архив, ф. 680, оп. 1, лл. 8, 10.

³⁹ М. Кольцов. Февральский март. М., 1927, стр. 6.

ной узловой станции во время посадки войск. «Пахло кожей, солдатским сукном, хлебом. Всюду вдоль стен спали вповалку солдаты. А по коридорам, по лестницам сповали тысячи других солдат, матросов, штатских, вооруженных винтовками студентов, офицеров»⁴⁰.

В занятом народом Таврическом дворце нашлось место и главарям свергнутого царского режима. С вечера 27 февраля отряды рабочих и солдат стали арестовывать царских сановников, министров, генералов. Их приводили в Таврический дворец и помещали в министерский павильон. Недавние властители России шли сквозь строй толпы, понутив головы, многие дрожали, глаза их бегали по сторонам; они опасались народной расправы. Но солдаты добросовестно охраняли арестованных, в здании дворца не было ни одного случая самосуда.

В числе первых привели во дворец председателя Государственного Совета И. Щегловитова; ненавистного реакционера конвоировали студенты. Подошел Родзянко: «Иван Григорьевич, — обратился он к Щегловитову, — пожалуйста — в мой кабинет». Но студенты не отходили от Щегловитова, толпа волновалась. Явился Керенский. «Медленно, подчеркивая шипящие звуки, он произнес: «Щегловитов — пленник народа. С ним будет поступлено по закону». И обращаясь к студентам, сказал: «Отведите его в министерский павильон». Родзянко потупил голову, помолчал и отошел»⁴¹. В министерский павильон доставили бывшего военного министра Сухомлинова. Толпа требовала его выдачи. Но расправу над ненавистным царским министром удалось предотвратить. В числе других арестованных во дворец был доставлен митрополит Питирим, известный своими связями с Распутиным. Он написал заявление о том, что высокое положение в церковной иерархии его всегда тяготило и теперь он желает уйти на покой; Питириму разрешили возвратиться в Александро-Невскую лавру.

Арестованных сановников поместили в министерском павильоне дворца. Заведование павильоном взял на себя А. Керенский. Он сам написал удостоверение на бланке председателя Государственной думы, в котором говорилось: «Временный комитет поручает члену Государственной думы Керенскому заведование павильоном министров, где находятся особо важные арестованные лица»⁴². Это удостоверение подписал Родзянко. Министерский павильон Думы представлял в эти дни любопытное зрелище. «Вид заключенных и помещения, — писал журналист Хаганский, — вначале производит впечатление торжественного заседания блестящего генералитета. Ослепительные генеральские погоны, знаки отличия и значительное количество лыси...

⁴⁰ Е. Зозуля. Пять дней. — «Революция в Петрограде». Пг., 1917, стр. 68.

⁴¹ «Вечерняя Москва», 14 марта 1917 г.

⁴² ЦГАОР СССР, ф. 3348, оп. 1, д. 185, л. 15.

На большом канцелярском столе, покрытом белой скатертью, лежат груды книг... тут же на столе пустые стаканы и остатки ужина заключенных. В комнате — гробовая тишина, так как уникам строжайше запрещено переговариваться между собой»⁴³. Вскоре режим для арестованных царских сановников был облегчен. Арестованным разрешили читать, разговаривать между собой при условии не касаться политических вопросов. Через несколько дней царских министров и других высокопоставленных лиц перевели в Петропавловскую крепость.

В Таврический дворец доставляли не только крупных деятелей старого режима, но и мелких его служителей — офицеров, жандармов, городских. Многие из них являлись сами и, боясь расправы толпы, просили их арестовать. Переодетые в штатское платье, дрожащие за свою жизнь жандармы и городовые выстраивались в очередь, дожидаясь пока их возьмут под охрану революционных солдат. Число арестованных увеличивалось и размещать их во дворце становилось все труднее. Для содержания арестованных были отведены хоры зала заседания, буфетные и другие комнаты дворца.

Массовые аресты представителей царского режима вовсе не входили в намерения Думского комитета, и Комитет официально отмежевывался от них. В № 3 «Известий петроградских журналистов» от 28 февраля 1917 г. было напечатано: «Временный комитет Государственной думы заявляет, что до сего времени по его распоряжению никаких арестов не производилось и впредь аресты будут производиться не иначе, чем по особому в каждом случае распоряжению Комитета».

Но отдавать распоряжение по каждому отдельному случаю было невозможно. Думскому комитету пришлось издать общее указание о том, кто подлежит аресту. В приказе от 1 марта, подписанном членом Государственной думы М. Карауловым, указывалось, что немедленно аресту подлежат лица, нарушающие порядок и тишину, пьяные, поджигатели, стреляющие в воздух и т. д., чины наружной и гайной полиции и корпуса жандармов, а также лица, производившие обыски и аресты, не имея на то особых полномочий. Приказ Караулова предусматривал «задержание» царских сановников и генералов. Арестованных предлагалось направлять в комендантское управление или в градоначальство, военную тюрьму и т. п., а задержанных сановников и генералов препровождать в Таврический дворец⁴⁴. На другой день появилось дополнение к приказу, в котором указывалось, что чины корпуса жандармов аресту не подлежат.

Так была сделана попытка ограничить и регламентировать аресты и обыски и оградить царских служителей от действий

⁴³ Г. П. (Г. Перетц). В цитадели русской революции. Пг., 1917, стр. 82.

⁴⁴ «Известия Комитета петроградских журналистов», 1917, № 4.

вооруженных отрядов рабочих и солдат. Но у Временного комитета Думы не было сил и средств добиться осуществления этих распоряжений. Отряды вооруженных рабочих и солдат не следовали указаниям думского Комитета, не ждали его распоряжений, а производили аресты и обыски, руководствуясь своим революционным правосознанием. Они действовали с необходимой быстротой и решительностью, дабы до конца разрушить ненавистный царский режим и обезвредить его сторонников. Руководители думского Комитета сетовали на то, что их распоряжения по вопросу об арестах и обысках не выполняются. М. Родзянко писал: «Авторитет и полнота власти Государственной думы и ее председателя, в столице по крайней мере, стояли не так высоко, как казалось с места. . . Временный Комитет неоднократно объявлял о незаконности таких арестов, но они продолжались с поразительной планомерностью»⁴⁵.

Такое положение объяснялось тем, что реальная сила была на стороне Совета. Вооруженные массы рабочих и солдат видели в Совете своего единственного руководителя и подчинялись только ему. К Совету рабочих депутатов потянулись нити со всех концов столицы, с предприятий, из казарм. Здесь спрашивали советов, сюда обращались за указаниями и распоряжениями. Массы инстинктивно чувствовали, что родилась новая, невиданная в истории организация, призванная сыграть историческую роль в их жизни.

28 февраля состоялось второе заседание Совета рабочих депутатов. Как и предыдущие заседания Совета, оно проходило в комнате 13. Было тесно, количество членов Совета и гостей все увеличивалось, убрали стулья. Люди стояли вплотную друг к другу. Это заседание прошло в обстановке огромного подъема. Обсуждение деловых вопросов неоднократно прерывалось выступлениями представителей воинских частей. Делегаты запасных батальонов Волынского, Павловского, Литовского, Финляндского и других гвардейских полков, пехотных и специальных частей под бурные овации собравшихся заверяли Совет рабочих депутатов, что их части присоединяются к рабочим, чтобы вместе бороться за свободу. «Зал слушал, — писал Суханов, — как дети слушают чудесную, дух захватывающую и наизусть известную сказку, затаив дыхание. . . Имя каждого из славных полков, положивших начало революции, встречалось бурей оваций. Но не меньше внимания вызывало и название новых частей, вновь вливающихся в народно-революционную армию и несущих ей победу»⁴⁶.

Едва затих гул аплодисментов и возобновилась деловая работа Совета, как в зале раздалась горячая речь молодого солдата за-

⁴⁵ М. Родзянко. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 50.

⁴⁶ Н. Суханов. Записки о революции, кн. 1. Пг., 1919, стр. 98—99.

пасного батальона гвардейского Семеновского полка, того самого полка, который со времен первой русской революции считался надежной опорой царизма. Он сказал: «Мы все до единого постановили присоединиться к народу против проклятого самодержавия и мы клянемся все служить народному делу до последней капли крови». Речь семеновца открыла новую волну выступлений представителей воинских частей, присоединившихся к революции.

Заседание Совета вылилось в мощную демонстрацию единства армии и народа и укрепило мысль о необходимости объединения рабочих и солдатских депутатов в едином Совете.

28 февраля Совет рабочих депутатов принял новые постановления по ряду важных вопросов. Совет постановил провести регистрацию всех автомобилей и организовать при Исполнительном комитете собственный автомобильный отряд. Было решено поставить вопрос о привлечении думского Комитета к финансированию Совета рабочих депутатов, пока же Совет обратился с призывом к населению жертвовать средства на революционные нужды. В обращении Совета говорилось: «Товарищи и граждане! Совет рабочих депутатов обращается ко всем, кому дорога победа над старым режимом, посылать жертвовать на нужды революции деньги и припасы... Независимо от общенациональных мер, которые по мере развития побед революции дадут ей нужные средства в широких размерах, Совет рабочих депутатов рекомендует всем гражданам содействовать денежными взносами делу свободы, всюду организовать питательные для солдат и милиционеров пункты, столовые и т. д. При Совете рабочих депутатов учреждены финансовая и продовольственная комиссии (Таврический дворец, комн. 13), куда и следует направлять взносы и пожертвования»⁴⁷. Добровольные взносы различных организаций и частных лиц в пользу Совета явились основным источником его финансирования. Думский Комитет, а затем и Временное правительство не соглашались «принять участие» в финансировании Совета.

Согласно решению Совета, Исполнительный комитет был пополнен представителями партий. От большевиков в него вошли К. Шутко, П. Залуцкий, В. Молотов, от меньшевиков — Б. Батурский, Б. Богданов, В. Крохмаль, от эсеров — В. Зензинов, от «Бунда» — М. Рафес, Г. Эрлих, от трудовиков — Л. Брамсон, от межрайонцев — И. Юрнев, от польской социал-демократии — М. Козловский, от социал-демократии Латышского края — П. Стучка. Три последних члена Исполнительного комитета поддерживали большевиков, но в целом вхождение представителей

⁴⁷ «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 1 марта 1917 г.

партий еще более уселило в нем правое, соглашательское крыло. Большевики оставались в меньшинстве⁴⁸.

Линия большевиков по основным вопросам революции была определена прежде всего Манифестом Центрального комитета РСДРП. Инициаторами его выпуска являлись члены Выборгского комитета большевиков. Они сначала хотели договориться о написании Манифеста с членами Бюро ЦК, но, не найдя их, сами взялись за его составление. В. Каюров рассказывает, что Манифест писали он и Хахарев; В. Молотов и П. Залудский его отредактировали, и Манифест был отпечатан и расклеен по улицам⁴⁹.

А. Шляпников несколько по-другому излагает этот факт. Он пишет, что проект, составленный Хахаревым, Лебедевым и Каюровым, рано утром 28 февраля был доставлен в Таврический дворец, где находились члены Бюро ЦК. «Вдвоем с товарищем Молотовым, — пишет А. Шляпников, — мы обсудили „Манифест“, внесли ряд поправок и исправлений и решили напечатать его от имени Центрального Комитета социал-демократической рабочей партии»⁵⁰. Манифест вышел в прибавлении к № 1 «Известий Петроградского Совета рабочих депутатов» вечером 28 февраля и в виде отдельных листовок. В. Бонч-Бруевич рассказывает, что эсеро-меньшевистские лидеры Совета возмущались тем, что большевистский Манифест появился на страницах «Известий Совета». «Я утешал злопыхателей тем, что сообщил, что помимо помещения в газете Совета я отпечатал Манифест еще отдельно в количестве ста тысяч экземпляров и что он уже расклеивается по Петрограду, рассылается по фабрикам, заводам и казармам и направлен во все концы России»⁵¹. Видимо, Манифест был отпечатан также в типографии газеты «День»⁵².

⁴⁸ Полный состав представителей партий, вошедших в Исполнительный комитет Совета р. и с. д., установить не удалось. Фамилии, упомянутые нами, взяты из списка, опубликованного в книге: «Петроградский Совет р. и с. д. Протоколы Исполнительного Комитета». М.—Л., 1925 г., стр. 361—362. Многие представители партий, первоначально вошедшие в Исполнительный комитет, в дальнейшем были заменены другими лицами.

⁴⁹ В. Каюров. Шесть дней Февральской революции. — «Пролетарская революция», 1923, № 1.

⁵⁰ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1. М., 1923, стр. 185.

⁵¹ В. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931, стр. 10—11.

⁵² Об этом свидетельствует печатник М. Агеев. В воспоминаниях «От ареста до освобождения» он пишет: «В тот же вечер в типографии газеты „День“, захваченной нами, был набран и отпечатан „Манифест Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)» («Печатник», 1927, № 7—8). Х. Астрахан в заметке, опубликованной в «Вопросах истории КПСС» (1965, № 6, стр. 64—65), отмечает, что шрифт листовки, хранящейся в Ленинградском музее Октябрьской революции, совпадает с шрифтом газеты «День», тогда как шрифт других сохранившихся экземпляров листовки с текстом Манифеста одинаков с шрифтом газеты «Известия». Манифест, видимо, печатался и в типографии «Известий», и в типографии «День», а, возможно, и на гектографе. Более спор-

Манифест ЦК РСДРП поставил в качестве важнейшей задачи рабочего класса и революционной армии: «... создать Временное Революционное правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя. Временное Революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и волю народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение 8-часового рабочего дня и созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов».

Немедленной и неотложной задачей Временного Революционного правительства Манифест считал: «Войти в сношение с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клки и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана поработенным народам». ЦК РСДРП в своем Манифесте предлагал рабочим и солдатам немедленно выбрать своих представителей во Временное Революционное правительство, призывал по всей России поднимать красное знамя восстания, по всем городам и селам создавать правительство революционного народа. «Вперед! Возврата нет! Беспощадная борьба! Под красное знамя революции! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует революционный рабочий класс! Да здравствует революционный народ и восставшая армия!»⁵³

Манифест ЦК РСДРП определил главное направление борьбы, выдвинув задачу создания подлинно революционного правительства, призванного установить демократическую республику, осуществить другие требования социал-демократической программы-минимум и добиться немедленного прекращения империалистической войны. В. И. Ленин высоко оценил значение Манифеста. «В этом документе, — писал он, — нет ни слова ни о поддержке гучковского правительства, ни о свержении его; рабочие и солдаты призываются к организации вокруг Совета рабочих депутатов, к выбору представителей в него для борьбы против царизма за республику, 8-часовой рабочий день, за конфискацию помещичьих земель и хлебных запасов, а главное — за прекра-

ным является вопрос о дате выхода листовки. При перепечатке Манифеста в газете «Правда» (5 марта 1917 г.) было ошибочно помечено: «Манифест выпущен 28 февраля». Несмотря на то, что содержание Манифеста противоречило этой дате («Твердыни царизма пали», — говорилось в Манифесте) и что А. Шляпников еще в 1923 г. отметил ошибочность такой датировки Манифеста, некоторые авторы настаивали на ней в 1956 г. (Е. Бугаев. Когда утрачивается научный подход — «Партийная жизнь», 1956, № 14, стр. 69—70). На самом деле листовки с таким текстом Манифеста не могли выйти ранее вечера 27 февраля.

⁵³ «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 28 февраля 1917 г. Прибавление к № 1.

щение грабительской войны. При этом особенно важна и особенно злободневна та совершенно правильная мысль нашего ЦК, что для мира необходимы сношения с *пролетариями всех воюющих стран*⁵⁴.

В Манифесте не было ответа на вопрос, каким путем избирать Временное революционное правительство, и ничего не говорилось о Совете⁵⁵, но о том, что власть должна перейти в руки революционного народа, в Манифесте было сказано со всей определенностью. Призывом к созданию Временного Революционного правительства был проникнут весь Манифест.

Иную позицию занимали меньшевики и эсеры. Они выступали против царского самодержавия, но не призывали рабочих и солдат брать в свои руки власть и создавать Временное Революционное правительство. Меньшевики и эсеры по-прежнему исходили из того, что на смену царской монархии должна прийти буржуазная власть, призванная провести буржуазно-демократические преобразования, а задача пролетариата состоит в том, чтобы толкать буржуазную власть к этому. Поскольку руководство Советов находилось в руках меньшевиков и эсеров, их позиции по этому решающему вопросу отразилась на всей деятельности Совета.

Обладая реальной силой, Совет рабочих депутатов действовал как орган власти. На заседании 28 февраля Совет обсуждал вопрос о работе железнодорожного транспорта. «В связи с продовольственным кризисом Совет рабочих депутатов признал необходимым восстановить железнодорожное сообщение между Петроградом и Москвой. Особой Комиссии поручено рассмотреть вопрос о контроле над товарным движением и, в согласии с продовольственной комиссией, выяснить необходимость функционирования тех или других дорог». Важную роль Совет отводил вопросам связи. Он поручил Исполнительному комитету «разрешение вопроса о наблюдении за почтой и телеграфом с образованием в случае надобности особых комиссий». Совет высказался против возобновления трамвайного движения в Петрограде, считая этот шаг несвоевременным⁵⁶.

Совет создал финансовую комиссию и по ее предложению постановил немедленно изъять все государственные финансовые средства из рук старой власти. «Для этого немедленно революционными караулами должны быть заняты в целях охраны: а) Государственный банк, б) главное и губернское казначейства, в) монетный двор, г) экспедиция заготовления государственных

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 34.

⁵⁵ В. И. Ленин писал, что Манифест призывал к организации масс вокруг Совета. Но за границей не было подлинного текста Манифеста. Ленин читал не вполне точное извлечение из него, опубликованное во «Франкфуртской газете» (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 412, 553).

⁵⁶ «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 1 марта 1917 г.

бумаг». Однако Совет не провел в жизнь это важнейшее мероприятие сам: он поручил осуществление его Временному комитету Государственной думы. Совет постановил совместно с Комитетом Государственной думы создать финансовый комитет, подобно уже существовавшим на таких же началах военной и продовольственной комиссиям. Совет возложил на этот комитет принятие всех мер, необходимых для упорядочения финансового дела в стране; надзор и контроль за нормальным течением всех денежных и кредитных операций во всех кредитных учреждениях, предоставление ассигнований на нужды революционных учреждений, закрытие в случае надобности кредитов, открытых старой властью, и т. п.⁵⁷ Несмотря на это постановление, финансовый комитет не был создан. Совет рабочих и солдатских депутатов стремился проводить свои решения через думский Комитет и действовать совместно с ним. Наоборот, думский Комитет пытался поступать самостоятельно как полноправный орган власти.

Буржуазия не хотела доверять охрану города рабочей милиции. Она образовала свои органы, призванные блюсти общественный порядок. Новые органы создавались по образу и подобию старых: вместо градоначальника Петрограда генерала Балка Временный комитет Государственной думы утвердил градоначальником профессора Военно-медицинской академии В. Юревича, прибавив к названию его должности слово «общественный». 28 февраля было опубликовано объявление В. Юревича, которое гласило: «Временным комитетом Государственной думы я назначен петроградским общественным градоначальником. . . Принимаются все меры к ограждению личной безопасности граждан и их имущества. Учреждаются в городе районные гражданские комитеты для охраны порядка и для продовольствия граждан»⁵⁸.

От прилагательного «общественный» ничего не менялось. Наблюдение за личной безопасностью граждан поручалось назначенному сверху лицу. В. Юревич со своими помощниками и штатом сотрудников, сохранившимся с царских времен, обосновался в обширном здании градоначальства, издавал «Ведомости», которые мало кто читал, и подписывал обязательные постановления, с которыми мало кто считался. Градоначальство по сути дела отмерло вместе с царским режимом и существовало по инерции, не имея ни реальной силы, ни реального дела. Царский градоначальник опирался на полицию. Общественному градоначальнику не на кого было опереться. Охрана общественной безопасности оказалась в других руках.

⁵⁷ Там же. В 1905 г. Петроградский Совет рабочих депутатов ограничился призывом к населению изымать вклады из сберегательных касс и не платить налогов. Теперь вставал вопрос о ликвидации всей финансовой системы царства.

⁵⁸ «Известия Комитета петроградских журналистов», № 2, 28 февраля 1917 г.

Городская милиция была создана не при градоначальнике, а при Городской думе. Гласные Петроградской городской думы на чрезвычайном заседании 28 февраля постановили «в интересах обеспечения жизни и имущества населения» учредить городскую милицию, поручив ее организацию гласному Д. Крыжановскому и отпустив для этой цели кредиты из городского бюджета⁵⁹. Избрав начальника городской милиции, Городская дума установила сборные пункты для милиционеров и назначила районных уполномоченных главным образом из числа своих гласных. В создании милиции принял участие Комитет военно-технической помощи, объединивший русско-техническое общество, общества технологов, инженеров-электриков, гражданских инженеров, Металлургическое общество и другие научные и технические организации; он установил порядок несения службы и обязанности патрулей, призывал записываться в милицию студентов. В обращении от 28 февраля Комитет военно-технической помощи объявил, что в задачи новой организации порядка входит: «1) прекращение бесполезной стрельбы, 2) отобрание оружия у малолетних и нетрезвых, 3) предотвращение грабежей и 4) наблюдение за порядком на улицах и в общественных местах и проч.»⁶⁰.

Управление городской милиции разместилось сначала в помещении Городской думы, а затем — в здании Градоначальства. Как рассказывал секретарь милиции З. Кельсон, ее деятельность началась с изготовления нарукавных белых повязок, на которых писались буквы «Г. М.» (городская милиция), ставился номер, прикладывалась печать городской управы. Повязок было изготовлено 10 000, но число милиционеров было намного меньше. В городскую милицию вступали преимущественно служащие, студенты, гимназисты. З. Кельсон даже называл городскую милицию «милицией младенцев». По просьбе штаба милиции население сдало часть оружия в Городскую думу; это и дало возможность вооружить городских милиционеров.

Жители города обращались в управление милиции со своими повседневными нуждами. Сюда приходили за разрешением на похороны, на беспрепятственную езду по городу, на право ношения оружия и пр. В милицию сообщали о кражах и насилиях, ее просили взять под охрану отдельные здания или квартиры. В милицию приводили арестованных на улице полицейских. Управление милиции удовлетворяло многие просьбы населения, но самой милиции как боевой силы в первые дни революции не существовало. З. Кельсон утверждает, что 3 марта городская милиция функционировала как четко налаженный аппарат⁶¹. Но это — явное преувеличение. В первые дни революции охрана

⁵⁹ Ленинградский областной архив, ф. 513, оп. 19, д. 852, лл. 2—3.

⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 691, оп. 1, д. 21.

⁶¹ З. Кельсон. Милиция Февральской революции. — «Былое», 1925, № 1 (39), стр. 168.

города находилась в руках нескольких не зависимых друг от друга организаций. Тот же З. Кельсон признает, что уже 28 февраля по призыву Совета рабочих депутатов возникли боевые ячейки на предприятиях, которые он называет Красной гвардией, что в Московском, Нарвском, Выборгском районах существовали комиссариаты рабочей милиции, «организованные самостоятельно, без участия городской милиции», и что эта рабочая милиция явилась не только организацией для поддержания порядка, но и боевой силой для защиты завоеваний революции⁶².

Организуя рабочую милицию, Совет рабочих депутатов одновременно содействовал образованию милиции при Городской думе. В приказе по городской милиции говорилось, что она образована «согласно распоряжению Временного комитета Государственной думы и Совета рабочих депутатов». 1 марта в «Известиях Совета» было помещено воззвание к революционному студенчеству, подписанное студенческими группами социал-демократов, социалистов-революционеров и «Бунда», в котором с ссылкой на Совет рабочих депутатов студенты призывались вступить в гражданскую милицию при Городской думе. В воззвании говорилось: «В Городской думе организуется гражданская милиция. К участию в ней призвано и студенчество. Представительство революционного пролетариата, Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, решил объединить центральный орган рабочих комиссариатов (районных и подрайонных. — Э. Б.) с этой думской организацией. Ввиду этого мы призываем товарищей студентов энергично записываться в создаваемую охрану. Помните, товарищи, что вы принимаете участие в милиции по поручению Совета рабочих депутатов. Помните, что Совет рабочих депутатов — Ваше Верховное начальство». И рабочие, и солдаты, и студенты видели «верховное начальство» не в думском Комитете, а в Совете рабочих депутатов. Вот почему Городская дума не могла создать свою милицию без поддержки Совета.

Смирившись с уничтожением одного из оплотов самодержавия — полиции и создавая при помощи Совета новые органы охраны общественного порядка, буржуазия хотела оставить в неприкосновенности другие звенья царского государственного аппарата. Революционный вихрь обезглавил прежние государственные учреждения. Высшие царские чиновники были арестованы восставшими рабочими и солдатами или поспрачались, боясь народного гнева. Но колеса государственной машины по инерции продолжали вращаться, чиновники ходили на службу, скрипели

⁶² Там же, стр. 171.

В недавно вышедшей работе В. Старцева «Очерки истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции» (М.—Л., 1965, стр. 52—53) указывается, что уже в первые дни революции в Петрограде насчитывалось 85 районных и подрайонных комиссариатов, причем огромная территория промышленных районов столицы охранялась рабочей милицией.

по-прежнему перья, или служебные заседания, рассылались бумаги, стучали пишущие машинки... Комиссары, назначенные Комитетом Государственной думы в министерства и ведомства, являлись скорее наблюдателями, чем представителями власти, они почти не вмешивались в дела, и текущая работа последних шла по-прежнему, словно никакой революции не произошло. Из всех думских комиссаров наиболее деятельным оказался прогрессист А. Бубликов — комиссар по министерству путей сообщения. В этой области государственного управления нельзя было только наблюдать. Бубликову приходилось самому отдавать распоряжения железнодорожной администрации по вопросам движения поездов, воинских перевозок и пр. Эти распоряжения не могли, однако, осуществляться без поддержки железнодорожных рабочих и служащих, связанных с Советом рабочих депутатов. Транспорт находился под их контролем, и они зорко наблюдали за тем, чтобы железные дороги не были использованы во вред революции.

Наиболее актуальным вопросом, от решения которого зависели дальнейшие судьбы революции, был вопрос о ее вооруженных силах. Организация царской армии не была разрушена, подобно полицейскому аппарату царизма, но революция основательно подорвала ее основы. Буржуазия не хотела примириться с потерей такого важного звена старого государственного аппарата, как армия, и всячески стремилась возродить ее в слегка подновленном виде. Не решаясь отобрать оружие у рабочих, она пыталась разоружить солдат и отдать их под власть прежних офицеров, воскресить в армии палочную дисциплину. Буржуазия хотела вернуть петроградский гарнизон в рамки прежней военной организации, чтобы остановить дальнейшее развитие революции и обеспечить продолжение империалистической войны. Временный комитет Государственной думы так определял свою задачу: «Дума стремится установить связь между офицерами и нижними чинами. Чувствуется настоятельная потребность в организации воинских масс, исполненных лучших стремлений, но еще не организованных, слишком быстро идут события. Поэтому офицеры приглашаются оказать всемерное содействие Государственной думе в этом тяжелом труде... Опасность дезорганизации одинаково понимается всеми. Граждане, организуйтесь! — вот основной лозунг момента. В организации — спасение и сила. Слушайте Временный комитет Государственной думы»⁶³.

Опасность дезорганизации армии была действительно велика. Уйдя на казарм, большинство солдат разбились на множество групп и, объединившись с рабочими, разошлись по городу. В Военную комиссию поступила от неизвестного автора записка, в которой говорилось: «Солдаты дезорганизованными группами бро-

⁶³ «Известия Комитета петроградских журналистов», № 2, 28 февраля 1917 г.

дят по городу, равным образом отсутствие организации чувствуется как в стенах Таврического дворца, так и вблизи него. В казармах полная анархия. Многие нижние чины за отсутствием ночлега и порядка возвращаются в казармы, где они совершенно не осведомляются о положении, о ходе дела. Мы предлагаем Комиссии немедленно принять следующие меры: 1) солдат собрать по полкам на их постоянных квартирах, 2) назначить временных командиров и младших офицеров, 3) установить караул, занять дороги, вокзалы и другие важные общественные и государственные учреждения, 4) прекратить беспечное шатание автомобилей по улицам (без надобности), 5) организовать продовольствие по полкам и казармам, 6) установить связь общих питательных пунктов с казармами путем замещения хлеба и других продуктов, где их много, 7) не оставлять солдат долго в казармах без внимания, руководства и информации со стороны восставшего народа, 8) Петропавловскую крепость и Таврический дворец обратить в опорные базы (крепости) для всего Петрограда, 9) из местных казарм отдельных полков сделать базы для районов, 10) изолировать, не допускать в казармы офицеров, не примкнувших к народу, а самих офицеров (героев тыла), могущих вредно влиять на солдат, изъять из обращения путем ареста»⁶⁴. Записка кончалась следующими словами: «Во имя народа и свободы действуйте решительно и энергично».

Мероприятия, намеченные в этой записке, не устраивали руководителей думского Комитета. Они хотели восстановить военную организацию петроградского гарнизона на старых началах, под начальством прежнего офицерства. Б. Энгельгардт рассказывает, что, возглавив Военную комиссию, он решил прежде всего добиться возвращения солдатской массы в казармы и восстановления прежнего внутреннего порядка в частях. В ночь на 28 февраля он и Бубликов написали, а Родзянко от имени Временного комитета Государственной думы подписал следующий приказ войскам Петроградского гарнизона: «1) всем отдельным нижним чинам и воинским частям немедленно возвратиться в свои казармы, 2) всем офицерским чинам возвратиться к своим частям и принять все меры к водворению порядка, 3) командирам частей прибыть в Государственную думу для получения распоряжений в 11 час. утра 28 февраля»⁶⁵.

С таким же призывом к солдатам обращались думские лидеры на митингах у Таврического дворца и в воинских частях. Они настойчиво пропагандировали порядок, дисциплину, подчинение офицерам. Это был расчет на незрелость солдатской массы, на ее привычку к слепому повиновению начальству. Родзянко

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 3348, оп. 1, д. 170, лл. 6—7.

⁶⁵ ЦГИА СССР, ф. 1175, оп. 2, д. 4, л. 1.

благодарил лейб-гренадеров за то, что они пришли помочь восстановить нарушенный порядок. «Поддержите традиции доблестного российского полка, — говорил он, — слушайте ваших офицеров, ибо без начальников воинская часть превращается в толпу, неспособную водворить порядок. . . Прошу вас в согласии с вашими начальниками спокойно разойтись по казармам и делать то, что прикажут вам ваши офицеры»⁶⁶. С такими же словами Родзянко обратился к солдатам из запасного батальона Преображенского гвардейского полка. «Спасибо за то, что вы пришли сюда помочь членам Государственной думы водворить порядок. . . Я прошу вас подчиниться и верить вашим офицерам, как мы им верим. Возвращайтесь спокойно в ваши казармы, чтобы по первому требованию явиться туда, где вы будете нужны». Юнкерам Михайловского артиллерийского училища Родзянко говорил о том, что солдаты и офицеры должны найти друг друга и ждать приказаний Временного комитета Государственной думы. «Это единственный способ победить»⁶⁷.

Речи лидеров меньшевиков и эсеров перед солдатами отличались от речей думских руководителей. В них говорилось о борьбе против царского режима, о революции, о демократии. Но и лидеры эсеров и меньшевиков предлагали солдатам соблюдать порядок и беспрекословно подчиняться офицерам. «Мы должны, — говорил Керенский, — в три дня создать полное спокойствие в городе, полный порядок в наших рядах». Керенский призывал солдат и офицеров к единению и доверию друг к другу. Руководители Думы ссылались на то, что их действия одобряются всеми членами думского Комитета, в том числе социалистами. В статье «Задачи Исполнительного комитета Государственной думы», опубликованной 28 февраля в «Известиях Комитета петроградских журналистов», говорилось: «Несмотря на глубокое различие политических и социальных идеалов членов Государственной думы, вошедших в состав Временного комитета, в настоящую трудную минуту между ними достигнуто полное единение».

Буржуазия видела, что в лице Совета рабочих депутатов вырастает новый орган власти; она всячески стремилась не допустить двоевластия, сосредоточив всю власть в своих руках. Лидеры буржуазии призывали воинские части подчиняться только Временному комитету Государственной думы и выполнять лишь его приказы. В речи перед солдатами Гренадерского батальона 28 февраля П. Милюков доказывал необходимость подчиниться единой власти. «Властью этой является Временный комитет Государственной думы. Ему нужно подчиниться и никакой другой власти, ибо двоевластие опасно и грозит нам рас-

⁶⁶ «Известия Комитета петроградских журналистов» № 2, 28 февраля 1917 г.

⁶⁷ Там же.

пылением и раздроблением сил». Вслед за Милюковым к солдатам обратился командир батальона. Он сказал: «Верьте, что Государственная дума сделает все по чистой совести. Мы будем в ее распоряжении». Об опасности двоевластия говорил П. Милюков и офицерам 1-го запасного полка, стоявшего на Охте. «В настоящее время есть единственная власть, которую все должны слушать, — это Временный комитет Государственной думы. Двоевластия быть не может». Солдатам этого полка П. Милюков заявил: «Надо быть с офицерами, которые пойдут рука об руку с Государственной думой»⁶⁸.

То же говорили солдатам и офицеры. В «Известиях Комитета петроградских журналистов» было опубликовано воззвание, в котором группа офицеров предлагала солдатам возвратиться в свои части для дружной работы вместе с офицерами и содействовать водворению порядка. «Приложим общие усилия для нашего совместного объединения, для окончательной победы над врагом, как на фронтах, так и внутри России». Офицеры заверяли представителей думского Комитета, что они будут следовать во всем указаниям Комитета. Командир 9-го запасного кавалерийского полка перед строем солдат объявил: «Я буду исполнять все то, что мне будет приказывать председатель Государственной думы». Такие заверения нередко давали и солдаты. Охваченные общим подъемом первых дней революции, многие солдаты еще не разбирались, кто их истинные друзья и враги. Елейные речи Родзянко, Милюкова и других лидеров думского Комитета туманили их сознание, и, когда их призывали к единению, дисциплине и порядку, они нередко отвечали привычными словами: «рады стараться». Но отрезвление наступало быстро. Солдаты поступали не так, как советовали им Родзянко и Милюков. Они боролись против возрождения царских порядков, палочной дисциплины и неограниченной власти прежних начальников.

В борьбе за армию принял активное участие А. Гучков. Лидер октябристов, председатель Думы прежнего состава, а ныне член Государственного Совета и председатель Военно-промышленного комитета, он в первые дни революции пытался найти выход из создавшегося положения посредством подавления народного движения. Гучков беседовал с генералом Занкевичем и другими представителями военных властей, выяснял соотношение сил и, убедившись в отсутствии необходимых военных средств для подавления революции, примкнул к думскому Комитету. А. Гучков был связан с командным составом армии и считался знатоком военных вопросов, его прочли в военные министры. Думский Комитет назначил Гучкова главой Военной комиссии. В Комиссии продолжал оставаться и Энгельгардт. Он стал теперь комендантом Таврического дворца и начальником

⁶⁸ Там же.

гарнизона. А. Гучков отправился в части петроградского гарнизона для приведения их в «должный порядок», но был встречен солдатами враждебно. Автомобиль Гучкова был обстрелян солдатами, один из его спутников убит.

Попытки думского Комитета восстановить прежнюю военную организацию и подчинить себе войска петроградского гарнизона наталкивались на сопротивление солдатской массы. В этом, как и во всех других вопросах, думский Комитет не мог действовать как орган власти, он не располагал доверием вооруженного народа. Не имея твердой почвы под ногами, он колебался, лавировал, обходил острые вопросы и старался избежать конфликтов с Советом.

Писательница З. Гиппиус огорчалась тем, что либералы проявляют безвластие, робость, нерешительность. Она писала: «У либералов нет связи с революционным движением и четкого плана действий... Безвластие думцев. Они сами не знают, чего желают, даже не знают, как им быть, с царем, без царя? Они только обходят осторожно все вопросы, все ответы. Стоит взглянуть на комитетское извещение, подписанное Родзянко. Робость, растерянность, нерешительность. Причины этого кроются в том, что у либералов тапалится надежда, что царь утвердит думский Комитет как официальное правительство, дав ему широкие полномочия... Революция свергла эту власть. Они не свергли. Они лишь механически остались на поверхности. Пассивно-явочным порядком. Но они, естественно, безвластны, ибо взять власть они не могут, власть должна быть им дана, и дана сверху»⁶⁹.

Главная причина безвластия думцев состояла в том, что реальная сила была не на их стороне, что массы восставших рабочих и солдат признавали и поддерживали не их Комитет, а Совет рабочих депутатов. Объявив себя властью, думский Комитет фактически властью не обладал. Он существовал и распоряжался лишь постольку, поскольку этому не противодействовал единственный реальный орган власти — Совет рабочих депутатов. Правда, и тогда, и позднее думский Комитет называли «правительством», его признавали как Временное правительство буржуазно-помещичьи организации — Земский и Городской союзы, Военно-промышленный комитет, Петроградская городская дума и др., а также державы Антанты. 1 марта 1917 г. в «Известиях Комитета петроградских журналистов» крупными буквами было напечатано: «Французский и английский послы официально заявили председателю Государственной думы, что правительства Франции и Англии вступают в деловые сношения с Временным Исполнительным комитетом Государственной думы, выразителем воли народа и единственным Временным правительством России».

⁶⁹ «О днях петербургских (из дневника З. Гиппиус)». Газ. «Возрождение», 14 сентября 1928 г.

Но ни признания буржуазно-помещичьих организаций, ни деловые сношения с правительствами Франции и Англии не могли придать думскому Комитету силу власти.

Превратное представление о роли Государственной думы и ее Комитета, как об органах власти, сложилось под влиянием высказываний думских деятелей и прежде всего телеграммы, посланной 28 февраля комиссаром думского Комитета А. Бубликовым во все концы России. Используя телеграфную сеть железных дорог, он сообщил железнодорожникам о событиях, происшедших в Петрограде. Текст телеграммы гласил: «По поручению Комитета Государственной думы я сего числа занял Министерство путей сообщения и объявляю следующий приказ председателя Государственной думы: „Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху всех отраслей государственного управления, оказалась бессильной. Государственная дума взяла в свои руки создание новой власти. Обращаюсь к вам от имени отечества, от вас зависит теперь спасение родины, — она ждет от вас больше, чем исполнение долга, — она ждет подвига. Движение поездов должно производиться непрерывно, с удвоенной энергией. Слабость и недостаточность техники на русской сети должна быть покрыта вашей беззаветной энергией, любовью к родине и сознанием важности транспорта для войны и благоустройства тыла. Председатель Государственной думы Родзянко“. Член вашей семьи, я твердо верю, что вы сумеете ответить на этот призыв и оправдать надежду на вас нашей родины. Все служащие должны остаться на своем посту. Член Государственной думы Бубликов»⁷⁰.

Эта телеграмма, переданная всем железнодорожным станциям, явилась первой вестью о событиях в Петрограде, полученной на местах. Однако она искаженно осветила происшедшие события. Как рассказывал Бубликов, проект приказа председателя Государственной думы, который он дал на подпись Родзянко, начинался следующими словами: «„Старая власть пала“. Родзянко заметил: „Как можно говорить пала? Разве власть пала?“ И он заменил эти слова другими: „Старая власть оказалась бессильной“ и подписал приказ»⁷¹. Из телеграммы следовало, будто перемена произошла оттого, что старая власть создала разруху в государственном управлении и оказалась бессильной (в чем?). Выходило, будто ухода прежнего правительства добилась Государственная дума, которая и создает теперь новую власть.

Ближайший помощник Бубликова Ю. Ломоносов признавал: «из телеграммы Бубликова все узнали, что уже 28 февраля фак-

⁷⁰ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1 марта 1917 г.

⁷¹ А. Бубликов. Русская революция. Нью-Йорк, 1918, стр. 23.

тическая власть была в руках Думы. Было ли это так на самом деле? Конечно, нет! Бубликов поступил так же, как Бисмарк с эмской телеграммой: он подправил действительность, он задержал естественное течение революции, окружив Думу совершенно незаслуженным ореолом. Первое впечатление всегда самое сильное. Вся Россия впервые узнала о революции и поняла, что ее сделала Дума. Нужны были месяцы, чтобы гуща русского народа поняла эту фальсификацию»⁷².

На самом деле Дума не делала никакой революции. Она прорвала с царским правительством, когда судьба царизма фактически была уже решена, чтобы, возглавив народное движение, направить его в желательное для себя русло. Но ей не удалось овладеть движением. Б. Энгельгардт отмечает, что если Родзянко, он и другие деятели оказались в революционном стане, то это не потому, что хотели идти революционным путем. «Мы приняли революцию как свершившийся факт и в течение трех дней с виду якобы возглавили, а фактически плелись за событиями, делая в то же время безнадежные попытки задержать ее развитие»⁷³.

Временный комитет Государственной думы не был «временным правительством первого состава», как это пишут некоторые авторы⁷⁴. Положение создалось своеобразное: думский Комитет объявил о взятии власти в свои руки, но его власть была призрачной, Совет рабочих депутатов не провозгласил себя властью, но фактически власть находилась в его руках. Именно Совет, а не думский Комитет являлся выразителем воли народа и единственно законным временным правительством России. В ходе революции влияние и авторитет Совета рабочих депутатов неуклонно росли. А. Пешехонов писал: «В течение ночи Совет, представлявший собой вчера совершенно случайную и самочинную организацию, успел свестись с фабриками и заводами и потребовать от них присылки депутатов, — и эти депутаты уже избраны, они уже явились. О существовании Совета — и притом своего, выборного — знают уже широкие круги населения:

⁷² Ю. Ломоносов. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм — Берлин, 1921, стр. 27.

⁷³ Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 306, д. 3, л. 726.

⁷⁴ Так утверждает историк Д. В. Озюбишин в статье «Временный Комитет Государственной думы и Временное правительство» («Исторические записки», т. 75, стр. 275). Д. Озюбишин ссылается при этом на Ленина, упуская из виду, что Ленин называл думский Комитет первым временным правительством, находясь за границей, но, приехав в Россию, Ленин узнал, что власть, первоначально находившаяся в руках Совета, была добровольно уступлена им буржуазному правительству. В речи на общегородской партийной конференции 14 апреля 1917 г. он говорил: «Только на месте, здесь мы уже узнали, что Совет Р. и С. д. отдал власть Временному правительству» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 240).

его прокламации со вчерашнего вечера разбрасываются и читаются на улицах и т. д. О думском Комитете массы, вероятно, даже не знают. Знают Думу, но она ведь легко может быть причислена к старому строю и отброшена вместе с царской властью»⁷⁵.

А. Пешехонов сравнивал Совет с кристалликом в насыщенном растворе, к которому потянулись все активные элементы. О возрастающей роли Совета писали и буржуазные авторы. «Самозванный Совет рабочих депутатов, — отмечал депутат Думы С. П. Мансыров (надо отдать ему справедливость), — работал вовсю. Уже к вечеру 27 февраля от него были разсланы посланцы на петроградские заводы, а также в войсковые части для спешных выборов депутатов, и уже явилось более 120 человек, избранных главным образом с заводов и фабрик. Совет стал превращаться из самозванного в реальное, основанное как-никак на волеизъявлении рабочих, учреждение». С. Мансырев писал, что «Совет заседает непрерывно, делегации, прибывшие туда, находили самый радушный прием, с ними подробно беседовали, их снабжали инструкциями и разъясняли настоящее и наводили на будущее»⁷⁶.

Совет рабочих депутатов, обладая огромной силой, не использовал ее, однако, по-настоящему. Он выполнял отдельные функции государственной власти, но выполнял неполно, непоследовательно, «вполголоса». Его действия были скованы убеждением, что сменить царям призвана только буржуазная власть. Вот почему Совет оказался не на высоте положения, когда после свержения самодержавия поднялась вторая волна революции и рождался вопрос о том, остановится ли революция на полпути или она дойдет до конца и, решительно покончив со старым, проложит России путь в будущее. За первой волной революции последовала вторая.

Против кого же была направлена эта вторая волна?

БОРЬБА ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ ВЛАСТИ

Разрыв буржуазии с царизмом облегчил его свержение. Создалось видимое единство всех слоев населения. Однако попытки примирить интересы буржуазии и народа были обречены на провал. Противоречия между буржуазией, с одной стороны, рабочими и солдатами, с другой, обострялись. Еще не спала первая волна революции, направленная против царизма, как развернулась борьба трудящихся против Временного комитета Государствен-

⁷⁵ А. Пешехонов. Первые недели. — «Февральская революция». М.—Л., 1925, стр. 438.

⁷⁶ С. П. Мансырев. Мои воспоминания. — Там же, стр. 271.

ной думы и установления буржуазной власти, за утверждение власти революционного народа.

Требование создания Временного Революционного правительства, выдвинутое большевиками в первые дни революции, получало в ходе борьбы развитие и конкретизацию. Комитет Государственной думы, как и созданное им правительство, не могли осуществить народных чаяний и стать органами народной власти. Создать подлинно революционное правительство мог только Совет рабочих депутатов. Большинство Совета не хотело вступать на этот путь. «И все же, — отмечал А. Шляпников, — другого органа, способного создать Революционное правительство, не было, и мы решили проводить в Петербургском Комитете, а также в самом Исполнительном комитете Совета наш взгляд на создание Временного Революционного правительства из недр революционной демократии, организованной в Совете. На деле мы предполагали возможным создание Революционного правительства из тех социалистических партий, которые окажутся большинством в Совете»⁷⁷.

Борьба за такое решение вопроса о власти приняла особенно широкий размах в Выборгском районе. Этот район, первым выступивший против царизма, являлся теперь центром, откуда поднималась вторая волна революции. 1 и 2 марта на Выборгской стороне состоялись многочисленные митинги рабочих и солдат. Они проводились преимущественно в здании Сампсоньевского братства на Большом Сампсоньевском проспекте, в центре Выборгского района. Это скромное здание не походило на пышный Таврический дворец и заполнялось в эти дни не разношерстной публикой — от почтенных думских деятелей до солдат, — а однородной массой трудового люда, объединенного единой целью и единой волей.

1 марта в здании Сампсоньевского братства состоялось первое легальное собрание Выборгской организации большевиков. Большой зал этого здания был переполнен; на собрание явилось огромное число беспартийных рабочих и до начала партийного собрания был проведен общий митинг. Собравшаяся рабочая масса была решительно настроена против буржуазно-помещичьей Государственной думы и созданного ею Комитета. Основная мысль докладчика — члена Петербургского комитета большевика К. Шутко — состояла в том, что в целях развития и закрепления революции надо создать такой орган, который мог бы превратить победу революции в Петрограде в победу революции во всей России. К. Шутко говорил, что таким органом призвано быть Временное революционное правительство, которое должен организовать Совет рабочих депутатов.

⁷⁷ А. Шляпников. Указ. соч., стр. 186—187.

В воспоминаниях Ф. Дингельштедта говорится, что это собрание открыл Иван Чугурич, а после докладчика Шутко выступил Владимир Залезский и другие товарищи. «Собрание, встретившее неодобрительно известие об образовании думского правительства, большинством голосов приняло резолюцию о его устранении, о передаче власти Совету и о сложении полномочий членами Государственной думы, этой опоры царского режима»⁷⁸ Резолюция, принятая на этом собрании, была издана в виде листовки. В отчете о деятельности Комиссии печати Выборгского райкома РСДРП говорилось, что вышел в свет «Плакат-резолюция, принятая на общем собрании Выборгского РК, бывшем 1 марта. Общие положения: выбор Временного революционного правительства и подчинение Временного комитета 12 членов Государственной думы этому Временному правительству. Требование о сложении полномочий членами Государственной думы, так как она — опора царского режима»⁷⁹.

Полный текст резолюции, принятой на общем собрании Выборгской организации РСДРП 1 марта и изданной листовкой, гласил: «Общее собрание Выборгского района РСДРП, обсудив настоящий политический момент, постановило: 1. Для победоносного довершения великого дела революции необходимо немедленное образование Временного революционного правительства из недр восставших рабочих и войск. 2. Во имя этой цели восставшие войска должны организовать себя заново, дабы закрепить низвержение оставшегося и остающегося верным царскому режиму. 3. Возникший Совет рабочих и солдатских депутатов, непрерывно вовлекая новые революционные кадры восставших народа и армии, должен объявить себя Временным революционным правительством и неотложно провести следующие мероприятия: поставить Временный комитет, состоящий из 12 членов Государственной думы, в непосредственное подчинение Временному революционному правительству. 4. Сложить полномочия народного представительства с Государственной думы, учрежденной на основе избирательного закона, послужившего опорой низвергнутому царскому режиму»⁸⁰.

⁷⁸ Ф. Дингельштедт. Весна пролетарской революции. — «Красная летопись», 1925, № 1 (12), стр. 193.

⁷⁹ «Правда», 8 марта 1917 г.

⁸⁰ «Революционное движение в России после свержения самодержавия». М., 1957, стр. 6. А. Шляпников опубликовал несколько иной текст резолюции, принятой на этом собрании и переданной ему К. Шутко. Вместо неясной фразы о том, что восставшие войска должны организовать себя, «дабы закрепить низвержение оставшегося и остающегося верным царскому режиму», в тексте, переданном Шутко, имеется другая совершенно ясная фраза: «необходимо создать единый орган восставия, для чего, вбирая все новые и новые ряды восставших рабочих и солдатских масс, перестроить заново армию, заменяя оставшийся и остающийся вер-

Значило ли принятие этой резолюции, что большевики уже тогда стояли за создание республики Советов? Нет, этот лозунг был выдвинут позднее. Большевики тогда еще не стояли за власть Советов, как особую форму государственного строя. Они рассматривали Совет как орган революционной демократии, единственно правомочный дать стране то Временное революционное правительство, которое было необходимо для окончательной ликвидации царского режима, созыва Всенародного Учредительного собрания, установления демократической республики. В февральско-мартовские дни 1917 г. большевики не выдвигали требования Советской республики, но сделали в этом направлении шаг, имевший большое принципиальное значение. По примеру 1905 года большевики видели в Советах органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Большевики Выборгской стороны выступили перед массами с требованием объявления Совета Временным революционным правительством. 1 и 2 марта состоялись многочисленные митинги и собрания, на которых выступали большевистские агитаторы. Здесь принимались решения, в основу которых было положено постановление Выборгской организации РСДРП от 1 марта. Вот их текст: «1) Вся власть до созыва Учредительного собрания должна быть сосредоточена в руках Совета рабочих и солдатских депутатов как единственно революционного правительства. 2) Армия и население должны исполнять только распоряжения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и считать распоряжения членов Исполнительного (Временного. — Э. В.) Комитета Государственной думы недействительными. 3) Все чиновничество и офицерство, служившее старому режиму, должно быть обезврежено и устранено от управления. Точно так же должны быть устранены от управления страной и городом все лица и организации, которые не солидарны с Советом рабочих и солдатских депутатов. 4) Совет рабочих и солдатских депутатов должен позаботиться о созыве Всенародного Учредительного собрания, которое решит вопрос о новом государственном строе и о прекращении войны. 5) Совету рабочих и солдатских депутатов поручается приветствовать революционный германский пролетариат, ставший на борьбу со своим правительством»⁸¹.

Линия большевиков на отстранение думского Комитета и признание Совета Временным революционным правительством сочувственно встречалась передовыми рабочими. В. Залежский отмечает, что рабочие кварталы считали вполне естественным, чтобы Временное правительство образовалось из среды восставшего народа, что подобные резолюции были не единичны.

ный царскому режиму офицерский состав представителями революционных рабочих и крестьян» (А. Шляпников. Указ. соч., стр. 226—227).

⁸¹ А. Шляпников. Указ. соч., стр. 236.

Ф. Дингельштедт даже утверждает, что «не было ни одного митинга, рабочего собрания, которое отклонило бы нашу резолюцию такого содержания, если только было, кому ее предложить»⁸². Он описывает большой митинг, который состоялся 1 марта в зале кинематографа «Урал». Собралось 2 тыс. рабочих и солдат. Ф. Дингельштедт зачитал Манифест ЦК РСДРП, призывал бороться за создание демократической республики и, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, осуществлять основные требования революции — введение 8-часового рабочего дня, конфискацию помещичьей земли и др. Незадолго до того возвратившийся из ссылки большевик Пахомов, указав на то, что буржуазия организовала Комитет Государственной думы для захвата власти, призвал рабочих и солдат взять на себя решение своей судьбы⁸³.

Но подобные резолюции принимались не на всех митингах. Среди рабочих были и другие настроения. Так, рабочие завода Зибель на собрании, состоявшемся 28 февраля, хотя и выразили опасения за действия лиц, входивших во Временный думский Комитет, но вынесли решение «не восставать против других классов населения». Рабочие завода Гейслер на собрании 1 марта приняли постановление, в котором указывали, что «успех революционного движения может быть обеспечен только при условии единения всех классов народа, принявших участие в революционном перевороте и сочувствующих ему». Такое стремление к единству всех классов не было характерно для настроений передовых слоев рабочих. Эти слои решительно выступали против единения с буржуазией и ее думским Комитетом. Но среди части рабочих такие призывы встречали поддержку.

Рост недоверия к буржуазному думскому Комитету нашел отражение на страницах «Известий Совета рабочих депутатов», хотя в общем эта газета проводила линию на сотрудничество с буржуазией. В статье «Народное хозяйство для народа», опубликованной газетой 2 марта, говорилось, что старые министры заменены временно комиссарами Комитета Государственной думы, «но нет никаких указаний на перемену не только лиц, но и системы управления всей хозяйственной жизнью страны. Думский Временный комитет считает, что крестьянское хозяйство может встать на ноги без наделения крестьян землей. Думает ли Временный комитет, что наша промышленность пойдет полным ходом без 8-часового рабочего дня?.. Мы не знаем ничего, что думают они предпринять для разрешения тех огромных спорных задач, которые выдвинуло революционное движение... Можно ли рассчитывать, что народное хозяйство будет для народа? Вся Россия с тревогой ждет ответа на эти вопросы».

⁸² Ф. Дингельштедт. Указ. статья, стр. 194.

⁸³ Там же, стр. 193.

Требования рабочих масс о создании подлинно революционного правительства из недр Совета продолжали раздаваться и после того, как с санкции Совета было образовано буржуазное Временное правительство. 3 марта митинг рабочих и солдат в количестве 1 тыс. человек, обсудив факт признания Советом рабочих и солдатских депутатов Временного правительства, постановил: «1. Это Временное правительство не является действительным выразителем народных интересов; недопустимо давать ему власть над восставшей страной, хотя бы на время, недопустимо поручать ему созыв Учредительного собрания, которое должно быть созвано в условиях безусловной свободы. 2. Совет рабочих и солдатских депутатов должен немедленно устранить это Временное правительство либеральной буржуазии и объявить себя Временным революционным правительством»⁸⁴.

Митинги с такими требованиями по-прежнему собирались в зале Сампсониевского братства. Большевик Судаков рассказывает о митинге, проведенном здесь вечером 4 марта. Зал до отказа был заполнен рабочими Выборгского района и солдатами Московского полка, многие из которых пришли на митинг с винтовками. Председательствовал М. Лапис. А. Судаков изложил требования программы-минимум РСДРП и доказывал необходимость передачи власти Советам. Когда выступал студент-путеец, призывавший к поддержке Государственной думы и Временного правительства, в зале поднялся большой шум, раздались негодующие крики. Оратору пришлось уйти с трибуны. На нее поднялся большевик Кузьмин, разоблачивший истинный смысл лозунга поддержки Временного правительства. Он встретил горячее сочувствие собравшихся. А. Судаков справедливо замечает, что митинги в помещении Сампсониевского братства были знаменательны поддержкой линии большевиков, направленной против Государственной думы и буржуазного правительства. Это были первые в России призывы снизу, призывы масс к установлению власти Советов⁸⁵.

Как и в первые дни революции, когда решалась судьба паризма, теперь, когда развернулась борьба за устранение буржуазии и создание подлинно революционного правительства, передовые рабочие обращались за поддержкой к солдатам. Союз этих двух сил мог обеспечить победу на новом этапе революции, подобно тому как он обеспечил ее на первой стадии борьбы. В воззвании от 1 марта 1917 г., призывая солдат выбирать представителей в Совет, Выборгский районный комитет большевистской партии писал: «Необходимо организовать, создать новую власть — Временное Революционное правительство, которое созывает Учредительное собрание». В воззвании говорилось: «Улучшить положение народа, дать свободу народу, положить конец

⁸⁴ «Правда», 9 марта 1917 г.

⁸⁵ Ленинградский партийный архив, ф. 4000, оп. 5, д. 1053, лл. 19—20.

кровавой войне может только Учредительное собрание, созвать которое должно Временное Революционное Правительство. Не во имя смены лиц, стоящих у власти, подняли мы революционное знамя и проливали на улицах свою кровь! Мы боремся за Демократическую республику, требуем конфискации монастырских, удельных, кабинетских и помещичьих земель и передачи их крестьянам. Установление 8-часового рабочего дня. Эти требования должны защищать наши представители в Совете Рабочих Депутатов. Товарищи солдаты! Вы до сих пор стойко защищали дело свободы. Довершите начатое дело, идя нога в ногу с рабочими»⁸⁶.

Примерно те же лозунги выдвигались Межрайонным комитетом РСДРП и группой эсеров в совместном воззвании к солдатам, выпущенном 1 марта 1917 г. Авторы воззвания призывали солдат не доверять буржуазной власти, а вместе с рабочими создать Временное Революционное правительство, чтобы осуществить основные требования народа. В воззвании отмечалось: «Вот уже два дня, как Петроград во власти солдат и рабочих, два дня, как распущенная Государственная дума выбрала Временный комитет и называет его Временным правительством; но до сих пор вы не слышали ни от Родзянко, ни от Милюкова ни одного слова о том, будет ли отнята земля у помещиков и передана народу. Надежда плохая! Солдаты! Будьте на страже, чтобы пань-дворяне не обманули народ! Идите к Думе, спросите у нее: будет ли земля народу, будет ли воля, будет ли мир... нужно с корнем вырвать самодержавный произвол. Если мы не доведем дело до конца, если не будет созвано Учредительное собрание, в которое послали бы своих депутатов все крестьяне и все рабочие, а не как в нынешней Думе — кто побогаче и посановитее, то погибнет народное дело». Листовка призывала солдат посылать своих представителей в Совет. «Ваши представители и рабочие депутаты должны стать Временным Революционным правительством народа, от него вы получите и землю и волю»⁸⁷.

Рабочие и солдаты, объединившись в восстании против царизма, имели общие интересы и на следующем этапе революции. Правда, солдатская масса еще не ставила таких больших задач, какие ставили передовые слои пролетариата. Солдаты боролись против отдельных действий буржуазии и прежде всего против восстановления прежних порядков в армии, тогда как передовые рабочие, выражая недоверие буржуазии, требовали, чтобы Совет рабочих депутатов создал подлинно революционное правительство, и, придавая общим требованиям «хлеба, мира, свободы» более конкретные очертания, выступали за осуществление основных пунктов социал-демократической программы-минимум.

⁸⁶ «Выборгская сторона». Сборник статей и воспоминаний. Л., 1957, стр. 77.

⁸⁷ ЦГАОР СССР, ф. печатных изданий, инв. № 3470.

Борьба революционного пролетариата с буржуазией за солдатские массы определяла весь ход последующего революционного развития. Буржуазия хотела разрушить союз рабочих и солдат и подчинить себе солдат. Но эти попытки натолкнулись на упорное противодействие солдатской массы. Приказ Родзянко, о котором мы говорили выше (см. стр. 275), о возвращении солдат в казармы и подчинении прежним офицерам справедливо был расценен солдатами как первый акт контрреволюции, направленный к восстановлению прежних порядков в армии. Солдаты требовали немедленной отмены приказа. М. Рафес сообщает, что Исполнительный комитет Совета заслушал по этому поводу объяснения Чхеидзе и Керенского как членов думского Комитета. Те заявили, что «этот приказ не был предметом обсуждения Комитета, что Комитет не может нести за него ответственность, что это личная инициатива самого только Родзянко... Во время прений по поводу приказа раздавались очень яркие и страстные речи с определенным призывом арестовать Родзянко и Временный комитет Государственной думы, раздавались обвинения в провокаторстве, предательстве и т. п.»⁸⁸ Б. Энгельгардт писал: «Желание ввести солдат в рамки дисциплины и порядка он (Совет. — Э. Б.) рассматривал как попытку приостановить, даже задуть начинающуюся революцию. Впервые был брошен упрек в контрреволюцию»⁸⁹.

Б. Энгельгардт сообщал, что рабочие не допустили печатания приказа Родзянко, а члены Исполнительного комитета Совета говорили, что они запретили его распространение. На самом деле приказ был отпечатан и получил распространение. В. Базаров рассказывал, что он дежурил в типографии, когда принесли приказ Родзянко для напечатания. «Два лаконичных предислания солдатам: вернуться в казармы и повиноваться офицерам, ни слова о новом строе, о борьбе с врагами, о поддержке его... Мы были очень смущены, получив от революционной власти такого сорта документ, а присутствовавшие вместе с нами в типографии интеллигентные солдаты пришли в ужас. Они умоляли нас уговорить Временный комитет Государственной думы отказаться от публикации этого акта, совершенно резонно указывая, что солдатская масса поймет его как шаг контрреволюционный, как попытку запретить восставшие полки в казармах и выдать их старой власти при помощи офицеров — сторонников царского правительства». В течение длительного времени все попытки убедить представителей думского Комитета в необходимости отменить приказ ни к чему не приводили. Только к утру «удалось урезонить Временный комитет, добиться от него распоряжения приостановить распространение воззвания (приказа. — Э. Б.). Но было уже

⁸⁸ М. Рафес. Мои воспоминания. — «Былое», 1922, № 19, стр. 193.

⁸⁹ «Общее дело», 16 марта 1921 г.

поздно. Один из думских автомобилей успел уже захватить часть отпечатанных экземпляров и раздать солдатам»⁹⁰.

Большевики стремились направить взрыв стихийного негодования солдатской массы, вызванный приказом М. Родзянко, в организованное русло и сдлотить солдатскую массу вокруг Совета, чтобы через него оказывать влияние на ход событий. В. Базаров отмечал, что «революционная армия обнаружила поразительную сдержанность и самообладание. Вместо того, чтобы ринуться всей негодующей массой к Таврическому дворцу, что могло иметь самые печальные последствия, солдаты быстро организовались, выбрали представителей по одному от каждой роты и послали их отстаивать свои требования в Думе. Совет рабочих депутатов превратился в Совет рабочих и солдатских депутатов. И первым актом этого нового представительства был знаменитый приказ № 1»⁹¹.

На первом заседании Совета рабочих депутатов 27 февраля представителей солдат еще не было. Совет не был связан тогда с гарнизоном столицы. А. Шляпников отмечает, что идея общего совета рабочих и солдатских депутатов не встречала сочувствия эсеров и меньшевиков, они боялись вовлечь армию в политическую борьбу и говорили о недопустимости «засорять» чисто пролетарский орган мелкобуржуазными элементами. Наиболее правая их часть высказывала опасения, что «революционная работа и политика может сделать армию небоеспособной, потому и не спешит привлекать солдат к организации»⁹². Подобного рода настроения действительно имели место среди меньшевиков и эсеров. Но открытого противодействия вхождению солдат в Совет с их стороны все же не было. Во всяком случае еще Временный Исполнительный комитет, состоявший из эсеров и меньшевиков, в первом же своем обращении о выборах в Совет призывал все перешедшие на сторону народа войска «немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту». Отступить от этого призыва было невозможно.

Разбуженная революцией солдатская масса обратила свои взоры к Совету. Н. Подвойский рассказывает: «Солдаты, желая получить директивы от Совета, обращались к каждому, но не могли ничего добиться. Припоминаю ночь на 28 февраля. В Таврическом дворце было два члена Бюро ЦК, я и еще несколько товарищей. Мы решили направить в определенное русло движение среди солдат, приходивших за указаниями, и предложили им возвращаться в свои батальоны, производить выборы представителей и требовать от рабочих депутатов введения в Совет и солдатских депутатов». На следующий день солдатские представители

⁹⁰ В. Базаров. Первые шаги русской революции. — «Летопись», 1917, № 2-4, стр. 381.

⁹¹ Там же, стр. 381—382.

⁹² А. Шляпников. Указ. соч., стр. 193.

пришли на заседание Совета, чтобы выразить свое отношение к действиям думского Комитета и офицеров. Н. Подвойский вспоминал, что лидеры эсеров и меньшевиков пытались скрыть от Совета эти действия, а солдаты требовали, чтобы «их пустили на заседание для сообщения о тех контрреволюционных шагах, которые уже предпринимаются в некоторых полках. Их не хотели впускать. Тогда солдаты ворвались в зал заседания, взобрались на столы и силой заставили себя выслушать»⁸³.

Депутаты Совета от солдат выражали свое возмущение приказом Родзянко, видя в нем одно из звеньев в политике буржуазии, направленной на защиту старого порядка, первое покушение на революцию. Вот что говорили депутаты Совета и солдаты на заседании 28 февраля: Грибков отмечал реакционные тенденции думских лидеров; Сухаревский заявлял, что приказ Родзянко — контрреволюционный акт и требовал считать действительными только те приказы, которые подписаны Советом; Савинков говорил, что действия Родзянко направлены против того дела, за которое рабочие и солдаты проливали свою кровь. Многие считали нужным потребовать объяснения от Родзянко. В. Молотов предлагал признать приказ Родзянко контрреволюционным выступлением, провокацией и ввиду этого сжечь его.

Но раздавались и примирительные голоса. Предлагалось выяснять, уточнить, договориться... Указывалось на необходимость заявить протест против приказа Родзянко через членов думского Комитета Чхеидзе и Керенского и протестовать не от имени Совета, а от имени социал-демократической и трудовой фракции Думы. «Нет необходимости обострять отношения», — заявлял бундовец Рафес. «Не настало время делить шкуру неубитого медведя, слишком многое поставлено на карту», — убеждал Чхеидзе⁸⁴. Руководителям Совета удалось в конце концов утихомирить страсти и отложить обсуждение острых вопросов до следующего заседания Совета. О том, что говорилось на заседании Совета 28 февраля, в печати не было сообщено. В «Известиях Совета» указывалось лишь, что в связи с вопросом о мерах, принятых для организации армии, решено выяснить взаимоотношения между Комитетом Государственной думы и Советом рабочих депутатов и на следующем заседании Совета первым поставить вопрос о тактике рабочего класса в связи с общим политическим положением⁸⁵.

В связи с приказом Родзянко взаимоотношения между думским Комитетом и Советом рабочих депутатов обострились. Энгельгардт рассказывает, что на заседании Военной комиссии

⁸³ «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы». М., 1958, стр. 59.

⁸⁴ Архив Октябрьской революции Ленинградской области, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 15.

⁸⁵ «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 1 марта 1917 г.

1 марта представители Совета обвиняли членов думского Комитета в том, что они потворствуют контрреволюционным выступлениям офицерства и даже сами руководят ими. Говорилось о том, что Родзянко хочет «прикрыть революцию». Перед лицом таких обвинений руководителям думского Комитета и Военной комиссии пришлось пойти на попятную. Энгельгардт признавал, что стремление думских деятелей свернуть революцию натолкнулось на решительное противодействие народных масс. Образовав Временный комитет Думы, буржуазия решила приостановить дальнейшее развитие революции и «восстановить порядок». «Но демократия взглянула на дело иначе и нашла приказ Родзянко преждевременным, так как царизм еще далеко недостаточно распатался. возможна контрреволюция и, кроме того, многое далеко не достигнуто»⁹⁶. Стремясь успокоить солдатскую массу, Энгельгардт подписал приказ, в котором было сказано: «Сего 1 марта среди солдат Петроградского гарнизона распространился слух, будто бы офицеры в полках отбирают оружие среди солдат. Слухи эти проверены в двух полках и оказались ложными. Как председатель Военной комиссии Государственной думы я заявляю, что будут приняты самые решительные меры к недопущению подобных действий со стороны офицеров вплоть до расстрела виновных»⁹⁷.

Приказ Энгельгардта получил широкое распространение. В. Бонч-Бруевич предложил типографии «Известий Совета» отпечатать 100 тыс. экземпляров этого приказа: «Напечатать приказ Энгельгардта крупными летучками о расстреле офицеров, которые будут отнимать оружие у солдат»^{97а}. Судя по воспоминаниям большевика К. Орлова, распоряжение о недопустимости разоружения и об аресте контрреволюционных офицеров, еще до приказа Энгельгардта, было сделано Н. Чхеидзе от имени Исполнительного комитета Совета. Однако текст такого приказа Н. Чхеидзе нам обнаружить не удалось⁹⁸.

Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов занял в этом вопросе двойственную позицию. Он предлагал солдатам подчиняться офицерам и вместе с тем объединяться вокруг рабочих. Вот текст его обращения к солдатам: «Временный комитет

⁹⁶ Личный фонд М. Поликовтова. Материалы Комиссии опросов. Беседа с Б. Энгельгардтом.

⁹⁷ «Известия Комитета петроградских журналистов», 2 марта 1917 г.

^{97а} ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 15, л. 1.

⁹⁸ К. Орлов утверждал, что под нажимом группы большевиков Чхеидзе подписал распоряжение о том, чтобы ни одна винтовка ни у рабочих, ни у солдат не была отобрана, чтобы оружие, отобранное у воинских частей, было возвращено, а контрреволюционные офицеры арестованы (К. Орлов. Записки рабочего революционера. М., 1929, стр. 42). К этому тексту книги Орлова имеется следующее примечание редакции: «Этот факт до сих пор не был опубликован. В редакции имеются подтверждения сообщенным Орловым фактам со стороны других участников, как-то: Шмидта, Хахарева и Зайцева».

Государственной думы при помощи Военной комиссии организует армию и назначает начальников ее частей. Не желая мешать борьбе со старой властью, Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов не рекомендует солдатам отказываться от сохранения прочной организации и от подчинения распоряжениям Военной комиссии и назначенных ею начальников. Но вместе с тем он советует всем войсковым частям немедленно избрать от каждого полка по одному представителю в Совет рабочих депутатов для создания единой сплоченной воли всех слоев рабочего класса. Каждый солдат должен проявлять активный интерес к происходящим событиям и предлагать все усилия к тому, чтобы никто не мог предпринимать действий, противоречащих интересам народа. Товарищи солдаты, организуйтесь и присоединяйтесь к вашим братьям рабочим!»⁹⁹

Большевики решительно осудили действия думских лидеров. Они призывали солдат не подчиняться приказу Родзянко. В воззвании к солдатам 1 марта Выборгский районный комитет большевиков писал: «Офицеры от имени Родзянко и всего Исполнительного комитета призывают вас возвратиться в казармы, сдать оружие и подчиниться старым начальникам. Не слушайте их! Это приведет к старому порядку, к прежнему порабощению»¹⁰⁰. Большевики призывали солдат крепко держать в своих руках оружие и, не доверяя реакционному офицерству, избирать комитеты для управления частями. С таким же призывом обращалась к солдатам группа межрайонцев и эсеров. «Для того чтобы вас не обманули дворяне и офицеры — эта ромаковская шайка, возьмите власть в свои руки. Выбирайте сами взводных, ротных и полковых командиров, выбирайте ротные комитеты для заведывания продовольствием; все офицеры должны быть под контролем этих ротных комитетов. Принимайте к себе только тех офицеров, которых вы знаете как друзей народа. Подчиняйтесь только депутатам, посланным от Совета рабочих и солдатских депутатов»¹⁰¹.

Возвращение к старым порядкам в армии создавало угрозу возрождения только что свергнутого царского режима. Дело, за которое проливали кровь рабочие и солдаты на улицах столицы, оказалось в смертельной опасности. Массы рабочих и солдат пришли в движение и поднялись на борьбу, чтобы защитить революцию, закрепить и развить ее завоевания. Попытки офицеров отобрать у солдат оружие кончились для них весьма плачевно. В 18-м флотском экипаже и других частях, в ответ на попытки разоружить солдат, несколько командиров было расстреляно.

В связи с действиями думского Комитета на улицах Петербурга царю большое возбуждение. Рабочие и солдаты выражали

⁹⁹ ЦГАОР СССР, ф. печатных изданий, инв. № 4313.

¹⁰⁰ «Выборгская сторона». Сборник статей и воспоминаний. Л., 1957, стр. 77.

¹⁰¹ ЦГАОР СССР, ф. печатных изданий, инв. № 3470.

недоверие буржуазным деятелям и видели защитника своих интересов только в Совете. Член Выборгского районного продовольственного комитета сообщал тогда в «Бюро донесений» Таврического дворца: «У нас в толпе появляются лица, которые подстрекают толпу и солдат, чтобы они не слушали приказов, подписанных Родзянко, так, например, приказа о размещении войск в казарме по своим частям. Говоря, что целью этого приказа будет то, что их обезоружат и перебьют из пулеметов, что будто бы приказ исключительно Родзянко, а не Совета депутатов. Жители просят, чтобы все приказы были подписаны не Родзянко, а Советом рабочих депутатов. Отдельные личности стали оскорблять (видимо Родзянко. — Э. В.) и говорят о необходимости его ареста... требуют прекращения войны, ибо предполагают, что и германские товарищи требуют и добиваются того же»¹⁰².

О распространении такого рода настроений сообщала также группа офицеров в своем письме во Временный комитет Государственной думы: «На всех улицах можно слышать обвинения со стороны ораторов, к которым начинают уже прислушиваться солдаты и народ, в измене Временного правительства и, в частности, его председателя, в желании предать народ старой власти, в обязательном намерении противодействовать народу ввести республиканский строй и созвать Учредительное собрание»¹⁰³.

Не доверяя думскому Комитету, солдаты обращались за поддержкой в Совет рабочих депутатов. 1 марта их представители явились на заседание Совета, чтобы вместе с рабочими обсудить положение, создавшееся в частях, и наметить новые основы армейской организации. Для солдатских депутатов Н. Соколов сделал специальный доклад, в котором рассказал, как организовался и работает Совет и какие отношения сложились между ним и Временным комитетом Государственной думы и его Военной комиссией. В связи с вхождением в Совет депутатов от солдат, Совет пополнил Исполнительный комитет их представителями. В Исполком были избраны А. Садовский (меньшевик-интернационалист, 6-й саперный батальон), А. Падерин (большевик, Преображенский полк), Ф. Линде (меньшевик-интернационалист, Финляндский полк), А. Борисов (меньшевик, Литовский полк), И. Барков (Царкосельский гарнизон), Климчинский (Измайловский полк), В. Баденко (меньшевик-интернационалист, пехотный запасный полк), Вакуденко (большевик, Егерский полк), Кудрявцев (эсер, автомобильный отдел Красного Креста), Соколов (моряк)¹⁰⁴. Так, на своем третьем заседании (1 марта) Совет

¹⁰² ЦГАОР СССР, ф. 3348, оп. 1, д. 185, лл. 15—16.

¹⁰³ «Протокол событий», стр. 45.

¹⁰⁴ Данные о партийности этих товарищей приведены на основе записей А. Садовского. Сам Садовский в июле 1917 г. вступил в большевистскую партию (ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1699, ч. 2, лл. 243, 268). Солдатские депутаты составили впоследствии отдельную секцию. Ее возглавлял

рабочих депутатов преобразовался в Совет рабочих и солдатских депутатов. Изменилось и название его печатного органа. С № 3 он стал называться «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов».

Большую часть заседания Совета 1 марта, на котором обсуждался вопрос о новых основах армейской жизни, председательствовал Н. Соколов. Он же записывал на клочках бумаги основные постановления, принятые собравшимися. Совету не был представлен доклад по указанному вопросу, ибо вопрос возник по инициативе не Исполнительного комитета, а самих солдат. Главными ораторами на заседании Совета были также солдаты. Отвергнув приказ Родзянко о возвращении в казармы и сдаче оружия, солдаты выражали резкое недовольство действиями буржуазного думского Комитета, который пытался надеть на них прежнее ярмо. Солдат Кливанский (Максим) говорил «об угрожающем поведении Временного комитета Государственной думы по отношению к революционному войску». Он заявил, что думские лидеры представляют «партию порядка, которая хочет превратить трудящихся в свое стадо. Эти лидеры боятся, чтобы рабочие и солдаты и крестьяне не вышли из повиновения, и хотят с помощью верных им частей задуть революцию... Солдаты должны не сдавать оружия, а в политических выступлениях подчиняться только Совету»¹⁰⁵.

Солдат Марченко рассказывал: офицеры рассуждают так — пусть солдаты посвоевольничают, потом опять возьмем их в свои руки, будет для них хуже прежнего. Но солдаты не допускают возвращения старых офицеров и выберут свое начальство. Представитель Егерского батальона рассказал, что солдаты батальона изгнали всех офицеров, не присоединившихся к революции, избрали батальонного и ротных командиров, а над хранением оружия установили контроль. Солдат Литовского полка отмечал, что Военная комиссия захвачена офицерами и необходимо создать Военную комиссию из солдат. Солдат Кудрявцев предлагал установить контроль над существующей Военной комиссией. Матрос Соколов призывал брать оружие и не верить Государственной думе и Родзянко.

Из рассказа Тарасова-Родионова можно почерпнуть дополнительные сведения о выступлениях солдат на заседании Совета 1 марта. Один из солдатских представителей возмущенно говорил: «Для этого, стало быть, мы и революцию делали, чтобы опять Государственная дума офицеров нам на шею сажала?! Обор-

новый орган — Исполнительная комиссия. На заседании солдатских депутатов 6 марта было утверждено около 85 членов этой комиссии. Председателем солдатской секции Совета был избран эсер Утгоф.

¹⁰⁵ «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 2 марта 1917 г.; Архив Октябрьской революции Ленинградской области, ф. 1000, оп. 73, д. 2, л. 5.

няться мы, конечно, согласны, но разрешите тоже и нам по здраву себе оставлять офицеров. А тех, кто по мордам нас лупили, тех, что царям и князьям сочувствуют, тех, кто немцу фронт согласны открыть, — нам таких не надобно... Раз у нас теперь свой Совет и все мы признаем сейчас, чтобы и у себя во всех частях ввести ротные комитеты, чтобы продовольствием ведать, пускай эти комитеты и за офицерами наблюдают... Пускай всем этим (оружием. — Э. Б.) распоряжаются теперь одни только наши выборные ротные комитеты, и чтоб офицерам ни в каких случаях, ни по каким приказаниям ничего не выдавать. Не выпускай оружия, товарищи!»¹⁰⁶.

Солдат Борисов спрашивал: «Кто будет защищать наши свободы, кто защитит наш Совет? Я предлагаю Исполнительному нашему Комитету немедленно издать строжайший боевой приказ, чтобы весь петроградский революционный гарнизон ни в коем случае никуда отсюда не отправлять». Корнет Сакс из 9-го кавалерийского полка сообщал, что Гучков и Энгельгардт отстранили весь прежний состав Военной комиссии и поставили офицеров из Генерального штаба. «Оставлять военный штаб революции в таком положении нельзя. Все их приказания и распоряжения необходимо теперь проверять очень осторожно и в случае малейших сомнений запрашивать Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. А чтобы были в ней (в Военной комиссии. — Э. Б.) и наши военные представители, я предложил бы выбрать туда от нашей солдатской части Совета равное им количество членов»¹⁰⁷.

Солдат-большевик Падерин из Преображенского полка заявлял, что командная власть офицеров допустима исключительно только в строю и на занятиях. В политических выступлениях мы, солдаты, должны подчиняться только Совету. «И вне службы и строя все солдаты должны быть абсолютно уравнины во всех и политических и гражданских правах. И дурацкое вставание во фронт, и отдавание чести вне службы и строя для солдат должны быть абсолютно отменены. Мы собрались в свой Совет не в бирюльки играть, а делать революцию. И только мы, представители революционных рабочих и солдат, являемся временной революционной властью»¹⁰⁸.

Решение поднятых вопросов Совет предоставил только солдатским депутатам. Они приняли постановление, сводившееся к 8—9 пунктам. В выдержке из протокола заседания Совета от 1 марта, опубликованной в № 3 «Известий Совета», перечислены следующие пункты, как принятые Советом: «Не выдавать оружия. Выбирать ротные и батальонные комитеты, которые заведывали бы всем внутренним распорядком полков. Организовать

¹⁰⁶ А. Тарасов-Родонов. Февраль. М., 1931, стр. 205.

¹⁰⁷ Там же, стр. 206.

¹⁰⁸ Там же, стр. 207.

солдатскую массу в Совете солдатских и рабочих представителей. Подчиняться распоряжениям Военной комиссии лишь до той поры, пока они не расходятся с постановлениями Совета рабочих депутатов. Делегировать в состав Военного Комитета (Комиссии) представителей от солдат». Н. Соколов рассказывал, что Совет также постановил, что «офицерство сохраняет власть над солдатскими массами лишь в чисто военном отношении», политическое руководство должно принадлежать Совету рабочих и солдатских депутатов¹⁰⁹.

Выдвигая вопрос о введении новых правил армейской организации перед Советом, представители некоторых частей гарнизона хотели, чтобы эти правила или хотя бы часть их утвердил также думский Комитет. Б. Энгельгардт рассказывал, что поздно вечером 1 марта к нему пришли выборные солдаты 20 частей гарнизона и заявили, что они «не могут доверить своим офицерам, которые не принимали участия в революционных выступлениях, а посему требуют издания приказа о производстве выборов в ротах, эскадронах, батареях и командах»¹¹⁰. Солдаты предлагали издать приказ об избрании офицеров, о предоставлении солдатам контроля над всеми хозяйственными операциями части и установлении новых отношений между начальниками и нижними чинами.

Энгельгардт передал требования солдат думскому Комитету. Члены Комитета и Гучков категорически воспротивились принятию этих требований. Они поручили Энгельгардту успокоить солдат обещанием, что в ближайшем будущем будет создана комиссия, которая займется детальной разработкой вопросов внутренней жизни войск и, в частности, обсудит вопросы, поднятые солдатами. Кое-как успокоив солдат, Энгельгардт возвратился в думский Комитет. Но вскоре представители военных частей вновь вызвали его. Подошел солдат, который отрекомендовался членом Совета рабочих и солдатских депутатов. Он сказал: «Делегация ряда частей требует выработать новые правила военной организации. Совет очень заинтересован этим вопросом и предлагает Временному комитету Думы разработать их совместно». «Я возразил ему, — писал Энгельгардт, — Временный комитет находит опубликование таких правил недопустимым». «Тем лучше, — ответил он мне, — сами напишем». И, круто повернувшись, ушел, не добавив больше ни слова»¹¹¹. Так кончилась попытка привлечь к составлению новых правил военной организации думский Комитет.

Как говорилось выше, новые основы военной организации были приняты Советом рабочих и солдатских депутатов на заседании 1 марта. Их осталось превратить в единый документ. Н. Соколов писал, что на этом заседании было кем-то предложено оформить принятые постановления в виде военного приказа, так

¹⁰⁹ Н. Соколов. Как родился Приказ № 1. — «Огонек», 1927, № 11.

¹¹⁰ «Общее дело», 18 марта 1921 г.

¹¹¹ Там же.

как «мы, военные, привыкли подчиняться не резолюциям, а лишь приказам». Собрание избрало комиссию для осуществления этого предложения, уполномочив ее подписать приказ от имени Совета рабочих и солдатских депутатов¹¹². А. Садовский сообщал, что составление приказа было поручено не особой комиссией, а солдатам, избранным членами Исполнительного комитета Совета. «В ночь с 1 на 2 марта, — вспоминал А. Садовский, — солдаты, члены Исполнительного комитета, собрались в комнате (не помню в какой), где присутствовал Соколов, которому окружившие его солдаты диктовали пункт за пунктом. Соколов их редактировал и все это вылилось в форме Приказа № 1. Затем Кудрявцев побежал в какую-то типографию, где ночью отпечатали этот приказ и утром распространили по частям»¹¹³.

Шляпников, Садовский и Суханов рисуют примерно одинаковую картину написания приказа. За длинным столом, покрытым зеленым сукном, сидел Соколов, окруженный солдатами — членами Исполнительного комитета или членами специальной комиссии. Они диктовали Соколову параграфы приказа. «Частенько в группе возникали споры, тогда все вставало, переходило к окку, выходящему в запушенный снегом сад, а затем возвращались к столу и вновь продолжали писать»¹¹⁴.

Солдаты — члены комиссии (или члены Исполнительного комитета Совета), возглавляемые Соколовым, не составили какой-то новый документ, а лишь оформили в виде приказа постановление, уже принятое Советом. Коллективным автором Приказа № 1 явился Совет; этот исторический документ был поистине продуктом народного творчества¹¹⁵.

В протоколах Исполнительного комитета и пленума Совета нет следов утверждения Приказа № 1 этими органами. После окончательного редактирования он был, видимо, оглашен перед еще не разошедшимися депутатами Совета, вызвав бурю восторга. «Солдаты и рабочие, — писал А. Шляпников, — заслушали приказ в торжественной тишине. Нужно было видеть лица солдат, чтобы понять, какое революционное значение имел тогда этот приказ. Гуд одобрения, как будто гигантский вздох облегчения, раздался в душных, набитых комнатах Совета»¹¹⁶.

На другой день Приказ № 1 за подписью Совета рабочих и солдатских депутатов появился в «Известиях Совета».

Приказ № 1 определял характер новой армии и устанавливал, в чьих руках будут вооруженные силы, кому будут они подчи-

¹¹² «Огонек», 1927, № 11.

¹¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1699, ч. 2, л. 269.

¹¹⁴ А. Шляпников. Указ. соч., стр. 211—212.

¹¹⁵ В свете этого неверно считать автором Приказа № 1 Н. Соколова, имевшего отношение лишь к редактированию приказа, а тем более называть автором приказа Ю. Стеклова, как это утверждается в предисловии к кн.: Ю. Стеклов. Воспоминания и публицистика. М., 1965, стр. 4.

¹¹⁶ А. Шляпников. Указ. соч., стр. 212.

няться. Параграф первый приказа гласил: «Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, экспедициях и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей». В частях, где еще не избраны депутаты в Совет, предлагалось немедленно избрать таковых — по одному на роту. Приказ устанавливал, что «во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам... Приказы Военной комиссии следует исполнять за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов». Таким образом, приказы и постановления Совета объявлялись высшим законом для воинских частей.

Перейдя на сторону народа, признав своим политическим руководителем Совет, солдаты не могли оставить право распоряжаться оружием за старым командным составом — опорой царя и буржуазии. Оружие должно было находиться в руках революционных солдат. Пятый параграф приказа гласил: «Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочие, должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям».

Подчиняя армию интересам революции, Совет не мог оставить без изменения ее организацию. Приказ № 1 определил основы внутренней жизни воинских частей, установив новые отношения между солдатами и офицерами. В приказе говорилось: «В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую военную дисциплину по всей службе и строя; в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт, обязательное одвание чести вне службы отменяется. Равным образом титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. заменяется обращением — господин генерал, господин полковник и т. д. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности обращение к ним на „ты“, воспрещается и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов». Так ликвидировалось унижение человеческого достоинства солдата, сохранившееся со времен крепостного права. Превратившись из послушной «серой скотинки» в революционного борца, солдат завоевал право быть полноправным гражданином России.

Приказ № 1 представлял собой новую армейскую конституцию. Как и всякая конституция, она оформляла и закрепляла то, что было уже завоевано в петроградском гарнизоне, и распростра-

няла завоевания революции на всю армию. Приказ был издан Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов по гарнизону Петроградского округа: «Всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда — для сведения». Телеграф находился в руках восставших, и Приказ № 1 тотчас же был передан по всем армиям и гарнизонам и всюду стал руководством к действию. Подобно тому как восстание в Петрограде имело решающее значение для победы революции по всей стране, приказы и распоряжения Петроградского Совета играли важнейшую роль в жизни всех частей действующей армии и тыловых гарнизонов.

Ни одно мероприятие первых дней революции не было встречено капиталистами и помещиками так враждебно, как Приказ № 1. Это и понятно: он отнимал у них армию. Буржуазия и командные верхи видели в приказе начало «разложения» войск. Приказу № 1 приписывали призыв к самочинной расправе с офицерами. На самом деле он предлагал солдатам соблюдать строжайшую военную дисциплину и затруднял расправу с офицерами. На заседании Совета, происходившем 11 марта с участием командования военным округом, говорилось о том, что Приказ № 1 был издан тогда, когда части Петроградского гарнизона остались без начальников, а часть офицеров оказывала сопротивление революции, что именно благодаря Приказу № 1 удалось овладеть движением, предупредить развитие эксцессов¹¹⁷. Такое же утверждение мы встречаем в воспоминаниях С. Мстиславского. Он пишет, что в дни революции стояла задача «ввести в уставные и дисциплинарные берега разбушевавшееся солдатское море, старый царский устав для этого был непригоден. Положение осложнилось тем, что в Февральской революции не участвовал ни один офицер, — поголовное дезертирство офицеров, восстановление порядка можно было провести только силами и средствами самих солдат... в силу самоустранения офицеров — организовать без них»¹¹⁸.

Приказ № 1 вводил «разбушевавшееся солдатское море» не в старые, а в новые берега. Он означал начало конца царской армии как опоры буржуазии и помещиков и орудия осуществления их империалистических замыслов. Приказ № 1 закладывал первые основы новой, революционной армии. Именно поэтому буржуазия и верхи армии отнеслись к нему с такой ненавистью. Но их ненависть была бессильной: власть была не в их руках. Б. Энгельгардт впоследствии говорил генералу Куропаткину, что, встав во главе войск Петрограда, он был «хозяйном положением только 6 часов. Затем фактическая власть перешла к Совету солдатских и рабочих депутатов и он не мог предотвратить издание приказа № 1»¹¹⁹. А. Гучков рассказывает, что он узнал о при-

¹¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 5827, оп. 1, д. 6, лл. 4—6.

¹¹⁸ С. Мстиславский. Указ. соч., стр. 86.

¹¹⁹ «Красный архив», 1927, № 1 (20), стр. 72.

казе по возвращении из Пскова, тотчас протелеграфировал в Ставку об этом «самовольном» акте Совета рабочих и солдатских депутатов и просил принять меры против его распространения, но сам он что-либо реальное для той же цели не сделал. «В центре, — писал Гучков, — правительство было бессильно по отношению к независимо от него возникшему Совету. Нашу внутреннюю политику мы могли строить лишь на попытках соглашения между Временным правительством и Советом рабочих депутатов. . . Я, конечно, мог отменить приказ властью министра, но такая отмена не имела бы никаких практических последствий»¹²⁰.

Приказ № 1 укрепил положение Совета рабочих и солдатских депутатов. Н. Соколов отмечал, что до этого приказа руководители Думы относились к Совету как нежелательной организации и даже задавали вопросы, когда он уйдет из Таврического дворца. «С опубликованием Приказа № 1 положение Совета рабочих депутатов резко изменилось к лучшему. Совет как-то сразу осознал себя как реальную величину, опирающуюся на подлинно реальную силу — Петроградский гарнизон. Осознали его как силу и „друзья“ революции справа — кадеты и сродные им элементы, которые до этого лишь „терпели“ в Таврическом дворце Совет. . . Солдаты, толпами приходившие в Таврический дворец до опубликования Приказа № 1 и заявлявшие о желании представиться кому-либо из правительства, теперь прямо шли в Исполнительный Комитет представиться и записаться»¹²¹.

Солдатские массы увидели в Приказе № 1 больше, чем в нем действительно было написано, и шли дальше того, что он предусматривал. Приказ ослаблял власть офицеров над солдатами, а солдаты стремились полностью ее ликвидировать. В Приказе № 1 говорилось о выборности ротных и батальонных комитетов, а солдаты распространяли принципы выборности на офицерский состав¹²².

Новые порядки начали вводиться в армии еще до официального обнародования Приказа № 1. 1 марта во многих частях Петроградского гарнизона началось смещение старого и выборы нового командного состава. В запасном батальоне Егерского полка были отстранены от должностей командиры, не соответствующие

¹²⁰ «Последние новости», 20 сентября 1936 г.

¹²¹ «Огонек», 1927, № 11.

¹²² В первом томе «История гражданской войны в СССР» (М., 1935 г.) указывается, что в Приказе № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов был пункт о выборности командиров «но уже при печатании приказа в газете выборность распоряжением Соколова была снята» (стр. 79). Однако доказательства этого они не приводят. В постановлении Петроградского Совета, положенном в основу Приказа № 1, пункта о выборности офицеров нет. В. Миллер в сообщении «Из истории приказа № 1 Петроградского Совета». («Военно-исторический журнал», 1966 г., № 5), указав на несостоятельность отмеченных выше утверждений, связывает призыв к выборам командного состава с листовкой межрайонцев и эсеров (см. стр. 292 настоящей работы).

«призванию офицера революционных гвардейских войск». Солдаты Петроградского конного дивизиона избрали командира дивизиона, командира нестроевого отделения, командиров эскадронов и других командиров и начальников из офицеров, примкнувших к революционному движению. Общее собрание Охтенской пехотной комады 1 марта постановило: «Полковника Шелудченко, прапорщика Коханова и фельдфебеля Зюлина как не пользующихся их доверием и как не присоединившихся к общему движению в команду не принимать. Начальником команды просить быть прапорщика Бунакова, а младшими офицерами штабс-капитана Александрова и прапорщика Кубышкина»¹²³.

1 марта солдаты запасного батальона Гвардейского Московского полка обсуждали вопрос — принимать ли обратно офицеров, покинувших их в решающие дни революции. «Решили не принимать. Вышли все на плац. Привезли приказ Временного правительства с призывом к офицерам присоединиться к своим частям. Офицеры были рады этому, но солдаты закричали: „Не надо их. Арестовать“. Подошли солдаты других частей... Офицерам предложили сдать оружие, требовали, чтобы они сдались... Выбрали ротных командиров из своих товарищей солдат, 2-х офицеров арестовали и направили в Таврический дворец»¹²⁴.

В некоторых случаях выборы офицеров происходили при участии рабочих-большевиков. В. Каюров рассказывал, как он встретил две роты солдат инженерных войск. Командир обратился к ним с речью, поздравил со свержением старого правительства, говорил, что осталось победить врага внешнего, что Временное правительство призывает солдат к успокоению, просит вернуться в казармы и по-прежнему подчиняться офицерам. «Несколько лиц крикнуло: „Рады стараться“. Большинство же смотрело растерянно. Я попросил слова: „Товарищи, разве для замены одного помещика другим на улицах Петрограда проливалась в течение трех дней кровь рабочих?.. Пролетариат не пойдет на заводы, пока не добьется своих прав... Мы сможем успокоиться только тогда, когда у власти станет рабочий и мужик...“ — Офицеры молчат... Я предлагаю их арестовать и из своей среды избрать командный состав. Пронесется гул одобрения. Тут же избираются ротные командиры»¹²⁵.

Так было положено начало борьбе за армию. Будут ли изменены взаимоотношения рядового и командного состава? Остается ли прежняя армия, служившая орудием царского режима, или эта важнейшая часть государственного аппарата будет перестроена на новых началах? Буржуазия стремилась к тому, чтобы оставить царскую армию без сколько-нибудь существенных

¹²³ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 10, д. 34, л. 60.

¹²⁴ «Правда», 11 марта 1917 г.

¹²⁵ В. Каюров. Шесть дней Февральской революции. — «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 170.

изменений, заставив ее служить своим интересам. Рабочие и солдаты, наоборот, хотели разрушить старую армию и заложить основы вооруженных сил революции.

Думский Комитет стремился осуществлять свою политику, опираясь на старое офицерство. В условиях развернувшейся всенародной революции это офицерство не могло встать на защиту царизма и после некоторых сомнений и колебаний вынуждено было порвать с ним и признать Временный комитет Думы. Подавляющее большинство командного состава Петроградского гарнизона заявило, что оно будет беспрекословно выполнять все распоряжения думского Комитета и служить верой и правдой новому строю, пришедшему на смену царскому режиму. Два дня — 1 и 2 марта, согласно приказу думского Комитета, шла регистрация командного состава гарнизона. Толпа офицеров всех званий заполнила комнаты, коридоры и лестницы огромного здания Собрания армии и флота. Офицеры складывали свои удостоверения на большие подносы и в корзины для регистрации. Удостоверения офицеров скреплялись подписями работников Военной комиссии Думы. Военная комиссия давала офицерам отдельные поручения, ставила их во главе частей или ограничивалась взятием на учет в предвидении будущих заданий.

В том же помещении Собрания армии и флота 1 марта 1917 г. состоялось собрание офицеров столицы. 1500 участников этого собрания приняли следующую резолюцию: «Офицеры, находящиеся в Петрограде, идя руку об руку с народом и собравшись по предложению Исполнительного (Временного. — Э. В.) комитета Государственной думы, признавая, что для победоносного окончания войны необходима скорейшая организация народа и дружная работа в тылу, единогласно постановили признать власть Исполнительного комитета Государственной думы до созыва Учредительного собрания»¹²⁶. На другой день аналогичную резолюцию приняли еще 2 тыс. офицеров, находившихся в столице.

Но поддержка офицерства не могла укрепить позиции Временного комитета Думы. Солдатская масса выражала недоверие и офицерству и Государственной думе. Она сомневалась, искренне ли и надолго офицеры присоединились к народу, — ведь это присоединение произошло уже после победы революции. В. Станкевич вспоминает, что его сообщение об образовании думским Комитетом Временного правительства было встречено солдатами саперного батальона довольно сухо и, хотя он говорил об этом с воодушевлением, «в аудитории чувствовался холодок»^{126а}.

Действия солдатской массы подорвали власть офицерства и всю организацию старой армии. Солдаты сорвали контрреволю-

¹²⁶ Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции (Ленинград), ф. листовок, № 10851.

^{126а} В. Станкевич. Воспоминания. М., 1928, стр. 35.

ционные мероприятия Временного комитета Государственной думы, направленные на восстановление прежнего режима в воинских частях, а главное, не дали себя разоружить. То, что оружие осталось в руках солдат и военная организация царизма была до основания распатана, ослабляло позиции возникшей буржуазной власти. Больше того, выступления рабочих и солдат создавали угрозу самому существованию буржуазной власти. Журналист В. Карик в дневнике от 2 марта отметил, что идет агитация против Родзянко, Милюкова и других умеренных членов правительства, что многие большевики призывают солдат не повиноваться офицерам. В более поздней записи (14 марта) он писал, что «рабочие под шпорами большевиков закусил удила и, не считаясь ни с какими обстоятельствами, требуют осуществления программы-максимум — ни копейки меньше»¹²⁷. В. Карик явно преувеличивает: осуществления программы-максимум никто не требовал, но борьба за осуществление социал-демократической программы-минимум и прекращение империалистической войны действительно развернулась. На многочисленных митингах раздавались громкие призывы к миру, установлению демократической республики и передаче земли крестьянам.

На одном из митингов оратор разоблачал истинное лицо Родзянко, агитировавшего за войну до победного конца. «Ну еще бы. У него есть, что спасать. Поезжайте, к примеру, в Екатеринбургскую губернию. Там десятки тысяч черноземной земли, да и какой еще земли, товарищи! Чья, — вы спросите, — это земля? Председателя Родзянки, — вам ответят, товарищи. Спросите тогда еще в Новгородской и Смоленской губерниях: чьи же эти богатые поместья и чьи эти несметные леса? Председателя Думы Родзянко, — вам ответят, товарищи. А вот вы спросите-ка там же тогда: И чьи же эти огромные винокуренные заводы? Чей это большой завод, который сейчас по бешеным ценам на всю нашу многомиллионную армию березовые ложа для солдатских винтовок? Председателя Государственной думы, — вам ответят, товарищи. Ну, почему же тогда, вы скажете, товарищи, и не воевать теперь председателю Думы Родзянко до полной победы?» Эти слова находили единодушное одобрение солдатской массы. В ответ на речи ораторов неслись гневные крики толпы: «Долой Родзянко! Долой войну!»

М. Родзянко 1 марта сообщая Рузскому, что «пастала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так-то легко», выражал опасение, что он может быть посажен в Петропавловскую крепость, «так как агитация направлена на все, что более умеренно и ограничено в своих требованиях»¹²⁸. Через день — 3 марта — в разговоре с Рузским по прямому проводу

¹²⁷ «Голос минувшего», 1918, № 4-6, стр. 73.

¹²⁸ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 56.

Родзянко сообщил, что в Петрограде вспыхнул солдатский, а по сути дела крестьянский бунт; солдаты — эти «взятые от сохи мужики заявили теперь все свои мужицкие требования». «Только и слышно было в толпе: „Земли и воли!“, „Долой династию!“, „Долой Романовых!“, „Долой офицеров!“. И началось во многих частях избивание офицеров; к этому присоединились рабочие, и анархия дошла до своего апогея»¹²⁹.

То, что Родзянко называл анархией, на самом деле было дальнейшим развитием революции. По поводу разговоров об анархии и беспорядках солдаты резонно замечали: «Какая же это анархия? Как о земле речь пошла, так тут и анархия. Да тут всем им такую бы анархию прописать надо!» В дни 28 февраля — 2 марта революционные события в Петрограде развивались с головокружительной быстротой. То, что утром казалось наиболее радикальным, днем вызывало сомнения, к вечеру оказывалось устаревшим. В этой смене проявлялась совершенно определенная тенденция. «Вечером 1 марта, когда окончательно определилась победа революции, — писал Б. Энгельгардт, — ясно почувствовался подъем второй революционной волны, идущей уже против старых порядков, старого уклада жизни, старой дисциплины»¹³⁰. На этом новом этапе борьбы рабочие и солдаты выступали не только за полное уничтожение царского режима, но и за устранение от власти буржуазии, выражая ей недоверие.

Думский Комитет и работники Военной комиссии все с большей тревогой следили за тем, что делается на улицах столицы, и озирались на левое крыло Таврического дворца, где помещался Совет рабочих депутатов. Распространились слухи, что толпы народа направляются к Таврическому дворцу, чтобы разогнать Государственную думу, арестовать думский Комитет и передать власть Совету. Полковник Половцев из Военной комиссии писал, что Совет рабочих и солдатских депутатов становится все более «неприятным» учреждением, что он выступает против Государственной думы и прислал своих наблюдателей для контроля за работой Военной комиссии. «Утром 1 марта кто-то начал говорить, что сегодня знаменательный день, что, быть может, его будут праздновать, как французы — день взятия Бастилии. Пальчинский на это заметил, что, может быть, мы сейчас сами сидим в Бастилии. И, действительно, было довольно паршиво, когда на перроне Государственной думы ораторы призывали толпу уничтожить буржуев, сиречь нас»¹³¹.

А. Тыркова также отмечала усиление влияния левых сил. Она писала в своем дневнике, что из полков прибывают «дурные вести». В то время как лидеры кадетов (генералы без армии —

¹²⁹ «Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 28.

¹³⁰ «Общее дело», 17 марта 1921 г.

¹³¹ П. А. Половцев. Дни затмения. Париж, [6/г], стр. 20—21.

подчеркивает Тыркова) доказывают необходимость сохранения монархии, а один из них — В. Маклаков — утверждает, что улица не имеет права изменять основные законы империи, по всему городу происходят митинги и демонстрации, рабочие и солдаты несут красные плакаты с надписями: «Земля и Воля», «Демократическая республика». 3 марта 1917 г. Тыркова записала в своем дневнике: «Сегодня вообще легче, чем вчера. Но опасно еще»¹³².

То, что 28 февраля—2 марта поднялась новая волна революции, подтверждается сообщениями, которые поступали в эти дни из столицы в Ставку Верховного главнокомандующего. Эти сообщения исходили от военных властей, которых особенно тревожило настроение солдатских масс, не подчинявшихся офицерам и шедших за рабочими и их Советом. 28 февраля Главный морской штаб докладывал, что «Дума делает попытки собрать войска в казармы и подчинить их офицерам. Но ей надо опережться на какой-либо правительственный акт, который послужил бы началом успокоения». Штаб указывал, что всякое промедление крайне опасно, «может образоваться рабочая организация, которая подымет социалистическое знамя и устранил Думу»¹³³. На другой день — 1 марта — тот же Главный морской штаб сообщал: «Порядок налаживается с большим трудом. Есть опасность возможности раскола в самом Комитете Государственной думы и выделение в особую группу крайних левых революционных партий и Совета рабочих депутатов»¹³⁴. Член Думы Ознобишин впоследствии сообщал, что по предложению Родзянко собралось тайное совещание нескольких думцев в библиотеке, размещенной в одном из дальних помещений Думы. На совещании выяснилось, что Государственная дума постепенно утрачивает власть, которая переходит к Совету рабочих депутатов. «Надо что-нибудь предпринять. Но что-то никто не высказывался определенно. Тогда Караулов сказал, что надо арестовать Совет рабочих депутатов, если Государственная дума дает мне соответствующий мандат, я со своими казаками это поручение исполню. Такое практически жизненное и трезвое решение вопроса свергло совещание в недоумение. Начался краткий обмен мнений, сопровождавшийся боязливым поглядыванием на двери. Никто не сказал ни „да“, ни „нет“, но количество участников совещания стало быстро уменьшаться»¹³⁵. Нерешительность думцев вполне объяснима. У них не было сил, чтобы отстранить, а тем более арестовать Совет (даже казаки не могли явиться надежной опорой). Лидерам Думы не оставалось ничего другого, как заключить соглашение с Советом.

¹³² ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 20, л. 40—41.

¹³³ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 29.

¹³⁴ Там же, стр. 42—43.

¹³⁵ А. Ознобишин. Воспоминания. Париж, 1927, стр. 263.

Исполняющий обязанности начальника Главного генерального штаба генерал Аверьянов 2 марта телеграфировал Алексею: «Временный комитет прилагает все усилия удержать войска от перехода на сторону крайней левой рабочей партии и поставить их под команду офицеров, но эти усилия разбиваются энергичной пропагандой Совета рабочих депутатов. Хотя сегодня установлено соглашение между Временным комитетом и Советом рабочих депутатов о необходимости сохранения порядка в войсках и установления связи их с начальниками, но соглашение это ненадежно и разрушительная работа среди войск продолжается»^{135а}.

События 28 февраля—2 марта укрепили позиции Совета рабочих и солдатских депутатов и выдвинули его на первый план. Полковник Доманевский, командированный Генеральным штабом к главе карательной экспедиции генералу Иванову, доказывал последнему, что ликвидировать развернувшееся движение можно только путем соглашения с умеренной частью Государственной думы и думским Комитетом. Доманевский отмечал, что «в среде восставших обозначилось два совершенно определенных течения: одни примкнули к думским выборным, к Временному правительству, другие — поддерживали Совет рабочих. Первые остались верными монархическому принципу, желали лишь некоторых реформ, стремились к скорейшей ликвидации беспорядков с тем, чтобы продолжить войну, вторые искали крайних результатов и конца войны. До 1 марта престиж думского правительства стоял высоко, и фактически оно являлось хозяином положения по крайней мере в столице. Но было ясно, что с каждым днем положение думского правительства, не поддержанного законом, становилось все труднее, а власть все больше могла перейти к крайним левым. Все это приводило к заключению, что в настоящую минуту вооруженная борьба только осложнит, ухудшит положение, что каждый час дорог и что порядок и нормальный ход можно восстановить легче всего соглашением с Временным правительством»¹³⁶.

Новый натиск рабочих и крестьян двигал революцию вперед. Он был направлен не только против любой формы монархии, но и против установления буржуазной власти. Передовые слои пролетариата требовали создания Временного Революционного правительства Советом рабочих депутатов. Правда, широкие слои рабочего класса и основная масса солдат не поднялись до прямой поддержки этого требования. Но, выражая недоверие Государственной думе и ее Комитету, они объективно боролись за осуществление этой цели. Создание Временного Революционного

^{135а} «Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 6.

¹³⁶ ЦГАОР СССР, ф. ЧСК, д. 466, л. 129. Доманевский неправ. Думский комитет не был хозяином положения и до 1 марта.

правительства Советом еще не означало бы установление диктатуры пролетариата. Совет рабочих и солдатских депутатов являлся тогда органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, призванным довести до конца буржуазно-демократическую революцию. Но такая диктатура открывала путь к наиболее быстрому и безболезненному переходу к социалистической революции.

В. И. Ленин назвал свое первое «Письмо из далека», написанное 7 марта 1917 г.: «Первый этап первой революции». Прочитывая слова Скобелева, приведенные нами в эпиграфе к данной главе, Ленин отметил: «Я не могу судить отсюда, из моего проклятого далека, насколько близка эта вторая революция. Скобелеву там, на месте, виднее... Я подчеркиваю лишь подтвержденные „сторонним свидетелем“, т. е. не принадлежащим к нашей партии Скобелевым, того *фактического* вывода, к которому я пришел в первом письме, именно: февральско-мартовская революция была лишь *первым этапом* революции. Россия переживает своеобразный исторический момент *перехода* к следующему этапу революции или, по выражению Скобелева, ко „второй революции“»¹³⁷.

Вторая революционная волна, развернувшаяся 28 февраля—2 марта, выражала тенденцию к перерастанию буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Буржуазия видела создавшуюся для нее угрозу и стремилась во что бы то ни стало отбить эту волну. Она хотела отстранить от власти Совет рабочих и солдатских депутатов и всю власть взять в свои руки, чтобы остановить дальнейшее развитие революции. Борьба за власть обострилась.

Как же она протекала и к каким результатам привела?

¹³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 36. В. И. Ленин приводит слова М. Скобелева: «Россия накануне второй настоящей революции» по сообщению, опубликованному в «Фоссовской газете» 21 марта 1917 г. (вечерний выпуск). В сообщении говорится, что 2 (15) марта состоялось заседание социал-демократической и трудовой фракций Государственной думы с представителями 15 рабочих союзов, на котором Скобелев и произнес цитируемые Лениным слова. К сожалению, упоминание об этом совещании в русской прессе нам обнаружить не удалось.

ДВОЕВЛАСТИЕ

«В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала *двоевластие*».

В. И. Ленин.

ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Буржуазия давно готовила новое правительство России. Она хотела получить его из рук царя в виде «ответственного министерства» или хотя бы «министерства доверия». Еще в 1915 г. ходили по рукам и даже публиковались списки кандидатов в новые министры. На образовании нового правительства настаивали думские деятели и в первые дни революции. Но царь медлил, тогда Родзянко вступил в переговоры с членами династии Романовых, находившимися в Царском Селе и Петрограде, чтобы совместными силами найти выход из создавшегося положения.

Родзянко установил связь с дядей царя, вел. кн. Павлом Александровичем, занимавшим должность командующего гвардией. Обмен мнений между Таврическим дворцом и Царским Селом, где находился Павел Александрович, проводился через доверенного Родзянко — адвоката Н. Иванова. Было известно, что Николай II покинул Ставку и едет в Царское Село. Павел Александрович взялся встретить царя первым и указать ему на необходимость «даровать» ответственное перед Думой министерство и этим положить начало конституционному правлению. Уступки царя предполагалось облечь в форму манифеста и уже началось его составление. Инициаторов этой затеи беспокоило одно: как бы Александра Федоровна не направила действия своего венценосного супруга в другую сторону, — вот почему они хотели добиться разговора с царем раньше, чем он встретится со своей женой.

Но время шло, а царь все не приезжал и никаких распоряжений от него не поступало. Выяснилось, что Николай II не может прорваться в столицу. А между тем события в Петрограде приобретали крайне опасный для царизма характер. Тогда решено

было от имени царицы и великих князей направить проект манифеста об «ответственном министерстве» царю в Ставку. Александра Федоровна отклонила проект¹. Но три старших великих князя одобрили его.

В манифесте говорилось, что царь ко дню окончания войны был намерен перестроить государственное управление на началах широкого народного представительства, но события последних дней показали, что надо поторопиться; не опираясь на законодательные учреждения, правительство не смогло предвидеть и предупредить события. Манифест называл начавшуюся революцию смутой и выражал надежду, что она будет сломлена. От имени царя проект манифеста провозглашал: «Мы предоставляем государству Российскому конституционный строй и повелеваем продолжать прерванные указом нашим занятия Государственного совета и Государственной думы. Поручаем председателю Государственной думы немедленно составить временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской империи»².

Павел Александрович согласился с проектом царского манифеста 1 марта. Ставя подпись, он перекрестился и воскликнул: «Какое совпадение, сегодня день памяти смерти моего брата!» Воспоминания об этом были для Павла не из приятных: 1 марта 1881 г. его брат Александр II был убит народовольцами. «В добрый час!» — напутствовал Павел Н. Иванова, и тот помчался в Петроград к Михаилу Александровичу и Кириллу Владимировичу, старшим в порядке престолонаследия.

«Совершенно согласен. Это необходимо», — сказал Кирилл, ставя свою подпись. «Я также считаю, что другого выхода нет и что такой акт необходим», — заявил при подписании Михаил Александрович. 28 февраля он сообщает своей жене — М. Брасовой: «Мозги наши не дремлют и на очереди стоит вопрос о том, как войти в сношения с представителями того края, где мы арендуем имение». На другой день тому же адресату Михаил пишет более определенно: «События развиваются с ужасающей быстротой... Я подписал манифест, который должен быть подписан государем. На нем подписи Павла А. и Кирилла и теперь моя, как

¹ Впоследствии царица писала Николаю: «Павел, получивший от меня страшнейшую головомойку за то, что ничего не делал с гвардией, старается теперь работать изо всех сил и собирается нас всех спасти благородным и безумным способом: он составил идиотский манифест относительно конституция после войны и т. п.» («Шереписка Николая и Александры Романовых», т. V. М.—Л., 1927, стр. 227).

² «Огонек», 1923, № 1.

старших великих князей. Этим манифестом начнется новое существование России»³.

Новое существование России действительно началось, но, конечно, это никак не было связано с данным манифестом. 1 марта проект манифеста был доставлен в Государственную думу, видимо, для согласования и последующей отправки царю. Н. Иванов не мог доставить его на машине, он шел пешком по улицам, запруженным народом, и видел, что настроение масс дошло до острого недовольства и едва ли проектируемый манифест мог удовлетворить их. Н. Иванов писал: «Я нес манифест Временному комитету и с каждым шагом убеждался, что дело Романовых проиграно, что кабинетом Родзянко не отделаться, что массе нужна великая жертва. Родзянко показался на сей раз не торжественным триумфиров на революционной колеснице, а жалким возницей, теряющим вожжи. Он как-то и внешне сдал. «Я думаю, что происходит это слишком поздно», — говорю я о манифесте. «Я того же мнения», — отвечает он. Я передаю манифест Милюкову, и он ставит на копии подпись о принятии»⁴.

Проект царского манифеста, видимо, так и не дошел до царя. Вместе с тем события развивались столь быстро и решительно, что остановить их стремительный бег обещанием даровать новое издание злополучного манифеста 17 октября было невозможно. Проект нового манифеста отражал давно прошедший этап движения, за рамки которого вышла еще первая русская революция. На вопрос Михаила Александровича о судьбе подписанного им манифеста Н. Иванов ответил: «Манифест уже принадлежит истории. Настроения Таврического дворца диктуются не теми, кто считается руководителями движения... Роль Временного комитета Государственной думы не вырастает, а падает. Родзянко, Керенский и иные с ними вынуждены вертеться, как волчки на бурных волнах, и легализировать все, что принесет народная толпа. Во что выльется хотя бы ближайший день, никто не звался бы предвещать»⁵.

Думские лидеры вынуждены были пойти дальше своих первоначальных намерений и ради спасения царской монархии пожертвовать Николаем II. Еще 28 февраля в Комитете Государственной думы встал вопрос об осуществлении давно существовавшего плана отречения от престола Николая II в пользу сына Алексея при регентстве Михаила Александровича. В «Протоколе событий» думского Комитета говорилось: «Течение событий, настроение воинских частей, их командного состава и народных масс указывали на то, что акт об отречении Николая II пред-

³ ЦГАОР СССР, ф. 622, оп. 1, д. 22, лл. 85, 87. На одном из конвертов Михаил Романов проитически написал: «Товарищу Наталии Сергеевне Брасовой от товарища М. А. Р.».

⁴ Там же, ф. 6439, оп. 1, д. 1, л. 11.

⁵ Там же, д. 3, л. 1.

ставляется совершенно неизбежным»⁶. Тогда же, 28 февраля, был написан проект акта об отречении в пользу Алексея при регентстве Михаила и намечена поездка Родзянко и Шидловского с этим актом к царю. Сначала вопрос был отложен из-за неясности, где можно встретиться с царем; никто не знал, где он находится. Затем выяснилось, что поездке Родзянко противостоят Совет рабочих депутатов, а без его согласия железнодорожники не дают состава. Таким образом, Родзянко вел двойную игру — вел переговоры с Павлом Александровичем о сохранении престола за Николаем II и собирался ехать к царю, чтобы добиться его отречения.

Официальная версия обсуждения вопроса об отречении подтверждается воспоминаниями С. И. Шидловского. Он рассказывает, что Временный комитет Думы решил потребовать отречения Николая II и в этих целях направить его и Родзянко к царю. «Вопрос о поездке разработан был весьма мало. Не была предусмотрена возможность нашего ареста, возможность вооруженного сопротивления верных государю войск, а с другой стороны, предусматривалась возможность ареста нами государя, причем в последнем случае не было решено, куда его вести, что с ним делать и т. д. Вообще предприятие было весьма легкомысленное... Я стал ожидать час отъезда. Проходил час, другой, третий, неоднократно звонили по телефону на станцию Николаевской железной дороги, спрашивали, готов ли поезд, но из этого ничего не вышло и всегда по каким-то причинам ничего не было готово»⁷.

Между тем, как отмечалось в предыдущей главе, положение в Петрограде становилось все более острым и опасным для буржуазии; думский Комитет не имел власти, восставший народ не доверял ему; он шел за Советом рабочих и солдатских депутатов. В таких условиях, продолжая попытки связаться с царем, думские деятели решили образовать правительство, не дожидаясь его санкции. 1 марта 1917 г. Временный комитет Думы вынес решение, которое гласило: «Временный Комитет членов Государственной думы в целях предотвращения анархии и для восстановления общественного спокойствия после низвержения старого государственного строя постановил: организовать впредь до созыва Учредительного собрания, имеющего определить форму правления Российского государства, правительственную власть, образовав для сего Временный общественный Совет министров в составе нижеследующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлою общественной и политической деятельностью»⁸.

⁶ «Протокол событий», стр. 20.

⁷ С. И. Шидловский. Воспоминания. — «Февральская революция». М.—Л., 1925, стр. 294.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 2, д. 120, л. 1.

В основу нового состава «министерства доверия» был положен список, составленный до революции. Премьер-министром назначался князь Г. Львов, его срочно вызвали из Москвы. 1 марта состоялась беседа между ним и членами думского Комитета. П. Милюков впоследствии писал, что он был сильно разочарован этой беседой. «Мы не почувствовали перед собой вождя. Князь был уклончив и осторожен: он реагировал на события в мягких расплывчатых формах и отделивался общими фразами». «Шляпа», — сказал про него Милюков после этой беседы. Но поведение Львова на этой беседе объясняется не только чертами характера будущего председателя Временного правительства. Положение буржуазии в это время было непрочным, неустойчивым, а это порождало уклончивость и осторожность ее лидеров.

Организуя правительство, Временный комитет Государственной думы опирался на поддержку буржуазии. Ее организации выражали думскому Комитету полное доверие и одобрили его шаги по созданию власти. Центральный Военно-промышленный комитет в своем обращении к населению писал, что сейчас необходимо создание единой временной власти, что «такая власть может исходить только от Государственной думы, только она может рассчитывать на авторитет в глазах всей свободной страны, всей армии и наших доблестных союзников»⁹. Буржуазные деятели, возглавлявшие Военно-промышленный комитет, призывали население предоставить все силы в распоряжение Государственной думы, не допуская распри, споров и разрозненных выступлений.

Думский Комитет приветствовали капиталистические тузы, объединявшиеся в Совете съездов представителей торговли и промышленности. 2 марта Совет съездов заявил, что «он отдает себя в полное распоряжение Временного комитета членов Государственной думы. Указания и распоряжения Комитета он почитает для себя обязательными впредь до создания нового преобразованного государственного управления». Совет съездов призывал «весь торгово-промышленный класс России забыть о партийной и социальной розни, которая может быть сейчас на пользу только врагам народа, теснее сплотиться вокруг Временного комитета Государственной думы и предоставить в его распоряжение все свои силы»¹⁰.

Несмотря на такую поддержку, Комитет Государственной думы не чувствовал твердой почвы под ногами. Он не имел реальной силы. Массы вооруженных рабочих и солдат верили только Совету, шли только за ним. Вот почему, приняв решение о создании правительства, думский Комитет не мог осуществить

⁹ «Известия Комитета петроградских журналистов», № 6, 2 марта 1917 г.

¹⁰ Там же, № 8, 3 марта 1917 г.

его без поддержки Совета. До сих пор буржуазия держала курс на створ с царем. Теперь, после краха этих расчетов, ей пришлось переориентироваться и искать соглашения совсем с другими силами. До сих пор буржуазия ждала образования «министерства доверия» от царя. Теперь ей пришлось договариваться о его образовании с противниками царизма.

Временный комитет Государственной думы вступил в переговоры об образовании правительства с Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов. Думские лидеры поставили перед руководством Совета вопрос: или поддержите правительство, которое мы создадим, или сами берите власть. Но брать власть руководители Совета не собирались. Исходя из того, что революция буржуазная, они считали, что власть должна принадлежать буржуазии, и потому создание правительства думским Комитетом они считали явлением вполне закономерным. Руководители эсеров и меньшевиков говорили, что без буржуазии невозможно побороть царизм, управлять страной, ликвидировать хозяйственную разруху и т. д. Поддержка Советом Временного правительства, создаваемого думским Комитетом, означала по сути дела добровольную капитуляцию перед буржуазией, переход к ней власти, завоеванной народом. Н. Суханов утверждал, будто во избежание провала революции, в целях закрепления победы над царизмом и установления необходимого режима политической свободы, победивший народ должен был «передать власть в руки своих врагов, в руки ценовой буржуазии»¹¹.

Вносились предложения сделать это без всяких оговорок, не предъявляя буржуазии никаких условий. Но большинство руководителей Совета считало, что, уступая власть буржуазии, надо выдвинуть перед ней ряд требований, осуществление которых ограничивало бы ее власть и давало бы населению политические права и свободы. Они заявляли, что, передавая власть буржуазии, надо обезвредить эту власть, не дать возможности буржуазии обратиться ее против народа. Вместе с тем руководители Совета опасались, чтобы чрезмерные требования рабочих не отпугнули буржуазию; отказ буржуазии от власти казался им катастрофой. Вот почему Исполнительный комитет Совета не выдвинул перед будущим правительством социально-экономических требований, не поставил вопроса о введении 8-часового рабочего дня и конфискации помещичьей земли, а также вопроса о принципах внешней политики государства, об отношении к войне и миру. Этот последний вопрос, как наиболее острый, который мог вызвать разногласия с думским Комитетом, лидеры Совета особенно старательно обходили, снимая его с повестки дня.

Вопрос о власти обсуждался Исполкомом Совета 1 марта. Протокол этого заседания не сохранился и судить о том, что про-

¹¹ Н. Суханов. Записки о революции, кн. 1. Пг., 1919, стр. 168.

исходило здесь, можно лишь по воспоминаниям. Обсуждение вопроса о власти на заседании Исполнительного комитета несколько раз прерывалось; неотложные текущие дела отвлекали Комитет в сторону от главного вопроса. При обсуждении текущих военно-технических и организационных вопросов в Исполнительном комитете наблюдалось сравнительное единодушие. Рассмотрение же вопроса о власти раскололо его. Разногласия между партий революционного пролетариата и мелкобуржуазными группами и течениями проявились теперь со всей остротой. Большевики, в соответствии с манифестом Бюро ЦК РСДРП, предлагали взять дело управления страной в руки революционной демократии путем выделения Временного Революционного правительства из состава Совета. По данным А. Шляпникова, из 30 членов Исполкома на этой точке зрения стояло 8 человек — А. Шляпников, П. Залудский, В. Молотов, К. Шутко, А. Падерин, А. Садовский, П. Александрович, И. Юренев. Предложение большевиков вытекало из всего хода событий, революция подвела восставший народ к его реализации. Вооруженная масса рабочих и солдат шла за Советом, Исполком Совета фактически располагал всей полнотой революционной власти и имел все возможности без особых трудностей оттеснить от власти буржуазию.

«Мы предлагали Исполнительному комитету, — писал А. Шляпников, — составить Временное Революционное правительство из рядов тех партий, которые входили в Совет того времени. Его программой должно быть осуществление минимальных требований программ обеих социалистических партий, а также решение вопроса о прекращении войны»¹². Но как раз этого и не хотели эсеры и меньшевики, составлявшие большинство Исполкома Совета. Они не желали обострять отношения с думским Комитетом, отмежевывались от антибуржуазной и антивоенной линии большевиков и выступали против власти революционной демократии. Исполнительный комитет Советов высказался за передачу власти буржуазии, за формирование буржуазного правительства.

Но тут возник новый вопрос: участвовать ли представителям демократии в таком правительстве? Часть меньшевиков, эсеров, а также представители «Бунда» стояли за вхождение в буржуазное правительство. Они доказывали, что без этого революция не может быть доведена «до благоприятного конца», не может быть полностью свергнута старая власть. В день заседания Исполнительного комитета, 2. марта, в «Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов» была помещена статья «Участие демократии во Временном правительстве», выражавшая эту точку зрения. В ней отмечалось, что представители демократии, войдя в правительство, воспрепятствуют стремлению буржуазных партий и думского Комитета к компромиссу со старым порядком, не дадут

¹² А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1. М., 1923, стр. 220.

возможности Временному правительству остановиться на полдороге и будут толкать его к Учредительному собранию и республиканскому строю. В статье говорилось о том, что разрыв Совета с Временным правительством отбросит буржуазию назад, что демократия не может создать государственный аппарат, опираясь только на свои силы, что демократия «одна в борьбе с коалицией всех буржуазных элементов еще не в силах осуществить государственно-организационную работу такой колоссальной сложности».

Вопрос о вхождении социалистов во Временное правительство стоял тогда практически. Думский Комитет предлагал портфель министра труда Н. Чхеидзе, министра юстиции — А. Керенскому. Чхеидзе отказался стать министром, Керенский сначала колебался, а затем согласился. Исполнительный комитет Совета высказался против участия представителей демократии во Временном правительстве, за сохранение его чисто буржуазного характера. Как сообщает Н. Суханов, это решение было принято 13 голосами против 7 или 8. М. Рафес тоже отмечает, что значительное большинство Исполкома высказалось против участия в правительстве, но добавляет, что окончательное решение этого вопроса было отложено до выяснения мнения руководящих органов партий. Назначение министров решено было целиком предоставить думскому Комитету. Условились настаивать лишь на том, чтобы Исполком Совета был информирован о кандидатах и, в случае необходимости, имел право отвести наиболее неприемлемых из них¹³.

Передавая власть буржуазному правительству, Исполнительный комитет Совета решил потребовать от думского Комитета и правительства выполнения минимума политических требований. Их было три: провозглашение политических свобод, полная и всесторонняя политическая амнистия, немедленные меры к созыву Учредительного собрания. Были приняты предложения о распространении всех гражданских прав на солдат, об уничтожении полиции и замене ее народной милицией, не подчиненной центральной власти, о проведении возможно скорее демократических выборов органов местного самоуправления. В качестве гарантии закрепления завоеваний революции предлагалось обязать правительство не разоружать и не выводить из Петрограда воинские части, принимавшие участие в революции.

Выдвинуто ли было на этом заседании Исполнительного комитета требование установления демократической республики? Н. Суханов сообщает, что «в прениях Исполнительного комитета — немедленное объявление Демократической республики, не в пример другим пунктам, было выдвинуто с особой остротой»¹⁴.

¹³ Н. Суханов. Указ. соч., стр. 191; М. Рафес. Мои воспоминания. — «Былое», 1922, № 19, стр. 196.

¹⁴ Н. Суханов. Указ. соч., стр. 194.

Сам Суханов был против этого требования, опасаясь, что оно может отпугнуть буржуазию. Он утверждал, что Исполнительный комитет Совета решил не настаивать на провозглашении демократической республики, а ограничиться требованием созыва полномочного Учредительного собрания. Однако в докладе Исполнительного комитета Совета, сделанном в тот же день на пленуме Совета, утверждалось иное. Судя по этому докладу и по некоторым воспоминаниям, Исполнительный комитет Совета высказался тогда за демократическую республику и снял это требование впоследствии, под давлением думских лидеров.

Заручившись поддержкой Исполнительного комитета Совета, его представители вступили в переговоры с думским Комитетом. О ходе этих переговоров подробно рассказал Н. Суханов и коротко — П. Милюков. На основании их воспоминаний и можно судить, как и о чем договаривались обе стороны.

Переговоры шли в ночь на 2 марта. От Исполнительного комитета Совета присутствовали Чхейдзе, Соколов, Стеклов и Суханов. Из членов думского Комитета наиболее активную роль в переговорах играл Милюков. По свидетельству Суханова, будущий глава правительства князь Г. Львов за время переговоров не проронил ни слова; Керенский, сидя в мрачном раздумье, тоже не принимал участия в беседах. Протокола переговоров не велось, никто не руководил прениями, велся частный разговор.

Члены думского Комитета прежде всего поставили вопрос о «господстве анархии» в столице, убеждая представителей Совета принять меры «к восстановлению порядка». Но едва ли была необходимость в этих убеждениях, думцы ломались в открытую дверь. Представители Совета заявили, что в борьбе с анархией заключается сейчас основная «техническая» задача Совета рабочих депутатов, что эта борьба — в его интересах не меньше, чем в интересах думского Комитета, что Совет принимает меры к налаживанию отношений между солдатами и офицерами, но не в этом он видит цель созванного совещания. Его цель — договориться о создании нового правительства. «Совет рабочих депутатов, со своей стороны, предоставляет цензовым элементам образовать Временное правительство... но он, как организационный и идейный центр народного движения, как единственный орган, способный сейчас ввести это движение в те или иные рамки, направить его в то или иное русло, как единственный орган, располагающий сейчас реальной силой в столице, — желает высказать свое отношение к образуемой в правом крыле власти, выяснить, как он смотрит на ее задачи, и, во избежание осложнений, изложить те требования, какие он от имени всей демократии предъявляет к правительству, созданному революцией»¹⁵.

¹⁵ Н. Суханов. Указ. соч., стр. 205.

Мнение и требования Совета изложил Ю. Стеклов. Он ссы­ лался на исторические примеры, на опыт Западной Европы, вы­ ражал надежду на то, что новое правительство примет требова­ ния Совета и опубликует их как свою программу. «Чрезмерных требований» не выдвигалось, вопроса о земле и 8-часовом рабо­ чем дне никто не поднимал, обойден был главный вопрос, обсу­ ждения которого особенно опасались думцы, — вопрос о войне и мире. Удовлетворенный тем, что лозунг «Долой войну», громко звучавший на улицах Петрограда, не нашел никакого отражения в программе, предложенной Исполнительным комитетом Совета, П. Милюков воскликнул: «Да, я слушал вас и думал о том, как далеко вперед шагнуло наше рабочее движение со времени 1905 года»¹⁶.

Думский Комитет нашел, что требования Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов в общем приемлемы и могут быть приняты за основу переговоров. Но многие из них вызвали возражения буржуазных деятелей. Думцы говорили о невозможности провести выборы в Учредительное собрание во время войны, о недопустимости широкой демократизации армии и т. д.

Наиболее острые прения вызвал вопрос о форме государствен­ ного правления. Милюков высказывался за сохранение монархии, предлагая передать престол Алексею при регентстве Михаила. Он заявил, что Романовы теперь уже не опасны: Николая не бу­ дет, Алексей — большой ребенок, а Михаил совсем глупый чело­ век. Чхендзе и Соколов отмечали неприемлемость и утопичность плана Милюкова, указывали на всеобщую ненависть к монархии, говорили, что попытка отстоять Романовых «совершенно абсурдна, немыслима и вообще ни к чему бы не привела... Но лидер бур­ жуазии был неумолим и, видя бесплодность спора, обратился к дальнейшим пунктам»¹⁷.

Оставив вопрос о форме государственного устройства откры­ тым, договаривающиеся стороны перешли к обсуждению других пунктов декларации правительства. Большие споры вызвал во­ прос об устройстве армии. Не соглашаясь на радикальную демо­ кратизацию армии и выборность командного состава, думские деятели вынуждены были признать необходимым распространение

¹⁶ Там же, стр. 212. М. Рафес несколько по-иному освещает этот во­ прос. Он пишет, что, сообщая на заседании Исполнительного комитета Совета о ходе переговоров, Ю. Стеклов заявил, что члены думского Коми­ тета выдвинули вопрос о дальнейшем ведении войны, но это вызвало отпор с его стороны и со стороны Суханова и Соколова. Они ссылались на то, что «рабочий класс и Совет рабочих депутатов проназвали револю­ цию не для ведения войны, а для внутренней демократизации страны и что поэтому только область вопросов внутренней жизни государства и должна быть охвачена программой Временного правительства, если оно жалеет иметь поддержку со стороны Совета рабочих депутатов» (М. Ра­ фес. Указ. статья, стр. 195).

¹⁷ Н. Суханов. Указ. соч., стр. 208—209.

на солдат политических прав, предоставленных гражданам России, и согласиться с требованием представителей Совета — не разоружать и не выводить из Петрограда воинские части, участвовавшие в революционном движении. Они шли на эту, как и на другие уступки, чтобы заручиться поддержкой Совета, без которой их власть могла повиснуть в воздухе.

Приняв за основу проект Исполнительного комитета Совета, думские лидеры просили Совет рабочих и солдатских депутатов принять решительные меры к водворению порядка и спокойствия в городе, выпустить воззвание, в котором призвать солдат подчиняться офицерам, объявить, что Временное правительство образовалось по соглашению с Советом, что Совет поддерживает его программу и доверяет ему. Эти предложения не встретили возражения. Решено было выпустить две декларации — Временного правительства и Совета, причем высказано пожелание, чтобы напечатаны они были на одном листе и читались, таким образом, одновременно. К утру 2 марта соглашение по большинству пунктов было достигнуто и обе стороны разошлись, чтобы составить свои декларации, а затем собраться вновь для их окончательного утверждения.

На этом заключительном этапе переговоров произошла серьезная заминка, она была связана с действиями А. И. Гучкова. Уехав в воинские части, Гучков не участвовал в переговорах с представителями Совета. Он вернулся в Таврический дворец, когда соглашение о декларации правительства было уже достигнуто. Гучков возразил против некоторых пунктов соглашения, принятых думами, в частности, против предоставления солдатам политических прав, и не желал, хотя бы временно, прекращать агитацию за продолжение империалистической войны¹⁸. Утром 2 марта за подписью А. Гучкова как председателя Военной комиссии вышла листовка, призывавшая вести войну до полной победы. Этот призыв шел вразрез с достигнутым соглашением, отложившим решение вопроса об отношении к войне. Исполнительный комитет Совета запретил распространение этой листовки. Гучков устроил по этому поводу скандал. «Он был потрясен фактическим соотношением наших сил и тем будущим положением правительства, которое ему вырисовывалось в перспективе. Случай с его прокламацией глубоко потряс его, он был для него и неожиданным, и непереносимым. И он отказался участвовать в правительстве, которое лишено права высказываться по кардинальному вопросу своей будущей политики и не может выпустить простой прокламации»¹⁹.

Проект декларации Совета рабочих и солдатских депутатов по поводу образования Временного правительства, написанный

¹⁸ П. Миллюков. Воспоминания, т. II. Нью-Йорк, 1955, стр. 308.

¹⁹ Н. Суханов. Указ. соч., стр. 221.

Н. Соколовым, вызвал возражение членов думского Комитета. Этот проект, хотя и отмечал необходимость установления «контакта» солдат с офицерами, фактически призывал к недоверию по отношению к командному составу. Прочтя проект Соколова, члены думского Комитета заволновались, заявив, что при такой позиции Совета достигнутое единства невозможно. Над только что достигнутым соглашением нависла серьезная угроза.

Керенский резко возмущался и протестовал, утверждая, что необдуманные действия некоторых членов Исполнительного комитета подрывают соглашение, достигнутое с думами, и ведут к торжеству анархии²⁰. Но опасения Керенского были преувеличены: буржуазия не собиралась порывать отношений с Советом. Она понимала, что овладеть революционной стихией и прийти к власти можно только при помощи Совета.

Желание представителей Совета и представителей думского Комитета создать буржуазное правительство заставляло их искать компромиссные решения, которые привели бы переговоры к благополучному концу. Отвергнув проект Соколова, обе стороны взялись за составление нового проекта: они делали это в тесном содружестве. Первый абзац декларации Совета был написан Стекловым, второй — Сухановым, третий — Милюковым.

Часа в два дня 2 марта открылось заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, обсуждавшее вопрос о власти. Исполнительный комитет должен был доложить Совету о ходе переговоров с думским Комитетом. Линии руководителей Совета создать буржуазную власть на согласованных с думами условиях грозила опасность и слева и справа. Левая «опасность» вселяла в лидеров Исполкома наибольшую тревогу. Н. Суханов отмечал, что выступления большевиков против передачи власти буржуазии «легко могли быть подкреплены уличными методами борьбы — в случае твердости позиции и достаточной энергии большевистских и левосервских групп. Побороть это движение, если бы оно началось, «внутренними» средствами, силой влияния или убеждения было бы до крайности трудно, если вообще возможно... Отстоять «цензовиков» перед массами, перед Советом, обладавшим реальной силой, было труднее трудного вообще. При возбуждении и тревоге солдатской массы эта трудность удесятерилась. Когда же цензовики отказывались в такой ситуации даже расстаться с монархией и династией, то уже одно это способно было обречь всю «комбинацию» на гибель, если бы движение началось»²¹.

Докладчик Исполнительного комитета Совета Ю. Стеклов долго со всеми подробностями информировал депутатов Совета о переговорах с думскими деятелями. Стеклов указывал, что пред-

²⁰ Там же, стр. 222.

²¹ Там же, стр. 231.

ставители Совета, вступив в переговоры, стремились избежать конфликта с думцами и не допустить, чтобы начался дележ шкуры еще не убитого медведя. В докладе говорилось, что, потребовав ряд уступок в пользу рабочих и солдат, Исполнительный комитет Совета хочет поставить новое правительство под контроль народа.

Представители Исполнительного комитета сначала настаивали на немедленном провозглашении демократической республики, но затем согласились отложить этот вопрос до Учредительного собрания, созыв которого являлся ближайшей задачей нового правительства. Исполком предложил Совету обратиться к населению с призывом поддержать образуемое Временное правительство, «постольку, поскольку» оно идет по линии осуществления намеченных задач²². Так была впервые провозглашена знаменитая впоследствии формула поддержки Временного правительства «постольку-поскольку», которая легла в основу соглашательской политики большинства Совета.

Ю. Стеклов доложил, что перед Исполкомом стоял вопрос об участии во Временном правительстве представителей демократии. Большинство членов Исполкома высказалось против этого участия. Оно исходило из того, что незачем связывать себе руки, принимать непосредственную ответственность за внутреннюю и внешнюю политику будущего правительства. Исполком озабочен лишь тем, чтобы в состав правительства не вошли особенно одиозные лица, известные своей борьбой с революционным движением, чтобы основные министерства были переданы в руки прогрессивных деятелей.

С решением Исполкома о неучастии социалистов в правительстве, как уже говорилось, был не согласен Керенский. Он рвался к власти, стремясь во что бы то ни стало получить министерский портфель. Не встретив сочувствия в Исполнительном комитете, Керенский явился на заседание Совета, чтобы получить его поддержку, вопреки решению Исполкома. Едва кончился доклад Стеклова, Керенский попросил слова. Зал обернулся к нему, раздались аплодисменты и будущий министр начал свою речь, в которой применил разнообразные демагогические приемы, чтобы повлиять на массы. То повышая, то понижая голос, он бросал в толпу отрывистые фразы, рассчитанные на аплодисменты. «Доверяете ли вы мне?» — спрашивал Керенский. «Доверяем», — раздалось в ответ. «Я говорю, товарищи, от всей глубины сердца, я готов умереть, если это будет нужно», — воскликнул Керенский и продолжал: «Ввиду организации нового правительства я должен был дать немедленно, не дожидаясь вашей формальной санкции, ответ на сделанное мне предложение занять пост ми-

²² «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 3 марта 1917 г.

нистра юстиции. Товарищи, в моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их на своих рук... Первым моим шагом было распоряжение: немедленно освободить всех политических заключенных, без всяких исключений, и с особым почетом препроводить из Сибири сюда наших товарищей — депутатов демократической фракции». Керенский ставил себе в заслугу то, что сделал народ, — арест представителей царской власти и освобождение политических заключенных.

Заявление Керенского произвело большое впечатление на присутствующих и, как писали газеты, вызвало «громовые аплодисменты и общий энтузиазм». Окрыленный успехом, он продолжал: «Ввиду того, что я взял на себя обязанность министра юстиции раньше, чем я получил на это от вас формальное полномочие, я слагаю с себя обязанности товарища председателя Совета рабочих депутатов. Но я готов вновь принять от вас это звание, если вы признаете это нужным»²³. Раздалась бурные аплодисменты и крики: «Просим». Тогда Керенский стал заверять собравшихся, что, оставаясь республиканцем, он будет отстаивать в правительстве требования демократии.

В зале раздалась протесты против того, что, принимая пост министра юстиции, Керенский действовал без согласия Совета, но эти протесты были заглушены возгласами одобрения. На этом выступление Керенского в Совете закончилось.

Керенский покинул заседание Совета и почти не появлялся здесь в последующие дни. Считая, что большинство Совета своими аплодисментами одобрило его действия, Керенский обосновался во Временном правительстве. Лидеры Совета не решились выступить против действий Керенского, хотя они в подавляющем большинстве были противниками коалиционного правительства. Молчание — знак согласия. Не реагируя на выступление Керенского, они фактически одобрили его вступление в правительство капиталистов.

На этом заседании Совета с резкой критикой соглашательской политики Исполкома выступили большевики. Петров сказал, что, не создав правительства из народа, оставив открытым вопрос о сохранении монархии, Исполком Совета пошел на сделку с буржуазией. В. Молотов подчеркнул, что создаваемое правительство не революционно. К. Шутко доказывал необходимость принятия тактики, направленной не на торможение, а на дальнейшее развязывание революционной борьбы. А. Шляпников выступал за образование Временного Революционного правительства, которое должно осуществить требования социал-демократической программы-минимум — демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьей земли, — а также провести демократизацию армии. Большевики критиковали программу пра-

²³ Там же.

тельства, выработанную на переговорах с думцами, указывали на отсутствие в ней таких вопросов, как вопрос об отношении к войне, о земле, 8-часовом рабочем дне и т. п. В официальном отчете о заседании Совета 2 марта говорилось: «В прениях намечалось течение, отрицавшее всякую возможность контакта с думским Комитетом и требовавшее создания Временного правительства Советом солдатских и рабочих представителей»²⁴.

Правое крыло Совета, в противовес большевикам, ратовало за еще более тесный контакт с думским Комитетом, чем это намечал Исполком. Представители этого крыла призывали Совет не забегать вперед, не увлекаться, а вести линию прямого сотрудничества с буржуазией. Они были сторонниками создания коалиционного Временного правительства с участием представителей демократии. М. Рафес утверждал, что на такой точке зрения стояли, в частности, меньшевистский Организационный комитет и «Бунд». Но с открытой защитой этой точки зрения меньшевики выступить не решились, не имея поддержки большинства членов Исполнительного комитета. На заседании, как писал М. Рафес, «представители большевиков повели крайне энергичную атаку против поддержки буржуазного правительства. Членам Исполнительного комитета пришлось со всей энергией отстаивать эту позицию. Выступление с предложением участия во Временном правительстве вряд ли встретило бы поддержку на пленуме Совета, когда и большинство Исполкома было против него. Оно лишь сыграло бы на руку большевикам»²⁵.

На заседании Совета остро встал вопрос об отношении к монархии. Сообщение о том, что буржуазия не отказалась от монархии и хочет сохранить царям во главе с Алексеем и Михаилом, вызвало гневные протесты депутатов. Совет решительно высказался против сохранения монархии. Однако, желая достигнуть соглашения с думцами, он не выдвинул требования немедленного установления в России демократической республики и согласился с тем, что вопрос о форме правления подлежит решению Учредительного собрания.

Депутаты Совета указывали на то, что в программе нового правительства отсутствует такое элементарное требование, как отмена ограничений прав отдельных национальностей, установленных царизмом, и настаивали на его включении в программу.

Совет не создал Временного революционного правительства. Подавляющим большинством голосов он одобрил линию Исполнительного комитета на передачу власти правительству, сфор-

²⁴ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 3 марта 1917 г.

²⁵ М. Рафес. Два года революции на Украине. М., 1920, стр. 31. В воспоминаниях, опубликованных в журнале «Былое» (№ 19, 1922), Рафес писал, что большевики требовали «свержения думского Комитета и создания нового Временного правительства». Борьба шла вокруг свержения или поддержки буржуазной власти (стр. 197).

мированному думским Комитетом, и программу этого правительства, выработанную в переговорах с думами. Он внес в правительственную программу поправки и дополнения: «1) Временное Правительство оговаривает, что все намеченные мероприятия будут проводиться, несмотря на военное положение, 2) Манифест Временного правительства должен быть одновременно за подписью М. Родзянко и Временного правительства, 3) Включить в программу Временного правительства пункт о предоставлении всем национальностям прав национального и культурного самоопределения, 4) Образовать наблюдательный комитет за действиями Временного правительства из состава Совета солдатских и рабочих представителей»²⁶.

Постановление Совета давало основу для заключения соглашения с думским Комитетом. Но на этом пути продолжали оставаться серьезные препятствия. В то время как Совет согласился не выдвигать требования демократической республики, отложив решение вопроса о форме правления до Учредительного собрания, думские лидеры продолжали упорно стремиться сохранить прежний политический строй, рассчитывая сменой одного монарха другим спасти монархию. 1 марта в газете «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов» появилась статья, в которой говорилось о недопустимости соглашения со старой властью. «Нужно поставить вопрос ясно и определенно: или новая власть, или компромисс со старой». Призывая к ясности и определенности, газета сама высказывалась в этом номере туманно и расплывчато: «Мы намеренно пока не ставим все точки над „i“». Но мы сделаем это в следующий раз, если двусмысленность будет продолжаться».

Двусмысленность продолжалась: компромисс со старой царской властью намечался в виде отречения Николая II от престола, провозглашения царем Алексея и установления регентства Михаила. «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов» писали, что только Учредительное собрание вправе решать вопрос о государственном устройстве страны. В статье «Регентство и Учредительное собрание» газета писала: «Временное правительство не имеет права выработать никакой постоянной формы правления. Оградить народ от контрреволюционных козней, помочь ему довести революцию до конца, до созыва Учредительного собрания, вот все назначение Временного правительства». Установление регентства вызовет гражданскую войну; оно будет воспринято демократией «как шаг контрреволюционный, как опаснейшее покушение на завоевания революции»²⁷.

Глашатаем регентства явился П. Милюков. 2 марта в беседе с представителями агентства Рейтер и Американского агент-

²⁶ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 2 марта 1917 г.

²⁷ Там же, 3 марта 1917 г.

ства он заявил: «Новое правительство считает, чтобы отречение царя от престола состоялось официально и чтобы регентство было возложено временно на великого князя Михаила Александровича. Таково наше решение и заменить его мы считаем невозможным»²⁸.

В середине дня 2 марта П. Милюков выступил в Екатерининском зале Таврического дворца перед огромной массой солдат и рабочих. Это была хорошо продуманная речь буржуазного лидера, возвещавшего об образовании новой власти. В адрес старой власти Милюков не жалел черных красок и резких эпитетов: «История, — говорил он, — не знает другого правительства, столь глупого, столь бесчестного, столь трусливого и язвеннического, как это. Ныне низвергнутое правительство, покрывшее себя позором, лишило себя всяких корней симпатии и уважения». Но какова будет политика новой власти? Ссылаясь на то, что программа Временного правительства находится на рассмотрении Совета, Милюков обошел все острые вопросы, волновавшие народные массы, и ни слова не сказал об отношении к войне. Он предлагал на время устранить политические споры и разногласия между отдельными партиями и группами и установить нормальные отношения между солдатами и офицерами. Милюков ратовал за единство, выгодное буржуазии.

П. Милюкова спросили из толпы: «Кто вас выбрал?» И он гордо ответил: «Нас никто не выбирал, ибо если бы мы стали дожидаться народного избрания, мы не могли бы вырвать власть из рук врага. Нас выбрала русская революция». Милюков заявил, что люди, вступившие в правительство, приносят себя в жертву и, как только им скажут, что жертвы эти больше не нужны народу, они уйдут, но «мы не отдадим этой власти теперь, когда она нужна, чтобы закрепить победу народа». Речь Милюкова вначале прерывалась аплодисментами, аплодисменты были и впоследствии, но чем дальше продолжалась речь, тем все громче стали звучать в зале негодующие возгласы и ядовитые вопросы. «Кто министры?» — раздался голос из зала. Милюков стал перечислять новых министров, давая им краткую характеристику. «Во главе нашего министерства мы поставили человека, имя которого означает организованную русскую общественность», — сказал он. В ответ раздались крики — «цензовую». «Князь Львов, глава русского земства, будет нашим премьером». «Цензовым» — снова ответили из толпы. П. Милюков предупредил участников митинга: «Теперь я назову вам имя, которое, я знаю, возбудит здесь возражение». — Он назвал Гучкова. Чтобы подсластить пилюлю, он добавил: «Теперь, когда я в этой зале говорю с вами, Гучков на улицах столицы организует победу». На самом деле Гучков в это время никакой победы рево-

²⁸ «Русские ведомости», 3 марта 1917 г.

люции не организовывал, а ехал с Шульгиным к царю, чтобы спасти монархию.

В конце речи Милюков ответил на вопрос, возбудивший особенно жаркие споры. Это был вопрос о династии. «Вы спрашиваете о династии, — сказал Милюков. — Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит. Но я его скажу. Старый деспот, доведший Россию до границы гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен (Аплодисменты). Власть перейдет к регенту — великому князю Михаилу Александровичу (продолжительные, негодующие крики, возгласы: „Да здравствует республика!“, „Долой династию!“ Жидкие аплодисменты, заглушенные новым взрывом негодования). Наследником будет Алексей (крики — „это старая династия!“)²⁹. Чтобы утихомирить страсти, П. Милюков вынужден был отступить. Объявив себя сторонником конституционной монархии, он заявил, что вопрос о форме государственного строя сейчас решается не окончательно, он будет передан на разрешение Учредительного собрания. Но никакие оговорки не могли уже помочь, Милюков раскрыл карты.

Такое же антимонархическое настроение господствовало и на других митингах, проходивших тогда в Петрограде. Н. Суханов рассказывает: «С крыльца, на которое мы едва выбрались, я увидел толпу, какой не видел еще ни разу в жизни. Лицам и головам, обращенным ко мне, не было конца: они сплошь заполняли весь двор, затем сквер, затем улицу, держа знамена, плакаты, флажки... Я рассказал о том, как решил Исполнительный комитет проблему власти, назвал предполагаемых главных министров и изложил программу, продиктованную Советом правительству Львова—Милюкова». Но Суханова скоро стали перебивать вопросами о монархии и династии. «И я, лично, — замечает Суханов, — не придававший до тех пор этому вопросу кардинального значения, впервые здесь обратил внимание на то, как остро стоит он в глазах масс. Я рассказал в ответ на крики, что насчет монархии и династии существует еще не ликвидированное разногласие между „цензовиками“ и Исполнительным комитетом. Я высказал уверенность, что весь народ выскажется в пользу демократической республики... Произошла грандиозная, но вместе с тем мирная манифестация против династии — за республику»³⁰.

То, что народные массы стояли за установление демократической республики, подтверждается и рассказом работника Военной комиссии офицера Туган-Барановского. «2 марта, — говорит он, — в Думе создавалась тяжелая обстановка, появились плакаты с надписью „Долой Романовых“, назревал кризис, приходилось

²⁹ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». 3 марта 1917 г.

³⁰ Н. Суханов. Указ. соч., стр. 245—246.

говорить с депутатами, отвечать на вопросы — будут ли Романовы или республика, — отвечать общими фразами, так как точных сведений не было. Становилось невмоготу»³¹.

Сообщение Милюкова о сохранении монархии и установлении регентства вызвало бурю негодования и протеста в массах рабочих и солдат. Восставший народ боролся не за смену царя, а за ликвидацию царского режима; он не хотел ни абсолютной, ни конституционной, никакой другой монархии. Поздно вечером 2 марта группа возбужденных офицеров явилась в Таврический дворец и заявила думскому Комитету, что офицеры не смогут вернуться в свои части, если Милюков не откажется от сказанного. Родзянко просил Милюкова сделать это, и Милюков вынужден был заявить в печати, что предложение о передаче престола Алексею при регентстве Михаила является его личным мнением. «Это было, конечно, неверно, ибо во всех предшествующих обсуждениях вопрос считался решенным сообща в том именно смысле, как это излагал Милюков. Но напуганный нараставшей волной возбуждения Временный комитет молчаливо отрекся от прежнего мнения»³².

В такой обстановке только часть монархистов продолжала выступать за сохранение Николая Романова на царском престоле. В их числе были члены романовской династии. 2 марта вел. кн. Павел Александрович направил письмо Кириллу Владимировичу, в котором выражал надежду, что с помощью уступок, обещанных в проекте царского манифеста, можно еще сохранить престол за Николаем II. «Ты знаешь, что через Н. И. (Н. Иванова. — Э. Б.) я все время в контакте с Государственной думой. Вчера вечером мне ужасно не понравилось новое течение, желающее назначить Мишу регентом. Это недопустимо и возможно, что это только интриги Брасовой. Может быть, это только сплетня, но мы должны быть начеку и всячески, всеми способами сохранить Ники престол. Если Ники подпишет манифест, нами утвержденный о конституции, то ведь этим исчерпываются все требования народа и Временного правительства. Переговори с Родзянко и покажи ему это письмо». На другой день Павел Александрович слезно просил Родзянко сделать все от него зависящее, чтобы сохранить престол Николаю II. Он писал: «Знаю, что вы ему горячо преданы... Я бы не тревожил вас в такую минуту, если бы не прочитал в „Известиях“ речь министра иностранных дел Милюкова и его слова о регентстве в. к. Михаила Александровича. Эта мысль о полном устранении государя меня гнетет»³³.

³¹ Личный фонд М. Полпектова. Материалы Комиссии опросов. Беседа с Тугов-Барановским.

³² П. Милюков. История второй русской революции, т. 1, вып. 1. Софья, 1921, стр. 52.

³³ ЦГАОР СССР, ф. 640, оп. 2, д. 43, лл. 1—3.

В преданности Родзянко царю сомнения не было, но ни Родзянко, никто другой не могли удержать на престоле Николая II. С ним пришлось расстаться. М. Родзянко писал Михаилу Александровичу: «Теперь все заноздало. Успокоить страну может только отречение от престола в пользу наследника при вашем регентстве. Прошу вас повлиять, чтобы совершилось совершенно добровольно, и тогда все успокоится. Я лично сам вишу на волоске и могу быть каждую минуту арестован и повешен... Вам не избежать регентства. Да поможет вам бог исполнить мой совет — уговорить государя»³⁴.

Но в тот же день лидеры Думы убедились, что ограничиться этой уступкой невозможно. Массы восставшего народа требовали установления демократической республики. Сторонники монархии опасались, как бы под давлением народа думский Комитет не пошел на этот шаг. 2 марта группа офицеров обратилась с запиской в Комитет Государственной думы: «Временное правительство не имеет права повиноваться указаниям отдельных групп народа... Временное правительство должно ясно и точно высказаться о своем намерении дать народу самому избрать форму правления в лице Учредительного собрания, которое может быть созвано только после установления полного спокойствия в стране, необходимого для правильных выборов»³⁵.

Учредительное собрание явилось для буржуазии якорем спасения. Лидеры меньшевиков и эсеров, возглавившие Совет рабочих и солдатских депутатов, не использовали благоприятную ситуацию, чтобы добиться провозглашения демократической республики. Продолжая проводить линию на соглашение с буржуазией, взятую в первые дни революции, они соглашались отложить вопрос об установлении демократической республики до Учредительного собрания.

Вечером 2 марта переговоры между представителями думского Комитета и Исполкома Совета о декларации Временного правительства возобновились. Новый революционный натиск сделал думских деятелей сговорчивее. Обсуждался главным образом третий пункт правительственной декларации, посвященный форме правления. Милюков и теперь продолжал отстаивать монархический образ правления и династию Романовых, свергнутую народом. Представители Совета доказывали, что такая позиция Милюкова обостряет и без того трудное положение, что из попыток сохранения на престоле Романовых ничего не выйдет. В конце концов думцы согласились пункт о монархии вычеркнуть из декларации. Представители Совета со своей стороны не настаивали на требовании демократической республики и согласились не включать в декларацию обязательство правительства

³⁴ Б. Никитин. Роковые годы. Париж, 1937, стр. 201—202.

³⁵ «Протокол событий», стр. 45.

«не предпринимать шагов, предрешающих форму будущего правления». Платформой соглашения между обеими сторонами явилось требование созыва Учредительного собрания. Ни демократическая республика, ни монархия! Пусть Учредительное собрание решит вопрос о форме государственного устройства России.

В момент наиболее обостренного положения, вечером 2 марта, не дожидаясь обнародования общей декларации, Временное правительство выпустило обращение к населению, в котором говорилось: «Временное правительство, образованное Комитетом Государственной думы, сим заявляет, что в программу деятельности правительства входит образование на основе всеобщего прямого, равного и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления страны». Это обращение, подписанное кн. Львовым, Милюковым и Керенским, тогда было передано Совету рабочих и солдатских депутатов и Военной комиссии и широко распространено в Петрограде³⁶.

Другие пункты правительственной декларации на вызвали разногласий. Дополнения, внесенные Советом рабочих и солдатских депутатов, были приняты думами. Текст декларации был окончательно отредактирован и подписан членами Временного правительства и М. Родзянко. Согласован был и текст обращения Совета рабочих и солдатских депутатов в связи с образованием Временного правительства и его декларацией.

В формирование личного состава этого правительства представители Совета не вмешивались. Назначение министров было целиком предоставлено думскому Комитету. Правом отвода из правительства «особо одиозных лиц» Исполнительный комитет Совета не воспользовался, — с его точки зрения в составе правительства их не было. Рафес отмечает, что возражения встретила только кандидатура Гучкова, но возражения нерешительные и некатегорические. Спросили лишь, получает ли Гучков во Временном правительстве особые полномочия. Милюков ответил отрицательно; он заявил, что политическую ответственность за деятельность Гучкова несет все Временное правительство; «персональный вопрос был ликвидирован»^{36а}.

Временный комитет Государственной думы назначил министрами «первого общественного кабинета» следующих лиц: председатель Совета министров и министр внутренних дел кн. Г. Львов, министр иностранных дел П. Милюков, министр военный и морской А. Гучков, министр путей сообщения Н. Некрасов, министр торговли и промышленности А. Коновалов, министр финансов М. Терещенко, министр просвещения А. Мануйлов, обер-прокурор Святейшего Синода В. Львов, министр земледелия А. Шингарев, министр юстиции А. Керенский, государст-

³⁶ «Протокол событий», стр. 46.

^{36а} М. Рафес. Указ. статья, стр. 196.

венный контролер И. Годнев. Классовый состав правительства был ясен, — это были представители капиталистов и помещиков. Четверо министров — Милюков, Мануйлов, Некрасов и Шингарев — были кадетами, Г. Львов был близок к ним, Гучков и Годнев представляли партию октябристов, Коновалов — прогрессистов, В. Львов входил в группу центра. Терещенко считался беспартийным, но тоже был близок к кадетам. Наконец Керенский — лидер трудовиков в Думе — в первые дни революции объявил себя эсером.

В декларации Временного правительства указывалось, какими положениями будет оно руководствоваться в своей деятельности. Это были восемь пунктов, согласованных в ходе переговоров между представителями думского Комитета и Совета: «1) полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе: террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.; 2) свобода слова, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями; 3) отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; 4) немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны; 5) замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления; 6) выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; 7) неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении; 8) при сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам». В заключение, в соответствии с предложением Совета, Временное правительство сообщало, что «оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий»³⁷.

М. Родзянко сообщал руководителям армии, что, образуя новое правительство, думские лидеры пошли на значительные уступки Совету. Он говорил Рузскому: «В результате долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось прийти только к ночи сегодня к некоторому соглашению, которое заключалось в том, чтобы было созвано через некоторое время Учредительное собрание для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правления, и только тогда Петроград вздохнул свободно и ночь прошла

³⁷ «Революционное движение после свержения самодержавия». М., 1957, стр. 419—420.

сравнительно спокойно»³⁸. В таком же духе Родзянко информировал и Ставку Верховного главнокомандующего. В разговоре с Лукомским 3 марта он сказал: «Вчера пришлось войти в соглашение с левыми партиями и, установив несколько общих положений, заручиться их обещанием прекратить беспорядок. Начинаясь форменная анархия, бессмысленная и неуправляемая, и значительно более интенси́вная, чем в 1905 году... Дабы избежать кровопролития, порешили войти в соглашение, главным пунктом которого было установление необходимости созыва Учредительного собрания»³⁹.

Так, ценой серьезных уступок буржуазия получила из рук Совета государственную власть. В декларации Временного правительства говорилось, что оно создано Временным комитетом Государственной думы с согласия Совета рабочих и солдатских депутатов. С этого момента думскому Комитету пришлось отойти в сторону и уступить место Временному правительству. Правда, этот Комитет пытался и после образования правительства играть определенную роль в государственной жизни страны. Некоторые думские лидеры видели в Комитете источник власти Временного правительства и на этом основании хотели сохранить за ним контрольные или законодательные функции. Но такое представление о Комитете Государственной думы не разделялось даже большинством буржуазных деятелей. Впоследствии (9 марта) Центральный комитет кадетской партии постановил: «Признать желательным сохранение Временного комитета Государственной думы для деловой работы, преимущественно для пропаганды, но не придавать ему юридически формального значения как источника власти»⁴⁰.

Думский Комитет не был источником власти нового правительства хотя бы потому, что он сам по сути дела ею не обладал. Передача власти думским Комитетом Временному правительству носила такой же номинальный характер, как номинальна была его собственная власть. Единственной реальной властью был тогда Совет рабочих и солдатских депутатов, который на определенных условиях уступил власть Временному правительству. Без поддержки Совета Временное правительство ни возникнуть, ни существовать не могло. Вот почему думские деятели участво-

³⁸ «Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 28.

³⁹ Там же, стр. 40.

⁴⁰ Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, ф. 482, д. 186, л. 3.

Д. Озюбишин в указанной статье пишет: «За Временным комитетом Государственной думы после образования Временного правительства остались функции верховной власти. Родзянко всячески стремился подчеркнуть верховный законодательный характер власти Комитета» («Исторические записки», т. 75, стр. 236). Но стремления Родзянко нельзя смешивать с действительностью. Функциями верховной власти ни до, ни после образования Временного правительства думский Комитет не обладал.

вали в редактировании обращения Исполнительного комитета Совета, определявшего его отношение к новой власти, и настаивали на том, чтобы оно было обнародовано одновременно с декларацией правительства и даже напечатано на одном листе. Так и было сделано. Обращение Исполнительного комитета Совета было всюду — и в листках и в газетах — опубликовано рядом с декларацией правительства.

В обращении Исполнительного комитета Совета («Известия Совета», 3 марта) говорилось, что широкие демократические круги должны приветствовать реформы, объявленные новой властью, создающей «из общественно умеренных слоев общества». «В той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью, демократия должна оказывать ей свою поддержку». Так была подтверждена формула «постольку-поскольку», накануне припята Исполнительным комитетом Совета. В обращении указывалось на недопустимость «разъединения и анархии» и необходимость немедленно пресекать бесчинства, грабежи, порчу имущества, бесцельные захваты учреждений и т. п. Исполнительный комитет Совета призывал солдат «дружно и согласованно работать с офицерами, не клеймить всю офицерскую корпорацию за дурное поведение отдельных офицеров, проявить терпимость и забвение несущественных проступков против демократии тех офицеров, которые присоединились к той решительной и окончательной борьбе, которую вы ведете со старым режимом».

Заклучив соглашение с представителями Совета о Временном правительстве, буржуазные деятели спешили оповестить об этом население, чтобы быстрее восстановить нужный им порядок. 2 марта Временный комитет Государственной думы издал приказ, в котором говорилось: «Тяжелое переходное время кончилось. Временное правительство образовано... Новая власть, созная свой ответственный долг, примет все меры к обеспечению порядка, основанного на свободе, и к спасению страны от разрухи внешней и внутренней. Неизбежное замешательство, к счастью весьма кратковременное, приходит к концу. Граждане страны и в первую очередь граждане, взволнованные событиями столицы, должны вернуться к спокойной трудовой жизни. К нормальной жизни должны вернуться и войска»⁴¹.

Официальные представители и неофициальные защитники буржуазии призывали все слои населения к единству. Писатель Б. Гуревич на митинге в Таврическом дворце 2 марта говорил: «Миллюков просил меня подтвердить вам, что сомнения отдельных лиц напрасны и что немедленная подготовка скорейших,

⁴¹ «Известия Комитета петроградских журналистов», № 7, 3 марта 1917 г.

в данных условиях, выборов в Учредительное собрание на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования — первая и незыблемая обязанность Временного правительства». Либеральный оратор заявлял, что «часы частичных разногласий окончилась», и приветствовал мужество и честность Комитета Государственной думы и Совета рабочих депутатов, окончательно объединившихся во имя свободы. «В час братского согласия» — так была озаглавлена листовка с текстом этой речи⁴².

Слова «забыть распри», «отбросить споры и колебания» — стали главным призывом буржуазных политиков. Кадеты вынуждены были тогда искать примирения с левыми элементами, с мелкобуржуазной демократией, с массами вооруженного народа. А. Тыркова писала в своем дневнике: «В те первые дни мы не отделяли себя от левых. Когда я услышала речь Скобелева к солдатам — свобода и порядок неразрывны — я подумала, что, значит, мы вместе. И слово „товарищи“, вообще для меня чуждое, жужжавшее кругом, казалось естественным... Мы отнюдь не хотим розни». В дневнике от 2 марта Тыркова записала: «Я встретила Скобелева. Мы радостно (еще радостно) пожали друг другу руки. Я благодарила его за его первые речи»⁴³.

С опубликованием декларации Временного правительства и обращения Исполнительного комитета Совета с провозглашением созыва Учредительного собрания вторая революционная волна спала. Передовая часть петроградского пролетариата, возглавляемая большевиками, продолжала бороться за установление власти революционного народа. Но основная масса рабочих и солдат, добившись серьезных уступок со стороны буржуазии, завоевав широкие демократические права, примирилась с образованием буржуазной власти, рассчитывая поставить ее под контроль Совета. Она пошла за мелкобуржуазными лидерами, призывавшими оказывать доверие новому правительству, поскольку оно будет выполнять программу, согласованную с Советом рабочих и солдатских депутатов.

Однако и после соглашения, достигнутого между руководителями Совета и Временным комитетом Думы, положение в Петрограде не стало устойчивым. Новое правительство не имело прочной опоры в армии. Суммируя сообщения, получаемые в Ставке Верховного главнокомандующего, Алексеев приходил к довольно мрачным для буржуазии выводам. 3 марта он сообщал главнокомандующим фронтами, что события в Петрограде далеко не улеглись, положение тревожно и неясно, что левые партии, усиленные Советом рабочих депутатов, приобрели большое влияние и оказывают мощное давление на думский Комитет, что «войска Петроградского гарнизона окончательно рас-

⁴² ЦГАОР СССР, ф. печатных изданий, лав. № 4450.

⁴³ Там же, ф. 629, д. 20, лл. 5—6, 9.

пропагандированы рабочими депутатами и являются вредными и опасными для всех, не исключая умеренных элементов Временного комитета»⁴⁴.

Но ни Верховное главнокомандование, ни думский Комитет и Временное правительство не могли удалить революционные войска из Петрограда или принять против них репрессивные меры. Им не оставалось ничего другого, как примириться с наличием таких войск, попытаться ввести городской гарнизон в рамки прежней организации и дисциплины и подчинить их прежним начальникам.

Ведя переговоры с Советом рабочих и солдатских депутатов об образовании нового правительства, думский Комитет одновременно намеревался назначить нового главнокомандующего Петроградским военным округом вместо арестованного народом Хабалова. Он решил, что навести порядок в гарнизоне лучше всего сумеет бравый военачальник с фронта. Выбор пал на генерала Корнилова. Он пользовался известностью как твердый волевой командир, отличившийся в боевых действиях. Временный комитет Государственной думы в телеграмме за номером 158 от 2 марта на имя Алексеева указывал, что для установления полного порядка и спасения столицы от анархии необходимо на должность главнокомандующего Петроградским военным округом назначить генерала Корнилова и срочно командировать его в Петроград.

Петроградские военные власти поддержали просьбу думцев. Генерал Аверьянов в телеграмме от 2 марта писал Алексееву: «Для спасения Петрограда от анархии и террора и дабы дать опору Временному комитету, спасающему монархический строй, повелительно необходимо немедленное осуществление меры, изложенной в телеграмме председателя Государственной думы 158 номер, т. е. безотлагательное командирование генерала Корнилова, на доблестном имени коего пришли к соглашению все члены Временного комитета»⁴⁵.

Корнилов командовал дивизией, входившей в состав Юго-Западного фронта. Понимая, что на новом посту в Петрограде Корнилову придется действовать в сложной политической обстановке, главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов высказывался против его кандидатуры. «По совести обязан доложить, — телеграфировал он Алексееву, — что считаю генерала Корнилова мало подходящим именно для этой должности. Он отличается прямолинейностью и чрезмерной пылкостью»⁴⁶. Но Алексеев был другого мнения. Считая, что Корнилов сумеет быстро водворить порядок и спокойствие, он поддержал предложение думского Комитета. Алексеев просил царя дать разре-

⁴⁴ «Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 23.

⁴⁵ Там же, стр. 6—7.

⁴⁶ Там же, стр. 8.

шение на назначение Корнилова и отзыв в Ставку генерала Иванова. Царь дал согласие. Так по инициативе думского Комитета и с санкции царя был назначен новый «диктатор» Петрограда.

2 марта Николай II продолжал подписывать высочайшие повеления и по-прежнему именовался императором Всероссийским. Но судьба его была уже решена. Ее решили прежде всего рабочие и солдаты Петрограда. Вслед за ними против царизма поднялись трудящиеся Москвы. Революция перебросилась на места и на фронт, всюду встречая полную поддержку народа⁴⁷. Самодержавие фактически было свергнуто.

Какую же официальную форму приняло свержение самодержавия?

ОТРЕЧЕНИЕ ЦАРЯ

В момент революции царь находился в Ставке Верховного главнокомандующего, под защитой своего штаба. Верхи армии всеми силами стремились спасти царя и царизм. Выполняя повеление Николая II, генерал Иванов с батальоном георгиевских кавалеров выехал в 2 часа дня 28 февраля из Ставки, предполагая около 8 час. утра 1 марта быть в Царском Селе. Туда же должны были направиться посланные в его распоряжение фронтовые части. Поезд Иванова прибыл в Царское Село с опозданием. Положение как здесь, так и в самом Петрограде было для нового командующего округом неясно. Чтобы ориентироваться в обстановке, Иванов вызвал в свой вагон начальника гарнизона Царского Села. Выяснилось, что обстановка для царизма складывается неблагоприятно. В частях, расположенных в Царском Селе, началось брожение; узнав о прибытии эшелона Иванова, предназначенного для разгрома революции, воинские части стали занимать выходы на вокзальную площадь и окружать эшелон. Власти Царского Села были растеряны. Они выразили опасение, что в случае высадки батальона георгиевских кавалеров произойдут столкновения с местными войсками, а это создаст опасность для находящейся в Царском Селе семьи Николая II и других членов императорской фамилии.

В таких условиях Иванов решил повернуть обратно, чтобы в более удобном месте собрать фронтовые части, назначенные в его карательную экспедицию. Иванов подписал приказ, в котором объявлял, что он приступил к исполнению обязанностей, возложенных на него царем. Приказ был помечен «1 марта 1917 года. Ст. Выгрицы», но напечатан в Царском Селе. Вот его текст: «Высочайшим повелением от 28 февраля с. г. я назна-

⁴⁷ Как уже отмечалось, события в Москве, на местах и на фронте освещаются в отдельной работе автора.

чен Главнокомандующим Петроградским военным округом. Прибыв сего числа в район округа, я вступил в командование его войсками и в управление его районом во всех отношениях. Объявляю о сем всем войскам, всем без изъятия военным, гражданским, духовным властям, управлениям, учреждениям, заведениям и всему населению, находящемуся в пределах округа»⁴⁸.

Но Иванову нечем было командовать. Части, направленные в его распоряжение с Северного фронта, задерживались рабочими-железнодорожниками и переходили на сторону революции. Начальник 15-й кавалерийской дивизии, два полка которой двинулись в Петроград, генерал А. Мартынов писал: «Не доезжая 19 верст до Пскова, на станции Черская, поезд был остановлен под тем предлогом, что железнодорожный путь занят. Нас держали более суток. Железнодорожники и телеграфисты тайно пересматривались и говорили, что ничем не могут помочь. Я подозревал, что вспыхнула железнодорожная забастовка, но впоследствии узнал, что путь действительно был занят около Пскова каким-то экстренным поездом, около Луги — двумя пехотными полками, которые были посланы туда с Северного фронта днем раньше, взбунтовались, перешли на сторону рабочих и выставили пулеметы»⁴⁹. 68-й пехотный Бородинский полк, включенный в состав карательной экспедиции Иванова, был задержан революционно настроенными солдатами.

Да и сам Иванов не мог пользоваться свободой передвижения. Как сообщали «Известия Петроградского Совета» (5 марта 1917 года), машинист Петр Дерябин и его помощник Василий Трунов вели поезд генерала Иванова с георгиевскими кавалерами и «заставили его отказаться от предполагавшегося похода на Петроград». Движение поездов к столице брали под свой контроль и представители Временного комитета Государственной думы. Они исходили из того, что прибытие карательной экспедиции Иванова обострит положение и осложнит мирное разрешение кризиса.

Командант Николаевского вокзала, назначенный Военной комиссией, поручик Греков на основании приказа думского Комитета предписал начальникам всех станций и почтово-телеграфных отделений сообщать ему данные «о всех без изъятия воинских поездах, составе и количестве людей и роде оружия, имеющих своим назначением Петроград». Он требовал также присылки сведений о всех поездах, груженных боевыми припасами⁵⁰. В ответ на это приказание генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего А. С. Лукомский отдал распоряжение военному начальству и железнодорожной администра-

⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. печатных изданий, инв. № 2520.

⁴⁹ Там же, ф. 6536, оп. 1, д. 1, л. 4.

⁵⁰ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 33.

ции обеспечить безостановочное движение поездов, исполнять приказание только «законных властей», а с нарушителями этих приказаний поступать по всей строгости военных законов.

Опасаясь, что, вопреки запрещением, воинские эшелоны отряда Иванова могут прорваться к столице, комиссар Временного комитета Думы Бубликов 1 марта предложил начальнику движения Видавской железной дороги «немедленно направить со ст. Дно в направлении на Бологое два товарных поезда, следом друг за другом, занять ими какой-либо разъезд, возможно восточнее ст. Дно, и сделать физически невозможным движение каких бы то ни было поездов в направлении от Бологое в Дно. За неисполнение или недостаточно срочное исполнение настоящего предписания будете отвечать, как за измену пред отечеством»⁵¹. Не представляя ни масштабов, ни характера петроградских событий, Ставка рассчитывала, что одно появление в столице нескольких хорошо вооруженных и дисциплинированных фронтовых частей окажет устрашающее действие на мятежников и даст возможность ликвидировать «беспорядки». Она не направила в Петроград крупных соединений, не предприняла больших действий против революционного Петрограда потому, что не хотела оголять фронт и не была уверена в благонадежности фронтовых частей для борьбы с «внутренним врагом». Кроме того, верхи армии опасались, что кровавые столкновения между отдельными частями войск подорвут силу всей царской армии и еще больше снизят и без того невысокий престиж русского царизма среди союзных держав.

По мере развития событий становилось все очевиднее, что сил, посланных Ставкой для подавления революции в Петрограде, совершенно недостаточно. Генерал А. С. Лукомский писал, что для этой цели нужно было организовать вполне надежные отряды, сняв с фронта некоторые дивизии, но для этого потребовалось бы дней 10—12, а за это время весь тыл был бы охвачен революцией. Лукомский отмечает, что решение подавить революцию силой оружия, залив кровью Петроград и Москву, грозило прекращением борьбы на фронте и заключением мира. «Нужно было сделать все возможное для мирного прекращения революции, лишь бы борьба с врагом на фронте не прекращалась»⁵². Задачи дальнейшего ведения империалистической войны стояли в это время у верховного командования и всего генералитета на первом плане, и они решали все другие вопросы с этой точки зрения. Впоследствии верхи армии подчинили борьбу с внешним врагом необходимости во что бы то ни стало задуть революционные силы. Но в конце февраля—начале марта 1917 г. этого еще не было. Вооруженное выступление про-

⁵¹ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 36.

⁵² «Архив русской революции», т. II. Бердич, 1921, стр. 22.

тив революционного Петрограда означало бы начало гражданской войны. Царский генералитет хотел предотвратить эту войну и направить все усилия страны на борьбу с Германией. Боязнь вооруженных столкновений в тылу сдерживала его воинственные стремления в отношении «внутреннего врага» и толкала на поиски мирных путей разрешения кризиса. Верхи армии оказывали давление на царя, чтобы заставить его пойти на некоторые уступки и, в частности, согласиться на «ответственное министерство». В верхах армии надеялись также и на то, что такое министерство сможет более успешно справиться с экономическими трудностями и революционным движением в тылу и поможет вести войну лучше, чем это делали предыдущие правительства. Вот почему, направив против революционного Петрограда карательную экспедицию, Ставка при первой же возможности пыталась вступить на другой путь борьбы с революцией.

1 марта в 1 час 15 мин. М. Алексеев послал вдогонку Иванову телеграмму, в которой отмечалось: «Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие. Войска, прикnuв к Временному правительству в полном составе, приводятся в порядок... Воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о неизбежности монархического начала России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства. Ждут с нетерпением приезда его величества, чтобы представить ему все изложенное и просьбу принять это пожелание народа»⁵³. Алексеев принимал желаемое за действительное. 28 февраля никакого спокойствия в Петрограде не было, революция продолжалась, а установление новых оснований для выбора и назначения правительства вовсе не было «пожеланием народа». Народ боролся за уничтожение монархического строя. Только буржуазия намеревалась ограничиться созданием ответственного министерства и ждала царя, чтобы выпросить у него эту уступку. Буржуазия и верхи армии рассчитывали, что на такой основе можно разрешить создавшийся кризис и предотвратить вооруженное столкновение, нежелательное во время войны. «Если эти сведения верны, — продолжал Алексеев, — то изменяются способы ваших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы. Воззвание нового министра путей Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите его величеству все это и убеждение, что дело можно привести к мирному и хорошему концу, который укрепит Россию»⁵⁴.

⁵³ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 31.

⁵⁴ Там же.

Мирного разрешения конфликта хотели и думские руководители. Думский Комитет не задержал полковника Доманевского, назначенного начальником штаба карательного отряда Иванова, когда тот явился в Таврический дворец, а повел переговоры с ним, чтобы через него вступить в соглашение с Ивановым. Б. Энгельгардт отмечает, что жребий был брошен и отступить было невозможно. «Но Иванов мог удержать революцию в тех пределах, которые мне в ту пору казались допустимыми — союзниками и сотрудниками мы могли быть только на этой почве. Но для этого нужна была уступка Иванова. Он должен был признать законной власть Временного комитета. Доманевский допускал возможность согласия Иванова... его смущала неизвестность настроения солдатской массы Иванова, он сомневался в беззаветной преданности престолу сборной команды георгиевских кавалеров. Охрана порядка в глазах солдат будет тождественна с восстановлением царской власти, за которую они бороться не станут. Вообще веры в успех миссия Иванова у него не было»⁵⁵. Так с обеих сторон созрел план ликвидации революции без применения вооруженной силы посредством соглашения между царямом и монархической Государственной думой.

Бурные революционные события сорвали возможность такого соглашения. Иванов не мог повести переговоры без санкции царя. Но где был царь? Обеспокоенный событиями в столице, царь выехал из Могилева в Царское Село в 5 час. утра 28 февраля. Как всегда, вперед был послан специальный поезд с царской свитой (оба поезда назывались литерными). Все шло обычным порядком. В Смоленске, Вязьме, Ржеве и на других станциях литерные поезда почтительно встречали военные и полицейские власти и железнодорожное начальство, поезда двигались по графику, согласно намеченному маршруту. Сначала никто не знал, что делается в Петрограде, но по мере приближения к столице до царя и его свиты стали доходить известия одно тревожнее другого. Пришло сообщение, что весь столичный гарнизон перешел на сторону революции, что восставшие заняли вокзалы и контролируют движение поездов. Стало известно, что в Петрограде образовался Комитет, возглавляемый Родзянко, что разослана телеграмма Бубликова с призывом подчиняться этому Комитету, что какой-то поручик Греков распорядился направить литерные поезда не в Царское Село, а непосредственно в Петроград. Стало ясно, что если никому не известный поручик распоряжается движением императорских поездов, значит в столице произошли какие-то крупные изменения.

В Малой Вишере были получены сообщения, что станция Любань и Тосно, через которые должны были следовать поезда,

⁵⁵ Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 306, д. 3, л. 743.

заняты революционными войсками. Тогда оба поезда вернулись на станцию Бологое, чтобы направиться в Царское Село кружным путем через Старую Руссу, Дно и Вырицу. Но оказалось, что эта дорога тоже ненадежна и что по Виндавской железнодорожной ветке разрушен мост. Пришлось отказаться и от этого маршрута, — пути в Царское Село и столицу для царя были отрезаны.

Захват революционными частями отдельных станций нарушил железнодорожное сообщение и прервал связь между Ставкой и столицей. Штаб Верховного главнокомандующего протестовал против распоряжений, отдаваемых Временным комитетом Государственной думы железным дорогам, считая, что это разрушает дисциплину, без которой победа над внешним врагом невозможна. В телеграмме на имя Родзянко от 1 марта 1917 г. Алексеев писал, что перерыв связи между Ставкой, Царским Селом и центральными органами военного управления грозит страшными бедами. Алексеев просил Комитет отдать срочное распоряжение о безотлагательном пропуске литерных поездов, о восстановлении непосредственной связи Ставки с центральными органами военного министерства и отмене контроля над сношением Ставки с этими органами. «При наличии такого контроля, — угрожал Алексеев, — я вынужден буду прекратить все сношения с центральными управлениями»⁵⁶.

Временный комитет Государственной думы вовсе не хотел подрывать дисциплину, затруднять действия Ставки Верховного главнокомандования и ее сношения с военным министерством. Но, объявив о взятии власти, он попытался поставить их под свой контроль. Опасаясь, что прибытие отряда Иванова сорвет усилия по мирному урегулированию создавшегося положения и вызовет гражданскую войну, думский Комитет не хотел допустить этот отряд к столице. Он намеревался вступить в непосредственные переговоры с самим царем, чтобы добиться от него уступок, с помощью которых можно было остановить дальнейшее развитие революции. Вот почему, препятствуя продвижению царских войск, думские лидеры не препятствовали продвижению к Петрограду самого царя.

Но и здесь сказались бессилие как царских властей, так и думских деятелей. Все дело решали поднявшиеся на борьбу массы рабочих и солдат. Родзянко сообщал Рузскому, что солдаты, направленные с фронта на подавление петроградского восстания, взбунтовались, вышли из вагонов в Луге. «объявили себя присоединившимися к Государственной думе и решили отнимать оружие и никого не пропускать, даже литерные поезда. Мною немедленно приняты были меры, чтобы путь для поезда

⁵⁶ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 45.

его величества был свободен; не знаю, удастся ли это»⁵⁷. Меры, принятые Родзянко, по всей вероятности, «не удались».

На телеграфной и железнодорожной линиях действовали силы, не предусмотренные ни приказами Алексеева, ни распоряжениями Родзянко. Путь литерным поездам в столицу преградили сторонники революции, действовавшие по собственной инициативе. Сохранилась запись разговора с железнодорожником, оставшимся неизвестным, который просил передать коменданту Николаевского вокзала Грекову, что литерные поезда возвращены на станцию Бологое, а затем на станцию Дно и что все станции до Бологое выключены из действия. Представитель Военной комиссии недоумевал, заявляя, что было распоряжение пропустить литерные поезда на станцию Тосно. Но его собеседник отговаривался незнанием этого распоряжения, упорно отказывался назвать место своего пребывания, заявляя, что не может больше находиться в месте, откуда ведет разговор «так как могут приверженцы старого правительства обнаружить», он добавлял: «Говорю для пользы родины и нового правительства». Оба поезда были возвращены обратно в Бологое⁵⁸⁻⁵⁹.

Не добившись к Петрограду, литерные поезда повернули на Псков, где находился штаб Северного фронта. Почему именно сюда? Мнения приближенных царя на этот счет расходятся. Д. Дубенский отмечал, что царь и его окружение намеревались использовать войска этого ближайшего к столице фронта, чтобы пойти походом против петроградских рабочих и солдат. А. Лукомский утверждал, что царь рассчитывал найти в генерале Рузском более твердую опору, чем имел в генерале Алексееве. Опровергая это утверждение, полковник А. Мордвинов заявлял, что к Рузскому царь «относился безусловно с меньшим доверием, чем к своему начальнику штаба, и наше прибытие в Псков являлось вынужденным и совершенно непредвиденным при отъезде. Государь, стремясь возможно скорее соединиться с семьей, вместе с тем стремился быть ближе и к центру управления страной, удаленному от Могилева»⁶⁰. Утверждение Мордвинова, видимо, ближе к истине: едва ли Николай II намеревался сформировать новую карательную экспедицию против революционного Петрограда из войск Северного фронта.

Дворцовый комендант В. Воейков сообщал, что в беседе с ним Николай II сказал, что он хотел бы проехать в ближайший пункт, где имеется аппарат Юза. Таким пунктом и был Псков. Можно полагать, что, почувствовав грозную опасность и потеряв всякую ориентировку в событиях, Николай II направился в наиболее крупный близлежащий центр — в Псков, чтобы

⁵⁷ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 55.

⁵⁸⁻⁵⁹ ЦГАОР СССР, ф. 3348, оп. 1, д. 172, л. 9.

⁶⁰ А. Мордвинов. Последние дни императора. — «Отречение Николая II». Л., 1927, стр. 94.

встать под охрану войск Северного фронта, связаться оттуда по прямому проводу с Петроградом, Царским Селом и Ставкой и, выйдя из состояния неизвестности, определить план дальнейших действий против революции. Ни сам Николай, ни Алексеев, ни Рузский заранее не предполагали, что литерные поезда окажутся в этом городе.

Узнав о том, что царь и его свита направились к Пскову, Ставка послала в 4 часа дня 1 марта телеграмму командованию Северного фронта для вручения ее царю тотчас по его прибытии в штаб фронта, в которой сообщалось о развитии событий. В начале революции царь и верхи армии рассчитывали, что Петроград можно будет изолировать и, опираясь на фронт, Москву и провинцию, разгромить вспыхнувшее восстание. Но эти расчеты не оправдались. Вслед за революционным Петроградом на борьбу против царизма поднялась революционная Москва. 28 февраля командующий войсками Московского военного округа ген. Мрозовский докладывал Ставке, что в Москве остановились почти все предприятия, рабочие вышли на улицу с красными флагами и лозунгами. 1 марта он же сообщал, что в Москве «полная революция», воинские части переходят на сторону народа. В Ставку поступали донесения о революционных событиях в Кронштадте и о признании думского Комитета командованием Балтийского флота.

Сообщая об этом, Алексеев в телеграмме царю со своей стороны замечал, что беспорядки могут перекинуться в другие центры, нарушится железнодорожное сообщение, прекратится подвоз продовольствия, наступит голод, что приведет к дальнейшему развитию революции и окончанию войны. «Пока не поздно, — писал он, — необходимо немедленно принять меры к успокоению населения и восстановить нормальную жизнь в стране. Подавление беспорядков силою при нынешних условиях опасно и приведет Россию и армию к гибели. Пока Государственная дума старается водворить возможный порядок, но если от вашего императорского величества не последует акта, способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов, и Россия переживет все ужасы революции. Умоляю ваше величество, ради спасения России и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет. В настоящую минуту это единственное спасение. Медлить невозможно и необходимо это провести безотлагательно»⁶¹.

Ставка сама спешила. Через два часа после подачи этой телеграммы помощник начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерал В. Н. Клембовский говорил с командованием Северного фронта по прямому проводу. Клембовский про-

⁶¹ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 39—40.

сил передать царю просьбу генерала Алексева и вел. кн. Сергея Михайловича о том, чтобы принять меры, изложенные в телеграмме, и поставить во главе правительства лицо, пользующееся доверием. Сергей Михайлович называл таким лицом М. Родзянко⁶². С призывами к царю о необходимости «мирного урегулирования» обращались и некоторые другие военные руководители. Генерал А. А. Брусилов в телеграмме, посланной вечером 1 марта, просил графа В. Б. Фредерикса доложить царю его просьбу «признать совершившийся факт и мирно и быстро закончить страшное положение дела». Он указывал, что междоусобица означала бы безусловный проигрыш войны и катастрофу во внутренних делах. «Каждая минута промедления, — писал Брусилов, — повлечет за собой новые напрасные жертвы и затруднит благоприятное разрешение кризиса»⁶³.

Но проходили не минуты, а часы, революция развертывалась все шире и верхам армии приходилось советовать царю соглашаться на все бóльшие уступки. Сначала они просили Николая II поставить во главе министерства лицо, которому бы «верила Россия», теперь — назначить министерство, ответственное перед законодательными палатами. В 22 часа 20 минут 1 марта в новой телеграмме царю Алексеев указывал на настоятельную необходимость «немедленного издания высочайшего акта, могущего еще успокоить умы», призвать к власти ответственное перед представителями народа министерство во главе с председателем Государственной думы Родзянко. Алексеев выражал надежду, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал. В той же телеграмме приводился проект царского манифеста о даровании ответственного министерства, составленный Ставкой. Алексеев умолял Николая II немедленно подписать его.

Проект начинался с указания на необходимость во что бы то ни стало довести войну до победного конца. «Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы из лиц, пользующихся доверием всей России».

После некоторых колебаний царь согласился подписать манифест об образовании ответственного министерства. Прямым следствием этого решения была приостановка вооруженных действий против революционного Петрограда. 2 марта в 0 час. 20 мин. в Царское Село генералу Иванову была отправлена телеграмма, в которой говорилось: «Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать.

⁶² «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 42.

⁶³ Там же, стр. 47.

Николай»⁶⁴. В ту же ночь Ставкой было дано распоряжение командующим войсками Северного, Западного и Юго-Западного фронтов задержать посылку войск на Петроград.

Царские генералы надеялись, что образование ответственного министерства внесет успокоение и все пойдет как по писаному: в Петрограде прекратятся «беспорядки», народ успокоится, угроза гражданской войны и опасность ослабления фронта будут устранены и Николай II будет благополучно продолжать свое царствование. Но ответственного министерства требовала буржуазия, а не народ. Ни на одном знамени питерских демонстрантов такого лозунга не было. Рабочие и солдаты облили своей кровью улицы Петрограда не ради этой жалкой подачки от царя, а ради ликвидации царского режима. Алексеев и Рузский видели в Родзянко главу новой власти, а на деле думский Комитет властью не обладал. Над Родзянко и Комитетом властвовали другие силы или, как выразился Рузский, «крайние элементы того времени».

Получив подписанный царем манифест, Рузский сообщил о нем по прямому проводу Родзянко. Но согласие царя на создание ответственного министерства уже не могло оказать влияния на ход событий. Надежды с помощью такой меры остановить дальнейшее развитие революции рухнули. 1 марта в разговоре с Рузским Родзянко указал, что, очевидно, царь и Рузский не отдадут себе отчета в том, что происходит в Петрограде. «Настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так-то легко... Перерыв занятий законодательных учреждений подлил масла в огонь и мало-помалу наступила такая анархия, что Госуд. думе вообще, а мне, в частности, оставалось только попытаться взять движение в свои руки, чтобы избежать такой анархии, при таком расщеплении, которое грозит гибелью государства. К сожалению, это мне далеко не удалось, народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно»⁶⁵.

М. Родзянко сообщал Рузскому, что создание ответственного министерства уже не успокоит народ, ненависть к царю достигла крайних пределов, ребром поставлен династический вопрос, выдвигается требование отречения Николая II в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Манифест об ответственном министерстве запоздал, «время упущено и возврата нет». В начале разговора Родзянко хвастливо заявил, что ему все верят и все его слушают. В полном противоречии с этим в конце разговора с Рузским Родзянко сказал: «Я сам выпущу на волоске, а власть ускользает из моих рук, анархия достигает таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить Временное правительство... Молю бога, чтобы он дал сил удержаться в рамках

⁶⁴ Там же, стр. 53.

⁶⁵ Там же, стр. 56.

предела нынешнего расстройтва умов, мыслей, чувств, но боюсь как бы не было еще хуже»⁶⁶.

Родзянко заявил, что ради спасения монархии и продолжения империалистической войны нужно пожертвовать монархом и заменить Николая II другим царем. Ознакомившись с содержанием разговора Родзянко с Рузским, штаб Верховного Главнокомандующего предложил Рузскому немедленно разбудить царя, сообщить ему содержание этого разговора и настаивать перед Николаем II, чтобы он отрекся от престола. Но Рузский решил дождаться утра. Считая, что «добровольное» отречение Николая II от престола является единственным выходом из положения, начальник штаба Верховного Главнокомандующего решил опереться на мнение и авторитет командующих фронтами. Утром 2 марта Ставка сообщила командующим, что теперь «династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победного конца лишь при исполнении предъявленных вновь требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича». Представители Ставки заявляли, что необходимо установить единство мыслей и действий всех командующих, чтобы ценой дорогих уступок спасти действующую армию от развала и продолжать войну с внешним врагом. Генерал Клембовский добавлял: «Государь колеблется, единогласные мнения главнокомандующих могут побудить его принять решение единственно возможное для спасения России и династии»⁶⁷.

В разговоре по прямому проводу не все командующие высказали определенное мнение. Командующий Западным фронтом А. Е. Эверт ограничился заявлением, что вопрос «может быть разрешен безболезненно для армии, если только он будет решен сверху». Начальник штаба Румынского фронта В. В. Сахаров сказал: «По-видимому, как ни грустно, а придется согласиться с этим единственным выходом. Телеграмму составляю, но не было бы лучше отправить ее после получения от вас окончательного решения, основанного на мнении всех остальных? Но было бы крайне желательно и даже более всего необходимо знать ответ с Кавказа». Сахаров хотел предварительно узнать мнение Николая Николаевича. Более определенно высказался командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусиллов: «Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с вами согласен»⁶⁸.

Вслед за тем командующие фронтами дали письменные ответы в адрес царя и Ставки. Они поддержали предложение об отречении Николая Николаевича коленопреклоненно молил царя спасти Россию и наследника: «Осенив себя крестным знамением, пере-

⁶⁶ «Красный архив», 1927, № 2 (21), стр. 58—59.

⁶⁷ Там же, стр. 68.

⁶⁸ Там же, стр. 68—70.

дайте ему ваше наследие. Другого выхода нет». Брусилов подчеркивал, что «необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе он повлечет за собой неисчислимое катастрофическое последствие. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного наследника». Эверт просил царя: «во имя спасения родины и династии» принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной думы, как единственно способное прекратить революцию. Сахаров называл заявление Родзянко преступным и возмутительным, называл Государственную думу разбойной кучкой, задумавшей злодейство, но и он вынужден был признать, что предложение Думы дает наиболее безболезненный выход⁶⁹. Свое мнение командующие мотивировали тем, что для подавления «внутренних беспорядков» на армию положиться нельзя, что ее надо уберечь от политических потрясений для борьбы с внешним врагом, что только с помощью отречения Николая II можно спасти его династию.

Часов в десять утра 2 марта Николай II узнал о разговоре Рузского с Родзянко. Стало ясно, что манифест об ответственном министерстве уже не спасет царя, что нужно отречение. Николай II записал в своем дневнике: «2 марта. Утром пришел Рузский и прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение»⁷⁰.

Узнав, что запрошены мнения командующих фронтами, царь решил подождать их ответов. В два часа дня ответы командующих были получены. Рузский в сопровождении начальника штаба Северного фронта Г. Н. Данилова и начальника снабжения фронта С. С. Савича явился к царю, прочитал ответы командующих, доложил ему о всем происшедшем за последние часы и изложил свое собственное мнение. Не видя выхода из положения, царь согласился отречься от престола. Часа в три дня царь написал телеграмму Алексееву и Родзянко, в которой сообщал, что отрекается от престола в пользу своего сына, с тем, чтобы он остался при нем до совершеннолетия, при регентстве великого князя Михаила Александровича. Но отправка этой телеграммы была задержана.

Принимая свое решение, Николай II знал мнение Родзянко и главнокомандующих, но не имел возможности выслушать своего главного советника — царицу. Между Псковом и Царским Селом не было связи. Александра Федоровна направила к царю двух гонцов, вручив им письма, но те еще не дошли до места назна-

⁶⁹ Там же, стр. 72—74.

⁷⁰ Там же, № 1 (20), стр. 136.

чения. В письмах Николаю II, помеченных 2 марта, Александра Федоровна писала, что Родзянко и его окружение не хотят допустить их встречи, «прежде чем ты подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-нибудь ужас в этом роде». Не теряя надежды на лучшее, она писала царю: «Может быть, ты покажешься войскам в Пскове и в других местах и соберешь их вокруг себя?.. Два течения — Дума и революционеры — две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут друг другу головы — это спасло бы положение. Я чувствую, что бог что-нибудь сделает»⁷¹.

Но вопрос об отречении был решен. Правда, царь не спешил подписывать текст отречения, полученный из Ставки. Поступило сообщение, что в Псков едет председатель Государственной думы, и царь решил дождаться его. Родзянко к царю не приехал. В разговоре с Рузским он объяснял это двумя причинами. Он сказал, что войска, посланные на подавление революции, взбунтовались, не пропускают никаких поездов, и без его присутствия в Петрограде невозможно остановить разбушевавшиеся народные страсти. Но Родзянко умолчал о главной причине его невыезда — о противодействии Совета.

Вопрос об откошении Совета рабочих и солдатских депутатов к отречению царя слабо отражен в имеющихся материалах. Видимо, Исполнительный комитет Совета, подобно думскому Комитету, не предлагал провозглашать насильственное низвержение царя, а хотел добиться его добровольного отречения. Как рассказывал М. Рафес, в середине дня 28 февраля Н. Соколов сообщил под строгим секретом членам Исполнительного комитета Совета, что Временный комитет Государственной думы предпринимает меры к получению от Николая II акта об отречении. Он предлагал Исполнительному комитету Совета самостоятельно получить от Николая II этот акт. «Полного доверия Исполнительному (Временному. — Э. Б.) комитету Государственной думы быть не могло, — этот Комитет мог акт отречения царя Николая составить так, чтобы после него Россия могла иметь регента, чтобы сохранить монархический образ правления». М. Рафес сообщает, что «Соколов получил необходимые ему полномочия и соответствующую военную охрану. Но спустя несколько часов стало известно, что он опоздал — представители Комитета Государственной думы провели в жизнь это требование»⁷². Но это сообщение не подтверждается другими источниками. Дело, видимо, не в том, что Соколов опоздал (между обсуждением вопроса об отречении царя в Исполкоме Совета и выездом представителей Думы к царю прошло не несколько часов, а двое суток). По всей вероятности, Исполнительный коми-

⁷¹ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. V, М.—Л., 1927, стр. 226—228.

⁷² М. Рафес. Указ. статья, стр. 194.

тет Совета не предпринимал самостоятельных шагов, а намеревался, как и в других вопросах, действовать через думский Комитет.

Опасаясь сговора думцев с царем, Исполнительный комитет Совета не хотел пропустить к нему М. Родзянко. В «Протоколе событий» говорится, что вечером 28 февраля Н. Чхеидзе сообщил Временному комитету, что вопрос о поездке Председателя Государственной думы к государю с требованиями об отречении его от престола обсуждался в Совете рабочих и солдатских депутатов, причем было решено, что «поездка может состояться лишь при условии, если в ней будет участвовать он, Чхеидзе, и если в проекте акта отречения будет опущена вторая его часть — о передаче престола наследнику Алексею и регентстве великого князя Михаила Александровича. Поезд должен сопровождать сильный отряд революционных войск. В случае же непринятия Временным комитетом этих условий поездки для следования председателя Государственной думы Советом рабочих и солдатских депутатов предоставлено не будет»⁷³. Скобелев пишет, что инициатива запрещения поездки Родзянко исходила от руководителей Совета. Они отдали соответствующее распоряжение железнодорожникам, а Скобелев в связи с этим был назначен Советом комиссаром Петроградского узла для политического контроля над деятельностью железных дорог⁷⁴.

Несмотря на препятствия, встреча представителей Думы с царем все-таки состоялась. В. Шульгин рассказывает, что поздно вечером 1 марта состоялось совещание членов думского Комитета, на котором присутствовал А. Гучков, но не было ни Керенского, ни Чхеидзе и потому говорили совершенно свободно. А. Гучков заявил, что нынешнему государю, видимо, царствовать больше нельзя, но надо во что бы то ни стало спасти монархию, что если будет выпущена инициатива, народ расправится с монархией. По сообщению «Протокола событий», возвратившись из поездки по воляским частям, А. Гучков сказал, что надо сделать то, что решено было еще 28 февраля: поехать к царю и получить его отречение, тогда может наступить относительное успокоение, не будут опасаться «возврата назад»; пока же не будет снята присяга, многие будут отстаивать старый порядок и кровопролития не избежать. Родзянко доложил, что он хотел ехать к государю, но Совет рабочих депутатов его не пустил, потребовав, чтобы вместе с ним ехали Чхеидзе и батальон солдат. Тогда Гучков предложил поехать к царю тайно от Совета, никого не спрашивая, ни с кем не советуясь, и, оставив Совет перед фактом, «дать России нового государя». Гучков даже хотел предпринять этот шаг на свой страх и риск, если думский

⁷³ «Протокол событий», стр. 21.

⁷⁴ М. Скобелев. Гибель царизма. — «Огонек», 1927, № 11.

Комитет не даст ему санкцию на переговоры с царем об отречении. Изъявил желание ехать вместе с Гучковым член Временного комитета думы В. Шульгин. «Мы, — писал Шульгин, — обменялись еще несколькими словами. Я постарался уточнить: Комитет Государственной думы признает единственным выходом в данном положении отречение государя императора, поручает нам двоим доложить об этом его величеству и, в случае его согласия, поручает привезти текст отречения в Петроград. Отречение должно произойти в пользу наследника цесаревича Алексея Николаевича. Мы должны ехать вдвоем в полной тайне»⁷⁵.

Но как же на такой шаг решились правоверные монархисты Гучков и Шульгин? «Я отлично понимал, — писал Шульгин, — почему я еду. Я чувствовал, что отречение случится неизбежно и чувствовал, что невозможно поставить государя лицом к лицу с Чхеидзе... Отречение должно быть передано в руки монархистов и ради спасения монархии... Я знал, что в случае отречения (видимо, в случае передачи отречения в руки монархистов. — Э. Б.) революция как бы не будет. Государь отречется от престола по собственному желанию, власть перейдет к регенту, который назначит новое правительство. Государственная дума, подчинившаяся указу о роспуске и подхватившая власть только потому, что старые министры разбежались, — передает эту власть новому правительству. Юридически революции не будет». Шульгину представлялось, что другого выхода для ликвидации революции и спасения монархии нет. «Для всякого иного нужна реальная сила. Нужны были немедленно повинующиеся нам штыки, а таковых-то именно и не было»⁷⁶.

Боясь нового противодействия Совета, думские главари держали в тайне поездку Гучкова и Шульгина к царю. С. Шидловский, видимо, отсутствовал на том заседании думского Комитета, когда был решен вопрос об этой поездке, и потому ничего не знал о ней. В своих воспоминаниях он рассказывает, что в первый же день работы Временного правительства пропал куда-то Гучков, назначенный военным министром. Гучкова искали по всему городу, но найти его не могли. Исчез с горизонта и Шульгин. «Спустя день обнаружилось, что Шульгин с Гучковым без ведома Временного комитета Государственной думы и Совета рабочих депутатов умудрились похитить на Варшавском вокзале паровоз и вагон и укатили в Псков»⁷⁷.

На самом деле Гучков и Шульгин направились в царю с ведома и по поручению думского Комитета и от его имени должны были вести переговоры. Они везли с собой проект манифеста,

⁷⁵ В. Шульгин. Дни. Белград, 1925, стр. 240—241.

⁷⁶ Там же, стр. 241—242.

⁷⁷ С. Шидловский. Воспоминания, ч. I. Берлин, 1923, стр. 85.

написанный, видимо, Шульгиным. Судя по сохранившемуся черновику, в этом документе говорилось: «В тяжелую годину ниспосланных тяжких испытаний для России, мы, не имея сил вывести Империю из тяжелой смуты, переживаемой страной, перед лицом внешнего врага за благо сочли, идя навстречу желаниям всего русского народа, сложить бремя врученной нам от бога власти»⁷⁸. Монархические лидеры буржуазно-помещичьей Думы направили монархистов Гучкова и Шульгина к монарху, чтобы спасти монархию. «Мы ехали, как обреченные. . . — писал Шульгин. — Так надо было. . . Мы бросились на этот путь, потому что всюду была глухая стена. . . Здесь, казалось, просвет. . . Здесь было „может быть“. . . А всюду кругом было — „оставь надежду“». Шульгин успокаивал себя тем, что переходы власти от одного царя к другому не раз «спасали Россию»⁷⁹.

Поездно вечером 2 марта Гучков и Шульгин прибыли в Псков. А. Гучков хотел сначала встретиться с Рузским, но полковник, встретивший Гучкова и Шульгина на вокзале, передал желание Николая II, чтобы делегаты непосредственно пришли к нему. Шульгин рассказывает, что он шел к царю с прежним тяжелым чувством, что свершается самое страшное, которое нельзя отворотить. Его «мучила еще одна мысль, совсем глупая. . . Мне было неприятно, что я являюсь к государю небритый, в смятом воротничке, в пиджаке»⁸⁰.

2 марта в 10 часов вечера беседа в императорском поезде началась. Говорил Гучков. Он очень волновался и, не глядя на царя, долго и глухо рассказывал о событиях в Петрограде. Судя по протоколу, написанному начальником военно-походной канцелярии К. Нарышкиным, Гучков сказал, что он приехал с Шульгиным, чтобы доложить царю о том, что произошло, и посоветоваться о мерах, которые могли бы спасти положение. Гучков сообщил, что в Петрограде создано в высшей степени угрожающее положение, беспорядки перекинулись на пригороды, в Петрограде нет ни одной надежной части, а все прибывающие войска тотчас переходят на сторону восставших, что организовался Временный комитет Государственной думы, но власть не в его руках, крайние элементы считают умеренных членов Думы предателями и борются против монархии за социальную республику. «Кроме нас заседает еще комитет рабочей партии и мы находимся под его властью и его цензурой. . . Это движение начинает нас уже захлестывать. Их лозунги: провозглашение социальной республики. Это движение захватывает низы и даже солдат, которым обещают землю». Гучков указывал, что пожар может перекинуться на фронт, что при существующих

⁷⁸ «Огонек», 1923, № 1.

⁷⁹ В. Шульгин. Указ. соч., стр. 265.

⁸⁰ Там же, стр. 266.

настроениях в армии сохранить престол за Николаем невозможно. Единственным выходом является передача верховной власти в другие руки — отречение Николая II в пользу сына при регентстве Михаила и образование нового правительства, только это может «спасти монархический принцип, спасти династию»⁸¹.

А. Гучков впоследствии вспоминал, что его поддержал Рузский, подтвердив, что «нет такой воинской части, которая была бы настолько надежна, что ее можно было бы послать для подавления революции. Государь смотрел совершенно непроницаемо. Единственно, что, мне казалось, можно было угадать в его лице, эта длинная речь — лишняя». И действительно, вопрос об отречении был решен еще до приезда представителей думского Комитета. В «Протоколе отречения Николая II», составленном начальником походной канцелярии К. Нарышкиным, записано, что, выслушав Гучкова, Николай II заявил: «Я думаю в течение утра, и во имя блага, спокойствия и спасения России я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав свое положение, я пришел к заключению, что ввиду его болезненности мне следует отречься одновременно и за себя и за него, так как разлучаться с ним не могу»⁸².

Николай отрекался в пользу своего брата Михаила. К такому решению представители Думы подготовлены не были. Они ехали с предложением, по которому Михаил должен был стать регентом, а не царем. Делегаты Думы сначала попросили дать им возможность подумать по поводу «новой комбинации» отречения; затем Гучков заявил, что они не возражают против предложения царя. Согласие Гучкова и Шульгина на кандидатуру Михаила впоследствии подверглось критике их же единомышленников. Оправдывая свое поведение в этом вопросе, Шульгин замечает: «Как мы могли не согласиться?.. Мы приехали сказать царю мнение Комитета Государственной думы... Это мнение совпало с решением его собственным... А если бы не совпало? Что мы могли бы сделать?.. Мы уехали бы обратно, если бы нас отпустили... Ибо мы ведь не вступили на путь „тайного насилия“, которое практиковалось в XVIII веке и в начале XIX...» Шульгин писал, что будет ли царем Алексей или Михаил, это, в конце концов, частности, кандидатура Михаила имела даже некоторые преимущества. Михаил мог присягнуть конституции, чтобы успокоить народ, а в случае нужды, по примеру брата, отречься от престола, чего не смог бы сделать малолетний Алексей. А главное, будет выиграно время⁸³.

Гучков передал царю набросок манифеста об отречении. Николай вышел и, вернувшись через некоторое время, передал

⁸¹ «Отречение Николая II». Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927, стр. 217—218.

⁸² Там же, стр. 218.

⁸³ В. Шульгин. Указ. соч., стр. 270—271.

бумагу Гучкову. Это был текст отречения, составленный в Ставке, а не привезенный делегатами Думы. Делегаты хотели, чтобы преемник Николая II дал присягу конституции. Они заявили, что главная опасность идет со стороны левых элементов, стремящихся объявить республику, что присяга нового царя конституции ослабит позицию республиканцев. Шувальгин говорил: «Мы сохраняем символ управления страной... В Думе ад, это сумасшедший дом. Нам придется вступить в решительный бой с левыми элементами, а для этого нужна какая-нибудь почва... Если ваш брат Михаил Александрович как полноправный монарх присягнет конституции одновременно с вступлением на престол, то это будет обстоятельством, способствующим успокоению»⁸⁴. В соответствии с этой просьбой в манифесте об отречении была добавлена фраза о том, что новый император должен принести нерушимую присягу в том, что он будет править в единении с представителями народа.

В манифесте царя говорилось о том, что «богу угодно было ниспослать России новое тяжелое испытание», что начавшиеся внутренние народные волнения грозят отразиться на дальнейшем ведении войны, которую во что бы то ни стало надо довести до победного конца. Манифест далее гласил: «В согласии с Государственной думой признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушамую присягу»⁸⁵.

Делегаты не хотели создавать впечатления, что они «вырвали» у царя манифест. И хотя часы показывали начало двенадцатого часа ночи, царь, по предложению депутатов, датировал манифест тремя часами дня. Акт отречения был напечатан на машинке в двух экземплярах, подписан Николаем II карандашом и скреплен подписью министра двора. Один из деятелей буржуазно-помещичьей России, гласный Московской городской думы, Н. Вишняков, усмотрел в этом любопытную деталь. В своем дневнике он написал: «И этот жалкий призрак царя даже акта своего отречения не сумел по-человечески подписать чернилами, а просто карандашом. Как будто ему это было так же безразлично, как иные пишут насмех карандашом записку приятелю или список грязного белья. Какие презренные люди!

⁸⁴ «Отречение Николая II», стр. 218.

⁸⁵ Там же, стр. 221.

И они-то управляли судьбами великой империи, великого народа в течение долгих, долгих лет»⁸⁶.

Делегаты Думы предложили царю подписать еще один акт. А. Гучков сказал: «У всех рабочих и солдат, принимавших участие в беспорядках, уверенность, что водворение старой власти — это расправа над ними, а потому нужна полная перемена. Нужно на народное воображение такой удар хлыста, который сразу переменит бы все. Я нахожу, что тот акт, на который вы решились, должен сопровождаться и назначением председателем Совета министров князя Львова»⁸⁷. Николай подписал указ правительствующему сенату о назначении председателем Совета министров князя Львова и главнокомандующим великого князя Николая Николаевича. Но ведь Николай II уже отрекся от престола и его указы были недействительны. Тогда, чтобы придать «законность» незаконным актам, они были датированы тринадцатые часами 2 марта, т. е. на много часов раньше, чем были подписаны.

В конце беседы депутаты спросили царя о его личных планах после состоявшегося отречения. Царь ответил, что собирается на несколько дней поехать в Ставку, затем увидиться со своей матерью и вернуться в Царское Село. Депутаты заверили Николая, что они приложат все силы, чтобы облегчить ему выполнение его намерений.

В ночь на 3 марта от станции Псков по направлению к Могилеву отошел поезд. Это был поезд последнего представителя Романовской монархии. Николай II, заклейменный всеобщим презрением и ненавистью, был покинут теперь даже самыми верными его приближенными. Касаясь отношений ближайшего окружения царя к его отречению, Гучков писал: «Буквально никто нам не противодействует, буквально никто не поддерживает царя... Вокруг трона была абсолютная пустота»⁸⁸.

На другой день, 3 марта, бывший царь телеграфировал Михаилу Александровичу: «События последних дней вынудили меня решиться безоговорочно на этот крайний шаг. Прости меня, если им огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным твоим братом. Возвращаюсь в Ставку, оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село»⁸⁹.

Отречение царя не было неожиданностью. Оно вытекало из всех предшествующих событий. Демьян Бедный по этому поводу писал в «Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов» (4 марта 1917 г.):

Что Николай «лишился места»,
Мы знали все без манифеста.

⁸⁶ ЦГАОР СССР, ф. 875, оп. 1, д. 20, л. 272.

⁸⁷ «Отречение Николая II», стр. 218—219.

⁸⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5856, оп. 1, д. 600, л. 9.

⁸⁹ Б. Никитин. Указ. соч., стр. 202.

Но все ж, чтоб не было неясности,
Предать необходимо гласности
Для «кандидатов» всех ответ,
Что «места» тоже больше нет.

Что ж по существу произошло в результате победы революции — отречение или низложение царя? Конечно, последнее. Николай II был свергнут революцией и только потом это свержение юридически было оформлено как добровольное отречение. Николай II отрекся от престола не в первые дни революции; тогда он намеревался с помощью фронтовых частей потопить в крови безоружный народ. Царь отрекся от престола, когда обнаружилась ненадежность этих частей, когда революция перебросилась в Москву и другие города, когда дело царя было безнадежно проиграно и все карты царизма были биты. Восставший народ сам «отрек» царя от престола, а «добровольное отречение» лишь оформило этот факт задним числом. Бывшие подданные русского царя говорили, что царь давно уже сам отрекся... от народа.

Буржуазия не случайно придала низложению царя форму добровольного отречения. «Я боялся, — отмечал Гучков, — что в случае отказа от отречения Николай II будет низложен Советом рабочих и солдатских депутатов»⁹⁰.

«Добровольное» отречение царя освобождало от присяги армию и облегчало ее переход на сторону революции. Оно парализовало сопротивление реакционного офицерства и других сторонников старого режима. Монархисты не могли выступить в защиту царского престола, если этот престол оказался пустым, если никто не соглашался одевать на свою голову корону, сбитую с головы Николая II. Им пришлось хотя бы временно примириться с падением самодержавия.

Но форма, в которую было облечено отречение самодержавия в марте 1917 г., оставляла пути для реставрации монархического строя. Высказываясь за полное уничтожение монархии и установление Демократической республики, «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов» справедливо отмечали, что отречению придана такая форма, что осталась возможность изменить это решение, что путь к восстановлению монархии не закрыт. Отречение Николая II в пользу брата, а последнего в пользу Временного правительства (об этом см. ниже) сохраняло преемственность власти и создавало более благоприятные условия для реставрации монархии, чем прямое низложение царя и провозглашение республиканского строя.

Сторонники самодержавия изображали акт отречения царя как благородный жест, как жертву, принесенную им на благо отечества. Впоследствии же они утверждали, что этот вынужденный

⁹⁰ «Последние новости», 13 сентября 1926 г.

акт вообще не имеет юридической силы, что Николай II не мог отречься за сына, поэтому Романовская династия не утратила своих прав на российский престол. Александра Федоровна считала, что не все потеряно и события пойдут вспять. Полагая, что дело идет о даровании ответственного министерства и конституция, она писала мужу: «Если тебя принудят к уступкам, то ты не в коем случае не обязан их исполнять, потому что они были добыты недостойным путем ... Кошмарно то, что, имея за собой армию, ты, может быть, вынужден сделать это. Но такое обещание не будет иметь никакой силы, когда власть будет снова в твоих руках... бог спасет тебя и восстановит тебя в твоих правах»⁹¹. Александра Федоровна продолжала верить в это и тогда, когда Николай II отрекся от престола. 3 марта она писала бывшему царю: «Клянусь, мы увидим тебя снова на твоём престоле, вознесённом обратно твоим народом и войсками во славу твоего царства»⁹².

Командующий Особой Армией генерал В. Гурко, незадолго до революции исполнявший должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего, 4 марта 1917 г. в письме к бывшему царю выражал надежду на то, что страна вновь обратится к «законному государю», и нынешний наследник царя будет призван к принятию престола⁹³.

Добровольное отречение царя в пользу Михаила не устранило дальнейшей борьбы за уничтожение монархии. Потребовались новые решительные действия рабочих и солдат, чтобы обезвредить Николая II и других членов свергнутой династии и предупредить возможность реставрации монархического строя.

Глава нового правительства России назначался волей свергнутого царя. В 2 часа 17 минут в ночь на 3 марта Гучков и Шульгин телеграфировали в Петроград, что государь дал согласие на отречение от престола в пользу вел. кн. Михаила Александровича с обязательством для него принести присягу конституции и поручил образовать новое правительство князю Г. Е. Львову. Но назначение нового премьер-министра явно запоздало: Гучков и Шульгин полагали, что Временный комитет Думы подождет с объявлением о создании нового правительства до их возвращения, а по приезде в Петроград увидели на улицах плакаты с извещением об образовании Временного правительства во главе с тем же Львовым, но созданного не «с благословения» царя, а с санкции Совета рабочих и солдатских депутатов.

Провозглашение новым императором России Михаила Романова не соответствовало обстановке, создавшейся к этому вре-

⁹¹ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. V, стр. 226, 229.

⁹² Там же, стр. 232.

⁹³ «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 21 сентября 1917 г.

мени в столице и во всей стране. Широкие массы народа были решительно настроены против царской монархии в любой ее форме. Воцарение Михаила в этих условиях могло вызвать такой мощный революционный взрыв, который смел бы не только нового царя, но и думский Комитет вместе с Временным правительством и проложил бы путь к подлинно народной власти. В такой обстановке подавляющее большинство думцев считало, что, не уступив сегодня, завтра можно потерять все. Они склонялись к тому, чтобы пожертвовать Михаилом и согласиться на созыв Учредительного собрания и этим предотвратить новый революционный натиск. Во всяком случае вопрос о воцарении Михаила подлежал обсуждению. Манифест об отречении Николая II в пользу брата был уже передан фронтам и военным округам, когда поступило указание думского Комитета задержать его обнародование.

Часов в шесть утра 3 марта М. Родзянко сообщал Алексееву: «События здесь далеко не улеглись, положение все тревожно и неясно, настойчиво прошу вас не пускать в обращение никакого манифеста до получения от меня соображений, которые одни могут сразу прекратить революцию». Родзянко сообщал Алексееву, что воцарение Михаила может вызвать гражданскую войну потому, что его кандидатура как императора ни для кого не приемлема⁹⁴. Родзянко отмечал, что на этой основе соглашения достигнуть не удалось, заключено перемирие на базе созыва Учредительного собрания.

Примерно то же Родзянко сообщил через два часа Руаскому. «Дело в том, — говорил он по прямому проводу, — что с великим трудом удалось удержать в более или менее приличных рамках революционное движение, но положение еще не пришло в себя, и весьма возможна гражданская война. С регентством великого князя и воцарением наследника-цесаревича помирились бы, может быть, но воцарение его как императора абсолютно неприемлемо». Родзянко указывал, что после соглашения с Советом рабочих депутатов о созыве Учредительного собрания «войска малопомалу в течение ночи приводятся в порядок, но провозглашение императором Михаила Александровича подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребление всего, что можно истребить. Мы потеряем и упустим всякую власть, и усмирить народное волнение будет некому; при предложенной форме возвращение династии не исключено»⁹⁵.

Из сообщений Родзянко следует, что думские лидеры намеревались добиться возвращения царской династии через Учредительное собрание, а до созыва этого собрания сохранять как органы власти Временный комитет, Государственную думу, Государ-

⁹⁴ «Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 25—26.

⁹⁵ Там же, стр. 27—28.

ственный Совет и ответственное перед ними министерство. Верхи армии были недовольны таким решением. Обещая Родзянко задержать обнародование царского манифеста, Алексеев заявлял: «Сообщенное мне вами далеко не радостно. Незнание и Учредительное собрание — две опасные игрушки в применении к действующей армии»⁹⁶. Рузский выразил сожаление, что депутаты думского Комитета, приехавшие в Псков для переговоров с царем, не осветили в достаточной степени обстановку, сложившуюся в Петрограде. Родзянко ответил, что депутатов винить нельзя: «Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому еще подобных я не видел». Обстановка в Петрограде действительно особенно обострилась 2 марта, и Временный комитет Думы вынужден был отступить на новые позиции. Гучков и Шульгин уезжали в Псков, чтобы сменой царя спасти монархию, а члены думского Комитета предлагали теперь воздержаться от провозглашения нового императора.

Возвратившись в Петроград, В. Шульгин тут же на вокзале произнес речь перед находившимися здесь солдатами, в которой призывал всех объединиться вокруг нового царя — Михаила — и оказать ему повиновение. «Он поведет нас! Государю императору Михаилу второму ура!». Шульгину казалось, что новый царь прочно сел на русский престол, и монархия, ради спасения которой он совершил поездку к Николаю II, действительно спасена. Но такой вывод оказался слишком поспешным. Тотчас после своей речи Шульгин получил по телефону указание от Милюкова: «Не объявляйте манифеста... Произошли серьезные изменения». Шульгин ответил, что он уже провозгласил в толпе солдат нового императора Михаила. «Этого не надо было делать...», — сказал Милюков. — Настроение сильно ухудшилось с того момента как вы уехали... Нам передали текст... Этот текст совершенно не удовлетворяет... совершенно необходимо упоминание об Учредительном собрании... Не делайте никаких дальнейших шагов... могут быть большие несчастья»⁹⁷. Шульгин тотчас же бросился искать Гучкова, чтобы передать ему слова Милюкова.

Гучков выступал на митинге рабочих железнодорожных мастерских. Шульгин рассказывает, что когда он вошел в огромную мастерскую, в которой собрались рабочие, говорил председатель собрания: «Вот к примеру они образовали правительство... кто же такие в этом правительстве? Вы думаете, товарищи, что от народа кто-нибудь? Так сказать, от того народа, кто свободу себе добыл? Как бы не так! Вот читайте... князь Львов... князь... (по толпе прошел ропот). Председатель продолжал: „Так вот для чего мы, товарищи, революцию делали!.. От этих

⁹⁶ «Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 27.

⁹⁷ В. Шульгин. Указ. соч., стр. 286—287.

самых князей и графов все и терпели... Вот освободились — и на тебе!.. Князь Львов" (толпа забурлила). — Он продолжал: например, товарищи, кто у нас будет министр финансов... Как бы вы думали?.. Может быть, кто-нибудь из тех, кто на своей шкуре испытал... как бедному народу живется... Теперь министр финансов будет у нас господин Терещенко... сахарных заводов штук десять. Земли десятин тысяч сто... Да деньжонок миллионов тридцать наберется»⁹⁸.

В таком же духе выступал и другой рабочий. «Вот они приехали... Привезли!.. Кто их знает, что они привезли! Может быть такое, что совсем для революционной демократии не подходящее. Кто их просил?.. А от кого поехали? От народа? От Совета солдатских и рабочих депутатов? Нет! От Государственной Думы! А кто такие Государственная Дума? Помещики. Я бы так советовал, товарищи, что и не следовало бы, может быть, Александра Ивановича даже отсюда и выпускать». Толпа поддержала оратора, и двери мастерской были закрыты. «Это стало совсем неприятным», — замечает Шульгин.

Но вот выступил оратор — инженер, протестовавший против закрытия дверей. «Мы же сами их пригласили, — сказал он, — они доверились, пришли к нам... А за это, за то, что они нам поверили... двери на запор: угрожаете?» Тогда раздались возгласы — «Открыть двери!». Двери открылись. Стал говорить Гучков. Затем Шульгин. Защищать кандидатуру Михаила на царский престол при таком настроении собрания они не решились. Шульгин сказал: «Сейчас в Государственной думе между Комитетом Государственной думы и Советом рабочих депутатов идет важнейшее совещание. На этом совещании все решится. Может быть, так решится, что всем понравится... Во всяком случае нам с Александром Ивановичем надо немедленно ехать». — «Ну езжайте... Кто вас держит?» — крикнули в ответ на это. Толпа расступилась, мы стали пробиваться к выходу»⁹⁹. Так провалилась попытка Гучкова и Шульгина провозгласить новым императором Михаила.

В каком же положении находился сам Михаил? Приехав из Гатчины, он долго скитался по Петрограду и, не рискнув остаться в Маринском или Зимнем дворце, обосновался на частной квартире князя Путятина на Миллионной улице, недалеко от Зимнего. Там он и узнал о манифесте Николая II. Рассказывают, что весть об отречении царя в его пользу вызвала у великого князя большую растерянность. Михаилу передавалась корона Российской империи, а он не только не имел в своем

⁹⁸ Там же, стр. 289.

⁹⁹ Там же, стр. 291—292. В литературе обычно сообщается, что рабочие-железнодорожники арестовали Гучкова за то, что он провозгласил императором Михаила. Но, судя по рассказу Шульгина, дело до ареста не дошло.

распоряжении какой-либо реальной силы, но и не мог найти себе пристанища в столице этой империи, охваченной революционным пожаром. Михаил не знал, на что решиться. Он говорил, что никогда не хотел престола и не готовился к нему, что у Временного правительства дела пойдут лучше без него. «Как вам нравится Львов? — спрашивал Михаил у Н. Иванова, — умница не правда ли? А Керенский, у него характер; пожалуй, он скрутит массу»¹⁰⁰.

Утром 3 марта на квартире князя Путятина собрались члены думского Комитета и Временного правительства, чтобы обсудить вопрос о вступлении на престол Михаила Александровича. Из всех присутствовавших один П. Милоков ратовал за царя Михаила. Он говорил долго, подробно останавливался на положении страны, доказывая необходимость воцарения Михаила. Обращаясь к Михаилу Александровичу, Милоков сказал: «Если вы откажетесь... ваше высочество, будет гибель!.. Россия потеряет... свою ось... Если вы откажетесь, будет анархия!.. хаос, кровавое месиво... Если вы откажетесь, будет ужас... полная неизвестность». В. Шульгин замечает: «Совет принять престол означал в эту минуту — На коня! На площадь! Принять престол сейчас значило: во главе верного полка броситься на социалистов и раздавить их пулеметами»¹⁰¹.

На что рассчитывал Милоков, заняв такую «воинственную» позицию? Сам он заявлял впоследствии, что призывал пойти на риск, рассчитывая на помощь Московского гарнизона; Милоков предлагал немедленно ехать в Москву и организовывать там силы для поддержки Михаила Александровича. Гучков, как и Милоков, считал, что Михаил должен принять царский престол. Однако, учитывая создавшуюся обстановку, он внес примирительное предложение; Гучков посоветовал, чтобы Михаил принял престол не как государь, а как регент, для того, чтобы довести страну до Учредительного собрания, которое и решит вопрос, кто будет править Россией. Его больше всего беспокоило то обстоятельство, что, в случае отказа Михаила от престола, прервется преемственность власти, и между старым и новым правительством образуется пропасть. Гучкову возражали, ссылаясь на основы государственного права: не может быть регента без носителя верховной власти. Подавляющее большинство присутствующих решило, что нет другого выхода, как временно отказаться и от царя и от регента. За отказ Михаила от престола выступал и А. Керенский. Он обратился к Михаилу Александровичу со словами: «Мои убеждения республиканские. Я против монархии... приняв престол, вы не спасете России... России нужно полное единство перед лицом внешнего врага. Умоляю вас во имя России

¹⁰⁰ ЦГАОР СССР, ф. 6439, д. 3, л. 5.

¹⁰¹ В. Шульгин. Указ. соч., стр. 289.

принять эту жертву... Я не ручаюсь за жизнь вашего величества». Посоветавшись отдельно с Родзянко и Львовым, Михаил решил не принимать престола.

В дом князя Путятина вызвали юриста Нольде, который вместе с Набоковым и Шульгиным являлись за составление акта. Они писали его в классной комнате дочери Путятина за партой, на школьной тетради. Было установлено, что Михаил Александрович отказывается принять престол и передает вопрос на решение Учредительного собрания. Но в чьих руках будет власть до его созыва? Решили провозгласить полноту власти Временного правительства. Проект документа походил на манифест и начинался словами: «Мы божьей милостью Михаил, император и самодержец Всероссийский... и т. д.». Но Михаил не царствовал и просил вычеркнуть эти слова. Он предложил также вставить в акт фразу о том, что призывает благословение божие и просит русских граждан повиноваться власти Временного правительства.

Временное правительство было рождено соглашением Совета и Временного комитета Думы. Теперь его благословлял на власть последний русский император Михаил. Династия Романовых с Михаила началась, Михаилом и кончилась. Подписав манифест, Михаил обнял Львова, пожелав ему счастья. А Керенский сказал, обращаясь к Михаилу: «Верьте, ваше императорское величество, что мы донесем драгоценный сосуд вашей власти до Учредительного собрания, не расплескав из него ни одной капли»¹⁰². Николай II был недоволен таким исходом дела. В своем дневнике он писал: «Оказывается Миша отрекся. Его Манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость»¹⁰³.

Объясняя впоследствии, почему монархисты-думцы высказывались против воцарения Михаила Александровича, Родзянко писал, что этого не допустили бы рабочие и вся революционная демократия Петрограда. «Для нас было совершенно ясно, что великий князь процарствовал бы всего несколько часов и немедленно произошло бы огромное кровопролитие в стенах столицы, которое положило бы начало общегражданской войне. Для нас было ясно, что великий князь был бы немедленно убит и с ним все сторонники его, ибо верных войск уже тогда в своем распоряжении он не имел и поэтому на вооруженную силу опереться бы не мог. Михаила Александрович поставил мне вопрос ребром, могу ли ему гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему ответить отрицательно... Даже увести его тайно из Петрограда не представлялось возможным: ни один

¹⁰² Б. Нольде. Далекое и близкое. Париж, 1930, стр. 145.

¹⁰³ «Красный архив», 1927, № 1 (20), стр. 137.

автомобиль не был бы выпущен из города, как не выпустили бы ни единого поезда из него»¹⁰⁴.

В тот же день, 3 марта, в экстренном прибавлении к № 4 «Известий Петроградского Совета» огромными буквами было напечатано: «Отречение от престола. Депутат Караулов явился в Думу и сообщил, что государь Николай II отрекся от престола в пользу Михаила Александровича. Михаил Александрович в свою очередь отрекся от престола в пользу народа. В Думе происходят грандиознейшие митинги и овации. Восторг не поддается описанию».

При печатании актов об отречении возникли споры по вопросу о том, как их озаглавить. Что это — манифесты двух императоров? Можно ли Михаила Александровича именовать императором и самодержцем всероссийским? Одни говорили, что он не имел власти, а следовательно, и не царствовал. Другие возражали, ссылаясь на то, что он был императором с момента отречения Николая II, т. е. почти сутки, что малолетние и слабоумные монархи тоже не имели власти, но царствовали, что отречение Михаила имеет юридический смысл только в том случае, если признать, что он был императором. «Спор ушел в дебри государственного права, — рассказывает Бубликов, — наконец около 2 часов ночи соглашение было достигнуто. Набоков написал на двух кусочках бумаги название актов: 1) Акт об отречении государя-императора Николая II от престола Государства Российского в пользу великого князя Михаила Александровича; 2) Акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти и признании им всей полноты власти за Временным правительством, возникшим по почину Государственной думы. Над этими строками можно поставить заглавие: „Результат первых шести часов работы первого Временного правительства“»¹⁰⁵.

В акте, подписанном Михаилом Романовым, говорилось, что он «принял твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского». Михаил просил российских граждан «подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа»¹⁰⁶. Так была

¹⁰⁴ М. Родзянко. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 45.

¹⁰⁵ А. Бубликов. Русская революция. Нью-Йорк, 1918, стр. 70.

¹⁰⁶ «Речь», 4 марта 1917 г.

установлена преемственность власти от Николая к Михаилу Романову, от Михаила Романова к Временному правительству.

Не согласившись с отречением Михаила, Гучков и Милюков решили отказаться от постов министров. Едва успевшее образоваться Временное правительство начало разваливаться. Эта перспектива встревожила буржуазных деятелей. Члены Центрального комитета кадетской партии направились к своему лидеру Милюкову уговаривать его взять отставку обратно. Милюков согласился остаться в правительстве и убедил поступить так же и Гучкова. Последний заметил, что «и Милюков мало надеялся на благоприятный исход событий, но он все же был большим оптимистом». Кризис, нависший над только что сформировавшимся Временным правительством, был устранен. Правительство приступило к исполнению своих обязанностей в объявленном населению составе.

4 марта новые министры явились в министерства и были радушно встречены царскими чиновниками. Шингарев горячо благодарил служащих министерства земледелия за приветствия и пожелания. «Рады стараться», — ответили те, заверяя министра, что они будут верой и правдой служить новому правительству. Из Синода вынесли царское кресло, было отдано распоряжение не поминать в богослужении имени царя и членов царской династии. Синод, тот самый Синод, который призывал защищать самодержавие и мирился с бесчинствами Распутина в церкви, теперь обнародовал послание к верующим, которое начиналось следующими словами: «Свершилась воля божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни». П. Милюков обратился к директорам департаментов и отделов министерства иностранных дел с просьбой оставаться на местах и продолжать работу. С такими же просьбами к служащим министерства обратились и другие министры Временного правительства. В ответ на это царские чиновники заверяли министров, что они полностью подчиняются Временному правительству и рады, что дожили до наступивших дней.

Временное правительство оставило в неприкосновенности государственный аппарат, доставшийся в наследство от царизма. Оно ограничилось упразднением Особых гражданских судов, полиции, охранных отделений, корпуса жандармов. Все остальные учреждения царского режима сохранились, их служащие продолжали выполнять свои прежние функции. Оставив почти без изменений состав высшего царского чиновничества, буржуазия рассчитывала с его помощью укрепиться у власти. Временное правительство опиралось на дореволюционные буржуазные общественные организации — земства, городские думы, военно-промышленные комитеты, торгово-промышленные и финансовые объединения. Деятели Совета Съездов, представители промышленности и торговли, банков, горной, металлургической промыш-

ленности, военно-промышленных комитетов и других предпринимательских организаций выражали полное доверие новому правительству и готовность с еще большей энергией содействовать продолжению войны.

Но у буржуазного правительства не было опоры в народных массах. «Кому следует повиноваться? — спрашивала листовка, выпущенная кадетами, и отвечала: — Единственной верховной властью является у нас наше Временное правительство во главе с Г. Е. Львовым, учрежденное Государственной думой по соглашению с Советом рабочих депутатов... Только ему принадлежит вся полнота власти. Только Временное правительство имеет право издавать повеления, равно обязательные для граждан российских всех классов, сословий, наций и веры»¹⁰⁷. Но широкие народные массы повиновались другой власти. Они шли за Советом рабочих и солдатских депутатов.

Уже на первом заседании Временного правительства, состоявшемся 2 марта, новые министры отмечали, что по обстоятельствам текущего времени Временному правительству приходится считаться с мнением Совета рабочих депутатов, но вмешательство Совета в действия правительства является недопустимым двоевластием и потому «надлежало бы ознакомиться с предположениями Совета рабочих депутатов в своих частных совещаниях до рассмотрения этих вопросов в официальных заседаниях Совета министров»¹⁰⁸. Высказываясь за предварительное ознакомление с предположениями Совета, Временное правительство не могло устранить его вмешательство в государственные дела.

Вторая революционная волна не достигла своей главной цели: буржуазия не была устранена от власти, Временное Революционное правительство не было создано, основные требования программы-минимум РСДРП не были осуществлены. Но новый революционный натиск рабочих и солдат не прошел бесследно: он добил царскую монархию и укрепил орган подлинно народной власти — Совет рабочих и солдатских депутатов, а это имело решающее значение для дальнейшего развития революции.

Как же действовал этот новый орган власти?

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА

За первые три дня своего существования Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов вырос в крупную силу. К 3 марта число депутатов Совета увеличилось до 1300 человек;

¹⁰⁷ ЦГАОР СССР, ф. печатных изданий, инв. № 1740.

¹⁰⁸ Там же, ф. 601, оп. 1, д. 2403, л. 1. Мы цитируем протокол первого заседания Временного правительства, оставшийся неофициальным. Управляющий делами правительства В. Набоков заявил, что он не удовлетворен этим протоколом, но не может его исправить, так как не присутствовал на первом заседании правительства. В печатное собрание протоколов правительства этот протокол не вошел.

небольшая 13-я комната в левом крыле Таврического дворца уже не могла удовлетворить его нужды. 3 марта Совет перебрался в Белый зал дворца, в котором в течение 11 лет заседала Государственная дума. Столь знакомые новым министрам кресла оказались занятыми новыми людьми. Зал был переполнен. Депутаты Совета и гости сидели в потрепанных шубах, пальто, шинелях. Манифест об отречении Николая II, зачитанный на заседании, был встречен бурными аплодисментами собравшихся. Над председательским столом по-прежнему висела позолоченная рама, но теперь она зияла пустотой — царский портрет был из нее убран.

Открывая собрание, Чхеидзе сказал: «Это место, где заседала последняя третьиюньская Государственная дума, пусть же она посмотрит теперь, пусть заглянет сюда и увидит, кто сейчас здесь заседает. ... Да здравствуют все наши товарищи, которые когда-то сидели здесь, а до сегодняшнего дня томились на каторге». Но тогдашние руководители Совета считали, что представители рабочих и солдат заседают на думских скамьях временно, заседают для того, чтобы проложить путь другому учреждению: «Ваше присутствие, — продолжал Чхеидзе, обращаясь к депутатам Совета, — симптом того, что через некоторое время эти места будут занимать депутаты Всенародного Учредительного собрания»¹⁰⁹.

Сила Совета состояла в единстве рабочих и солдат, скрепленном победившей революцией. Попытки нарушить это единство продолжались. В тот же день, 3 марта, 400 представителей воинских частей, собравшихся в цирке Чинизели, избрали Временную комиссию, поручив ей подготовить создание отдельной организации солдат. На заседании Совета выступали сторонники такой организации, доказывая, что этим путем можно легче достигнуть единства действий. Максим (Кливанский) говорил, что практические задачи рабочих и солдат различны. На собрании солдат, сказал он, «обсуждался вопрос о ротных комитетах, завтра должны выяснить, как начать учение... ни одного рабочего это не интересует, но для революции он в высшей степени важен, здесь идет дело о создании революционной армии... солдаты должны создать свой парламент»¹¹⁰. Призыв к созданию отдельной солдатской организации не встретил, однако, сочувствия большинства депутатов.

Собрание решило сохранить Совет рабочих и солдатских депутатов как единый орган. Вместе с тем, учитывая большую численность Совета и наличие специфических интересов у рабочих

¹⁰⁹ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 5 марта 1917 г.

¹¹⁰ Архив Октябрьской революции Ленинградской области, ф. 1000, оп. 73, д. 5, л. 17.

и у солдат, Совет разбился на две секции — рабочую и солдатскую. Общеполитические вопросы решались на пленарных заседаниях Совета, чтобы проводить по этим вопросам единую линию¹¹¹.

На заседании Совета 3 марта вновь встал вопрос о взаимоотношениях солдат и офицеров. Солдаты сообщали, что офицеры — приверженцы старого порядка пытаются разоружить солдат, отбирают у них политическую литературу и т. д. «Большинство выступавших ораторов энергично настаивают на незамедлительном принятии самых решительных мер к недопущению случаев разоружения солдат и к предотвращению конфликтов между нижними чинами и командным составом».

Совет подтвердил решение о создании районных Советов рабочих депутатов и высказался за то, чтобы наряду с рабочими в них участвовали и солдаты, расквартированные в соответствующем районе. Районные Советы должны были взять на себя организацию населения данного района. Петроградский Совет избрал специальную комиссию по организационным вопросам, которой было предложено «представить доклад о целесообразной организации Совета рабочих и солдатских депутатов и районных Комитетов»¹¹². На собрании был поставлен вопрос об образовании Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Впредь до его организации функции всероссийского центра Совета брал на себя Петроградский Совет.

В тот же день, 3 марта, Исполком Совета образовал комиссии по различным вопросам, имевшим как местное, так и всероссийское значение (в состав их вошли представители всех партий, представленных в Совете): продовольственная, агитационная, железнодорожная и почтово-телеграфная, литературная, финансовая, автомобильная, информационная, по заведованию издательско-типографским делом и другие¹¹³. Через день были созданы еще две комиссии — иногородная и законодательных предположений.

Совет издавал свой ежедневный орган «Известия». Его редактором был Ю. Стеклов. Исполнительный комитет наделил его большими полномочиями. 7 марта 1917 г. Исполком постановил «предоставить Стеклову право дискреционной (безоговорочной) власти как комиссару Исполнительного Комитета по всем редакционным вопросам». В состав редакции входили: Б. Авиллов, И. Гольденберг (Мешковский), В. Базаров, В. Бонч-Бруевич, Г. Циперович¹¹⁴. Газета «Известия» пользовалась большой попу-

¹¹¹ Архив Октябрьской революции Ленинградской области, ф. 1000, оп. 73, д. 5, л. 18.

¹¹² «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 5 марта 1917 г.

¹¹³ «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы Исполнительного комитета». М.—Л., 1925, стр. 10.

¹¹⁴ Там же, стр. 23.

лярностью, особенно в первые дни революции, когда другие газеты не выходили. «Известия» обосновались в типографии газеты «Копейка», которую реквизировал для нужд Совета В. Бонч-Бруевич. Первые номера газеты распространялись бесплатно. Для охраны от натиска толпы, приходившей за «Известиями», было выделено несколько солдат, но они взяли на себя более широкие функции. В отчете редакции говорилось: «По собственному почину эти солдаты положили первое начало хозяйственной организации дела, контроля, тиража, продажи, поступивших денег и т. д. . . Всякий заказ из провинции независимо от того, были ли присланы деньги на подписку или нет, не только исполнялся, но исполнялся радостно и охотно, так как в этих заказах усматривалось расширение влияния Совета»¹¹⁵.

«Известия Петроградского Совета» были встречены трудовым населением с большим подъемом. М. Кольцов рассказывает: «На углу Литейного и Невского два человека бежали нам навстречу в неистовой радости и энергии. „Газету возьмите!“ Соскочили, с возбужденным галдежом, потащили с тротуара в машины тюки с номерами. „Известия Совета рабочих депутатов“ были маленького формата, новенькие, празднично-глянцевитые. Их рвали из рук, требовали, выпрашивали как милостыню, гонясь за грузовиками»¹¹⁶.

«Известия» разоблачали действия сторонников царского режима и, в частности, царских генералов, но в главном вопросе, в вопросе о власти, проводили линию эсеро-меньшевистского руководства Совета, защищая политику поддержки буржуазного Временного правительства «постольку, поскольку» оно будет осуществлять требования народа¹¹⁷.

С победой революции роль Совета особенно возросла. Правда, деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов и его Исполнительного комитета не была достаточно планомерной и организованной. Она как бы отражала стихийный характер революции, создавшей это учреждение. Совет заседал почти ежедневно по многу часов, порой превращаясь в митинг. Совет и особенно его Исполком занимались не только большими привици-

¹¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1244, оп. 1, д. 42, л. 2.

¹¹⁶ «Известия ЦИК», 12 марта 1927 г.

¹¹⁷ Ю. Стеклов называл политическим курьезом то обстоятельство, что эсеры и меньшевики, составляя большинство в Совете и Исполкоме, в редакции «Известий» представлены не были и что газета редактировалась если не в определенно большевистском духе, то во всяком случае в духе решительно революционном, расходящемся с общим духом советского большинства («Журналист», 1927, № 3, стр. 4). На самом деле Стеклов, Гольденберг, Базаров и Авдолов были большевиками в прошлом. В период же войны и Февральской революции они были ближе к меньшевикам, и линия «Известий» не расходилась с «общим духом советского большинства». Впоследствии Гольденберг, как и Стеклов, снова вошел в большевистскую партию.

пальными проблемами, но и мелкими текущими вопросами. Последних было так много, что крупные вопросы топили в «текучке», которую некоторые презрительно называли «вермишелью», «чехардой». На самом деле это была «текучка» большого революционного дела, без которой победа народа была бы невозможна. На заседаниях Совета и Исполнительного комитета рассмотрение вопросов, заранее включенных в повестку дня, перемежалось с обсуждением внеочередных запросов и экстренных сообщений. Это было вполне закономерно: революционные события выдвигали вопросы, которые никак не могли быть предусмотрены заранее составленной повесткой дня.

Некоторые члены Исполнительного комитета были недовольны таким характером деятельности Совета. Н. Суханов писал: «Совет безмерно увеличивал толкотню, суету, беспорядок и неразбериху во дворце революции. Это делалось, наконец, невыносимо для членов Исполнительного комитета, совершенно истрепанных и без того... надо было хоть денек „отдохнуть“ от Совета и тысячных толп, привлекавшихся им во дворец»¹¹⁸. Но прекратить непрерывный митинг было невозможно. Совет был органом революции, вовлекавшим в свой водоворот все новые народные массы. Численность членов Совета рабочих и солдатских депутатов непрерывно росла, все новые группы трудящихся посылали сюда своих представителей. На заседаниях Совета приходили многочисленные делегации от предприятий и воинских частей. В Совет являлись никем не уполномоченные рядовые участники революции, считавшие своим долгом вникать в работу своего высшего органа и доводить до него думы и чаяния трудящихся масс.

Состав и деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов отражали уровень сознательности и организованности трудящихся. Недостаточное понимание массами рабочих и солдат классовых интересов, влияние мелкобуржуазной стихии, разбухшей революцией, обусловили соотношение сил внутри Совета рабочих и солдатских депутатов. Большинство депутатов Петроградского Совета находилось под влиянием меньшевиков и эсеров. Большевики оказались в Совете в меньшинстве. Многие авторы объясняют влияние меньшевиков и эсеров в Петроградском Совете прежде всего неправильными нормами представительства в Совете, установленными Исполнительным комитетом. Каждая тысяча рабочих посылала в Совет одного депутата, рабочие предприятий с количеством рабочих меньше тысячи обычно объединялись для выборов депутатов или участвовали в выборах по профессии, исходя все из той же нормы — один депутат на тысячу рабочих. Но бывали и такие случаи, когда

¹¹⁸ Н. Суханов. Указ. соч., кн. 2. Берлин—Петербург—Москва, 1922, стр. 48.

предприятия, имевшие в своем составе менее 500 рабочих, самостоятельно выбирали депутатов в Совет.

Понятно, что при таком разном не могло быть полного соответствия между представительством крупных, средних и мелких предприятий. Но едва ли правильно утверждать, что делегаты крупнейших заводов топили среди делегатов мелких, ремесленного типа предприятий, что «эсеры и меньшевики в момент создания Петроградского Совета предоставили крупным питерским заводам и фабрикам, там где работал коренной пролетариат, поддерживавший большевиков, столько же мест в Совете, сколько мелким предприятиям, среди рабочих которых преобладали недавние выходцы из мелкобуржуазной среды»¹¹⁹. На самом деле большинство рабочих депутатов Совета представляло крупные и средние предприятия столицы. Шесть крупнейших заводов столицы послали в Совет около 100 депутатов¹²⁰. Но влияние меньшевиков и эсеров преобладало тогда и на этих предприятиях¹²¹. Меньшевиков и эсеров поддерживало большинство депутатов Совета от Путиловского, Трубочного, Балтийского, Металлического и некоторых других крупнейших заводов столицы. Это было обусловлено глубокими причинами и прежде всего изменениями в составе рабочего класса, происшедшими в годы войны: выходцы из мелкобуржуазной среды проникли и на крупные заводы и фабрики.

Еще более широкой социальной базой эсеров и меньшевиков явилась солдатская масса. Неискушенная в политике, впервые поднятая к активной борьбе революцией, эта масса пошла за эсерами и меньшевиками, поверив их утверждениям о необходимости установить единство внутри страны и продолжать войну для защиты революции от немецкого милитаризма. Солдаты были широко представлены в Совете и в количественном отношении преобладали над рабочими депутатами. Они избирали одного депутата в Совет от каждой роты. Рота была основной ячейкой солдатской революционной организации (в запасных батальонах, составлявших большую часть петроградского гарнизона, роты насчитывали по 1000, 1500 солдат). Принцип ротного представи-

¹¹⁹ «История гражданской войны в СССР», т. 1. М., 1955, стр. 74—75; С. Мурашов. Как победила Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1957, стр. 40.

¹²⁰ С. Артемьев. Состав Петроградского Совета в марте 1917 г. — «История СССР», 1964, № 5, стр. 123.

¹²¹ Это правильно отмечают С. Артемьев в указанной статье и М. Потехин в статье «К вопросу о возникновении и составе Петроградского Совета в 1917 г.» («История СССР», № 5, 1965). Так, от крупнейшего Обуховского завода ни один большевик в Совет не прошел. М. Розанов пишет: «Малочисленная большевистская организация на заводе оказалась недостаточно подготовленной к выборам... Политическая доверчивость, неискушенность в политике, объявление победой над царизмом помешали обуховцам разобраться в сложной обстановке» («Бастионы революции». Л., 1957, стр. 139—140).

тельства был установлен не только обращением Временного Исполнительного комитета Совета от 27 февраля, но и выпущенным в этот же день воззванием большевиков Выборгской стороны и изданным через день Приказом Совета № 1.

Но по одному представителю посылали в Совет не только роты, а и штабные команды, военнослужащие госпиталей, складов и других учреждений, насчитывавшие незначительное число солдат. Как отмечает В. Залежский, «среди мелких частей никакой революционной работы до сих пор не велось, политическая сознательность была здесь весьма низкая. Естественно поэтому, что отсюда посылались депутаты «говоруну» в лице писарей, вольноопределяющихся, прапорщиков и пр. мелкобуржуазной братии. Эти депутаты потянулись к более им родственным по психологии партиям эсеров и меньшевиков»¹²². Но опять-таки, хотя в крупных воинских частях авторитет большевиков был выше, в них также, за редким исключением, преобладало мелкобуржуазное влияние.

На составе Советов сказалось и то обстоятельство, как уже говорилось, что, занятые борьбой на улицах столицы, большевики не приняли достаточно активного участия в выборах депутатов и в Совет прошло немало случайных лиц. «Наиболее передовые, решительные члены, — писал А. Шляпников, — были увлечены всякого рода боевой работой и в пылу увлечения не заботились о выборах»¹²³. Большевик-путиловец Ф. Лемешев отмечал, что «в первые дни все члены партии были на улицах. . . не было уделено достаточного внимания выборам в Совет рабочих депутатов»¹²⁴. Все это объясняет, почему поднявшаяся вслед за восстанием рабочих мелкобуржуазная волна вынесла на свой гребень эсеров и меньшевиков, поставив их у руководства Совета рабочих и солдатских депутатов. Влияние эсеров и меньшевиков сказалось на всей деятельности Совета депутатов: руководители Петроградского Совета призывали пролетариат не заходить слишком далеко, чтобы не отпугнуть буржуазию. Исходя из того, что власть передана Временному правительству, Исполком Совета стремился не вторгаться в компетенцию правительства. Он советовал, просил, иногда даже требовал, но старался не решать, не приказывать, не распоряжаться. Однако удержаться на таких позициях было трудно. Практика борьбы толкала Совет к самостоятельным действиям. В революционной атмосфере тех дней под могучим давлением масс Совет рабочих и солдатских депутатов и его Исполнительный комитет обсуждали самые разнообразные вопросы, охватывавшие многие стороны жизни, нередко пы-

¹²² В. Залежский. Первый легальный ПК. — «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 142.

¹²³ А. Шляпников. Семнадцатый год, кн. 1. М., 1923, стр. 203—204.

¹²⁴ «Красная летопись», 1932, № 5—6.

ступая как органы власти¹²⁵. Совет и Исполком издавали приказы по гарнизону, назначали комиссаров в воинские части, распоряжались типографиями, определяли состав милиции, запрещали перевозку черносотенной литературы, выносили постановления об арестах деятелей старого режима, о смещении отдельных лиц и пр. Без санкции Совета нельзя было выпускать газет, возобновлять работу на предприятиях, изменять дислокацию воинских частей и проводить в жизнь множество других мероприятий.

Временное правительство было бессильно решить вопрос о прекращении арестов деятелей царского режима. Они производились отдельными организациями и группами рабочих и солдат самолично. 12 марта комиссар Петрограда и Таврического дворца депутат Думы Л. Пушин, ссылаясь на согласие Временного комитета Государственной думы, Министерства юстиции, Штаба Петроградского военного округа и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, издал приказ, в котором говорилось, что распоряжения об аресте лиц, скомпрометировавших себя в период установления нового государственного строя, и лиц, совершивших преступления против народа при старом режиме, а также о производстве обыска у них могут исходить только от следующих организаций и учреждений: «1) Временного комитета Государственной думы, 2) Министерства юстиции, 3) Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Эти распоряжения передаются для исполнения начальнику Штаба Петроградского Военного округа... Что касается грабителей, а также лиц, производящих самовольные аресты, насилия и беспорядки, то арест их производится распоряжением районных комендантов милиции или начальников войсковых караулов»¹²⁶.

Однако самовольные обыски и аресты продолжались. Арестовывали царских чиновников, офицеров, жандармов, полицейских и просто темных дельцов и подозрительных лиц. Многие из них доставляли непосредственно в Таврический дворец; доставляли во всякое время дня и ночи и не только из Петрограда и его окрестностей, но и из гораздо более отдаленных пунктов — из Пскова, Нижнего Новгорода, Костромы и других городов. Делами высших военных и гражданских чиновников, арестованных в дни революции, занималась специальная Комиссия, созданная из юристов — членов Государственной думы (эти дела были затем переданы прокурору Петроградской Судебной Палаты и Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). Для рассмотрения дел рядовых служителей старого строя, главным об-

¹²⁵ С 3 марта протоколы Исполнительного комитета Совета стали печататься в газете «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». К сожалению, эти протоколы писались очень кратко, поэтому они дают очень неполное представление о том, что происходило на заседаниях Исполкома.

¹²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 53, д. 40, лл. 26—27.

разом городских и охранников, была организована другая комиссия. Она наскоро допрашивала задержанных, после чего их продолжали держать на положении арестованных или освобождали; офицеров обычно передавали в распоряжение Военной комиссии.

Перед Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов встал тогда вопрос о возобновлении издания газет. В связи с всеобщей забастовкой в Петрограде не выходила ни одна газета (за исключением «Известий Совета рабочих и солдатских депутатов»). Издатели и редакторы газет и журналисты протестовали против забастовки, говорили, что отсутствие газет влечет за собой «смуту слухов», во имя свободы печати и в целях информации населения о происходящих событиях они требовали прекращения забастовки в типографиях и возобновления выпуска газет. Собрание членов Всероссийского общества редакторов ежедневных газет, приветствуя Временный комитет Государственной думы как «единый орган власти», просило его принять меры «для обеспечения правильного выхода ежедневных газет»¹²⁷. Но редакторам пришлось убедиться, что думский Комитет вовсе не является «единым органом власти» и его меры недостаточны, чтобы голос умолкнувшей прессы заговорил. Ни одна газета не могла выйти в свет без разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов, а Совет понимал, что дать разрешение на возобновление выхода существовавших газет в момент обостренной революционной борьбы было бы равносильно оказанию помощи защитникам старого порядка, удару по революционному лагерю. Издатели и редакторы возмущались и протестовали, но ни они, ни Временное правительство ничего реального предпринять не могли.

Судьба печати находилась в руках Совета. «Ни у кого не возникало сомнений в том, — писал Н. Суханов, — что этот вопрос (о возобновлении выпуска газет. — Э. Б.) должен решить Совет рабочих и солдатских депутатов, который один только и может осуществить это решение; ни у кого не возникло сомнения в том, что этот акт защиты революции нет нужды, нет оснований представлять на усмотрение нового правительства из правого крыла, нет нужды испрашивать его санкции и даже доводить до его сведения. Реальную силу здесь имел только Совет, располагавший, в частности, всей армией типографских рабочих»¹²⁸.

Наиболее реакционные черносотенные газеты были полностью дискредитированы, редакции их разгромлены восставшим народом, сотрудники разбежались, но опасность их возобновления не была исключена. 5 марта Исполком Совета постановил: «Воспрепятствовать выход в свет всем черносотенным изданиям, как-то „Земщина“, „Голос Руси“, „Колокол“, „Русское знамя“ и др.». Крайне

¹²⁷ «Известия Комитета петроградских журналистов», № 5, 2 марта 1917 г.

¹²⁸ Н. Суханов. Указ. соч., кн. 1, стр. 111.

реакционная газета «Новое время» вышла без разрешения Исполнительного комитета. И последний решил «закрыть эту газету впредь до особого распоряжения»¹²⁹.

Общество журналистов и редакторов выразило протест против этого решения Исполкома Совета. Оно заявило, что считает «принципиально недопустимым какую бы то ни было цензуру». Но Исполком Совета отклонил этот протест. В протоколе заседания 6 марта записано: «Обсудив заявление представителей печати, Исполнительный Комитет постановил подтвердить свою прежнюю позицию по отношению к этому вопросу, т. е. 1) неразрешение к выпуску контрреволюционных изданий и 2) разрешить к выпуску газ. „Новое время“ и, если окажется возможным по техническим условиям, и газ. „Копейка“». Комитет решил ввести представительство от русских и иностранных журналистов в издательско-типографскую комиссию Совета¹³⁰. Решение о выпуске газеты «Новое время» и открытии ее типографии состоялось после того, как владелец этой типографии дал письменное обязательство Совету, что в его типографии «Новое время» антиреволюционная литература издаваться не будет.

Исполком Совета давал разрешение на выход каждой газеты в отдельности. Даже газета «Правительственный вестник» (она теперь стала называться «Вестник Временного правительства») вынуждена была обращаться к Совету за разрешением на печатание и распространение. 6 марта в Исполком Совета поступило такое отношение: «Приступая согласно указаний Петроградоначальника к выпуску газеты „Ведомости Петроградского Общественного Градоначальства“, покорнейше прошу ИК СР и СД разрешить наборщикам, метранпажам, мастерам и др. приступить к работе по выпуску газеты. Редактор (подпись)»¹³¹.

Разрешение на выпуск газет Исполком Совета давал лишь несколько дней. 10 марта он вынес решение, что «все издания могут впредь выходить без предварительной санкции Исполнительного комитета». Буржуазная пресса снова заговорила полным голосом. Правда, ей пришлось основательно перестроиться. Все газеты приветствовали революцию, возвещая о том, что над Россией взошло солнце свободы, призывали к единению все живые силы страны и т. д. «Новое время» удалила из редакции наиболее реакционных сотрудников и уверяла читателей в преданности новому строю. «Русская Воля», тоже почистив свой аппарат, раньше кадетской «Речи» провозгласила на своих страницах лозунг «Демократическая республика», печатая каждый день огромными буквами эти слова на своей первой странице. Некоторые

¹²⁹ «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы Исполнительного комитета», стр. 14.

¹³⁰ Там же, стр. 18.

¹³¹ Архив Октябрьской революции Ленинградской области, ф. 4000, оп. 1, д. 9, л. 6.

буржуазные газеты стремились завоевать популярность с помощью дешевой сенсации, расписывая на всякие лады тайны дома Романовых, сообщая подробности интимной жизни царицы, печатая рассказы о похождениях Распутина и т. д. Вместе с тем буржуазная пресса исподволь переходила в наступление на революционные силы. Хотя Совет отменил запрет, наложенный на издание реакционных органов, буржуазные деятели обвиняли Совет в нарушении «свободы печати».

В числе первоочередных вопросов, вставших перед Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, был вопрос о судьбе бывшего царя и других членов свергнутой династии Романовых. Член союза офицеров-республиканцев Любарский рассказывал, что несколько членов этого союза и солдат обсудили меры, которые следует предпринять в отношении Николая II и его семьи, чтобы предупредить восстановление монархии. Собравшиеся решили арестовать Николая II, не распространяя эту меру на всю царскую фамилию, поскольку она призвала новый порядок вещей. Возникло опасение, что Николай может уехать в Ставку Верховного Главнокомандования или на юг, чтобы собрать вооруженные силы для подавления революции. В связи с этим намечалась отправка отрядов рабочих и солдат с поручением — отрезать Николаю пути в Ставку и на юг и арестовать его.

Вопрос о Николае II и других членах династии обсуждался на заседании Исполнительного комитета Совета, состоявшемся 3 марта. Исполком Совета постановил: «арестовать династию Романовых и предложить Временному правительству произвести арест совместно с Советом рабочих и солдатских депутатов. В случае же отказа запросить, как отнесется Временное правительство, если Исполнительный комитет сам произведет этот арест. По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии. По отношению к Николаю Николаевичу, ввиду опасности арестовать его на Кавказе, предварительно вызвать его в Петроград и установить в пути строгое над ним наблюдение. Арест женщин из дома Романовых производить постепенно в зависимости от роли каждой в деятельности старой власти»¹³².

На этом постановлении Исполнительного комитета Совета лежит печать нерешительности. Понимая необходимость ареста бывшего царя и некоторых других членов романовской династии, Исполком Совета не осуществил самостоятельно эту важную меру. Чхеидзе и Скобелев довели до сведения Временного правительства постановление Исполкома Совета об аресте Николая II и стали ждать ответа правительства. Между тем свергнутый царь предполагал на время войны уехать в Англию с тем, чтобы после

¹³² «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы Исполнительного комитета», стр. 9.

окончания ее вернуться в Россию. Через Алексеева Николай II вступил по этому вопросу в переговоры с Временным правительством. В записке Николая Романова говорилось: «Потребовать от Временного правительства следующие гарантии: 1) о беспрепятственном проезде моем с лицами, меня сопровождающими, в Царское Село, 2) о безопасном пребывании в Царском Селе до выздоровления детей с теми же лицами, 3) о беспрепятственном проезде до Романова на Мурмане (ныне город Мурманск. — Э. Б.) с теми же лицами, 4) о приезде по окончании войны в Россию для постоянного жительства в Крыму, в Ливадии». Алексеев поддержал все требования, выдвинутые Николаем II, за исключением четвертого пункта. Согласилось с этими «гарантиями» и Временное правительство. 6 марта Львов писал Алексееву: «Временное правительство разрешает все эти вопросы утвердительно, примет все меры, имеющиеся в его распоряжении: обеспечить беспрепятственный проезд в Царское Село, пребывание в Царском Селе и проезд до Романова на Мурмане»¹³³.

Судя по этому ответу, Временное правительство решило отправить бывшего царя в Англию через порт Романов. Оно, видимо, сознательно не сообщало об этом решении Совету, боясь его противодействия. 6 марта Чхеидзе доложил Исполнительному Комитету Совета, что правительство до сих пор не дало окончательного ответа, что через генерала Алексеева поступило заявление Николая Романова о его желании прибыть в Царское Село, против чего Временное правительство, видимо, не возражает. Заслушав доклад Чхеидзе, Исполнительный комитет постановил: немедленно предложить Военной комиссии принять меры к аресту Николая Романова¹³⁴. Но и на этот раз меры приняты не были. Между тем требования об аресте и предании Николая Романова народному суду становились все более настойчивыми. Широкие массы народа были возмущены, что бывший царь и некоторые члены дома Романовых находятся в Ставке и общаются с действующей армией. Появились подозрения, что генералитет под эгидой царя готовит заговор против революции.

7 марта в Исполнительный комитет Совета поступило заявление: «Нижеподписавшиеся члены Совета рабочих и солдатских депутатов заявляют о следующем: 1) В широких массах рабочих и солдат, завоевавших для России свободу, существует крайнее возмущение и тревога, вследствие того, что низложенный с престола Николай II Кровавый, уличенная в измене России жена его, сын его Алексей, мать его Мария Федоровна, а также все прочие члены дома Романовых находятся до сих пор на полной свободе и разъезжают по России и даже на театре военных действий, что является совершенно недопустимым и крайне опасным

¹³³ «Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 54—55.

¹³⁴ «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы Исполнительного комитета», стр. 17.

для восстановления нормального порядка и спокойствия в стране и в армии и для успешного хода защиты России от внешнего врага; 2) Мы предлагаем Исполнительному комитету немедленно потребовать, чтобы Временное правительство безотлагательно приняло самые решительные меры к сосредоточению всех членов дома Романовых в одном определенном пункте под надежной охраной народной революционной армии»¹³⁵. Под этим заявлением стояло 95 подписей.

Опасаясь, что Совет рабочих и солдатских депутатов примет самостоятельные меры к аресту Николая Романова и его семьи, Временное правительство решило предупредить его действия. 7 марта оно, наконец, постановило «признать отреченных Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село»¹³⁶. Временное правительство стремилось придать этому акту возможно более мягкие формы. Александра Федоровна была подвергнута домашнему аресту в Царском Селе. А Николай? Подобно тому, как Гучков и Шульгин, без ведома Совета, ездил в Псков, чтобы получить от царя согласие на отречение, члены Думы Бубликов, Вершинин, Грибков без ведома Совета отправились в Могилев, чтобы доставить отрекшегося царя в Царское Село. В предписании Временного комитета Государственной думы Вершинину говорилось, что он направляется «для сопровождения отрекшегося Николая II при следовании его из Могилева в Царское Село»¹³⁷.

В 3 часа дня 7 марта депутаты Думы прибыли в Могилев, но встретиться с Николаем II не решились. Считая, что царю легче будет получить приказ об аресте от более близкого человека, они просили Алексеева эту миссию взять на себя. Никакого ареста царя не последовало. Был сформирован обычный императорский поезд, в котором вместе с царем расположилась его свита и прислуга. Получив в свое распоряжение солдат, депутаты Думы сели в вагон, прикрепленный к хвосту императорского поезда, так и не увидев бывшего царя. Поезд тронулся к Царскому Селу. Сопровождавшие его депутаты отдавали распоряжения об остановках и о маршрутах, просматривали телеграммы, получавшиеся в дороге, и осведомляли столичные власти о ходе движения поезда. Едва поезд подошел к Царкосельскому вокзалу, Николай выскочил из вагона и, пересев в автомобиль, поехал в Александровский дворец. Бумаги царя конфискованы не были. Это дало возможность уничтожить многие из них. «Продолжал сжигать письма и бумаги», — писал Николай II в своем дневнике 11 марта 1917 г.¹³⁸

¹³⁵ «Красный архив», 1937, № 2 (81), стр. 122—123.

¹³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 2, д. 3, л. 15.

¹³⁷ Там же, ф. 1273, оп. 10, д. 6, л. 22.

¹³⁸ «Красный архив», 1927, № 1 (20), стр. 138.

Разрешив бывшему царю разместиться в Александровском дворце, Временное правительство вело переговоры с английским правительством об отправке Николая Романова и его семьи в Англию. В своих воспоминаниях Д. Бьюкенен рассказывает, что 8 марта, когда бывший царь еще находился в Ставке, он спросил Милюкова, правда ли, что царь Николай II арестован. «Я напомнил ему, — пишет Бьюкенен, — что император является близким родственником и интимным другом короля, прибавив, что буду рад получить уверенность в том, что будут приняты всяческие меры к его безопасности. Милюков заверил меня в этом. Он не сочувствует тому, сказал он, чтобы император последовал в Крым, как первоначально предполагал его величество, и предпочитал бы, чтобы он остался в Царском, пока его дети не отправятся в достаточной степени от кори, для того, чтобы императорская семья могла выбыть в Англию. Затем он спросил, делаем ли мы какие-нибудь приготовления к их приему. Когда я дал отрицательный ответ, то он сказал, что для него было бы крайне желательно, чтобы император выехал из России немедленно. Поэтому он был бы очень благодарен, если бы правительство его величества предложило ему убежище в Англии и если бы, кроме того, заверило, что императору не будет дозволено выехать из Англии в течение войны»¹³⁹.

Через день Бьюкенен сообщил Милюкову, что король и правительство Англии будут счастливы исполнить просьбу Временного правительства — предложить Николаю II и его семье убежище в Англии. «В случае, если это предложение будет принято, — прибавил я, — то русское правительство конечно благоволит ассигновать необходимые средства для их содержания. Заверяя меня в том, что императорской семье будет уплачиваться щедрое содержание, Милюков просил не разглашать о том, что Временное правительство проявило инициативу в этом деле. Затем я выразил надежду, что приготовления к путешествию их величеств в порт Романов будут сделаны без проволочки»¹⁴⁰.

8 марта Исполком Совета принял еще одно, но более категорическое, чем прежде, постановление. В протоколе за это число говорится: «Об аресте Николая II и его семьи. Решено арестовать всю семью, конфисковать немедленно их имущество и лишить права гражданства. Для ареста послать своего парламентаря с той делегацией, которая будет производить арест»¹⁴¹. С осуществлением этого решения нельзя было медлить. В ночь на 9 марта руководители Совета узнали о предстоящей отправке царя за границу. Выезд царя за пределы России создавал серьезную угрозу

¹³⁹ Д. Бьюкенен. Мемуары дипломата, стр. 218.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы Исполнительного комитета», стр. 28.

революции. В сообщении, опубликованном в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» 10 марта, говорилось: «Исполнительный комитет Совета признал пагубным для дела русской революции как оставление Николая II на свободе, так и выезд его за границу, где он, располагая колоссальными средствами, припрятанными на черный день в заграничных банках, мог бы организовать заговоры против нового строя, питать черносотенные происки, рассылая наемных убийц и т. д.»

В такой обстановке Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов сделал, наконец, самостоятельные шаги, чтобы обезвредить бывшего царя, предупредить его отъезд за границу и подвергнуть его аресту. По распоряжению Исполкома вокзалы столицы были заняты частями, верными Совету. На станции Царское Село, Тосно, Званка были направлены комиссары Совета. От имени Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов по всем железным дорогам и другим путям сообщения комиссарам, местным комитетам и воинским частям была разослана радиограмма, в которой говорилось: «Всем сообщается, что предполагается побег Николая II за границу. Дайте знать по всей дороге вашим агентам и комитетам, что Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов приказывает задержать бывшего царя и немедленно сообщить Исполнительному Комитету — Таврический дворец — для дальнейшего распоряжения»¹⁴².

На заседании 9 марта Исполнительный комитет Совета принял решение: «Объявить немедленно Временному правительству о непреклонной воле Исполнительного комитета не допустить отъезда в Англию Николая Романова и арестовать его. Местом водворения Николая Романова решено назначить Трубецкой бастион Петропавловской крепости, сменив для этой цели командный состав последней. Арест Николая Романова решено произвести во что бы то ни стало, хотя бы это грозило разрывом сношений с Временным правительством»¹⁴³. Как только стало известно, что поезд бывшего царя прибыл в Царское Село, Исполком Совета направил туда полковника С. Масловского, подпоручика А. Тарасова-Родионова и отряд солдат. Какая задача была поставлена перед ними? М. Скобелев утверждает: «Хотели проверить, достаточно ли строго содержат царя»¹⁴⁴. Однако первоначальная задача отряда, видимо, была иная. Сохранился текст приказа от 9 марта 1917 г. полковнику С. Масловскому: «С получением сего предписывается вам немедленно отправиться в Цар-

¹⁴² Государственный музей революции СССР, ф. листовок, явл. № 23316/21.

¹⁴³ «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы Исполнительного комитета», стр. 29.

¹⁴⁴ Личный фонд М. Полиевктова. Материалы Комиссии опросов. Беседа с М. Скобелевым.

ское Село в качестве чрезвычайного комиссара Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и принять на себя всю административную и военную власть в Царском Селе. Гарнизону Царского Села предписывается подчиниться всем распоряжениям полковника С. Масловского по выполнению данного ему важного политического акта. Председатель ИК СР и СД Чхеидзе. Секретарь Капелинский»¹⁴⁵. Имеется и текст предписания о формировании отряда солдат в 250 человек «в распоряжение подпоручика Тарасова-Родионова, действующего по уполномочию Исполнительного комитета»¹⁴⁶.

Столь многочисленный отряд солдат направлялся в Царское Село едва ли для того, чтобы проверить, «достаточно ли строго содержат царя». Тарасов-Родионов рассказывал, что они направились туда, чтобы не допустить отъезда бывшего царя в Англию, арестовать и заключить его в Петропавловскую крепость, «захватить Николая Романова и привезти его в Питер живым или мертвым»¹⁴⁷.

Но это задание Совета не было выполнено. Прибыв в Царское Село, С. Масловский повел переговоры с начальником царско-сельского гарнизона, с комендантом Александровского дворца и другими начальниками, требуя от них выдачи Николая Романова. Они отказались подчиниться представителю Совета и заявили, что, согласно распоряжению командующего округом, никуда не выпустят бывшего царя. Дело закончилось тем, что Масловскому показали живого Николая Романова, убедив его, что бывший царь находится под надежной охраной. «Я видел сейчас царя, — сказал Масловский Тарасову-Родионову. — Я настоял, чтобы его мне предъявили. И этого вполне достаточно. . . Да и зачем, спрашивается, его увозить? Я говорил с солдатами. . . Ведь они же ручаются, что никуда и ни за что не выпустят отсюда Николая»¹⁴⁸. Масловский связался по телефону с Исполнительным комитетом Совета и получил одобрение своим действиям. Миссия Масловского считалась законченной.

Обе стороны — Временное правительство и Совет — пошли на уступки. Совет снял вопрос о заключении бывшего царя в Петропавловскую крепость, Правительство отказалось (видимо, временно) от своего плана отправки Николая Романова в Англию, тем более, что осуществить это не представлялось возможным, — все вокзалы и пути находились в руках рабочих и солдат. Правительство обещало не предпринимать ничего в отношении Николая II и его семьи без согласия Совета.

¹⁴⁵ Государственный музей революции СССР, ф. листовок, инв. № 12/200.

¹⁴⁶ Там же, инв. № 12/429.

¹⁴⁷ А. Тарасов-Родионов. Февраль. М., 1931, стр. 315.

¹⁴⁸ Там же, стр. 322.

На заседании Исполкома Совета 9 марта Чхейдзе сообщил: «Под давлением Исполнительного комитета Временное правительство отказалось от мысли разрешить Николаю Романову выехать в Англию без особого на то согласия Исполнительного комитета. Временно он оставлен в Царском Селе. Временное правительство и министр юстиции Керенский гарантируют, что он никуда не уйдет. Временное правительство согласно, чтобы Исполнительный комитет назначил в Царское Село комиссара для надзора, дабы Николай II никуда не уехал»¹⁴⁹. В тот же день 9 марта Масловский и Тарасов-Родионов информировали Исполком: «Охрана дворца находится в руках революционных войск. Издан приказ, чтобы никого не впускать и не выпускать из дворца. Все телефоны и телеграфы выключены. Николай Романов находится под бдительным надзором. Солдат там около трехсот из состава 3 стрелкового полка... Все письма и телеграммы доставляются в караульное помещение. Представитель (Совета. — Э. Б.) был во внутренних покоях и видел лично Николая Романова. Полк просил передать, что он будет бессменно караулить, чтобы не выпускать его... Будучи уверенными в надежности караула, представители (Совета. — Э. Б.) считают возможным оставить Николая в прежнем состоянии». Кто-то из членов Исполкома спросил представителей Совета: «Почему же вы не перевезли его в Петропавловскую крепость?» — Но этот вопрос не получил поддержки; к прежнему решению не возвращались. Обсудив сообщение, Исполком Совета «постановил командировать С. Д. Масловского в качестве комиссара ИК для контроля над охраной и организацией всего дела».

Революционные рабочие и солдаты сорвали отъезд Николая Романова за границу. Но возвращение к подобного рода планам не было исключено. На заседании Совета рабочих и солдатских депутатов 10 марта Н. Соколов не отрицал возможности выезда Николая Романова за границу и предлагал прежде всего решить в интересах народа вопрос о судьбе его имущества, его личных вещей и крупных денежных вкладов в английских и других иностранных банках; «раньше этого выпускать его за границу не следует». Таким образом, для бывшего царя дверь за границу не была закрыта наглухо. Было лишь признано, что «вопрос о выезде Николая II и других членов императорской фамилии за границу будет разрешен не иначе как по согласованию между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов»¹⁵⁰.

Вследствие противодействия Совета рабочих и солдат, русской и английской буржуазии не удалось осуществить свои намерения

¹⁴⁹ «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы Исполнительного комитета», стр. 30.

¹⁵⁰ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 10 марта 1917 г.

в отношении Николая Романова. «Нам не оставалось ничего более делать, — пишет Бьюкенен, — мы предложили убежище императору, согласно просьбе Временного Правительства, но так как противодействие Совета, которое оно напрасно надеялось преодолеть, становилось все сильнее, то оно не отважилось принять на себя ответственность за отъезд императора и отступило от своей первоначальной позиции... нам было бесполезно настаивать на разрешении императору выехать в Англию, когда рабочие угрожали разобрать рельсы впереди его поезда. Мы не могли предпринять меры к его охране на пути в порт Романов. Эта обязанность лежала на Временном правительстве. Но так как оно не было хозяином в собственном доме, то весь проект в конце концов отпал»¹⁵¹.

Хозяином положения и после образования Временного правительства оставался Совет рабочих и солдатских депутатов. Буржуазия же стремилась сосредоточить всю власть в своих руках. Некоторые буржуазные и мелкобуржуазные деятели, признавая большую роль Совета в прошлом, хотели ограничить его роль в настоящем. Кадет В. Кузьмин-Караваев впоследствии писал: «Его (Совет. — Э. Б.) оставила в наследство революция 1905 года. Двенадцать лет революция не мыслилась иначе, как под его водительством. Он образовался с первым ружейным выстрелом... Пусть он сыграл тогда историческую роль. Сыграл — и должен был уйти как организация боевая, как организация для борьбы, а не для творчества, тем менее для государственного строительства». Но Совет не мог уйти, оставив поле деятельности буржуазии, а буржуазия при всем желании не могла убрать с дороги Совет. Это и создавало ту политическую неустойчивость, которая была характерна для двоевластия.

Народный социалист В. Мякотин, признавая заслуги Петроградского Совета в свержении царизма, осуждал его за то, что он вытеснял выступить в роли правительства, обращаясь к населению с прямыми приказами и распоряжениями вроде приказа № 1¹⁵². Но к таким действиям толкала Совет сама жизнь. Двоевластие отражало реальное соотношение сил, сложившееся в результате свержения царизма. Совет рабочих депутатов добровольно отрекся от власти в пользу буржуазии, но интересы пролетариата и буржуазии были настолько противоположны, что, опираясь на вооруженную силу и доверие народа, Совет по существу остался неофициальным правительством страны.

Так противоречиво и непоследовательно вторая русская революция разрешила главный вопрос — вопрос о власти. Остались нерешенными и другие вопросы, затрагивавшие самые насущные

¹⁵¹ Д. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 249.

¹⁵² В. Мякотин. Великий переворот и задачи момента. Пг., 1917, стр. 7.

и жизненные интересы трудящихся. Только дальнейшее развитие и углубление революции, ее переход к новому, социалистическому этапу могли обеспечить их решение.

Как же развернулась борьба за дальнейшее развитие революции в Петрограде в первые дни после свержения царизма?

В ПЕТРОГРАДЕ ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ ЦАРИЗМА

В результате свержения царизма революционные силы столицы, бывшие в глубоком подполье, получили возможность развернуть широкую легальную деятельность. 28 февраля, когда на улицах Петрограда еще не утихли бои и у казарм самокатного батальона шла перестрелка, недалеко от этих казарм в квартире В. Каюрова по Большому Сампсониевскому проспекту собрались члены Выборгского комитета РСДРП, представители Бюро ЦК и партийные работники, только что освобожденные из тюрем. Собрание решило немедленно сформировать Петербургский комитет большевиков из тех, кто в разное время был в его составе, а Выборгскому комитету возвратиться к своим прямым обязанностям. Одним из первых шагов Выборгского райкома РСДРП было создание агитационной коллегии. Особенно большую агитационную работу в районе развернули тогда Женя Егорова, Семен Рошаль, М. Лацис («Дядя») и др.

Восстановить общегородской партийный центр, связать между собой отдельные районы огромного города в условиях остановившегося транспорта, в сутолоке революционных событий было нелегкой задачей. «Работы по горло, — вспоминает Лацис, — бегаем все, высунувши языки. Трамвай не ходят, а лошадей и автомобилей нет. Не то, что их нет, имеются, но нам уже не дают. В первые дни еще не разобрались и давали иногда, но теперь партийному комитету уже не дают, партком показал свое революционное лицо... все валимся с ног, не спавшие, голодные. Весенняя слякоть. В растоптанных сапогах шлепаем от завода к заводу. А мимо мчатся автомобили... победители катаются»¹⁵³.

Только что выпешшие из тюрем и подполья большевики, вовлеченные в бурные революционные события, не могли сразу установить связи друг с другом. Н. Толмачев 10 марта писал из Петрограда в Ростов-на-Дону своим родным: «Со светлым праздником российского освобождения, дорогие. В эти дни общей амнистии амнистируйте и меня за преступное молчание. Захваченный революционным движением, я ни о чем и ни о ком не думал, все и вся позабыл... Я как 22-го числа попал, идя на службу, в 20-тысячную демонстрацию, так и не мог опомниться до последних дней. Был, конечно, везде: и на первых демонстрациях, и

¹⁵³ «Красная газета», 12 марта 1922 г.

во время стрельбы, и при восстании войск, потом вместе с солдатами в арсеналах Петропавловска, таял револьверы, винтовки, ездил на автомобиле арестовывать жандармов, был на митингах, на собраниях, говорил сам. В такие дни быть в стороне невозможно. И вот только на днях отрезвился. А поцап в водоворот событий, делаешься щепкой, которую носит, вертит, крутит»¹⁵⁴. В. Шмидт рассказывал: «Мы старые пекисты (члены Петербургского комитета РСДРП. — Э. Б.), выйдя из тюрьмы, как-то растаяли в общей толпе. Кое-как мы друг друга разыскали, одни побежали в районы устанавливать старые связи, другие побежали организовать легальные типографии и квартиры. Было условлено на завтра встретиться для оформления П. К., но встретиться удалось лишь 2 марта»¹⁵⁵.

Первое собрание Петербургского комитета РСДРП состоялось 2 марта в городской бирже труда, помещение которой хорошо знали рабочие и которую возглавлял большевик Л. Михайлов (Политикус). К этому времени в Петрограде существовали 10 районных партийных организаций, а также студенческая социал-демократическая организация. Не все они были представлены на этом заседании. Здесь присутствовали делегаты Выборгского, Нарвского, Василеостровского районов, латышской социал-демократии, социал-демократии Польши и Литвы и некоторых рабочих организаций, старые партийные работники, всего человек 40. Не признавая себя вправе создавать постоянный партийный центр, собрание решило избрать Временный Петербургский комитет, включив в него представителей районов, имевших полномочия, и членов Комитета прежних составов. В Петербургский комитет вошли В. Залежский, М. Калинин, Б. Авилов, К. Шутко, Н. Подвойский, К. Орлов, А. Антипов и другие товарищи. Председателем ПК был избран Л. Михайлов. Секретарем — В. Шмидт. Н. Антипову было поручено создать коллегию агитаторов. К. Шутко — литературную комиссию. К. Орлову, назначенному ответственным организатором, предложили немедленно установить связи с местами и пригласить в Комитет делегатов еще не представленных в нем районов.

Петербургский комитет РСДРП поставил целью укрепить и расширить ряды партии и установить возможно более широкие связи с массами рабочих и солдат, начать прием в члены партии, развернуть агитацию среди трудящихся, особенно среди солдат, и в этих целях добиться пропуски в казармы. ПК обязал ораторов-большевиков разъяснять массам необходимость продолжать революционную борьбу, чтобы добиться полной ликвидации монархического строя и незамедлительного созыва Учредительного собрания. Было решено приступить к выпуску партийной лите-

¹⁵⁴ Ленинградский партийный архив, ф. 4000, оп. 7, д. 2094, лл. 20—21.

¹⁵⁵ «Правда», 12 марта 1927 г.

ратуры, листовок и обращений к рабочим и солдатам, издать программу и устав РСДРП, плакаты, организовать библиотеку.

В. Шмидт отмечает, что работа пошла на лад, быстро стали восстанавливаться связи с местами, но все же первые дни революции были упущены, чем и воспользовались меньшевики. Низенькие душевные комнаты верхнего этажа Виржи труда, где помещался Петербургский комитет большевиков, были постоянно набиты народом. ПК и его Исполнительная комиссия заседали почти непрерывно. «Шмидт был организующим центром работы, исполняя обязанности секретаря, Подвойский сносился с периферией, с партийными посетителями, от которых отбоя не было, давал директивы агитаторам и держал связь с редакцией «Правды» (через него шла туда вся информация от нас); Владимир (Залежский, — Э. Б.), постоянно активно участвуя в обсуждении тактических вопросов, кроме того, исполнял представительские функции, выступая от имени ПК на больших митингах и представляя партию перед беспартийными организациями»¹⁵⁶. Петербургский комитет РСДРП опирался на местные районные и заводские организации. Уже 5 марта газета «Правда» отмечала, что «районные организации партии растут не по дням, а по часам. Организованные рабочие не довольствуются организациями по районам, они организуют партийные ячейки по подрайонам и даже по отдельным заводам»¹⁵⁷.

Значительную работу развернул тогда и временный всероссийский партийный центр — Бюро Центрального Комитета РСДРП. В первые дни революции оно обосновалось в Таврическом дворце. Там было установлено дежурство членов Бюро и организован его небольшой аппарат. Е. Д. Стасова, незадолго до революции приехавшая из ссылки в Петроград, в ночь на 25 февраля была арестована царскими властями. Освобожденная из полицейского участка восставшим народом, она возглавила секретариат Бюро ЦК. «В мои обязанности, — писала Е. Стасова, — во-первых, входил прием товарищей и ответ на все их вопросы по всем областям партийной деятельности, снабжение их литературой, во-вторых, ведение протоколов заседаний Оргбюро, в-третьих, писание и рассылка всех директив ЦК, в-четвертых, — финансы»¹⁵⁸.

Члены Бюро ЦК, вышедшие из подполья (А. Шляпников, П. Залуцкий, В. Молотов), не могли одни справиться с огромным объемом работы, ждать же партийного съезда или конференции, чтобы выбрать на нем партийный центр, было невозможно. Бюро ЦК стало кооптировать в свой состав партийных работников, освобожденных из тюрем и ссылки. 7 марта 1917 г. оно вынесло решение: «Ввиду необходимости расширить состав Б. Ц. К.,

¹⁵⁶ Ф. Дьянгельштедт. Весна пролетарской революции. — «Красная летопись», 1925, № 1 (12), стр. 201.

¹⁵⁷ «Правда», 5 марта 1917 г.

¹⁵⁸ Е. Д. Стасова. Страницы жизни и борьбы. М., 1957, стр. 84—85.

так как наличный состав не может справиться со всей работой момента, а также потому что бывшие члены Бюро вышли в настоящее время из тюрем, ввести в свой состав К. Еремеева, К. Шведчикова, М. Калинин, К. Шутко и М. Хахарева». В Бюро ЦК входили также В. Залежский, Г. Бокий, ведавший связями с провинцией, А. И. Елизарова, М. И. Ульянова, М. Ольминский и др. На заседании Бюро ЦК РСДРП 12 марта был установлен принцип кооптации в состав Бюро ЦК новых членов. «Б. Ц. К. привлекает в свой состав тех лиц, которых оно считает полезным по своему политическому кредо, но отнюдь не ставит расширение своего состава в зависимость от несения тем или другим членом каких-либо функций. Итак Бюро приглашает в свой состав ценных теоретических работников, а затем уже распределяет между ними работу»¹⁵⁹.

Бюро ЦК и Петербургский комитет РСДРП, выйдя из подполья, стремились возможно быстрее возобновить издание газеты «Правда». К. Еремеев, А. Гертик, Н. Полетаев, К. Шведчиков, С. Закс-Гладнев, Д. Арский и другие старые правдисты энергично взялись за выполнение этой задачи. С мандатом Исполнительного комитета Совета и небольшим отрядом солдат они явились в типографию газеты «Сельский вестник», принадлежавшую Министерству внутренних дел, чтобы использовать ее для печатания «Правды». Прочитав мандат Исполкома, управляющий заметил, что в нем ничего не сказано о бумаге, «но его прервал К. Еремеев: „по-вашему что же, можно печатать газету не на бумаге?“. Этот „довод“ подействовал на управляющего не столько прямой своей логикой, сколько „аргументом“ вооруженного караула павловцев. Поэтому, лебезя, перепуганный управляющий поспешил доложить нам, что казенный запас бумаги равняется что-то около 16 000 пудов». Вскоре подошли Фабрикевич (Гиевич), Н. Подвойский, В. Молотов и другие, стали обсуждать план первого номера»¹⁶⁰.

Закс-Гладнев писал, что первый номер «Правды» составлялся с трудом. «Публика отвыкла уже писать для газеты. Кроме того, бурные события последних дней у нас еще не перебрали, не отстоялись еще мысли, не выкристаллизовались формулы... Очень большую роль при составлении первого номера сыграло коллективное творчество. Я написал две статьи: от первой осталась, помнится, одна фраза, которую пристегнули к чьей-то другой статье, вторая — о программе и уставе нашей партии — пошла в номер в сильно урезанном и обципанном виде. Такая же участь постигла статьи прочих авторов... почти не было технических работников. Многие из нас остались выполнять всевозможные

¹⁵⁹ «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, стр. 143.

¹⁶⁰ С. Закс-Гладнев. Возобновление «Правды». — «Журналист», 1927, № 2, стр. 17—18.

технические функции — корректоров, выпускающих и т. д... Утром некому было продавать газету, в Питере некому было отправлять первый номер в провинцию»¹⁶¹.

Первый номер «Правды» вышел 5 марта 1917 г., бесплатно распространялся по заводам, фабрикам, казармам Петрограда и был отправлен в другие города страны. Он начинался знаменательными словами: «Рабочий класс годами борьбы и тысячами жертв, поддержанный революционной армией, завоевал свободу. Позиция „Правды“ оказалась правильной. Осуществляются сильной рукой рабочего класса свободы, за которые боролась наша рабочая газета. Взошла заря новой жизни. В эти великие дни возрождается рабочая газета... Рабочая газета „Правда“ была органом революционного рабочего класса в тяжелых условиях самодержавного режима. Рабочая газета „Правда“ будет служить рабочему классу в дни революции и в дни свободы».

В первую редакцию возобновленной «Правды» вошли В. Молотов, К. Еремеев, М. Калинин и в качестве секретаря редакции — А. И. Елизарова, в «Правде» работала и М. И. Ульянова. Из Москвы для работы в газете был вызван старый партийный журналист М. Ольминский. Он стал играть большую роль в газете. В первых номерах «Правды» часто печатались его статьи, иногда по две-три в номере. Как и в годы царизма, «Правда» существовала на взносы трудящихся. В первом же номере газеты было помещено обращение к рабочим: «Товарищи рабочие! Помните, что теперь, как и прежде, рабочая печать может существовать только на средства самих рабочих». Газета предлагала открыть сбор пожертвований в «железный фонд» рабочей печати.

Перед партией революционного пролетариата остро стоял в эти дни вопрос об отношении к Совету рабочих и солдатских депутатов. На заседании 2 марта Петербургский комитет большевиков подверг деятельность Совета резкой критике. Члены ЦК указывали, что меньшевики, получив места в Совете захватным путем, не выражают настроений большинства сознательных рабочих, что «Известия Совета рабочих депутатов» не проводят революционной линии, а руководители Совета плетутся в хвосте думского Комитета, стремящегося заключить сделку с свергнутым царизмом. Предлагалось шире развернуть агитацию в районах, критиковать действия Совета и оказывать на него давление снизу, более последовательно высказывать на Совете свою точку зрения¹⁶².

Критикуя деятельность Петроградского Совета, большевики недостаточно решительно выступили против его основной линии. Собравшись после того, как Совет рабочих депутатов принял по-

¹⁶¹ С. Закс-Гладнев. Возобновление «Правды». — Журналист, 1927, № 2, стр. 17—18.

¹⁶² «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году». М.—Л., 1927, стр. 4.

становление об условной поддержке Временного правительства, члены Бюро Центрального Комитета РСДРП решили продолжать борьбу за создание подлинно революционного правительства, способного осуществить требования народа. Однако они не наметили конкретных форм этой борьбы и не исключали возможности воздействия масс на буржуазную власть. 3 марта Бюро ЦК РСДРП приняло резолюцию об отношении к Временному правительству. Оно внесло ее в Петербургский комитет РСДРП с тем, чтобы последний предложил принять ее Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Текст ее гласил: «Находя, что Временное правительство является классовым представителем крупной буржуазии и крупного землевладения и стремится свести настоящую демократическую революцию к замене одной правящей клики другой кликой, а потому неспособно осуществить основные революционные требования народа, Совет рабочих и солдатских депутатов признает, что: 1) главной задачей является борьба за создание Временного Революционного правительства, которое только и может осуществить эти основные требования, 2) Совету рабочих и солдатских депутатов необходимо оставить за собой полную свободу в выборе средств осуществления основных требований революционного народа и, в частности, в выборе способов воздействия на Временное правительство, 3) установление же контроля над Временным правительством в виде особой Контрольной комиссии от Совета рабочих и солдатских депутатов является паллиативной мерой и не достигает поставленной цели контроля над осуществлением основных требований революционной демократии»¹⁶³.

На заседании Петербургского комитета РСДРП 3 марта от имени Бюро ЦК эту резолюцию предложил В. Молотов. Она вызвала оживленные прения, и голоса разделились. Резолюцию Бюро ЦК поддержало меньшинство (Шутко, Калвлин, Толмачев и др.). Большинство же членов ПК (Залежский, Шмидт, Михайлов, Антипов, Федоров и др.), отклонив ее, решило придерживаться линии, более близкой к линии большинства Совета. Принятая на этом заседании резолюция гласила: «ПК РСДРП, считаясь с резолюцией о Временном правительстве, принятой Сов. Раб. и Солд. Деп., заявляет, что не противодействует власти Временного правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа, и объявляет о своем решении вести самую беспощадную борьбу

¹⁶³ Там же, стр. 10—11. В сборнике документов «КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия» (М., 1957) эта резолюция помещена с пометкой «не ранее 9 марта 1917 г.» (стр. 30). В заметке «О первой резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) в марте 1917 года» В. Лаврик справедливо отметил неправильность такой датировки («Вопросы истории КПСС», 1966, № 3, стр. 105—111). Цитированную нами в тексте резолюцию Бюро ПК РСДРП следует датировать 3 марта 1917 г.

против попыток Временного правительства восстановить в какой бы то ни было форме монархический образ правления»¹⁶⁴. Эта резолюция снимала вопрос о создании Временного революционного правительства и порождала иллюзии, будто действия буржуазной власти могут «соответствовать интересам пролетариата и широких слоев народа»¹⁶⁵⁻¹⁶⁶.

5 марта ПК РСДРП снова обсуждал вопрос об отношении к Временному правительству. Представитель Выборгских большевиков внес резолюцию, в которой говорилось, что «задачей момента является создание Временного Революционного правительства, выросшего из объединения местных советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов всей России». Резолюция призывала, в целях полного захвата власти в центре, приступить к частичному захвату власти на местах. ПК РСДРП отклонил эту резолюцию (как и резолюцию Бюро ЦК) и подтвердил свое постановление о Временном правительстве, принятое 3 марта.

Отклонив резолюцию Выборгских большевиков, Петербургский комитет РСДРП не поставил вопроса об устранении буржуазной власти и не отмежевался должным образом от формулы условной поддержки Временного правительства, выдвинутой эсеро-меньшевистским большинством Петроградского Совета.

Обстановка после свержения царизма была очень сложной. Руководители петроградской организации РСДРП не смогли вполне правильно ориентироваться в ней, конкретизировать и развить применительно к новой обстановке, выдвинутое большевистской партией еще в 1905 году, положение о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянстве, о Временном революционном правительстве, и наметить тактику, обеспечивающую наиболее благоприятные условия для перехода к социалистической революции.

Что касается мелкобуржуазных партий, то они и не ставили такую задачу. Они считали социализм делом отдаленного будущего и ограничивали борьбу трудящихся рамками капиталистического строя. В обращении, опубликованном в «Известиях Совета» 1 марта, меньшевистский «Организационный комитет РСДРП» призывал народные массы сплотиться для окончательного разгрома старой власти и образования Временного правительства, которое создает «условия для организации новой свободной России». Но из кого будет состоять это правительство и какую

¹⁶⁴ «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году», стр. 11.

¹⁶⁵⁻¹⁶⁶ В. Залезский впоследствии отмечал, что, взяв формулу, привяту Советом, о поддержке Временного правительства «постольку-поскольку», ПК большевиков вложил в нее новое содержание и тем внутренне обезвредил ее, не вступая в конфликт с Советом (В. Залезский. Из воспоминаний подпольщика. Харьков, 1931, стр. 166). В действительности разница между содержанием формулы ПК РСДРП и Совета была не столь велика: «поддержка» заменена «непротиводействием».

повую Россию станет оно создавать? На эти, как и на многие другие вопросы, в меньшевистском обращении не было ответа. «Организационный комитет» указывал, что если пролетариат сплотит и организует свои силы, он «сможет не только свергнуть старый режим, но и завоевать себе возможно более прочное положение при новом строе». Во имя этой цели меньшевистские лидеры призывали рабочих бороться в дни революции. Эту цель они выдвигали перед рабочим классом и когда царизм был свергнут.

Центральный орган меньшевиков «Рабочая газета» (первый номер газеты вышел 7 марта) исходила из того, что России предстоит пройти долгий период капиталистического развития, при котором государственная власть должна находиться в руках буржуазии. Газета писала, что Совет рабочих и солдатских депутатов не может взять власти потому, что он не пользуется авторитетом в широких слоях буржуазии, а буржуазия играет руководящую роль в экономической жизни страны, — власть Советов была бы «власть призрачная, власть, которая привела бы к немедленному возникновению гражданской войны». «Рабочая газета» призывала демократию, не отстраняя от власти Временное правительство, оказывать на него «максимальное давление для проведения в жизнь демократических требований», помочь ему довести буржуазную революцию до конца. Самому же Временному правительству газета советовала действовать так, как того требуют интересы демократии. И тогда «оно будет непременно пользоваться доверием народа и борьба будет вестись на один фронт против общего врага — остатков старой власти»¹⁶⁷.

Примерно такую же линию проводили эсеры. В Петрограде существовала тогда группа эсеров-интернационалистов, занимавшая левые позиции, в которую входили П. Александрович, С. Масловский и др. В дни революции эта группа вместе с межрайонцами выпускала воззвания, призывавшие не передавать власть буржуазии, а создать правительство революционного народа. Но подобные призывы осуждались А. Керенским, В. Зензиновым и другими лидерами эсеров. 2 марта состоялась Петроградская конференция эсеров. Эта конференция была немногочисленной. На ней присутствовало человек 20—25. Один из деятелей эсеров С. Постников признает, что «партия в настоящем смысле слова в марте 1917 года еще не существовало. За этот месяц происходил только процесс собирания партийных сил, существовавших до этого в неорганизованном виде»¹⁶⁸. Конференция эсеров отмежевалась от позиции эсеров-интернационалистов, высказалась за сотрудничество с Временным правительством и одобрила вступление в него А. Керенского. Она

¹⁶⁷ «Рабочая газета», 7 марта 1917 г.

¹⁶⁸ ЦГАОР СССР, ф. 6065, оп. 1, д. 1, л. 46.

приняла резолюцию, в которой говорилось, что настоятельной необходимостью является «поддержка Временного правительства постольку, поскольку оно будет выполнять объявленную им политическую программу». Конференция призвала вести борьбу «со всякими попытками, подрывающими организационную работу Временного правительства к осуществлению выставленных им политических положений»¹⁸⁹.

Трудовая группа, близкая к эсерам, занимая крайне правый фланг демократии, призвала население всемерно поддерживать Временное правительство и подчиняться ему. В обращении к населению, опубликованном 4 марта, Трудовая группа указывала: «Теперь нет и не может быть места для партийных распри и недоразумений в рядах восставшего народа. Рука об руку и плечом к плечу должны все сочувствующие делу народного освобождения идти на штурм последних твердынь власти, самоотверженно повинувшись Временному правительству, организованному Государственной думой». Ежедневная газета «День» в номере от 5 марта, выражая линию народнических партий и групп (эсеров, трудовиков, народных социалистов), писала: «Мы будем поддерживать Временное правительство, не отказывая себе в праве и не отказываясь от обязанности критиковать отдельные его ошибочные шаги, и в росте сплочения и внутренней дисциплины рабочих и демократических организаций будем искать уверенности в том, что Временное правительство будет твердо стоять на том пути революционного преобразования страны, на который оно встало». Газета считала, что Временное правительство «оказалось на высоте своей задачи». Она осуждала большевистскую «Правду» и одобряла Петроградский Совет «за глубокое понимание момента, политическую дальновидность и умеренность в своем отношении к Временному правительству».

Несмотря на призывы к единству, уступкам и соглашениям, между классами и партиями развернулась ожесточенная борьба. Она шла по многим направлениям. На другой день после свержения царизма перед рабочими Петрограда встал вопрос о том, следует ли дальше продолжать всеобщую забастовку, возвестившую начало русской революции. Буржуазия стремилась возможно скорее направить в мирную колею жизнь столицы и в этих целях добиться возобновления работ на предприятиях. Она не могла добиться этого без поддержки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 3 марта Совет высказался за возобновление трамвайного движения, работы почты и телеграфа. Совет рабочих и солдатских депутатов отметил, что «остановка трамвайного движения не вызывается в настоящий момент крайней необходимостью и в то же время сопряжена со зна-

¹⁸⁹ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 4 марта 1917 г.

чительным неудобством для населения и затруднением передвижения необходимых предметов продовольствия»¹⁷⁰.

Совет предлагал населению Петрограда: 1) не препятствовать правильному движению трамвайных вагонов, 2) всячески облегчать трудную работу служащих трамвая, 3) аккуратно вносить проездную плату, 4) немедленно возвратит дежурным агентам служащие движения ручки для управления вагонов, захваченные жителями во время остановки трамвайного движения в дни остановки. Совет установил порядок пользования трамваем. Он объявил: «Нижние чины всех родов войск и чины городской милиции, едущие одиночным порядком, имеют право на бесплатный проезд в вагонах трамвая как на площадках, так и внутри вагонов»¹⁷¹. Районные советы и общественные организации призывали жителей соблюдать порядок при пользовании трамваем, соблюдать очередь, не перегружать вагонов и т. п. Возобновить трамвайное движение немедленно оказалось невозможным из-за снежных заносов. Трамваи пошли по улицам столицы только 7 марта. Вагоны приняли торжественный вид, были разукрашены флагами и лозунгами.

Возобновление трамвайного движения было осуществлено безболезненно, но вопрос о прекращении забастовки на предприятиях вызвал острую борьбу. Он имел большое значение для дальнейших судеб революции. Всеобщая политическая забастовка сыграла свою роль — она способствовала свержению царя и установлению демократических свобод. Но важнейшие социально-экономические вопросы, волновавшие рабочие массы, и прежде всего вопрос о восьмичасовом рабочем дне, оставались нерешенными. Обычно экономические забастовки перерастали в политические. Теперь в ходе политической забастовки выдвигались экономические требования, и многие рабочие предлагали продолжать ее, пока эти требования не будут удовлетворены.

Капиталисты не могли в дни революции применять такие испытанные средства борьбы против забастовок, как локаут, или через органы государственной власти отправить часть военно-обязанных рабочих на фронт. Теперь решение вопроса о забастовке всецело находилось в руках самого рабочего класса. Совет рабочих депутатов не использовал в должной мере это обстоятельство.

Исполнительный комитет Совета сначала склонялся к тому, чтобы возобновить работу на предприятиях, работавших на нужды войны, и продолжать забастовку в остальных. Большевики решительно выступили против такого разделения. На засе-

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Библиотека Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. листовок, инв. № 27939.

дании Петербургского комитета РСДРП 4 марта М. Хахарев, К. Орлов, Н. Подвойский и другие отмечали, что возобновление работ приведет к распылению сил, что, воспользовавшись прекращением забастовки, реакционное офицерство «разоружит солдат и тогда революции конец». М. Калинин, наоборот, считал необходимым призвать рабочих на работу, ввиду возможного материального истощения. Он говорил, что после продолжительной забастовки «нельзя будет рассчитывать на новый взрыв с их (рабочих. — Э. Б.) стороны революционного движения». В. Залежский говорил, что главное — сохранить революционный импульс в рабочем классе. «Если забастовка продолжительна или часто повторяется, революционный пульс исчезает»¹⁷².

В решении от 4 марта ПК РСДРП категорически высказался против разделения рабочих, работающих на военные нужды и выработывавших мирную продукцию. Он указал, что «момент временного прекращения забастовки должен определяться исключительно соображениями, обеспечивающими максимум сохранения и развития революционной пролетарской энергии». ПК не ответил на вопрос, наступил ли такой момент, но постановил, что в случае прекращения забастовки Совет рабочих и солдатских депутатов должен бдительно следить «за всеми тайными и явными шагами как свергнутого самодержавия, так и заменившего его Временного правительства в целях осведомления масс и быстрого решения вопросов о выступлениях»¹⁷³.

Вопрос об окончании забастовки стоял на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов 5 марта. Докладчик Н. Чхеидзе сказал: «Старый режим повержен в прах и теперь с завоеванием свободы рабочие должны закрепить занятые позиции путем прочной организации на местах. Хозяйство и производительность родины страшно подорваны преступным старым режимом, необходимо во имя свободы немедленно наладить жизнь путем начала работ. Если же враг задумает устроить попытку к возврату, то пролетариат опять, как один, выступит с требованием и протестом»¹⁷⁴. Н. Чхеидзе признавал, что пролетариат не может работать на прежних условиях: «Мы, встав на работу, сейчас же приступим к выработке тех условий, на которых будем работать»¹⁷⁵. Чхеидзе призывал быть начеку и по первому сигналу снова выйти на улицу. Но весь его доклад был пронизан другой, главной мыслью: «Наступило время мирной работы».

В прениях по докладу Н. Чхеидзе выступили пять рабочих

¹⁷² «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году», стр. 13.

¹⁷³ Там же, стр. 14.

¹⁷⁴ Архив Октябрьской революции Ленинградской области, ф. 1000, оп. 73, д. 7, л. 1.

¹⁷⁵ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 6 марта 1917 г.

и пять солдат, причем рабочие высказывались за продолжение забастовки, тогда как солдаты настаивали на ее прекращении. Из черновика протокола следует, что рабочие требовали продолжения забастовки, пока не будут удовлетворены их требования о введении восьмичасового рабочего дня, пересмотре состава администрации, улучшении условий труда. На этом заседании за возобновление работ высказался и член Исполнительного комитета Московского Совета рабочих депутатов мевьшевик Пумпянский. Он заявил, что московские рабочие пришли к выводу о необходимости возобновления работ, но ждут решения питерцев. «Подумайте серьезно о том, какие последствия имеет ваше решение... Мы завоевали сейчас свободу организации, политические права. Мы имеем теперь новые средства борьбы. Мы должны сейчас же, не теряя ни одной минуты, приступить к нашей организации... Уличное движение парализует силу профсоюзов. В первую очередь мы должны приступить к работе, чтобы иметь возможность отстаивать свои права». Поэтому Пумпянский призывал: «Во имя революции немедленно прекратить забастовку, направленную против царского режима. Собирайте свои силы, чтобы бороться за Учредительное собрание»¹⁷⁶.

Подавляющим большинством голосов (1170 против 30) Петроградский Совет принял решение о возобновлении работ. В нем говорилось: «Признавая, что первый решительный натиск вставшего народа на старый порядок увенчался успехом и в достаточной мере обеспечил позицию рабочего класса в его революционной борьбе, Совет рабочих и солдатских депутатов признает возможным ныне же приступить к возобновлению работ в Петроградском районе с тем, чтобы по первому сигналу вновь прекратить начатые работы. Возобновление работ в данный момент представляется желательным и ввиду того, что продолжение забастовок грозит в сильнейшей степени расстроить уже подорванные старым режимом хозяйственные силы страны»¹⁷⁷. Совет рабочих и солдатских депутатов призвал рабочих «к немедленному созданию и укреплению рабочих организаций всех видов, как опорных пунктов для дальнейшей революционной борьбы, за полную ликвидацию старого режима и за классовые идеалы пролетариата». Он признал необходимым одновременно с возобновлением работ приступить к разработке программы экономических требований рабочих к предпринимателям.

Постановление Совета о прекращении забастовки не соответствовало настроению рабочих. Оно не обсуждалось предварительно на предприятиях, в районных Советах, в рабочей секции

¹⁷⁶ Архив Октябрьской революции Ленинградской области, ф. 1000, оп. 73, д. 7, л. 6.

¹⁷⁷ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 6 марта 1917 г.

Петроградского Совета, принято было сверху, непосредственно на объединенном заседании Совета рабочих и солдатских депутатов. Встал вопрос, подчиниться ли этому решению? Рабочие некоторых предприятий ответили категорически «нет». В резолюции, принятой рабочими петроградского завода «Динамо», говорилось: «Не подчиняемся Совету рабочих и солдатских депутатов потому, во-первых, что не была оглашена резолюция против приступления к работе, во-вторых, учитывается, что революционная волна не захватила всей России. Другими словами говоря, старая власть еще не рухнула, а раз это так, — и победы над врагом нет, а посему о ликвидации забастовки не может быть и речи»¹⁷⁸.

Свое несогласие с решением Петроградского Совета о возобновлении работ высказал Организационный Комитет Совета рабочих депутатов Московского района Петрограда. На заседании 6 марта он постановил признать ошибочным постановление Совета рабочих и солдатских депутатов о возобновлении работ и немедленно же внести этот вопрос в Совет для пересмотра¹⁷⁹. Представители большевиков Выборгского района в выступлениях на заседании Петербургского комитета РСДРП высказывали недовольство постановлением Совета рабочих и солдатских депутатов по этому вопросу и заявляли, что подчиняются ему, чтобы избежать дезорганизации в рабочей среде¹⁸⁰.

Семитысячный коллектив завода «Новый Лесноер» постановил: «Вопрос о прекращении стачки является преждевременным, но, в целях координации и единения всех революционных сил страны, мы подчиняемся решению Совета рабочих и солдатских депутатов и заявляем, что по первому призыву представителей рабочих и солдатских депутатов мы кончаем работу для дальнейшей борьбы за основные лозунги пролетариата и крестьянства, за 8-ми часовой рабочий день, за демократическую республику и за конфискацию всех земель в пользу крестьян»¹⁸¹⁻¹⁸².

В единогласно принятом постановлении собрание рабочих шести заводов: «Эрлих», «Якорь», «Липин», «Вегман», «Аслер», «Борман» отметило, что борьба с царизмом еще не закончена и прекращать забастовку преждевременно. Но не желая вносить дезорганизацию в ряды демократии, они решили приступить к работам с тем, чтобы по первому вызову «быть готовыми выступить как один человек». Собрание рабочих этих заводов предложило Совету рабочих и солдатских депутатов оповестить весь

¹⁷⁸ «Революционное движение в России после свержения самодержавия». М., 1957, стр. 465—466.

¹⁷⁹ Архив Октябрьской революции Ленинградской области, ф. 7384, оп. 9, д. 293, л. 5.

¹⁸⁰ «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году», стр. 27.

¹⁸¹⁻¹⁸² «Правда», 9 марта 1917 г.

мир о перевороте в России, призвать все народы к единению и прекращению войны¹⁸³.

В срок, назначенный для возобновления работ, — 6 марта — далеко не на всех предприятиях Петрограда прекратилась забастовка. Рабочие многих заводов, приступившие к работе, предъявляли администрации экономические требования. Из 18 заводов Выборгского района, начавших работу, только два подчинились постановлению Совета рабочих и солдатских депутатов без оговорок, остальные предъявляли предпринимателям требования о введении восьмичасового рабочего дня и осуществлении других экономических требований¹⁸⁴. Такое же положение было и на предприятиях других районов в Петрограде. Об этом свидетельствуют сообщения с мест, сделанные 7 марта на заседании рабочей секции Петроградского Совета¹⁸⁵⁻¹⁸⁶.

Подводя итоги заслушанным сообщениям, председатель рабочей секции Совета меньшевик В. Богданов говорил о небывалой дезорганизации и необходимости организованно добиваться улучшения экономического положения рабочих. «В общем работать начали, кое-где не совсем, некоторые не стали работать. В Московском районе к нам полное недоверие»¹⁸⁷. Отметив, что рабочие ряда заводов и фабрик не выполнили постановления о прекращении забастовки, Рабочая секция Совета 7 марта постановила: «1) признать постановления Совета рабочих и солдатских депутатов обязательными для всего рабочего класса Петрограда, 2) подтвердить обязательность постановления Совета рабочих и солдатских депутатов о возобновлении работ на фабриках и заводах Петрограда, 3) вменить в обязанность Московскому району стать немедленно на работы»¹⁸⁸.

Однако и вторичного постановления Совета о прекращении забастовки оказалось недостаточным для возобновления работ на всех предприятиях Петрограда. Рабочие некоторых заводов и фабрик не соглашались стать на работу, пока их требования не будут удовлетворены. Были и такие предприятия, на которых работы, едва возобновившись, прекращались снова. Новая волна забастовок была вызвана отказом администрации согласиться на осуществление экономических требований рабочих или отказом оплатить рабочим дни революционной стачки. Тщетно меньшевистская «Рабочая газета» убеждала рабочих, что политическая

¹⁸³ «Рабочее движение в 1917 году». М.—Л., 1926, стр. 32.

¹⁸⁴ «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году», стр. 27.

¹⁸⁵⁻¹⁸⁶ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 10 марта 1917 г.

¹⁸⁷ Ф. Матвеев. Из записной книжки депутата 176 пехотного полка. Л., 1932, стр. 25.

¹⁸⁸ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 10 марта 1917 г.

цель забастовки достигнута и ее продолжение усиливает хозяйственную дезорганизацию страны. Рабочие ряда заводов продолжали бастовать, выдвигая свои насущные экономические требования.

На собрании рабочих депутатов Петроградской стороны, состоявшемся 8 марта, мало кто из представителей с мест сообщал, что рабочие приступили к работе в назначенный срок и на старых условиях. Собрание рабочих депутатов Петроградской стороны отметило, что решение Совета рабочих и солдатских депутатов о возобновлении работ встретило сильное сопротивление и проводится в жизнь очень недружно, что прекращение забастовки в большинстве предприятий района сопровождается введением явочным порядком восьмичасового рабочего дня. Собрание рабочих депутатов Петроградской стороны указывало на несозрелость решения Петроградского Совета, на игнорирование им настроения широких пролетарских масс, на плохую организованность его работы. Собрание предложило Совету: «1) впредь принимать такие решения только после более серьезного и всестороннего обсуждения их и учета настроений на местах; 2) реорганизовать возможно скорее Совет р. и с. д. и его Исполнительный комитет; 3) безотлагательно выработать и провести в жизнь радикальные реформы в экономической области»¹⁸⁹.

Петерские рабочие возвращались к станкам не для того, чтобы надеть на себя ярмо прежней капиталистической эксплуатации; они проливали кровь на улицах столицы, чтобы добиться лучшей жизни. После свержения самодержавия борьба между трудом и капиталом развернулась с новой силой. Совет рабочих и солдатских депутатов стремился ограничить эту борьбу, введя ее в определенные рамки. Исполнительный комитет Совета указывал, что рабочим нужно добиваться осуществления своих требований с помощью заводских и районных комитетов, профессиональных союзов и Совета. Призывая прекратить забастовку, Исполнительный комитет Совета сообщал, что особой комиссии поручено «разработать перечень общих экономических требований, кои будут предъявлены фабрикантам и правительству от имени рабочего класса». Отмечая, что некоторые предприниматели в ответ на требования рабочих закрывают предприятия и выбрасывают рабочих на улицу, Исполнительный комитет Совета предупреждал, что в случае подобных недозволенных действий капиталистов «Совету придется поставить перед рабочим классом, перед городскими общественными управлениями и перед Временным правительством вопрос о муниципализации подобных предприятий или передаче их в управление рабочим коллективам»¹⁹⁰.

¹⁸⁹ «Революционное движение после свержения самодержавия», стр. 231.

¹⁹⁰ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 9 марта 1917 г.

Главным требованием рабочего класса было требование установления 8-часового рабочего дня. 7 марта 1917 г. это требование обсуждал Петербургский комитет большевиков. Докладчик М. Хухарев предлагал обратиться по вопросу о введении 8-часового рабочего дня в Совет рабочих и солдатских депутатов и настаивать на проведении его путем декрета. Он предлагал также «признать необходимым, чтобы районы вели агитацию на местах — на фабриках и заводах, — и непосредственно через своих депутатов обратились в СР и СД с аналогичными требованиями, дабы давление в этом смысле было оказано на ИК СР и СД районами»¹⁹¹. На заседании было зачитано решение Выборгского районного комитета, предлагавшего осуществить 8-часовой рабочий день явочным порядком и одновременно настаивать перед Советом рабочих и солдатских депутатов на законодательном проведении этой меры. Представители Василеостровского, Колпинского и других районов также настаивали на проведении 8-часового рабочего дня. Петербургский комитет РСДРП на заседании 7 марта принял постановление, в котором предложил Исполнительному комитету Совета «немедленно ввести декретом 8-часовой рабочий день во всех областях наемного труда»¹⁹².

Руководители Совета не решились на такую меру: боязнь отпугнуть буржуазию от революции сковывала их действия. Большевистская «Рабочая газета» доказывала, что выходить за рамки политической революции и браться за коренное решение социально-экономических задач крайне опасно: «Наша революция — политическая революция. Мы разрушаем бастионы политического самовластия, но устои капитализма остаются на месте». «Рабочая газета» утверждала, что борьба на два фронта — с царской реакцией и капиталистами — не под силу пролетариату. «Перчатку, которую бросают нам теперь капиталисты, мы не поднимем. Экономическую борьбу мы начнем тогда, когда и как мы найдем это нужным»¹⁹³. Большевистская газета допускала возможность установления 8-часового рабочего дня в отдельных отраслях промышленности, возражая против его введения «всюду захватным путем, по всей линии». «Это значило, — писала она, — не закончив одной революции, броситься без подготовки сил в другую»¹⁹⁴.

Подобные предостережения находили сочувственный отклик среди части петроградских рабочих. Но большинство пролетариев столицы боролись за то, чтобы некоторые социально-экономические мероприятия и прежде всего 8-часовой рабочий день были осуществлены немедленно. Рабочие Ижорского, Франко-русского,

¹⁹¹ «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году», стр. 26.

¹⁹² Там же, стр. 27—28.

¹⁹³ «Рабочая газета», 7 марта 1917 г.

¹⁹⁴ Там же, 10 марта 1917 г.

Невского судостроительного и других заводов, не дожидаясь декрета правительства или постановления Совета, явочным порядком ввели 8-часовой рабочий день. Так поступили и рабочие некоторых мелких предприятий. 250 рабочих деревообделочного и механического завода торгового дома «Хлебников и другие» постановили: приступить к работе 8 марта, ввести 8-часовой рабочий день, уволить с завода управляющего и мастера, вместо них избрать других¹⁹⁵.

Фабрикантам и заводчикам не удалось сохранить старые порядки на предприятиях, 8-часовой рабочий день и другие социально-экономические мероприятия уже начали осуществляться явочным порядком. Тогда петроградское Общество фабрикантов и заводчиков обратилось за помощью к Совету рабочих и солдатских депутатов. 9 марта Исполнительный комитет Совета обсуждал заявление этого общества «о желании войти в некоторые отношения с Советом Р и СД в связи с возникающими конфликтами с рабочими». Он образовал на этом заседании специальный Отдел труда, предложив ему разработать вопрос о создании примирительных камер для улаживания конфликтов между рабочими и предпринимателями. Отдел труда вступил в переговоры с Обществом фабрикантов и заводчиков, чтобы совместными усилиями ввести рабочих в мирное русло. Его делегаты К. Гвоздев и Г. Панков выступили на заседании Временного комитета Общества фабрикантов и заводчиков, состоявшемся 10 марта. Гвоздев и Панков заявили, что Совет рабочих и солдатских депутатов «понимает всю серьезность положения и крайне озабочен возможно скорейшим восстановлением хода работ, но он лишен возможности влиять на рабочие массы путем одних только воззваний, не будучи в состоянии сослаться на те или иные конкретные результаты совершившегося переворота, кои принесли бы этим рабочим массам то или иное облегчение по сравнению с их прежним тяжелым и бесправным положением».

Представители Совета доказывали фабрикантам и заводчикам, что на основе соглашения между рабочими и капиталистами нужно осуществить «реформы заводской жизни», и уверяли, что Совет не допустит при их проведении никакого насилия. Они предлагали Обществу фабрикантов и заводчиков договориться по самому главному вопросу — введению 8-часового рабочего дня, заявив, что это «сразу произвело бы успокаивающее впечатление на рабочие массы и дало бы возможность Совету рабочих и солдатских депутатов, опираясь на этот конкретный факт, разрешить все прочие вопросы в менее спешном порядке и в процессе нормальной заводской жизни»¹⁹⁶.

¹⁹⁵ ЦГИА СССР, ф. 27, оп. 1, д. 194, л. 4.

¹⁹⁶ П. Волобуев. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964, стр. 107.

Фабриканты и заводчики согласились с тем, что иных средств для успокоения рабочих не имеется. Они вынуждены были сделать серьезную уступку пролетариату. Между Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов и петроградским Обществом фабрикантов и заводчиков было заключено соглашение «О введении на фабриках и заводах 8-часового рабочего дня, фабрично-заводских комитетов и примирительных камер». Оно было опубликовано 11 марта в газете «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов» под крупным заголовком «Великая победа рабочего класса». Соглашение устанавливало, что впредь до издания закона о нормировании рабочего дня на всех фабриках и заводах вводится 8-часовой рабочий день во всех сменах, накануне воскресных дней работа производится в течение 7 часов, при этом сокращение рабочего дня не должно влиять на размеры заработка рабочих, а сверхурочные работы допускаются с согласия фабрично-заводских комитетов.

В соглашении указывалось, что на всех заводах и фабриках учреждаются фабрично-заводские комитеты, которые избираются из числа рабочих данного предприятия на основе всеобщего, равного и т. д. избирательного права и имеют своими задачами представлять рабочих данного предприятия в их сношениях с правительственными и общественными учреждениями, формулировать мнения по вопросам общественно-экономической жизни рабочих предприятия, разрешать вопросы, касающиеся отношений между самими рабочими, представлять рабочих при решении вопросов, касающихся их отношений с владельцами и администрацией предприятий. Для разрешения недоразумений, возникающих между владельцами предприятий и администрацией, с одной стороны, и рабочими — с другой, на всех заводах и фабриках учреждались примирительные камеры. Они должны были состоять из равного числа выборных представителей от рабочих и администрации предприятия, а в случае, если заводские и фабричные примирительные камеры не достигнут соглашения, спорный вопрос переносился в Центральную примирительную камеру, составленную из равного числа представителей от Совета рабочих депутатов и Общества фабрикантов и заводчиков. Удаление мастеров или лиц администрации без разбора дела в примирительной камере, а тем более их насильственное удаление (самосуд) признавалось недопустимым.

Установление 8-часового рабочего дня было важным завоеванием рабочего класса, осуществлением его давней мечты, претворением в жизнь одного из пунктов программы-минимум РСДРП. Эта мера была распространена также на заводы военного и морского ведомств и на предприятия городского самоуправления. Исполнительный комитет Петроградского Совета предложил правительству издать указ о 8-часовом рабочем дне для всей России, для всех отраслей труда. Такой указ не был издан. И все-таки

победа была одержана большая. 12 марта в статье «Первый шаг» газета «Правда» писала: «Редакция „Правды“ приветствует петербургских рабочих, а вместе с ними Совет рабочих и солдатских депутатов, завоевавших в революционной борьбе 8-часовой рабочий день... Мы присоединяемся к требованию Совета рабочих и солдатских депутатов о немедленном введении 8-часового рабочего дня по всей России, во всех отраслях труда». Газета подчеркивала, что РСДРП всегда имела на своем знамени и в своей программе это требование и боролась и за политические и за экономические преобразования. «Российская революция велика тем, что она осуществляет не только политические требования пролетариата и крестьянства, но также и великие требования экономической жизни: 8-часовой рабочий день, а затем потребует передачи помещичьей земли в руки освобожденного народа».

Революция должна была удовлетворить насущные интересы не только рабочих, но и солдат. Это нельзя было сделать в рамках прежней военной организации. Между тем буржуазия стремилась сохранить эту организацию и после свержения царизма. Она хотела возможно быстрее подчинить себе вооруженные силы, чтобы стать хозяином положения, установить свое единовластие. Еще войска и на фронте и в тылу находились в полном неведении о том, что произошло в столице, а Комитет Государственной думы уже намеревался привести их к присяге создаваемому Временному правительству. В разговоре с Лукомским утром 3 марта Родзянко сообщил: «Завтра передам вам по прямому проводу на усмотрение генерала Алексеева текст присяги для войск, которую соблаговолите привести в исполнение»¹⁹⁷. Но председатель Государственной думы слишком торопился. Вопрос о том, кому присягнуть, не был тогда еще ясен и его предложение не получило осуществления.

Не удалось буржуазии и другое мероприятие, направленное на то, чтобы вернуть войска в русло дореволюционной жизни и продемонстрировать их сплочение вокруг буржуазного правительства. Военные власти Петрограда назначили на 4 марта парад войск столичного гарнизона, который должны были принимать члены Временного правительства. Но в петроградском гарнизоне в эти дни все находилось в брожении, солдаты устанавливали новые порядки в войсках и им было не до парадов в честь Временного правительства, — ненавистные царские парады еще были слишком свежи в их памяти. 3 марта штаб Петроградского военного округа созвал представителей воинских частей для обсуждения вопроса о предстоящем параде. Исполнявший обязанности главнокомандующего округом генерал Анохин сообщал, что необходимо вывести революционные войска на парад, чтобы они представились новой власти. Но это заявление вызвало решитель-

¹⁹⁷ «Красный архив», 1927, № 3 (22), стр. 40.

ные возражения. Некоторые солдаты и офицеры говорили, что это старорежимная затея. Один из присутствующих сказал: «Мы сделали революцию, мы и организовались, и наш старший орган это — Совет. Говорили ли вы с ним, я не знаю, но зато мне известно, что Совет против всяких контрреволюционных и старорежимных парадов»¹⁹⁸.

Совет рабочих и солдатских депутатов обсуждал вопрос о параде на заседании 3 марта. Однако он не вынес определенного решения, как это было сообщено на совещании в Штабе Округа. Совет отказался от вмешательства в действия военных властей. Он постановил: «Ввиду того, что распоряжение военного министра А. И. Гучкова о назначении парада является приказом по гарнизону, а так как, с другой стороны, Совет признал необходимость воинской дисциплины, приказание это в Совете рабочих и солдатских депутатов не обсуждать»¹⁹⁹. Несмотря на такой «нейтралитет» Совета, военные власти не смогли добиться выполнения своего приказа. Солдатские массы были настроены против их затеи. Признавая своим руководителем Совет рабочих и солдатских депутатов, они не желали «представляться» буржуазному правительству. Оказалось, что проводить смотр войск без участия Совета невозможно: парад был сорван.

В солдатской массе только Совет пользовался непререкаемым авторитетом. Солдаты поддерживали Совет, верили его призывам, разделяли его программу. Солдатские комитеты наблюдали за тем, чтобы на митингах в казармах не выступали ораторы, не согласные с линией Совета. «Членам ротных или командных комитетов разрешалось в любой момент прервать речь оратора, если она противоречит программе Совета»²⁰⁰. Комитет запасного батальона Московского полка 9 марта постановил, «чтобы снаряды и все необходимое армии отправлялось на фронт с ведома Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, под его контролем и так, чтобы это не вредило революционной армии».

Буржуазные лидеры и военное начальство были возмущены Приказом № 1, но они не имели возможности отменить его²⁰¹.

¹⁹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1248, оп. 1, д. 25, л. 8.

¹⁹⁹ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 5 марта 1917 г.

²⁰⁰ ЦГВИА, ф. 11, д. 3883, л. 1.

²⁰¹ На отмене Приказа № 1 наставляли кадеты. Видимо, Керенский и Чхеидзе обещали им отмежеваться от этого приказа. 4 марта Центральный комитет кадетской партии постановил отпечатать и распространить заявление Керенского и Чхеидзе, опровергающее Приказ № 1 (А. С. Изгоев. Социалисты во второй русской революции. Пг., 1917, стр. 12). Но Исполнительный комитет Совета, видимо, не был согласен с Керенским и Чхеидзе, и заявление Керенского и Чхеидзе обнаружено не было.

Руководители думского Комитета убеждали представителей Совета, что этот приказ наносит вред армии и его надо отменить. Под давлением военных властей и буржуазных организаций Исполнительный комитет Петроградского Совета неоднократно обсуждал вопрос об этом приказе. Вот выдержки из его решений по этому вопросу. 3 марта: «Ввиду возникших недоразумений в связи с Приказом № 1 по Петроградскому гарнизону поручено Военной комиссии разъяснить этот приказ». 4 марта: «На состоявшемся совместном заседании представителей офицерского корпуса и Исполнительного комитета после обмена мнений решено принять меры к регулированию отношений между офицерами и солдатами на основах, изложенных в Приказе № 1. Приказ этот разъяснить в целях уничтожения возникших на этой почве недоразумений». 6 марта: «Ввиду того, что Приказ № 1 вызвал ряд недоразумений и кривотолков, постановляется издать Приказ № 2 по всем гарнизонам, разъясняющий смысл Приказа № 1 и подтверждающий основные положения Приказа № 1. Приказ этот издать за подписью Исполнительного комитета и военного министра»²⁰².

Таким образом, Исполком Совета, подтверждая основные положения Приказа № 1, хотел совместно с военным министром разъяснить его, устранив «недоразумения и кривотолки». Но последний был решительным противником Приказа № 1. А. Гучков вообще не был намерен подписывать приказы совместно с Советом и избегал сотрудничества с ним. 6 марта Исполнительный комитет Совета обсуждал вопрос «О военном министре Гучкове». Выяснилось, что «военный министр всячески уклоняется от прямых сношений с Исполнительным комитетом и, по-видимому, не склонен подчиняться решениям Совета рабочих и солдатских депутатов». Было решено направить к военному министру делегацию для переговоров об издании Приказа № 2. Делегация должна была выдвинуть перед Гучковым ряд новых положений, вытекавших из Приказа № 1: «настаивать на необходимости выборного начала офицерского состава, создания третейского суда в составе двух солдат и двух офицеров и пятого по выбору сторон. Третейский суд должен будет регулировать отношения между офицерами и солдатами. Кроме того, делегации поручается настаивать на отмене гвардии, установлении штатской формы вне службы, отмене отдания чести и прочем, соответствующем принципам, изложенным в Приказе № 1. О результатах переговоров делегация должна доложить Исполнительному комитету для окончательного решения вопроса о Приказе № 2»²⁰³.

К военному министру отправилась делегация Исполкома

²⁰² «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы Исполнительного комитета», стр. 10, 11, 16.

²⁰³ Там же, стр. 17.

Совета в составе: М. Скобелева, Н. Соколова, К. Гвоздева, Ю. Стеклова, Кудрявцева и одного офицера. Докладывая о результатах своих переговоров, делегация сообщила, что Гучков согласился издать приказ по фронту, предварительно представив его Исполнительному комитету, и дать свою подпись под телеграммой на фронт²⁰⁴.

Из этого сообщения неясно, согласился ли он подписать новый приказ по петроградскому гарнизону. Во всяком случае Приказ № 2 от 7 марта 1917 г. был подписан одним только Исполнительным комитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Приказ № 2 указывал, что солдатские комитеты создаются не для того, чтобы избирать офицеров. «Комитеты эти должны быть избраны для того, чтобы солдаты Петроградского гарнизона были организованы и могли через представителей комитетов участвовать в общеполитической жизни страны и, в частности, заявлять Совету рабочих и солдатских депутатов о своих взглядах на необходимость принятия тех или иных мероприятий. Комитеты должны также ведать общественные нужды каждой роты или другой части»²⁰⁵. В Приказе № 2 сообщалось, что вопрос о выборности командного состава передан на рассмотрение специальной комиссии, но все уже произведенные выборы офицеров объявлялись в силе. Признавалось, что, впредь до разрешения вопроса о выборности командного состава, комитеты отдельных частей имеют право возражать против назначения того или другого офицера, направляя эти возражения в Исполнительный комитет Совета, откуда они будут представляться в Военную комиссию. Приказ № 2 подтверждал, что солдаты в своей общественной и политической жизни подчиняются Совету, а в отношении военной службы — военным властям. Напоминая, что Временное правительство приняло обязательство не разоружать петроградский гарнизон, приказ предлагал ротным и батальонным комитетам — «наблюдать за тем, чтобы оружие петроградских солдат у них не отбиралось».

Но история с приказами на этом не закончилась. Солдаты волновались, полагая, что Приказ № 2 ограничивает или даже отменяет Приказ № 1. Военные власти настаивали на отмене обоих приказов. С новым протестом против приказов Совета выступил Центральный комитет кадетской партии. Потребовались новые разъяснения и уточнения. Так появился новый документ, который иногда называют Приказом № 3 и который на самом деле является воззванием к войскам фронта. Это воззвание было подписано товарищем председателя Исполкома Совета М. Скобелевым и председателем Военной комиссии думы генерал-майором

²⁰⁴ Там же, стр. 20—21.

²⁰⁵ «День», 7 марта 1917 г.

Потаповым, смевшим на этом посту А. Гучкова. Воззвание отмечало решительную победу народа над старым режимом, указывало на необходимость наладить отношения между солдатами и офицерами, признавшими новый строй, и призывало последних «проявлять в своих служебных и неслужебных отношениях уважение к личности солдата-гражданина». Оно сообщало, что приказы № 1 и 2 относятся только к войскам Петроградского военного округа, а новые правила отношений между солдатами и офицерами на фронте будут выработаны военным министром в согласии с Исполнительным комитетом Совета. Воззвание заканчивалось словами: «Настоящее воззвание составлено по соглашению с военным министром А. Гучковым»²⁰⁶.

Буржуазная власть рассчитывала прибрать к своим рукам гарнизон столицы с помощью нового главнокомандующего войсками Петроградского военного округа Л. Корнилова. Он прибыл в Петроград 5 марта. Новому главнокомандующему были даны неограниченные полномочия, в частности, он получил право собственной властью смещать офицеров, в том числе и самых высших, и заменять их новыми людьми; в его распоряжение были отпущены большие средства для ведения пропаганды в частях. Но новый главнокомандующий Петроградским военным округом в обстановке продолжавшейся революционной борьбы не мог подобно своим предшественникам проявить всю полноту власти. Он вынужден был считаться с Военной комиссией и особенно с Советом рабочих и солдатских депутатов и временно смириться с ограничением своих функций. 10 марта член Военной комиссии Пальчинский сообщил Исполнительному комитету Совета, что «Корнилов желает сохранить контакт с Исполнительным комитетом и с Военной комиссией. Он предложил приказами по округу утверждать лиц, одобренных к занятию должностей Военной комиссией. Корнилов сообщил, что лиц не избранных устраняет от службы, если причиной послужили враждебные отношения к революции, будет одобрять все указания относительно передвижения войск и т. д.». Пальчинский полагал, что «генерал Корнилов вполне усвоил положение дел и может быть оставлен командующим войсками округа»²⁰⁷.

Несмотря на уверения Пальчинского, члены Исполкома Совета отнеслись к Корнилову с недоверием. На том же заседании Исполкома, при обсуждении вопроса о переговорах с Корниловым, было указано, что необходимо «быть с ним осторожным, что он генерал старой закваски, который хочет закончить революцию». Один из членов Исполкома (в протоколе не указано, кто

²⁰⁶ «Рабочая газета», 9 марта 1917 г. Начав свою министерскую деятельность с несогласия с Приказом № 1, Гучков вынужден был признать его действие для войск Петроградского военного округа.

²⁰⁷ «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы Исполнительного комитета», стр. 34—35.

именно) советовал занять нейтральную позицию в вопросе об укреплении авторитета Корнилова. М. Скобелев предлагал сообщить Корнилову об имеющихся по поводу него сомнениях²⁰⁸. Но дальше таких заявлений дело не пошло. Корнилов остался на своем посту. Чтобы подчинить своей власти войска Петроградского военного округа, он объявил себя сторонником революции и установил контакт с Советом рабочих и солдатских депутатов. Но формальный контакт не мог устранить фактических столкновений.

Ни действия Гучкова, ни деятельность Корнилова, как и других министров и командующих, не могли изменить сложившегося соотношения сил и создать в Петрограде прочную военную опору буржуазной власти. Выясняя причину этого, А. Гучков сетовал на слабость и неопытность командного состава гарнизона, на его неспособность установить твердую дисциплину среди солдат. Вместе с тем он признавал, что созданию верной Временному правительству вооруженной силы препятствовало обязательство самого правительства о невыводе из Петрограда частей, участвовавших в революции²⁰⁹. Это признание показывает, насколько дальновидным было это требование рабочих и солдат для закрепления и развития победы, одержанной ими в февральские дни 1917 г.

Призывы буржуазии к порядку и спокойствию повисали в воздухе — оружие было в руках рабочих и солдат. Наличие Совета рабочих и солдатских депутатов, опиравшегося на вооруженный народ, открывало перспективы для дальнейшего развития революции.

* * *

Буржуазные историки и публицисты обычно отмечают, что Февральская революция 1917 г. в России была бескровной, жертв было немного. Эта революция была бескровной для буржуазии, но трудящиеся России на протяжении многих десятилетий несли тяжелые жертвы в борьбе с самодержавием и в последние дни его существования полили своей кровью улицы столицы, чтобы завоевать свободу.

В борьбе против царизма рабочие и солдаты Петрограда проявили героизм и самоотверженность. Они мужественно дрались против полиции и верных царизму войск на улицах столицы. Убитых и раненых в дни революции в Петрограде насчитывалось около 2000 человек. Характерен их состав. Из 1224 убитых и раненых, учтенных петроградским градоначальством, было 585 солдат, 315 рабочих, 106 служащих, остальные — студенты, уча-

²⁰⁸ Там же, стр. 36.

²⁰⁹ «Последние новости», 20 сентября 1936 г.

щися, лица неизвестных профессий²¹⁰. Смертью храбрых пал член Петербургского комитета РСРДП рабочий Петр Коряков. Ему было всего 20 лет, когда в 1912 г., приехав в Петроград, он вступил в партию. П. Коряков работал затем в Екатеринославе, бежав из-под ареста, снова появился в столице. Весь день 27 февраля он боролся на улицах города, участвовал в стычках с полицией и погиб в одной из них.

Трудящиеся столицы решили достойно похоронить борцов, павших за свободу. Инициативу организация похорон взял на себя Совет рабочих и солдатских депутатов. В протоколе заседания Совета от 5 марта 1917 г. говорилось: «Ряд ораторов произнес прочувствованные речи, посвященные героям восстания против тирании. Решено устроить 10 марта похороны жертв революции. Местом погребения их избрана Дворцовая площадь, как то место, где пали жертвы 9 января 1905 года, как символ крушения того места, где сидела гидра Романовых»²¹¹. Совет решил превратить день похорон в день воспоминаний о жертвах царизма. Впоследствии выяснилось, что организация похорон и демонстрации требует более длительной подготовки, и день похорон был перенесен на 23 марта. Изменено было и место погребения; вместо Дворцовой площади — Марсово поле.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов создал Комиссию по организации похорон. Развернулась большая подготовка к проведению похорон и первой свободной демонстрации в столице России. Еще жива была память о Ходынке, когда по трупам задавленных на ней людей взошел на престол последний русский царь — Николай II. Победившие рабочие и солдаты не хотели допустить, чтобы свержение царизма и похороны его последних жертв были ознаменованы новой Ходынкой. В воззвании Комиссии по организации похорон к гражданам Петрограда говорилось: «23-го марта наш город, первый поднявший знамя Великой революции, преаает земле труны славной и вечной памяти борцов за свободу. . . И пусть не омрачится этот день всенародного чествования борцов за свободу ни одной жертвой, которая могла бы быть вследствие больших скоплений граждан, участвующих в торжестве похорон. К гражданскому чувству каждого обращаемся мы с горячим призывом о всемерном содействии к поддержанию порядка в процессиях и предотвращению ненужных и недостойных нас эксцессов»²¹².

²¹⁰ «Биржевые ведомости», 13 марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов выдавал пособие раненым и семьям убитых в дни революции. Из 218 пострадавших была оказана помощь 90 рабочим, 91 солдату, 10 матросам и 27 лицам разных профессий (ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 922, л. 13).

²¹¹ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 6 марта 1917 г.

²¹² Государственный музей Великой Октябрьской Социалистической революции (Ленинград), ф. листовок, кав. № 832.

23 марта 1917 г. трудящиеся Петрограда хоронили павших борцов революции. По улицам Петрограда прошло многолюдное народное шествие. В нем участвовал миллион человек. Это была первая свободная, самим народом организованная демонстрация в столице России. «В этом парадном шествии сотен тысяч людей, — писал Максим Горький, — впервые и почти осязательно чувствовалось, — да, русский народ совершил революцию, он воскрес из мертвых и ныне приобщается к великому делу мира, — строению новых и все более свободных форм жизни»²¹³.

Похороны борцов революции прошли в полном порядке. Из больниц выносили красные гробы, покрытые живыми цветами, за ними шли трудящиеся Петрограда, раздавались звуки «Марсельезы» и похоронного марша, колыхались красные знамена с надписями: «Безумству храбрых поем мы славу», «Смерть вапа зажгла великий факел свободы», «Поклянемся быть достойными тех, кто пал за свободу». Люди шли к Марсову полю. Там в братскую могилу были опущены гробы с телами погибших. Орудия Петропавловской крепости произвели салют. Последние колонны шли в сумерках с факелами, отдавая последний долг жертвам царизма. Раздавались призывы к дальнейшей борьбе. На многих знаменах был начертан лозунг: «Да здравствует демократическая республика».

Перед нами списки погребенных на Марсовом поле, составленные похоронной комиссией: четыре могилы по 46 человек, всего 184 человека. Среди них встречаются лица, оставшиеся неизвестными. Но фамилии и занятия подавляющего большинства из них установлены точно: это рабочие, солдаты, матросы. В эти дни даже буржуазные деятели вынуждены были признать заслуги рабочих в борьбе за свободу. На состоявшемся тогда съезде кадетской партии П. Милюков произнес «горячую речь в похвалу левых, революционного народа и революционной армии». «Мы должны, — сказал он, — низко поклониться тем, чьи красные гробы мы видели на дне глубокой ямы на Марсовом поле...»²¹⁴ На том же съезде другой лидер кадетов М. Винавер заявил: «Мы можем говорить о подвиге петроградского гарнизона только с чувством благородного упоминания». Газета «Биржевые ведомости» 23 марта отмечала: «Рабочие первые поставили свою незащищенную грудь протопоповским пулеметам, и солдаты, перешедшие на сторону права и свободы. Они начали. Вот их заслуга».

Большевистская «Правда» писала в день похорон о значении победившей революции: «Сегодня взоры бесправных, обездоленных всего мира обращены на Россию, на тот город, где геройская решимость рабочих и бесправного русского крестьянства сбросила иго царского самодержавия... Рядом с песнями скорби по пав-

²¹³ «Летопись», 1917, № 2-4, стр. 308.

²¹⁴ «Речь», 28 марта 1917 г.

шим борцам за свободу к весеннему небу поднимутся голоса многомиллионного ликующего хора, воспевающего торжество революции». «Правда» писала о торжестве идей научного социализма, давшего возможность русским социалистам определить неизбежность и близость революции и повести пролетариат по верному пути. «Не лозунг классового мира во время грабительской захватной войны капиталистических держав, а лозунг классовой гражданской войны привел Россию к великой революции».

На скромном памятнике, воздвигнутом освобожденным народом на Марсовом поле, начертано: «По воле тиранов друг друга терзали народы. Ты встал, трудовой Петербург, и первый начал войну угнетенных против всех угнетателей». Русская революция явилась началом этой справедливой войны. Она была подготовлена всем ходом социально-экономического развития страны, ее ждали массы народа, за ее торжество самоотверженно боролись революционеры нескольких поколений. Царизм хотел задушить революцию с помощью частичных реформ и кровавых репрессий, и последний русский царь остался в памяти народа как Николай Кровавый. Но ни репрессии, ни реформы не достигали цели. Глубокие объективные процессы подрывали устой самодержавия и делали революцию неизбежной. На смену павшим приходили новые борцы и борьба продолжалась с новой силой.

Главную роль в победе второй русской революции сыграл пролетариат Петрограда. Рабочие Питера были инициаторами и вдохновителями восстания против царизма. Они первыми выступили на борьбу и, увлекая за собой солдатскую массу, сумели добиться победы. «Революция, — писал В. И. Ленин, — решена петроградскими рабочими. . . Петроград разбудил Россию. Петроград освободил ее. Великое дело петроградских рабочих»²¹⁵.

Одержав победу в столице, питерский пролетариат подорвал основы царской власти во всей стране. За Петроградом на революционную борьбу поднялись Москва, провинция, фронт. Революция победила во всей России.

Свергнув царизм, рабочие и крестьяне России под руководством большевиков повели революцию дальше, к социалистическому этапу.

²¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 458.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава первая</i>	
Революционный кризис	8
От первой ко второй революции	8
Россия в годы войны	13
Массовое движение. Политика буржуазии	26
Обострение кризиса	56
Кавун революции	81
<i>Глава вторая</i>	
Начало восстания	94
От стачек к восстанию	94
Первый день	118
Революция ширится и углубляется	139
<i>Глава третья</i>	
Решающее сражение.	170
Кровавое воскресенье	170
Двадцать седьмое февраля	183
Рождение Совета	207
Маневры буржуазии	226
<i>Глава четвертая</i>	
Вторая волна революции	242
Добить паризм!	242
Совет рабочих депутатов и Временный комитет Государственной думы	263
Борьба против буржуазной власти	281
<i>Глава пятая</i>	
Двоевластие	308
Образование Временного правительства	308
Отречение царя	334
Деятельность Совета	362
В Петрограде после свержения паризма	380

Эдуард Николаевич Бурджалов

Вторая русская революция

*Утверждено к печати
Научным Советом по комплексной проблеме
«История Великой Октябрьской социалистической
революции»*

Редактор издательства *Е. В. Золбе*
Художник *С. И. Сергеев*
Технический редактор *И. Ф. Егорова*

Сдано в набор 10/Х 1966 г. Подписано к печати
6/II 1967 г. Формат 60 × 90^{1/16}. Усл. печ. л. 25,5.
Уч.-изд. л. 27. Тираж 5700. Изд. № 1314.
Тип. зак. 1264. Т-01198.
Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я тип. изд. «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
219	6 св.	Н. Громан,	В. Громан,
300	7 св.	они	авторы тома
309	24 св.	брата!»	отца!»
309	21 св.	брат	отец
321	6 св.	демократической	социал-демократической
353	16 св.	самодержавия	царя
383	10 св.	полезным	полезными

МИЛИЦІЯ
СОВѢТ. РАБОЧ.
ДЕПУТАТОВЪ.

